антология криминалистики

В. Я. Колдин

СУДЕБНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

антология криминалистики

В. Я. Колдин
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

СУДЕБНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Учебное пособие для гг. судей, следователей, прокуроров, лиц, производящих дознание, защитников, экспертов, специалистов, студентов и аспирантов

Москва
«ЛексЭст»
2002

УДК 343.14
ББК 67.411
К601

Научный редактор серии - доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Крылов.

Колдин В.Я.
К601 Судебная идентификация. - М.: ЛексЭст, 2002. - 528 с.

ISBN 5-901638-10-7

Проблема идентификации живых лиц, материальных объектов и комплексов относится к числу ключевых при отправлении правосудия. Она актуальна не только при поиске преступников, но и в других случаях - для установления подлинности документов, факта родственных отношений, механизмов причинения вреда, причинных связей и др. юридических фактов. Формат книги предполагает легкий поиск специальных терминов и иной относящейся к теме информации. Имеется подробная библиография, отражающая становление и развитие теории идентификации. Книга предназначена для лиц, обучающихся юридическим специальностям, и практикующим юристам. Может оказаться полезной широкому кругу читателей.

Допущено Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 "Юриспруденция"

Рекомендовано Учебно-методическим Советом по юридическому образованию УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 "Юриспруденция"

УДК 343.14
ББК 67.411

ISBN 5-901638-10-7

© В.Я. Колдин, 2002
© ЗАО «ЛексЭст», 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

I. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

1.1. Основные понятия и принципы криминалистической идентификации

1.1.1. Задачи и место криминалистической идентификации в расследовании

1.1.2. Научные основы и структура криминалистической идентификации

1.1.3. Виды криминалистической идентификации

1.1.4. Процессуальные формы, субъекты криминалистической идентификации, их компетенция и взаимодействие

1.2. Общая концепция криминалистической идентификации

1.2.1. Концепция криминалистической идентификации как универсального метода криминалистического исследования

1.2.2. Концепция криминалистической идентификации как метода процессуального доказывания тождества

1.2.3. Концепция криминалистической идентификации как элементарного акта отождествления, реализуемого в составе специальной методики доказывания

1.3. Понятия объекта отождествления и предмета доказывания тождества

1.3.1. Объекты идентифицируемые и идентифицирующие

1.3.2. Пространственное и качественное понимание идентифицируемого объекта

1.3.3. Отражение и взаимодействие как предмет криминалистического исследования

1.4. Объекты искомые и проверяемые

1.5 Теория криминалистической идентификации как научная система

1.5.1. Содержание и значение теории криминалистической идентификации

1.5.2. Идентификация и классификация

1.5.3. Идентификация и дифференциация

1.5.4. Криминалистическая идентификация и “предметные науки”

1.5.5. Криминалистическая идентификация и идентификация в других науках

II. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ АКТ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ

2.1. Общая структура криминалистической идентификации

2.1.1. Задача криминалистической идентификации и ее структура

2.1.2. Стадии и циклы идентификации

2.2. Предварительное исследование

2.2.1. Определение предмета исследования

2.2.2. Построение экспертных версий и моделирование искомого объекта

2.2.3. Получение образцов для сравнительного исследования

2.3. Раздельное исследование

2.3.1. Обнаружение идентификационных признаков

2.3.2. Общие принципы раздельного исследования

2.3.3. Моделирование свойств искомого и проверяемого объектов

2.3.4. Исследование механизма отражения и моделирование идентификационных свойств искомого объекта

2.3.5. Моделирование проверяемого объекта

2.4. Сравнительное исследование

2.4.1. Аналитическое сравнение признаков. Объекты сравнения и признаки сопоставимости

2.4.2. Технические приемы выявления совпадения и различия признаков

2.4.3. Сравнение свойств идентифицируемых объектов

2.5. Синтезирующее исследование

2.5.1. Понятие, задачи и содержание стадии синтезирующего исследования

2.5.2. Синтез различий

2.5.3. Синтез совпадений

2.5.4. Интегральный синтез

III. ВИДЫ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ О ТОЖДЕСТВЕ И ИХ ОЦЕНКА СЛЕДОВАТЕЛЕМ И СУДОМ

3.1. Категорическое отрицательное разрешение вопроса о тождестве

3.2. Категорическое положительное разрешение вопроса о тождестве

3.3. Предположительное заключение эксперта о тождестве

3.4. Установление родового, видового или группового тождества сравниваемых объектов

3.5. Установление источника происхождения сравниваемых объектов

IV. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОГО ОБЪЕКТА

4.1. Принципы и формы индивидуализации. Ситуации доказывания

4.2. Доказывание при количественно-неопределенных совокупностях проверяемых объектов

4.2.1. Классификационные методы

4.2.2. Генетические методы

4.2.3. Исследование взаимосвязи идентификационных признаков и свойств

4.3. Доказывание при ограниченных совокупностях проверяемых объектов. Методы ограничения и исключения

4.4. Доказывание при дефиците идентификационной информации

4.4.1. Использование различных источников информации об искомом объекте

4.4.2. Основания и методы суммирования идентификационной информации

4.5. Комплексные идентификационные исследования

4.5.1. Предпосылки и условия комплексных

идентификационных исследований

4.5.2. Структура комплексного идентификационного исследования

4.5.3. Организационные и процессуальные формы комплексных, идентификационных исследований

4.5.4. Комплексные исследования в доказывании по уголовному делу

V. УСТАНОВЛЕНИЕ ИСКОМОГО ОБЪЕКТА КАК ЧАСТНАЯ МЕТОДИКА ДОКАЗЫВАНИЯ

5.1. Факт тождества: логические следствия и доказательственное значение

5.2. Анализ связи искомого объекта с расследуемым событием

5.2.1. Выводы о тождестве лиц

5.2.2. Выводы о тождестве вещей

5.2.3. Выводы о тождестве источников происхождения и идентифицированного по частям делимого целого

5.3. Информационно-познавательная структура процесса установления искомого объекта. Поисково-идентификационная деятельность

5.3.1. Обнаружение следа искомого объекта

5.3.2. Установление исходной совокупности искомого объекта

5.3.3. Установление специального класса искомого объекта

5.3.4. Установление ограниченной количественно определенной группы проверяемых объектов

5.3.5. Установление проверяемого объекта

5.3.6. Разрешение вопроса о тождестве (идентификация)

5.3.7. Установление единичного идентифицируемого объекта

5.3.8. Установление искомого объекта

5.4. Поисково-идентификационная деятельность и розыск

5.5. Поисково-идентификационная деятельность и доказывание

5.6. Система фактических данных об искомом объекте в доказывании

5.6.1. Структура частной системы доказательств и уровни доказывания

5.6.2. Функции частной системы доказательств об искомом объекте

5.7. Роль идентификации в установлении факта контактного взаимодействия объектов (ФКВ)

VI. ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

6.1. Структура процессуального доказывания и криминалистическая идентификация

6.1.1. Уровни уголовно-процессуального доказывания

6.1.2. Разрешение вопроса о тождестве и установление искомого объекта как различные уровни доказывания

6.2. Компетенция участников доказывания

6.3. Взаимодействие следователя и эксперта в идентификационных ситуациях расследования

6.4. Исследование источников доказательственной информации

6.5. Исследование объективной стороны преступления

6.5.1. Установление предмета, орудий и средств преступления

6.5.2. Роль идентификации в установлении места и времени совершения преступления

6.5.3. Исследование механизмов взаимодействия объектов

6.6. Установление преступника и субъективной стороны преступления

6.6.1. Идентификация преступника по его следам

6.6.2. Исследование системы: субъект-вещь-событие преступления

6.6.3. Опосредованное установление преступника методами идентификации

6.6.4. Возможности идентификации в установлении субъективной стороны преступления

6.7. Доказывание причинной связи

6.7.1. Идентификация и причинность

6.7.2. Установление объектов и направления развития причинной связи

6.7.3. Установление развития причинной связи по уголовному делу

6.7.4. Доказывание причинной связи в составе главного факта

VII. ЛИТЕРАТУРА

VIII. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ СУДЕБНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

ОБ АВТОРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судебная идентификация как отрасль знания, не должна противопоставляться криминалистической идентификации, как методу исследования. Термин “криминалистическая идентификация” обращает нас к истокам возникновения метода, получившего свою первоначальную разработку в криминалистической науке, ориентированной на его применение в сфере раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время этот метод далеко вышел за рамки криминалистики. Он широко используется в судебной медицине [см. 93], судебном автороведении, материаловедении, почвоведении, волокноведении, серологии, остеологии, стоматологии, одорологии, ДНК-анализе, взрывотехнике, видеофоноскопии и многих других отраслях прикладного судебно-экспертного, научно-технического знания [см. 278, 353, 214, 15, 58, 136, 236, 97, 290, 412].

Метод криминалистической идентификации в настоящее время перешел в новое качество и трансформировался в систему универсальных технологий юридического доказывания (установления и верификации юридических фактов). Он актуален не только в оперативно розыскной и следственной деятельности по установлению преступников, орудий и средств преступления и опознанию потерпевших. Весьма важную роль он играет в гражданском, арбитражном и административном процессе при установлении подлинности договорных, лицензионных, бухгалтерских и удостоверительных документов, средств передачи информации, факта родственных отношений, механизмов причинения вреда, причинных связей между действиями участников правоотношений и их последствиями и др. юридических фактов.

Технологии судебной идентификации являются основным каналом применения достижений науки и техники в судебном процессе. Овладение этими технологиями и широкое внедрение их в практику оперативно-следственной, экспертной и судебной работы представляет важный резерв повышения профессиональной квалификации юридических кадров, научно-технического уровня и общей культуры судебного процесса.

Эта задача приобретает особую актуальность в связи с изменением и усложнением структуры преступности и гражданско-правовых отношений, возникновением новых форм и механизмов правонарушений, опирающихся на

использование современных компьютерных, информационных, промышленных, военных и иных высоких технологий. При этом обнаруживается недостаточность разработанных в юридической науке и используемых на практике методов установления истины и верификации юридических фактов, основанных, по существу, почти исключительно на традиционном понятийном аппарате теории судебных доказательств.

Недостатки и ошибки в деятельности практических органов по эффективному использованию метода идентификации связаны, в первую очередь, с неправильными представлениями о назначении, возможностях и принципах профессионального использования этого метода.

Еще более широкий круг ошибок и недостатков в практическом применение метода идентификации связан с ошибками в назначении, производстве и оценке идентификационных экпертиз. Эти исследования в полной мере раскрывают свои возможности при строгом соблюдении технологии их производства. Большое значение при этом имеет подготовка исходных материалов для экспертизы. Статистика экспертных учреждений свидетельствует о том, что около 70% случаев отказа экспертов от дачи заключения вызваны несоблюдением правил подготовки материалов для экспертизы.

Непрофессиональное использование идентификации часто приводит к тяжелым процессуальным и правовым последствиям. Расследование дела известного серийного убийцы А.Чикатило продолжалось около 10 лет, на протяжении которых им было совершено 35 убийств. При этом убийца дважды задерживался оперативниками и проверялся на причастность к совершенным преступлениям. Проверяемого отпускали, хотя при обыске у него были обнаружены орудия преступления.

Основанием для этого послужило мнимое различие групповой принадлежности спермы, обнаруженной на месте убийств, и образцов крови подозреваемого, использованной для сравнения. Ошибка произошла в результате того, что присравнении был нарушен принцип сопоставимости сравниваемых объектов, а вызванные этим различия, связанные с загрязнением спермы сторонними белковыми фракциями и микроорганизмами, были неосновательно приняты за исключающие (ошибка в использовании метода исключения).

Во многом такие ошибки объясняются недооценкой самой задачи идентификации в оперативно-розыскной работе. Дело обычно ограничивается построением розыскных версий, развертыванием мероприятий по их проверке и задержанием подозреваемых. Надлежащая работа по идентификации задержанных не всегда осуществляется. Не уделяется должного внимания задаче идентификации в монографической литературе, посвященной оперативно-розыскной деятельности.

Предлагаемая вниманию читателя книга завершает многолетний цикл работ автора, посвященных методологии и практике судебной идентификации.

В книге на основе анализа современного состояния теории и практики судебной идентификации, в том числе в сфере гражданско-правовых и хозяйственно-правовых отношений и обобщения опыта предшествующих исследований, рассмотрены и обоснованы:

– понятийный аппарат теории идентификации;
– алгоритм экспертного отождествления;
– оценка достоверности вывода эксперта;
– стратегия индивидуализации и инструменты доказывания;
– структура и алгоритм поисково-идентификационной деятельности и соответствующая методика доказывания;

Актуальность обоснования предложенного в книге понятийного аппарата теории судебной идентификации определяется неоднозначностью используемых в литературе и судебной практике терминов, что осложняет их применение и понимание при оценке заключений экспертов, подготовке процессуальных документов, и т.д.

Рассмотрение общего алгоритма отождествления представляет особый интерес для практикующего юриста как критерий оценки заключений экспертов разных специальностей, начиная от традиционных криминалистических и кончая новейшими (компьютерно-техническими, геномными и др.). С этой целью автором в процессе исследования включена современная методологическая база идентификационных исследований, использующая помимо диалектической и формальной логики, теории информации, теории систем, вероятностно-статистического анализа, современный научный аппарат естественных и технических наук и многолетний опыт судов и учреждений судебной экспертизы в России и за рубежом.

Особую важность для практикующего юриста представляет оценка достоверности заключения эксперта. Весьма важны поэтому формально-логические, методические и системно-доказательственные критерии, использование которых делает такую оценку возможной.

Судебная экспертиза является важным, но не единственным средством установления истины в судебном процессе. В связи с этим особый интерес для практикующих юристов представляет рассмотренная в книге проблема совокупнойоценки доказательств, основанная в том числе и на заключениях экспертизы.

Использование научно-технических и процессуально-доказательствен-

ных методов в расследовании и судебном разбирательстве позволяет приблизить их уровень к уровню научных технологий, обеспечивающих задачу установления истины. В этой связи несомненный интерес представляет разработанный и предложенный автором алгоритм поисково-идентификационной деятельности, а также соответствующая ему и не противоречащая закону методика доказывания. Они обеспечивают оптимизацию поиска проверяемых объектов и их отождествления по следам и установления искомого объекта в возможных следственно-экспертных ситуациях.

Акт отождествления, позволяя перенести установленную следователем и судом информацию с проверяемого объекта на искомый, дает информацию для установления существенных обстоятельств дела. Это позволяет использовать идентификацию как универсальный инструмент установления юридических фактов и верификации выводов следователя и суда.

Работа снабжена современными информационно-поисковыми средствами: детально структурированным оглавлением, и подробным информационно-поисковым словарем, позволяющим оперативно отыскать определения специальных терминов и найти любую относящуюся к теме информацию.

Автором использована обширная литература, отражающая становление и развитие научных понятий, методических средств идентификации и доказывания. Должное вниманиеуделено авторам оригинальных концепций и методов, стимулировавших развитие теории и методики идентификации (А.Бертильон, П.Кирк, М.Я.Сегай, В.С.Митричев, Т.А.Седова и др.).

Широко использована практика и архивы судебно-следственных и экспертных учреждений.

Содержание и построение работы может оказаться полезным при использовании ее в качестве учебного пособия по курсам криминалистики, судебной экспертизы, уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов, а также практическими работниками суда, органов расследования, адвокатуры и судебно-экспертных учреждений, таможенных служб и налоговых органов.

Заместитель председателя
Верховного Суда
Российской Федерации
Верин В.П.

I. Научные основы идентификации в судебном процессе

1.1. Основные понятия и принципы криминалистической идентификации

1.1.1. Задачи и место криминалистической идентификации в расследовании

Идентификация в деятельности оперативно-розыскных служб, органов дознания, предварительного следствия и суда используется как наиболее универсальный и эффективный метод установления материальных объектов по их следам в обстановке расследуемого события.

Универсальность идентификации обусловлена системой материальных взаимодействий в структуре исследуемого события. Каждый материальный объект, входящий в эту структуру, будь то субъект преступления, орудие, предмет действия или потерпевший, место события, его обстановка и т.д., могут быть как отображаемыми, так и отображающими объектами. В силу этого они могут быть установлены посредством идентификации.

Система материальных взаимодействий порождает систему идентификационной информации, создающей возможность идентификации любого элемента взаимодействия, а также установления его места в системе взаимодействия.

Если принять во внимание, что структура материального взаимодействия (субъект, орудие, предмет, место, причинная связь) представляет по большинству судебных дел основное содержание доказывания, станет ясным универсальное значение идентификации как профилирующего метода раскрытия, расследования преступлений и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел.

Эффективность идентификации обусловлена изоморфизмом отражения объектов идентификации в материальных следах исследуемого события. Это свойство идентификационной информации позволяет получать в результате отождествления научно обоснованные и достоверные выводы. Все средства измерительной и аналитической техники, фиксации, преобразования, декодирования, автоматизированной обработки информации основаны на принципе изоморфизма отображения и преобразования исходного информационного

сигнала. В связи с этим, идентификационные исследования материальных следов являются в настоящее время основным каналом использования научно-технических средств и методов при отправлении правосудия.

Универсальность и эффективность идентификации как метода установления любых материальных объектов и их свойств (отношений) в структуре события позволяют использовать этот метод для установления любых юридических и научных фактов, связанных с определением материальных структур (лиц, животных, производственных и природных комплексов, участков местности и помещений и т.д.), а также их отношений (авторство, исполнительство, родство, происхождение, причинная связь, подлинность и др.).

Это обусловило возможности широкого использования идентификации во всех видах деятельности, связанных с отправлением правосудия (розыск, дознание, предварительное следствие, судебное разбирательство). Таможенные службы, налоговые органы, финансово-кредитные учреждения также каждодневно сталкиваются с проблемой тождества физических и юридических лиц, товаров, операций, сообщений и др. Многие из этих задач уже потребовали разработки специальных идентификационных инструментов и методов.

В связи с изложенным сам термин “криминалистическая идентификация” приобрел в настоящее время значительно более широкое содержание, чем во времена появления этого термина и первых работ по криминалистической идентификации (1940-1950 гг.). Сейчас этот термин указывает скорее на происхождение метода, ту систему знания, где он получил первоначальную разработку, чем на назначение и сферу его практического применения.

Любой научный метод является достоянием всей науки и общечеловеческой практики. Поэтому, как сама методология идентификации заимствует любой научный инструмент для решения своих задач, так и ее собственный методологический арсенал успешно используется в других отраслях знаний и практической деятельности.

В ходе дальнейшего изложения указанные связи и опосредования метода идентификации получат более детальное освещение. Будет рассмотрена также правомерность использования таких терминов как “научная”, “логическая”, “следственная”, “экспертная”, “судебная”, “машинная”, “компьютерная”, идентификация “узнавание”, “распознавание” и др. (см. словарь специальных терминов).

В ходе идентификации объект, свойства которого отразились в следе, сравнивается с точно установленным в процессе расследования объектом, который по обстоятельствам дела мог оставить имеющийся след. Если оказывается, что объект является тем самым, который оставил имеющийся след, кон-

статируется тождество сравниваемых объектов, их идентичность. В противном случае констатируется различие сравниваемых объектов.

В процессе исследования необходимо различать: 1) объект, фактически оставивший следы и подлежащий установлению по этим следам, т.е. *искомый объект,* 2) объект, который по обстоятельствам дела мог оставить обнаруженные следы и предполагается искомым, т.е. *проверяемый объект.*

Необходимость разграничения искомого и проверяемого объектов является важным принципом идентификации и вытекает из требования строгого разграничения фактов и предположений в процессе судебного исследования.

Проверяемый объект предполагается искомым, но в результате исследования может оказаться, что следы оставлены не проверяемым, а другим объектом.

В процессе исследования свойства искомого объекта могут быть определены только по его отображению (следу, фотоснимку, рукописи). Так, представление о внешности скрывшегося преступника можно получить путем изучения его фотоснимков, представление о строении орудия, которым совершен взлом, - путем изучения следов взлома.

Свойства проверяемого объекта устанавливаются по образцам, т.е. специально полученным для идентификации отображениям проверяемого объекта. Кроме того, свойства проверяемого объекта могут быть в ряде случаев установлены путем его непосредственного изучения. Например, внешность задержанного может быть изучена как путем непосредственного наблюдения, так и по специально полученным фотографическим снимкам; строение орудия взлома - как путем его непосредственного осмотра, так и по экспериментальным следам и т.п.

Образцы проверяемого объекта необходимо строго отграничивать от следов искомого объекта, хотя внешне они могут быть сходны (фотоснимки, следы орудий и т.д.). Существенным признаком следа искомого объекта является его объективная и установленная расследованием связь с расследуемым событием. Существенным признаком образцов является их точно установленное в процессе расследования происхождение от конкретных лиц или предметов.

Указанные признаки имеют существенное значение для правильного выполнения требований закона о порядке обнаружения, изъятия, процессуального оформления, исследования и хранения объектов идентификации. Следы искомого объекта являются обычно следами преступления. Их обнаружение и использование должно подчиняться процессуальному режиму, установленному ст. 81-82 УПК РФ для вещественных доказательств. Получение же и использование образцов должно осуществляться в особой процессуальной

форме, предусмотренной ст. 202 УПК РФ.

Для того чтобы уяснить место идентификации в расследовании, необходимо проследить основные этапы установления материального объекта по следам.

Обнаружение источников информации об искомом объекте. Следы преступления в широком смысле, т.е. разнообразные изменения обстановки в результате преступления, образуют ту информацию, которая может быть использована для установления объектов, связанных с расследуемым событием. В качестве таких следов могут использоваться отображения в сознании людей, материальные следы человека, отдельных предметов, следы животных, следы веществ, технологических процессов и т.д.

Установление исходной совокупности. Изучение следов искомого объекта позволяет установить род, вид или иную качественно определенную совокупность объектов. Исходная совокупность объектов должна отвечать двум основным требованиям:

а) включать искомый объект, ибо в противном случае он не будет обнаружен в процессе дальнейших поисков; б) быть минимальной по объему и, следовательно, максимально приближать исследователя к установлению единичного объекта.

С этой целью используется *метод классификации,* опирающийся на классификационные признаки искомого объекта, по которым его можно отнести к заранее (до исследования) определенным и систематизированным группам объектов: типам, родам, видам, маркам, системам, моделям, сортам, артикулам и т.п. Так, при изучении гильз, обнаруженных на месте убийства, может быть определена система (или группа систем) искомого пистолета; при изучении следов взлома - тип и вид орудия взлома; при изучении следов транспорта - модель автомашины; при изучении крови - группа и тип крови и т.д.

Классификационные признаки объекта устанавливаются путем изучения его родовых и видовых свойств. Последние детерминированы происхождением и жизненными функциями организма, а также условиями практического использования вещей. Родовые и видовые свойства необходимо присущи каждому объекту данного рода и вида и поэтому являются общими для всех объектов данного классификационного подразделения. Показательны в этом отношении наиболее важные свойства предметов промышленного производства, предусмотренные стандартами и техническими условиями для данного вида промышленной продукции. Так, стандартами или техническими условиями предусмотрены размеры и рельефные рисунки автомобильных шин, калибр, строение канала ствола и других частей огнестрельного оружия,

устройство лезвий рубящих, режущих, сверлящих инструментов, состав сплавов, горюче-смазочных веществ, фармпрепаратов и др. Поэтому в случаях, когда объектами идентификации являются изделия стандартизованного промышленного производства (например, транспортные средства, огнестрельное оружие, обувь, предметы обихода и т.п.), для установления их родовой принадлежности могут использоваться свойства изделий, предусмотренные стандартами и техническими условиями.

Классы объектов могут быть широкими, т.е. включать большое количество объектов (например, тип, род), и относительно узкими, т.е. включать меньшее количество объектов (вид, разновидность). Задача исследования состоит в том, чтобы определить принадлежность сравниваемых объектов к наиболее узкому классу. Чем меньше объектов входит в класс, тем легче в их числе обнаружить искомый объект. Вначале обычно исследуются свойства объекта, определяющие его принадлежность к широким классам. Затем переходят к изучению свойств, позволяющих отнести объект ко все более узким подразделениям.

Так, по следам на месте преступления вначале можно установить лишь типовые свойства, например, автомобиль (разновидность колесного механического транспорта). При более детальном исследовании могут быть выявлены свойства грузовых автомобилей и отличительные свойства грузового автомобиля определенной марки.

Наряду со стационарными классификациями для сужения исходной совокупности могут использоваться хорошо выраженные и устойчивые признаки искомого объекта, например, автомашины марки МАЗ-205 с сильно изношенными протекторами задних колес; пистолеты ТТ с дефектом (выщербленностью) бойка и т.п. В отличие от стационарных такие классы называются “временными” или “специальными”.

Переход от широких ко все более узким группам объектов осуществляется путем последовательного накопления идентификационных признаков. Чем больше идентификационных признаков установлено в процессе сравнительного исследования, тем более узкую группу объектов они характеризуют. При определении классификационной принадлежности объектов необходимо учитывать не только количество, но и специфичность установленных признаков.

Установление исходной совокупности как классификационное исследование характеризуется следующими чертами.

1) Объектом исследования является след искомого объекта (в широком смысле слова).

2) Образцы в виде конкретных проверяемых объектов отсутствуют.д.ля

сравнения в этих случаях могут быть привлечены так называемые “научные образцы” - эталоны различных классификационных групп, например, образцы металлов, тканей, порохов, пищевых продуктов, биологических видов и т.д.

3) Сравнение следа искомого объекта с эталоном производится по классификационным признакам стационарных классификаций.

4) Установление исходной совокупности происходит, как правило, в несколько этапов в направлении максимального сужения группы.

Определение наиболее узкой классификационной группы требует специального научно-технического исследования и привлечения специалистов. Следователь, как правило, может установить лишь принадлежность искомого объекта к относительно широким классификационным группам. Например, что след оставлен грузовым автомобилем (но не автомобилем марки ГАЗ-АА), что пуля стреляна из пистолета калибра 9 мм (но не пистолета АПС) и т.д.

Из сказанного ясно, что определение исходной совокупности не может быть отнесено к единоличной компетенции следователя или суда.

В практике расследования часто встречаются классификационные исследования, не связанные с идентификацией и имеющие самостоятельное доказательственное значение. Таково, например, исследование химической природы вещества, найденного на месте предполагаемого отравления (мышьяк, морфий, барбитураты и т.д.), разрешение вопроса о принадлежности обнаруженного при личном обыске задержанного предмета к огнестрельному или холодному оружию, определение сортности выпущенной предприятием продукции и т.п. случаи определения природы, назначения и наименования предметов. Классификация, отнесение предмета к определенному роду, виду, сорту и т.п. в этих случаях не преследует цели индивидуализации, выделения единичного объекта из определенной массы их. В отличие от идентификации такие исследования называются определением родовой (видовой) принадлежности исследуемого объекта[1]. Они могут осуществляться на основе соответствующих естественных и технических классификаций экспертами. Поскольку такие исследования существенно отличаются от идентификационных по задачам, методике и субъектам, их нельзя смешивать с определением искомой совокупности, представляющей этап индивидуализации искомого объекта.

Ограничение исходной совокупности. Исходная совокупность - это, как правило, широкая группа объектов, сплошная проверка которой невозможна. Дальнейшее ограничение такой совокупности может быть произведено путем ее сопоставления с установленными обстоятельствами события. Так, модель

[1] Для обозначения таких исследований используется также термин “распознавание”. Последнее может осуществляться как по следам, так и путем непосредственного исследования объекта.

автомашины, установленная по следам на месте наезда, представляет широкую группу объектов. Однако если время и место автопроисшествия установлены, то из искомой совокупности могут быть выделены только те автомашины, которые могли находиться в это время на данном месте. Указанное выделение осуществляется оперативным и следственным путем. Оно дает возможность установить ограниченный круг объектов.

Установление количественно-определенной группы проверяемых объектов. Изучение обстоятельств расследуемого события в ряде случаев позволяет дать исходной совокупности строгое количественное определение. Так, в случаях неосторожных убийств на охоте нетрудно установить количественный и персональный состав принимавших в охоте лиц, одним из которых было совершено неосторожное убийство. Аналогичная ситуация складывается при расследовании преступлений, совершенных в походах, экспедициях, на транспорте, зимовках, всякого рода увеселительных и т.п. мероприятиях. Строгому количественному определению круга проверяемых объектов помогает документальный учет лиц на предприятиях и в учреждениях, а также специальный учет ряда объектов (транспорта, огнестрельного оружия, множительных аппаратов и др.). Строгое количественное определение проверяемых объектов создает принципиально новые возможности установления искомого объекта. В этих случаях искомый объект может быть установлен методом исключения проверяемых объектов, обнаруживающих устойчивые различия с искомым. В отличие от положительного доказывания тождества, требующего неповторимой совокупности идентификационных свойств, исключение может быть осуществлено на основе ограниченного числа несовместимых свойств сравниваемых объектов.

Разрешение вопроса о тождестве (идентификация). Непосредственная задача идентификации состоит в разрешении вопроса о тождестве мыслимых раздельно существующими сравниваемых материальных объектов на основе их идентификационных свойств. Предшествующие стадии доказывания (обнаружение следов искомого объекта и проверяемых объектов) могут рассматриваться как создание предпосылок для идентификации. Последующие - как использование результатов идентификации для разрешения основных вопросов уголовного дела.

Обнаружение, сравнение и оценка идентификационных признаков и свойств сравниваемых объектов осуществляются специальными техническими и тактическими методами и средствами. Особый характер задач и методов идентификации позволяет в случае необходимости выделить его в относительно самостоятельное исследование, осуществляемое в особой процессуаль-

ной форме судебной экспертизы. Идентификационная экспертиза осуществляется в соответствии с общими принципами теории и методики исследования соответствующих объектов (почерка, следов орудий, транспорта, огнестрельного оружия, материалов, веществ и др.).

Установление искомого объекта. Разрешение вопроса о тождестве может не привести к установлению искомого объекта. Показателен в этом отношении отрицательный результат отождествления. При отрицательном разрешении вопроса о тождестве, например, выводе о том, что след взлома оставлен не данным орудием, анонимная рукопись выполнена не данным лицом и т.п., конкретные объекты, вызвавшие отображение, не устанавливаются. В связи с этим возникает задача обнаружения и сравнения с отображением других проверяемых объектов. Циклы идентификационных исследований в этих случаях продолжаются до тех пор, пока не будет обнаружен и идентифицирован по следу конкретный объект, вызвавший отображение.

Недостаточны для расследования также случаи родового или видового отождествления. Установление, что пуля, извлеченная из трупа, стреляна из пистолета той же системы, что и пистолет подозреваемого, еще недостаточно для расследования, так как его задача состоит в установлении конкретного орудия убийства; установление, что след автомобиля на месте наезда оставлен автомашиной той же системы, что и автомашина обвиняемого, также недостаточно, так как требуется отыскать конкретную автомашину, совершившую наезд, и т.п. Процесс доказывания с целью отождествления также продолжается, а родовое отождествление оказывается лишь этапом такого исследования. Таким образом, установление единичного материального объекта представляет задачу доказывания, которую нельзя свести к отдельному акту идентификации. Акт (или последовательная серия актов) идентификации должен быть дополнен методами обнаружения и оценки исходной информации, построением и проверкой следственных версий и другими методами познавательно-практической деятельности.

Заключительная задача рассматриваемой методики доказывания состоит в раскрытии конкретного содержания связи с расследуемым событием выделенного посредством идентификации единичного материального объекта. Объект, установленный посредством идентификации, только тогда способствует выяснению фактических обстоятельств расследуемого события, когда раскрыта его связь с этим событием, выяснено его отношение к преступлению. Идентифицированный объект, взятый изолированно, вне связи с расследуемым событием, не может способствовать установлению истины по уголовному делу.

Дактилоскопическая идентификация конкретного лица, например, может иметь значение для расследования лишь при условии, если раскрыта связь этого лица с расследуемым преступлением. Подозреваемый может не иметь отношения к преступлению, если его следы оставлены на месте преступления до или после расследуемого деяния. В противном случае должна быть установлена причинная связь с ним, например, следы рук оставлены в процессе взлома, переноса ценностей, борьбы с потерпевшим или других подобных действий. Если связь идентифицированного объекта с расследуемым событием установить невозможно, даже безупречно выполненная идентификация теряет всякое юридическое значение. На практике это случается всякий раз, когда следы рук, ног, документы, фотоснимки и иные отображения изымаются с мест преступлений без учета их связи с расследуемым событием или должного процессуального оформления такой связи.

Техническая идентификация не самоцель. Она должна сочетаться с квалифицированным юридическим анализом связи исследуемых объектов с расследуемым событием. Такой анализ необходим как при обнаружении и фиксации следов, на основе которых осуществляется идентификация, так и при использовании ее результатов в доказывании главного факта по уголовному делу.

Таким образом, задача установления материального объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием, решается посредством как общих приемов доказывания, так и специальных технических методов, совокупность которых образует частную методику доказывания с целью установления искомого объекта. Криминалистическая идентификация является составной частью рассматриваемой методики доказывания. Соотношение криминалистической идентификации и данной методики - это соотношение части и целого, элемента и системы. Криминалистическую идентификацию нельзя отрывать от процесса доказывания и противопоставлять ему, но неправильно и отождествлять их.

С учетом сказанного, криминалистическая идентификация должна быть определена как сравнительное исследование отображенных в следах и чувственно конкретных образцах мыслимых раздельно существующих объектов с целью разрешения вопроса об их тождестве для последуюшего установления единичного материального объекта и его связи с расследуемым событием.

1.1.2. Научные основы и структура криминалистической идентификации

Правильное разрешение вопроса о тождестве оказывается возможным в силу индивидуальности и относительной устойчивости идентифицируемых

объектов. Под индивидуальностью объекта понимается его безусловное отличие от любых других объектов. В природе не существует двух совершенно тождественных друг другу объектов. Даже предметы массового стандартного производства (вещи, относящиеся к одной и той же системе, модели, сорту и т.д.) неизбежно отличаются друг от друга рядом особенностей, отличающих данный объект от любого другого. Их выявление и составляет задачу исследования.

Лица и предметы, будучи, безусловно, индивидуальными, могут быть в то же время очень сходными, совпадать по ряду своих свойств с другими лицами и предметами. Судебной практике известны многочисленные случаи, казалось бы, полного внешнего сходства фактически различных лиц и вещей. Поэтому в процессе идентификации необходимо строго отличать сходство и тождество идентифицируемых объектов. Смешение сходства и тождества в практическом исследовании приводит к ошибочному отождествлению.

Отсюда разграничение сходства и тождества сравниваемых объектов является принципом идентификации.

Под устойчивостью идентифицируемых объектов понимается их способность на протяжении определенного времени сохранять относительно неизменными свои существенные свойства. Степень устойчивости объектов различна. Одни из них сохраняют свои существенные для идентификации свойства на протяжении значительного времени. Таковы, например, патронные упоры затворов огнестрельного оружия, папиллярные узоры на ладонной поверхности руки человека, костянохрящевая основа лица человека. Другие объекты более изменчивы. Например, микрорельеф стенок канала ствола огнестрельного оружия, с каждым выстрелом претерпевающий значительные изменения, форма и особенности ногтей рук человека, мягкие ткани лица. Чем более устойчивы свойства идентифицируемого объекта и чем меньше промежуток времени, на протяжении которого объект может претерпевать изменения, тем легче осуществить идентификацию. Если же объект не обладает необходимой устойчивостью или его существенные для идентификации свойства к моменту исследования претерпели коренные изменения (например, сильно изношена подошва обуви или лезвие ножа и т.п.), идентификация может оказаться невозможной.

Разграничение объектов, относительно устойчивых и изменяемых на протяжении времени, прослеживаемого в процессе исследования, также представляет поэтому принцип криминалистической идентификации.

Практические следствия, вытекающие из данного принципа, требуют учета закономерностей изменения объектов идентификации и тщательной оценки различий, установленных в процессе сравнительного исследования.

Возможности идентификации обусловлены не только продолжительностью отрезка времени, разделяющего момент образования следа и процедуру идентификации. Они зависят также от характера и интенсивности изменений объекта за этот период (см. ниже “оценка различий”).

Свойства отождествляемых объектов существуют объективно, вне и независимо от процесса исследования и осуществляющего его субъекта. Познание этих свойств есть частный случай отражения человеком объективной реальности. В процессе идентификации такое отражение осуществляется по идентификационным признакам, под которыми понимается воспринимаемая непосредственно и представленная в форме сигналов любой физической природы информация о свойствах идентифицируемого объекта, которая может быть использована для отождествления.

Информация не существует без отражения и имеет то же содержание, что и отражение: особенности отражаемого объекта, о котором поступает информация. Таким образом, признак идентифицируемого объекта - это отражение его объективных свойств, используемых для идентификации. Задача обнаружения и исследования признаков состоит в установлении свойств сравниваемых объектов.

Наиболее существенной для идентификации стороной признака является его вариационность. В отличие от свойства, представляющего относительно устойчивые стороны вещи, признак изменчив, поскольку содержание отражения зависит от условий, механизма взаимодействия вещей. Так, одна и та же обувь может оставить следы большего или меньшего размера в зависимости от скорости движения обутого в нее человека (шаг, бег); оттиски одной и той же печати могут отличаться по диаметру в зависимости от степени нажима печати на бумагу; высота и ширина букв в подписи различаются в зависимости от темпа письма; цвет предметов может казаться различным в зависимости от условий освещения; восприятие формы предмета различается в зависимости от точки, с которой ведется наблюдение, и т.д. Для изучения свойств объекта надо исследовать его проявления в различных условиях, логически познать механизм отражения свойств объекта. Так, чтобы правильно судить об истинных размерах предмета, оставившего след, надо изучить следы этого предмета, оставленные в различных условиях; чтобы получить правильное представление о рельефе следа, надо рассмотреть его под различными углами освещения; правильное определение формы предмета требует его осмотра со всех сторон и т.д. Достоверное установление свойства объекта требует, таким образом, исследования различных его проявлений, обобщения наблюдений, экспериментов, построения умозаключений о механизме образования следов, а также использования других форм логической деятельности.

Всякий объект обладает бесчисленным количеством свойств и признаков. Для идентификации, однако, могут быть использованы не все, а лишь те свойства и признаки, которые отобразились в следе данного объекта. Так, для установления личности по следам рук могут быть использованы лишь те особенности кожного рельефа ладони, которые отображены в следе; для установления лица, выполнившего подложную подпись, могут быть использованы лишь те особенности почерка, которые отобразились в подписи, для установления скрывшегося преступника по фотоснимку могут быть использованы лишь те признаки его внешности, которые отображены на фотоснимке, и т.д. Свойства и признаки идентифицируемого объекта, которые отобразились в его следе и могут быть использованы для сравнения и разрешения вопроса о тождестве, называются идентификационными[1].

Объем идентификационных свойств объекта не является постоянным и зависит от условий образования следов. Так, автомашина обычно оставляет следы протекторов шин. Однако в некоторых случаях она может оставить следы других своих частей (радиатора, кузова и т.д.). Объем идентификационных свойств, которые могут быть обнаружены и использованы для отождествления, зависит также от методов исследования. Непрерывное совершенствование методов исследования расширяет круг идентификационных свойств.

Установление свойств объектов, представляющее важную познавательную задачу идентификации, зависит от формы выражения информации. Ее носителем может быть:

1) физический сигнал (звуковой, световой, электрический, биоэлектрический и т.д.). Так, вся информация, содержащаяся в черно-белом фотографическом снимке, воспроизводится за счет распределения почернений (осаждения металлического серебра) в желатиновом слое;

2) знак (буквы, цифры, символы). Такова идентификационная информация, содержащаяся в протоколах следственных действий, регистрационных картах, розыскных требованиях, заключениях экспертов.

Переход от исходной идентификационной информации осуществляется в каждом из указанных случаев по-разному. При наличии физического сигнала необходимо знать код сигнала, т.е. способ преобразования сигнала. Так, для определения размеров объектов по его фотографическому снимку надо знать законы фотографической оптики; для дешифровки профилограммы - способ преобразования рельефа в фотоэлектрический импульс и графическую кривую и т.д. Если информация о свойстве содержится в знаке, исходным является определяемое соглашением людей значение знака. Так, для того, чтобы судить

[1] Термин предложен Б. М. Комаринцем [135].

о строении пальцевых узоров по дактилоскопической формуле, надо знать смысл каждого входящего в эту формулу символа. Если для установления свойств используются другие, уже установленные свойства отождествляемого объекта, должна быть известна закономерная связь между указанными свойствами. Так, для установления выработанности почерка по темпу письма, связности, степени координации движений должна быть выявлена закономерная связь между указанными свойствами почерка.

Таким образом, для правильного отражения действительности и выбора оптимальной методики в процессе идентификации принципиальное значение имеет учет формы выражения исходной идентификационной информации. Важно также разграничивать средства и предмет познания, идентификационные признаки и устанавливаемые путем их анализа свойства. Смешение этих категорий, определение признаков как свойств, используемых для отождествления [см. 390, стр. 36], ведет к смешению задач и средств познания, отображаемого и отображения, препятствует анализу отражательного процесса при идентификации.

Специфические для расследования преступления трудности при установлении свойств объектов по их признакам состоят в:

а) недостаточном объеме информации, содержащейся в признаках;

б) неблагоприятных условиях отображения свойств, например, при следообразовании;

в) использовании преступником приемов маскировки и фальсификации информации.

В связи с этим особо актуальной для криминалистической идентификации является разработка высокочувствительных методов обнаружения идентификационных признаков, приемов накопления и суммирования идентификационной информации, а также способов ее декодирования и устранения помех.

Методологическое значение для криминалистической идентификации имеет принцип разделения исследуемых объектов на идентифицируемые и идентифицирующие. Основное значение этого состоит в анализе элементарного отражательного факта и роли участвующих в идентификации объектов как источников и носителей идентификационной информации. В соответствии с этим под идентифицируемыми понимаются объекты, отображающие свои свойства в других объектах (лица, животные, предметы, вещества). Они являются источниками идентификационной информации. К числу идентифицирующих относятся объекты, отображающие свойства других объектов: материальные следы в широком смысле (в том числе рукописи, фотоснимки, частички материалов и веществ), а также психические отображения в сознании

людей. Это - носители информации о других объектах. Все это образует предпосылки методически правильно организованного идентификационного исследования.

Правильное определение идентифицируемого и соответствующего ему идентифицирующего объекта весьма существенно и в случаях множественности идентифицируемых объектов. Так, при исследовании машинописных текстов в качестве идентифицируемого может выступать единичная пишущая машина, на которой выполнен текст, лицо, напечатавшее текст, автор рукописи. В зависимости от того, какой именно идентифицируемый объект в данном случае исследуется, в тексте должен быть выделен отображающий его комплекс идентификационных признаков: особенности буквопечатающего механизма, приемы машинописи, особенности письменной речи. Соответственно этому определяется и круг специалистов, привлекаемых для производства экспертизы.

Стадии идентификации. Процесс исследования, проводимый с целью разрешения вопроса о тождестве, складывается из трех основных стадий[1]:

1) раздельное исследование;
2) сравнительное исследование;
3) оценка результатов сравнения.

Каждая предыдущая стадия подготавливает и делает возможной последующую.

Задача раздельного исследования состоит в установлении идентификационных свойств сравниваемых объектов.

Если след искомого объекта не отображает необходимой для отождествления совокупности идентификационных свойств (например, смазанный след пальца, слишком краткая подпись и т.д.), вопрос о тождестве разрешен быть не может.

Свойства проверяемого объекта могут изучаться как непосредственно, так и по специально изготовленным его отображениям - образцам.

Образцы должны удовлетворять следующим требованиям:

а) характеризоваться точно установленным происхождением от определенных лиц или предметов;

б) быть сопоставимыми со следами искомого объекта, те образцы должны получаться в условиях, максимально приближенных к условиям образования следа искомого объекта;

в) отображать достаточную для идентификации совокупность свойств

[1] В стадии предварительного исследования решаются задачи организационного, информационного и материально-технического обеспечения идентификационного исследования.

проверяемого объекта.

Для получения образцов, удовлетворяющих указанным требованиям, в каждом виде исследования разработаны специальные правила (например, правила получения образцов почерка, правила изготовления дактилоскопических карт и т.д.).

Задача следующей стадии - сравнительного исследования - состоит в сравнении свойств искомого и проверяемого объектов и выяснении, какие свойства этих объектов совпадают и какие различаются.

Вначале сравниваются интегральные свойства отождествляемых объектов, а затем - все более индивидуализирующие их локальные особенности. Такая последовательность сравнительного исследования позволяет при обнаружении существенных различий уже на ранних стадиях исследования исключить проверяемый объект и избежать излишнего кропотливого исследования частных признаков и локальных свойств объектов. В случае отсутствия существенных различий интегральных свойств переходят к выявлению и сравнению локальных особенностей.

При наличии проверяемого объекта он может быть сопоставлен непосредственно с отображением. Так, заостренный конец ломика можно непосредственно сопоставить с предположительно нанесенными им повреждениями. Однако такое сравнение часто оказывается технически трудно осуществимым, например, при сравнении канала ствола пистолета по следам на стреляных пулях.

Иногда непосредственное сравнение вообще невозможно в силу характера проверяемого объекта, например, при исследовании почерка или химического состава. В этих случаях ограничиваются сравнением отображений. Необходимые для сравнения отображения проверяемого объекта получают путем экспериментов. Экспериментальным путем могут быть получены стреляные пули и гильзы, следы орудий, инструментов, фотографические снимки, спектрограммы и т.д. Путем эксперимента стремятся получить отображения, соответствующие следу искомого объекта по механизму образования. Для сравнения почерка отбираются аналогичные по содержанию рукописи, выполненные в одних и тех же условиях; для сравнения по фотографическим снимкам используются снимки, выполненные с одним и тем же увеличением, в одинаковых условиях освещения и обработки материалов.

Оценка результатов сравнительного исследования образует заключительную и наиболее ответственную стадию идентификации. Вначале подвергаются оценке установленные сравнительным исследованием различия, выясняется их происхождение, определяется, не возникли ли они в результате изменения одного и того же объекта.

Различие признаков, обусловленное различием механизмов отражения, не следует смешивать с различием самих сравниваемых объектов. Так, различие признаков почерка в сравниваемых подписях может быть вызвано различным способом выполнения подписей одним и тем же лицом; различие следов орудий различным механизмом их образования; различие сравниваемых фотоснимков - различными условиями фотографирования. Следует также выяснить, не являются ли различия результатом изменения одного и того же объекта за период времени, истекший с момента образования следа искомого объекта. Так, шрифт пишущей машинки в результате эксплуатации получает повреждения, подошва обуви существенно изменяется в результате носки и ремонта, внешность человека - в результате травм, болезней или оперативного вмешательства. Изменения объектов могут быть также результатом специально принятых заинтересованными лицами мер (маскировка внешности преступника, переделка похищенных вещей и т.п.).

Для правильной оценки обнаруженных различий необходимо изучить режим эксплуатации, условия хранения проверяемых предметов, возрастные, патологические и умышленные изменения проверяемых лиц.

Если будет установлено, что обнаруженные различия возникли не в результате изменения одного и того же объекта и, следовательно, свойства искомого и проверяемого объектов несовместимы, вопрос о тождестве решается отрицательно.

К числу несовместимых могут относиться различия родовых и видовых свойств сравниваемых объектов. Таково, например, значительное различие размера искомой обуви и обуви задержанного.

Различия признаков объектов, вызванные различными условиями следообразования, не делают их несовместимыми: один и тот же папиллярный узор пальца может отразиться в следе в виде круга и в виде овала; одна и та же подошва обуви может оставить различающиеся по своим размерам следы и т.д.

В случаях, когда несовместимые свойства сравниваемых объектов отсутствуют, переходят к оценке обнаруженных совпадений. Оценивая их, необходимо определить, является ли установленная совокупность совпадений индивидуальной или указывает лишь на сходство сравниваемых объектов. Если совокупность совпадений не исключает возможность ее повторения в различных объектах, констатируется сходство или однородность объектов. Если же совокупность совпадений индивидуальна, т.е. неповторима в различных объектах, констатируется тождество искомого и проверяемого объектов.

Оценке подвергается каждое совпадение в отдельности и вся их совокупность в целом путем исследования происхождения совпадающих свойств.

Наибольшую ценность представляют особенности случайного происхождения. Определенная совокупность их может быть призвана индивидуальной.

В практике идентификационных исследований получает применение расчетно-статистический метод оценки совокупности совпадений. При этом частота повторяемости каждого свойства определяется на основе статистического обследования большого числа объектов, а возможность повторения всей совокупности - на основе теории вероятностей. Этот метод может использоваться как ценный вспомогательный прием оценки.

Существенное значение при оценке индивидуальной совокупности совпадений имеет опыт идентификационных исследований и наблюдений эксперта за частотой повторяемости идентификационных свойств и их сочетаний.

Вывод о тождестве объектов делается на основе сопоставления результатов оценки различий и совпадений.

Весьма перспективны кибернетические системы криминалистической идентификации, которые могут строиться с использованием различных принципов, алгоритмов и программ.

Дифференционный алгоритм идентификации (Ланцман Р.М., Якубович В.А.) основан на отнесении спорного почерка к одному из двух почерковых пространств, формируемых путем “обучения” машины почерку проверяемых лиц.

Алгоритмы идентификационного типа основаны на сопоставлении идентифицируемого объекта с накопленными в памяти ЭВМ данными о свойствах представительной выборки объектов определенного рода.

В настоящее время в Российском федеральном центре судебных экспертиз при Минюсте РФ практически используются автоматизированные банки данных и программы идентификации ряда объектов судебной экспертизы (почерк, лакокраски, объекты волокнистой природы, стекло, металлы и др.).

Использование ЭВМ позволяет углубить экспертный анализ и выявить новые идентификационные свойства, в значительной мере при этом повышается надежность установления свойств идентифицируемых объектов данного рода[1]. Средства кибернетики делают возможной идентификацию на расстоянии (“телеэкс”) и подготовку машинного текста заключения. Все это, однако,

[1] При использовании автоматизированных банков данных об объектах судебной идентификации следует учитывать их назначение и возможности. Банки данных родовых объектов (металлы, сплавы, бумаги, лако-краски и т.п.) могут использоваться только для получения данных о родо-видовых свойствах более или менее ограниченных групп, обусловленных, например, составом исходного сырья и особенностями технологии производства.

Автоматизированные банки данных и регистрационные системы индивидуально-определенных объектов (оружие, транспорт, похищенные вещи, лица, трупы и др.), наряду

не меняет процессуальной природы экспертизы и в полной мере сохраняет значение внутреннего убеждения эксперта, а также его личную ответственность за данное им заключение.

1.1.3. Виды криминалистической идентификации

Наибольшее значение имеет классификация видов криминалистической идентификации по форме выражения информации в идентифицирующем объекте, форме идентифицируемого объекта и способу отражения идентификационных свойств, а также уровню индивидуализации.

По форме выражения информации в идентифицирующем объекте различается сигнальная и знаковая идентификация. В первом случае информация в идентифицирующих объектах выражена в признаках, отображающих или внешнее строение объектов, например следы рук, или функционально-динамические комплексы, например рукописные тексты или внутреннюю структуру и состав объекта, при разделении объекта на части или отделении от него частичек вещества. В основе указанного вида идентификации лежит исследование механизма отображения свойств в признаках: механизма образования следа, механизма письма и др.

Изоморфизм отражения свойств идентифицируемого объекта в признаках делает возможным применение точных научно-технических методов и получение достоверных выводов в форме экспертных заключений.

Разновидностью сигнальной идентификации является машинная идентификация пользователей разного рода сейфов, помещений охранных систем. В них в качестве кода используется индивидуальный набор физических свойств пользователя: отпечаток пальца, радужная оболочка глаза, голос и др.

Вербально-знаковая форма отражения свойств идентифицируемого объекта не обеспечивает строго изоморфизма передачи информации и применения научно-технических средств воспроизведения, декодирования, преобразования и обработки информации. Поэтому, в частности, невозможна достоверная идентификация личности по так называемым субъективным портретам (В.А.Снетков, А.М.Зинин).

с родо-видовыми свойствами, позволяющими систематизировать массив объектов, используют и индивидуальные особенности регистрируемых объектов. При этом “на выход” системы, как правило, выводится более или менее ограниченный круг проверяемых объектов. Так, например, одной регистрационной дактилоскопической формулой может обозначаться несколько различных объектов. Поэтому индивидуальная идентификация в целях доказывания тождества требует самостоятельного экспертного исследования.

От розыскных и регистрационных следует отличать банки данных, специально предназначенные для экспертных исследований. Возможности и порядок использования этих систем рассматриваются в предметных методиках исследования соответствующих объектов.

Идентификация по описаниям осуществляется субъектами доказывания (идентификация личности по демографическим признакам, индивидуальным номерам вещей, описаниям внешних признаков). Такая идентификация может осуществляться также сотрудниками регистрационных органов. Одной из форм знаковой идентификации является идентификация по индивидуальному коду или номеру. Она может осуществляться в автоматизированном режиме (банкоматы, кассовые аппараты, каналы связи, охранные системы).

Знаковые формы идентификации по определенному набору символов широко используются также при поиске объектов в компьютерных банках данных.

Во втором случае информация в идентифицирующих объектах выражена в знаках, например: описания идентификационных свойств, даваемые опознающими лицами, описания, содержащиеся в регистрационных картах, розыскных требованиях и других документах. Здесь для установления свойств объектов принимаются во внимание психологические закономерности формирования мысленного образа и конвенциональное значение отображающих его знаков.

По форме идентифицируемого объекта и способу отражения им идентификационной информации различается идентификация целостных структур, идентификация разделенного целого и идентификация источника происхождения.

Идентификация целостных структур осуществляется по их внешнему отображению в других объектах, возникшему в результате их взаимодействия. Таковы случаи идентификации лиц, животных, орудий преступления, транспорта и других объектов по оставленным ими следам.

Идентификация разделенного целого осуществляется на основе признаков, характеризующих собственную структуру и состав идентифицируемого объекта. При этом используются две категории идентификационных свойств:

а) возникающих до разделения объекта (таковы размер, форма, особенности внешнего строения, состав и внутренняя структура объекта);

б) возникших в момент разделения объекта (таковы особенности плоскости излома, разрыва, разреза и т.п.).

Методика криминалистической идентификации целого и ее возможности существенно различаются в зависимости от природы целого и механизма разделения его на части. По этому признаку различается идентификация:

а) биологических объектов, например, ствола дерева, трупа человека или животного и т.п.;

б) монолитных предметов, например, ломика, бритвенного лезвия, листа бумаги и т.п.;

в) механизмов и составных изделий, например, идентификация автомашины по части фарного рассеивателя или ветрового стекла, идентификация пистолета по магазину;

г) массы жидкого или сыпучего вещества, например, установление, что обнаруженный при сбыте самогон принадлежит к одной и той же емкости самогона, изъятого при обыске у обвиняемого; установление, что дробь, изъятая из тела потерпевшего, является частью объема кустарной дроби, изготовленной обвиняемым;

д) материальных комплексов, сформировавшихся в момент преступления, например, идентификация комплекта предметов одежды, находившихся на потерпевшем в момент нанесения ему ножевого ранения, по повреждениям одежды и сохранившимся на клинке волокнам поврежденной одежды.

Первые три указанных случая относятся к числу традиционных криминалистических исследований. Последние пока еще относительно редко реализуются на практике, поскольку требуют применения особо чувствительных методов и комплексного использования идентификационных признаков.

Идентификация источника (места возникновения) объектов искусственного (изделие) или естественного (организмы) происхождения осуществляется на основе генетической информации, воспроизводимой в изделиях и особях. Так, например, может быть установлено, что сравниваемая дробь изготовлена на одном и том же дроболитейном заводе; порнографические открытки изготовлены в одной и той же мастерской; сравниваемые образцы спор, семян и растительных волокон происходят с одного и того же участка местности и т.п.

В зависимости от уровня достигнутой в процессе исследования индивидуализации различается родовая, видовая, групповая и индивидуальная идентификация. Конечная цель идентификации состоит в разрешении вопроса о тождестве единичного лица, предмета, материального комплекса. Однако эта цель достигается не во всех случаях. Если в процессе сравнительного исследования обнаруживаются только классификационные признаки, исследование ограничивается родовой идентификацией, например, установлением, что проверяемая машина относится к одной и той же марке (ГАЗ-410), что и автомашина, оставившая след на месте наезда, или проверяемый пистолет относится к той же модели (“ПМ” калибра 9 мм), что и пистолет, из которого произведен выстрел на месте преступления.

В ряде случаев в структуре идентифицируемого объекта обнаруживаются свойства, возникшие в обстоятельствах конкретного дела или механизма расследуемого события, например, специфический состав добавок (присадок) в массу данной партии выпускаемого сырья, неполная комплектация изделий,

характер повреждений, полученных транспортным средством в процессе ДТП и т.д. Такие свойства могут быть основанием для выделения **специальных классов** (А.А.Эйсман) или групп, существенно углубляющих уровни родовидовой идентификации. Этот уровень именуют **групповой идентификацией** (В.С.Митричев).

Индивидуальная идентификация требует обнаружения признаков, совокупность которых является уникальной, неповторимой. Выше уже указывалось на существенное различие выводов о родовом, групповом, индивидуальном тождестве для установления единичного искомого объекта.

В процессе доказывания следует учитывать, что родовая, видовая и групповая идентификация представляют различные уровни незавершенной индивидуализации, принципиально отличные по своему значению от индивидуальной идентификации.

1.1.4. Процессуальные формы, субъекты криминалистической идентификации, их компетенция и взаимодействие

Субъектом криминалистической идентификации и доказывания тождества может быть любое лицо, осуществляющее доказывание по уголовному делу: следователь, оперативный работник, эксперт, суд. Процессуальная форма идентификации зависит от формы того следственного действия, в рамках которого она осуществляется - осмотра, предъявления для опознания, экспертизы. Если идентификация осуществляется в процессе оперативно-розыскной деятельности, говорят о непроцессуальной форме идентификации.

Выделяя указанные формы идентификации, следует учитывать, что каждый из субъектов идентификации разрешает вопрос о тождестве на определенном фактическом уровне, причем результаты идентификации имеют различное доказательственное значение.

Эксперт решает вопрос о тождестве на основе обнаружения, сравнения и оценки идентификационных признаков и свойств сравниваемых объектов. Следователь и суд разрешают вопрос о тождестве на основе всей собранной по делу идентификационной информации идентификационной подсистемы доказательств. Так, для установления лица, бывшего на месте преступления, исследуются следы его обуви на месте преступления, частички грунта, сохранившиеся в подошве и рантах обуви, частички растительных волокон на его одежде, частички одежды на преградах, преодолеваемых преступником, следы рук на предметах обстановки, показания свидетелей о признаках внешности лица, виденного вблизи от места преступления, результаты его опознания и другие доказательства. При этом заключение эксперта о тождестве по следам

обуви является лишь элементом идентификационной подсистемы доказательств. Используя другие доказательства, входящие в указанную подсистему, следователь и суд проверяют вывод эксперта и дополняют содержащуюся в нем информацию. На этой подсистеме доказательств для разрешения вопроса о тождестве могут быть использованы также предположительные заключения экспертов и выводы о родовом тождестве.

Как было показано выше, в установлении искомого объекта принимают участие все лица, участвующие в доказывании, и используется широкий круг методов. Компетенция отдельных лиц в применении этих методов на различных этапах установления искомого объекта неодинакова. Так, установление исходной совокупности и ограниченной количественно неопределенной группы проверяемых объектов осуществляется следователем с помощью участвующего в данном следственном действии специалиста путем применения классификационных методов. Применение метода ограничения для дальнейшего сужения установленной группы проверяемых объектов является исключительной компетенцией следователя (или лица, осуществляющего дознание).

Эксперт на основе сравнительного исследования идентификационных признаков применяет метод исключения и положительно разрешает вопрос о тождестве в форме установления родового тождества, источника происхождения или идентификации единичного объекта. Возможности следователя в разрешении вопроса о тождестве по материально-фиксированным отображениям на основе непосредственного сравнительного исследования идентификационных признаков ограничены применением метода исключения в случаях обнаружения несовместимых свойств сравниваемых объектов. Идентификация единичного объекта следователем (судом) возможна на основе результатов опознания, проверки по регистрационным системам, документальных данных. Что касается возможностей следователя, как и любого другого субъекта доказывания, в установлении искомого объекта посредством доказывания, то они могут быть ограничены лишь количеством и качеством собранной им информации об искомом объекте, т.е. определяются доказанностью устанавливаемого факта.

Рассмотрим **компетенцию** отдельных участников расследования в постановке и решении отдельных идентификационных задач.

Определение задачи идентификации относится к компетенции следователя, формулирующего вопросы эксперту (ст. 195 УПК РСФСР). Задачу идентификации следователь определяет путем исследования обстоятельств расследуемого события и выделения в материальной обстановке конкретных проверяемых объектов. *Для* выделения проверяемого объекта, определения научно-

технических возможностей идентификации и формулирования вопросов следователю целесообразно, а порой и необходимо, воспользоваться помощью специалистов, а также будущего или уже назначенного эксперта.

Определение проверяемого объекта, а, следовательно, задач и методов идентификационного исследования должно производиться не только с учетом непосредственной (отождествление), но и последующей (“выход на искомый объект”) задач доказывания. Так, при обнаружении дробового заряда в теле убитого наиболее доказательна идентификация ружья, принадлежащего и использованного конкретным лицом. Однако, если это ружье не обнаружено или не установлен его владелец, доказательственное значение будет иметь идентификация массы дроби, принадлежащей обвиняемому. В этом случае необходимо исключить использование данной массы дроби другими лицами, кроме обвиняемого.

Выделение идентифицируемого объекта как совокупности свойств, необходимых и достаточных для разрешения вопроса о тождестве, может быть произведено только экспертом в результате исследования.

Общими принципами взаимодействия различных субъектов доказывания тождества являются:

1) однозначное понимание задач и средств установления тождества. Этот принцип нередко нарушается следователями и судами, ставящими перед экспертом неконкретные вопросы о “сходстве”, “общей принадлежности” и т.п. вместо точного указания на проверяемые объекты. Нередко он нарушается и экспертами, вместо точного определения идентифицируемого объекта, указывающими на совпадение сравниваемых объектов по отдельным признакам, их однородность и т.п.;

2) разграничение функций и всестороннее использование возможностей каждого субъекта доказывания тождества;

3) информационное взаимодействие субъектов доказывания тождества по принципу обратной связи. Последнее означает, что:

а) постановка следователем вопросов перед экспертизой должна производиться с учетом как задач расследования, так и возможностей судебной экспертизы;

б) эксперту должны быть сообщены все необходимые для дачи заключения фактические данные. В необходимых случаях он должен быть привлечен к участию в соответствующих следственных действиях;

в) эксперт формулирует свое заключение с учетом его последующего использования в системе собранных по делу доказательств. Особенно важно это при даче отрицательных, предположительных, условных заключений и формулировании выводов о родовом и групповом тождестве.

Соблюдение указанных принципов способствует наиболее эффективному разрешению задач доказывания в процессе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных и гражданских дел.

1.2. Общая концепция криминалистической идентификации

Идентификационные исследования представляют основной канал использования достижений науки и техники при расследовании преступлений. Эффективная организация идентификационных исследований и их успешное использование при раскрытии и расследовании преступлений представляют актуальную научно-практическую задачу криминалистики и судебной экспертизы.

Однако актуальность и значимость криминалистической идентификации не должны вести к подмене ею общей теории познания или методики доказывания по уголовному делу.

Речь идет о том, как наиболее целеустремленно, глубоко и эффективно использовать мощный потенциал современной науки и техники для выявления необходимой правосудию информации путем применения специальных познаний и как в полном соответствии с требованиями процессуального закона использовать эту информацию для обнаружения истины, сочетая ее с доказательственной информацией, полученной непосредственно следователем и судом.

В соответствии с различным пониманием задач криминалистической идентификации в литературе обозначены три основных концепции криминалистической идентификации:

- как всеобщего метода криминалистического познания;
- как метода процессуального доказывания тождества;
- как метода отождествления (разрешения вопроса о тождестве) материальных объектов по их следам.

Рассмотрим эти концепции подробнее, так как именно они определяют понимание места и роли идентификации в системе методов расследования и доказывания по уголовному делу, ее познавательную и процессуальную функцию.

1.2.1. Концепция криминалистической идентификации как универсального метода криминалистического исследования

Первая по времени возникновения концепция рассматривает криминалистическую идентификацию как универсальный метод познания, пригодный

для разрешения любых познавательных задач, установления любых обстоятельств расследуемого события. Эта концепция представлена в трудах профессора С.М.Потапова. Для точного ответа на основные вопросы расследования (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Как? Когда? С какой целью?) необходимо, по его мнению, установить тождество или отсутствие тождества того или иного факта с доказательством истины по данному делу [247, стр. 7].

В качестве объектов идентификации при этом выступают причины и следствия, роды, виды, количества и качества вещей, участки пространства, моменты времени, явления, психические акты и др. [248, стр. 69]. В соответствии с этой концепцией идентификация является "способом узнавания всякого факта" и представляет, в конечном счете, "саму методологию криминалистического исследования" [247, стр. 4, 9].

Концепция Потапова С.М. имеет своих сторонников среди советских криминалистов и в настоящее время.

Н.А.Селиванов рассматривает учение о методе криминалистической идентификации как "учение о логике... криминалистического познания" [305, стр. 64]. Следует заметить, что выделение в расследуемом событии существенных признаков и их отождествление с тем или иным юридическим или научным понятием действительно составляет важный формально-логический элемент юридического исследования. Подведение расследуемого события под соответствующую норму закона действительно можно рассматривать как идентификацию понятия состава преступления (по схеме: "Фактический состав расследуемого преступления тождественен составу, предусмотренному данной статьей Уголовного кодекса"). При этом, анализируя обстоятельства события преступления, из их числа выделяют те, которые имеют уголовно-правовое значение. Определенный таким путем конкретный фактический состав сравнивается и отождествляется по своим существенным признакам с понятием одного из составов преступлений, предусмотренных законом.

Вместе с тем, необходимо различать формально-логическую и содержательную сторону любого, в том числе юридического исследования.

Рассматривая проблему квалификации преступлений, В.Н.Кудрявцев отмечает, что формально-логическая сторона процесса квалификации включает такие логические операции, как установление тождества, отрицание, объединение (конъюнкция), разъединение (дизъюнкция) признаков [169, стр. 150]. Однако сущность мыслительной деятельности судьи и следователя состоит в данном случае не в идентификации и не в дедукции, а в уголовной правовой оценке события преступления, которая входит в предмет особой отрасли правовой науки - уголовного права.

Элементы логического отождествления присутствуют в любом исследовании, направленном на установление фактических обстоятельств дела, как, впрочем, согласно закону логического тождества в любом познавательном акте. Так, нарушение поверхности бумаги, линии бланка, проклейки, следы воздействия щелочи и т.д. криминалист отождествляет с признаками травления[1]. Кровоизлияния буро-коричневого цвета на слизистой оболочке желудка (пятна Вишневского) судебный медик отождествляет с признаками смерти от охлаждения; поломка железнодорожного полотна отождествляется следователем с причиной крушения поезда и т.д. Формально познавательная сторона указанных исследований при отождествлении относится к сфере логики, содержательная же сторона (изучение признаков сравниваемых понятий) - к сфере специальных наук: уголовного права, судебной медицины, судебной химии, железнодорожной техники и т.д. Следовательно, отнесение таких исследований к криминалистической идентификации необоснованно расширяет пределы ее применения, ведет к неправомерной подмене ею методов других наук. Такой подход превращает криминалистическую идентификацию, пригодную для разрешения определенных познавательных задач, в универсальный метод познания или, как правильно отмечал Н.В.Терзиев, “методологию судебного исследования” [342, стр. 44]. При этом, как правильно отмечают А.И.Винберг и А.А.Эйсман, “допускается двойная ошибка: криминалистическая идентификация рассматривается как чисто логический прием (причем формально-логический), а самой формальной логике приписывается значение всеобъемлющего метода познания. Между тем ни то, ни другое неверно” [53, стр. 108].

Закономерная тенденция максимального обобщения уровня теории вступила у сторонников указанной концепции в противоречие с требованием адекватности метода предмету исследования, являющимся обязательным для всякого научного метода. Система методов и технических средств судебной идентификации создавалась и практически используется для сравнительного исследования и отождествления, отображенных в следах материальных объектов. Идентификационное исследование во всех случаях предполагает; раздельный анализ объектов, их сравнение, оценку выявленных совпадений и различий. Этот алгоритм пригоден лишь для отождествления по следам материальных объектов. Предпринятая С.М.Потаповым и его последователями попытка

[1] Исследование подобного рода также, по мнению И. Д. Кучерова, “является, в сущности, идентификационным исследованием”, поскольку эксперт сопоставляет при этом “различные состояния тождества” (первоначальное и измененное) исследуемого объекта [173, стр. 54-55].

распространить его на все случаи судебного исследования оказалась методологически несостоятельной. Выяснилось, что технические приемы выявления, сравнения и оценки признаков и свойств материальных объектов не могут быть использованы для оперирования с признаками логических объектов-понятий, которые являются предметом формальной и математической логики. Что же касается содержательной стороны понятий, то она, как показано выше, исследуется соответствующими специальными науками. Ясно, что теория криминалистической идентификации не может подменить собой ни формальной логики, ни специальных предметных наук.

"Когда какая-либо отдельная теория или их система (отдельная наука), - пишет в связи с этим П.В.Копнин, - подменяет всю обобщенную научную картину мира, тогда и возникаег метафизический метод познания со всей своей односторонностью" [180, стр. 310].

В структуре методологии криминалистики, как и любой другой науки, должен быть выделен всеобщий (философский), общий, частно-научный и специально-научный уровень. Криминалистическая идентификация должна использоваться следователем, специалистом, экспертом, судом, но не в качестве универсального, всеобщего или логического средства познания, а на своем уровне, т.е. в качестве специального криминалистического метода, приспособленного для отождествления материальных объектов по их отображениям.

1.2.2. Концепция криминалистической идентификации как метода процессуального доказывания тождества

Вторая из указанных концепций - концепция идентификации как метода процессуального доказывания тождества наиболее отчетливо представлена в работах В.С.Митричева.

Согласно этой концепции, все познавательно-практические и исследовательские приемы, направленные на выделение, индивидуализацию и доказательство связи с преступлением "элементов вещной обстановки", относятся к криминалистической идентификации. "Доказывание тождества, - пишет В.С.Митричев, - предполагает получение процессуальным путем фактов, ограничивающих искомый элемент вещной обстановки, позволяющих дать ему индивидуальное определение, выясняющих конкретные обстоятельства возникновения, эксплуатации или уничтожения искомого целого и конкретизирующих связи данного объекта с другими элементами вещной обстановки события преступления" [203, стр. 42].

При этом процессуальное доказывание, осуществляемое следователем, судом и другими субъектами доказывания с использованием обычных средств

доказывания отождествляется с понятием идентификации, которая является “длящимся процессом целенаправленной работы по анализу обстановки преступления, реализуемым нередко в сложной совокупности следственных действий (осмотров, обысков, экспертиз, допросов)” [203, стр. 37].

Концепция криминалистической идентификации как процессуального доказывания тождества воспринята и Т.А.Седовой, которая акт идентификации рассматривает как элементарный акт процессуального доказывания, а “высшим уровнем криминалистической идентификации” считает “те ее результаты, которые устанавливают однозначную связь конкретного лица с событием преступления” [300, стр. 39].

Согласно этой позиции процесс установления лица, совершившего, например, убийство из огнестрельного оружия и изобличенного путем проведения серии оперативно-следственных действий, идентификации огнестрельного оружия и исследования следов выстрела на руке стрелявшего и пистолете, является актом идентификации.

Рассматриваемая концепция близка к концепции С.М.Потапова, поскольку доказывание является универсальным инструментом познания всех обстоятельств уголовного дела. Оговорка о том, что доказывание тождества элементов вещной обстановки суживает сферу его применения была бы существенна, но, как видно из сказанного, доказывание здесь не ограничивается установлением их тождества, а исследуется и устанавливается однозначная связь объектов с расследуемым событием, т.е. в доказывание включается и вся цепь причинной связи.

Экспертно-криминалистическая идентификация не может рассматриваться как процессуальное доказывание по следующим основаниям. Вопрос о тождестве решается экспертом-криминалистом исключительно на основе использования своих специальных познаний и выявленных в процессе исследования идентификационных признаков.

Эксперт обязан логически доказать истинность своих утверждений, но это не делает его исследование процессуальным доказыванием, хотя оно и тесно связано с ним. Это исследование находится, по верному определению А.А.Эйсмана, на “преддоказательственном уровне”. В своем исследовании эксперт руководствуется не предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ), а вопросами, поставленными перед ним следователем и судом (ст. 195-201 УПК РФ). При этом исходными фактическими основаниями принимаемых решений у эксперта являются не судебные доказательства, а установленные им идентификационные признаки и свойства сравниваемых объектов.

Кроме того, не следует забывать, что сам эксперт по уголовно-процессу-

альному закону не является субъектом процессуального доказывания и это отнюдь не является случайным, ибо представляет важнейшую гарантию объективности экспертизы. Предложение о введении эксперта в элементарный акт доказывания в качестве одного из его субъектов [298, стр. 22 и др.] противоречит самим основам института судебной экспертизы. Если рассматривать эксперта как субъекта доказывания, то он вправе и обязан исследовать и использовать для разрешения поставленных перед ним вопросов все собранные по делу доказательства. Но в этом случае он перестает быть экспертом, так как основная идея экспертизы как раз и заключается в том, что экспертиза отделена от расследования и осуществляется независимо от следователя, его версий и аргументов приглашенным для этого сведущим лицом. Исследование осуществляется исключительно на основе объективных свойств представленных ему предметов с применением специальных познаний.

Выявленные в процессе экспертного исследования идентификационные признаки и свойства, будучи оценены экспертом на основе его специальных познаний, вводятся в процесс доказывания в форме заключения эксперта, используемого следователем и судом в качестве исходных для доказывания фактических данных - доказательств. Указанные критерии четко отграничивают эксперта от специалиста, участвующего в расследовании, ревизора от других форм привлечения специальных познаний. Выход эксперта за пределы своей процессуальной компетенции последовательно рассматривается высшими судебными инстанциями как основание для отклонения выводов эксперта в качестве судебных доказательств.

Таким образом, концепция криминалистической идентификации как процессуального доказывания противоречит основам института судебной экспертизы и принципиальному различию уровней экспертного исследования и судебно-следственного доказывания.

В дополнение к сказанному следует подчеркнуть, что теория и методика криминалистической идентификации не может обеспечить решения задач доказывания однозначной связи материального объекта с расследуемым событием. Для этого следователь должен изучить механизм образования следов, время их образования, провести исследование причинной связи по уголовному делу. Ясно, что это самостоятельное исследование, осуществляемое своими методами и требующее формирования самостоятельной подсистемы доказательств.

Попытка распространить теорию и методику криминалистической идентификации на решение указанных подзадач доказывания представляется ошибочной.

Для того чтобы убедиться в этом достаточно сопоставить структуру

идентификационных и доказательственных задач и процессов. Выше (см. п. 1.1) была рассмотрена структура доказывания с целью установления искомого объекта и структура идентификации с целью разрешения вопроса о тождестве. Из сопоставления структуры доказывания и идентификации должны быть сделаны следующие выводы:

1. Процесс идентификации является элементом (центральным, системообразующим, но все-таки одним из элементов) процесса доказывания с целью установления искомого объекта.

2. Процесс идентификации осуществляется на основе самостоятельной методики научно-технического исследования, предполагающего выделение и оценку идентификационных признаков и свойств сравниваемых объектов на основе использования современных естественно-научных и технических аналитических и оценочных методов.

3. Распространение методики криминалистической идентификации на процесс установления и доказывания тождества искомого объекта не может обеспечить решения задач доказывания.

4. Необходима разработка самостоятельной методики поисково-идентификационной деятельности или частной методики доказывания тождества искомых объектов в судебном процессе. В рамках такой методики и должны решаться все проблемы связи идентификации с доказыванием и взаимодействия субъектов доказывания с экспертом[1].

1.2.3. Концепция криминалистической идентификации как элементарного акта отождествления, реализуемого в составе специальной методики доказывания

Рассмотрим третью концепцию идентификации - идентификации как акта отождествления, разрешения вопроса о тождестве сравниваемых по следам материальных объектов. Эта концепция основана на выделении в процессе доказывания элементарного акта отождествления, осуществляемого особым кругом субъектов, в необходимых случаях в процессуальной форме судебной экспертизы, на основе выявленных на уровне сравнительного исследования идентификационных свойств и преследующего цель разрешения вопроса о тождестве. Акт идентификации при этом рассматривается как центральное звено частной методики доказывания, требующей, наряду с разрешением вопроса о тождестве, разрешения ряда других подзадач (см. п. 1.1).

Поскольку в современном процессе раскрытия и расследования преступ-

[1] Именно так ставится и решается эта проблема в ряде современных криминалистических работ [160, разд. 3.5; стр.156].

лений принимает участие ряд лиц, от их правильного взаимодействия во многом зависит успех расследования. Особенно это относится к деятельности следователя и эксперта, основой взаимодействия которых является правильное согласование задач деятельности и четкое разграничение их компетенции.

Особенно важно в связи с этим разграничение задачи отождествления, которая в случаях идентификации по материальным следам требует для своего разрешения специальных научно-технических познаний и судебно-экспертных методик с соответствующей лабораторной базой, и задачи установления единичного материального объекта, связанного с расследуемым событием, которая, как и задача установления любого доказательственного факта, может быть разрешена только следователем и судом посредством доказывания. При этом отождествление материального объекта по отображенным в обстановке преступного события идентификационным признакам является предпосылкой установления искомого материального объекта и соответствующего ему доказательственного факта на основе частной системы доказательств.

На этой основе следует разрешать вопросы о субъектах идентификации, доказывания тождества и формах их взаимодействия.

Специфика идентификации заключается в том, что она осуществляется на аналитическом, преддоказательственном уровне, когда исследователь оперирует не доказательствами, а выявленными в процессе анализа материальных объектов и их отображений идентификационными признаками.

При этом идентификация может иметь как положительный, так и отрицательный результат, достоверность которого целиком обусловлена количеством и качеством выявленных в процессе исследования идентификационных признаков и правильностью их оценки.

Осуществляемая в форме экспертизы или иного следственного и судебного действия идентификация представляет относительно самостоятельный акт познания, результаты которого выступают в качестве доказательств и подлежат оценке в ходе процессуального доказывания.

Относительная самостоятельность идентификационного исследования и важное условие его объективности, обеспечиваемая также системой процессуальных требований к производству следственных действий, состоит в том, что процессуальная роль исследуемых объектов и доказательственное (обвинительное, оправдательное) значение получаемых выводов не должны оказывать никакого влияния на процесс обнаружения, сравнения и оценки идентификационных признаков и свойств.

Вместе с тем очевидна тесная связь непосредственной задачи идентификации с другими задачами доказывания. В процессе расследования и судеб-

ного разбирательства сравнение и отождествление объектов отнюдь не является самоцелью. Отождествление является лишь средством установления объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием. Если в результате отождествления такой объект не устанавливается, задачи доказывания нельзя считать разрешенными.

Как элемент процесса доказывания криминалистическая идентификация представляет относительно самостоятельное исследование, имеющее свою теорию и глубоко разработанные общую и частные методики. Субъектами данного исследования могут быть как сам следователь или суд, так и привлекаемые с этой целью специалисты и эксперты.

Исследование может осуществляться как в форме обычного следственного и судебного действия, так и в форме экспертизы. В последнем случае вывод о тождестве приобретает силу судебного доказательства.

Задачи идентификации важно отграничивать от других задач доказывания. Их смешение ведет к неправильному выбору средств и методов доказывания и, в конечном счете, к фактическим ошибкам.

Технические приемы (измерения, микроскопия, спектральный, люминесцентный анализы и пр.), пригодные для анализа идентификационных признаков и свойств, непригодны для исследования обстоятельств дела. Поэтому, в частности, нельзя ставить перед специалистом и экспертом задачу доказывания тождества. Нельзя признать также обоснованными выводы эксперта, вторгающегося с целью доказывания тождества в область анализа обстоятельств уголовного дела.

С другой стороны, вопрос о тождестве по материально-фиксированным отображениям не может решаться обычными методами доказывания, так как требует специальных познаний. Вопрос о тождестве разрешается посредством специальных технических приемов, некоторыми из которых может владеть следователь и другие субъекты доказывания. Это обстоятельство не делает последних компетентными лицами для всех случаев разрешения вопроса о тождестве. Повышенное сходство сравниваемых объектов легко может быть принято не-специалистом за тождество, а резкое различие в условиях образования отображений за различие самих отображенных объектов. Поэтому многие случаи разрешения вопроса о тождестве требуют привлечения специалистов и экспертов. Нельзя, в частности, признать правильной практику положительного разрешения вопроса о тождестве по материальным следам в ходе следственного осмотра или эксперимента без привлечения соответствующих специалистов. Полученные при этом выводы не имеют научного обоснования и могут привести к фактическим ошибкам.

Отграничение технических задач идентификации и других задач доказывания непосредственно связано, таким образом, с определением практической компетенции лиц, принимающих участие в установлении искомого объекта.

Другой весьма важный аспект соотношения идентификации и доказывания состоит во взаимосвязи, взаимодействии специальных технических и общих методов доказывания. Указанное взаимодействие особенно актуально в рассматриваемой методике, поскольку она является основным каналом использования достижений науки и техники в отправлении правосудия. Особенно важно такое взаимодействие в процессе установления единичного материального объекта. Решающая роль в разрешении этой по существу комплексной задачи приобретает взаимодействие следователя, специалиста, эксперта и других участников доказывания, "стыковка" и совокупная оценка информации, полученной в результате изучения следов и других источников информации по уголовному делу.

Только на этой основе могут быть успешно разрешены такие наиболее сложные проблемы рассматриваемой методики доказывания, как преодоление недостатка информации, содержащейся в подвергнутых экспертизе следах, оценка "промежуточных" выводов эксперта (вывод о вероятном и родовом тождестве, вывод об источнике происхождения, условное заключение эксперта), возможности индивидуального отождествления веществ, не имеющих собственных устойчивых пространственных границ, и др.

На основе сказанного должны быть сделаны следующие выводы:

1. Установление единичного материального объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием, является предметом частной методики доказывания, разработка которой представляет актуальную проблему криминалистики и уголовного процесса.

2. Криминалистическая идентификация является элементом рассматриваемой методики.

3. Криминалистическая идентификация - это сравнительное исследование отображенных в следах и установленных расследованием объектов с целью разрешения вопроса об их тождестве для последующего установления средствами уголовно-процессуального доказывания единичного материального объекта и раскрытия его связи с расследуемым событием.

4. Отграничение задач криминалистической идентификации от других задач доказывания способствует более правильному определению компетенции участвующих в доказывании лиц. Взаимосвязь методов криминалистической идентификации и общих методов процессуального доказывания, взаимо-

действие следователя и других субъектов доказывания с экспертом и специалистом - основа разрешения наиболее сложных проблем рассматриваемой частной методики доказывания.

1.3. Понятия объекта отождествления и предмета доказывания тождества

Определение объекта отождествления (идентификации) и предмета доказывания тождества имеет первостепенное методологическое значение. Оно непосредственно связано с определением задач этих видов деятельности, их пределов, определением компетенции лиц, осуществляющих эти виды деятельности, т.е. экспертов, специалистов и субъектов доказывания. Последнее является основой организации их взаимодействия, что представляет необходимое условие оптимизации экспертной, следственной и судебной работы в условиях НТР.

Поскольку идентификация, как это показано выше, представляет относительно самостоятельную систему деятельности в рамках поисково-идентификационной деятельности и доказывания тождества, необходимо рассмотреть раздельно объекты, фигурирующие в процессе идентификации, и объекты, фигурирующие в процессе доказывания. Затем следует выяснить их соотношения и связи.

1.3.1. Объекты идентифицируемые и идентифицирующие

Основным инструментом теории, обеспечивающим разрешение вопроса о тождестве в процессе криминалистической идентификации, является деление объектов идентификации на идентифицируемые и идентифицирующие. Основоположник теории криминалистической идентификации С.М.Потапов считал деление объектов на идентифицируемые и идентифицирующие исходным принципом криминалистической идентификации: “Строгое разделение объектов идентифицируемых и идентифицирующих представляет первый основной принцип идентификации” [247, стр. 19]. Однако данное им определение не учитывало принципиального различия идентификации и доказывания, и потому не было в дальнейшем воспринято в теории. Существенное различие указанных двух видов объектов, участвующих в процессе идентификации, он видел в том, что “по отношению к одним объектам непосредственно ставится и подлежит разрешению основной вопрос о тождестве или отсутствии тождества, тогда как другие объекты служат только материалом для разрешения этого вопроса. Следовательно, одни объекты являются идентифицируемыми, отождествляемыми, другие идентифицирующими, отождествляющими” [248, стр. 71].

Недостаточная четкость приведенных определений выразилась в том, что понятия идентифицируемых и идентифицирующих объектов были неосновательно сопоставлены с понятиями цели и средств идентификации. “Идентифицируемым, - указывает Н.В.Терзиев, - является объект, отождествление которого составляет задачу данной идентификации, идентифицирующим, объект, служащий средством (подч. нами. - В.К.) для отождествления” [343, стр. 39-40]. Однако, как было показано в ходе дальнейшей разработки вопроса, сам идентифицируемый объект может служить средством разрешения вопроса о тождестве. Так, ботинок, сравниваемый со следом, подлежит отождествлению, т.е. является отождествляемым объектом. Одновременно он используется для сравнения, т.е. является средством отождествления, отождествляющим объектом. Эти соображения показали необходимость совершенствования основания и назначения рассматриваемой классификации. В качестве такого основания было предложено направление объективного отражения признаков: от объекта идентифицируемого к объекту идентифицирующему [119, стр. 10][1]. Основное назначение этой классификации состоит в анализе элементарного отражательного акта и роли участвующих в идентификации объектов как источников и носителей идентификационной информации. В соответствии с этим под идентифицируемыми понимаются объекты, отображающие свои свойства в других объектах (лица, животные, предметы, вещества). Они являются источниками идентификационной информации - идентификационных признаков. К числу идентифицирующих относятся объекты, отображающие свойства других объектов: материальные следы в широком смысле (в том числе рукописи, фотоснимки, частички материалов и веществ), а также психические отображения в сознании людей. Это - носители информации о других объектах. Любой объект в зависимости от направления отражения признаков может быть и отображаемым и отображающим. Топор, используемый преступником для взлома, отображает признаки своих частей на преграде. В то же время он воспринимает следы рук преступника, частички преграды, краски и т.п. Однако в зависимости от того, какое направление отражения проявилось в обнаруженных следах, в конкретном акте идентификации используется тот или иной комплекс признаков и объект выступает или в качестве отображаемого, или в качестве отображающего. Классификация объектов на идентифицируемые и идентифицирующие позволяет в сложном взаимодействии вещей, образующем механизм расследуемого события, выделить элементарный отра-

[1] Впоследствии данный принцип классификации нашел отражение в ряде учебников криминалистики (Криминалистика, МГУ, 1977, стр. 47; Криминалистика, Юрид. лит., 1969, стр. 55; Криминалистика, Юрид. лит., 1976, стр. 61 и др.).

жательный акт, “анатомировать” его, разграничить “источник” и “адресат” отражения, определить направление воздействия, характер и круг отображаемых признаков, составляющих идентификационную информацию. Все это образует предпосылки методически правильно организованного идентификационного исследования.

Особенно наглядно выступает роль рассматриваемой классификации при анализе “многослойных” и разнонаправленных отражательных актов.

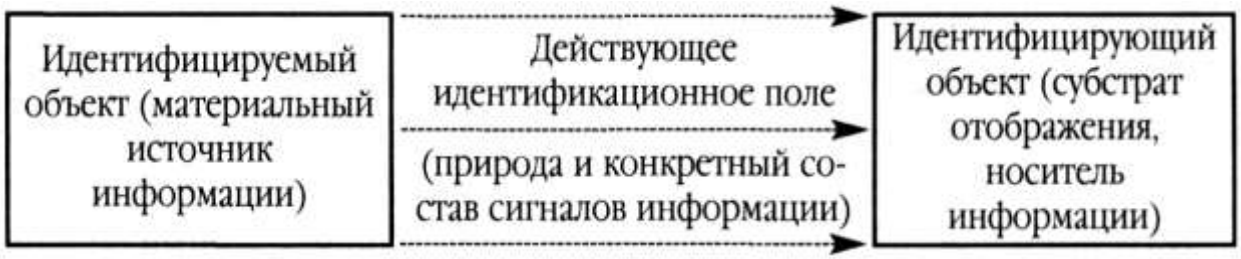
След может содержать информацию не об одном, а о нескольких идентифицируемых объектах. Так, дорожка следов на месте преступления отображает признаки обуви преступника, признаки его походки, содержит молекулы его запаха. Выделение соответствующих пар идентифицируемых-идентифицирующих объектов позволит выделить трасологическое, функционально-динамическое и одорологическое идентификационное поле и определить соответствующие методики их исследования.

Не менее важно использовать значение рассматриваемой классификации при анализе отображений, когда не только воздействующий объект вызывает след, но и материальная среда, взаимодействуя с объектом, отображается в нем. Так, на теле, одежде и орудиях преступника закрепляются частички поврежденных преград, краски, растительных и животных волокон с места преступления. Обувь преступника не только сама оставляет след, но и воспринимает частички почвы, растений, строительного мусора и других предметов, находящихся на месте преступления. Соответственно по следам на обуви может быть поставлена задача идентификации отдельных видов растений, локального участка местности, отдельных помещений.

Таким образом, методологическое значение рассматриваемой классификации состоит в выделении односторонне направленного отражательного акта, участвующей в нем пары материальных объектов, и характера действующего идентификационного поля.

Понятие “идентификационного поля” [35, стр. 38] как совокупности идентификационных признаков [135, стр. 27], получивших отражение в конкретных условиях следообразования, существенно дополняет научный аппарат анализа процесса отражения идентификационной информации. Если понятия идентифицируемого и идентифицирующего объектов характеризуют источник и носителя идентификационной информации, то понятие идентификационного поля - природу и конкретный состав сигналов идентификационной информации в отображении.

Важно подчеркнуть, что без учета характера идентификационного поля вообще невозможно выделить подлежащие исследованию пары объектов идентификации и определить направление исследования.

Указанный принцип определения идентифицируемых и идентифицирующих объектов дает возможность конкретизировать объекты и задачи исследования при анализе сложных идентифицируемых объектов, сложных систем взаимодействия и "многослойных" носителей информации.

Рассмотрим наиболее важные типовые экспертные ситуации.

А. Множественность идентифицируемых объектов.

В случаях идентификации машин и иных агрегатов сложного строения идентифицирующий объект часто представляет собой не единое отображение, а совокупность отдельных отображений. Так, в машинописном тексте отображается внешнее строение отдельных литер; в следах на гильзе - различные, соприкасающиеся с гильзой части оружия и т.п.

Части сложного объекта, если они содержат достаточную для идентификации информацию, могут быть самостоятельными идентифицируемыми объектами. Практике известны многочисленные примеры идентификации по следам отдельных частей автомашин и мотоциклов (радиатора, щитков, буферов, кузова, стеклоочистителей и др.); идентификация по следам отдельных частей огнестрельного оружия (бойка, выбрасывателя, отражателя, затвора) и т.д.

Идентификацию части в указанных случаях необходимо отличать от идентификации целого. В процессе доказывания иногда допускают упрощенчество, отождествляя идентифицированную часть с подлежащим идентификации целым, например, протектор автомашины и саму автомашину, боек пистолета и сам пистолет и т.п.[1]

Между тем основанием для такого отождествления может быть лишь изучение соотношения части и целого.

Характер связи целого и части может быть различным. Она может быть тесной органической и внешней механической. В первом случае возможность замены или перестановки частей (например, трансплантация папиллярных узлов) довольно легко исключается при доказывании. Во втором случае она требует специального исследования. Например, если пистолет идентифицирован по бойку ударника, то должно быть установлено, что боек пистолета за данный

[1] Нельзя согласиться с И. Д. Кучеровым, утверждающим, что "отношение части и целого является отношением тождества". Целое никогда не может быть сведено к части или их механической сумме. Целое как система характеризуется наличием новых интегративных свойств, не свойственных образующим ее частям.

определенный период времени не менялся и т.д. В практике расследования известны случаи, когда подвергнутые идентификации части огнестрельного оружия, автомашин, мотоциклов и других объектов были заменены в ходе их обычной разборки и ремонта или умышленно переставлены преступниками. В связи с этим единство установленной части объекта и целого подлежит доказыванию при расследовании.

В качестве идентифицируемых объектов могут выступать отдельные совокупности свойств целостных идентифицируемых объектов. При идентификации человека в качестве таких совокупностей используются признаки почерка, голоса, походки, внешности, папиллярных узоров, зубного аппарата, анатомического строения кистей рук и подошв ног, белковые свойства крови, запахи и др.

В этих случаях информация, содержащаяся в различных совокупностях, может суммироваться, если она относится к одному идентифицируемому объекту. Это положение важно для теории и практики, так как расширяет возможности доказывания и повышает надежность выводов о тождестве в судебном процессе.

В связи с этим следует рассмотреть два случая:

1) При идентификации исследуются однородные идентификационные поля, например, для идентификации личности используются особенности папиллярного узора в различных следах пальцев; или особенности почерка, отображенные в различных документах, или признаки внешности, отображенные в различных фотоснимках, и т.п.

2) При идентификации используются разнородные идентификационные поля, например, для идентификации личности исполнителя анонимного документа используются признаки почерка и обнаруженные на документе отпечатки пальцев; для идентификации лица, совершившего кражу, используются следы зубов на продуктах, отпечатки ладоней, следы крови, части одежды преступника и другие отображения.

В первом случае выделение и сравнительное исследование идентификационных признаков суммируемых совокупностей не имеют существенных методических особенностей и может быть проведено специалистом определенного профиля, например, почерковедом, дактилоскопистом, баллистом, судебным медиком и т.д. Во втором случае исследование носит комплексный характер и требует привлечения нескольких специалистов различного профиля либо одного специалиста, но широкого профиля, вместе с тем в обоих случаях правомерность суммирования информации требует обоснования. Таким обоснованием является доказывание относимости суммируемых совокупностей к одному и тому же идентифицируемому объекту. Особенно актуально оно тогда,

когда идентифицирующие объекты имеют относительно самостоятельный механизм образования и могут относиться к различным идентифицируемым объектам. Возникающие вопросы могут найти разрешение при экспертизе, некоторые из них возможно разрешить следственным путем, например, в ходе осмотра. Но доказывание относимости суммируемых совокупностей признаков к одному и тому же объекту остается необходимой предпосылкой идентификационного исследования.

Б. Множественность идентифицирующих объектов.

Любой носитель информации может содержать не одно, а несколько идентификационных полей, которым соответствуют самостоятельные идентифицируемые объекты. Так, при исследовании машинописного текста в качестве идентифицируемого может выступать:

– пишущая машина, на которой напечатан текст, по особенностям шрифта, отображенным в тексте (дефектам шрифта, рычагов, лентопротяжного механизма и т.д.);

– лицо, напечатавшее текст (дактилограф) по особенностям техники машинописи (размещения текста, акцентуации, переносов, перебивок и т.д.);

– автор текста по особенностям письменной речи (грамматики, лексики, стиля и др.).

Поэтому любой след искомого объекта, обнаруженный в обстановке расследуемого события, должен быть с участием специалиста подвергнут анализу с целью выделения соответствующих идентификационных полей, объектов и проведения необходимых экспертиз.

Таким образом, при определении конкретной задачи идентификации исходят из характера действующего идентификационного поля, обусловливающего конкретные пары объектов и соответствующее им направление исследования. При наличии одного и того же источника информации могут быть выделены различные идентифицируемые и идентифицирующие объекты и в зависимости от характера используемого идентификационного поля проведены различные идентификационные исследования.

Вопреки распространенному представлению о возможностях судебной идентификации следует подчеркнуть, что наличие устойчивой пространственной границы не является обязательным качеством идентифицируемого объекта. Он может представлять систему функционально-динамических или субстанциональных свойств, имеющих качественную, а не пространственную границу: почерк, производственный навык, специфичные по составу объемы красителей, нефтепродуктов, сыпучих веществ и т.п. Качественное понимание идентифицируемого объекта имеет принципиальное значение для теории и практики криминалистической идентификации, поскольку оно существенно

расширяет возможности идентификационных исследований, круг его объектов и задач. В связи с этим оно требует более подробного рассмотрения.

1.3.2. Пространственное и качественное понимание идентифицируемого объекта

В теории криминалистической идентификации определились два подхода к определению понятия идентифицируемого объекта, существенно влияющих на общую концепцию идентификации, сферу ее действия и возможности: пространственный и качественный. В первом случае решающее значение для идентификации имеют устойчивые пространственные границы вещи, а вещи, не обладающие устойчивыми пространственными границами, исключаются из числа объектов криминалистической идентификации [см. 367, стр. 11; 20, стр. 97 и др.].

Убедительным аргументом в пользу второго, качественного понимания идентифицируемого объекта является несовпадение пространственно понимаемой вещи и понятия идентифицируемого объекта. Так, почерк как традиционный идентифицируемый объект неразрывно связан с личностью, но никак не может быть представлен в виде вещи или ее части, имеющей пространственные границы. Сказанное полностью относится к любому случаю идентификации по функционально-динамическим комплексам: голосу, способу действия, письменной речи, профессиональным навыкам.

Пространственное понимание идентифицируемого объекта не может быть распространено и на объекты родовой идентификации. Особенно очевидно это в тех случаях, когда родовая вещь представляет собой не совокупность однородных предметов (автомашин, пистолетов, обуви и т.п.), а систему структурных свойств материи (определенный сплав, сорт стекла, вид почвы и т.п.). Такая система не имеет пространственных границ, но присутствует всегда там, где могут быть выделены элементы, взаимосвязь которых обладает определенным качественным своеобразием. Две части одного и того же свинцового сплава в виде дробинок могут быть пространственно отделены на любое расстояние и занимать различные объемы пространства, но они не перестанут быть частями одного и того же сплава, одной и той же родовой вещи. Повторяемость свойств объектов внутри какого-либо качества (типа, рода, вида) может быть представлена как непрерывная цепь. Качественная граница вещи в этом случае выступает как перерыв непрерывности, позволяющий выделить данную вещь из числа однородных с ней вещей. Индивидуальность вещи при этом означает, что она обладает собственной качественной и количественной границей в цепи других объектов того же типа, рода, вида.

Такое понимание индивидуальности показывает и “родство” вещей

внутри одного и того же качества и differentia specifica (отличительные особенности) вещей, позволяющие выделить их в ряду однородных, и различные уровни индивидуальности, которая может характеризовать качественную границу как “общих” и “особенных”, так и единичных вещей.

Качественное понимание идентифицируемого объекта в наибольшей степени соответствует современным научным представлениям о структуре и движении материи и новейшим методам ее исследования. Каждый из современных аналитических методов дает как бы “срез” исследуемого объекта, выделяя определенную систему его свойств, недоступную другим методам. Так, спектральный эмиссионный, атомный абсорбционный и нейтронно-активационный анализы дают обширную информацию об элементном составе вещества; инфракрасная спектрометрия и молекулярная масс-спектрометрия - о его молекулярной структуре, хроматография, геологоминералогический и спорово-пыльцевой анализы - о его фракционном составе, рентгеноскопия, радиоинтроскопия и ультразвуковая дефектоскопия - о внутреннем строении объектов, профилография и профилометрия - о внешнем строении исследуемого объекта. При наличии достаточной информации каждый такой “срез” может рассматриваться как самостоятельный идентифицируемый объект. Если же содержащаяся в нем информация недостаточна, ее можно восполнить дополнительными “срезами” и суммированием идентификационных признаков.

Качественное понимание идентифицируемого объекта в наибольшей степени соответствует системно-структурным представлениям о строении объектов идентификации. Каждое материальное тело обладает бесконечным числом свойств, выражающих его отношения к другим материальным объектам. Целостная система таких свойств и образует понятие материальной вещи. Для идентификации используются не все свойства материальной вещи, а определенные подсистемы таких свойств. Так, при идентификации человека наиболее часто используется трасологическое поле: внешнее строение ладонной поверхности рук, подошв ног, зубов, строение головы, лица и тела; функционально-динамическое поле: признаки почерка, письменной речи, походки, профессиональные навыки; субстанциональное поле: состав крови, волос, выделений и отделений человеческого тела. Следует отметить, что для идентификации совершенно необязательно использовать все доступное для изучения идентификационное поле. Замечено, например, что полный отпечаток пальца содержит значительно больший объем информации, чем это необходимо для отождествления. То же можно сказать и об идентификации по полным рукописям, хорошо выраженным следам других объектов.

Таким образом, в одной и той же пространственно понимаемой вещи может быть выделено множество различных идентификационных полей, а

внутри последних - множество идентифицируемых объектов.

В связи с этим, понятие идентифицируемого объекта следует отнести не к материальному телу как целостной системе многообразных свойств, а также не к их подсистемам "идентификационным полям", а к тем выявленным в процессе исследования системам свойств, которые необходимы, достаточны и фактически использованы для отождествления. Именно такая система в строгом смысле и представляет отождествляемую вещь, идентифицируемый объект.

Из сказанного следует, что идентифицируемый объект не может быть определен на основе предположений следователя в процессе подготовки к экспертизе (проверяемый объект), а только в результате идентификации, на основе оценки фактически выявленной системы идентификационных свойств.

Качественное понимание идентифицируемого объекта обеспечивает верное представление о возможностях идентификации при существенных изменениях вещи. Существенными являются изменения именно той подсистемы свойств, которая используется для отождествления. Так, личность неопознанного трупа не может быть идентифицирована по почерку, голосу и другим функционально-динамическим свойствам, но остается возможность идентификации по признакам строения лица. Уничтожение мягких тканей лица делает невозможной портретную идентификацию, но сохраняется возможность дактилоскопической идентификации, наконец, если разрушены все мягкие ткани тела, сохраняется возможность идентификации по костным останкам: черепу, зубному аппарату, другим частям скелета.

В итоге может быть дано следующее определение идентифицируемого объекта. Идентифицируемый объект - это любая система/подсистема свойств материальной веши, отображенная в других объектах, обусловливающая ее качественную определенность и используемая для отождествления.

Следует отметить, что философское определение понятия вещи также исходит из ее качественной, а не пространственной интерпретации [349, стр. 21].

1.3.3. Отражение и взаимодействие как предмет криминалистического исследования

Поскольку отражение является универсальным способом передачи идентификационной информации, представляются несостоятельными попытки ограничительного толкования рассматриваемого общего принципа идентификации. Нельзя согласиться с тем, что в отдельных случаях идентификации, а именно при исследовании материалов и веществ, при идентификации

целого по частям, при опознании нет отражения [203], а потому нет идентифицирующих объектов. Во всех указанных случаях имеют место особые формы отражения. Как правильно отмечает М.Я.Сегай, отождествление в случаях разделения целого на части происходит “за счет внутренней информации, которую содержат об объекте его отделенные части, имеющие одинаковую физическую природу с отождествляемым целым” [293; стр. 31-32]. Во всех указанных случаях имеют место особые формы отражения. Так, в частях и частицах материалов и веществ отражаются интегративные свойства компактной массы или монолитного объекта, от которого эти частицы отделены (качественный и количественный состав, структура).

Информация “основывается на отражении, не существует без него и имеет то же содержание, что и отражение: особенности отражаемого объекта, о котором поступает информация” [352, стр. 31]. Очевидно, что если нет идентифицирующего объекта, отображающего в той или иной форме свойства идентифицируемого, нет идентификационной информации, невозможна и сама идентификация.

Не согласуется с рассмотренным общим принципом криминалистической идентификации также концепция судебной идентификации М.Я.Сегая, полагающего, что не одностороннее отражение одного объекта в другом, имеющее характер причинно-следственного отношения, а именно взаимодействие объектов, их взаимоотражение являются предметом криминалистической идентификации. Поскольку проблема соотношения отражения и взаимодействия имеет для теории идентификации и криминалистики в целом методологическое значение, необходимо рассмотреть эту концепцию подробнее.

“Отождествить, - считает М.Я.Сегай, - значит, установить связь взаимодействия (подч. нами. - В.К.) исследуемого объекта с материальной средой преступления, рассматриваемой в качестве не только отражающей, но и отражаемой стороны” [293, стр. 109]. “Это означает, что и онтологической и гносеологической основой судебной идентификации является исследование взаимоотраженных свойств всех взаимодействующих объектов” [293, стр. 108].

В основе рассматриваемой концепции лежит ошибочный тезис о том, что процесс отражения, в ходе которого формируются объекты криминалистической идентификации и так называемые “идентификационные связи”, является процессом двусторонним и что процесс отражения есть процесс взаимодействия. “Отражение, - утверждает М.Я.Сегай, это всегда процесс двусторонний” [293, стр. 107]. Между тем сущность отражения состоит именно в одностороннем направленном воздействии одного объекта на другой, в ходе которого “отражающая система претерпевает изменения под воздействием отобра-

жаемой системы (оригинала), и эти изменения в некоторой части воспроизводят особенности оригинала [178, стр. 58]. Отношение оригинала и следа определяется законом первичности и независимости отображаемого и вторичности и производности следа [178, стр. 58, 59].

Утверждение о том, что отражение есть всегда процесс двусторонний, основано на смешении отражения и взаимодействия. При тесной связи этих категорий их необходимо отграничивать друг от друга, а также различать объекты идентификации и объекты взаимодействия. Разграничение взаимодействия и отражения, а также участвующих в этих процессах объектов имеет действительно методологическое значение для теории криминалистической идентификации. Бесспорно, что "вне взаимодействия материальных образований не существует ни процесса отражения, ни его результата - собственно отражения" [178, стр. 56]. Однако вместе с тем очевидно, что "процесс отражения является одной (подч. нами. - В.К.) из сторон процесса взаимодействия, а само отражение возникает как один из результатов взаимодействий [178].

В условиях взаимодействия проявляется закон избирательности отражения, обусловленный различием свойств взаимодействующих объектов и обусловливающий направленность отражения: то, что отображается в одном объекте, не отображается в другом, взаимодействующем с ним, и, наоборот. В силу необратимости отношения причины и следствия процесс отражения получает одностороннюю направленность. "Адекватное элементарное отображение, - считает В.С.Украинцев, - есть особый продукт односторенне (подч. нами. - В.К) направленного действия материальных систем в особых условиях, представляющий собой воспроизведение в иной форме особенностей отображаемой системы (с происходящими в ней процессами) в особенностях процессов, происходящих в отображающей системе без существенных искажений" [352, стр.64]. Таким образом, если процесс взаимодействия есть всегда процесс двусторонний (он может быть и многосторонним), то процесс отражения, всегда односторонне направленный процесс и только в таком виде он входит в процесс взаимодействия в качестве одной из его сторон.

В структуре взаимодействия должны быть выделены взаимодействующие объекты:

$A \rightleftarrows B$ и результаты взаимодействия:

а - отображение А в В;

в - отображение В в А

Таким образом, отношение $A \rightleftarrows B$ как отношение взаимодействия является двусторонним, а отношения $A \rightarrow a$ и $B \rightarrow в$ как отношения отражения - односторонне направленными.

След, отображение, идентифицирующий объект - это не взаимодействующий объект, а результат односторонне направленного отражательного акта. Отражение - это передача материи и движения, а следовательно, и информации от оригинала к его отображению, следу, но не наоборот. Не может быть отражения, передачи информации от следа к оригиналу, от идентифицирующего объекта к идентифицируемому. Неправилен поэтому и тезис о том, что идентифицируемый и идентифицирующий объекты при обратном отражении меняются местами, а при встречном - являются "взаимно идентифицирующе-идентифицируемыми" [295, стр. 164]. Некорректна поэтому и сама постановка вопроса об "обратных"[1] и "встречных" идентификационных связях" и отображениях. Всякое отображение есть "прямое" (в смысле односторонне направленное) воспроизведение особенностей оригинала в воспринимающем объекте. При "обратном" отображении действует иное идентификационное поле и роль "транслятора", передатчика особенностей, играет уже другая система, способная отобразить свои свойства в ином объекте. След, отображение, идентифицирующий объект есть во всех случаях результат одностороннего, прямого (а не "обратного" или "встречного") отражения. Выделение односторонне направленных элементарных отражений и соответствующих им объектов является одним из методов анализа процесса взаимодействия, именно эту операцию Энгельс считал необходимым исходным приемом анализа взаимодействия. Взаимодействие - это двусторонний процесс, а потому может рассматриваться с двух точек зрения. Более того, для того, чтобы понять процесс взаимодействия как целое, его необходимо мысленно расчленить, принимая один из взаимодействующих объектов за первичный действующий, а другой за вторичный, подвергающийся воздействию, а потом повторить эту операцию в обратном порядке. Не забывая искусственности этого приема, далее можно переходить к изучению совокупного результата взаимодействия [190, стр. 483-484]. Приняв это указание Ф.Энгельса при анализе взаимодействия за исходное, мы должны, в первую очередь, выделить составляющие его действия и соответствующие им пары объектов идентификации. Так, в приводимом М.Я.Сегаем примере идентификации ломика по следам давления на взломанном сейфе идентифицируемым будет ломик, а идентифицирующими - следы давления на сейфе. Изучение этих следов будет производиться с целью выде-

[1] Приводимые М. Я. Сегаем примеры "обратных идентификационных связей" убеждают в противном. Наложения на повреждающих орудиях, когда волокнистые материалы одежды, клеточные ткани тела отражаются на бампере автомашины, клинке ножа и т.д., являются примерами таких же "прямых" отображений, как отпечаток бампера на одежде, раневой канал, оставленный клинком, и т.д.

ления идентификационных признаков оставившего их ломика (внешнего строения, частичек металла и т.п.). Схематически процесс отражения и участвующие в нем объекты можно обозначить “А→а”, где “А” - ломик, “а” - его следы на сейфе. Если же на ломике, обнаруженном при обыске у подозреваемого, будут обнаружены частички краски, предположительно относящиеся к покрытию сейфа (так называемое “обратное” отражение), идентифицируемым объектом будет покрытие сейфа, а идентифицирующими - частички краски, изъятые с ломика и сейфа. Процесс отражения и участвующие в нем объекты можно обозначить в этом случае “В→в”, где “В” - покрытие сейфа, “в” - обнаруженные на ломике частички краски.

Вследствие необратимости причинной связи, а также избирательности процесса отражения, в каждом из взаимодействующих объектов формируется новая пара объектов идентификации со взаимно противоположными направлением формирующего след воздействия. Как следствие этого, требуется новое идентификационное исследование. Отметим попутно, что такие исследования должны производиться и различными специалистами: трасологом по следам давления и химиком-криминалистом по следам краски[1].

Из сказанного следует, что приводимая М.Я.Сегаем схема “встречных” идентификационных связей “А⇄В” [М.Я.Сегай, 295, стр. 111] не соответствует и связям, складывающимся в процессе отражения, а, следовательно, не выражает отношений и связей между объектами идентификации. Нельзя признать удачной и схему: “А⤾В” [там же], обозначающую “обратную идентификационную связь”. Данная схема может толковаться как обращение действия (следствия) на причину, что невозможно в силу необратимости причинной связи.

Итак, предметом криминалистической идентификации является проблема тождества, а ее практическая задача состоит в разрешении вопроса о тождестве отображенных в следах идентифицируемых объектов. Что касается проблемы взаимодействия, то она представляет самостоятельную проблему исследования. Эта проблема не сводится к идентификации и требует для своего “разрешения соответствующей совокупности методов”. Так, ведущим методом исследования механизма взаимодействия транспортных средств, пассажиров, пешеходов и дорожной обстановки при транспортных происшествиях является информационное моделирование аварийной ситуации и механизма взаимодействия в этой ситуации всех объектов.

Информационное моделирование, в основе которого лежит гипотеза, дополняется непосредственным исследованием материальной обстановки путем

[1] О необходимости в такого рода случаях комплексной экспертизы см. разд. 4.5 и 6.6.

наблюдения, измерения, сравнения и эксперимента. Проверка предположений о контактных поверхностях столкнувшихся транспортных средств производится путем исследования размеров, форм, расположения следов на поврежденных транспортных средствах, сопоставления следов, экспериментального совмещения следов и повреждений. Следы и повреждения на транспортных средствах изучаются в связи со следами на дорожном покрытии и прилегающих предметах: следами торможения, опрокидывания, частицами стекла, лакокрасочного покрытия, следами крови и др., а также данными криминалистического и судебно-медицинского исследования трупов. Полученные данные могут быть подвергнуты математической обработке, в том числе на ЭВМ[1].

Структура материального взаимодействия объектов, находящаяся в орбите расследования, может быть, как видно из приведенного примера, весьма сложной, и в ее анализе следует различать три основных уровня:

– исследование элементарного взаимодействия двух простых объектов;

– исследование сложного динамического взаимодействия ряда объектов, которые могут образовывать “блоки” или комплексы[2];

– исследование взаимодействия материальных комплексов, представляющих элементы состава преступления: субъекта - орудия (средства) - предмета преступления.

Нетрудно убедиться, что исследование процессов взаимодействия на указанных уровнях требует различного информационного обеспечения. Если первый и второй уровни могут быть осуществлены на основе информации, полученной в ходе отдельных следственных действий: осмотра, экспертизы и др., т.е. частных информационных систем, то в последнем случае исследование осуществляется с использованием всей собранной по делу информации, т.е. общей информационной системы.

Из сказанного видно также, что для исследования взаимодействия материальных объектов и механизма расследуемого события используется комплекс логико-информационных, общетехнических и специально-криминалистических методов исследования.

Каково же место идентификации в этом комплексе?

Во-первых, идентификация выступает как прием анализа элементарного

---

[1] Так, по программе “Автоэкс” и “Автоинформ” на ЭВМ устанавливается скорость движения автомашины в момент торможения, имел ли водитель возможность предотвратить наезд на пешехода и ряд других элементов дорожно-транспортного происшествия.

[2] Следует учесть, что взаимодействие каждой пары объектов внутри “блока” уже не является элементарным, так как в нем опосредствованно участвуют и другие входящие в “блок” взаимодействующие объекты.

взаимодействия материальных тел, о чем уже сказано выше. Положительный результат идентификации по отпечаткам-следам одностороннего направленного воздействия равноценен установлению факта контактного взаимодействия объектов, поскольку след представляет результат контактного воздействия объекта образующего на воспринимающий. В случае недостатка информации в одном отпечатке может быть проведена идентификация по серии отображений, в том числе “встречных”. Как показано в одной из наших работ [118, стр. 129], основания суммирования информации, содержащейся в различных отображениях, лежат за пределами собственно идентификационного исследования. Таким основанием в случае “встречных” отображений является единство механизма их образования, выраженное во взаимном соответствии механизма образования исследуемых отображений и их соответствии механизму расследуемого события. В литературе [там же, стр. 125-136] рассматривается совокупность используемых при этом экспертных и следственных методов. При этом обращается внимание на комплексные исследования, в ходе которых используются и идентификационные признаки и признаки механизма взаимодействия объектов. Структуре именно таких комплексных исследований соответствует описываемая М.Я.Сегаем “гносеологическая модель судебной идентификации”, “где искомый и контактировавший с ним объект соединены механизмом взаимодействия в единый идентификационный блок” [295, стр. 113] [1].

Следует иметь в виду, что в качестве источников информации о механизме взаимодействия могут использоваться как отдельные следы и предметы, так и материальная обстановка расследуемого события в целом, под углом зрения связи и соотношения отдельных групп следов и объектов.

Во-вторых, идентификация может использоваться как способ анализа причинной связи и иных существенных обстоятельств расследуемого события опосредствованно, через установление контактного взаимодействия [см. об этом в разд. 6.7].

Резюмируя сказанное о соотношении методов идентификации и методов исследования взаимодействия, следует отметить:

1. Выделение односторонне направленных отражений является исходным методом криминалистического анализа любых, в том числе сложных материальных взаимодействий в механизме исследуемого события. Только на базе такого выделения могут быть определены объекты идентификации, идентификационные поля, круг и объем специальных методов их исследования.

---

[1] О криминалистическом исследовании факта контактного взаимодействия см. разд. 6.6.

2. Идентификация используется как первоначальный прием анализа элементарного взаимодействия материальных тел, а опосредствованно и для анализа сложного взаимодействия, развития причинной связи по уголовному делу и анализа механизма расследуемого события в целом.

3. В свою очередь исследование механизма взаимодействия может послужить основанием для расширения базы идентификационного исследования и обоснования вывода о тождестве путем суммирования идентификационной информации, содержащейся в различных отображениях.

4. Тесная взаимосвязь рассматриваемых исследований не означает их слияния, а, напротив, требует четкого разграничения. Такое разграничение выражено в традиционном различии идентификационных и "неидентификационных" криминалистических исследований.

1.4. Объекты искомые и проверяемые

Классификация объектов на проверяемые и искомые явилась непосредственным результатом разработки роли идентификации в решении доказательственных задач, ее значения в установлении обстоятельств уголовного дела [119,118].

В отличие от классификации объектов на идентифицируемые и идентифицирующие, предназначенной для анализа элементарного отражательного акта и разрешения вопроса о тождестве, классификация объектов на проверяемые и искомые предназначена для анализа процесса доказывания, преследующего цель установления единичного искомого объекта.

Признаками искомого объекта являются:

его единичность, материальность, устойчивая пространственная граница;

его связь с расследуемым событием, информация о которой может быть получена путем изучения любых связанных с искомым объектом источников;

возможность его установления путем отождествления, обусловленная наличием отображения одного объекта в другом.

Признаками проверяемого объекта являются:

наличие предположения следователя (эксперта) о том, что обнаруженный им единичный объект является искомым;

точно установленное происхождение объекта, его связь с конкретным, установленным физическим лицом или обстановкой расследуемого события.

Делению объектов на идентифицируемые и идентифицирующие соответствуют раздельно существующие физические объекты, так как отображение всегда существует раздельно от отображаемого. В отличие от этого деление объектов на искомые и проверяемые является логическим.

Деление объектов на искомые и проверяемые моделирует отношение тождества. При положительном исходе идентификации проверяемый и искомый объекты оказываются различными состояниями одного и того же объекта. Только при отрицательном исходе искомому и проверяемому объекту будут реально соответствовать различные физические тела.

Таким образом, делению объектов на искомые и проверяемые соответствует информационно-логическое (мысленное) моделирование объектов, определенным образом связанных с расследуемым событием.

Классификация объектов на искомый и проверяемые позволяет представить процесс установления искомого объекта в виде последовательного процесса построения и проверки версий, перехода от предположений к установлению фактов, т.е. описать его как процесс доказывания, имеющий определенное логическое и фактическое содержание. В то же время создаются условия для системного анализа этого процесса, выделения в нем существенных элементов и прослеживания связи между ними, т.е. рассмотрения соответствующей частной методики доказывания.

Проследим основные этапы процесса установления искомого объекта и функцию проверяемых объектов:

1) обнаружение источников информации об искомом объекте;

2) определение исходной совокупности проверяемых объектов:

3) определение круга проверяемых объектов, подлежащих сравнительному исследованию;

4) идентификация (сравнительное исследование с целью разрешения вопроса о тождестве);

5) формирование частной системы фактических данных об искомом объекте [118, стр. 30-39].

Уже при первоначальном ознакомлении с процессом доказывания с целью установления искомого объекта выясняется, что его вообще нельзя описать, не прибегая к мысленному моделированию искомого объекта, иначе говоря, не пользуясь понятием проверяемого объекта. Сам процесс доказывания в общем виде, как это показано выше, представляет процесс последовательного сужения исходной совокупности проверяемых объектов, завершающийся выделением единичного искомого объекта.

Эффективность данного процесса обусловливается правильностью определения исходной совокупности проверяемых объектов (включен ли в нее искомый объект) и тех методов, которые используются для сужения исходной совокупности, “отсева”, исключения подавляющего большинства проверяемых объектов, доведения их до минимума, поддающегося последовательной проверке посредством идентификации. Однако и в тех сравнительно редких

случаях, когда в числе проверяемых объектов по обстоятельствам дела фигурирует один проверяемый объект (например, имеется один подозреваемый по делу), функциональная нагрузка понятия проверяемого объекта не исчезает. Она остается в области сравнительного идентификационного исследования.

Разграничение информации об искомом и проверяемом объекте в процессе криминалистической идентификации представляет важнейший принцип этого исследования, обеспечивающий его объективность и гарантирующий от ошибочных выводов.

Разграничение искомого и проверяемого объектов в процессе криминалистической идентификации можно рассматривать как аксиому, которая имеет три следствия:

1. Информация об искомом и проверяемом объектах должна быть получена из различных источников: об искомом объекте - из вещественного доказательства, о проверяемом объекте - из образцов. Наиболее четким критерием разграничения процессуальной природы и методики использования вещественных доказательств и образцов является, как это правильно указывалось в литературе и [327, стр. 102], их происхождение соответственно от искомого и проверяемого объекта.

В процессе сравнительного научно-технического исследования разделение искомого и проверяемого объекта обусловливает требование раздельного анализа сравниваемых объектов. Раздельный анализ означает, что сведения о свойствах сравниваемых объектов должны быть получены из самостоятельных источников и в процессе исследования должны четко отграничиваться. При этом особенно важно отграничивать внешне сходные отображения этих объектов. Разграничение отображений искомого и проверяемого объектов является принципиальной основой сравнительного исследования путем их сопоставления, совмещения и наложения.

Нельзя не видеть также различия в происхождении, способах получения и процессуальном порядке использования отображений искомого и проверяемого объектов, являющихся особыми разновидностями вещественных доказательств. Отображения искомого объекта как следы расследуемого события возникают “стихийно”. Задача следователя и суда - это фиксация в следственных протоколах данных, указывающих на связь отображений с событием преступления. Отображения проверяемых объектов (образцы) следователь получает в результате целенаправленной деятельности в соответствии с процессуальной регламентацией (ст. 202 УПК РФ). Доказательственное значение образцов определяется их происхождением от конкретного лица или предмета, что фиксируется в специальном протоколе.

Техника изъятия следов искомого объекта и образцов также различна.

Так, изъятие следов пальцев с места происшествия отличается от дактилоскопирования задержанного; изъятие дроби из трупа отличается от изъятия образцов дроби у обвиняемого и т.д. Для выбора методики изъятия правильного процессуального порядка приобщения к делу доказательств следователь и суд должны иметь четкий критерий разграничения отображений искомого и проверяемого объектов. Таким критерием является принадлежность изымаемых следов (отображений) установленному (проверяемому) или неустановленному (искомому) объекту. Если отображение относится к установленному (проверяемому) объекту, оно является образцом. Если же отображение относится к неустановленному (искомому) объекту, оно является обычным вещественным доказательством.

В литературе нет единообразия во взглядах на процессуальную природу следов, а также частей объектов, изымаемых с места преступления и у подозреваемого. Указывая на это обстоятельство, З.М.Соколовский правильно отмечает, что “единственным и достаточным критерием” для разграничения вещественных доказательств и образцов является их происхождение от искомого или проверяемого объекта [там же].

Следует подчеркнуть, что не всякие сравнительные материалы являются образцами в процессуальном смысле. Так, пули, гильзы, отпечатки пальцев и иные следы, полученные от конкретных известных следствию лиц или предметов, являются образцами. Однако те же объекты, если их происхождение от конкретного лица или предмета не установлено, положим, они получены для сравнения из соответствующей коллекции следов, изъятых с различных мест преступлений, образцами в смысле ст. 202 УПК РФ не являются.

Не являются, по нашему мнению, процессуальными образцами так называемые “научные образцы” - эталоны различных классификационных групп: видов, сортов, моделей, марок, сплавов и т.п. “Научный образец” (эталон) является выражением свойств соответствующей классификационной группы, ее “овеществленным понятием”, которым, наряду с другими понятиями, пользуется эксперт для разрешения поставленных перед ним задач. Эталон - не образец конкретного, индивидуально-определенного лица или предмета, он также не указывает на соответствующие индивидуальные связи.

Определение понятия образцов для сравнительного исследования, их отграничение от других вещественных доказательств и иных сравнительных материалов должно исходить из рассмотренного деления объектов идентификации на искомые и проверяемые.

Подводя итоги изложенному, можно утверждать, что понятия искомого и проверяемого объектов, отражающие сущность отношения тождества, явля-

ются важными инструментами логического, процессуального и криминалистического анализа процесса доказывания с использованием идентификации. Наглядно это обнаруживается при изучении места идентификации в структуре уголовно-процессуального доказывания.

2. Принцип разграничения искомого и проверяемого объектов действует до того момента, когда их тождество будет полностью доказанным. Это означает, что искомый объект нельзя считать установленным, если вопрос о тождестве решается предположительно или установлено групповое тождество сравниваемых объектов.

3. При отрицательном разрешении вопроса о тождестве, когда искомый объект не устанавливается, исследователь, как правильно отмечал М.Я.Сегай [296, стр. 127-129], не может ограничиться отрицательным выводом. Эксперт должен выявить и сообщить следователю информацию об искомом объекте, полученную при изучении отображения и могущую быть использованной для его розыска. Отрицательное решение вопроса о тождестве влечет построение версий и розыск новых проверяемых объектов и соответствующее число новых актов идентификации.

Понятия искомого и проверяемого объектов могут быть успешно использованы для выяснения специфики дифференциации. Под дифференциацией понимается разграничение однородных объектов, само по себе имеющее доказательственное значение. Так, разграничение красителей при установлении приписки, бумаги при установлении вклейки или монтажа документов имеет самостоятельное доказательственное значение. Такие исследования не связаны с установлением искомого объекта. Отсутствие искомого объекта снимает задачу выявления информации о нем в сравниваемых следах, т.е. исследование исчерпывается констатацией различия. В тех же случаях, когда эксперт формулирует отрицательный вывод о тождестве на основе идентификационного исследования, т.е. при сравнении отображений искомого и проверяемого объектов, эта задача, как показано выше, остается. Это и указывает на существенное отличие дифференцирования от идентификационных исследований.

Принципиальное значение имеет, на наш взгляд, то положение, что любая форма положительного разрешения вопроса о тождестве не равнозначна достоверному установлению искомого объекта в доказывании. Если вопрос о тождестве решен предположительно в отношении конкретного проверяемого объекта или установлено групповое тождество сравниваемых объектов, идентификационной информации недостаточно и она должна быть восполнена исследованием других источников доказательств. Если же вопрос о тождестве решен экспертом категорически, следователь должен проверить правильность

вывода эксперта. Это можно сделать путем сопоставления вывода эксперта с информацией об искомом объекте, полученной из других источников доказательств. Таким образом, достоверное установление искомого объекта, как и любого другого доказательственного факта, требует во всех случаях формирования частной системы доказательств об искомом объекте и возможности проверки ее достоверности в каждом источнике[1].

Теоретическое значение классификации объектов на проверяемые и искомые состоит в том, что она обеспечивает методологически правильный путь перехода от вероятного знания к достоверному, обязывая строго разграничивать в доказывании предположения и факты.

Классификация объектов на искомые и проверяемые позволяет выяснить логическое содержание процесса доказывания, объяснить, как отождествление, установление того же самого позволяет получить новое знание. Отношение тождества, как это известно из логики [98], актуально тогда, когда отождествляемые объекты могут мыслиться как отдельные объекты, имеющие самостоятельные свойства (определения). Именно такая ситуация имеет место в расследовании. Искомый объект характеризуется связью с расследуемым событием, устанавливаемой посредством изучения материальной обстановки преступления. Проверяемый объект характеризуется установленным происхождением, связью с конкретным лицом, предметом, обстановкой, отношение которых к расследуемому событию должно быть установлено.

Отождествление делает логически правомерным перенос признаков искомого объекта на проверяемый, в результате чего выявляется связь последнего с событием преступления. Так происходит не только количественное накопление знания о проверяемом объекте, но и переход его в новое процессуальное качество (например, связано с переходом подозреваемого в обвиняемого). При расследовании такого рода выводы связаны с установлением лиц, участвовавших в преступлении, орудий преступления, предметов посягательства и других существенных обстоятельств дела.

Таким образом, классификация объектов на проверяемые и искомый весьма эффективно обслуживает логический, процессуальный, криминалистический и другие аспекты анализа процесса доказывания с целью установления искомого объекта.

1.5.Теория криминалистической идентификации как научная система

1.5.1. Содержание и значение

[1] Подробнее об этом см. гл. V.

теории криминалистической идентификации

Теория криминалистической идентификации выросла из практической потребности оперативно-следственных и судебных органов в установлении материальных объектов по их отображениям в обстановке расследуемого события.

Совокупность знаний, понятий, принципов и методов, обеспечивающих научно обоснованное разрешение вопроса о тождестве и использование полученных результатов в судебном процессе с целью установления материального объекта по его следам, образует теорию криминалистической идентификации.

Впервые изложенные старейшим советским криминалистом С.М.Потаповым в 40-х гг. принципы и методы идентификации подвергнуты пересмотру и дальнейшей фундаментальной разработке многими советскими и зарубежными криминалистами, в числе которых должны быть названы: И.В.Терзиев, В.П.Колмаков, Б.И.Шевченко, Б.М.Комаринец, А.А.Эйсман, Н.А.Селиванов, А.Р.Шляхов, В.С.Митричев, М.Я.Сегай, Т.А.Седова, Р.А.Кентлер, К.Користка, Л.Е.Ароцкер, Г.Л.Грановский, З.И.Кирсанов, В.Ф.Орлова, С.П.Попков, В.А.Снетков, Ф.Р.Шурих и ряд других ученых.

Развитие теории и методологии криминалистической идентификации тесно связано с формированием общей концепции идентификации, определением ее роли и места в системе расследования и процессуального доказывания [см. 1.2].

В зависимости от общей концепции криминалистической идентификации, понимания ее логической и процессуальной природы существенно менялось содержание и наполнение этой теории, трактовка ее понятий и принципов.

Существенное влияние на развитие теории идентификации оказала общая методология науки. Развитие системно-деятельностного подхода и анализа, использование математических и вероятностно-статистических методов, прогресс инструментально-аналитических и кибернетических методов - все это заставило пересмотреть первоначальные концепции теории, кардинально изменило возможности и методы криминалистической идентификации.

Важным фактором развития общей теории криминалистической идентификации явилась разработка специализированных предметных методик, особенно ее нетрадиционных отраслей: криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий, волокон, почв, наркотических веществ, растительных объектов, выделений и отделений человеческого тела, ДНК-идентификация. Разработка этих предметных методик, с одной стороны, убедительно доказала методологическое значение общих основ теории для развития ее предметных

отраслей и, с другой стороны, позволила конкретизировать ее собственные принципы, понятийный аппарат и методологию.

Все эти факторы существенно трансформировали первоначальные представления об общей концепции, сфере применения, принципах и методике идентификации.

Современный период развития теории криминалистической идентификации характеризуется наиболее интенсивной разработкой как ее методологических основ, так и понятийного аппарата этой теории. Сформировался общетеоретический и методологический уровень теории, на котором исследованы функции философских категорий тождества, отражения, случайного, закономерного, индивидуального, общего, отдельного, единичного, целого, а также современных научных подходов: системно-структурного, деятельностного, алгоритмического и ряда других. Созданы новые направления и многочисленные частные методики криминалистической идентификации на основе свойств состава и структуры объектов, функционально-динамических свойств; на базе современной аналитической техники сформированы компьютеризированные идентификационные комплексы.

Все это не могло не привести к коренному пересмотру самой концепции криминалистической идентификации и ее взаимоотношений с другими областями знаний, так и трактовки всех ее основных понятий, в числе которых выделены системообразующие. К ним относятся понятие идентифицируемого объекта в системе научно-технической идентификации и понятие искомого объекта в системе процессуального доказывания тождества. В рамках современной концепции идентификации дан системно-деятельностный анализ как элементарного акта отождествления (методики идентификации), так и поисково-идентификационной деятельности и процессуального доказывания с использованием идентификации. В связи с изложенным, можно с полным основанием утверждать, что период формирования современных научных основ теории криминалистической идентификации относится не к 40-м, как это утверждает Р.С.Белкин [18, стр. 206], а к 60-90 гг. истекшего столетия. Период же 40-60 гг. был периодом первоначальных гипотез и обобщений в этой области.

Каково значение теории криминалистической идентификации?

Систематизация и обобщение накопленных наукой фактов, установление взаимосвязи отдельных отраслей знания и путей их практического приложения есть область теории. Здесь, по выражению Ф.Энгельса, “эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может помочь только теоретическое мышление” [395, стр. 24].

В науке криминалистики теория идентификации играет значительную

роль как в построении ее системы, так и в развитии ее отдельных отраслей.

Выделение задачи отождествления из числа других задач криминалистической техники и судебной экспертизы сразу же выявило общий характер этой задачи, необходимость и возможность теоретической разработки методического подхода к ее разрешению.

При громадном разнообразии объектов и научно-технических приемов идентификационного исследования выработка общей методики отождествления имела большое научное значение.

До создания теории идентификации рассмотрение идентификационных исследований осуществлялось в рамках отдельных изолированных друг от друга отраслей криминалистической техники: трасологии, судебной баллистики, исследования документов, "словесного портрета" и др. При этом такое рассмотрение носило обычно описательный и бессистемный характер. В ряде случаев для разрешения задач экспертизы исследователям приходилось вырабатывать самостоятельную методику исследования специально для данного случая. Литература этого периода по криминалистической технике представляет скорее описание отдельных, мало связанных между собой научных исследований, чем последовательное изложение целостной научной системы.

Теория идентификации явилась средством взаимосвязи и теоретического взаимообогащения различных отраслей криминалистической техники, превращая их в целостную научную систему. Обобщая опыт различных экспертных идентификационных исследований, теория идентификации вырабатывает наиболее рациональную общую методику отождествления. В каждой отдельной отрасли идентификации начинает активно использоваться методический и технический арсенал других наук. Получают развитие методические приемы и технические средства, являющиеся общими для всех отраслей криминалистической техники (стадии, приемы и технические средства сравнительного исследования). Отправляясь от оценки фактических результатов сравнительного исследования, дается научное обоснование вывода о тождестве. Вместе с тем, вынесение общих для всех отраслей приемов и методов "за скобки" создало наиболее благоприятные условия для разработки специфических особенностей каждой конкретной отрасли криминалистической техники и экспертизы. Для криминалистики и судебной экспертизы в целом создание теории идентификации имело важное методологическое значение как научное обоснование принимаемых криминалистом и судебным экспертом решений.

Теория криминалистической идентификации имеет существенное значение для экспертной и судебно-следственной практики.

Обусловливая общий научный уровень идентификационных исследований, теория идентификации облегчает эксперту в каждом отдельном случае

выбор конкретной методики исследования и оценку его результатов. Тем самым обеспечивается научная обоснованность экспертных заключений. Знание методологических основ исследования, овладение общей системой методов идентификации расширяет научный кругозор эксперта, повышает культуру его работы, предохраняет от ошибок, улучшает качество идентификационного исследования.

Теория идентификации прослеживает связь экспертизы с доказыванием роли идентификации как средства установления существенных обстоятельств уголовного дела.

В этом плане практически актуально разграничение компетенции следователя и эксперта в процессе идентификации, а также взаимосвязь в их работе. Доказывание тождества используется следователем и судом для разрешения основных вопросов уголовного дела. При этом суд и следователь опираются на свою систему собранных по делу фактических данных, в том числе на заключение эксперта о тождестве. Здесь особенно актуальны исследуемая теорией идентификации связь идентификации с доказыванием, роль и место результатов отождествления в общей системе доказательств по уголовному делу.

Систематизация понятий и методов идентификации может осуществляться по различным основаниям.

Рис. 1. Система научного знания. Общая структура.

Наиболее общее значение имеет, как нам представляется, рассмотрение проблем идентификации с точки зрения разрешения вопроса о тождестве и использования результата отождествления в доказывании.

Комплекс понятий и методов, относящихся к процессу отождествления, образует методику криминалистической идентификации. Понятия и методы же, относящиеся к использованию результатов идентификации в доказывании, образуют методику доказывания с использованием идентификации.

1.5.2. Идентификация и классификация

Для определения методологического содержания и специфики криминалистической идентификации необходимо выяснить ее соотношение с процедурами классификации и дифференциации.

Существенной чертой процесса идентификации является его единство,

целостность. Отдельные стадии этого процесса и его промежуточные результаты не могут рассматриваться в отрыве от конечных целей идентификации. В связи с этим нельзя признать логически последовательным высказанный М.В.Салтевским взгляд на определение групповой принадлежности и индивидуальную идентификацию как на “два самостоятельных процесса, имеющих собственные задачи и цели” и являющихся “самостоятельными специфическими способами получения доказательств” [288].

Исходя из целей доказывания, выделение единичного объекта представляет результат, качественно отличный от выделения типа, рода, вида и т.д. Этот результат включает в себя все последовательные стадии индивидуализации. Однако при существенном различии доказательственного значения промежуточных и конечного результатов индивидуализации сам процесс идентификации по задачам, методике, средствам, взаимосвязи стадий и научно-техническому содержанию является единым, целостным процессом. Групповая и индивидуальная идентификации - это не различные процессы, а различные уровни одного и того же процесса индивидуализации, имеющие различное значение в процессе доказывания. В связи с этим надо отметить, что не выдержала испытания временем идея создания самостоятельной теории групповой идентификации (“установления групповой принадлежности” или “группофикации”) [там же, стр. 5,13 и др.].

От групповой идентификации как результата предельной индивидуализации групп объектов и объемов веществ следует строго отграничивать обычные классификационные исследования, не связанные с установлением единичного материального объекта. Сущность такого исследования, именуемого иногда “естественнонаучной” идентификацией [390, стр. 27] сводится к определению природы, происхождения или назначения исследуемого объекта, его отдельных свойств. Таково, например, установление принадлежности найденного на месте происшествия вещества к ядам или наркотикам, принадлежности изъятого у задержанного предмета к огнестрельному или холодному оружию, взрывчатому веществу, наркотику, сортности выпущенной предприятием продукции и т.п. Имея в виду самостоятельное доказательственное значение такого рода исследований, не связанных предельной индивидуализацией и установлением искомого объекта, задачи такого рода в отличие от идентификации именуют задачами “распознавания”. В этих случаях отнесение объекта к определенному виду, весу, сорту и т.п. не преследует цели индивидуализации, выделения единичного объекта, что составляет характерную особенность криминалистической идентификации. Классификационные исследования для определения природы, происхождения или назначения объектов мо-

гут осуществляться на основе общих химических, биологических и технических специальных познаний представителями соответствующих естественных и технических наук[1].

Рис. 2. Система научного знания. Теория и методология.

[1] Специфика исследования вещественных доказательств: малые объемы исследуемого материала, чувствительность метода, процессуальная форма и др. не являются основанием для отрицания возможностей использования представителей "большой науки" в решении классификационных задач судебной экспертизы, как это полагает Т. А. Седова [298, стр. 31-33].

Методика идентификации

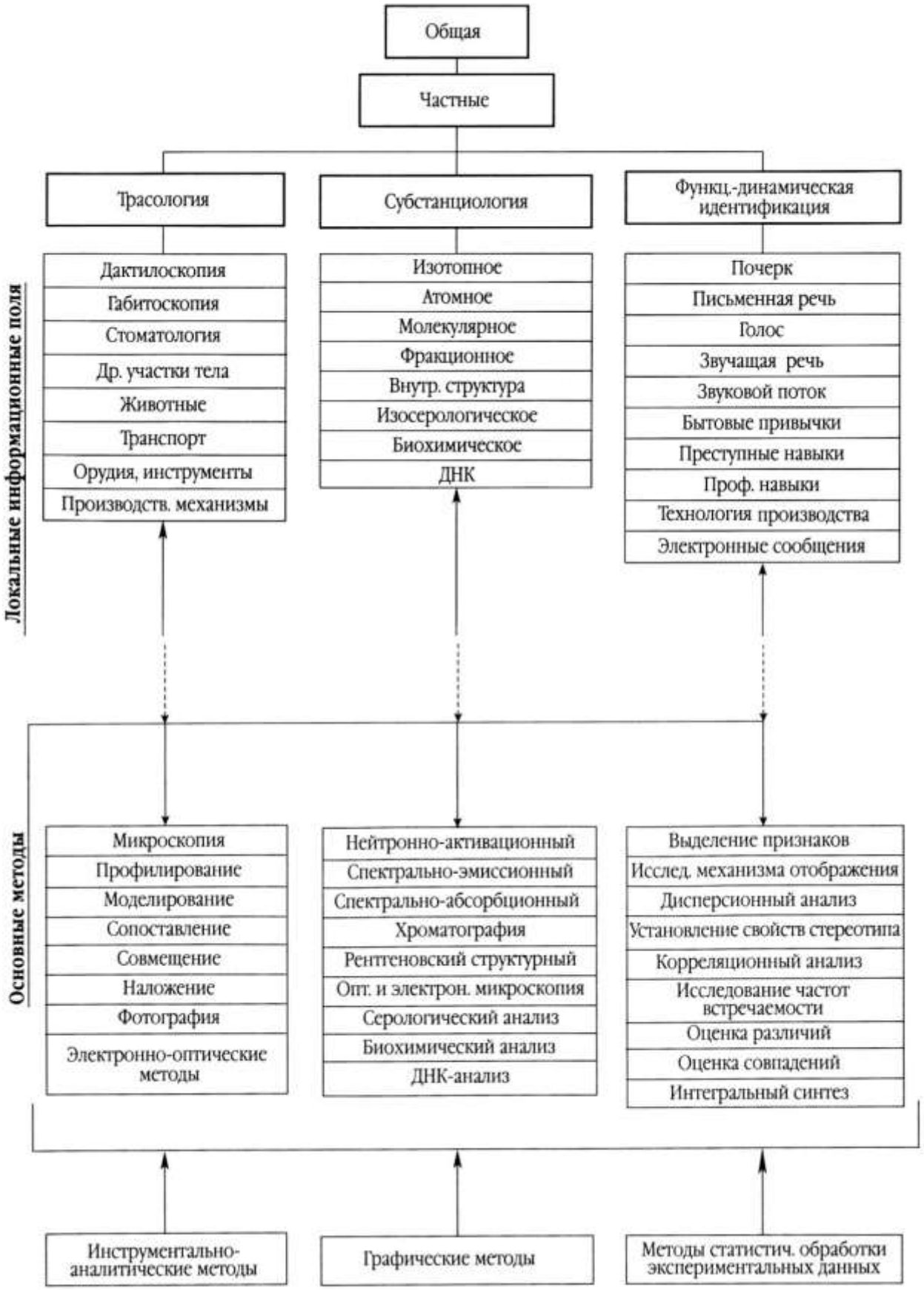

Рис. 3. Система научного знания. Методика идентификации.

Иначе обстоит дело с идентификационными исследованиями в криминалистике. Сравнительное исследование с целью разрешения вопроса о тождестве на основе предельной индивидуализации и выделения единичного материального объекта, связанного с расследуемым преступлением, специфично для криминалистики. Ни одна другая наука такой проблемой не занимается. Теория криминалистической идентификации и специализированные методики идентификации типовых объектов разработаны также только в криминалистике. Никакая другая наука (физика, химия, биология и др.) такими данными не располагает. В то же время естественные и технические науки имеют хорошо развитый классификационный аппарат, обеспечивающий систематизацию исследуемых объектов.

Однако классификационное исследование, определение групповой принадлежности в естественной науке заканчивается определением типа, рода, вида и т.д. Идентификационное же исследование в криминалистике с этого, по существу, только начинается. В этом принципиальное различие задач классификационного и идентификационного исследований в естественных науках и криминалистике.

Таким образом, классификационные исследования как задачи распознавания могут иметь самостоятельное значение и не быть связаными с идентификацией. Если же классификация преследует задачу индивидуализации и установления искомого объекта, она становится этапом идентификационного исследования, полностью согласуясь с его общей системой и конечными целями.

1.5.3. Идентификация и дифференциация

Рассматривая индивидуализацию, выделение единичного, как стратегию процесса идентификации, бессмысленно противопоставлять отождествление (идентификацию) и различие (дифференциацию). Неосновательно также утверждение, что дифференцирование представляет самостоятельный процесс и самостоятельную цель исследования, отличные от судебной идентификации. Такие взгляды развиваются в ряде работ И.Д.Кучерова применительно к сравнительному исследованию качественно-однородных объектов.

Установление различий в процессе идентификации не может рассматриваться в отрыве от установления совпадений уже потому, что эксперт одновременно, т.е. в одном и том же исследовательском процессе проверяет как версию о тождестве, так и версию о различии сравниваемых объектов. Различия устанавливаются внутри общего. Следовательно, установление различий предполагает также исследование общности и однородности сравниваемых

объектов в пределах более или менее широких групп. Поэтому неверно утверждение о том, что “эксперт не доказывает группового тождества аналогичных однокачественных объектов, а исходит из него как из презумпции” [173, стр. 87].

Выявляя в процессе исследования идентификационные признаки и свойства, эксперт заранее не знает, окажутся они совпадениями или различиями. Сталкиваясь с различиями, эксперт опять-таки заранее не знает, находятся ли они “внутри тождества”, т.е. характеризуют разные проявления: или состояния одного и того же объекта, или являются дифференцирующими, т.е. характеризуют различные сравниваемые объекты. Оценка обнаруженных свойств дается в стадии синтеза на различных уровнях исследования. Обнаружение и оценка совпадений и различий слиты в едином процессе индивидуализации. Противопоставлять эти стороны единого процесса, а тем более выделять одну из них в самостоятельный процесс исследования [166, стр. 120], методически ошибочно. Таким образом, как правильно пишет А.А.Эйсман, “существует единый процесс исследования, который в зависимости от объективных свойств исследуемого материала (и ни от чего более!) должен приводить к выводу о тождестве либо выводу о различии”. Следовательно, идентификация и дифференциация могут противопоставляться только как результаты исследования (идентичность - различие), но не самостоятельные процессы [308, стр. 33].

Особого внимания требует доказательственное значение результатов дифференцирования. В случаях идентификации отрицательный результат, т.е. дифференцирование сравниваемых объектов, является в процессе доказывания негативным, промежуточным. Он означает лишь исключение проверяемого объекта и не может рассматриваться как самостоятельная задача доказывания.

Однако в ряде случаев сравнительного исследования вещественных доказательств отрицательный результат, установление различия, неоднородности могут иметь самостоятельное доказательственное значение. Таковы установления различия красителя при выполнении основного текста и приписки в обозначении суммы, бумаги и машинописного текста в отдельных фрагментах документа различия в условиях освещения объектов на одном фотоснимке и т.п., свидетельствующие о подлоге или монтаже документа.

Процесс индивидуализации осуществляется здесь до выяснения дифференцирующего различия, а само различие указывает на важный доказательственный факт. В этих ситуациях нет искомых объектов, но есть подлежащие установлению факты: подлинность, подлог, монтаж, вклейка, допечатка и т.д. Соответственно этому применяется не идентификация, а иная самостоятель-

ная методика криминалистического исследования, а выводы эксперта оцениваются в зависимости от их связи с предметом доказывания.

В идентификационных ситуациях доказывания, т.е. при наличии искомого объекта, проблему установления группового тождества и дифференцирования следует рассматривать как стороны единого процесса исследования в рамках общей теории криминалистической идентификации. Выработка единого методического подхода к различным исследованиям с целью разрешения вопроса о тождестве и установления искомого объекта, создание целостной системы принципов, средств и методов такого исследования составляет смысл и содержание теории криминалистической идентификации [298, стр. 35]. Вне такого единства и целостности теория идентификации теряет свое практическое значение.

Следует отметить, что в работах представителей химии, биологии и других естественных и технических наук термины “идентификация”, “дифференциация” и “классификация” используются довольно часто как синонимы и им не дается четких определений и разграничения соответствующих понятий [см., например, 242]. Это объясняется тем, что соответствующие науки ограничиваются решением классификационных задач, а определение таксономической категории достигается путем ее отграничения от смежных. В силу принципиального отличия задач криминалистической идентификации в составе теории криминалистической идентификации должно быть дано строгое определение содержания и функции указанных понятий.

Разработка идентификации по материальным отображениям опирается на совокупность естественных и технических наук, данные которых могут быть использованы при разрешении вопросов о тождестве. В их числе математика, физика, химия, биология, а также прикладные дисциплины, обслуживающие судебный процесс: судебная медицина и судебная химия. Особо следует указать на связь этого раздела теории идентификации с криминалистической техникой. Возникнув на базе обобщения криминалистических исследований с целью отождествления, теория идентификации явилась одним из средств взаимосвязи и взаимообогащения различных отраслей криминалистической техники и превращения их в целостную научную систему.

1.5.4. Криминалистическая идентификация и “предметные науки”

Рассматривая место теории криминалистической идентификации в системе научного знания, необходимо остановиться на концепции так называемых предметных наук судебной физики, судебной химии, судебной биологии и др. [А.И.Винберг, Н.Т.Малаховская - см. 52]. Выделение указанных наук из

криминалистики и их развитие на базе соответствующих материнских (физики, химии и т.д.) наук обосновывается тем, что естественнонаучные методы и средства разрешения экспертных задач разрабатываются не в криминалистике, а в соответствующих материнских науках. Таким образом, по логике этого рассуждения следует говорить, например, не о криминалистической идентификации материалов, веществ, изделий, а о судебно-физической, судебно-химической и других видах идентификации в зависимости от природы используемых методов.

Такой взгляд не может быть обоснован ни принципами науковедения, ни тенденциями специализации экспертных знаний в криминалистике.

Во-первых, следует подчеркнуть, что ни одна из указанных фундаментальных наук не ставит задачи индивидуализации единичного материального объекта на основе выявления в нем случайных свойств. Научный и методический аппарат для решения этой задачи разрабатывается только в криминалистике, которая в силу этого является базовой (“материнской”) наукой для всех видов индивидуальной идентификации, независимо от природы объектов и используемых для идентификации методов.

Во-вторых, практика научных исследований в области идентификации показывает, что разработка конкретных методик идентификации осуществляется не на основе замкнутых частно-научных систем (физика, химия, биология и др.), а на основе сложных междисциплинарных комплексов, структура которых полностью обусловлена природой объекта и задачей исследования, а “прописка” того или иного метода “на территории” той или другой науки не имеет практического значения.

Наиболее показательны в этом отношении развитие криминалистической идентификации материалов, веществ и изделий как нового направления криминалистической экспертизы [см. 204; 298 др.].

Перспективным направлением развития специализированных методик идентификации является, как показывает практика учреждений судебной экспертизы в России и за рубежом, создание лабораторных комплексов, базирующихся на современной аналитической и микропроцессорной технике, работающих по специально разработанным программам в диалоговом режиме при максимальном использовании банков данных, обеспечивающих точную классификацию и глубокую индивидуализацию объектов идентификации. Определенный опыт создания и использования таких комплексов уже имеется в РФЦСЭ при МЮ РФ, ЭКЦ МВД РФ и других криминалистических учреждениях ряда зарубежных государств. Такого рода комплексы на основе методологии криминалистической идентификация представляют и физику, и химию, и биологию, и математику, и кибернетику. Представляется очевидным, что ни

одна “предметная судебная наука” в отрыве от практических судебно-экспертных задач и методологии криминалистики и других естественных и технических наук не может обеспечивать разработки эффективно работающих современных специализированных методик криминалистической идентификации.

С позиций сказанного следует оценивать также и концепцию так называемых “судебных наук” (“forensic science”), имеющую широкое распространение за рубежом.

1.5.5. Криминалистическая идентификация и идентификация в других науках

В период научно-технического прогресса понятие идентификации получило широкое распространение в различных областях науки и техники и разрабатывается в качестве фундаментального понятия ряда наук. Это обстоятельство непосредственно связано с активизацией исследований, преследующих цели узнавания материальных и идеальных объектов, их классификации и систематизации в связи с решением задач управления на основе использования современной компьютерной техники.

Вместе с тем, концепции идентификации в различных областях наук и даваемые ей определения чрезвычайно разнообразны.

Так, в психологии и социологии под идентификацией понимается процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом: имитация, подражательное поведение [357, стр. 199].

В технике и математике под идентификацией понимается установление соответствия распознаваемого предмета своему образцу (знаку), называемому идентификатором [324, стр. 481].

Наиболее общее определение идентификации дается в логике, где она рассматривается как “уподобление”, установление однозначности, тождества каких-либо объектов на основе тех или иных признаков” [51, стр. 165].

Разнообразие определений и концепций идентификации в частных науках является вполне закономерным явлением, поскольку концепция идентификации определяется ее задачей, объектами и основаниями отождествления, которые в различных областях знания принципиально различаются, что и порождает многообразие концепций и частных теорий идентификации.

Для теории криминалистической идентификации ознакомление с иными частно-научными концепциями и теориями идентификации представляет интерес с точки зрения двух позиций.

1. Возможности генерализации (обобщения) уровня теории криминалистической идентификации и возможной трансформации ее в общенаучную теорию. Так, рядом авторов высказывалась мысль об аксиоматизации языка и

создании математической теории криминалистической идентификации [321; 75; 388].

Высказана также мысль (Грановский Г.Л.) о том, что теория криминалистической идентификации представляет одну из ветвей теории распознавания образов.

Эти гипотезы имеют далеко идущие последствия, так как предполагают тотальный пересмотр концептуального, понятийного и технического аппарата ныне функционирующей теории.

2. Возможности использования частно-научных методов математики, кибернетики, техники и естественных наук для решения конечных и промежуточных задач криминалистической идентификации.

Если принципиальные возможности использования частно-научных методов других наук для решения промежуточных задач идентификации представляются очевидными, поскольку вытекают из общего метода науки криминалистики, то проблема полной формализации и математизации идентификации представляется принципиально неразрешимой.

Вопрос о возможности создания общей математической модели и теории криминалистической идентификации не может быть решен в связи с отсутствием математического аппарата, позволяющего моделировать надежность как положительного, так и одновременно отрицательного вывода о тождестве в соответствии с экспертными версиями в любой идентификационной ситуации. Процесс идентификации содержит ряд принципиально неформализуемых операций, например, обнаружение случайных свойств, оценка их совокупности, определение критериев надежности выбора и др. Чрезвычайно велика роль экспертноэвристических методов идентификации. Поэтому существующие математические средства обеспечивают в общем виде математическое описание процесса индивидуализации, дают возможность построить алгоритм решения промежуточных задач идентификации на стадиях планирования эксперимента, раздельного сравнительного и синтезирующего исследования. Возможна также разработке слабых (“расплывчатых”) алгоритмов решения идентификационных задач в различных предметных областях экспертно-криминалистической идентификации[1]. Математическая теория идентификации также, как и теория распознавания образов, как ветви математики и кибернетики, возникла в качестве специального аппарата управления сложными системами в целях решения чрезвычайно широкого круга задач.

Задача идентификации состоит при этом в оценивании параметров и со-

[1] Подробнее о математическом моделировании идентификационных задач см. раздел 2.

стояния системы по результатам наблюдения над входными и выходными переменными, полученными в условиях функционирования объекта" [389]. В качестве управляемых объектов могут рассматриваться при этом автоматизированные системы, физические, механические и химические процессы, ядерные реакторы, энергетические системы, комплексы связи, летательные аппараты, биологические объекты, социально-экономические системы. По существу, речь идет об оптимальной оценке параметров функционирующей сложной системы на основе автоматизированной обработки получаемых от нее сигналов посредством вычислительных машин, т.е. о проблеме управления сложными системами.

В силу принципиального различия задач и объектов математическая теория идентификации ни в коем случае не может рассматриваться как более общая теория, интегрирующая задачу криминалистической идентификации. В то же время используемые ею методы моделирования, стохастической аппроксимации параметров, вероятностно-статистические методы, регрессионный анализ, корреляционный анализ, ряд алгоритмов и программ [см. 389; 301 и др.] могут быть успешно использованы для решения подзадач экспертно-криминалистической идентификации.

Столь же широкий круг задач и объектов охватывается современной теорией распознавания образов. В качестве задач распознавания рассматриваются не только предметы, но и распознавание любой регулярности и любого соотношения между предметами [262, стр. 10]. К ним относятся отпечатки пальцев, электрокардиограммы, радиолокационные эхо-сигналы с небесных тел, шумы двигателей, сейсмические ядерные явления... листья растений, насекомые, психопатии, человеческие лица и т.п. [там же, стр. 261].

Анализируя цели распознавания, авторы видят их в том, чтобы распределить эти объекты по категориям, т.е. разбить всю совокупность на непересекающиеся классы каким-то разумным и целесообразным способом [302].

Поскольку теория распознавания не ставит задачи индивидуальной идентификации, ее научный и технический аппарат используется для решения промежуточных задач идентификации: классификации и дифференциации (различения) исследуемых объектов.

II. Элементарный акт отождествления

2.1. Общая структура криминалистической идентификации

Проблема общей структуры и методики криминалистической идентификации имеет существенное теоретическое и практическое значение.

В первую очередь такая структура образует теоретическую основу разработки частных методик криминалистической идентификации, то общее, что выносится “за скобки” частных методик, позволяя ученым-криминалистам, работающим над конкретными родами и видами экспертиз, концентрировать свои усилия на учете специфических особенностей исследования частных форм идентификации, повышая тем самым их эффективность.

Указанная структура представляет также методическую основу производства любого практического идентификационного исследования, так как в предельно общей форме описывает задачи, стадии и средства решения вопроса о тождестве, отвлекаясь от особенностей частных экспертных ситуаций.

В силу указанного эта структура и методика создают основу практического решения всех важнейших вопросов, связанных с назначением, производством и использованием идентификационных криминалистических экспертиз в процессе расследования преступлений и рассмотрения судебных дел, образуя поэтому существенный элемент профессионально-практической подготовки следователя, судьи, специалиста и эксперта.

2.1.1. Задача криминалистической идентификации и ее структура

Сущность криминалистической идентификации обусловлена ее общей целью - разрешением вопроса о тождестве отображенных в следах материальных объектов. Структура же процесса криминалистической идентификации обусловлена системой ее подзадач, определяющих содержание отдельных стадий исследования.

Это принципиальное положение вытекает из общих предпосылок деятельностного и системного подходов.

Цель, как закон, определяет способ действия. Поэтому задача и подза-

дачи исследования, относящиеся к программно-целевым компонентам исследовательской деятельности эксперта, обусловливают ее структуру и методику.

Принципиальная значимость и методические последствия значимости задач и структуры идентификации во всей полноте осознаются криминалистами по мере освоения ими принципов системно-деятельностного подхода.

Основное содержание идентификации образуют познавательная, мыслительная деятельность эксперта. Вместе с тем, в процессе идентификации должен быть решен ряд практических задач, осуществлен ряд практических действий, приемов, операций. Они образуют внешнюю сторону мыслительной деятельности эксперта, которая, как ее форма, неразрывно связана с познавательным содержанием идентификации. В числе главных структурообразующих познавательно-практических подзадач идентификации должны быть выделены:

а) информационное и организационное обеспечение исследования;

б) установление свойств отождествляемых объектов путем анализа идентификационных признаков;

в) выявление совпадений и различий путем сравнения свойств отождествляемых объектов;

г) интегральная оценка комплекса установленных различий, совпадений и определение оснований вывода.

Только последовательное и правильное решение всех этих задач даст возможность прийти к выводу по вопросу о тождестве.

В соответствии с указанными подзадачами процесс криминалистической идентификации делится на четыре стадии:

1) предварительное исследование;
2) аналитическая стадия;
3) сравнительная стадия;
4) синтетическая стадия.

Определение подзадачи идентификации и ее стадий характеризует основное структурное деление процесса идентификации. На следующем уровне деятельности в рамках каждой из выделенных стадий и в структуре их взаимодействия решаются частные задачи. Они определяют структуру нижележащего уровня идентификации. Так, в стадии предварительного исследования решаются организационно-технические и информационно-управленческие задачи: эксперт знакомится с материалами дела и осуществляет экспертный анализ следственной ситуации, в связи с которой возникли вопросы, требующие специальных познаний. Определяется круг объектов исследования, подлежащие разрешению вопросы. В исследуемых объектах выделяют подлежащие исследованию идентификационные поля. При этом эксперт использует право

на экспертную инициативу. Эксперт строит версии по обстоятельствам и условиям, влияющим на формирование объектов исследования и оценку их признаков, определяет возможность решения поставленных вопросов.

С учетом построенных версий планируется процесс экспертного исследования, составляются его технологические схемы. На этой основе реализуется ряд научно-практических методов: осуществляется осмотр объектов идентификации, посредством моделирования и эксперимента получают образцы для сравнительного исследования, обеспечивается материально-техническая и информационно-справочная база исследования.

На стадии аналитического или раздельного исследования осуществляется исследование с целью установления свойств сравниваемых объектов. Основным методом такого исследования является анализ, т.е. выявление в общей структуре объекта идентификационного поля признаков, характеризующих отдельные свойства идентифицируемого объекта и их совокупности. Поскольку форма отражения признака зависит от условий взаимодействия объектов, для исследования этой зависимости проводится эксперимент и производится обработка его результатов в “ручном” или автоматическом режимах на качественном и количественном уровнях.

В процессе раздельного исследования используются методы наблюдения, измерения, описания, моделирования исследуемых объектов.

Анализ каждого из сравниваемых объектов осуществляется раздельно, а информация, полученная при таком исследовании, не должна смешиваться в соответствии с принципом разграничения искомого и проверяемого объектов. В соответствии с этим принципом каждое раздельное установленное свойство идентифицируемого объекта жестко соотносится с идентификационным полем соответствующего искомого или проверяемого объекта. Вместе с тем по ряду методических соображений процесс раздельного анализа в типовых ситуациях идентификации целесообразно осуществлять параллельно с процессом сравнительного исследования. В этом случае каждое раздельное установленное свойство или совокупность свойств искомого объекта сопоставляется с соответствующим свойством или совокупностью проверяемого. После завершения анализа, сравнения и предварительной оценки отдельного свойства (или их совокупности) эксперт переходит к исследованию следующего. Иными словами, процесс раздельного и сравнительного исследования осуществляется в типовых ситуациях циклически. В качестве предварительных и вспомогательных приемов сравнительного исследования используются приемы сопоставления, совмещения и наложения отображений сравниваемых объектов, основанные на сравнении признаков.

Задача сравнительной стадии состоит в выявлении совпадений и различий свойств сравниваемых объектов. Для разрешения задач этой стадии необходимо предварительно на аналитической стадии достоверно установить и зафиксировать наличные свойства сравниваемых объектов. Это свидетельствует о самостоятельности рассматриваемых стадий идентификации.

Совпадение или различия свойств могут быть установлены на качественном (наличие - отсутствие свойств) или количественном уровне (совпадение или различие степени выраженности, статистической закономерности проявления свойств).

В результате сравнения выявляются комплекс различий и комплекс совпадений свойств.

Задача синтетической стадии состоит в интегральной оценке совокупности различий и совпадений свойств сравниваемых объектов и определении оснований вывода.

Оценочная деятельность пронизывает весь процесс экспертной деятельности. Уже на уровне предварительного сравнения объектов и сопоставления их признаков дается предварительная их оценка. Однако на первоначальных стадиях исследования такие оценки по своей природе являются экспертными версиями, например, совпадение признаков может быть результатом повышенного сходства объектов, различие признаков - различием во внешних условиях письма и т.д.

Оценка в стадии синтеза характеризуется следующими чертами:

1) она касается не признаков, а выявленных на сравнительной стадии свойств сравниваемых объектов, т.е. осуществляется на уровне опосредствованного логического исследования.

2) Дается оценка не отдельным свойствам, а всей совокупности различий и совпадений, т.е. имеет интегральный характер.

3) Является не предварительной, а окончательной, представляющей необходимое и достаточное основание для вывода эксперта, обусловливающей его содержание и форму.

С этих позиций ясна необходимость и самостоятельность рассматриваемой стадии идентификации.

В процессе оценки дается оценка совокупности выявленных различий на основе исследования закономерностей и факторов, обусловливающих изменения идентифицируемых объектов в идентификационный период.

Оценка совокупности совпадений требует исследования происхождения свойств, их взаимосвязи и частоты встречаемости.

Вывод эксперта обобщает критерии и итоги оценки различий и совпадений.

Таким образом, предварительное исследование, аналитическая, сравнительная и синтетическая стадия представляют важнейшие структурные подсистемы идентификации, обусловленные ее основными подзадачами и принципами исследования.

Вместе с тем, на каждой из указанных стадий, как видно из сказанного, решается ряд типовых частных задач, которые обусловливают внутреннюю структуру каждой из этих стадий. Эти задачи решаются набором типовых методов, в совокупности образующих методику идентификационного исследования на каждой стадии идентификации.

2.1.2. Стадии и циклы идентификации

Выделяемые по признаку подзадач и частных задач стадии и этапы идентификации представляют алгоритм деятельности эксперта, характеризуют программу и содержание его познавательных и практических действий, методов, средств.

Строгость указанного алгоритма определяется тем, что разрешение задачи предшествующей стадии создает логическую и методическую основу для разрешения задач последующей. В отношении ряда задач и операций должна соблюдаться строгая последовательность во времени. Так, разработка экспертных версий всегда должна предшествовать планированию исследования, составление технологической схемы исследования - производству эксперимента, выявление комплекса совпадений и различий, их совокупной оценке и т.д.

Вместе с тем, однако, очевидна и тесная связь рассматриваемых стадий исследования, в частности раздельного и сравнительного исследования, о которой говорилось выше.

Как отмечалось уже в ранних работах по методике идентификации, оценку каждого идентификационного свойства целесообразно сочетать с его сравнением в объектах идентификации [119, стр. 45-47]. При этом анализ и сравнение должны сочетаться с предварительной оценкой выявленного совпадения или различия. В первом случае с точки зрения его редкости, частоты встречаемости, во втором - с точки зрения устойчивости выявленного свойства. Анализ, сравнение и оценка (синтез) образуют элементарный цикл сравнительного исследования, который повторяется при переходе к исследованию очередного свойства (стороны, качества) объекта. Элементарный цикл охватывает раздельное и сравнительное исследование поля идентификационных признаков, отображающих отдельное свойство как искомого, так и соответствующего свойства проверяемого объекта. Акт идентификации складывается из совокупности таких элементарных циклов по числу исследованных свойств. Положительное разрешение вопроса о тождестве единичного объекта

предполагает полный цикл сравнительного исследования последовательно охватывающий необходимую и достаточную для категорического отождествления совокупность общих и частных свойств объекта. Наряду с полным и элементарным циклом есть основание выделить уровни сравнительного исследования, обеспечивающие решения промежуточных идентификационных задач.

К их числу следует отнести: 1) установление возможности идентификации; 2) дифференциацию (исключение проверяемого объекта) на основе установления исключающих различий; 3) распознавание, классификацию и субклассификацию идентифицируемых объектов.

Решение каждой из этих задач требует совокупной итоговой оценки обнаруженных совпадающих и различающихся свойств, необходимых и достаточных для соответствующего экспертного вывода.

Идея цикличности идентификационного процесса отражает структуру информационного моделирования действительности мозгом человека [213, стр. 23-26] и поэтому в максимальной степени способствует решению творческих, эвристических задач экспертом.

Правильное использование экспертом специальных циклов позволяет избежать излишней детализации экспертного анализа и затрат времени, делает исследование максимально целенаправленным и эффективным. Так, правильная субклассификация сравниваемых объектов обеспечивает выбор наиболее эффективной аналитической методики; своевременное установление комплекса исключающих различий делает излишним трудоемкое сравнительное исследование многих частных признаков.

Циклическая структура процесса идентификации освобождает этот процесс от излишней формализации, делает его гибким, позволяет максимально использовать особенности благоприятных экспертных ситуаций в целях решения конечной задачи экспертизы. Вместе с тем, эта структура обязывает эксперта использовать все информационные, методические и технические возможности и резервы экспертизы в сложных случаях, осуществлять полный, развернутый процесс исследования.

Проведенный структурный анализ процесса экспертно-криминалистической идентификации позволяет заключить, что выделение в этом процессе стадий, обеспечивающих решение основных подзадач исследования в сочетании с принципом цикличности, обеспечивающим максимальную взаимосвязь стадий, гибкость исследования и его адаптацию к различным экспертным ситуациям в решении промежуточных задач идентификации, приближающих эксперта к конечной цели исследования, представляет наиболее адекватную структурно-функциональную модель идентификации.

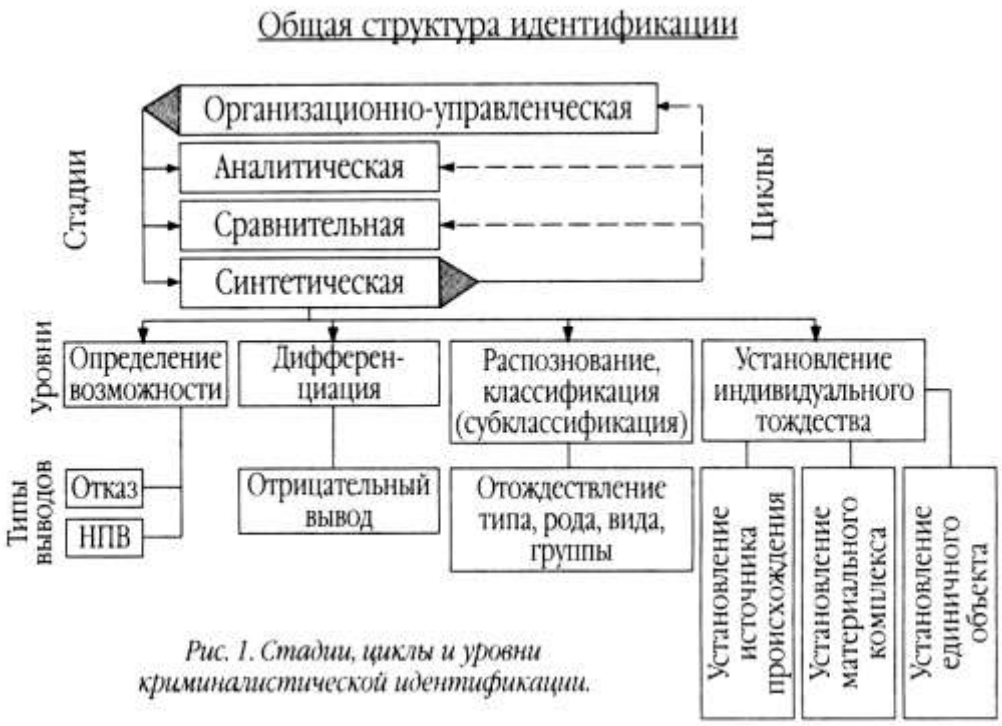

Рис. 1. Стадии, циклы и уровни криминалистической идентификации.

2.2. Предварительное исследование

Общая задача данной стадии заключается в программно-информационном и организационно-техническом обеспечении идентификационного исследования.

Для разрешения этой общей задачи эксперт должен произвести анализ следственно-экспертной ситуации и на этой основе определить предмет своего исследования, т.е. сформулировать задачу исследования, определить круг исследуемых объектов, выделив подлежащие в них анализу идентификационные поля, определить возможности разрешения поставленных перед экспертизой вопросов, построить экспертные версии об искомых объектах и механизме отображения идентификационных свойств, получить посредством экспертного эксперимента сравнительные материалы, составить план, а при необходимости и технологическую схему исследования, обеспечив ее материально-техническую и информационную базу. Разрешение указанных задач имеет первостепенное значение для обеспечения и использования возможностей современной науки и техники в разрешении возникающих при расследовании задач и установления истины по уголовному делу.

2.2.1. Определение предмета исследования

В конкретных следственных и экспертных ситуациях посредством идентификации может решаться широкий спектр следственных и экспертных за-

дач. Для выяснения задачи своего исследования эксперту необходимо ознакомиться с конкретной следственной (судебной) ситуацией, обусловившей назначение экспертизы, объектами исследования, вопросами, поставленными на разрешение эксперта[1].

Непосредственная задача идентификации состоит в установлении происхождения конкретного следа от конкретного объекта: не оставлен ли данный след данным объектом, не написана ли рукопись данным лицом, не возникло ли почвенное наложение на одежде на данном участке местности и т.д. Однако в силу того, что исследуемые отображения, следы возникают в результате взаимодействия, в ходе которого каждый из объектов может отобразиться в других взаимодействующих объектах и сам явится источником информации о них и среде взаимодействия, а также в силу того, что механизм взаимодействия связан с общим механизмом преступления: взломом, выстрелом, транспортной аварией, подделкой документов, убийством, изнасилованием и т.д., идентификационное исследование может использоваться как средство исследования механизма материальных взаимодействий и механизма преступления, а также средство исследования причинных связей по уголовному делу. В связи с этим правильная организация идентификационного исследования как средства установления обстоятельств уголовного дела невозможна без специального криминалистического анализа следственной ситуации, вызвавшей необходимость назначения и производства идентификационной экспертизы. Такая ситуация по своему характеру является следственно-экспертной, так как базируется на собранных следователем фактических данных и требует привлечения специальных экспертных познаний.

В структуру следственно-экспертной идентификационной ситуации входят фактические данные о следующих ее элементах:

1) искомом объекте;

2) механизме его функционирования и взаимодействия с другими элементами материальной обстановки расследуемого события;

3) системах и подсистемах свойств искомого объекта и взаимодействующих с ним объектов, могущих отразиться в обстановке преступления (идентификационных полях искомого объекта), потенциальных идентифицируемых объектах;

4) объектах, на которых могли отразиться свойства искомого объекта и взаимодействующих с ним объектов и которые в связи с этим являются потенциальными следоносителями (идентифицирующими объектами);

[1] Соотношение задач, предмета и объекта экспертизы обстоятельно рассмотрено А.Р.Шляховым.

5) субъектах идентификационного исследования (следователя, специалистов, экспертов), их опыте, техническом оснащении, научном потенциале.

Идентификационная ситуация разрешается путем производства идентификационного исследования, для чего необходимо получить сведения об отсутствующих элементах ситуации, построив о них соответствующие экспертные версии, осуществить мысленное моделирование искомого объекта, его предметное моделирование в форме проверяемых объектов и образцов для сравнительного исследования.

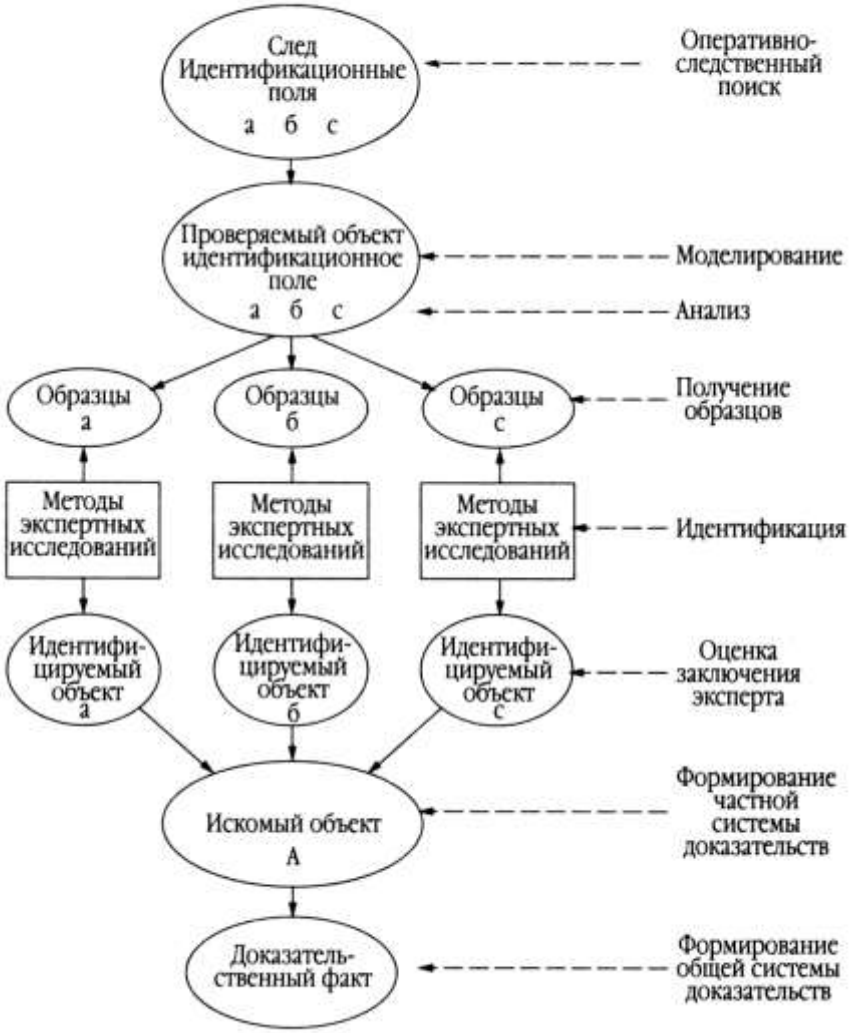
После завершения исследования его выводы оцениваются с учетом всей системы фактических данных, образующих идентификационную ситуацию, и включаются в частную систему доказательств об искомом объекте и общую систему доказательств (см. схему).

Для того чтобы правильно уяснить предмет своего исследования и оценить возможности использования специальных познаний, эксперт должен “видеть” роль искомого объекта в обстоятельствах конкретного уголовного дела. Таким объектом может быть автомашина, совершившая наезд на пешехода и скрывшаяся с места происшествия; преступник, совершивший кражу со взломом в складском помещении; участок местности, на котором совершено изнасилование и убийство, и т.д. Информационное моделирование механизма расследуемого события и роли в нем искомого объекта необходимо эксперту для выделения в структуре искомого объекта идентификационных полей, возникающих на основе внутреннего и внешнего отражения свойств, в условиях взаимодействия искомого объекта с другими объектами материальной обстановки преступления.

Так, в зависимости от обстоятельств дорожно-транспортного происшествия на асфальтовом покрытии могут остаться в одном случае следы, отображающие рисунок протектора автомашины, а в других также след трения резины шины, кусочки лакокрасочного покрытия, кусочки стекла фарного рассеивателя, частички перевозимого груза, следы трения обшивки кузова и даже отпечатки номерного знака автомашины.

Моделирование экспертом и специалистом идентификационного поля, актуализация которого возможна в обстоятельствах конкретного уголовного дела, особенно важно при их участии в осмотре места происшествия с целью обнаружения невидимых следов искомого объекта, его микрочастиц, а также при собирании образцов для сравнительного исследования.

Схема анализа и решения идентификационной ситуации

В этой части работы особенно важно не ограничиваться какой-либо одной формой отражения искомого объекта, например, следами внешнего строения, а использовать все формы внешнего и внутреннего отражения, могущих проявиться в данной конкретной ситуации.

Особое место занимает информационное моделирование материальных комплексов, формирование которых происходит непосредственно в обстоятельствах уголовного дела: разделение целостного биологического или механического объекта на части, выделение множества объектов, ранее составляющих целостные системы, например, при хищении книг из библиотеки, товаров из склада, носильных вещей, принадлежащих конкретному лицу, отображение элементов почвенно-растительного комплекса на одежде преступника и т.д.

На основе изложенного должен решаться вопрос о необходимости и пределах ознакомления эксперта с материалами уголовного дела и его участии в производстве следственных и судебных действий.

Принципиальная необходимость ознакомления эксперта с обстоятельствами дела признается как большинством советских криминалистов, так и судебно-следственной практикой. Прокуратура РФ обязывает следователей представлять экспертам полную возможность знакомиться с материалами дела, которые могут иметь значение для вывода экспертизы. Соответствующие указания содержатся также в ряде определений Верховного Суда РФ.

Большую сложность представляет вопрос о пределах ознакомления эксперта с обстоятельствами дела и о характере тех обстоятельств, которые следует изучать эксперту. Этот вопрос становится еще более актуальным в связи с представлением эксперту права на экспертную инициативу (ст. 204 УПК РФ), которая является также обязанностью экспертов государственных экспертных учреждений.

Исходными при этом должны быть следующие положения:

1. Эксперт не является субъектом доказывания по уголовному делу и поэтому он не должен быть ознакомлен со всеми обстоятельствами и доказательствами по уголовному делу.

2. Эксперт обязан доказать истинность своего вывода, опираясь на собранные при расследовании фактические данные и собственные специальные познания. Поэтому ему должны быть представлены сведения об объектах исследования, их свойствах и механизме их формирования отражения и изменения.

3. Право на экспертную инициативу, выявление и реализация потенциальных возможностей применения специальных экспертных познаний возможно лишь на базе углубленного анализа с исследованием специальных познаний следственно-экспертной идентификационной ситуации. Поэтому эксперту должны быть предоставлены материалы и возможности для такого анализа. Следователь должен, используя находящиеся в его распоряжении средства, собрать сведения об этих обстоятельствах и предоставить их в распоряжение эксперта, а последний обязан тщательно изучить их. Круг обстоятельств дела, ознакомление с которыми необходимо эксперту для правильного разрешения вопроса о тождестве, зависит также от вида криминалистической экспертизы (почерковедческая, трасологическая, материалов, веществ и т.д.).

Так, при почерковедческой идентификации для эксперта существенное значение имеют сведения о возрасте, родном языке, образовании и роде занятий предполагаемого исполнителя рукописи. Важно установить, не страдает ли это лицо нервной болезнью, не имеет ли оно дефектов зрения, не наблюдалось ли при выполнении данного документа каких-либо особенностей в условиях письма (необычная поза, необычный пишущий прибор и т.д.).

При идентификационном криминалистическом исследовании почвенно-

растительных наложений на одежде для эксперта важны сведения о времени, месте и механизме их образования, способе использования, изъятия, хранения и пересылки одежды со следами, а также возможных изменениях проверяемого почвенно-растительного комплекса с момента преступления и до отбора образцов для исследования.

Если в качестве объекта экспертизы эксперту представляется материальная обстановка преступления и предметом исследования являются существенные элементы механизма расследуемого события: время, круг материальных объектов, последовательность и механизм их взаимодействий, эксперту должны быть сообщены собранные в процессе расследования фактические данные об указанных обстоятельствах и изменениях, происшедших в обстановке места происшествия с момента совершения преступления и до экспертизы.

В любом случае криминалистической идентификации существенное значение имеют обстоятельства, указывающие на происхождение свойств идентифицируемых объектов, а также на возникновение и изменение их отображений, роль искомого объекта в механизме расследуемого события.

Обстоятельства дела, подлежащие изучению при производстве экспертизы, излагаются в постановлении о назначении экспертизы. В ряде случаев целесообразно представление самих материалов дела, из которых можно почерпнуть нужные сведения (протокол осмотра места происшествия, протоколы обысков, допросов, следственных экспериментов и т.д.), а также участие эксперта в осмотрах, выемках и других следственных действиях.

Определение задач и объема исследования производится следователем. Однако ввиду отсутствия у следователя специальных познаний им иногда допускаются при формулировании вопросов эксперту ошибки и неточности. Поэтому у эксперта в ряде случаев возникает потребность изменить вопросы, поставленные на разрешение экспертизы.

Если изменение вопросов самим экспертом не затрагивает задач и объема исследования и касается только словесной формулировки, оно должно быть признано правомерным. В ряде случаев лица, назначающие экспертизу, пользуются формулировками, неправильно или неточно передающими смысл и содержание вопроса, интересующего судебно-следственные органы. Часто, например, встречаются вопросы типа: “Сходен ли (или “соответствует ли”) почерк А с почерком, которым выполнена рукопись? Или: “Совпадают ли признаки оттиска печати в оспариваемом документе с признаками печати, представленной в качестве образца?”; “Однородна ли жидкость (самогон) в бутылке № 1, изъятой у гр. А., и фляге № 2, изъятой у гр. Г.?”.

Очевидно, что в подобных случаях вопрос должен быть поставлен не о

сходстве, совпадении или однородности, а о тождестве единичного предмета, источника происхождения. Поэтому формулировка вопросов, ставящихся перед экспертизой, в целях точной передачи смысла должна быть соответствующим образом изменена. Например: “Выполнена ли спорная рукопись гр. А. или она выполнена другим лицом?”; “Не проставлен ли оттиск печати в оспариваемом документе печатью КВД № 25 г. Львова?”; “Не представляет ли жидкость, находящаяся в бутылке № 1, часть общего объема жидкости, сформировавшейся во фляге № 2?”.

Самостоятельное сужение объема исследования выходит за пределы компетенции эксперта. Оно не может быть признано допустимым. Если эксперт по обстоятельствам дела сочтет необходимым расширить объем исследования, он в соответствии со ст. 204 УПК РФ вправе отразить это в своем заключении.

На экспертизу была представлена расписка агента по снабжению В. в получении от заведующего складом С. папирос, вина и других товаров. В. отрицал как получение упомянутых товаров, так и выдачу расписки. Следователем был поставлен вопрос о том, кем - В. или С. выполнена подпись от имени получателя. Исследованием почерка было установлено, что эта подпись выполнена агентом по снабжению В. Эксперт, однако, не ограничился разрешением поставленных перед экспертизой вопросов. Тщательно исследуя текст расписки, выполненной копировальным карандашом на листке неплотной, шероховатой бумаги, эксперт обнаружил несколько мелких штрихов графитного карандаша, не относящихся к тексту расписки. Возникло предположение, что эти штрихи являются остатками первоначального текста и что новый текст написан на месте удаленного первоначального текста.

Эксперт по согласованию со следователем дополнил объем исследования и поставил вопрос, кем выполнен текст представленной расписки. Оказалось, что текст исполнен не агентом по снабжению В., который по обстоятельствам дела должен был его выполнить, а заведующим складом С. Результаты исследования в их совокупности позволили следователю сделать вывод о том, что С., используя подпись В. на выданной ранее расписке, сфабриковал документ на значительно большее количество товаров. Дальнейшее расследование подтвердило правильность этого вывода.

Таким образом, принятая экспертом формулировка задания (вопросов) экспертизы должна отвечать следующим требованиям:

1) исходить из задач доказывания по уголовному делу, вытекающих из ознакомления эксперта со следственной ситуацией, на основе ознакомления с постановлением о назначении экспертизы и обстоятельствами дела;

2) отражать современные возможности индивидуализации объектов;

3) учитывать объем и характер идентификационной информации, содержащейся в представленных эксперту материалах (следы, образцы, фотоснимки, схемы и т.д.);

4) быть выраженной в понятной для следователя и суда форме.

С целью конкретизации предмета и задач исследования осуществляется ознакомление эксперта с объектами идентификации.

Такое ознакомление осуществляется в форме экспертного осмотра, классификации и группировки представленных на экспертизу объектов.

Осмотром устанавливаются наличие и сохранность объектов идентификации, место каждого из них в системе расследуемого события и системе идентификационного исследования.

В этой части работы важно не упустить имеющихся научно-технических возможностей, которые в силу отсутствия специальных познаний нередко не замечаются следственными и судебными работниками. Особенно это важно в тех случаях, когда отображения искомого объекта могут иметь характер латентных отпечатков или микроследов. В тех случаях, когда на экспертизу представлен ряд объектов, должна быть произведена их группировка по каждому элементарному акту идентификации, а именно:

1) отображения искомого объекта (исследуемые объекты);

2) проверяемый объект;

3) его отображения (образцы).

Объекты идентификации должны быть рассмотрены как носители информации. В каждом из них должен быть выделен следоноситель и субстрат отображения (материальная форма информационного сигнала). Это важно как с точки зрения выбора средств фиксации и исследования, так и в целях обеспечения сохранности объектов. Исходя из этого, избирается способ обращения с предметами и порядок их хранения во время исследования. В случае необходимости немедленно принимаются специальные меры по сохранению предметов (например, фотографирование и окантовка документов, обеспечение специального температурного режима и влажности воздуха, необходимых для сохранения вещественных доказательств, и т.д.).

На отображения искомых объектов распространен процессуальный режим вещественных доказательств, предусматривающий специальные условия их хранения, пересылки, использования (ст. 81 УПК РФ).

Процессуальный режим получения образцов для сравнительного исследования предусмотрен ст. 202 УПК РФ.

В процессе предварительного исследования определяются также возможности разрешения вопроса о тождестве. С этой целью устанавливается:

а) возможно ли разрешение вопроса о тождестве по представленным

отображениям - вещественным доказательствам;

б) дают ли возможность представленные образцы по своему количеству и качеству приступить к разрешению вопроса о тождестве.

В случаях, когда сам проверяемый объект не представлен на исследование, необходимо также обсудить возможность разрешения вопроса о тождестве без этого объекта.

2.2.2. Построение экспертных версий и моделирование искомого объекта

Направление, содержание и последовательность экспертного исследования в значительной степени определяются характером экспертных версий, выдвигаемых в стадии предварительного исследования.

Экспертные версии касаются всех элементов следственно-экспертной ситуации:

1) информационной структуры искомого объекта;
2) его роли в механизме расследуемого события;
3) круга проверяемых объектов;
4) действующего идентификационного поля и информационной структуры идентифицируемого объекта;
5) происхождения свойств идентифицируемых объектов;
6) механизма отображения их свойств в идентифицирующих объектах.

Построение и проверка указанных версий составляют содержание всего экспертного исследования. На стадии предварительного исследования особое значение приобретает мысленное и вещественное моделирование искомого объекта. В процессе такого моделирования должны быть решены следующие задачи:

1) мысленное выделение искомого объекта в обстановке расследуемого события в качестве единичного пространственно-ограниченного материального объекта;
2) мысленное определение его функциональных связей с расследуемым событием, его роли в механизме преступления, обусловивших отражение его отдельных сторон (систем и подсистем свойств) в обстановке расследуемого события;
3) мысленное определение действующего идентификационного поля (полей) и идентифицируемого объекта (объектов);
4) предметное (вещественное) моделирование искомого объекта, состоящее в выделении круга реальных проверяемых объектов и получении образцов для сравнительного исследования.

Мысленная информационная модель искомого объекта и его функциональных связей имеет системообразующее значение в структуре идентификационно-поисковой деятельности и предопределяет доказательственное значение выводов эксперта.

Оперативно-розыскное значение мысленной модели искомого объекта состоит в том, что она составляет информационное ядро розыскных версий, определяет направление поисков, круг проверяемых объектов. В случаях, когда идентификация завершилась отрицательным выводом или выводом о родовом тождестве, в заключении эксперта должны быть указаны существенные для оперативно-розыскных действий родовые и, по возможности, индивидуальные признаки искомого объекта [Сегай М.Я., 295, стр. 237].

Построение оперативно-розыскной информационной модели искомого объекта представляет задачу следователя. Для ее разрешения необходим тщательный анализ обстоятельств дела, механизма преступления и функциональной связи взаимодействующих объектов.

Если в условиях конкретной ситуации обнаруживается отображение нескольких материальных объектов, связанных с расследуемым событием, принципиальное значение приобретают оценка характера их связи с расследуемым событием и степень их близости к главному факту, в качестве искомого в этих случаях должен быть избран объект непосредственно причинно связанный с преступлением, а не тот, связь которого с преступлением является более отдаленной [см. 7].

Построение экспертно-криминалистической модели искомого объекта является задачей специалиста и эксперта. Экспертно-криминалистическое значение мысленной модели искомого состоит в том, что ею определяются структура идентификационной ситуации, направление, содержание и структура всего процесса криминалистического исследования (система идентификационных полей и идентифицируемых объектов, система отображений - идентифицирующих объектов, субстраты отображения как сигналы идентификационной информации, круг используемых аналитических методов). Особенно большое значение такая модель приобретает в случаях исследования объектов сложной структуры с многосторонней системой функциональных связей с окружающей средой (человек, почвенно-растительный комплекс, производственный комплекс и т.п.).

Если в процессе анализа идентификационной ситуации и информационной структуры искомого объекта эксперт выявит идентификационные поля, оставшиеся незамеченными или неправильно оцененные следователем, эксперт в порядке экспертной инициативы должен указать об этом в своем заключении.

Экспертная модель искомого объекта строится экспертом на основе представленных ему следствием данных об идентификационной ситуации. При этом, однако, в полной мере должны быть использованы специальные познания эксперта о закономерностях внутреннего и внешнего отражения, их форме, латентных и микроследов, возможностях их обнаружения и идентификационной значимости.

Так, при исследовании анонимных писем производится сравнительное исследование материалов письма: бумаги, чернил, клея и т.д. Установление типа и сорта бумаги, чернил, клея, а тем более общего источника происхождения таких материалов с найденными при обыске будет иметь немаловажное доказательственное значение. Однако идентификация пишущей машинки, на которой напечатано исследуемое письмо, представляет значительно больший интерес. Еще большее значение будет иметь идентификация лица, напечатавшего текст письма по особенностям техники машинописи, а тем более автора письма по особенностям его письменной речи. Если у следователя возникают какие-либо сомнения по поводу объектов, задач и возможностей исследования, он должен получить консультацию специалиста.

Мысленная модель искомого является информационной основой его предметного моделирования, получения образцов для сравнительного исследования, на чем необходимо остановиться подробнее.

2.2.3. Получение образцов для сравнительного исследования

Для производства сравнительных идентификационных исследований помимо вещественных доказательств - следов искомых лиц или предметов, изъятых с места преступления, необходимы образцы - отображения свойств проверяемых объектов. Следы искомого объекта возникают в результате событий и действий, не зависящих от воли и сознания следователя. Следователь может лишь обнаружить и сохранить ту информацию, которая уже содержится в следах преступления. Сравнительные образцы являются продуктом целенаправленной деятельности следователя, эксперта и суда, от которой в значительной степени зависит их репрезентативность, представляющая объективную предпосылку успешного экспертного исследования.

Особенно большое значение количество и качество сравнительных образцов приобретают в сложных случаях исследования: при недостатке содержащейся в следах информации, маскировке идентификационных признаков, разрушении следов и т.п. Анализ экспертной и следственной практики показывает, что в подавляющем большинстве случаев причинами отказа экспертов

от дачи заключений и дачи вероятных заключений является недоброкачественность представленных на экспертизу материалов, в частности, сравнительных образцов. В связи с этим большое практическое значение для следователя и суда приобретает значение общих требований, предъявляемых к образцам для сравнительного исследования и общих принципов их получения.

Независимо от формы отражения идентификационных свойств в образцах (оттиски, отпечатки, части или частицы проверяемого объекта) последние должны удовлетворять следующим общим требованиям:

1) несомненности происхождения;
2) репрезентативности;
3) сопоставимости.

Несомненность происхождения означает точное установление в процессе расследования, от какого лица или предмета получены рукописи, оттиски, из которой конкретно емкости или хранилища получены образцы краски, зерна, изделия и т.д. Происхождение образца от конкретного точно установленного следствием объекта должно быть удостоверено следователем или судом.

Под репрезентативностью (представительностью) образцов понимается достаточное по количеству и качеству отображение специфических общих и частных свойств идентифицируемого объекта. Репрезентативный образец содержит информацию, необходимую для индивидуализации объекта. Количественный критерий в значительной мере варьирует в зависимости от плотности идентификационного поля, под которой понимается объем идентификационной информации, извлекаемой в результате изучения весовой единицы или площади анализируемого объекта. Образцы таких веществ, как яды, краски, чернила, порох, табак, пыль представляются в количестве от 1 до 50 граммов. Почвы, стройматериалы, пищевые продукты, зерно - от 100 до 1000 граммов. Плотность идентификационного поля прямо пропорциональна степени неоднородности, измельченности, плотности и концентрации исследуемого вещества. Качественный критерий репрезентативности относится к составу идентификационной информации, ибо для идентификации важен не только объем, но и состав идентификационной информации. Образец должен содержать сведения о всех существенных для идентификации свойствах объекта и их соотношении (распределении) в структуре объекта. Так, образцы почерка должны отображать все варианты почерка проверяемого лица, образцы зерна, изымаемого из хранилища, должны отображать состав зерна и посторонних включений по всей массе зерна, находящегося в хранилище. В силу большого разнообразия объектов судебной экспертизы важен общий подход, обеспечиваю-

щий качественную репрезентативность образцов. Такой подход состоит в построении мысленной информационной модели проверяемого объекта и выделении наиболее существенных для идентификации точек (зон). Наиболее информативные точки находятся в зонах неоднородности свойств проверяемого объекта. Это - неоднородности состава при идентификации всякого рода смесей, неоднородности кристаллической структуры, плотности, твердости, прозрачности, электропроводности и других физических свойств при идентификации целого по частям; неровности поверхности в случаях трасологической идентификации; изменения направления, сложности, строения и протяженности движения при почерковедческой идентификации и т.п. Образец - это “отпечаток” или “срез” неоднородностей проверяемого объекта. При этом важно, чтобы в образце были представлены те свойства проверяемого объекта, которые редко встречаются в объектах подобного рода. Последние представляют наибольший интерес для индивидуализации единичного объекта. При отборе образцов следует учесть, что задача индивидуальной идентификации по признакам состава и структуры является весьма сложной и разрешается лишь в отдельных случаях. При постановке такой задачи нередко отбор образцов следует рассматривать как органическую часть самого экспертного исследования и производить при участии экспертов.

Смысл требования сопоставимости состоит в устранении различий сравниваемых отображений (следов и образцов), не обусловленных действительным различием свойств идентифицируемых объектов.

Выполнение требования сопоставимости обеспечивается получением образцов, максимально соответствующих исследуемому объекту по механизму и времени их образования. Так, для почерковедческой идентификации получают рукописи, написанные на такой же бумаге, сходным пишущим прибором, в аналогичных условиях содержащие такие же слова и словосочетания и т.п.; при отборе образцов почв предварительно изучается механизм образования следов-наложений на объектах-носителях, например, обуви и одежде подозреваемого. Затем с учетом механизма расследуемого события (разбой, изнасилование и т.д.) локализуется место происшествия, выделяются возможные участки контактного взаимодействия, после чего производится отбор почвенных проб.

2.3. Раздельное исследование

В структуре криминалистической идентификации на стадии раздельного исследования происходит особенно важный в гносеологическом отношении процесс перехода мышления эксперта-криминалиста от внешних сторон исследуемых им объектов к их внутренним связям и отношениям, от явления к

сущности вещей. В процессе идентификации этот наиболее важный в познании акт осуществляется в форме перехода мышления эксперта от чувственного восприятия идентификационных признаков к логическому опосредствованному познанию свойств отождествляемых объектов.

Установление, познание свойств отождествляемых объектов и является задачей рассматриваемой стадии идентификационного исследования. Внутренняя структура стадии раздельного исследования определяется системой ее частных задач, к числу которых относятся:

1) обнаружение идентификационных признаков;
2) установление механизма отражения идентификационных свойств отождествляемых объектов в признаках;
3) моделирование свойств искомого объекта;
4) моделирование свойств проверяемого объекта.

Последовательное разрешение всех указанных задач обеспечивает подготовку к следующей стадии исследования, сущность которой заключается в сравнении всесторонне изученных свойств отождествляемых объектов.

2.3.1. Обнаружение идентификационных признаков

Восприятие идентификационных признаков и их выборочный анализ имеют место еще в стадии предварительного исследования с целью решения его частных задач.

В стадии раздельного анализа осуществляется последовательное, систематическое исследование идентификационных признаков, рассматриваемых здесь как исходная информационная база получаемых в результате экспертизы конечных выводов.

Выделение идентификационного поля представляет первую операцию по анализу идентификационных признаков.

Выделение идентификационного поля осуществляется путем мысленного моделирования физической структуры искомого объекта и его функционирования в обстоятельствах данного расследуемого события. Так строится версия о способе использования представленного на экспертизу металлического стержня в качестве орудия взлома двери, определяется место искомой автомашины в механизме дорожно-транспортного происшествия и т.д.

На этой основе определяются системы и подсистемы свойств искомого объекта, которые отобразились (или могли отобразиться) в следах, и являются в данном случае отождествляемыми и отождествляющими объектами. Так, в металлическом стержне выделяются рабочие (контактные) поверхности, которые при его использовании для отжима двери могли оставить вдавленные

следы на прилегающих участках обвязки двери и на которых могут сохраниться частички краски и древесины; в искомой автомашине при боковом столкновении с другой автомашиной должны образоваться вмятины, следы трения и отслоения лакокрасочного покрытия на поврежденной стороне кузова, идущие параллельно дорожному покрытию.

В случаях, когда отождествляемые объекты представляют сложные многокомпонентные системы, в которых могут быть выделены промежуточные идентифицируемые объекты и соответствующие им идентификационные поля, целесообразно отображать их структуру в соответствующих схемах, облегчающих их анализ [см., например, 203, стр. 46-47; 120, стр. 77-79].

В случаях сложного взаимодействия, встречного и многоступенчатого отражения возникает система идентификационных полей и проблема комплексности исследования (см. разд. 4.5).

При этом в качестве основного выбирается идентификационное поле, содержащее наибольший по количеству и качеству объем информации. Вспомогательные же исследуются по мере необходимости для повышения надежности конечного вывода.

Так, внешнее строение ветки дерева в месте ее излома содержит достаточный для категорического вывода объем информации. Однако при отсутствии общей линии разделения предметов и изделий используются в качестве идентификационных также свойства состава и структуры разделенных объектов.

Факт контактного взаимодействия устанавливают по взаимному отражению взаимодействующих объектов, например, предметов одежды, а также их совместному взаимодействию с окружающей средой. При этом, наряду с исследованием всех идентификационных полей, соответствия их топографии, пространственной ориентации взаимодействующих объектов, детально анализируется механизм взаимодействия объектов, вызвавший следообразование, и его соответствие механизму преступления.

Анализ начинается с выделения элементарного поля[1] идентификационных признаков и отделения его от смежных, взаимодействующих, сопутствующих и иных информационных полей. При этом определяется тип идентификационного поля (внешнее строение, субстанциональное, функциональное) и подсистемы свойств искомого объекта: ладонная поверхность руки, лакокрасочное покрытие автомашины, голос человека, записанный на пленку, т.е. соответствующий идентифицируемый объект.

---

[1] Идентифицирующий объект может отражать одно или несколько элементарных идентификационных полей, требующих самостоятельного анализа, например акустическое, фонетическое, лексическое и др. в фонограмме речи.

Следующий шаг анализа состоит в определении субстрата отображения и отделения его от носителя отображения (т.е. определения идентифицирующего объекта). Сигнал, несущий полезную информацию об идентифицируемом объекте, должен быть отделен от других свойств объекта - носителя отображения, что является важной предпосылкой дальнейшего исследования. Так, отображение рельефа ладони, оставившей след, должно быть отделено от рельефа деревянной поверхности, на которой этот след оставлен; волокна одежды следообразующего объекта - от волокон одежды следовоспринимающего объекта; звуковые колебания, воспроизводящие силу, тембр и модуляцию голоса, должны быть отделены от колебаний, вызванных свойствами лентопротяжного механизма магнитофона, и т.д.

К описанной задаче примыкает задача устранения шумов: т.е. сигналов той же физической природы, но возникших не в результате воздействия идентифицируемого объекта, а по другим причинам и потому препятствующим установлению его свойств.

Так, в гипсовом слепке со следа выделяются дефекты, возникшие в результате засорения следа посторонними предметами, от пузырьков воздуха, в результате преждевременного загустевания слепочной смеси; в наложениях волокон и микрочастиц, имеющихся на одежде, выделяются волокна и частицы, закрепившиеся на одежде после того, как было совершено преступление; в магнитофонной и видеозаписи выделяются шумы, возникшие в результате многократной эксплуатации записей и т.д.

Задача усиления информационного сигнала, завершающая этап выделения идентификационного поля, становится особенно актуальной, когда уровень информационного сигнала приближается к минимальным пороговым величинам его восприятия органами чувств исследователя или ниже этого уровня.

С позиций теории информации указанные задачи сводятся к задачам выделения и усиления информационного сигнала и фильтрации шумов, которые могут решаться различными техническими приемами. В криминалистике особенно перспективными представляются фотографические, оптические, электронно-оптические и электронно-акустические методы. Таковы, например, приемы фотографического выключения, маскирования, усиления, приемы контрастирующей и цветоделительной съемки, съемки в невидимых лучах, съемки инфракрасной люминесценции объектов, применение электронно-оптических преобразователей, фотографирование в поле ультравысокой частоты, телевизионные методы управления сигналом, методы фильтрации шумов и усиления сигнала, разрабатываемые в технике связи и других областях.

2.3.2. Общие принципы раздельного исследования

Термином “раздельное идентификационное исследование” [119, стр. 26; 157, стр. 62] подчеркивается принцип разделения искомого и проверяемого объектов в процессе идентификации, обеспечивающий объективность экспертного исследования и равнозначность положительной и отрицательной экспертной версии до окончательного разрешения вопроса о тождестве.

Аналитическое исследование может быть во времени отделено от сравнительного, но может осуществляться параллельно с ним, однако независимо от этого информация об искомом и проверяемых объектах строго разграничивается в процессе исследования и не должна смешиваться. Практическая актуальность этого принципа обусловлена тем, что анализ и сравнение неразрывно связаны и сочетаются друг с другом как на уровне анализа отображений и выделяемых в них признаков, так и в процессе сопоставления свойств сравниваемых объектов. Психологически, особенно при сравнении однокачественных и сходных объектов, это создает опасность формирования в сознании эксперта слитного, целостного образа идентифицируемого объекта без выделения в нем раздельных моделей искомого и проверяемого объекта. Формированию такого слитного образа способствуют также такие используемые экспертом приемы сравнительного исследования, как совмещение и наложение сходных отображений.

“Близнецовый” эффект, возникающий при исследовании объектов с повышенным сходством, представляет серьезную опасность для эксперта и является психологической основой смешения сходства и тождества, приводящего к формированию ошибочных выводов о тождестве. Последовательное разграничение информации об искомом и проверяемом объектах до момента окончательного разрешения вопроса о тождестве экспертом представляет принципиальную основу идентификации.

Одной из важнейших предпосылок эффективности исследования является правильный **выбор основного и вспомогательных методов анализа идентификационных признаков.**

Выбор указанных методов должен обеспечить:

а) получение основного массива идентификационной информации;

б) возможность последующей детализации идентификационных признаков до необходимых пределов;

в) наибольшую эффективность исследования, включая сюда его надежность, экономичность и сроки производства исследования.

В исследованиях типовых объектов, осуществляемых по соответствующим разработанным частным методикам идентификации, оптимальный набор

методов и последовательность их применения предусмотрены типовой программой исследования. Однако весьма часто объекты и задачи исследования не укладываются в рамки разработанных частных методик, а нередко и последние недостаточно эффективно описывают технологию экспертной идентификации.

Так, в зарубежной литературе широко рекомендуется как универсальный метод исследования состава объектов идентификации нейтронно-активационный анализ, который, однако, в практике советских, да и зарубежных учреждений судебной экспертизы не получил распространения в силу его недоступности для подавляющего большинства учреждений и связанных с его применением неудобств [204, стр. 61]. Многие частные методики не касаются взаимоотношения и субординации аналитических методов, ограничиваясь их перечнем, не всегда исследуются эффективность, надежность и достаточность предлагаемых аналитических методов. В связи с этим весьма актуальны общие принципы решения указанных вопросов.

Основанием выбора аналитической методики являются идеальная и физическая информационная модель искомого и идентифицируемого объекта. Как видно из вышеизложенного, элементами такого моделирования являются:

а) выделение искомого объекта в качестве пространственно-ограниченного единичного материального объекта или комплекса;

б) выделение субстрата отображения и отделение его от следоносителя;

в) выделение систем и подсистем свойств искомого объекта, отразившихся или могущих отразиться в обстановке расследуемого события;

г) определение физической природы информационного сигнала.

При определении физической природы информационного сигнала эксперт, отправляясь от анализа субстрата отображения и действующего идентификационного поля, решает, сигнал какой физической природы обеспечивает в данных условиях наибольшую чувствительность и практические удобства исследования. По этим параметрам “взвешиваются” конкурирующие методы, например, световая или электронная микроскопия для исследования микроструктуры объектов, а внутри последней - просвечивающая или электронно-растровая; спектроскопические или радиологические методы для исследования атомного и молекулярного состава объектов, газовая или тонкослойная хроматография для исследования их фракционного состава и т.д.

Опираясь на знание физической природы информационного сигнала и характера подлежащего выявлению идентификационного поля, эксперт определяет:

а) метод выделения и преобразования сигнала;

б) оптимальный уровень сигнала;

в) окончательную форму представления сигнала в используемой инструментально-аналитической системе.

Метод выделения и преобразования сигнала базируется на знании законов несущего сигнал физического процесса, на основе которых можно перевести сигнал в доступную для восприятия и последующего анализа форму.

Таковы, например, физические эффекты, на основе которых выделяются невидимые отпечатки пальцев: адгезия - при использовании порошков, окрашивание - при использовании жидких красителей, абсорбция - при окуривании парами йода, химическая реакция, связанная с образованием и разложением хлористого серебра - при использовании раствора азотнокислого серебра и т.д.

Эксперт, использующий аналитическую технику, должен отчетливо представлять все фазы движения и преобразования информационного сигнала в используемом приборе, без чего невозможны управление сигналом и правильная оценка полученных результатов. В ряде случаев результат достигается в приборе после ряда последовательных преобразований физического алфавита сигнала.

Так, при эмиссионном спектральном анализе проба вещества нагревается до высоких температур в дуговом или искровом разряде, лампе полого катода, в результате чего происходит испарение вещества и образование облака атомов и ионов, которые, получив энергию возбуждения, выделяют ее в виде квантов света, излучают спектры. Спектры фотографируются и подвергаются дешифровке путем их сопоставления с эталонными спектрами и фотометрирования плотностей спектральных линий.

Современная аналитическая техника располагает богатейшим арсеналом высокочувствительных методов, использующих сигналы различной физической природы и параметров. Профессиональные знания максимально широкого спектра аналитических методов позволят эксперту выбрать наиболее соответствующий природе объекта и условиям исследования комплекс методов. Так, в традиционной световой микроскопии совершенно различные возможности выявления идентификационных признаков обнаруживаются при использовании обычной и иммерсионной оптики, отраженного и проходящего света, вертикального иллюминатора, темного и светлого поля, поляризационной оптики, люминесцентных методов и др.

Чем шире и глубже научно-техническая эрудиция эксперта, тем более оптимальным будет выбор основного аналитического метода, обеспечивающего эффективность всего исследования.

Дополнительные методы исследования обеспечивают детализацию признаков наиболее важных подсистем идентифицируемого объекта. Так, при исследовании смесей нефтепродуктов в качестве исходного используется метод

газовой хроматографии. Она позволяет выделить и определить фракции, входящие в состав исследуемого объекта. Для последующего детального исследования состава фракций используется анализ спектров поглощения в инфракрасной и ультрафиолетовой области [69, стр. 3-7 др.].

При исследовании объектов волокнистой природы ведущее значение имеют методы оптической и электронной микроскопии. При исследовании микроколичеств волокна особое значение приобретает растровая электронная микроскопия. Для определения фракционного, молекулярного и элементного состава волокнистых материалов широко используется инфракрасная спектрометрия, пиролитическая газовая хроматография, спектрофотометрия и тонкослойная хроматография; при исследовании красителей - эмиссионный и атомно-абсорбционный анализы элементного состава [137].

При идентификации объектов, имеющих сложную структуру, реализуются разветвленные алгоритмы исследования, предусматривающие использование в определенной последовательности набора аналитических методов. Так, при исследовании строительных материалов различные алгоритмы предложены для исследования клейких и клеящих материалов, кабелей и проводов, вулканизаторов и др.

Аналогичный принцип определения основного и дополнительных методов исследования используется при исследовании почв, резин и других сложных идентифицируемых объектов [246, стр. 11-18].

Важной методической предпосылкой анализа является определение оптимального уровня информационного сигнала и соответствующих характеристик аналитической техники: чувствительности, разрешающей способности, степени увеличения и т.д.

Уровень сигнала должен обеспечить выделение максимального объема идентификационной информации при минимальном уровне помех.

Так, при выборе степени увеличения при трасологических исследованиях учитывается относительная величина рельефа следообразующей и следовоспринимающей поверхностей, в зависимости от чего оптимальное увеличение колеблется от 2-3 (следы ног, транспорта) до 20-100 (следы на металле, эджеоскопия). При исследовании состава бумаги и волокнистых материалов используются увеличения 40-100, а при исследовании кристаллических структур на электронном микроскопе - порядка 1000.

В некоторых случаях соотношение уровней сигнала и помех в источнике информации делает нецелесообразным использование особо чувствительных методов анализа или даже требует их искусственного “загрубления”.

При использовании инструментальных методов следует определить

форму информационного сигнала на выходе прибора. Последняя должна обеспечить максимальные удобства последующего анализа и обработки-полученной информации.

Для общей ориентировки в идентификационном поле и начальной стадии анализа наиболее удобным является обзорное кадрирование в поле зрения прибора (окуляр микроскопа, видоискатель фотоаппарата, экран электронно-оптического преобразователя, телевизора, дактилоскопа, спектроскопа и т.д.).

При более детальном анализе, связанном с изменением режимов наблюдения, целесообразно использовать средства фиксации результатов в каждом из режимов наблюдения, например, фотографирование различных участков поверхности стреляной пули, сравниваемых под микроскопом, и получения фотографической развертки пули, получение спектрограмм при различных режимах работы спектрографа, получение профилограмм при различном вертикальном и горизонтальном увеличении и т.п.

При наличии программы обработки идентификационной информации, полученной на аналитическом приборе, на компьютере сигнал на выходе прибора (хроматограф, профилограф и др.) может непосредственно вводиться в ЭВМ, где подвергается необходимой обработке. Этот путь представляется в современных условиях для многих трасологических баллистических и материаловедческих исследований наиболее перспективным. Он многократно увеличивает надежность, точность и быстроту аналитического исследования.

Определение последовательности анализа объектов и идентификационных признаков представляет существенный элемент методики раздельного исследования.

Начинать раздельное исследование целесообразно с отображения искомого объекта, поскольку именно оно определяет объем идентификационной информации. Особенно это важно в случаях “нестандартного” отображения, когда объем идентификационных свойств и их круг не определены (какой частью орудия оставлен след, какие литеры пишущей машинки отобразились в тексте, какие фракции почвенно-растительного комплекса отобразились в загрязнениях на одежде и т.д.).

Если механизм отображения сложен, а отображения искомого объекта плохо выражены и не содержат броских особенностей, исследование целесообразно начать с образцов, анализ которых позволяет выявить броские устойчивые особенности, последние могут служить ориентирами в дальнейшем исследовании. Так, при сравнении стреляных пуль вначале бывает целесообразно выявить устойчивые особенности на экспериментальных пулях, а уже затем переходить к изучению пули, изъятой с места преступления.

Раздельное исследование отображения искомого объекта имеет существенные особенности в случаях, когда оно проведено:

а) с целью определения видовой принадлежности объекта, оставившего след на месте происшествия. Здесь его задачи сводятся к обнаружению классификационных свойств искомого объекта;

б) при сравнении с большим числом проверяемых объектов первоначальная задача состоит в обнаружении броских устойчивых особенностей, которые могли быть использованы как исключающие признаки, а также для ориентировки в последующем сравнительном исследовании.

В ординарном акте идентификации, т.е. при сравнении искомого с конкретным проверяемым объектом, осуществляется последовательный анализ общих и частных признаков с целью выявления как различающихся, так и совпадающих особенностей.

Раздельное исследование осуществляется путем **последовательного анализа** идентификационных признаков.

Переход от общего к частному при исследовании признаков представляет наиболее естественный и удобный путь к полному познанию свойств объекта. От свойств, характеризующих объект в целом, исследование в этом случае переходит к свойствам, характеризующим его отдельные стороны и особенности.

Такая последовательность лучше всего обеспечивает задачу индивидуализации объекта. Она дает возможность правильно определить необходимый предел детализации признаков. Такой порядок изучения признаков позволяет отрицательно разрешить вопрос о тождестве на основании различия общих свойств объектов, не прибегая к трудоемкому исследованию частных признаков.

Из сказанного, конечно, не следует, что переход от частных к общим признакам является во всех случаях методически неоправданным. Такой переход может быть вызван необходимостью изучения зависимости частных и общих признаков и возвращением к уже пройденным этапам исследования.

Вопрос **о пределах анализа** идентификационных признаков неразрывно связан с количеством и качеством идентификационной информации, необходимой для достоверного разрешения вопроса о тождестве.

Количество и качество необходимой информации, в свою очередь, зависят от типа идентификационного вывода, в связи с чем для различных типов выводов определяются различные пределы аналитического и сравнительного исследования (см. разд. 2.5).

2.3.3. Моделирование свойств искомого

и проверяемого объектов

В итоге раздельного исследования должны быть получены аналитические модели подлежащих сравнению объектов. В этих моделях выделяются как отдельные идентификационные свойства и их совокупности, так и взаимосвязи этих свойств, характеризующие интегральную структуру объектов, их целостность как материальных тел, комплексов или образований.

В отдельных случаях эксперты ограничиваются констатацией внешне наблюдаемых признаков: формы и размеров следов, конфигурации письменных знаков, колористических реакций в штрихах, их копирующей способности и т.д. без проникновения в их сущность, т.е. без установления свойств сравниваемых объектов: устойчивых характеристик внешнего строения, состава, функционально-динамического навыка. В этих случаях экспертный анализ не достигает необходимой глубины.

В других случаях эксперты ограничиваются случайным набором выделенных свойств, без изучения их взаимосвязей, характеризующих интегральную структуру и целостность исследуемых объектов. В этих случаях экспертный анализ грешит фрагментарностью, односторонность не дает оснований для полноценного сравнения и достоверных выводов.

Материалом для сравнительного исследования могут служить в достаточной мере детализированные и достоверные модели искомого и проверяемого объектов. Фактические основания и технические условия моделирования указанных объектов различны, в связи с чем их целесообразно рассмотреть отдельно.

2.3.4. Исследование механизма отражения и моделирование идентификационных свойств искомого объекта

А. Задачи и объем исследования механизма отражения свойств искомого объекта.

Изучение механизма отражения свойств искомого объекта в следах имеет двоякую задачу.

Первая задача состоит в получении данных о всех характеристиках механизма взаимодействия объектов, необходимых для его воспроизведения и получения экспериментальных отображений.

Вторая задача заключается в индивидуализации искомого объекта по тем его свойствам, которые проявляются в процессе взаимодействия и следообразования.

Исследование механизма следообразования может представлять самостоятельную экспертную задачу, не связанную с идентификацией и имеющую

самостоятельное доказательственное значение, например, определение скорости движения автомобиля непосредственно перед торможением; определение направления взлома преграды (изнутри или снаружи), имитация почерка и др. Это, однако, не изменяет методики решения указанной задачи, не зависящей от того, выступает она как самостоятельная или в качестве частной задачи. В том и другом случае она включает в качестве обязательных следующие компоненты:

1) выделение признаков, содержащих информацию о механизме следообразования;

2) построение экспертной версии;

3) экспериментальная проверка версии о механизме следообразования.

Данные о механизме следообразования могут быть получены путем изучения естественных вариаций идентификационных признаков, обусловленных условиями отражения свойств. Так, изменение скорости письма приводит к увеличению связности почерка и появлению упрощений; изменение встречного угла - к уменьшению расстояний между трассами в динамическом следе. Таким образом, в идентификационном исследовании установление свойств неразрывно связано с исследованием механизма их отражения в идентификационных признаках. Вместе с тем могут быть выделены специальные признаки механизма отражения, например признаки, указывающие на направление и скорость движения транспортного средства, дальность выстрела, механизм образования следа крови, силу давления и т.д. В процессе анализа должны быть выделены и всесторонне изучены с использованием соответствующих сравнительных и экспериментальных данных признаки той и другой категории.

Так, например, признаки зеркальности письма указывают на выполнение рукописи левой рукой; о направлении и дистанции выстрела можно судить по топографии осыпи дроби и дополнительным следам выстрела и т.д.

Экспертная версия о механизме следообразования должна охватывать все существенные параметры взаимодействия идентифицируемого и идентифицирующего объектов, а также условия их взаимодействия, могущие оказать влияние на степень и характер выражения идентификационных признаков.

Основанием для построения экспертных версий являются знания о механизме расследуемого события, роли в нем искомого объекта, его взаимодействии с другими объектами, т.е. характеристики следственно-экспертной ситуации. Эти данные должны содержаться в постановлении о назначении экспертизы, прилагаемых к нему материалах дела, например, копиях протоколов

следственных действий. При необходимости может быть проведено экспертное исследование обстановки места преступления[1].

Построенные на основе фактических данных экспертные версии могут рассматриваться как модели, исследование которых осуществляется расчетным или экспериментальным путем.

Если элементы модели могут быть поставлены в функциональное отношение и формализованы, возможно применение математических методов исследования модели. Так, вопрос о скорости движения автомобиля и возможности предотвращения наезда на пешехода по элементам дорожной обстановки решается посредством системы "Автоэкс-3"; вопрос о дистанции стрельбы - по углу падения пули с использованием специальных расчетных таблиц и т.д.

Экспериментальная проверка версии о механизме следообразования основана на использовании метода "единственного различия" [358, стр. 183-185]. Смысл этого метода в данном случае состоит в том, что максимально полное воспроизведение в экспериментах механизмов и условий следообразования позволяет исключить все различия в следах, вызванные различными условиями следообразования.

Так, при получении экспериментальных следов взлома стремятся воспроизвести не только динамические параметры взаимодействия объектов, но и материал преграды, его строение, структуру, влажность, цвет; при получении образцов почерка воспроизводятся орудия, материалы и условия письма, в том числе необычные, например письмо печатными буквами или левой рукой; при получении образцов почвы стремятся получить их с тех именно участков, с которыми взаимодействовал преступник, с учетом механизма такого взаимодействия.

Такие образцы обеспечивают наиболее благоприятные условия сравнения и оценки, облегчая, в частности, исключение различий сравниваемых объектов, вызванных различными условиями образования сравниваемых отображений.

В стадии раздельного анализа используются также методы моделирования свойств искомого объекта, отображенного в следе, посредством информации, содержащейся в исследуемых отображениях.

2.3.5. Моделирование проверяемого объекта

Раздельный анализ проверяемого объекта преследует те же цели, что и

[1] Процессуально такое исследование может быть предусмотрено постановлением о назначении экспертизы, в котором указывается о предоставлении эксперту обстановки места происшествия в качестве объекта исследования.

анализ искомого объекта, но имеет ряд особенностей, вызванных различными условиями исследования.

Единственным источником информации о свойствах искомого объекта является его отображение. Проверяемый же объект может исследоваться как непосредственно, так и по его отображению. Это создает возможность для значительно более всестороннего и глубокого исследования свойств проверяемого объекта по сравнению с возможностями исследования свойств искомого объекта, информация о котором представлена в следе-отображении в материальной обстановке расследуемого события.

В связи с этим общая задача раздельного анализа проверяемого объекта состоит в получении развернутой системно-динамической модели идентификационного поля проверяемого объекта. В стадии сравнительного исследования на эту модель будет "накладываться" модель искомого объекта. В случае тождества последняя должна "вписаться" в параметры модели проверяемого объекта, учитывающие его изменяемость во времени, вариационность отображения и меру индивидуальности.

Индивидуализация проверяемого объекта

Мера индивидуальности объекта может быть представлена как мера неоднородности характеризующих его свойств, например, анизотропности свойств физических объектов. В связи с этим основным приемом качественного исследования индивидуальности объекта является построение и проверка гипотезы о структуре и распределении неоднородностей его свойств. Рассмотрим эту гипотезу на примере идентификации человека.

Многолетняя практика идентификации личности в криминалистике и судебной медицине определила зоны локализации и структуры спектров неоднородности, позволяющие быстро и безошибочно осуществить индивидуальную идентификацию человека. Это структура пальцевого узора, ладони и ступни, строения ушной раковины, костная основа черепа и скелета человека, динамические стереотипы почерка человека и письменной речи, профессиональных и преступных навыков (MOS). В настоящее время эти идентификационные поля пополнились спектром голоса человека. Доказана практическая возможность использования в целях идентификации сетчатой оболочки глаза и генетической структуры ДНК.

При построении и проверке гипотезы о структуре и распределении неоднородностей объекта должны учитываться в первую очередь общие закономерности формирования индивидуальности, например, относительно большее идентификационное значение частных признаков объектов, его мелких особенностей, формирующихся под влиянием случайных воздействий.

В полной мере должны использоваться специальные знания эксперта о

генезисе формирования свойств типовых объектов. Так, знание явления ликвации металла в сплавах позволяет построить модель распределения элементного состава металлов в слитке свинца, использованного для изготовления дробового заряда, и проверить ее серией анализов; знание технологии изготовления смесей при изготовлении текстильных, пищевых, горюче-смазочных и иных материалов позволяет целеустремленно провести аналитические пробы на обнаружение соответствующих фракций и компонентов, индивидуальные особенности структуры молекулы ДНК могут быть выявлены только на основе знания закономерностей последовательностей нуклеотидов в этой молекуле и т.д.

В случае исследования материальных комплексов и систем, формирующихся в условиях конкретного уголовного дела, гипотеза о структуре и распределении неоднородностей должна учитывать структуру взаимодействующих объектов и механизм их взаимодействия. Показательны в этом отношении случаи формирования наложений на повреждающих орудиях, содержащие клетки поврежденных внутренних органов и последовательных слоев одежды; случаи контактного взаимодействия предметов одежды и обстановки места происшествия и др.

Проверка гипотезы о структуре и распределении неоднородностей проверяемого объекта осуществляется путем получения и анализа образцов. Методика отбора образцов разрабатывается в каждом виде криминалистической идентификации. Образцы должны с достаточной полнотой представлять все существенные для идентификации свойства проверяемого объекта, продолжительность идентификационного периода, вариационность и механизм отражения идентификационных свойств и плотность идентификационного поля [см. 157, стр. 367]. Сам же проверяемый объект и отражающие его свойства образцы должны рассматриваться как вещественные модели искомого объекта, полученные на основе следственных и экспертных[1] версий об этом объекте.

Важным направлением и методом исследования индивидуальности проверяемого объекта является исследование вариационности отражения его свойств.

Поскольку свойства вещи отражаются в ее признаках и познаются только через признаки, сами свойства могут быть определены как закономерности отражения или распределения признаков в типовых конкретных условиях их отражения. Установление свойств практически сводится к установлению указанных закономерностей.

[1] Когда образцы получают в процессе экспертного исследования.

Совпадение или различие этих закономерностей свидетельствует о совпадении или различии свойств сравниваемых объектов. Если эти закономерности совпадают, то совпадают и свойства сравниваемых объектов, если они различаются, то различаются и свойства. Данное определение позволяет сформировать систему качественных и количественных методов установления и сравнения свойств сравниваемых объектов путем исследования вариационности признаков.

К числу качественных методов относятся исследования конкретных условий и механизма отражения и их влияние на выраженность признака.

Так, в почерковедческих исследованиях рассматривается наличие и выраженность признака в зависимости от характера рукописи, внешних условий письма и установки пишущего, темпа письма, места букв в слове и строке, предшествующей и последующей буквы. Результаты таких наблюдений фиксируются в разработках почерка, показывающих наличие и разброс признаков, закономерные зависимости различных проявлений признака от конкретных условий.

В трасологических исследованиях прослеживается влияние различных элементов механизма следового контакта на появление и выраженность признаков следа: материал взаимодействующих объектов, особенно его плотность, пластичность, зерновая структура, сила и направление воздействия, особенно углы: фронтальный, встречи и рабочий. Результаты, выявляющие соответствующие закономерности, описываются и фиксируются на фотоснимках.

При исследовании красителей тщательно учитываются конкретные условия, закономерно влияющие на их цвет, люминесценцию, копирующую способность: давность изготовления, концентрация, облучение источником света, увлажнение, механические воздействия и др.

К числу количественных относятся методы статистического дисперсионного анализа, позволяющие выявить и сопоставить закономерности распределения признаков сравниваемых объектов.

Идея использования дисперсионного анализа в идентификации состоит в том, что объекты, не различающиеся по наличию какого-либо признака, могут быть дифференцированы по его усредненной величине или величине его рассеяния. Поэтому основные показатели, выявляемые с помощью дисперсионного анализа признаков сравниваемых объектов - среднее квадратичное отклонение, математическое ожидание, дисперсия [63] - являются средствами индивидуализации сравниваемых объектов.

Так, обнаружение в спектрах исследуемых сплавов свинца спектральной линии представляет признак, который не может использоваться для сравнения

как идентификационное свойство, пока не исследованы закономерности его проявления методом количественного анализа. Так, спектры могут совпадать по наличию линии олова, но различаться по ее интенсивности. На основе дисперсионного анализа этого признака сравниваемые сплавы могут быть дифференцированы, либо при совпадении закономерностей рассеяния этого признака достигнута более углубленная индивидуализация сравниваемых сплавов. Таким образом, исследование вариативности признаков, закономерностей их отражения и распределения представляет важный и эффективный метод раздельного и сравнительного исследования объектов идентификации.

Новые возможности повышения надежности и точности идентификации открываются с использованием в этих целях компьютерных систем анализа и кибернетических моделей идентификации. Подавляющее большинство самых современных приборов, предназначенных для аналитических исследований материалов и веществ, стыкуется с микрокомпьютерами, оснащенными программами обработки аналитических данных, предусматривающими фильтрацию шумов, получение усредненных данных, показателей дисперсии и др., т.е. дающим новую и весьма ценную для идентификации информацию.

Ряд современных алгоритмов идентификации базируется на использовании самообучающихся систем (персептронов), позволяющих путем использования так называемых обучающих последовательностей признаков сформировать в памяти машины пространство свойств исследуемого объекта, используемое как основание для идентификации.

Так, в алгоритме Р.М.Ланцмана, В.А.Якубовича, Б.Н.Козинца, предложенном для дифференциации кратких почерковых объектов [175], машина вначале “обучается” почерку одного лица, затем ее обучают почерку другого, после чего она оказывается способной отнести исследуемую подпись к тому или другому почерковому пространству.

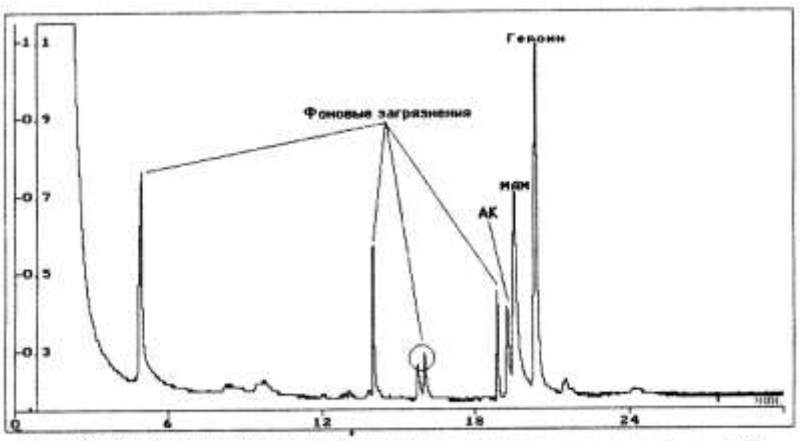

Рис. 2. Обнаружение героина с сопутствующими примесями ацетилкодеином (АК) и моноацетилморфинами (МАМ) в содержимом шприца методом газожидкостной хроматографии.

Аналогичная модель построения модели объекта идентификации используется и в алгоритмах распознавания образов типа “обобщенный портрет” [93, стр. 212-227].

Построение обучающих последовательностей и идентификационных пространств в кибернетических системах представляет перспективную форму исследования закономерностей распределения признаков для установления свойств объектов с использованием современных технических возможностей.

2.4. Сравнительное исследование

В самом общем виде сравнение как сторона и процесс, присущие всякому познанию, может быть определено как отражение в человеческом сознании реальных отношений тождества, подобия и различия, существующих между предметами и явлениями окружающего мира [239, стр. 89].

Процесс криминалистической идентификации, имеющий цель установить тождество или различие сравниваемых объектов, характеризуется особенно большим значением сравнительного метода, приобретающего здесь характер не только общенаучного, но и важнейшего специального метода исследования, пронизывающего все стадия идентификации. При этом сравнительное исследование может преследовать различные цели. Оно может быть произведено с целью установления стадии развития того или другого процесса, степени происшедших в том или другом объекте изменений, наличия или интенсивности проявления того или другого свойства и, наконец, с более общей задачей установления закономерностей развития изучаемых явлений.

В связи с особой актуальностью метода сравнения для методики идентификации необходимо рассмотреть вопрос об объектах сравнения и задачах сравнения применительно к каждой стадии идентификации.

В качестве объектов сравнения в процессе идентификации могут выступать как целостные материальные предметы и комплексы и их отображения в обстановке расследуемого события, так и выделенные в процессе анализа отдельные идентификационные признаки, отображаемые ими свойства, а также совокупности взаимосвязанных свойств и признаков, характеризующих род, вид или иную ограниченную группу объектов, совокупность различающихся и совпадающих свойств, различные состояния идентифицируемого объекта в идентификационный период, и любые выделенные в процессе индивидуализации совокупности проверяемых объектов.

Цели и конкретная методика сравнительного исследования указанных объектов различаются в зависимости от стадии и цикла идентификационного исследования.

В самом общем виде объекты и задачи сравнения на различных стадиях

идентификации могут быть представлены в следующем виде.

В стадии предварительного исследования объектом сравнения являются главным образом целостные системы: проверяемый объект, идентифицируемый, идентифицирующий объект. Задача сравнения состоит в моделировании механизмов взаимодействия, идентификационного поля, искомого объекта, следственной и экспертной ситуации. В целях разработки и проверки экспертных версий и планирования исследования может осуществляться предварительный выборочный циклический анализ и сравнение идентификационных признаков и свойств в их различных сочетаниях.

В стадии аналитического исследования объектами сравнения являются главным образом признаки сравниваемых объектов. При этом задача сравнения состоит в том, чтобы путем исследования различных проявлений признаков, механизма отображения, закономерностей их распределения установить свойства сравниваемых объектов. Поскольку установление свойства требует изучения различных его проявлений, в стадии аналитического исследования может и должно быть произведено сравнение различных проявлений свойства, исследование вариаций признаков. При этом, однако, вопрос о тождестве может быть решен лишь на базе сравнения свойств объектов, ибо совпадение или различие признаков отнюдь не равноценно совпадению или различию свойств и не может дать основание для построения суждения об идентичности. Особенность сравнения признаков на аналитической стадии состоит в том, что оно осуществляется на уровне образно-чувственного восприятия, поскольку сами признаки представляют чувственно-воспринимаемые кванты идентификационной информации. “Акт сличения, - пишет об этом уровне Е.Ф.Буринский, - состоит в накладывании одного зрительного впечатления на другое, в совмещении впечатлений не в сфере образов воспоминаний, но на концевой (периферической) части зрительного органа” [см. 35, стр. 136].

На основе сказанного должны быть уяснены сущность стадии сравнительного исследования, объект, задачи и методика сравнения на этой стадии идентификации.

Сущность, цель и основное содержание сравнительной стадии идентификации состоят в сравнении идентифицируемых объектов по их свойствам. Выявленные в результате такого сравнения совпадения и различия дают основания для суждения об идентичности.

Говоря о сущности и содержании стадии сравнительного исследования, необходимо подчеркнуть, что оно осуществляется на качественно более высоком уровне логического познания. Если операции сравнения в стадии предварительного исследования осуществлялись на уровне непосредственного предметно-чувственного знания, то в стадии сравнительного исследования эти

операции осуществляются на уровне опосредствованного логического познания. Объектами сравнения при этом являются не чувственные восприятия, а абстрагированные от чувственного восприятия логически обработанные образы, представления, модели. Сама процедура сравнения осуществляется с использованием системы специально выработанных методов, которая должна быть предметом самостоятельного рассмотрения.

Особый интерес представляет вопрос о соотношении стадий аналитического и сравнительного исследования. Соотношение этих стадий исследования трактуется по-разному. Между тем вопрос о соотношении этих стадий является важной проблемой практики криминалистических исследований.

Определяющей при разрешении этого вопроса является неразрывная связь и взаимная зависимость раздельного и сравнительного исследований. Сравнение всегда ограничено свойствами, установленными в ходе раздельного исследования. В свою очередь задачи, объекты и само направление раздельного исследования всецело определяются назначением этой стадии: подготовкой сравнительного исследования.

Выше мы видели, что выбор материала при изучении свойств проверяемого объекта (объект или его отображение) определяется спецификой сравнительного исследования отображений.

В отрыве от сравнения невозможно определить направление раздельного исследования. Свойства могут изучаться как с точки зрения их индивидуальности (частоты встречаемости), так и с точки зрения устойчивости. Если в ходе сравнения устанавливается совпадение, раздельное исследование должно вестись по линии изучения встречаемости совпадающего свойства. Без этого невозможна оценка индивидуальности обнаруженных совпадений. Если же устанавливаются различия, то их оценка и объяснение требуют исследования изменяемости признаков и свойств сравниваемых объектов.

Органическая связь раздельного исследования и сравнения, таким образом, очевидна.

Как осуществляются эти стадии исследования?

В начале раздельного исследования проводится раздельное изучение каждого отображения. Задача такого рода изучения состоит в установлении механизма образования отображения и изменений отображения до начала исследования. Результаты такого исследования могут оказать решающее влияние на определение методики сравнительного исследования, например, при установлении факта исполнения рукописи левой рукой или старения исследуемой автоэмали.

После этого приступают к решению основной задачи раздельного исследования - установлению свойств объектов путем анализа идентификационных

признаков. Практически раздельный анализ идентификационных признаков непрерывно чередуется со сравнением свойств.

За предварительным анализом и сравнением следует тщательное изучение соответствующих свойств каждого из сравниваемых объектов. Установленные свойства сравниваются. По окончании сравнительного исследования одного свойства переходят к раздельному изучению другого и т.д.

В случаях, когда в процессе анализа обнаруживаются группы взаимосвязанных свойств, например, особенности навыка, взаимосвязь темпа письма, связности и разгона почерка, проявляющиеся при выполнении овалов, полуовалов, подстрочных штрихов, производится изучение, а затем сравнение указанных групп свойств.

Стратегия индивидуализации, а также исследование взаимосвязи отдельных свойств и их комплексов наиболее последовательно реализуются путем перехода от сравнения общих (интегральных) к сравнению частных (локальных) свойств.

Механическое разграничение стадий раздельного исследования и сравнения представляется методически необоснованным. Сторонники такого разделения считают, что вначале независимо от сравнения должен быть произведен раздельный анализ каждого объекта. Лишь после полного завершения такого анализа, т.е. после изучения всех свойств каждого из исследуемых объектов, можно перейти к сравнению. Эта схема раздельного и сравнительного исследования не учитывает полной обусловленности анализа задачами сравнительного исследования.

Во-первых, не каждый случай раздельного исследования требует анализа всех идентификационных признаков и свойств изучаемых объектов. В случае установления в ходе сравнительного исследования различия в родовидовых свойствах отпадает необходимость детализации свойств сравниваемых объектов. Так, установление различия типа красителя, типа папиллярного узора при сравнений следов рук, количества нарезов в канале ствола огнестрельного оружия при сравнении пуль, размера шрифта при сравнении машинописных текстов и т.п. само по себе достаточно для отрицательного вывода.

Между тем отделение сравнения от раздельного исследования привело бы к необходимости проводить эту значительную по объему и сложности работу во всех случаях.

Во-вторых, при отрыве раздельного исследования от сравнения одни и те же свойства должны были бы анализироваться дважды: сначала отдельно от сравнения, а затем параллельно сравнению. Вытекающее отсюда увеличение объема исследования представляется методически неоправданным.

Вместе с тем в отдельных экспертных ситуациях и частных экспертных

методиках раздельный анализ, отделенный от сравнительного исследования, оказывается методически целесообразным.

Это касается в первую очередь многообъектных экспертиз, когда на исследование представляется большое число проверяемых объектов. В этих случаях оправдан тщательный предварительный анализ отображения искомого объекта с целью выяснения родовых и видовых его свойств, которые можно использовать для исключения основной массы проверяемых объектов, а также выделения броских особенностей искомого объекта для его предварительного отождествления.

При идентификации оружия по стреляным пулям, например, рекомендуется выделить броские устойчивые особенности каждого ствола по экспериментальным пулям, определенным образом ориентированным в патроннике, а затем переходить к анализу исследуемой пули, на которой такие особенности могут быть выражены слабее, повреждены в преграде.

В силу неразрывной связи стадии анализа и сравнения представляется целесообразным рассмотреть основные методические рекомендации, касающиеся аналитического сравнения признаков, т.е. предварительного сопоставления чувственно-воспринимаемых особенностей объектов.

2.4.1. Аналитическое сравнение признаков. Объекты сравнения и принцип сопоставимости

При выборе объектов сравнения, организации экспериментальной работы для получения сравнительных материалов и выбора способов сравнения следует руководствоваться принципом сопоставимости сравниваемых объектов.

Сравнение искомого и проверяемого объектов может быть произведено как путем сравнения их отображений, так и в ряде случаев путем сравнения отображения искомого объекта непосредственно с проверяемым объектом. Основным приемом сравнительного исследования объектов является сравнение их отображений, сравнение же отображения искомого объекта непосредственно с проверяемым объектом обычно выступает как вспомогательный прием.

Всякое сравнение будет тем более успешным, чем более сопоставимы сравниваемые объекты. Во всех случаях криминалистической идентификации, перед тем как приступить к сравнительному исследованию, рекомендуется уравнять сравниваемые экспериментальные отображения по форме, цвету, размеру. Это требует в ряде случаев довольно трудоемкой предварительной работы. Так, сравниваемые фотографические изображения увеличиваются до

одних и тех же размеров; для сравнения берутся следы, наиболее соответствующие по механизму образования, проверяемое лицо фотографируется в том же ракурсе, что и на исследуемой фотографии, и т.д. Если такой предварительной работы проведено не будет, сравнение окажется затруднительным, а в ряде случаев и невозможным.

Использование способа сравнения свойств искомого и проверяемого объектов по их отображениям требует соблюдения определенных правил, гарантирующих успешность исследования. Они сводятся к использованию для сравнения:

а) возможно ближайших отображений сравниваемых объектов;

б) отображений с наибольшим соответствием механизма передачи свойств.

Значение первого из этих правил - использования для сравнения ближайших отображений, а не последующих копий с них - не требует особых разъяснений. Если, положим, со следа получен слепок, то лучшим материалом для сравнения при отсутствии самого следа будет этот слепок, а не копии с него (слепки со слепка).

Сравнение отображений, наиболее соответствующих по механизму их образования, предусмотренное вторым правилом, представляет несомненное преимущество перед сравнением отображений, различающихся по механизму образования.

Так, при идентификации по стреляным пулям оказались неэффективными и непригодными способы получения отпечатков канала ствола из гипса, воска, серы, пластилина, целлулоидной пленки, а также путем проталкивания пластических масс через ствол, хотя эти материалы более пластичны, чем оболочка экспериментальной пули.

Вместе с тем надо подчеркнуть, что полностью исключать целесообразность применения способа сравнения объекта с отображением нельзя, например, когда по характеру сравниваемых объектов возможно совмещение контактных поверхностей отображения и предмета, например наложение орудия на след. Рассматриваемые способы должны дополнять друг друга. Задача состоит в том, чтобы определить, когда, для каких целей и каким образом эти способы лучше использовать.

То же самое следует сказать и про встречающееся иногда предпочтение отображений, наиболее четко передающих свойства проверяемого объекта, отображениям, полученным по принципу наибольшего соответствия механизма передачи свойств. В целях разрешения вопроса о тождестве целесообразно использовать и те и другие отображения.

2.4.2. Технические приемы выявления совпадения и различия признаков

А. Визуальные методы

Аналитическое сравнение признаков осуществляется органолептическими средствами, в числе которых ведущее место принадлежит зрительному анализатору.

Ведущее значение визуальных приемов сравнения подтверждается исследованиями роли зрительного анализатора в познавательной деятельности. Через зрение в мозг поступает большая часть всей информации о внешнем мире, в том числе и используемой для идентификации. В ходе зрительного восприятия объекта последовательно просматриваются отдельные его части, выделяются зоны и точки, несущие наибольшую информацию, исключаются неправильные гипотезы. В итоге формируется заключение о признаках, индивидуализирующих объект и отличающих его от других сходных объектов [186, стр. 245].

“Исключительное познавательное значение зрительных ощущений заключается, - как отмечает В.Г.Ананьев, - в том, что через дробление (анализ) и воссоздание (синтез) отражаемых оптических (световых) свойств предметов внешнего мира они дают нам познание о пространстве как об одной из основных форм существования материи и о каждом отдельном внешнем теле и явлении” [3, стр. 54].

Более того, зрение является основным каналом получения информации о тех свойствах материи (химический состав, внутренняя структура объектов), которые непосредственно не доступны зрительному анализатору. Посредством инструментальных методов указанные свойства преобразуются в сигналы, восприятие и сравнение которых может быть осуществлено визуально: спектрограммы, хроматограммы, рентгенограммы, графические кривые, выдаваемые разного рода аналитическими установками, и т.п.

Сетчатка глаза сохраняет зрительное ощущение от светового воздействия приблизительно 0,1 секунды. Следовательно, если восприятие сравниваемых объектов будет разделять больший промежуток времени, сравнение их не сможет осуществляться на уровне ощущений, а это существенно снизит полноту и точность сравнительного исследования. Сказанное должно учитываться при построении всех визуальных приемов.

По способу расположения сравниваемых объектов различаются следующие визуальные приемы сравнительного исследования: сопоставление, наложение, совмещение[1].

[1] Классификация и описание визуальных приемов сравнительного исследования

Способ сопоставления сводится к помещению сравниваемых объектов в одно поле зрения на возможно более близком расстоянии друг от друга. При этом обеспечивается степень увеличения, достаточная для анализа и сравнения признаков.

Сопоставление сравниваемых объектов в увеличенном виде иногда проводится на экране через проекционные приборы типа эпископа, сравнительного эпископа, эпидиаскопа. К числу специально криминалистических средств, обеспечивающих оптимальные условия сопоставления сравниваемых объектов, относятся сравнительный микроскоп и дактилоскоп. Широко используется сопоставление фотографических снимков сравниваемых объектов. Особенно большое значение этот прием имеет в тех случаях, когда сравниваемые объекты расположены таким образом, что их нельзя поместить в одно поле зрения (например, следы или оттиски, расположенные на различных сторонах или различных местах одного и того же предмета). Фотографические снимки приводятся к нужному увеличению, что также создает наиболее удобные условия для сравнения.

Способ наложения состоит в накладывании одного из сравниваемых прозрачных отображений на другое, с тем чтобы в случае совпадения инвариантных точек выявилось совпадение или различие остальных признаков. Способ наложения не является столь же универсальным, как способ сопоставления. Он применим, как правило, лишь для сравнения отображений, механизм образования которых прост и поддается точному воспроизведению в образцах (машинописные тексты, оттиски печатей, штампов, опознавательные фотоснимки и т.п.).

Из числа фотографических наиболее распространенными являются следующие приемы наложения:

а) с подлежащих сравнению объектов изготавливаются диапозитивы, которые накладываются и исследуются в проходящем свете;

б) с одного из сравниваемых объектов изготавливается позитив, а с другого - диапозитив, которые накладываются и исследуются в отраженном свете;

в) накладываемые фотографические изображения предварительно окрашиваются путем вирирования в дополнительные цвета, что облегчает выявление совпадений и различий.

Частным случаем рассматриваемых приемов является фотомеханическое совмещение (аппликация) прижизненного фотоснимка проверяемого лица и фотоснимка черепа, при сравнительном исследовании оттисков печати типографских клише и т.п. Наложение может быть проведено посредством

предложены в [119, стр. 56-91].

специальных оптических приборов типа блинк-микроскопа или спаренных проекторов с обтюратором, выявляющих различия сравниваемых отображений за счет эффекта мигания соответствующих участков отображения. По этому принципу построен и специальный криминалистический прибор оптического наложения [148, стр. 22-24].

Способ наложения не гарантирует большой точности и используется главным образом на первоначальных этапах сравнения. Так, при рассмотрении на просвет спорного машинописного текста и точной копии с него, изготовленной на проверяемой машине, устанавливается соответствие промежутков между буквами и строками, отклонения букв от нормального положения, различия конфигурации шрифта. Это заменяет многочисленные измерения при анализе и сравнении. Однако при сравнении мелких особенностей шрифта способ наложения оказывается малоэффективным и требуется применение более точных методов.

Способ совмещения отображений состоит в таком расположении сравниваемых отображений, при котором признаки одного отображения могут рассматриваться как естественное продолжение признаков другого. Способ совмещения является как бы соединением двух предыдущих способов сравнения, причем их недостатки оказываются в значительной мере устраненными. Способ совмещения обеспечивает во всех случаях одновременное рассмотрение признаков сравниваемых отображений даже при очень ограниченном поле зрения и больших увеличениях. В то же время этот способ дает возможность произвести анализ и сравнение признаков даже при таких отклонениях в механизме образования отображений, которые делают способ наложения совершенно неэффективным. Это обусловливает возможности широкого практического использования способа совмещения в самых различных видах криминалистической идентификации: пучков трасс, линий спектров, выявленных посредством методов интроскопии линий внутренних напряжений, и т.п. Особое значение имеет этот способ при сравнении динамических следов со сложным механизмом образования, когда способы сопоставления и наложения отображений оказываются недостаточными.

Недостатком способа совмещения является ограниченность круга сравниваемых признаков. Способ совмещения не обеспечивает полноты анализа и обобщенной оценки совпадений и различий. Поэтому даже в тех случаях, когда этот способ целесообразно использовать как основной технический прием сравнения, он должен быть дополнен другими приемами.

Без применения специальных оптических приборов способ совмещения используется, например, при трасологическом исследовании динамических

следов. Так, если след поверхностный или имеет незначительный рельеф, экспериментальное отображение делают на тонком слое какого-либо материала, например на оловянной фольге. Полученное отображение накладывается на соответствующую часть следа, после чего приступают к анализу совмещенных таким образом линий особенностей.

Практическое использование способа совмещения отображений вызвало потребность в применении для этой цели специальных оптических приборов в виде различных конструкций сравнительного микроскопа.

Конструкция прибора удовлетворяет одновременно двум основным требованиям сравнительного исследования:

Метод совмещения при идентификации
обреза по следам на дроби

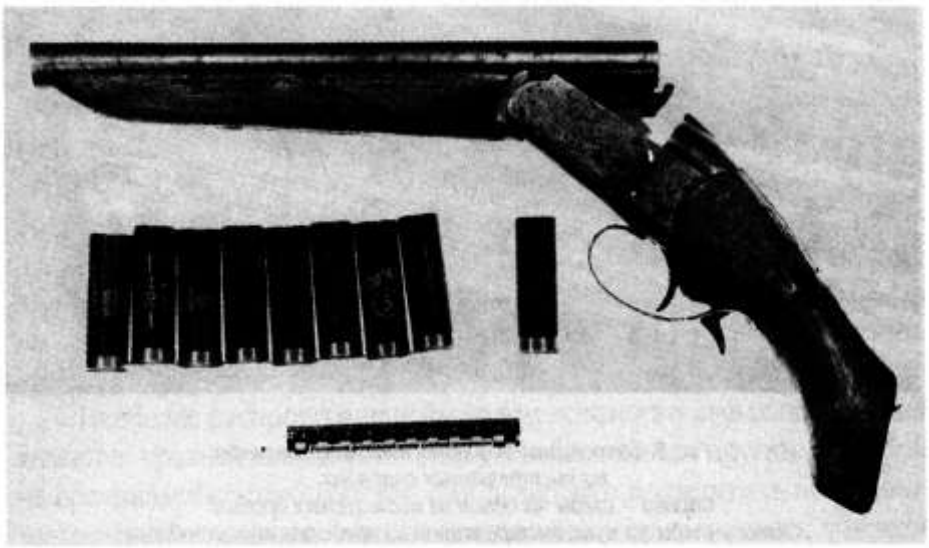

Рис. 3. Обрез и патроны, представленные на экспертизу.

Рис. 4. Дробь и два пыжа, представленные на экспертизу.

Рис. 5. Совмещение особенностей микрорельефа на выстрелянных снарядах. Справа – следы на одной из исследуемых дробин. Слева – следы на пуле, выстрелянной из представленного обреза при производстве экспертизы. (Практика РФЦСЭ при МЮ РФ)

а) дает возможность одновременного рассмотрения подлежащих сравнению признаков;

б) позволяет получить в случае необходимости значительные увеличения.

Сравнительные микроскопы, выпускаемые промышленностью для криминалистических целей, могут быть использованы во всех видах криминалистической экспертизы. Оптика, осветительные устройства и специальные приспособления позволяют производить сравнение чернильных и карандашных штрихов, бумаги, пуль и гильз, следов взлома, биологических препаратов и ряда других объектов. Прибор имеет широкий диапазон увеличений и позволяет с помощью насадочной микрофотокамеры фиксировать выявленные совпадения и различия.

Совмещение отображений по их микро- и макрофотоснимкам используется при идентификации огнестрельного оружия по пулям и гильзам, орудий и инструментов - по их статистическим и динамическим следам, печатей, штампов и типографских наборов - по их оттискам. Полученные фотографии разрезаются так, чтобы линия разреза проходила через возможно большее число характерных особенностей и совершенно одинаково на обоих снимках. Затем производится совмещение разноименных частей сравниваемых отображений. Разрезаться может и только одно изображение. Тогда совмещение достигается наложением части разрезанного снимка на одноименную часть неразрезанного.

Особым случаем совмещения является совмещение конформных поверхностей объектов при их разделении на части (излом, разрыв и т.п.).

Б. Графические построения

Весьма часто идентификация производится на основе размеров, формы, взаимного расположения локальных особенностей и общих пространственных характеристик сравниваемых объектов. Для выделения соответствующих признаков, прослеживания взаимосвязи между ними, точного сопоставления и предварительной оценки их комплексов могут быть использованы различные геометрические построения.

Наиболее распространенным видом вспомогательных построений являются сравнительные сетки. Нанесенные тем или другим способом на сравниваемые отображения, они позволяют подвергнуть последовательному и детальному анализу и сравнению признаки всех участков отображений. Особенно часто сравнительные сетки используются для исследования машинописных текстов, оттисков клише всевозможного рода (печатей, штампов, типографских наборов и т.п.), следов от орудий и инструментов, следов ног и рук.

Наиболее простой способ применения сравнительных сеток состоит в том, что стекло с нанесенной на него сеткой накладывается на сравниваемые отображения. Наложение производится таким образом, чтобы сетка была строго ориентирована по точкам, одинаково расположенным во всех сравниваемых отображениях. В таком виде отображения и подвергаются сравнительному исследованию. Чаще, однако, сравнение производится по фотоснимкам отображений с наложенной на них сеткой.

Еще более удобен способ впечатывания сравнительной сетки в фотоснимок. С этой целью после экспонирования на фотобумагу изображения следа экспонируется изображение сетки.

Помимо обычных квадратных сеток, облегчающих последовательный и детальный анализ признаков, в экспертной практике используются различные виды измерительных сеток, позволяющих производить по изготовленным фотоснимкам измерения линейных и угловых величин. Может быть рекомендовано также впечатывание масштабов с дробным делением до 1/20 мм и транспортирных сеток. В ряде исследований используются специально приспособленные сетки. Так, например, для изучения шрифта пишущих машин американским криминалистом А.Осборном были рекомендованы сетки с симметрично расположенными рядами квадратов и прямоугольников для выявления отклонений знаков от нормального положения на линии строки.

В качестве особой группы вспомогательных построений могут быть выделены различные геометрические фигуры (квадраты, круги, треугольники и

т.д.) и линии (прямые, дуги, ломаные), вычерчиваемые на фотографических снимках. Основное значение построений такого рода состоит в том, что они позволяют установить соотношения между отдельными признаками и таким образом выявить новые общие и синтезирующие признаки. Это позволяет произвести сравнение целых групп особенностей, что весьма существенно для сравнительного исследования.

Применение того или иного построения определяется характером сопоставляемых признаков. Так, при исследовании почерка особенно часто используют проведение прямых (при сравнении соотношений размера, наклона и положения штрихов) и ломаных линий (при сравнении соотношений верхних и нижних окончаний штрихов); при трасологической идентификации чаще используется построение геометрических фигур.

Вместе с тем следует отметить, что вспомогательные построения в случаях, когда они являются многочисленными и сложными, затрудняют рассмотрение, анализ и сравнение признаков. Поэтому чрезмерное усложнение таких построений и перегрузка ими фотографических снимков нежелательны. Во всех случаях применения вспомогательных построений для контроля желательно иметь фотоснимки сравниваемых отображений без этих построений. Это необходимо, когда построения сложны, многочисленны и когда обводкой выделяются плохо видимые признаки.

В числе приемов, улучшающих условия зрительного восприятия и устраняющих рассеивающее действие лишних деталей, заслуживает внимания способ наложения масок на части отображений, не подлежащие сравнительному исследованию.

Отображение признаков в следах во многих случаях идентификации подчиняется законам проективных отображений и преобразований. Так, фотографический снимок лица человека или предмета может рассматриваться как центральная проекция образующих его точек на плоскость светочувствительного материала; оттиск печати или штампа в документе - как ортогональная их проекция на плоскость документа и т.д. В связи с этим закономерности отображений и преобразований могут использоваться для сравнительных геометрических построений. Ряд вариантов такого рода построений был предложен Р.Э.Эльбуром, Н.С.Полевым и Б.Г.Хасиным [см. 394; 241]. Сущность таких построений сводится к следующему. В каждом отображении выделяются внутренние и наружные углы глаз, рта, точки переносицы и основания носа. Указанные точки ориентируются в прямоугольной системе координат и затем преобразуются в ломаные линии - “определители”. В отличие от исходного комплекса точек, которые не поддаются сопоставлению, полученные ломаные

линии могут быть точно сопоставлены с использованием приемов начертательной геометрии. Для этого определители переносятся на один лист бумаги с совмещением осей координат. Через одноименные точки сравниваемых линий проводятся прямые отрезки до их взаимного пересечения. Если все отрезки пересекаются в одной точке, то это указывает на проективное соответствие выявленного комплекса точек. Если наблюдается значительное рассеяние точек пересечения, это указывает на их проективное несоответствие.

Нетрудно убедиться, что рассматриваемый прием представляет новые возможности идентификационного исследования, позволяет выявить и сравнить частные комплексы идентификационных признаков, определить их совпадение или различие. Вместе с тем нельзя, как это делают его авторы, переоценивать значение данного приема, рассматривать его как "идентификационный алгоритм", обеспечивающий получение конечных выводов по вопросу о тождестве. Проективное соответствие некоторого комплекса выделенных точек в принципе не совпадает с понятием тождества сравниваемых объектов. Как результат применения любого технического приема проективное соответствие выделенных точек требует тщательной оценки. Значение такого соответствия определяется идентификационной значимостью исходного комплекса выделенных точек, точностью определения точек и выполнения построений. Однако во всех случаях результат будет иметь частный, промежуточный характер. Его следует использовать в системе других технических и оценочных методов, обеспечивающих исследование всей совокупности идентификационных признаков сравниваемых объектов[1].

В. Инструментальные преобразования сигналов информации

В значительном числе случаев информационное поле, используемое для идентификации, недоступно для непосредственного чувственного восприятия. Атомный, молекулярный и фракционный составы исследуемого объекта, его кристаллическая структура и многие физические свойства не могут быть выявлены органолептическими методами и требуют применения аналитических инструментальных методов. К числу их относится спектральный анализ в его различных модификациях (эмиссионный, абсорбционный, люминесцентный, инфракрасная спектрометрия и др.), рентгеноструктурный анализ, хроматография (бумажная, газовая и в тонких слоях) и др.

Преобразование физической природы сигнала информации, осуществляемое в приборе, позволяет представить идентификационные признаки в доступной для непосредственного восприятия и поддающейся дешифровке

[1] В. В. Томилин и С. А Абрамов вводят для обозначения вышеописанных графических методов специальный термин - "реперат", различая "координатный", "полигональный" и "алгоритмический" реперат [см. 193, стр. 18].

форме спектров, аналитических кривых, окрашенных полос и т.д. При этом обеспечивается чрезвычайно высокая чувствительность, особенно важная для обнаружения микроколичеств вещества и микроследов в криминалистических исследованиях.

В ряде случаев чувственное восприятие идентификационных признаков возможно, но оно не обеспечивает получения информации, необходимой для точной идентификации. Так, визуальное исследование мелких царапин на металле позволит наблюдать пучки трасс, оставленных идентифицируемым объектом. Однако выявить полный объем содержащейся в таких следах информации и подвергнуть его всестороннему сравнительному исследованию визуальными методами невозможно. Различная по глубине и рельефу борозда может выглядеть как линия (трасса) одной и той же ширины.

Для выявления полного объема содержащейся в подобных следах информации используется метод профилирования в его различных модификациях (оптической, фотоэлектрической, щуповой).

Взятый в нужном сечении профиль следа преобразуется тем или иным способом в сигнал, представленный в форме, удобной для анализа и сравнения кривой.

Голос человека нередко выступает в качестве самостоятельного идентификационного поля при опознании. Высота, тембр, модуляции, дефекты голосового аппарата и артикуляции, особенности произношения и другие признаки успешно используются для идентификации. В то же время выделение, описание и сравнительное исследование указанных признаков при их непосредственном чувственном восприятии весьма несовершенны и не гарантируют от ошибок при опознании. Перспективен в связи с этим метод идентификации, основанный на электроакустическом преобразовании звуков речи в характерные спектры, выявляющие большой объем идентификационной информации и доступные для визуального анализа и сравнения. Способ получения и фиксации электроакустических спектров, а также объем содержащейся в них информации делают возможной научно-достоверную идентификацию личности по голосу.

Таким образом, способ инструментального преобразования обеспечивает выявление и представление в наиболее удобном для сравнительного исследования виде полностью или частично недоступных для непосредственного чувственного восприятия идентификационных полей.

Гносеологическими предпосылками использования метода инструментальных преобразований в процессе идентификации являются:

а) изоморфизм полученных сигналов информации исходным свойствам идентифицируемых объектов;

б) возможность непосредственного чувственного восприятия результатов инструментального преобразования свойств объектов идентификации.

Указанные предпосылки обеспечивают возможности адекватного отражения мышлением эксперта свойств идентифицируемых объектов и научно-достоверной идентификации инструментальными методами.

Способ инструментального преобразования обладает рядом важных для сравнительного идентификационного исследования достоинств.

1. *Управление сигналом.* Перевод сигнала информации из одной физической природы в другую открывает возможности управления сигналом, его адекватного преобразования в наиболее удобную и соответствующую форму. Так, в ходе фотоэлектрического профилирования за счет изменения степени оптического увеличения и относительной скорости движения столиков с исследуемой репликой и фиксирующим фотоматериалом пики кривой сжимаются или растягиваются в продольном направлении. Это позволяет сначала получить кривую, удобную для общего ознакомления с рельефом, а затем для детального анализа его особенностей.

2. Возможность математической обработки идентификационной информации. Инструментальный метод, как правило, обеспечивает метризацию сигналов информации и позволяет придать им форму, наиболее удобную для введения в память ЭВМ. Это открывает широкие возможности применения статистических и кибернетических методов идентификации[1].

---

[1] Большая часть моделей современной высокоточной аналитической техники снабжается микропроцессорами для обработки выходного информационного сигнала.

Более подробно о современных технических средствах идентификационных исследований (фотографических, оптико-механических, радиоэлектронных и ЭВМ-автоматизированных комплексах) см. 343, вып. 2, стр. 61-84.

В числе новейших разработок отечественной электронной техники представляют интерес телевизионные спектральные системы (ТСС): “ЗМ”, “Эксперт”, “Радуга”, “УСИ-9”. Они обеспечивают исследование сравниваемых вещественных доказательств в различных спектральных зонах видимого, ультрафиолетового и инфракрасного диапазонов с использованием отраженного и люминесцентного излучения, в том числе анализ инфракрасной люминесценции. ТСС состоит из анализатора и монитора, позволяющего наблюдать изображение в различных режимах освещения с различной степенью увеличения или пофрагментно.

ТСС “Радуга" предоставляет исследователю ряд дополнительных возможностей:

– высокая интенсивность освещения и наличие импульсных источников большой мощности обеспечивают выявление слабо люминесцирующих фрагментов режиме ИКЛ и УФЛ.

– ввод изображения в ЭВМ и возможность накопления изображений с целью выявления слабоконтрастных объектов.

– наличие 20 светофильтров, обеспечивающих спектрозональные исследования в диапазонах от 400 до 1000 нм.

“УСИ-9” (устройство совмещения цветных изображений) обеспечивает возможность сравнительного анализ двух цветных телевизионных изображений (следа и образца)

Как видно из сказанного, сфера применения приемов инструментального преобразования признаков охватывает все области идентификации. Внешнее строение объектов, их химический состав, кристаллическая структура, функционально-динамические комплексы - все это поддается аналитическому сравнительному исследованию инструментальными методами. Это обстоятельство указывает на общность методики и возможностей традиционных "классических" и новейших отраслей криминалистической идентификации, осуществляемой физическими и химическими методами, а также неправомерность их противопоставления по этому признаку.

2.4.3. Сравнение свойств идентифицируемых объектов

Сравнение свойств объектов осуществляется на уровне их идеализированных представлений, мысленных моделей. Такое сравнение возможно лишь после завершения анализа и на основе тех знаний о закономерностях распределения признаков и механизме их отражения, которые получены в стадии аналитического исследования.

Развитие аналитических методов в различных отраслях идентификации позволяет выявлять все большее количество свойств идентифицируемых объектов, недоступных или "ускользающих" от чувственного восприятия и контроля. Так, в сложных почерковедческих исследованиях выделяются отношения протяженностей аппроксимированных сгибательных и разгибательных движений, степень кривизны участков, выделенных на основе биомеханических характеристик, и др. "Таких свойств, - отмечают В.Ф.Орлова и А.В.Смирнов, - в относительно малоинформативном с традиционных позиций объекте можно выделить довольно много. Их нужно представить и количественно, статистически обработать, благодаря чему выявятся закономерности "их поведения" у конкретного объекта" [см. 230, стр. 49].

Поскольку, как отмечалось выше, стадия сравнения сочетается с анализом, т.е. последовательно анализируются и сравниваются все необходимые для идентификации свойства, стадия сравнения завершается сравнением целостных идеальных моделей сравниваемых объектов и выделением в них областей совпадения и различия свойств. Указанные области охватывают все уровни структуры идентифицируемых объектов - от интегральных свойств до частных индивидуализирующих особенностей.

Следует еще раз подчеркнуть при этом, что внешне различные следы могут происходить от одного объекта, например, различные по своим парамет-

---

в режимах наложения и совмещения на экране цветного монитора.

рам отображения могут иметь общую информационную структуру, указывающую на идентичность. Так, при исследовании подписей, выполненных конкретным лицом от имени разных лиц, т.е. имеющих различную транскрипцию, удается выявить общие адаптивные свойства навыка, являющиеся функциями локальных характеристик контуров [см. 19, стр. 52-53].

Сравнение такого рода скрытых от непосредственного восприятия характеристик и составляет сущность сравнения как особой стадии идентификации.

Стратегия исследования на стадии сравнения должна обеспечить проверку всех экспертных версий и разрешение промежуточных задач данной стадии на основе использования оптимальных путей и средств сравнительного исследования. Общая стратегия идентификационного исследования - индивидуализация сравниваемых объектов в полной мере сохраняется на стадии сравнения. На основе этой стратегии в качестве подзадач решаются задачи:

а) классификации и субклассификации сравниваемых объектов;

б) исключения проверяемого объекта;

в) индивидуального отождествления проверяемого объекта.

В стадии анализа и сравнения классификация и субклассификация сравниваемых объектов могут быть только предварительными, так как окончательная оценка выявленных свойств дается на заключительной синтетической стадии. Тем не менее такая классификация имеет в процессе исследования большое методическое значение. Выше было показано, что сам выбор метода анализа нередко обусловлен отнесением исследуемого объекта к тому или другому типу, роду, виду. При этом методика существенно зависит от уровня классификации (сравните, например, определения наличия, рода, вида и источника происхождения красителя, волокна, горючесмазочного или иного материала и вещества).

Не меньшее значение имеет предварительная классификация в стадии сравнительного исследования. Поскольку объекты, относящиеся к различным классификационным подразделениям, имеют различный набор и номенклатуру свойств и признаков, а также различную их устойчивость и частоту встречаемости, их сравнение должно осуществляться с учетом их родовой, видовой и групповой принадлежности. Так, характер, взаимосвязь и значимость особенностей в высоковыработанном почерке будут иными, чем особенности маловыработанного почерка, фракции тяжелых нефтепродуктов существенно отличаются от фракций легких и т.д.

Выявляемое при сравнении различие классификационных характеристик может использоваться для исключения проверяемого объекта.

Отнесение же сравниваемых объектов к одному и тому же узкому классификационному подразделению позволяет глубже индивидуализировать их природу и на более высоком уровне проследить связь, устойчивость и индивидуальность выявленной совокупности свойств[1].

Поскольку сравнительное исследование сводится к сопоставлению элементов идеальных моделей идентифицируемых объектов, построенных на стадии аналитического исследования, классификация методов сравнительного исследования должна исходить из параметров, характеризующих указанные модели: вид модели, язык ее описания, научно-технические средства, используемые при сравнении, и уровень автоматизации сравнения.

Отправляясь от указанных критериев, можно выделить четыре группы методов сравнительного исследования свойств идентифицируемых объектов: мысленно-образные, графические, математические, кибернетические[2].

А. Мысленно-образные методы сравнительного исследования используются в большинстве традиционных криминалистических экспертиз, т.е. при идентификации человека по почерку, признакам внешности, в трасологических исследованиях, идентификации огнестрельного оружия и т.п.

Представления о свойствах, подлежащих сравнению, формируются в этих случаях на основе мысленной обработки наблюдаемых экспертом вариаций признаков и представляют их эмпирические обобщения. Так, наблюдая способ выполнения и направления движения руки при написании буквы “я” в различных ситуациях письма, эксперт формирует в своем представлении обобщенный образ этой буквы, отражающий свойства письменно-двигательного навыка пишущего. В содержание этого образа входит сумма наблюдений и установленных экспертом зависимостей движений руки пишущего от детерминирующих их факторов. Сущность сравнения состоит в сопоставлении произведенных экспертом обобщений и установленных при этом зависимостей,

---

[1]В отдельных случаях след не содержит развернутой информации о родовых и видовых свойствах идентифицируемого объекта, как, например, след-царапина на металле, следы на пуле и др. Это не означает, что в таких исследованиях отсутствует стадия сравнения родовидовых свойств. (В отсутствие такой стадии ряд авторов видят, например, методическую особенность микротрасологии.) Эта стадия присутствует в методике в свернутом виде на уровне экспертного моделирования искомого и проверяемого объектов. Так, след-царапина на сувальдине замка внутри короба может быть оставлен только инструментом типа отмычки, что характеризует устройство, размеры, форму такого инструмента; система трасс на пуле - только полями нарезов канала ствола пистолета, что указывает на калибр и модель, оружия и т.д. Сравнение признаков микрорельефа предполагает сравнение и совпадение указанных родовидовых свойств искомого и проверяемого объектов, хотя они могут не получить непосредственного отображения в следах.

[2] В. С. Митричев [см. 204, стр. 83-84] выделяет три группы методов сравнительного исследования: описательные, графические и расчетные.

характеризующих привычки письма сравниваемых исполнителей при выполнении буквы “я”.

Мысленно-образное сравнение свойств опирается на данные, полученные в результате использования органолептических методов обнаружения и сравнения признаков. Для фиксации результатов исследования используется естественный язык описания.

По уровню автоматизации данная группа методов относится к числу “ручных”.

Б. Графические методы сравнительного исследования свойств основаны на использовании графических моделей сравниваемых объектов или их отдельных свойств и их сочетаний. При этом существенно подчеркнуть, что графические модели в этом случае отражают не единичные признаки, а представляют обобщения, обработку наблюдений, выражающих закономерность отражения признаков, устойчивые, инвариантные свойства сравниваемых объектов.

Так, модель усредненной буквы “р” в предложенном Л.Г.Эджубовым методе усреднения [см. 386, стр. 238-245] представляет не какую-то конкретную букву текста, а выражает закономерность распределения вариаций признаков письма при выполнении этой буквы конкретным исполнителем.

Методы усреднения могут быть автоматизированы. Так, с использованием компьютерных программ могут быть получены усредненные графические характеристики поверхности на основе обработки серии профилограмм исследуемого объекта в трасологии, состава вещества при обработке серии хроматограмм при исследовании извлеченного с места происшествия горюче-смазочного вещества и т.д. Графические модели могут быть представлены для сравнения в виде гистограмм, графиков и в ином виде. В качестве языка описания в этих случаях наряду с естественным языком может использоваться математическая символика и графика. Режим сравнительного исследования может быть как ручным, так и полуавтоматизированным.

В. Методы математического моделирования позволяют представить свойства идентифицируемых объектов, связи и отношения между ними на языке чисел и математических символов и заменить мысленно-образную логическую обработку исходной информации операциями с числами на основе адекватного математического аппарата. Использование математических моделей в значительной мере расширяет возможности идентификации, увеличивая объем идентификационной информации и позволяет объективировать его результаты.

В числах и символах могут быть выражены как количественные, так и

качественные свойства, связи и отношения объектов. Так, в дактилоскопической формуле отражены как типы папиллярных узоров на дистальных фалангах пальцев, так и количество папиллярных линий между центром и дельтой в ульнарных петлевых узорах.

Чаще всего числовые показатели используются для отражения результатов измерений, с помощью которых фиксируется интенсивность того или иного свойства. Последнее может служить для идентификации и дифференциации, поскольку объекты, не различающиеся по наличию того или иного свой-

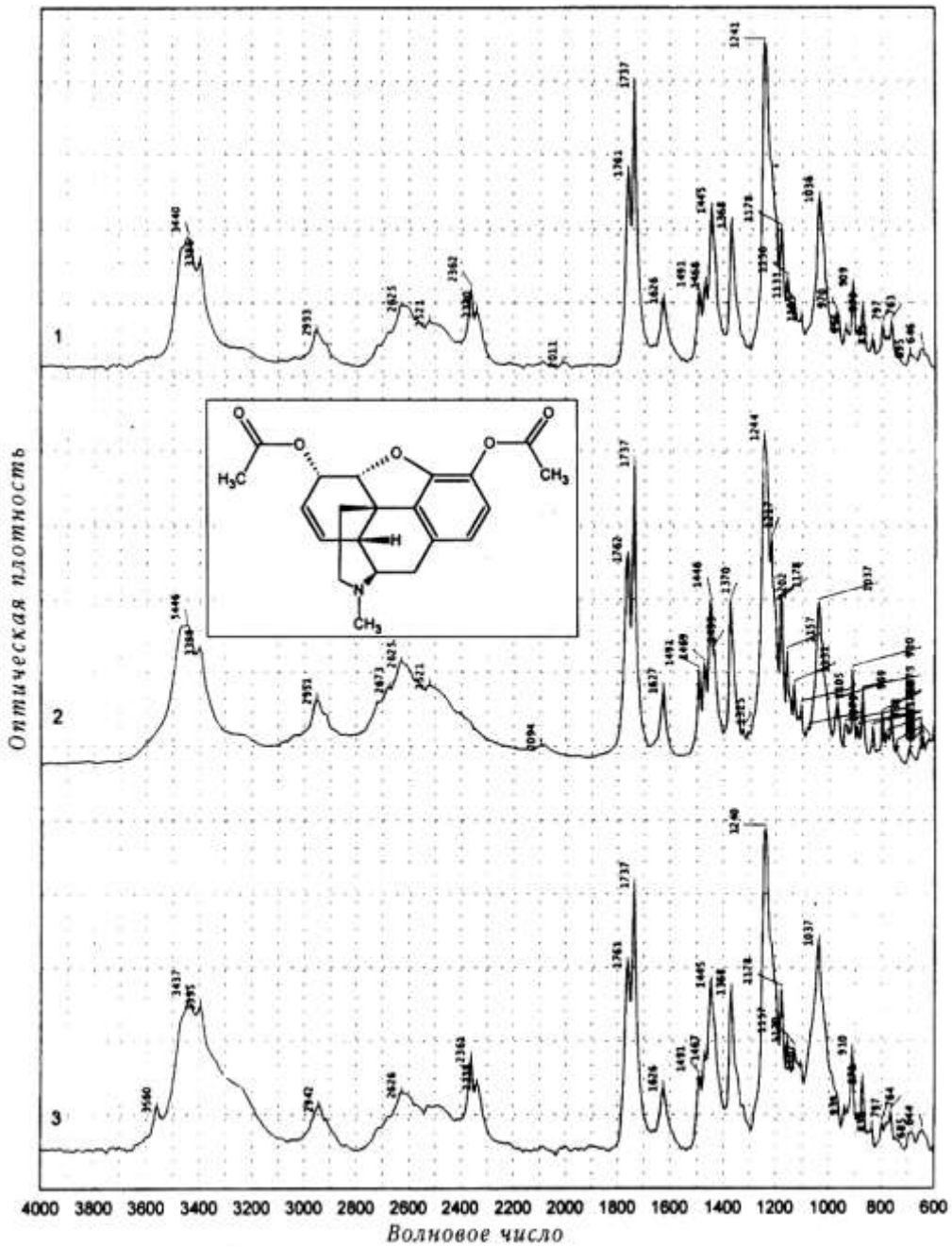

Рис. 6. Сравнение ИК-спектров порошкообразных проб вещественных доказательств (1) и (2) с эталонным спектром героина гидрохлорида (3). (Практика РФЦСЭ при МЮ РФ)

ства, различаются по интенсивности его проявления. Поэтому измерения линейных и угловых величин, цвета, веса, плотности, показателей преломления и иных физических свойств и констант являются наиболее распространенными при исследовании любых объектов идентификации. В качестве математического аппарата для моделирования указанных свойств используются методы дисперсионного анализа.

В более широком комплексе для сравнения математических моделей идентифицируемых объектов может быть использован аппарат таких математических теорий, как теория вероятностей, теория подобия, математическая теория идентификации, теория распознавания образов.

При использовании этой группы методов может быть использован как ручной, так и полуавтоматизированный режим сравнения.

Г. Методы кибернетического моделирования сравнительного исследования позволяют использовать в качестве технического средства сравнения свойств идентифицируемых объектов современные ЭВМ.

Применение ЭВМ в идентификации в значительной мере повышает точность, надежность и быстроту процесса идентификации. Помимо формализации идентификационных свойств, т.е. представления их в символах или числах, что требуется для построения математической модели идентифицируемых объектов, кибернетическое моделирование предполагает создание алгоритма и выполненной на соответствующем алгоритмическом языке программы сравнительного исследования, обеспечивающих машинное решение идентификационной задачи. В настоящее время обсуждаются в литературе и практически используются два типа алгоритмов: дифференционные и идентификационные. Первые обеспечивают отнесение искомого объекта к одной из двух моделей проверяемых объектов, что пригодно лишь для того типа следственных ситуаций, когда круг проверяемых объектов строго ограничен. Вторые определяют степень вероятности тождества моделей сравниваемых объектов.

Второй тип алгоритмов в большей мере соответствует месту и значимости вычислительных средств в процессе решения идентификационных исследований, которые должны, не подменяя эксперта, создавать наиболее благоприятные условия для формирования его внутреннего убеждения[1].

2.5. Синтезирующее исследование

2.5.1. Понятие, задачи и содержание стадии

[1] Более подробно об использовании математических и кибернетических методов идентификации см. в [36; 50; 93; 175].

синтезирующего исследования

Оценка результатов сравнительного исследования образует заключительный наиболее ответственный этап криминалистической идентификации. Именно здесь эксперт должен дать окончательную оценку всем обнаруженным в процессе сравнительного исследования данным и определить основания вывода.

Оценку как метод познавательной деятельности эксперта-криминалиста необходимо отграничивать от заключительной стадии идентификации. Оценка как сопоставление полученных фактических данных с промежуточными и конечными целями идентификации, "взвешивание" количества и качества информации, содержащейся в обнаруженных признаках и установленных свойствах идентифицируемых объектов с точки зрения их значения для индивидуализации идентифицируемого объекта и разрешения вопроса о тождестве, пронизывает все стадии идентификации[1].

Вместе с тем на каждой из стадий идентификации оценочный процесс имеет свои особенности, поскольку на каждой стадии идентификации решаются свои частные задачи и используются соответствующие им критерии оценки.

Так, в стадии предварительного исследования, при общем ознакомлении с объектами и идентификационными признаками, они оцениваются с позиций разработки экспертных версий и планирования деятельности эксперта.

В стадии анализа идентификационные признаки оцениваются как источники информации о свойствах сравниваемых объектов. В стадии сравнительного исследования критерий оценки перемещается в область установления совпадения или различия свойств сравниваемых объектов. Каковы же специальные задачи оценки в рассматриваемой стадии синтезирующего исследования[2]?

В отличие от оценки отдельных признаков, свойств и сторон сравниваемых объектов для разрешения частных задач идентификации на ее отдельных стадиях оценка в заключительной стадии идентификации имеет интегральный

---

[1] Общая характеристика оценки фактических данных в процессе доказывания приводится в [339, стр. 427-493].

[2] Следует отметить, что до 50-х гг. многими авторами стадия синтезирующего исследования (или оценки) как самостоятельная стадия в структуре идентификации не выделялась. Предполагалось, что все задачи оценки могут и должны быть решены на стадиях раздельного и сравнительного исследования [см. 50, стр. 61]. В методическом письме по составлению синтезирующей части заключения почерковедческой экспертизы (Харьков, 1963) особой стадии оценки идентификационных признаков не предусмотрено.

Обоснование необходимости самостоятельной стадии синтезирующего исследования дано в [119].

характер, охватывает всю совокупность установленных свойств объектов и производится для решения общей задачи идентификации - задачи разрешения вопроса о тождестве. Понятно, что такая оценка может быть произведена только после установления указанной совокупности, т.е. после завершения сравнительного исследования. Из этого ясно, что оценка результатов сравнительного исследования представляет самостоятельную задачу и стадию идентификации, отделенную от сравнительного исследования во времени.

Интегральный характер оценки в заключительной стадии идентификации проявляется в первую очередь в том, что она осуществляется на уровне целостной системы свойств идентифицируемого объекта. Отдельные свойства, их совокупности и отдельные стороны идентифицируемых объектов не могут служить основанием для интегральной оценки.

Итоговый характер оценки в стадии синтезирующего исследования проявляется в том, что она дает основания для формирования выводов эксперта. В зависимости от результатов интегральной оценки совокупности установленных совпадений и различий свойств сравниваемых объектов эксперт формулирует окончательный вывод о тождестве, который фиксирует достигнутую степень индивидуализации объекта и содержание внутреннего убеждения эксперта.

В связи с этим вряд ли можно признать правильными весьма распространенные в литературе мнения о том, что окончательный вывод о тождестве возможен на ранних стадиях идентификации или на основе сопоставления отдельных свойств сравниваемых объектов.

Так, например, совмещение по линии излома или несколько своеобразных особенностей пальцевого узора в области центра или дельты признаются достаточными для отождествления; одно-два устойчивых различия сравниваемых образцов по составу - для исключения тождества и т.д. [см. 294, стр. 168-169].

Можно согласиться с тем, что стадии раздельного и сравнительного исследования в конкретных экспертных ситуациях могут быть максимально развернутыми или редуцированными, а сама оценка охватывать различные совокупности выявленных совпадений и различий. Однако поскольку вопрос о тождестве решается не в отношении отдельных свойств, а в отношении целостных объектов, представляющих интегральные образования, итоговая оценка должна быть дана не отдельным свойствам, а именно целостным идентифицируемым объектам. Это положение следует рассматривать как исходный принцип криминалистического идентификационного синтеза.

Требования моделирования и оценки целостных идентифицируемых

объектов распространяются также на решение промежуточных задач на основе специальных циклов идентификации.

Так, классификация и субклассификация осуществляются на основе интегральной оценки систем свойств, необходимых для отнесения сравниваемых объектов к соответствующему типу или иному классификационному подразделению.

Исключение проверяемого объекта на основе установления различия родовых или видовых свойств также может быть признано обоснованным только на уровне интегральной оценки сопоставляемых моделей объектов. Это означает, что выявленные различия должны быть рассмотрены не сами по себе, а в структуре межэлементных связей сравниваемых объектов с учетом их динамики, развития, происходящих в них количественных и качественных, в том числе структурных изменений.

В противном случае структурные или иные качественные и количественные изменения могут быть приняты за исключающие различия. Ценный опыт в этом отношении содержит новейшая методика идентификации измененных горючесмазочных и волокнистых веществ [см., например, 127, стр. 52-68].

В стадии синтезирующего исследования должны быть решены следующие частные задачи, определяющие структуру стадии:

а) оценка различий,

б) оценка совпадений,

в) интегральная оценка.

Совокупность установленных различий изучается с целью определения, могут ли они быть объяснены изменением объекта за идентификационный период. Тем самым завершается исследование изменяемости признаков и получают объяснение различия свойств сравниваемых объектов.

Совокупность установленных совпадений изучается с целью определения, в какой степени эта совокупность индивидуализирует объект, отличает его от всякого другого объекта. Тем самым обобщаются данные, полученные при исследовании индивидуальности отдельных свойств.

Наконец, сопоставление результатов оценки различий и совпадений, системное моделирование сравниваемых объектов образует конечный этап синтеза и всего исследования, завершающийся выводом по вопросу о тождестве.

2.5.2. Синтез различий

По вопросу о последовательности оценки различий и совпадений в литературе высказаны различные мнения. Наиболее целесообразно начинать оценку с объяснения различий. Часто объяснение различий позволяет дифференцировать сравниваемые объекты на уровне рода или вида без их глубокой

индивидуализации. Это дает основание считать предлагаемую последовательность оценки методически более верной.

В результате аналитического и сравнительного исследований может быть установлено, что некоторые различия не объяснимы различиями в механизме образования отображений или изменениями отображения искомого объекта и являются отображением различия свойств самих сравниваемых объектов. Установлением характера и пределов различий свойств сравниваемых объектов и исчерпываются задачи оценки различий в стадии сравнительного исследования.

В рассматриваемой стадии синтезирующего исследования оценке должен быть подвергнут весь комплекс установленных различий в свойствах сравниваемых объектов. Такая оценка имеет целью установить, являются ли эти различия следствием изменения одного и того же объекта во времени или они являются следствием реального раздельного существования сравниваемых объектов.

В случаях, когда объекты идентификации относительно устойчивы, как, например, папиллярные узоры человека и т.д., а различия свойств незначительны, вопрос этот решается сравнительно легко. Значительно больше трудностей возникает в случаях, когда объекты идентификации изменчивы, а с момента образования отображения до начала исследования прошло много времени и установлены значительные различия в свойствах.

Оценка различий в свойствах сравниваемых объектов основана на изучении изменений этих объектов.

Обычно первоначальные изменения в объектах касаются только отдельных свойств и существенно не меняют комплекса идентификационных признаков объекта. Изменения такого порядка не препятствуют достоверному разрешению вопроса о тождестве.

Дальнейшие изменения объекта могут коснуться значительного числа свойств и существенно сузить базу идентификации.

Еще более глубокие изменения объекта приводят к общему изменению комплекса характеризующих его индивидуальных особенностей. Длительная носка обуви, эксплуатация слесарного инструмента, использованного для взлома, переплавка куска свинца и т.д. приводят к уничтожению старого и образованию нового комплекса индивидуальных свойств. Индивидуальная идентификация этих объектов по оставленным ими ранее следам может стать неосуществимой.

При недостаточно тщательном исследовании такое общее изменение комплекса индивидуальных признаков может быть ошибочно принято за основание для отрицательного вывода по вопросу о тождестве.

Существенное значение для практики криминалистической идентификации имеют изменения свойств объектов, специально вызываемые преступниками с целью воспрепятствовать разрешению вопроса о тождестве, например, разнообразные способы искажения почерка (письмо левой рукой, печатными буквами, по трафарету и др.), изменение наружного вида похищенных вещей (разборка, переделка, окраска и др.), внешности трупов (расчленение, изуродование лица и т.п.).

Наконец, следует упомянуть об особой категории изменений свойств объектов, также имеющей большое значение для практики криминалистической идентификации. Имеются в виду случаи замены элементов искомого объекта другими деталями (например, замена шрифта пишущих машин, шин у транспортных средств, частей огнестрельного оружия и т.д.). Замена и перестановка частей имеют место обычно при ремонте и чистке в ходе одновременной сборки различных экземпляров изделий одной и той же конструкции[1]. И в этих случаях недостаточная тщательность исследования или неточность формулировок включений легко могут стать источником недоразумений и ошибок Возможность подобного рода ошибок должна ориентировать, во-первых, на тщательный осмотр и детальное исследование идентификационной ситуации с целью установить, не заменены ли части объектов, и, во-вторых, на точность формулировки заключений.

Экспертное знание закономерностей изменения объектов может быть сформировано только в ходе объектной специализации (почерк, внешность человека, оружие, материалы и вещества и др.), без которого такая оценка невозможна[2].

При частичной замене объекта (частичная замена шрифта пишущей машины, замена выбрасывателя огнестрельного оружия и т.д.) возможности идентификации зависят от значения установленных совпадений. При этом положительное разрешение вопроса о тождестве может иметь место лишь в том случае, если обнаруженные различия объясняются установленными фактами замены или перестановки отдельных частей.

Такова общая характеристика изменений, исследование которых в объектах криминалистической идентификации служит основанием для оценки установленных различий.

---

[1] Как показывает анализ экспертной практики, игнорирование имеющихся различий или неправильная их оценка являются одним из источников экспертных ошибок [378, стр. 67].

[2] Из этого вытекает недопустимость “чисто” методных экспертно-криминалистических специализаций на базе самостоятельных так называемых судебно-экспертных наук “судебной физики”, “судебной химии”, “судебной математики” и т.д. [см. 52].

Рассмотрим основные приемы исследования при объяснении различий.

Правильная оценка различающихся свойств требует уяснения основных закономерностей развития и изменения объектов ю времени. Здесь должны быть выделены, с одной стороны, возрастные, патологические и иные изменения при исследовании живых лиц, с другой - изменения, происходящие при использовании объектов по назначению в случаях исследования вещей, например старение лакокрасочного покрытия.

Исследования обстоятельств, вызывающих индивидуальные различия в объектах, представляют характерную особенность криминалистической идентификации, существенно отличающую ее от родственных (по методам) естественно-научных исследований. В результате исследования обнаруженных различий могут быть установлены:

а) невозможность объяснить их закономерными изменениями свойств объектов во времени. Допустим, при сравнении фотоснимков взрослого человека устанавливается различие формы и размера ушной раковины; при сравнении следов от канала ствола на пулях устанавливается различие в направлении нарезов и т.д. Вследствие того, что подобного рода различия свойств не могут быть объяснены изменениями объекта во времени, они являются доказательством реального раздельного существования сравниваемых объектов;

б) возможность возникновения выявленных различий в результате изменения свойств объекта во времени. Отрицательный вывод при этом исключается. Положительный вывод предполагает оценку комплекса установленных совпадений;

в) невозможность объяснить установленные различия.

Различия свойств сравниваемых объектов иногда не могут быть объяснены из-за отсутствия данных о времени образования отображений и условиях изменения свойств объектов за истекший промежуток времени. Положим, в процессе исследования стреляных пуль установлены значительные различия в особенностях рельефа канала ствола. При отсутствии сведений об эксплуатации оружия (как часто производилась стрельба, чистка и т.д.) нельзя дать достоверное объяснение обнаруженным различиям. Вследствие этого разрешение вопроса о тождестве может оказаться невозможным.

Таким образом, оценка комплекса установленных различий дает основания для категорического отрицательного вывода о тождестве или вывода о невозможности его разрешения.

Вместе с тем окончательное разрешение вопроса о тождестве требует системной оценки комплекса установленных совпадений.

2.5.3. Синтез совпадений

В рассматриваемой стадии осуществляется оценка всего комплекса обнаруженных совпадений. В случаях, когда комплекс установленных свойств является индивидуальным, т.е. возможность его повторения в другом объекте исключается, обнаруженные совпадения являются достаточным основанием для категорического положительного вывода о тождестве. В случаях, когда вероятность повторения установленного комплекса свойств в другом объекте полностью практически не исключается, обнаруженные совпадения достаточны лишь для предположения об идентичности.

Оценка индивидуальности комплекса совпадений должна основываться на изучении связей, существующих между свойствами, образующими этот комплекс.

Первый тип связи можно характеризовать как связь необходимую. В этих случаях между свойствами существует столь тесная зависимость, что наличие одного из них предопределяет наличие других, которые ему необходимо сопутствуют. Такого типа связь существует, в частности, между родовыми свойствами объектов (например, предусмотренными стандартами составом материалов и иными качествами изделий, шагом главного механизма и размером междустрочного интервала в пишущих машинах определенной системы и т.п.).

Сочетание необходимо сопутствующих свойств не уменьшает вероятности повторения каждого отдельного свойства, входящего в такую совокупность. Поэтому если рассматривать эти свойства изолированно и без учета их взаимосвязи, получится заведомо неправильный вывод.

Второй тип связи заключается в том, что свойства происходят от одного и того же явления. Повреждение руки вызывает снижение координации письменных движений, проявляющееся в ряде признаков почерка (замедленный темп, отрывистость, неравномерность наклона штрихов, изломы и др.); плохое хранение оружия, в результате чего его детали подвергаются коррозии, приводит к образованию ряда особенностей на различных частях оружия и т.д.

Свойства объекта, происходящие от одного и того же явления, не могут рассматриваться как необходимо сопутствующие друг другу. В то же время очевидна довольно тесная связь этих признаков, делающая их несамостоятельными по отношению друг к другу. Это вызывает необходимость в специальных приемах оценки. Наиболее распространенным является эмпирический, состоящий в том, что эксперт судит о возможности встретить рассматриваемую совокупность признаков в целом на основе наблюдений и опыта.

Оценка совпадения микрорельефа
при идентификации огнестрельного оружия

Идентификация пистолета по выстрелянным пулям

Рис. 7. Пистолет и глушитель, представленные на экспертизу.

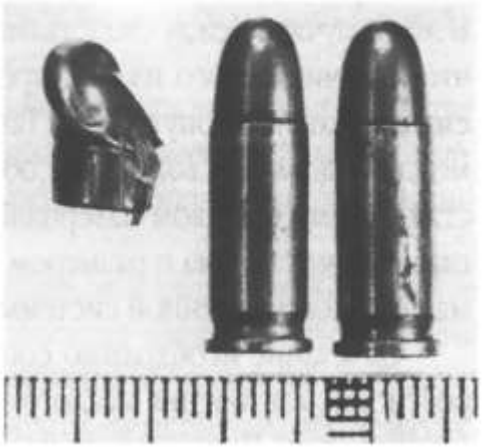

Рис. 8. Пуля и два патрона, представленные на экспертизу.

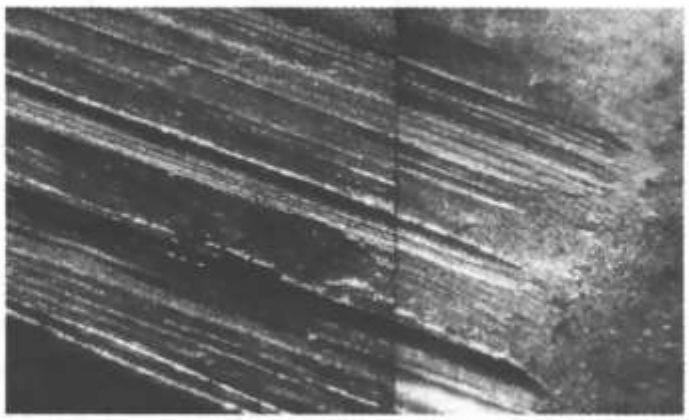

Рис. 9. Совмещение микрорельефа в следах канала ствола. Слева – экспериментальная пуля, справа – исследуемая пуля (Практика РФЦСЭ при МЮ РФ).

В качестве третьего типа связи следует выделить всякое случайное сочетание свойств (родинка и шрам на теле, отсутствие зуба и форма спинки носа и т.п.). Эти свойства можно принять за самостоятельные по отношению друг к другу и условно рассматривать их как независимые (только по отношению друг к другу). В случаях, когда известна частота каждого из таких свойств, вероятность повторения их комплекса может быть с некоторым приближением определена по теореме о вероятности совмещения независимых событий (см. 2.5.4).

Ввиду большого числа, чрезвычайного разнообразия и сложности связей

между свойствами в любом объекте идентификации оценка индивидуальности комплекса установленных совпадений осуществляется не каким-либо одним из упомянутых способов, а их сочетанием в наиболее соответствующей характеру изучаемых свойств комбинации.

Рассмотрение способов оценки комплекса совпадений показывает, что индивидуальность комплекса свойств определяется теми же закономерностями, которые определяют индивидуальность каждого отдельного свойства. Как частота каждого отдельного свойства определяется случайностью или закономерностью его возникновения, так повторяемость комплекса свойств в целом определяется случайным или необходимым характером связей между свойствами. Чем более случайный характер имеют связи между свойствами, образующими совокупность, тем более редкой и индивидуальной является эта совокупность.

2.5.4. Интегральный синтез

Итоговой фазой в данной стадии исследования является интегральная оценка результатов сравнения на уровне целостных моделей идентифицируемых объектов. Без решения указанной задачи, как показано выше, вывод о тождестве (различии) сравниваемых объектов является неправомерным.

Для успешного решения указанной задачи определяющее значение имеют следующие методы и принципы оценки:

1) системное моделирование целостных сравниваемых объектов (принцип целостности);

2) исследование закономерностей формирования и изменения объектов (постулат детерминизма изменчивости) (см. разд. 4.2);

3) статистические методы оценки (принцип объективизации оценки).

А. Системное моделирование целостности сравниваемых объектов (принцип целостности).

Принцип системности и целостности в итоговой оценке состоит в первую очередь в том, что дается итоговая совокупная оценка совпадений и различий свойств сравниваемых объектов.

При этом окончательное разрешение вопроса о тождестве, итоговый вывод эксперта не могут базироваться только на совпадениях или только на различиях. Именно совокупность оценки как совпадений, так и различий дает основания для окончательного вывода о тождестве, либо различии сравниваемых объектов. Без указанных оговорок нельзя признать правильными модели идентификации, базирующиеся на одних совпадениях либо только различиях.

На заре научной идентификации Бальтазар предложил модель дактилоскопического тождества, основанного на расчете вероятности совпадения 17

особенностей папиллярного узора. На это Бертильоном были представлены фотоснимки отпечатков узоров различных пальцев с 17 совпадающими деталями, в которых имеющиеся различия были тщательно вырезаны. В отдельных случаях он обнаруживал до 51 совпадения в отпечатках разных лиц, что привело его к выводу о том, что “установление идентичности покоится не столько на количестве совпадающих особенностей, сколько на отсутствии некоторых различий” (цит. по Э.Локару [181, стр. 196-198]).

Попытки формирования модели идентификации, основанной на оценке одних совпадений [см. 387, стр. 72], либо различий [171, стр. 53-56], делались и в последние годы.

Эти исследования следует оценивать только как решение частных задач синтеза, но не общую модель идентификации, обеспечивающую итоговое решение вопроса о тождестве.

Принцип системности и целостности в итоговой оценке состоит, далее, в том, что присущая идентифицируемому объекту структура (система внутриобъектных связей) должна оцениваться, с одной стороны, в общей структуре искомого объекта и его взаимодействия с другими объектами в механизме преступления и, с другой - в инфраструктуре исходной совокупности: вида и рода, к которому относится искомый объект[1].

Принцип системности и целостности наиболее ярко реализуется выделением материальных комплексов по их функции в механизме расследуемого события (комплект похищенных вещей, комплект орудий, использованных для взлома, комплект приспособлений для изготовления взрывного устройства, совокупность предметов, взаимодействовавших в механизме преступления, и т.д.). Эти материальные комплексы, состоящие из отдельных материальных предметов, с полным основанием могут рассматриваться как искомые объекты и подлежащие установлению доказательственные факты, внутренняя структура которых требует комплексного идентификационного исследования и оценки. Такая оценка позволяет при определенных условиях суммировать идентификационную информацию, содержащуюся в различных идентификационных полях одного искомого объекта, что существенно увеличивает возможность и эффективность разрешения вопроса о тождестве.

Принцип системности и целостности требует оценки идентификационных свойств объекта в системе его типовых и родовидовых связей.

---

[1] Необходимость исследования структуры отождествляемого объекта и его роли как вещного элемента обстановки расследуемого события, а также его места в системе однородных объектов неоднократно подчеркивалась В. С. Митричевым [см., например, 204, стр. 74-77].

Методы оценки будут существенно различны в зависимости от того, относится ли исследуемый объект к числу генетически определенных или неопределенных структур. В первом случае тип системы, иерархия подсистем, набор элементов в них и характер существующих между ними связей предопределены программой возникновения и формирования объекта. К числу таких программ относятся генетические программы живых организмов и технические требования на изделия промышленного производства.

Во втором случае как общая структура объекта, так и характер связей между элементами подсистем формируются под влиянием случайных факторов и заранее не предусмотрены. Таковы, например, взаимосвязи между элементами наложений на повреждающих орудиях.

Между этими двумя типами объектов имеется большое число промежуточных типов, различающихся по уровню детерминации их состава, структуры, взаимосвязи элементов. Именно эти обстоятельства и должны быть положены в основу моделирования и системной оценки сравниваемых объектов. Специфика интегрального синтеза этих типов целостных систем как идентифицируемых объектов должна разрабатываться в соответствующих предметных областях криминалистической идентификации.

В качестве примера подобной разработки можно указать методику многоступенчатого идентификационного исследования объектов сложной иерархической структуры, предложенную В.С.Митричевым [см. 204, стр. 73] для объектов КЭМВИ. Отличительной чертой интегрального синтеза в этой методике является выделение исходных, промежуточных и конечных идентифицируемых объектов и использования идентифицируемых объектов низшего уровня в качестве частных идентификационных свойств для отождествления конечного идентифицируемого объекта.

Важным методическим приемом в рассматриваемой стадии синтеза является интегральная оценка идентифицируемого объекта в системе однородных объектов определенного таксономического уровня[1].

Этот прием позволяет разрешить ряд задач интегрального синтеза. В их числе:

1) определение уровня родовидовой индивидуализации идентифицируемого объекта;

2) отграничение родовидовых от индивидуальных свойств идентифицируемого объекта;

[1] На целесообразность сравнения и оценки свойств в системе однородных объектов обращают внимание В. М. Колосова [134], В. С. Митричев [204, стр. 77], А. Р. Шляхов [378, стр. 63-64].

3) повышение надежности итоговой оценки и, следовательно, конечного вывода.

Определение уровня родовидовой индивидуализации идентифицируемого объекта является общим требованием оценки и обязательно во всех предметных отраслях идентификации с развитыми классификационными системами идентифицируемых объектов (дактилоскопия, гематология, огнестрельное оружие, транспорт и др.).

После того как классификационные возможности индивидуализации исчерпаны и объект отнесен к предельно узкой классификационной группе, на базе стационарных классификаций может быть произведено отграничение предусмотренных соответствующими классификациями родовидовых свойств объектов от свойств случайного происхождения, могущих использоваться в качестве индивидуальных особенностей.

Так, знания требований ГОСТа на пистолет определенной системы и заводской технологии его производства позволят выделить свойства оружия, обусловленные его конструкцией и характеризующие модель пистолета, свойства, характеризующие специфику технологического процесса на данном предприятии, например, определенный тип обработки боевого упора (прямой, наклонный, концентрический), и, наконец, индивидуальные особенности конкретного экземпляра оружия индивидуальные особенности такой обработки, обусловливающие микрорельеф [см. 106].

Совпадение родовидовых свойств сравниваемых объектов четко фиксирует уровень достигнутой индивидуализации (родовая или видовая идентификация), а различие этих свойств является основанием для дифференциации сравниваемых объектов, отрицательного вывода. И в том и в другом случае основанием для вывода является сопоставление целостных системных моделей сравниваемых объектов на уровне рода или вида.

Из сказанного видна эффективность использования классификационных методов в идентификации, обосновывающая необходимость их научной разработки и обязательность полного использования возможностей стационарных классификаций.

Оценка свойств случайного происхождения, которые не могут быть предусмотрены стационарными классификациями, требует использования других методов.

Уровень индивидуализации в этом случае обусловливается частотой встречаемости выявленной совокупности свойств сравниваемых объектов в генеральной совокупности объектов, в качестве которой используется минимальный класс стационарной классификации. Чем меньше объем генеральной

совокупности и чем специфичнее совокупность совпадений, тем выше достигнутый уровень индивидуализации; тем ближе он к достоверному выделению единичного искомого объекта. На этом уровне индивидуализации на место классификационных методов приходят вероятностно-статистические методы оценки, основанные на теории вероятностей и законах больших чисел (см. ниже).

Таким образом обеспечивается оптимальное сочетание классификационных и статистических, качественных и количественных методов оценки идентификационных свойств сравниваемых объектов.

При сравнительной оценке генетически неопределенных структур интегральный синтез приобретает ряд специфических особенностей. Поскольку объекты этого типа не имеют устойчивого иерархического строения (системы и подсистемы разного уровня) и отсутствуют классификации этих объектов, возникают трудности разграничения и оценки родовидовых и индивидуальных свойств объектов.

Эти трудности касаются, во-первых, использования стационарных классификаций и определения генеральной совокупности объектов.

Показательно в этом отношении исследование наложений на повреждающих орудиях и одежде, представляющих клетки различных органов и тканей человеческого тела и разного рода натуральных и синтетических волокон, используемых при изготовлении современной одежды.

Исследуемый при этом как искомый объект материальный комплекс не предусмотрен никакими стационарными классификациями. Составляющие этот комплекс элементы представляли ранее элементы и подсистемы других целостных систем: тела человека, предметов одежды и обуви. Выделение отдельных элементов - свойств искомого объекта может осуществляться с учетом антропологических и товароведческих классификаций. Однако оценка их идентификационной значимости должна быть произведена на принципиально иной основе. В качестве генеральной совокупности объектов в такого рода исследованиях правильнее всего выбирать совокупность ранее подвергнутых исследованию однородных вещественных доказательств. Частота встречаемости элементов идентифицируемого объекта в предварительных выборках вещественных доказательств, построенных по этому принципу, наиболее точно покажет и их совокупную идентификационную значимость.

Именно такие выборки обеспечивают наибольшую близость (однородность) идентификационных свойств, обусловленных характером взаимодействующих объектов, механизмом их взаимодействия и отражения.

При этом родовые и видовые свойства стационарных классификационных систем выступают в указанных выборках в качестве индивидуальных

свойств, а их истинная идентификационная значимость определяется случайностью или закономерностью их внутренних и внешних связей, получающих объективизированную статистическую оценку.

Ряд криминалистических и судебно-экспертных учреждений РФ уже используют созданные по указанному принципу банки и базы данных по объектам КЭМВИ (промышленная технология и фонды экспертных исследований), обработанные на ЭВМ для решения идентификационных задач[1].

В ряде практических исследований (пороскопические исследования, следы на металле и др.) индивидуальная идентификация осуществляется на основе микроследов и особенностей, что дает основания некоторым авторам утверждать об отсутствии в этих случаях фазы родовидовой индивидуализации.

Такого рода "скачок" в индивидуализации и видимое отсутствие фазы сравнения и оценки родовидовых свойств отнюдь не снимают значения интегрального синтеза.

Само обнаружение микроследов и соответствующих им участков проверяемых объектов возможно на основе кропотливой работы по системному моделированию: целостного искомого объекта и его взаимодействий в механизме расследуемого события.

Кроме того, моделируемая инфраструктура следа (и идентифицируемого объекта) должна в этих случаях полностью соответствовать структуре родовидовых свойств проверяемого объекта, без чего положительная идентификация невозможна[2].

Принцип системности и целостности позволяет внести уточнения в критерии оценки существенности различий, используемых для обоснования отрицательного вывода.

В литературе и криминалистической практике достаточно широко распространено мнение о том, что 1-2 устойчивых различия сравниваемых объектов могут использоваться для отрицательного вывода о тождестве. При этом признается необязательным родовидовое отождествление или соотнесение

---

[1] Таковы, в частности, разработанные в РФЦСЭ при МЮ РФ для производства экспертных и научных исследований программные комплексы: "Контакт", "Контраст", "Марка", "Фазан" и др.

2 Интересные результаты по моделированию инфраструктуры пальцевого отпечатка получены В. Е. Корноуховым. На основе исследования закономерностей распределения общих и частных признаков папиллярных узоров по центру, периферии отпечатка и на различных пальцах руки разрешены две задачи: 1) восстановление по части папиллярного узора признаков отсутствующей части в качественно-количественном отношении и задача восстановления узоров на других пальцах рук на основе исходного. Результаты первого направления использованы в информационной системе для поиска следов в автоматическом режиме [143, стр. 12].

установленных различий с родовидовыми свойствами, т.е. системный синтез сравниваемых объектов.

Представляется, что оценка существенных различий также должна осуществляться на основе принципа системной целостности.

Различия могут оцениваться как исключающие, обосновывающие отрицательный вывод, только в тех случаях, когда установлена невозможность таких изменений в системе целостности идентифицируемого объекта, которые могли бы вызвать такие различия. В противном случае отрицательный вывод является неправомерным. Так, по данным экспериментов С.И.Поташника и Н.Ф.Пименова, неровности, имеющие высоту до 20 микрон, не повторяют своих отображений в следах разреза на металле даже в последующем разрезе. Только при высоте свыше 50-60 микрон они оказываются устойчивыми более чем при 200 разрезах [см. 249].

По наблюдениям М.Я.Шепелина, различие сравниваемых кусков свинца по олову, сурьме, мышьяку или одному из этих элементов может быть результатом переплавки одного из сравниваемых кусков, ранее принадлежавших к одному куску [см. 370].

Таким образом, даже полное изменение картины микрорельефа или существенное различие качественного состава сравниваемых объектов само по себе не может быть основанием для отрицательного вывода. Если установленные различия с учетом системных изменений свойств целостных идентифицируемых объектов за идентификационный период оцениваются как возможные и закономерные, отрицательный вывод эксперта исключается. К числу исключающих различий могут быть отнесены различия родовидовых свойств сравниваемых объектов, если они сопоставимы по параметрам стационарных классификаций: пол, раса, видовые и типовые свойства крови, промышленные стандарты и т.п.

При этом чем выше таксономический уровень установленных различий свойств, тем меньше их требуется для исключения и более надежны его результаты. Так, различие размера подошвы или ширины шины может быть одним из исключающих признаков только при достаточной степени их выраженности[1], а различие типа обуви или шины само по себе достаточно для исключения.

Поэтому нельзя признать правильным утверждение Л.Г.Эджубова о том, что “при почерковедческих исследованиях одно или несколько... различий никогда не могут служить основанием для вывода” [см. 387, стр. 73]. Различие в

[1] В экспертной практике имели место случаи существенного изменения размеров, формы, количества ободков в оттиске в результате изменения клише печати в процессе ее эксплуатации.

степени выработанности, являющееся основанием для классификации почерков, может успешно использоваться для исключения.

В ряде экспертных исследований установление непосредственных причин идентификационных свойств и их сопоставление с общими закономерностями формирования объектов оказывается либо невозможным, либо затруднительным.

Так, при исследовании почерка практически невозможно установить непосредственные причины большинства особенностей двигательного навыка (например, точек начала и окончания движений, места соединения и присоединения штрихов и др.). Объясняется это тем, что на формирование указанных особенностей оказывает влияние большое число разнообразных факторов: условия обучения письму, особенности зрительного, костно-мышечного и нервного аппарата, наследственные факторы, письменная практика, окружение, непроизвольное подражание и другие факторы, формирующие письменно-двигательный навык, - это сложный “сплав” в значительной мере случайных компонентов, в числе которых выделить определяющие можно лишь в отдельных случаях.

Аналогична оценка особенностей мелкого рельефа в трасологических исследованиях. Выявить непосредственную причину микроскопической неровности, положим, на лезвии ножа или другого инструмента, как правило, невозможно. В связи с этим индуктивно-дедуктивные методы исследования происхождения идентификационных свойств оказываются недостаточными. Оценка специфичности идентификационных свойств требует применения статистических методов.

Б. Статистические методы оценки (принцип объективизации оценки).

Идентификацию можно представить как выделение единичного объекта из исходной совокупности (множества) объектов. Основанием для такого выделения являются идентификационные свойства искомого объекта [см. 112, 110, стр. 200-219].

Каким путем можно дать числовую оценку идентификационному значению свойства? Представляется очевидным, что свойство, характеризующее все объекты исходной совокупности, не обладает выделительной (идентификационной) способностью. Очевидно также, что чем меньшая по объему группа объектов выделяется из исходной совокупности данным свойством или их совокупностью, тем выше их идентификационная ценность.

Для выделения из исходного множества объектов единичного объекта совокупность используемых для этого свойств должна быть неповторимой, т.е. не должна повторяться ни у одного объекта совокупности. Таким образом,

идентификационная значимость как каждого отдельного свойства, так и установленной совокупности свойств определяется частотой их встречаемости в исходных множествах объектов и может быть выражена через эту частоту. Данное положение является отправным для разработки количественных методов идентификации.

Частота встречаемости свойства может быть выражена отношением числа объектов, обладающих данным свойством (m), к общему числу изученных объектов *(N)*. Если свойство встречается у половины всех исследуемых объектов, частота его встречаемости

$$\frac{m}{N} = \frac{1}{2} = 0{,}5;$$

если он встречается в одном случае из ста,

$$\frac{m}{N} = \frac{1}{100} = 0{,}01.$$

Чем меньше частота встречаемости свойства, тем выше его идентификационная ценность.

Среднюю частоту встречаемости свойства при достаточно большом числе испытаний можно представить как величину его вероятности[1].

Тем самым открывается возможность использовать математический аппарат теории вероятностей для оценки идентификационных свойств.

В связи с весьма широким использованием теории вероятностей для обоснования экспертных заключений, а также и судебных решений, следует остановиться на ее базисных понятиях. Предметом теории вероятностей являются, как известно, массовые случайные события.

Под случайным в теории вероятностей понимается событие, которое при данных условиях может как произойти, так и не произойти.

При этом имеется определенная вероятность его наступления при данных условиях. Значение встречаемости случайного события колеблется между 0 (невозможное событие) и 1 (достоверное событие).

Идентификационные признаки распределены в исходном множестве объектов таким образом, что могут встретиться у отдельного объекта - представителя этого множества, но могут и не встретиться.

При достаточно большом объеме исходного множества объектов вероятность признака может быть выражена через среднюю частоту его встречаемости.

---

[1] Под вероятностью события понимается отношение числа случаев наступления события к числу всех испытаний или число, вокруг которого при определенных условиях группируются относительные частоты [см. 63, стр. 16-20].

Таким образом, идентификационные признаки могут рассматриваться как случайные события, а для их оценки могут использоваться методы математической статистики и теории вероятностей.

В настоящее время в экспертных учреждениях России проведена первоначальная работа по подсчету частоты встречаемости идентификационных свойств некоторых категорий объектов. Подсчитана частота встречаемости особенностей почерка применительно к скорописи и печатному шрифту, частота встречаемости анатомических особенностей лица человека, особенностей папиллярных узоров. Таким образом, положено начало новой отрасли теории идентификации - идентификационной статистике.

Поскольку статистическое обследование всех объектов генеральной[1] совокупности, как правило, невозможно, приходится ограничиваться более или менее значительным выборками. Под выборкой понимается совокупность из случайно отобранных объектов, входящих в генеральную совокупность. Правильно проведенное выборочное обследование объектов позволяет судить о частоте встречаемости свойств в генеральной совокупности объектов. Объем выборки в соответствии с теорией вероятностей зависит от заданной надежности, точности и рассеяния (дисперсии) случайной величины, выражающей вероятность свойства.

Как видно из изложенного, идентификационная значимость свойства обратно пропорциональна частоте его встречаемости. Поэтому для обозначения идентификационной значимости можно пользоваться величиной, обратной величине частоты встречаемости и выражающей объем содержащейся в свойстве информации[2] [см. 398, стр. 16-20]:

$$И_A = \frac{1}{P(A)}.$$

Количественное выражение вероятности и идентификационной значимости позволяет подвергать свойства, ценность которых “измерена” статистическим путем, чисто математической обработки. Необходимость такой обработки обнаруживается, как только ставится задача количественной оценки совокупности идентификационных признаков, используемых экспертом в обоснование вывода о тождестве.

---

[1] Генеральной совокупностью в математической статистике называется исходное множество исследуемых объектов [см. 277, стр. 164].

[2] Для удобства последующих вычислений величину идентификационной значимости выражают в логарифмических единицах, взятых с обратным знаком:

$И_A = \frac{1}{P(A)}$, или $И_A = \lg P(A)$.

Так, идентификационная значимость признака с вероятностью 0,1 равна 1; с вероятностью 0,5 равна 0,30; с вероятностью 0,003 равна 2,5 и т.д.

Интуитивные представления и жизненный опыт подсказывают, что вероятность встретить определенное сочетание признаков (например, шрам и родинку на лице) меньше, чем вероятность встретить каждый из этих признаков раздельно. Накопление идентификационных признаков снижает вероятность образуемой этими признаками совокупности. При этом мы исходим из представления о том, что чем большее количество совпадающих признаков установлено при сравнительном исследовании, тем более специфичной, своеобразной является их совокупность, тем более ее идентификационная ценность.

В теории вероятностей указанным представлениям соответствует теорема о вероятности совмещения независимых событий. Согласно этой теореме вероятность совмещения независимых событий А и В равна произведению вероятностей каждого из этих событий:

$$P(AB) = P(A) \times P(B).$$

Однако о независимых свойствах в объектах криминалистической идентификации можно говорить только условно, поскольку каждый из них представляет систему внутренних и внешних связей, которая только и позволяет говорить о существовании объекта идентификации как целостной материальной структуры.

Каким же образом количественно может быть выражена взаимозависимость свойств, входящих в совокупность?

С точки зрения качественных представлений о взаимозависимости свойств следует, очевидно, ожидать двоякого ее влияния на вероятность имеющейся совокупности.

С одной стороны, такая взаимозависимость может вести к увеличению вероятности имеющейся совокупности свойств. Например, вероятность сочетания таких особенностей, как треугольная форма лица и остроконечный подбородок; высокое расположение бровей и большой размер верхних век. В этих случаях в силу очевидной тесной связи рассматриваемых свойств вероятность совокупности признаков будет больше, чем произведение вероятностей каждого из них, вычисленного без учета их взаимозависимости.

В случаях особенно тесной зависимости, когда свойства, входящие в совокупность, необходимо сопутствуют друг другу, вероятность совокупности признаков возрастает до вероятности одного определяющего свойства. Свойства, входящие в такую совокупность, не уменьшают частоты ее встречаемости, не несут дополнительной информации. Поэтому, например, в почерках с конфигурационно связанными элементами “п”, “т”, “р”, “г”; “х”, “ж”, “с” и др.

при определении вероятности совокупности особенностей принимается в расчет только один определяющий элемент.

С другой стороны, взаимозависимость признаков может вести к уменьшению вероятности имеющейся совокупности. Примерами могут служить редкие "нестандартные" атипичные связи, специфические сочетания признаков (например, малая голова при высоком росте, большая беглость и отрывистость почерка и др.). Здесь идентификационную информацию несут не только признаки, входящие в совокупность, но и само сочетание признаков выступает как своеобразный новый признак, несущий дополнительную информацию.

Числовой коэффициент взаимозависимости признаков должен отражать ее влияние на значение идентификационной совокупности. Кроме того, он должен быть удобен для оперирования с величинами вероятности идентификационных признаков.

Величина (С) взаимозависимости свойств (А и В), удовлетворяющая указанным требованиям, выявится, если взять отношение частоты встречаемости объектов, обладающих одновременно свойствами А и В, к произведению раздельных частот встречаемости указанных свойств[1]

$$C_{AB} = \frac{P(AB)}{P(A) \times P(B)}.$$

При отсутствии взаимозависимости свойств коэффициент C_{AB} равен 1. При наличии взаимозависимости этот коэффициент больше 1. В случаях, когда наличие признака В влечет более редкое появление признака А, коэффициент будет меньше единицы и при полной несовместимости свойств достигнет значения 0. Зная коэффициент C_{AB}, можно вычислить вероятность встретить объект, одновременно обладающий признаками А и В, даже если эти признаки являются взаимозависимыми.

Анализ взаимозависимости свойств охватывает не только так называемые "парные" зависимости (зависимость данного свойства от каждого другого отдельного свойства), но и зависимости, проявляющиеся в сочетаниях данного свойства с тремя, четырьмя и большим числом других свойств.

В итоге анализа избирается такой коэффициент взаимозависимости, который учитывает всю сумму определяющих взаимосвязей и зависимостей данного свойства в пределах идентификационной совокупности.

---

[1] Коэффициент Сдв является производным от принятой в математике условной вероятности [см., например, 64 стр. 24]. Произведение вероятности свойства А на C_{AB} является его условной вероятностью, вычисленной при условии зависимости этого свойства от В: $P_B(A) = P(A)*C_{ДВ}$.

Перемножая исходные вероятности свойств на полученный коэффициент, получают коррелированные значения вероятностей, которые и используются для вычисления вероятности всего комплекса совпадений.

Задача идентификации состоит в выделении из исходной совокупности единичного объекта. Для разрешения этой задачи необходимо выявить такую совокупность идентификационных свойств, которая встречалась бы в исходной совокупности не более одного раза, т.е. имела бы вероятность $^1/_N$, где N - число объектов исходной совокупности.

Так, например, при идентификации по почерку $^1/_N$ равно $1/_{100\,000\,000,}$ если принять число лиц, пишущих по-русски, за 100000000.

Какова же надежность вывода эксперта, основанного на указанной совокупности свойств?

Вероятность комплекса, равная $^1/_N$, означает в соответствии с общими принципами теории вероятностей, что объект, обладающий такими свойствами, может встретиться *в среднем* один раз. Однако такой комплекс в принципе может встретиться в исходной совокупности два и даже несколько раз. Очевидно, что вывод эксперта в этом случае нельзя признать обоснованным. Такой вывод содержит реальный риск ошибки и поэтому не обеспечивает необходимой надежности идентификации.

В поисках критерия надежности криминалисты обратились к известной в теории вероятностей формуле Пуассона, позволяющей вычислить вероятность редких событий [46, стр. 104]. Расчеты, произведенные по этой формуле, показывают, что вероятность выделения по указанному комплексу свойств не более одного объекта равна 0,7358. Иными словами, в среднем в одном случае из четырех выделенный комплекс может оказаться не индивидуальным, т.е. присущим двум и более объектам, а вывод эксперта рискует оказаться ошибочным.

Как показывают расчеты, надежность вывода по мере уменьшения вероятности комплекса свойств быстро возрастает, неограниченно приближаясь к 1. Так, с уменьшением вероятности комплекса свойств в 10 раз (для чего в совокупность достаточно ввести 1-2 дополнительных свойства) надежность вывода повысится до 0,995. С уменьшением вероятности совокупности свойств в 100 раз надежность вывода возрастает до 0,99995. Возможно и дальнейшее неограниченное повышение надежности вывода. Существенное значение приобретает вопрос о практически необходимом в судебно-следственной практике уровне надежности вывода эксперта, уровне, при котором заключение может рассматриваться как практически достоверное.

В науке и технике достаточно высокий уровень надежности обеспечивается при 1%-ном уровне значимости случайной ошибки. Он означает, что

ошибка возможна (но не обязательна) в одном случае из 100. Учитывая тяжесть правовых и гуманитарных последствий, связанных с ошибочным заключением эксперта, предложено [см. 108, стр. 18] значительно повысить уровень надежности. При этом исходят из того, чтобы в числе экспертиз объектов данного вида, произведенных за обозримый период времени, не оказалось необоснованных заключений.

Так, применительно к почерковедческой экспертизе избран уровень значимости, равный 0,00005. Такой уровень при соблюдении всех требований применения метода практически исключает риск экспертной ошибки. Для достижения такого уровня надежности вероятность комплекса признаков должна быть на 1-2 порядка ниже, чем величина $^1/_N$.

Так, если при почерковедческой экспертизе принять за верхний предел число 108 (максимальное количество лиц, пишущих на русском языке), вероятность комплекса признаков следует довести до $1/10^{10}$, чему соответствует суммарная величина идентификационной значимости, равная

$- \lg 10^{10} = 10$.

В заключение следует остановиться на значении вероятностно-статистических методов оценки идентификационных признаков и важнейших условиях их применения в экспертной практике.

Рассматривая математические методы как закономерные средства идентификации, следует отметить, что их роль не ограничивается чисто количественными подсчетами и оценками. Будучи включены в систему понятий и методов идентификации, они оказывают определенное влияние на всю эту систему, способствуя уточнению старых и выработке новых понятий, подходов и критериев. К их числу относится математическое описание процесса идентификации, дающее процессу идентификации вероятностно-статистическую и информационную трактовку, вероятностно-статистическое понимание идентификационных признаков, критерий, определяющий пределы индивидуализации. На последних следует остановиться подробнее.

В процессе идентификации, согласно принятым в теории и практике взглядам, наибольшей ценностью обладают редко встречающиеся особенности. Именно такие особенности несут наибольший объем информации, обеспечивающий выделение единичного объекта из исходной совокупности. Они играют значительную роль в формировании внутреннего убеждения эксперта, являясь вместе с тем наиболее убедительными и наглядными средствами доказывания тождества на следствии и в суде.

Вероятностно-статистический подход позволяет существенно дополнить и уточнить указанную оценку редких признаков с позиции надежности вывода о тождестве.

Возьмем вопрос о том, достаточно ли надежен вывод эксперта, опирающийся на небольшое (3-4) число редких особенностей?

Совокупность нескольких редко встречающихся (особо специфических) свойств может содержать объем информации, достаточной для выделения единичного объекта. Однако вывод, основанный на слишком малом числе особенностей, нельзя признать вполне надежным. К этому приводят соображения, вытекающие из закона больших чисел. Случайная величина может принимать в принципе значения, очень далекие от ее среднего значения, т.е. иметь большое рассеяние. Это относится, естественно, и к величине идентификационной значимости отдельного свойства. При взятии же большого числа случайных величин их среднее арифметическое обнаруживает очень малое рассеяние: уклонения в ту и другую сторону взаимно уничтожаются.

Из сказанного следует, что, чем больше количество идентификационных свойств положено в основание вывода, тем с меньшей ошибкой и большей надежностью будут определены основания вывода. Из сказанного следует также, что в интересах обеспечения надежности вывода, в идентификационную совокупность, наряду с редкими, особо специфическими свойствами необходимо включать и относительно часто встречающиеся особенности.

Ординарные идентификационные свойства, помимо своей статистической устойчивости, имеют еще и то преимущество, что они относительно доступнее для обнаружения и сравнительного исследования.

Время, затрачиваемое на выявление и сравнение свойства, трудоемкость его экспертной “обработки” также должны учитываться при разработке методики идентификации.

Практика показывает, что проблема критериев достаточности и надежности выводов возникает при некоторой нехватке информации, относительно малом объеме идентификационной совокупности. В случаях же явного избытка информации, что часто бывает при обнаружении большого числа характерных идентификационных свойств, эксперт не испытывает затруднений в определении критериев достаточности совпадений для разрешения вопроса о тождестве. В соответствии с этим следует, как нам представляется, решать вопрос о пределах индивидуализации объектов. Определенная избыточность информации, “перекрывающая” недостатки принятой системы статистической обработки и количественной оценки признаков и обеспечивающая устойчивую надежность вывода даже при больших объемах исходной совокупности объектов - гарантия достоверных выводов эксперта.

Следует указать также на важнейшие условия применения вероятностно-статистических методов оценки идентификационных свойств.

Рассмотрим условия, относящиеся к определению исходной совокупности объектов, выделению идентификационных свойств и сочетанию количественных и качественных методов оценки.

1. Правильное определение исходной (генеральной) совокупности объектов.

Как видно из предшествующего изложения, объем генеральной совокупности объектов (N) представляет исходную величину, определяющую идентификационную значимость признаков, расчет надежности вывода и все другие выкладки. В связи с этим определение исходной совокупности объектов, из числа которых по комплексу свойств должен быть выделен единичный объект, имеет принципиальное значение. Существенны поэтому следующие требования к определению исходной совокупности:

а) поскольку все расчеты по теории вероятностей основаны на действии закона больших чисел, генеральная совокупность должна быть достаточно большой.

В совокупностях, исчисляемых десятками и сотнями объектов, могут проявиться существенные отклонения от закона больших чисел, вызываемые различными случайными обстоятельствами;

б) поскольку речь идет о применении вероятностно-статистических методов в экспертизе, определение генеральной совокупности объектов должно быть основано на специальных познаниях эксперта. Это означает, что при определении такой совокупности эксперт должен руководствоваться доступными ему статистическими данными, идентификационными свойствами исследуемых объектов и научными обобщениями.

Ряд авторов допускают ограничение исходной совокупности экспертом на основании обстоятельств дела. “Указанное множество (совокупность) объектов, - пишет З.И.Кирсанов, - в каждом конкретном случае определяется обстоятельствами дела и теми данными, которыми располагает лицо, ставящее задачу идентификации” [см. 112, стр. 7; 109, стр. 202] (т.е. судья или следователь. - В.К).

Если, например, из материалов дела явствует, что исполнителем рукописи является житель данного города или сотрудник определенного учреждения, то, согласно приведенной точке зрения, объем исходной совокупности может быть соответственно сокращен.

Сокращение объема исходной совокупности объектов автоматически повышает идентификационное значение выявленной совокупности признаков. Такого рода экспертное ограничение генеральной совокупности представляется необоснованным. Оно равносильно обоснованию экспертного заключения материалами дела, что противоречит закону и процессуальной природе

экспертизы.

2. Правильное определение идентификационных свойств.

Основанием для разрешения вопроса о тождестве являются, как известно, идентификационные свойства сравниваемых объектов. Поэтому определение идентификационных свойств - это определение фактических оснований вывода эксперта.

Свойства, подлежащие статистической обработке, подвергаются детальной криминалистической классификации. Разработка таких классификаций не теряет своей актуальности. В идентификационную совокупность могут быть включены только устойчивые свойства. Нельзя признать правильным включение в идентификационную совокупность не свойств, а признаков, без учета их вариационности и коэффициента дисперсии. В совокупность могут включаться только свойства, не обнаруживающие прямой взаимозависимости. Кроме того, при включении свойства в совокупность его идентификационная значимость должна быть коррегирована с учетом коэффициента косвенной взаимозависимости свойств.

Идентификационная значимость свойств, включаемых в совокупность, должна быть определена на достаточно большом статастическом материале, т.е. при достаточном объеме выборки. Последняя, как известно из математической статастики, определяется степенью рассеяния (дисперсии) свойств и заданной надежностью выводов. Если объем выборки слишком мал, полученные данные не отражают объективную частоту используемого свойства.

3. Вероятностно-статастические расчеты должны сочетаться с качественной оценкой идентификационных свойств.

Известно, что статистической обработке может быть подвергнут лишь довольно ограниченный круг особенностей сравниваемых объектов. При этом учитываемые особенности неизбежно схематизируются, “стандартизируются”. Специфика, своеобразие конкретных особенностей могут быть в связи с этим утрачены. При статистических расчетах “стандартизируются” также и оценки особенностей. Так, очень редкие и поэтому особо ценные признаки не могут получить оценки выше принятого максимума (в описанной системе для признаков почерка - 2,5).

Недостаточность вероятностно-статистических методов состоит также в том, что они пригодны главным образом для оценки совпадающих идентификационных свойств. Применение математических методов для оценки установленных различий весьма ограничено [см. 165, стр. 179-181].

Оценка различий всегда требует исследования происхождения объектов и их идентификационных свойств, качественных методов анализа причинно-следственных и иных зависимостей.

Из сказанного следует, что количественные методы позволяют получить объективный критерий при оценке совпадения или различия сравниваемых объектов. Этот критерий, однако, нельзя переоценивать и тем более рассматривать как единственный критерий достоверности идентификации[1].

В связи с изложенным представляется некорректным попытка ряда зарубежных и отечественных авторов [см., например 384; 422; 403] сформулировать количественный "стандарт идентификации". Под таким стандартом понимается число, характеризующее верхний предел вероятности, при котором вывод о тождестве может считаться достоверным. Так, в США в качестве такого стандарта принята величина, на три порядка превышающая население этой страны.

При всей внешней заманчивости такого подхода, предельно упрощающего работу суда по оценке заключений экспертов, он является неприемлемым по многочисленным основаниям.

1. Индивидуальное тождество есть функция случайности и потому в принципе не может быть стандартизировано. При этом разработку научных, в том числе количественных критериев оценки тождества, не следует смешивать со стандартизацией. Общеизвестно, что стандартизации поддаются только типовые, родовидовые объекты, свойства, отношения, подчиняющиеся общим закономерностям и нормативам.

2. Вероятностно-статистический критерий тождества отличается от количественных методов оценки, которые нельзя игнорировать.

3. "Стандарт идентификации" опирается на вероятностно-статистическую оценку совокупности выявленных экспертом идентификационных свойств.

При этом упускается из вида, что вывод суда о тождестве как доказательственном факте базируется не только на заключении эксперта. Этот вывод строится на основе всей системы доказательств об идентифицируемых и искомых объектах, полученных из различных источников.

4. Сами количественные критерии тождества существенно меняются в зависимости от ситуаций доказывания тождества, модифицирующих объем генеральной совокупности (см. об этом 3.3).

Таким образом правильнее говорить не о "стандарте идентификации", а о количественном критерии надежности вывода эксперта, основанного на вероятностных расчетах и определяющего допустимый при этих расчетах риск экспертной ошибки.

Такая интерпретация, сохраняя позитивное содержание проведенных

[1] Дополнительные сведения о количественных критериях и моделях идентификации можно найти в [78; 75; 176; 321; 386; 388; 387; 101; 236; 393, вып. 2, гл. 2; 329; 422; 403].

исследований, предотвратит судебные ошибки, возможные в условиях неправильного использования “стандартов”.

III. Виды экспертных заключений о тождестве и их оценка следователем и судом

Одним из важнейших средств установления искомого объекта является экспертное заключение по вопросу о тождестве. Заключение эксперта должно быть правильно оценено и использовано в системе всех выявленных расследованием фактических данных об искомом объекте.

Результаты идентификации могут быть выражены одной из следующих форм заключения эксперта:

1) категорическим отрицательным разрешением вопроса о тождестве;
2) категорическим положительным разрешением вопроса о тождестве;
3) предположительным положительным разрешением вопроса о тождестве;
4) установлением родового, видового или группового тождества сравниваемых объектов;
5) установлением источника происхождения сравниваемых отображений.

Рассмотрим значение и порядок использования в процессе доказывания каждого из этих выводов.

3.1. Категорическое отрицательное разрешение вопроса о тождестве

Основанием для категорического отрицательного вывода о тождестве является обнаружение несовместимых свойств сравниваемых объектов. Несовместимыми являются такие различия, которые не могли возникнуть в результате изменения объекта во времени или условий отображения его свойств и потому должны рассматриваться как признаки реально существующих различных объектов. Значение отрицательного вывода эксперта в процессе доказывания тождества не всегда надлежащим образом оценивается судьями, следователями и самими экспертами.

В большинстве случаев отрицательное заключение рассматривается только как средство исключения данного проверяемого объекта. При этом не учитывается, что при исключении данного проверяемого объекта процесс доказывания тождества отнюдь не завершается. Задача обнаружения других проверяемых объектов и установления из их числа искомого объекта как задача

доказывания остается нерешенной. Имея ввиду указанную задачу доказывания, отрицательное заключение о тождестве необходимо строить таким образом, чтобы оно наряду с негативной частью (исключение проверяемого объекта) содержало позитивную информацию об искомом объекте[1]. Такая информация должна содержать все установленные в процессе исследования идентификационные признаки искомого объекта, позволяющие отнести его к наиболее узкой группе и обнаружить при розыске. Заключение эксперта типа: “Обнаруженный в грунте след подошвы обуви оставлен не теми галошами, которые были присланы на экспертизу” является в этом отношении недостаточным. Оно должно быть дополнено выводом о типе, виде и размере искомой обуви, а также броских особенностях, облегчающих розыск. Например: “Отобразившиеся в следе особенности позволяют утверждать, что искомая обувь относится к типу клееных резиновых мужских сапог артикуло-фасона 150 УС 43 размера. К числу броских особенностей относится значительная стертость внутренней стороны каблука (правого) и треугольный дефект (отсутствие резины) размером 8 мм в передней части носка”.

Совершенно очевидно, что доказательственное значение отрицательного заключения такой структуры значительно выше, чем простое исключение проверяемого объекта.

Для правильной ориентировки экспертов на выполнение подобных исследований представляется целесообразным включать соответствующие вопросы в постановление о назначении экспертизы, например, наряду с вопросом: “Не оставлен ли след, слепок с которого предоставлен на исследование, ботинками гр-на М.?”, вопрос: “В противном случае, каковы вид, фасон, размер и другие отличительные особенности оставившей данный след обуви?”

О доказательственном значении экспертных заключений указанного типа свидетельствует следующий случай из экспертной практики.

По делу об изнасиловании с последующим убийством на экспертизу были представлены гипсовые слепки со следов обуви, изъятые с места преступления, и обувь подозреваемого. По отображению сетчатого рисунка подошвы в следе искомой обуви на месте происшествия эксперт заключил, что ее подошва изготовлена самодельным способом из технической резины. Таким же способом была изготовлена обувь подозреваемого. Сравнительным исследованием, однако, было установлено значительное различие в угле кроя подошвы искомой и проверяемой обуви. На этом основании было дано отрицательное заключение. Пользуясь характеристиками искомой обуви, содержа-

[1] На это требование правильно обратил внимание М. Я. Сегай [293, стр. 127].

щимися в этом заключении, следователь сумел разыскать и представить эксперту другую пару аналогичной обуви. Эта пара обуви оказалась искомой.

Нельзя согласиться поэтому с авторами, считающими, что “отрицательные выводы при подобных исследованиях не имеют доказательственного значения” [132, стр. 17].

Надлежащим образом построенные отрицательные заключения имеют существенное доказательственное значение и как средства доказывания тождества методом исключения, и для накопления положительной информации об искомом объекте. Рассматриваемый в совокупности с другими собранными по делу доказательствами отрицательный вывод по вопросу о тождестве может приобрести значение решающего доказательства.

Характерно в этом отношении дело Кареева из практики Казахской ССР бывшего СССР. Алма-Атинский журналист Кареев выехал к новому месту работы на юг Украины с женой и двухлетней дочерью. Не получая на протяжении года никаких известий от своей дочери, родители жены обратились в прокуратуру по ее новому месту жительства. Проверив состав семьи Кареева, прокурор района сообщил родственникам, что в их семье все обстоит благополучно. Спустя еще один год отец жены Кареева обратился к прокурору республики. В процессе детальной проверки обстоятельств дела сопоставлялись фотографические карточки женщины и ребенка, проживающих с Кареевым, с признаками внешности жены и дочери Кареева. Выехав с фотокарточками этих лиц в Алма-Ату, следователь предъявил их отцу исчезнувшей женщины. Последний не опознал своей дочери и внучки. Таким образом, было установлено, что на фотокарточках изображены не разыскиваемая жена и дочь Кареева, а другие лица. Этот вывод определил дальнейшее направление и исход расследования. Стали разыскивать исчезнувших среди неопознанных трупов, обнаруженных в период, соответствующий выезду Кареева из Алма-Аты. В архивных материалах удалось обнаружить фотографические снимки и данные об обнаружении трупа молодой женщины и девочки. Признаки внешности и одежды указанных лиц совпали с признаками внешности разыскиваемых.

На основе собранных данных было установлено, что Кареев убил свою жену и дочь и сошелся с женщиной, имевшей от него ребенка. Последняя проживала по паспорту жены Кареева [см. 457, стр. 411].

3.2. Категорическое положительное разрешение вопроса о тождестве

Категорический вывод эксперта о тождестве как судебное доказательство не следует смешивать с доказательственным фактом, который устанавли-

вается посредством этого доказательства, а именно с достоверным установлением искомого объекта.

К числу наиболее распространенных в следственной и судебной практике ошибок относится некритическое использование заключения эксперта. При этом категорическое заключение эксперта принимается не как доказательство, подлежащее проверке и оценке, а как установленный факт, который не требует проверки и оценки и может быть положен в основу выводов по делу.

Категорическая форма заключения эксперта означает, что эксперт счел установленный им в процессе исследования идентификационный комплекс неповторимым, присущим единичному объекту. Вместе с тем следует учитывать, что вывод эксперта может оказаться субъективным. Эксперт может переоценить установленные совпадения и не обнаружить или неправильно оценить существующие различия. В связи с этим вывод эксперта, даже данный в категорической форме, может оказаться ошибочным. Фактически сравниваемые объекты могут оказаться сходными по внешним признакам, но по существу различными объектами, близкими экземплярами одного и того же вида и т.д. Иными словами, фактически может иметь место не тождество единичного объекта, а сходство или однородность различных объектов[1]. Некритическое отношение следователя или суда к заключению эксперта может привести к серьезным ошибкам.

В прокуратуру района поступили данные о повторной выплате инженеру Золину денег за выполнение одной и той же работы. Поскольку сам Золин утверждал, что указанных денег он не получал и в расходном кассовом ордере за них не расписывался, требовалось установить, кто именно получил деньги по данному ордеру. Эксперт, проводивший почерковедческую экспертизу, дал категорическое заключение о том, что подпись от имени Золина выполнена Жулиным, временно исполнявшим обязанности кассира в данном учреждении. На основании указанного заключения Жулин был привлечен к уголовной ответственности. Результаты дальнейшего расследования, однако, не подтвердили заключения эксперта. Жулин характеризовался как честный и аккуратный работник, данных, изобличавших его в преступлении, установлено не было. Тогда по делу была проведена повторная экспертиза. Вместе с исследуемой подписью эксперту представили образцы почерка ряда лиц, которые могли выполнить исследуемую подпись. В результате повторной экспертизы было установлено, что подпись от имени Золина выполнена не Золиным и не

[1] Практика Российского федерального центра судебных экспертиз МЮ РФ по производству повторных почерковедческих и иных экспертиз показывает, что случаи неподтверждения выводов первичных экспертиз являются отнюдь не единичными.

Жулиным, а ст. бухгалтером Кузнецом. Это последнее заключение эксперта было подтверждено другими доказательствами. Кузнец сознался в присвоении денег. Некритическое отношение следователя к категорическому заключению эксперта привело, как это видно из сказанного, к ошибочному привлечению невинного человека к уголовной ответственности [453, стр. 71-79].

Категорический вывод эксперта подлежит проверке по существу, с точки зрения его научной обоснованности. При этом следует проверить полноту и всесторонность проведенного исследования, какие и в какой степени использованы экспертом методы индивидуализации искомого объекта, достаточно ли обоснована неповторимость комплекса совпадений, дано ли объяснение выявленным различиям, соответствует ли общий технический и научный уровень исследования современному состоянию данной отрасли экспертизы.

Практически такая проверка может быть произведена путем сопоставления заключения эксперта с требованиями опубликованных экспертных методик или данными паспортизации соответствующей специализированной экспертизы. Последние могут быть истребованы из центральных учреждений судебной экспертизы.

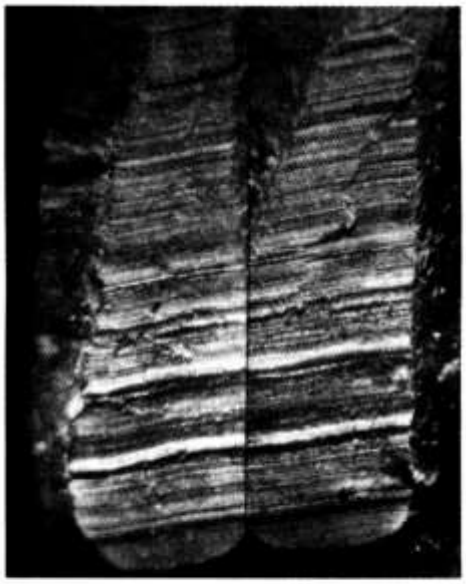

Рис. 1. Совмещение особенностей микрорельефа в следах левого выступа досылателя на дне гильз, стреляных в ППШ. Слева – исследуемая гильза, справа – экспериментальная. (Практика РФЦСЭ при МЮ РФ)

Вместе с тем категорическое заключение эксперта следует сопоставить со всеми другими доказательствами по делу. В необходимых случаях в связи с результатами проверки категорического заключения должна быть назначена дополнительная или повторная экспертиза или проведена дополнительная индивидуализация искомого посредством других источников судебных доказательств.

Последнее будет предметом дальнейшего рассмотрения.

3.3. Предположительное заключение эксперта о тождестве

Допустимы ли предположительные (вероятные) заключения экспертов в качестве судебных доказательств? Каково их значение в процессе доказывания?

В связи с оценкой и использованием результатов судебной экспертизы эти вопросы нередко возникают перед следователем и составом суда. Осо-

бенно часто приходится сталкиваться на практике с вероятными заключениями при проведении экспертиз почерка и следов. Между тем в юридической литературе уже по поводу самой допустимости вероятных заключений высказаны противоположные точки зрения. Одна группа авторов (А.И.Винберг, П.П.Цветков и др.) считает, что вероятные заключения экспертов могут быть использованы в процессе доказывания и являются “промежуточным этапом на пути следователя к установлению истины”. Другая группа авторов (Р.Д.Рахунов, Б.Л.Зотов и др.) полагает, что вероятные заключения “играют отрицательную роль в судебном процессе и никак не содействуют выяснению истины, сея только сомнения” [265, стр. 228].

Практика использования вероятных заключений также нередко является противоречивой и ошибочной. В одних случаях вероятное заключение эксперта само по себе рассматривается следователем и судом как достаточное доказательство исследуемого факта и не принимается мер к отысканию дополнительных доказательств, в других, напротив, вероятные заключения немотивированно, без должных оснований отклоняются. И тот и другой подходы к использованию вероятных заключений являются, по нашему мнению, неправильными. В почерковедении, трасологии и других отраслях экспертизы вероятные заключения экспертов занимают значительное место. Проблема вероятных заключений является не только проблемой теории, но и практики доказывания. Ее нельзя решать в отрыве от практических условий и способов установления истины в уголовном процессе.

Вопрос о допустимости вероятного заключения эксперта следует решать с учетом возможностей экспертизы. Материалы, представленные эксперту, нередко оказываются недостаточными для категорического ответа на поставленный перед ним вопрос. Так, след пальца, изъятый с места преступления, может оказаться неясным или смазанным, след ноги - частично поврежденным, оспариваемая подпись может состоять из нескольких штрихов, плохо отображающих привычки письма, в пятне на одежде задержанного может содержаться недостаточное для полного анализа количество вещества и т.д. Самое тщательное изучение таких объектов, выполненное опытным экспертом с применением современных методов научного исследования, может не привести к обнаружению достаточных для категорического заключения данных. В этих условиях эксперт, опираясь на результаты исследования, может дать лишь вероятный (предположительный) ответ на поставленный перед ним вопрос. Рассматриваемые с точки зрения возможностей экспертизы вероятные заключения эксперта являются, таким образом, в ряде случаев неизбежными[1].

[1] От них необходимо отличить вероятные заключения эксперта, которые даются в

Предположительные заключения эксперта по своей логической форме могут быть сопоставлены с вероятными (проблематическими) суждениями. Такие суждения используются в тех случаях, когда мысль, высказанная в суждении, предполагается, но еще недостаточно доказана. Предположительные заключения противопоставляются категорическим.

Последние по своей логической модальности могут быть сопоставлены с достоверными суждениями. Они применяются в тех случаях, когда мысль, выраженная в суждении, доказана. Если эксперт полагает тождество установленным, доказанным, он использует категорическую форму заключения, если же, по его мнению, для категорического утверждения тождества нужны дополнительные доказательства, эксперт использует форму вероятного заключения[1].

Следует учитывать, что та или другая форма заключения эксперта сама по себе не предрешает его истинности или ложности. Истинность или ложность заключения эксперта зависит не от его формы, а от соответствия выраженной в них мысли действительности. Вопрос об истинности как вероятного, так и категорического заключения эксперта решается в результате его проверки и оценки в системе всех собранных по делу доказательств.

Каково же значение таких заключений? Какую роль они играют в процессе доказывания? Эти вопросы необходимо решать, отправляясь от общего понятия доказательств и их роли в судебном процессе.

В соответствии с законом доказательствами по делу являются “любые фактические данные, на основе суд прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенным настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела” (ст. 74 УПК РФ).

Возникает вопрос, отражает ли предположительное заключение эксперта достоверно установленные фактические данные, имеющие значение для дела, или его содержание исчерпывается лишь предположением эксперта по поводу искомого факта. Ответ на поставленный вопрос дает анализ структуры

результате поверхностного исследования, недостаточной компетенции эксперта, его слабой технической оснащенности и т.п. причин. Такие заключения не являются полноценными доказательствами. Они должны быть отклонены, а интересующие следствие и суд вопросы разрешены путем проведения повторных экспертиз (ст. 207 УК РФ).

[1] В некоторых случаях вероятные (проблематические) суждения смешиваются с суждениями о возможности, в которые также могут облекаться выводы эксперта. Таково, например, заключение эксперта о том, что из представленного оружия может производиться прицельная стрельба. Суждения о возможности выражают завершенное, достоверное знание, и это принципиально отличает их от суждений вероятных (проблематических).

заключения эксперта. Любое, в том числе и предположительное, заключение эксперта, помимо вывода, умозаключения эксперта, содержит определенные фактические данные, установленные в процессе исследования и послужившие основанием для вывода. В случаях идентификационной экспертизы такими фактическими данными являются объективные совпадения (или различия) идентификационных свойств сравниваемых объектов. Таковы, например, совпадения признаков почерка, установленные при сравнении спорной рукописи и образцов почерка подозреваемого; совпадения особенностей папиллярного узора, установленные при сравнении следа пальца, обнаруженного на месте преступления, и дактилоскопической карты задержанного лица; совпадение признаков состава вещества, установленное при сравнительном исследовании пятна на одежде обвиняемого, и вещества, найденного на месте преступления, и т.д. Фактические данные могут состоять также в выявлении других свойств и особенностей объектов, имеющих значение для разрешения поставленных перед экспертизой вопросов. Например: обнаружение следов ядовитых веществ при исследовании содержимого желудка для определения причин смерти; обнаружение отдельных штрихов текста при исследовании поврежденных документов с целью их прочтения; обнаружение следов копоти выстрела при определении характера повреждения, имеющегося на преграде, и т.д.

Неправильно, по нашему мнению, оценивать заключение эксперта только как вывод, ответ эксперта на поставленный ему вопрос, отбрасывая мотивировку и обоснование этого вывода, обнаруженные в процессе исследования фактические данные, весь ход исследования, приведшего эксперта к определенному заключению. Такой подход к оценке заключения эксперта, к сожалению, еще распространен на практике и обосновывается в литературе. Так, понимая под заключением эксперта только его вывод и отвергая в связи с этим какое-либо доказательственное значение вероятных заключений, В.И.Шиканов пишет: “Фактические данные, выявленные экспертом в ходе проведения экспертизы, конечно, могут выступать в качестве судебных доказательств. Больше того, их доказательственное значение не станет меньше, если эксперт в силу недостаточности представленных ему материалов или по иным причинам на поставленный вопрос не сможет дать заключение. Но какое все это имеет значение к вопросу о допустимости в доказательственном значении вероятных заключений эксперта? Никакого” [372, стр. 117-120].

Мы полагаем, что фактические данные, на которых основаны выводы эксперта, имеют прямое и непосредственное отношение к выводам эксперта, оценке их допустимости и доказательственного значения.

Действительно, как можно оценить заключение эксперта в отрыве от

фактических данных, на которых оно основано? В.И.Шиканов предлагает руководствоваться только формой заключения: если заключение эксперта дано в категорической форме, можно со спокойной совестью принять его и считать доказываемый факт установленным; если же оно дано в вероятной форме, то его нужно отвергнуть как недопустимое.

Это типичный формальный подход к оценке заключения эксперта, а фактически отказ от его оценки, нежелание анализировать заключение эксперта, ход его исследования, значение установленных им фактических данных.

Форма заключения, категорическая или предположительная, есть лишь форма, она выражает субъективную оценку экспертом результатов проведенного им исследования. Объективная же ценность экспертизы состоит в определении оснований заключения, демонстрации логической необходимости сделанных экспертом выводов. “Способность аподиктического[1] суждения - выражать необходимое отношение между понятиями субъекта и объекта, - указывается в логике, не может быть усмотрена из одной лишь формы суждения... Необходимость суждения усматривается только из доказательства” [11, стр. 88]. Для определения объективной ценности заключения его нужно оценить по существу. Могут быть и необоснованные, в том числе ошибочные, категорические заключения экспертов и прекрасно научно аргументированные вероятные заключения. Вторые, очевидно, более предпочтительны, чем первые, ибо вторые действительно помогают следователю и суду в установлении доказываемых фактов; первые же могут привести к серьезным судебным ошибкам.

Таким образом, при оценке заключения эксперта важно анализировать не только и не столько форму вывода, сколько фактические данные, обнаруженные в процессе исследования, обоснование сделанного им вывода. Это и означает оценить заключение эксперта по существу, что и предписано законом (ст. 88, 205, 207 УПК РФ).

С другой стороны, фактические данные, установленные экспертом, нельзя отрывать от его вывода, в котором выражена оценка этих данных. Фактические данные, установленные экспертом, не могут быть доказательствами, независимо от заключения эксперта. Нельзя допустить как доказательства установленные экспертом фактические данные и отвергнуть предположение того же эксперта. “Признаки исследуемых объектов, - как правильно указывает А.А.Эйсман, - до того, как они получили оценку и истолкование со стороны эксперта (если для их оценки нужны специальные знания), не имеют ни-

[1] Достоверного.

какого практического значения для дела, не могут выполнять роль доказательства, обоснования каких-либо выводов" [390, стр. 97].

Таким образом, выделяя в структуре заключения эксперта фактические данные и основанный на этих данных вывод, неправильно отрывать эти элементы заключения эксперта друг от друга, придавая им самостоятельное значение. Вывод эксперта имеет значение лишь постольку, поскольку он обоснован фактическими данными. Выявленные экспертом фактические данные, в свою очередь, получают доказательственное значение только в результате соответствующей экспертной оценки.

Вероятная или категорическая форма заключения и выражает произведенную экспертом оценку достаточности обнаруженных им фактических данных.

Вероятная форма заключения эксперта указывает на два существенных обстоятельства:

а) в результате научного исследования не обнаружено данных, препятствующих положительному разрешению поставленного вопроса;

б) данные, обнаруженные в результате исследования, могут служить основанием для предположения, но недостаточны для категорического разрешения вопроса.

В связи с этим нельзя согласиться с авторами, считающими, что "эксперт в предположительном заключении ничего определенного не утверждает. Например, заявляя, что текст письма выполнен, вероятно, Ивановым, он тем самым дает основание предполагать, что текст выполнен, вероятно, и кем-либо другим" [251, стр. 113]. Если эксперт в своем заключении утверждает, что "текст письма выполнен, вероятно, Ивановым", он тем самым совершенно определенно заявляет, что в ходе исследования не было обнаружено никаких признаков, препятствующих положительному решению вопроса о тождестве (т.е. устойчивых различий в привычках письма). Далее. Совершенно определенно эксперт утверждает, что именно с почерком Иванова, а не другого лица обнаружена совокупность совпадений, достаточная для научно обоснованного предположения о тождестве исполнителей сравниваемых рукописей.

Поскольку средствами доказывания искомого факта являются именно фактические данные, установленные в результате исследования, центральное место в заключении эксперта должны занять подробное описание и наглядная иллюстрация указанных фактических данных. С этой целью эксперт должен использовать все находящиеся в его распоряжении средства: описание, фотографические методы сопоставления, совмещения и наложения, микро-, стерео- и цветную фотографию, графические приемы выделения выявленных призна-

ков и т.д. Следует отметить, что в практике это требование, к сожалению, нередко нарушается экспертами. Вместо подробного описания обнаруженных фактических данных эксперты ограничиваются их обобщенной характеристикой, к актам экспертизы не прилагают фотоснимков, иллюстрирующих выявленные данные, и т.п. Наряду с этим заключение должно содержать обоснованную оценку обнаруженных фактических данных, указывающую на их значение для установления искомого факта.

Широко используемые в настоящее время в экспертизе вероятностно-статистические методы позволяют рассчитать и количественно выразить уровень надежности экспертного вывода. Знание принципов такого определения было бы очень полезным для следователей и судей, которые полагают, что между категорическим и предположительным экспертным выводом существует непроходимая грань, а не весьма условная граница.

Так, при надежности вывода 0,9999, т.е. приближающейся к 1 (достоверном), дается категорическое заключение, а при надежности 0,98 - вероятное заключение. При более низких показателях надежности методики экспертизы предписывают эксперту отказ от дачи заключения [см. 258, стр. 158]. Таким образом, вероятное заключение дается при достаточно высоком уровне надежности вывода, граничащем с надежностью категорического заключения.

Между тем многие практические работники и авторы до настоящего времени полагают, что вероятное заключение дается экспертами при надежности 0,5, т.е. в случаях равновероятности положительного и отрицательного вывода. Именно в этом и заключается, по-видимому, причина отрицательного отношения к предположительным выводам экспертов и их игнорирование как источников фактических данных - доказательств по уголовному делу.

Рассмотрим вопрос о роли установленных экспертом фактических данных в системе других фактических данных по уголовному делу.

Заключение эксперта подвергается оценке со стороны следователя и суда на основе всех собранных по делу доказательств, содержащих информацию об исследуемом факте. Доказательства, содержащие информацию об искомом объекте, образуют определенную систему доказательств. Относительно системы доказательств по делу в целом такая система будет выступать как одна из частных систем (или подсистем). Уместно указать на различие подхода эксперта, с одной стороны, следователя и суда, с другой, к оценке идентификационных признаков и свойств.

Эксперт оценивает эти признаки и свойства, опираясь на анализ существующих между ними связей, исследование их происхождения, статистических характеристик и других данных, полученных путем применения специальных знаний.

Суд и следователь используют иную фактическую основу. В качестве такой основы выступает система собранных расследованием данных (доказательств) об искомом объекте.

Система собранных расследованием фактических данных об искомом объекте является одновременно и контролирующей и подкрепляющей относительно системы фактических данных, установленных экспертом.

Если вероятное заключение эксперта согласуется с другими доказательствами (другими заключениями экспертов, данными осмотров, освидетельствований, экспериментов, опознаний и др.) и совокупность этих данных достаточно надежно индивидуализирует искомый объект, следователь и суд приходят к выводу о доказанности тождества.

Недостаточность фактических данных об искомом объекте, содержащихся в каком-либо одном источнике, не означает, что этот источник не имеет доказательственного значения и его надо отбросить.

Недостаточность установленных данных означает лишь то, что этими данными нельзя ограничиться, что их необходимо восполнить в процессе доказывания.

Эта задача разрешается путем привлечения и исследования других источников. Совокупность установленных таким путем фактических данных может дать достаточное основание для достоверных выводов. Таким образом, фактические данные, установленные предположительным заключением эксперта, должны использоваться как одно из средств доказывания искомого факта, являвшегося предметом исследования при производстве экспертизы. Приведем типичный в этом отношении случай использования предположительного заключения экспертизы.

При осмотре места кражи со взломом, совершенной из магазина в г.Шахты, на наличнике взломанной двери были обнаружены и изъяты следы от твердого заостренного предмета. У подозреваемых по делу Павлова и Левшина была изъята кирка, на заостренном конце которой были найдены частички краски. Проведенной по делу трасологической экспертизой было установлено, что кирка, изъятая у подозреваемых, по ряду общих и частных признаков внешнего строения совпадает с киркой, оставившей следы взлома. На основе обнаруженных совпадений эксперт пришел к выводу, что повреждения на наличнике двери могли быть (подчеркнуто нами. - В.К) причинены киркой, “изъятой у подозреваемых”[1].

Учитывая, что заключение эксперта дано в предположительной форме и

[1] Формулировка вывода в данном случае не является удачной, так как речь идет не о физической возможности оставления следов данным предметом, а о тождестве.

достоверно орудия взлома не устанавливает, следователь принял меры к обнаружению дополнительных доказательств этого факта. Была назначена и проведена судебно-химическая экспертиза частичек краски на кирке и на наличнике взломанной двери. Сравнительным исследованием было установлено, что частички краски на кирке и наличнике двери однородны по своему химическому составу.

По делу был собран ряд других доказательств, указывающих на орудия и способ совершения преступления. Показывая о способе совершения преступления, обвиняемые объяснили, что взлом был совершен именно той киркой, которая была у них обнаружена.

Проведенная по делу трасологическая экспертиза, взятая в отдельности, изолированно от других доказательств, достоверно не устанавливала орудия, которым был совершен взлом. Взятая же в совокупности с другими доказательствами, собранными по делу, трасологическая экспертиза несомненно явилась одним из средств достоверного установления орудия преступления.

Заключение эксперта, как и любое другое доказательство, нельзя смешивать с устанавливаемым посредством данного доказательства доказательственным фактом. Доказательственный факт устанавливается на основе оценки заключения эксперта в системе всех собранных по делу источников информации о доказательственном факте.

В этом отношении использование вероятного заключения эксперта в принципе не отличается от использования категорических заключений.

Особенность оценки и использования вероятного заключения эксперта состоит в том, что недостаточность установленных в ходе специального исследования фактических данных и необходимость их восполнения путем исследования других источников констатируется самим экспертом. Тем самым специально оговаривается недостаточность исходных фактических данных и предписывается особая осторожность в выводах о доказываемом факте.

Переход от вероятных выводов к достоверным является типичным путем доказывания искомых фактов. Каждая отдельная улика указывает лишь на возможность искомого факта, поскольку связь ее с доказываемым положением не является необходимой. Накопление же определенной совокупности улик, исключающей возможность ее случайного объяснения, обосновывает вывод о необходимом характере исследуемой связи и достоверность самого вывода[1].

Аналогичную логическую структуру имеет использование фактических

[1] По вопросу о переходе вероятного знания в достоверное в процессе доказывания см. [339, стр. 427-426].

данных, устанавливаемых вероятным заключением эксперта. Взятые отдельно, в отрыве от других доказательств, они недостаточны для достоверного установления доказываемого факта. Если же они будут восполнены определенным объемом дополнительных фактических данных и взяты в системе всей собранной по делу идентификационной информации, достоверный вывод может оказаться возможным и обоснованным.

Изложенная здесь и в других работах [123] мысль о возможности суммирования фактических данных, содержащихся в различных источниках, и возможности получения достоверного вывода путем оценки такой совокупности неправильно истолковывается отдельными авторами.

Так, Р.С.Белкин по этому поводу пишет: “Очевидно, что В.Я.Колдин считает возможным из суммы (совокупности) предположительных суждений сделать достоверный вывод. Это неверно” [18]. Здесь и в опубликованных ранее работах мы говорили о суммировании фактических данных, содержащихся в различных источниках. Как видно из приведенной цитаты, Р.С.Белкин приписывает нам мысль о суммировании “предположительных суждений”. Эта мысль нами не высказывалась и не поддерживается. Конечно, “суммирование предположений” не продвигает нас в установлении фактов.

Предположительно установленные факты не могут рассматриваться как доказательственные факты. Они не могут служить основанием для выводов суда о наличии преступления и виновности в его совершении конкретных лиц. Обвинение не может быть основано на предположениях и необоснованных выводах экспертизы. Эти положения неоднократно подчеркивались в разъяснениях Верховного Суда РФ.

Однако неправильность суммирования предположений и подмены ими доказательств не следует смешивать с суммированием, накоплением фактических данных, обосновывающих вывод о доказываемом факте.

Речь идет не о суммировании “предположительных суждений”, а о суммировании объективно установленных идентификационных свойств сравниваемых “объектов”. Любое идентификационное исследование, как правильно отмечает А.А.Эйсман [390, стр. 79], основанное на сравнении независимых признаков, представляет пример “накопления аргументов”.

Такое суммирование, накопление не только возможно и правомерно, но представляет наиболее типичную логическую форму установления доказательственных и искомых фактов в процессе судебного доказывания.

В литературе приходится встречаться с утверждениями о том, что вероятные заключения экспертов не должны включаться в цепь улик по уголовному делу [33, стр. 78-79]. Основанием такого утверждения является то обстоятельство, что вероятное заключение не устанавливает достоверно искомого

факта.

На этой же посылке основываются и руководящие указания Пленума Верховного Суда об экспертизе, в которых указывается, что “вероятные заключения эксперта не могут быть положены в основу обвинительного приговора” [433].

И в том и в другом случае мы имеем дело с умозаключениями, в которых из ошибочной посылки неизбежно следует ошибочный вывод.

В основе доказывания уликами лежит разграничение фактических данных (доказательств) и объективно установленных фактов. В цепь улик включаются не фактические данные, которые могут быть противоречивыми и даже взаимоисключающими, а объективно установленные факты. Это относится и к заключению эксперта (независимо от формы вывода), и устанавливаемому им факту.

Заключение эксперта, как и любое доказательство, не может рассматриваться как улика, ибо под уликой понимается достоверно установленный факт, а не сведения, информация, содержащаяся в том или ином источнике доказательств [см. 79].

Точно так же обстоит дело и с обвинительным приговором, в основу которого кладутся достоверно установленные факты, а не сведения, информация о них. Для того чтобы включать тот или иной факт в цепь улик и использовать его для обоснования обвинительного заключения, его необходимо прежде достоверно установить посредством доказывания, т.е. на основе определенной системы доказательств, в числе которых может быть и заключение эксперта. Если доказательственные факты (улики) установлены и из них с необходимостью следует вывод о виновности лица в совершении преступления, то в общую систему доказательств по делу включаются все те источники, которые содержат информацию об установленных фактах. Они нужны для проверки фактической правильности (верификации) судебного решения. Если же те или иные факты по делу не установлены, не доказаны или доказаны не полностью, предположительно, то они не могут включаться в цепь улик и служить основанием для обвинительного приговора. В этом случае, естественно, теряют силу и доказательственное значение любые сведения, фактические данные, доказательства, которые использовались для доказывания фактов, ибо отсутствуют аргументы, обосновывающие тезис обвинения.

Заключение эксперта, независимо от формы, в которой оно дано (категорическое, предположительное, об индивидуальном или родовом тождестве) используется не изолированно, а в системе других доказательств, обосновывающих доказываемый факт. Поэтому доказательственное значение заключения эксперта, может или не может оно использоваться в обоснование обвинения,

зависит не от его формы, а от того, установлен ли этим заключением в системе других доказательств доказательственный факт, объективно связанный с предметом доказывания, а это требует оценки заключения эксперта по существу. Форма заключения не может служить основанием ни для его признания в качестве единственного доказательства, ни для отнесения его к недопустимым или недоброкачественным доказательствам.

Нельзя согласиться и с практическими рекомендациями, которые дают противники вероятных заключений. По их мнению, "следственные органы и суд должны ориентировать эксперта в направлении дачи категорических, а не предположительных заключений", а в случае невозможности категорических заключений представить экспертам право отказываться отдачи заключения" [251, стр. 113-114].

Что касается права отказа, то оно предусмотрено законом (ст. 199 УПК РФ) и практически используется экспертами в случаях невозможности дать ни категорическое, ни предположительное заключение. Что же касается ориентирования эксперта на дачу категорических заключений, то само такое ориентирование представляется неправомерным. Суд и следователь не вправе влиять на характер заключения эксперта, предписывая этому заключению категоричность. Закон предъявляет к заключению эксперта одно основное требование - объективность. Требование категоричности, когда у эксперта нет для этого достаточных оснований, в той же мере противоречит принципу объективности экспертизы, как и требование отказа от дачи заключения, когда эксперт имеет основания для научно обоснованного предположения.

Практически эти требования могут вести лишь к значительному сужению сферы использования экспертизы и ограничению применения научно-технических средств в процессе доказывания.

Приведенные критерии допустимости и условий использования вероятных заключений получили дополнительное обоснование в связи с обсуждением возможности использования ДНК-идентификации в судебном процессе.

Ряд громких процессов последнего десятилетия (исследование останков семьи Романовых, дело Клинтона-Левински, идентификация погибших в ряде авиакатастроф, идентификация погибших в Чечне военнослужащих в 124 судебно-медицинской лаборатории и др.) привлекли к этой проблеме внимание не только юридической, но и широкой международной общественности. Поскольку в этих процессах ДНК-идентификация играла роль решающего доказательства, проблема допустимости и критериев оценки ее достоверности и надежности вновь стала предметом научного и юридического анализа.

Важнейшие итоги этого анализа, имеющие значение для общей теории и методологии криминалистической идентификации, состоят в следующем.

1. С позиций фундаментальной науки и общенаучной методологии вывод о тождестве в ДНК-идентификации во всех случаях имеет вероятностный характер. Различается лишь степень его приближения к достоверному. В ДНК-идентификации исследуются специфический объект и система идентификационных свойств (последовательности нуклеатидов в хромосоме). Такое исследование осуществляется исключительно опосредованно по спектрам и результатам реакций. Критерий индивидуального опыта эксперта, система его наблюдений за частотой встречаемости идентификационных свойств, широко используемые в традиционных криминалистических экспертизах, при этом исключаются. Идентификационная значимость совокупности установленных совпадений оценивается посредством вероятностных расчетов, представляющих единственные основания для принятия экспертного решения о тождестве. Вероятностный характер экспертного заключения в отличие от традиционных криминалистических экспертиз выступает здесь в чистом виде.

Важно отметить, что такой же состав оснований экспертного заключения имеется и при формулировании выводов об индивидуальном тождестве на основе состава и структуры исследуемых объектов, т.е. в субстанциональной идентификации.

Следует подчеркнуть, что в принципе логическая структура оснований экспертного вывода об индивидуальном тождестве и в традиционных криминалистических экспертизах также, с позиций общенаучной методологии является вероятностной. Положительный вывод о тождестве здесь также делается на основе накопления идентификационных свойств, определенная совокупность которых признается экспертом неповторимой. Это и служит основанием для дачи категорического экспертного заключения об индивидуальном тождестве. Между тем, любое индуктивное заключение, а накопление идентификационных свойств представляет обычную неполную индукцию, как это известно из логики, имеет вероятностный характер.

Из сказанного вытекают три вывода, имеющие существенное значение для оценки экспертных выводов об индивидуальном тождестве:

а) экспертный вывод об индивидуальном тождестве любого объекта является вероятностным, обеспечивая в зависимости от условий и результатов исследования большую или меньшую степень приближения к достоверности;

б) с точки зрения вероятностной природы экспертных заключений об индивидуальном тождестве между категорической и вероятностной формой экспертного вывода нет принципиальной разницы;

в) категорическая форма экспертного заключения отражает лишь экспертную оценку выявленной им совокупности совпадений, как практически, т.е. в конкретных обстоятельствах судебного исследования, неповторимую в

генеральной совокупности объектов.

В отличие от общенаучного, наиболее существенным **для судебной оценки** таких выводов является **критерий надежности,** которым руководствовался эксперт при даче заключения.

Выше было показано (см. 2.5.4), что в теории для традиционных криминалистических исследований за достаточный принимается уровень надежности вывода, когда вероятность комплекса выявленных совпадений на два порядка выше, чем величина $1/N$, где N - генеральная совокупность проверяемых объектов.

Следует отметить, что вопрос об уровне надежности и, следовательно, допустимой степени риска ошибки эксперта, также как и вопрос о вероятной и категорической форме экспертного заключения, решается в разных странах по-разному.

В европейских странах даются преимущественно вероятные заключения и тем самым вся тяжесть итоговой оценки надежности вывода эксперта возлагается на суд.

ФБР в 1997 г. ввело стандарт надежности 1:260 миллиардов, на три порядка превышающий численность населения США.

Позиция автора по этому поводу сформулирована выше. Экспертная оценка уровня надежности вывода, выраженная в категорической или вероятностной форме экспертного заключения, необходима. Уровень надежности категорического вывода должен быть максимально высоким, из числа достижимых при существующих методах и средствах экспертного исследования (не менее двух порядков выше генеральной совокупности). Вероятностная форма экспертного заключения допустима. Она должна рассматриваться как оценка экспертом уровня надежности сделанного им вывода. Такой вывод может быть сделан экспертом на основе установления неполной (по сравнению с категорическим выводом), но достаточно мощной совокупности совпадений с надежностью не менее 95%. Такие экспертные выводы могут успешно использоваться как полноценные доказательства в системе других источников идентификационной информации. Однако достоверность и надежность итогового вывода о тождестве на основе такой системы доказательств становится проблемой процессуального доказывания.

2. Необходимо четкое разграничение критериев экспертного и судебного вывода о тождестве.

В обширной дискуссии о критериях ДНК-идентификации, развернутой на страницах зарубежной и отечественной специальной литературы, не проводится четкого разграничения критериев судебного и экспертного выводов о тождестве, что делает все итоговые выкладки бездоказательными.

Так экспертное заключение рассматривается как единственное доказательство юридического факта тождества, а стандартизация надежности вывода в принципе исключает ситуационный подход к доказыванию тождества [400, 401, 424, 414, 403 и др.].

Указанные допущения свидетельствуют о смешении экспертной идентификации и доказывания тождества, что противоречит как процессуальной природе, так и структуре познавательных процессов этих исследований. При формировании оснований судебного решения по вопросу о тождестве (в том числе в случаях ДНК-идентификации) должен использоваться системный подход, учитывающий как содержание и форму экспертного заключения, так и всю систему другой собранной по делу идентификационной информации, а также ситуации доказывания тождества. При этом должны быть приняты во внимание следующие основные положения.

А. В фактических основаниях судебного решения по правильно расследованному делу всегда присутствуют данные, непосредственно влияющие на оценку экспертного заключения: ограничивающие или расширяющие генеральную (исходную) совокупность объектов, дополняющие идентификационную совокупность свойств, влияющие на оценку признаков. Таковы, например, данные о времени, месте и других обстоятельствах обнаружения вещественных доказательств и обстоятельствах расследуемого события, данные о круге лиц, связанных с событием, данные о семейных, родственных, служебных отношениях подозреваемого, потерпевших и других лиц, проходящих по делу.

Б. В типовых ситуациях доказывания существенно различается оценка выявленной экспертом идентификационной совокупности свойств, как оснований вывода о тождестве.

Ситуация 1. Генеральная совокупность не ограничена обстоятельствами дела (например, все население Земли). В этой ситуации должны быть использованы все резервы экспертной индивидуализации, обеспечивающие наивысший уровень надежности вывода. В процессе доказывания должны быть выявлены и использованы все идентификационные поля и осуществлена комплексная оценка всей идентификационной информации.

Ситуация 2. Исходная совокупность ограничена определенным кругом (родом, видом, группой) объектов. В этих ситуациях мощность идентификационной совокупности свойств отождествляемого объекта может быть существенно снижена с учетом объема исходной совокупности объектов.

Ситуация 3. Исходная совокупность объектов имеет строгое количественное определение. Достоверно установление искомого объекта в этих си-

туациях со 100% надежностью вывода возможно с использованием метода исключения (см. 4.3).

Все основания вероятностных расчетов в этих ситуациях различны, как различно и доказательственное значение экспертных заключений. Очевидно различие критериев достаточности установленных экспертом совпадений для положительного вывода. Существенно различается и доказательственное значение положительного и отрицательного вывода. Так, исключение конкретного проверяемого объекта в первой ситуации никак не приближает расследование к установлению искомого. В третьей же ситуации такое исключение может прямо устанавливать искомый объект.

Из сказанного видно, что построение какой-либо универсальной математической модели доказывания индивидуального тождества, пригодной для всех ситуаций доказывания, вряд ли осуществимо.

В. При разрешении вопроса о тождестве суд имеет возможность суммировать идентификационную информацию, содержащуюся в различных идентификационных полях искомого объекта (см. 4.4).

ДНК-информация не является единственным информационным полем при идентификации личности.

До разработки метода ДНК-идентификации для идентификации личности, в том числе по делам о спорном отцовстве (материнстве), успешно использовался анализ групп и типов крови, признаки внешности, костно-хрящевой основы черепа, скелета и других наследуемых биологических свойств. Эти свойства и в настоящее время могут включаться в идентификационную совокупность при разрешении вопроса о тождестве.

Представляется теоретически и методически обоснованной общими принципами идентификации стратегия биологической индивидуализации, при которой каждое из идентификационных полей и соответствующих методов используется для решения ситуационных задач на конкретном уровне индивидуализации: определение родо-видовой и групповой принадлежности, дифференциация и исключение, индивидуализация посредством обнаружения специфических белков и ферментов и, как высший уровень индивидуализации, - ДНК-идентификация.

В качестве методов доказывания в русле указанной стратегии и в целях системной оценки и комплексного использования идентификационной информации может использоваться назначение комплексной экспертизы или производство комплекса идентификационных экспертиз с целью доказывания тождества (см. 4.5).

Г. В общей системе доказательств об искомом объекте, помимо иденти-

фикационной, содержится информация о связи искомого с расследуемым событием (см. 4.6). Эта информация также имеет существенное значение для формирования оснований судебного решения по вопросу о тождестве. Так, если по делу достоверно установлена причинная связь конкретного объекта с исследуемым событием, например, водителя с фактом наезда, вероятное заключение о тождестве по следам на рулевом управлении будет дополнять и подкреплять систему доказательств о причинной связи. Напротив, в случаях установления пространственно-временной несовместности искомого с расследуемым событием (алиби) даже категорический положительный вывод о тождестве не приведет к установлению искомого объекта.

3.4. Установление родового, видового или группового тождества сравниваемых объектов

Экспертные заключения о тождестве рода, вида, группы имеют широкое распространение в практике доказывания. Большинство судебных физических, химических, биологических, товароведческих и технических экспертиз завершается установлением однородности или разнородности сравниваемых объектов.

Заключение эксперта об однородности на разных уровнях индивидуализации является судебным доказательством и подлежит тщательной оценке со стороны следователя и суда. Задача такой оценки состоит в определении возможностей и путей использования заключения эксперта в качестве средства установления искомого объекта.

Отмечая единство различных форм и методов идентификации с точки зрения задач исследования, не следует забывать о различии результатов этих исследований. В качестве одного из доказательств единичного объекта заключение о родовом тождестве существенно отличается от других форм заключений о тождестве. В первую очередь необходимо разграничивать вывод об однородности и вывод о тождестве единичного объекта (индивидуальная идентификация).

Вывод о тождестве единичного объекта, если он достоверен, устанавливает связь единичного объекта с расследуемым событием. Вывод об однородности устанавливает лишь более или менее узкий круг объектов (или объем вещества), в числе которых находится искомый объект. В процессе установления объективной истины по делу и доказывания виновности конкретного физического лица это различие имеет принципиальное значение.

Смешение выводов об однородности и индивидуальном тождестве может привести к неправильному разрешению важнейших вопросов дела. Тем не менее в экспертной практике еще встречаются случаи, когда эксперты дают

категорическое заключение о тождестве единичного объекта, обнаружив лишь признаки, указывающие на однородность.

В связи с расследованием разбойного нападения была проведена трасологическая экспертиза, в заключении которой значится: “Сравнительным исследованием гипсовых слепков с бирками под номерами 1 и 2 с кирзовыми сапогами, изъятыми у Ш., установлено совпадение по общим размерам и форме, по наличию четырех выступов в задней части каблука и одному выступу в подметочной части. Отмеченные особенности дают основание сделать вывод о том, что следы ног на месте происшествия, с которых изготовлены гипсовые слепки с бирками № 1 и 2 оставлены левым кирзовым сапогом, изъятым у Ш.” [449].

Эксперты обнаружили в данном случае лишь признаки, указывающие на тип, фасон и размер обуви. Заключение же дано в форме категорического вывода о тождестве единичного объекта.

Смешение выводов об однородности и индивидуальном тождестве встречается и в судебной практике. Таково дело по обвинению Елагина в краже продовольственных товаров из магазина.

Заключение трасологической экспертизы по этому делу было сформулировано так: “След обуви на куске сыра, изъятом из магазина сельпо, оставлен подошвой такого же типа (подч. нами. - В.К), что и подошва правого сапога, изъятого у Е.”.

Суд неправильно оценил это заключение, придав ему значение индивидуальной идентификации. В приговоре по данному делу сказано: “Научно-технической экспертизой установлено, что след сапога, оставленный в магазине, был оставлен подошвой правого сапога, принадлежавшего подсудимому” (подч. нами. - В.К.) [44б][1].

Смешение родового и индивидуального тождества является грубой ошибкой и может привести к необоснованным выводам по существу дела.

Вывод об однородности необходимо отличать также от предположительного заключения эксперта о тождестве единичного объекта.

Вероятное заключение эксперта есть научно обоснованное предположение о тождестве единичного объекта. Такое заключение дается при отсутствии существенных различий и обнаружении совпадений общих и ряда частных

[1] Характерно, что в акте экспертизы по этому делу содержалась следующая оговорка, предупреждающая против смешения заключения с выводом о тождестве единичного объекта. “Но признаки, по которым установлены указанные совпадения, имеют лишь общий, не индивидуальный характер, поскольку не исключается возможность того, что след от обуви на данном куске сыра по указанным признакам может совпасть с таким же участком на подметке другого сапога из той же партии выпуска, что и представленный сапог, поскольку их изготовление стандартизовано”.

свойств искомого и проверяемого объекта. При этом количество и качество совпадения не являются в этом случае достаточными для достоверного выделения единичного объекта. Определенная, хотя и весьма незначительная вероятность повторения установленного комплекса совпадений в другом единичном объекте все-таки остается.

Заключение эксперта об однородности с точки зрения его логической модальности является достоверным выводом, констатирует не вероятность факта, а его объективное существование, наличие. Если вероятный вывод эксперта представляет суждение проблематическое, то вывод эксперта об однородности отражает необходимые связи явлений действительности и является суждением ассерторическим [11, стр. 91].

Однако если оценить достигаемую таким заключением степень индивидуализации единичного объекта, то она оказывается весьма близкой к предположительному выводу об индивидуальном тождестве. Вывод об однородности не указывает на конкретный единичный объект, определяя лишь род, вид, группу объектов, в которой он находится. Логически такой вывод дает основание, так же как и вероятное заключение, лишь для предположения о единичном искомом объекте.

Разница, как удачно отметил Л.Е.Ароцкер, заключается в том, что в одном случае такое предположение “делает сам эксперт, чем выражает суждение в форме предположения о связи данного факта с событием преступления. Во втором случае на основании категорического вывода о принадлежности объектов к одной группе, не эксперт, а только следователь и суд делают вероятный вывод о связи данных фактов с преступлением” [191, стр. 22].

Существенное различие рассматриваемых типов заключений эксперта состоит в том, что при даче вероятного заключения идентификационная информация, выявленная экспертом, обеспечивает выяснение единичного объекта, но не обеспечивает полной надежности вывода, который в силу этого дается в вероятной форме. Задача следователя и суда при этом состоит в восполнении недостающей идентификационной информации.

В случае установления однородности полученная информация обеспечивает полную надежность вывода эксперта, но не обеспечивает индивидуализации, выделения единичного из массы однородных объектов, которая может быть весьма значительной и количественно неопределенной. Остается задача индивидуализации.

Общим для выводов о родовом тождестве и предположительных выводов является недостаточность установленной информации для достоверного выяснения единичного объекта. Вместе с тем, различаются логическая при-

рода этих выводов и порядок их использования следователем и судом в процессе доказывания.

Рассмотрим различие выводов о родовом (видовом, групповом) тождестве и распознавания, определения родовой принадлежности объектов.

Вывод о родовом тождестве есть результат сравнительного исследования искомого и проверяемого объектов с целью их идентификации.

Определение родовой принадлежности, может быть, и не связано с идентификацией, если задача исследования состоит в выяснении природы, происхождения и назначения объекта по его следам, а проверяемые объекты отсутствуют. В этом случае оно представляет распознавание разновидности классификационного исследования.

Например, пятна на одежде задержанного определяются как кровь человека группы 1(0), вещество сероватого цвета, обнаруженное на месте отравления, как яд - мышьяк, предмет, изъятый у подозреваемого в разбойном нападении, - как самодельное огнестрельное оружие типа револьвера и т.д.

По делу Тананиной, отравившей своего мужа, известным судебным химиком С.М.Соколовым была выполнена экспертиза вещественных доказательств и дано следующее заключение.

“1. В белого цвета порошках, присланных в количестве 16 шт., при исследовании обнаружено соединение, относящееся к группе барбитуратов и давшее те же реакции, что дает ноктал.

2. В порошке белого цвета, присланном в количестве 98 г, при исследовании обнаружен веронал.

3. В каплях жидкости, находящихся на дне склянки с надписью “пенициллин”, а также на внутренних стенках разбитых ампул, находящихся в той же склянке, при исследовании обнаружен солянокислый морфий”[1].

Все пункты данного заключения представляют научную классификацию вещественных доказательств по их существенным для дела химическим свойствам.

Процесс исследования в этих случаях состоит в выявлении свойств исследуемых объектов и сопоставлении их с соответствующими общенаучными и криминалистическими классификациями. Принципиальное отличие такого исследования от идентификации[2] состоит в том, что оно не ставит задачи максимального сужения, индивидуализации классификационной группы. Его задача состоит в вьивлении наиболее существенных свойств и признаков, указывающих на сущность, происхождение и назначение объекта. Обнаружение

[1] По материалам прокуратуры г. Москвы.

[2] О классификационных методах индивидуализации см. гл. IV.

таких свойств может выявить связь данного объекта с расследуемым событием.

Вывод о групповом тождестве предполагает раздельное определение рода и вида проверяемого и искомого объекта и отождествление установленных групп.

Вначале по отображению искомого объекта определяется исходная, наиболее узкая совокупность объектов, к которой он относится. Такое определение, как это было показано выше, имеет решающее значение для разработки версий об искомом и его розыске. По мере обнаружения проверяемых объектов их родовые и видовые признаки сравниваются с установленной исходной совокупностью.

Смысл распознавания в отличие от идентификации состоит не в выделении единичного, а в определении таксона, свойства которого могут указывать на роль и место объекта в обстоятельствах конкретного дела: яд, наркотик, огнестрельное оружие, драгоценный металл и т.д. Вместе с тем, поскольку различаются задачи, существенно различна и методика определения родовой принадлежности, осуществляемая как классификационное исследование.

Основное методическое отличие связано с отсутствием проверяемых объектов. В качестве сравнительных материалов используются эталоны, коллекции, гербарии и иные “представители” классификационных групп, а также табличные данные, характеристики стандартов. Выявленные в следах и вещественных доказательствах свойства “подводятся” под указанные характеристики, что и служит основанием для нахождения, распознавания соответствующего таксона, классификационной группы. Если свойства таксонов поддаются формализации и дифференциации, эта операция достаточно легко автоматизируется.

На этой основе создаются соответствующие информационные системы по определению марки, класса, сорта, типа, артикула и т.д. вещественных доказательств.

Классификационное исследование, осуществляемое в процессе идентификации, характеризуется рядом методических особенностей, отличающих его от обычного классификационного исследования.

1) Определение родовой (групповой) принадлежности подчинено в этом случае задаче максимального сужения группы, к которой относится искомый объект.

2) После обнаружения проверяемого объекта оно неразрывно связано со сравнительным исследованием искомого и проверяемого объектов.

3) Для классификации в случае идентификации могут быть использованы только те свойства искомого, которые переданы в его отображении. Так,

установление системы обнаруженного при обыске револьвера может производиться по любым его признакам: калибру, устройству рукоятки, барабана и ствола, взаимодействию частей, маркировочным обозначениям, году выпуска и т.д. Совершенно иная информационная база при классификации оружия по стреляным пулям. В этом случае групповая принадлежность искомого и проверяемого оружия может быть определена только по следам на стреляных пулях (тип патрона, устройство канала ствола).

4) Возможности индивидуализации при идентификации полностью определяются совокупностью свойств искомого объекта, переданных в его отображении.

Так, если при спектрографическом исследовании поиска металлизации в огнестрельном ранении установлена только марка свинца, но не установлено его производственное происхождение, нет необходимости углублять в этом направлении исследование изъятых у подозреваемого свинцовых пуль. Данные, которые могли бы быть установлены в ходе такой детализации, не могут быть использованы для сравнения и идентификации. Таким образом, хотя вывод о родовой принадлежности объекта и вывод о родовом тождестве с точки зрения результата, уровня индивидуализации отображенного в следе объекта могут совпадать, они являются результатами различных исследований, что следует учитывать при их оценке и использовании в доказывании. Нельзя поэтому согласиться с авторами [см. 298, стр. 33], рассматривающими определение рода и вида объекта или природы вещества как разновидность идентификационного исследования, ибо оно ставит другие цели и осуществляется по иной методике.

Для правильной оценки и использования заключений о родовом (групповом) тождестве их необходимо, как нам представляется, отличать от заключений о сходстве сравниваемых объектов.

В литературе и судебно-следственной практике выводы о родовом (групповом) тождестве нередко не отграничиваются, смешиваются с выводами о сходстве сравниваемых объектов.

Между тем заключения о родовом тождестве и заключения о сходстве сравниваемых объектов представляют два типа экспертных заключений, различных как по фактическим основаниям выводов, так и по их доказательственному значению.

Заключение о родовом тождестве устанавливает строго определенную, отграниченную от других группу объектов (или объем вещества). Так, в отношении предметов массового стандартного производства могут быть установлены группы предметов, охватываемые понятиями определенной системы, модели, марки, выпуска, партии и т.д.; в отношении материалов и веществ могут

быть установлены объемы веществ, охватываемые понятиями марки (например, медь марки М-3, свинец марки С-3), сорта (например, мука пшеничная 2-го сорта), производственного происхождения (например, дробь, изготовленная на Киевском дроболитейном заводе) и т.д.

При этом объекты установленной группы по своим признакам строго отграничиваются от объектов других смежных, однородных групп. Чем меньше объем установленной группы, тем легче в ней выявить конкретный объект, тем выше значение заключения.

В ряде случаев, однако, в результате исследования дифференцированная группа объектов не устанавливается, а устанавливается лишь совпадение сравниваемых объектов по отдельным свойствам и признакам.

Результаты таких исследований находят отражение в заключениях экспертов типа:

“Вещества, которыми сделаны надписи на мешках, являются сходными по их отношению к концентрированной серной, азотной и соляной кислотам, к 10%-ному раствору едкого натра и 15%-ному раствору аммиака”.

“По отношению к растворителям, окислителям и восстановителям краситель в цифрах на чеке и твердый краситель, изъятый у В., однородны”.

“В загрязнениях на подошвах ботинок обнаружены частицы, которые по структуре и цвету имеют сходство с частицами изоляционной массы из взломанного сейфа, доставленной в конверте”. Аналогичные заключения даются нередко при исследовании бумаги, тканей, клеящих веществ, красителей, пакли, веревок, пыли, строительных материалов и пищевых веществ. Заключения экспертов такого типа содержат лишь простой перечень совпадений сравниваемых объектов по произвольно выбранным экспертом признакам. Оценки идентификационного значения установленных признаков в таких заключениях не дается[1].

Поскольку рассматриваемые заключения не устанавливают дифференцированных групп объектов (или объемов веществ) и не отражают результатов отождествления, их нельзя рассматривать как заключения о родовом (видовом) тождестве. Хотя форма таких заключений может быть разнообразной и констатировать сходство сравниваемых объектов, их совпадение по определенным признакам, их однородность или аналогичность в определенном отношении, суть их остается одной и той же. Заключения приведенного типа являются заключениями о групповом сходстве объектов.

[1] Указанный недостаток в ряде случаев обусловливается не столько поверхностностью проведенного экспертом исследования, сколько слабой разработкой методики соответствующих идентификационных исследований, отсутствием надежных классификаций и другими причинами.

Вывод о групповом тождестве может быть сделан экспертом только при обнаружении определенного комплекса признаков, характеризующих принадлежность сравниваемых объектов к одной и той же группе. Признаки, входящие в указанный комплекс, являются необходимыми и достаточными для вывода. Изменение состава признаков делает вывод о групповом тождестве невозможным или обусловливает отнесение сравниваемых объектов к другой классификационной группе.

Однозначность состава признаков, лежащих в основании заключения о родовом тождестве, отграничивает этот тип выводов от выводов о сходстве. Состав признаков, лежащих в основе заключения о сходстве, не может быть определен однозначно. Признаков может быть больше или меньше, состав их может быть произвольно изменен, но это не повлияет на характер экспертного заключения. Происходит это в силу того, что состав таких признаков является случайным, связи их не изучены, а весь комплекс их не имеет определенной идентификационной ценности и не может быть сопоставлен со строго очерченными группами объектов или объемами веществ.

Это обстоятельство существенно затрудняет оценку доказательственного значения экспертных заключений указанного типа.

Так, приведенное выше заключение о сходстве изоляционной массы с частицами в загрязнениях на ботинках подозреваемого по цвету и структуре допускает различное толкование. Вывод эксперта можно понимать как факт обнаружения на ботинках подозреваемого изоляционной массы из данного взломанного сейфа. В этом случае заключение следует рассматривать как важное доказательство связи подозреваемого с расследуемым преступлением.

Однако приведенное заключение можно оценить и иначе. Факт сходства объектов по цвету и структуре может быть установлен при сравнении мелких частичек самых разнородных материалов: земли, каменного угля, камня, металла, асфальта, сажи, пищевых продуктов и других объектов. В этом случае за сходством сравниваемых объектов по их цвету и структуре скрывается их различие по химическому составу, процентному содержанию примесей и другим характеристикам. При наличии таких различий, которые приведенное заключение не исключает, его нельзя рассматривать как доказательство связи подозреваемого с расследуемым преступлением.

Трудность оценки и использования заключения эксперта о сходстве обусловлена тем, что такое заключение не определяет идентификационное значение, специфичность обнаруженных совпадающих признаков и даже не исключает видового и родового различия сравниваемых объектов. Следует отметить, что эксперту всегда легче оценить идентификационное значение выявленных

им признаков, чем следователю и суду[1].

Так, примеси мышьяка в образцах дроби эксперт может оценить как признак, указывающий на ее заводское изготовление и технологию башенного литья; наличие в образцах сравниваемых красок цинка, кальция, бария, железа и магния эксперт расценивает как признаки цинковых белил с примесью мела и т.д.

Понятно, что если эксперт не сможет дать такой оценки, требующей специальных познаний, то тем более это не сможет сделать следователь и суд.

О трудностях, с которыми приходится сталкиваться следователю и суду при оценке выводов о сходстве, можно судить по делу гр-ки Воркер, обвиненной в убийстве своего ребенка.

Эксперт, производивший сравнительное исследование вещественных доказательств по этому делу, дал следующее заключение:

“а) Две резинки на поясе, изъятом у Воркер, сходны с резинкой, снятой с тела трупа новорожденного ребенка по цвету ткани, характеру рисунка ткани, общей ширине резинок, ширине кромки, количеству, цвету и толщине резиновых нитей, проходящих в продольном направлении ткани, направлению крутки нитей и прядей, толщине нитей и по природе волокна ткани (являются хлопковыми).

б) Нитки, которыми обмотаны металлические застежки резинок на поясе, изъятом у Воркер, сходны с нитками, которыми обмотаны две металлические проволоки, снятые с тела трупа новорожденного ребенка, по следующим групповым признакам: цвету, количеству прядей в нитях, направлению крутки ниток и прядей в нитках, толщине и природе волокна (являются хлопковыми)” [450].

Хотя эксперт и приводит значительный по объему перечень идентификационных признаков, он не дает оценки их специфичности, которая позволила бы судить о значении указанных признаков, степени индивидуализации искомого объекта. Понятно, что следователь и суд не в состоянии сами произвести такую оценку. На основе обнаруженных признаков эксперт не смог определить, что сравниваемые резинки принадлежали к одному куску ткани, а сравниваемые нитки - к одному мотку или катушке. Тождество единичного объекта установить не представилось возможным. Об этом эксперт правильно сделал оговорку в своем заключении. Однако эксперт должен был установить вид, сорт, артикул сравниваемых резинок и ниток и, по возможности, их производственное происхождение и партию изделий. Наличие таких данных поз-

[1] Эта мысль правильно высказана В. С. Митричевым [см. 205, стр. 57-60].

волило бы следователю и суду выяснить частоту встречаемости подобных изделий в обстоятельствах конкретного дела (а они могут оказаться уникальными) и, таким образом, правильно оценить и вещественные доказательства, имеющиеся в деле, и результаты их экспертного исследования.

В связи с изложенным иногда полностью отрицают какое-либо доказательственное значение экспертных заключений о сходстве сравниваемых объектов [см., например, 191, стр. 19].

Хотя роль и возможности использования экспертных заключений о сходстве сильно ограничены, нельзя полностью отрицать их доказательственное значение. Указанные экспертом совпадения при определенных условиях могут быть включены в систему идентификационных признаков искомого объекта, если она существенно восполнена информацией, установленной по иным источникам. Указанные совпадения могут приобрести также существенное значение в случаях, когда круг проверяемых объектов строго ограничен и установлено различие по выявленным свойствам со всеми остальными проверяемыми объектами[1].

На основе вышеизложенного должны быть сформулированы следующие общие требования к экспертным заключениям о родовом тождестве.

1. Установление определенного отграниченного от других класса объектов (или объема вещества).

Устанавливаемые экспертным заключением род, вид (сорт, модель, марка, система и т.п.) должны быть классификационными, т.е. предусмотренными общенаучными, техническими или специальными идентификационными классификациями.

Вывод об однородности сравниваемых объектов, опирающийся на произвольно выбранную экспертом совокупность совпадающих признаков, не является выводом о родовом тождестве. Оценка и использование таких выводов (о сходстве) существенно отличаются от оценки выводов о родовом тождестве.

2. Установление максимально узкой классификационной группы объектов или объема вещества.

При даче заключения эксперт должен полностью использовать находящиеся в его распоряжении средства индивидуализации искомой группы.

Вместе с тем отнесение сравниваемых объектов к узкому классу должно быть обоснованным, т.е. опираться на комплекс характеризующих данный класс признаков.

---

[1] Более подробно об индивидуализации путем суммирования информации и применения метода исключения см. в разд. 3-3 и 3.4.

Если в результате исследования не обнаружено признаков, необходимых для отграничения установленного класса от других смежных, вывод о принадлежности к данному классу является необоснованным.

Нельзя утверждать, например, что найденные на месте преступления пули стреляны из пистолета “Маузер” калибра 7,65 мм, если отображенные на полях признаки не отличают данную систему оружия от оружия других систем, имеющих тот же калибр и характеристики нарезов канала ствола.

В этих случаях в своем заключении эксперт должен указать круг тех систем огнестрельного оружия, которые характеризуются данными признаками.

Сказанное в равной мере относится к случаям установления узких групп продукции, выпущенной определенным предприятием, ее отдельных партий, марок металла и т.п.

Принадлежность сравниваемых объектов к одной и той же узкой классификационной группе должна быть положительно доказана экспертом путем обнаружения присущего данной узкой группе комплекса идентификационных признаков.

Существенно отметить, что отсутствие дифференцирующих данных об отличии сравниваемых объектов еще не является основанием для отнесения сравниваемых объектов к одному и тому же узкому классу. Так, например, отсутствие данных о различии химического состава сравниваемых красителей еще не означает, что они выпущены одним и тем же предприятием. Вследствие стандартизации производства химический состав красителей, выпущенных разными предприятиями, может оказаться одинаковым.

Для определения производственного происхождения сравниваемых объектов эксперт должен располагать данными о распределении их характеристик (товарные свойства, качественный и количественный состав, физические свойства, примеси и т.д.) в продукции различных предприятий. Вывод о производственном происхождении объектов может быть сделан только в случае обнаружения специфических признаков, свойственных данному конкретному предприятию (или ограниченному их кругу) и позволяющих отличить ее от продукции других предприятий.

Органы расследования и суд, а также руководители экспертных учреждений должны ориентировать экспертов на максимальное использование возможностей исследования с целью выделения наиболее узких классификационных групп.

Нередко эксперты не производят детальных исследований, поскольку следователь или суд не поставили перед ними задачи отнесения сравниваемых объектов к наиболее узкой классификационной группе.

По делу о разбойном нападении и убийстве семьи Булыниных на одежде

обвиняемых были обнаружены следы крови и керосина.

При разбойном нападении на дом Булыниных преступники нанесли тяжкие телесные повреждения мужу и жене Булыниным, облили вещи керосином, подожгли дом и скрылись. На одежде обвиняемых были обнаружены следы, подозрительные на кровь, и керосин.

При назначении биологической экспертизы по этому делу следователь поставил перед экспертом вопрос, имеется ли на рубашке, изъятой у одного обвиняемого, брюках и валенках, изъятых у другого обвиняемого, на ломике и топоре, обнаруженных на месте преступления, кровь, если да, то кому она принадлежит - человеку или животному?

Эксперт на всех предъявленных вещественных доказательствах обнаружил кровь человека. Групповая и типовая принадлежность крови экспертом не определялась. Между тем очевидно, что определение групповой и типовой принадлежности крови в данном случае представляло бы ценное доказательство по делу. Такое определение могло бы: а) исключить возможность случайного попадания крови самих обвиняемых на вещественные доказательства; б) индивидуализировать роль каждого участника нападения (при различии группы или типа крови мужа и жены Булыниных); в) индивидуализировать связь обвиняемых с расследуемым событием, учитывая сочетание групповых и типовых характеристик крови потерпевших.

Перед химической экспертизой был поставлен вопрос о том, являются ли пятна темно-серого цвета на валенках одного из обвиняемых пятнами керосина. Эксперт дал положительный ответ на данный вопрос.

Выявление специфических фракций нефтепродуктов, указывающих на источник происхождения исследуемого керосина, в данном случае не производилось.

Обращает внимание то обстоятельство, что следователь по данному делу, несмотря на полную возможность изъятия образцов для сравнительного исследования (кровь пострадавших, керосин из квартиры Булыниных), не представил их экспертам. Тем самым эксперты были лишены возможности произвести идентификационное исследование, а их задача была ограничена распознаванием, определением групповой принадлежности исследуемых веществ. Неполнота исследования и неполноценность полученных в результате его доказательств явились результатом незнания следователем возможностей идентификации, неправильной организации экспертизы [28, стр. 35-47].

В значительном числе случаев недостаточная индивидуализация сравниваемых объектов является следствием поверхностности исследования, проведенного экспертом; слабого использования им современных высокочувстви-

тельных средств научного анализа неразработанности методики соответствующего идентификационного исследования. Об этом свидетельствуют экспертные заключения, констатирующие сходство или однородность сравниваемых объектов.

Примерами могут служить заключения типа:

“Вещество, взятое с металлического лома, изъятого у гр. Иванова Т.П., по физико-химическим свойствам имеет сходство с веществом, взятым с досок перегородки, изъятых на месте происшествия” [441].

“Земля с платья Николаевой А.Х, земля с платья и жакета Бабаевой А.И. и земля с места происшествия однородны по гранулометрическому и спектральному составу” [444].

“Дробь, изъятая у Барсукова В.О., однородна по способу и технологии изготовления с дробью из трупа Суркова В.Ф. и имеет весьма близкий химический состав (отличается лишь по количественному содержанию висмута)” [442].

Без определения узкой классификационной группы и выделения специфических признаков, указывающих на ее объем, конкретный или возможный источник происхождения сравниваемых объектов, такие заключения не могут играть роль достаточных судебных доказательств.

Из сказанного видно, что реализация рассматриваемого требования представляет достаточно сложную проблему и связана с повышением научно-технической подготовки следователей и судей, совершенствованием организационных и научно-методических основ экспертных исследований.

Одним из путей решения задачи максимальной индивидуализации сравниваемых объектов с использованием классификационных методов является использование так называемых “специальных классов” и групповой идентификации.

Резервы общенаучных и технических классификаций не безграничны, и при отнесении к самому узкому таксону обнаружение искомого оказывается невозможным в силу слишком большого числа охваченных этим таксоном объектов, например, автомобиль марки МАЗ-300, пистолет “ПМ”, шерсть козья и т.д.

Однако если искомый объект характеризуется достаточно броскими и устойчивыми особенностями, отраженными в следе, то их можно использовать для дальнейшего сужения классификационных групп, например, автомобиль “МАЗ-300” с новыми протекторами, но на наружных колесах задней оси; шерсть козья, сильно изношенная; пистолет “ПМ” с выраженным дефектом дульного среза и т.д.

В отличие от стационарных классификаций, созданных до и независимо

от условий конкретного экспертного исследования и использующих стабильный набор признаков, специальные классификации формируются на базе таких классификаций с исследованием дополнительный признаков, в качестве которых могут быть использованы любые броские и устойчивые идентификационные свойства. Особенно показательны в этом отношении “особенности” и “особые приметы”, с использованием которых осуществляется розыск преступников и их портретная идентификация.

Так, при установлении личности неопознанного трупа были успешно использованы особенности строения зубного аппарата: два соседних зуба на верхней правой челюсти погибшей женщины росли один над другим, а четвертый зуб этой же челюсти был раздвоенным.

При поиске преступника по следам надкуса, оставленным на месте преступления, успешно использовался такой набор признаков: тесное расположение зубов на нижней челюсти; на верхней челюсти левый резец несколько развернут, а правый отсутствует; судя по стертости зубов, возраст - 50 лет [см. 187, стр. 178].

Если такого рода идентификационные свойства используются для отождествления, вывод эксперта занимает промежуточное положение между родовой и индивидуальной идентификацией.

Устанавливаемое в результате этого множество объектов предложено именовать “группой”, под которой А.А.Эйсман понимает “множество отдельных объектов, выделенных не по признакам общности их природы, а по иным чаще всего пространственно-временным отношениям. Во многих случаях понятие “группа” определяется фактическими обстоятельствами уголовного дела” [390, стр. 172]. Сходного понимания этого термина придерживаются И.А.Селиванов [306] и В.С.Митричев [202, стр. 25; 206, стр. 210].

Поскольку продуктивность этого термина является очевидной, понятие “групповой”, наряду с родовой” и “видовой” идентификацией его следует ввести в научно-практический обиход.

3. Определенность формулировки заключения эксперта.

Заключение эксперта должно точно отражать результаты проведенного им исследования и не допускать различных толкований.

Как показывает анализ актов судебных экспертиз, именно заключения о родовом тождестве чаще всего даются в неопределенной, двусмысленной и трудно понимаемой форме.

Формулировка заключения должна отвечать следующим требованиям.

А. Содержать точное обозначение наиболее узкого класса объектов или объема вещества (сорта, модели, марки, системы, номера, группы, выделенной по ее производственному происхождению, и т.д.). Например: “Сравниваемые

записи выполнены красным карандашом одного и того же класса и производственного происхождения (карандаш “Пятилетка” фабрики им. Сакко и Ванцетти)”.

Точное обозначение идентифицированного класса отграничивает заключение о групповом тождестве от заключений о групповом сходстве и существенно облегчает их использование.

Если в результате исследования не удалось точно определить группу, к которой относятся исследуемые объекты, а установлено лишь их совпадение по отдельным групповым признакам, т.е. установлено не тождество, а сходство объектов, заключение должно прямо отражать этот факт.

Например: “Красители, которыми выполнены сравниваемые записи, совпадают по их отношению к серной, соляной и азотной кислотам, раствору едкого натра и аммиака. Установить состав, вид и производственное происхождение сравниваемых красителей не представилось возможным в силу недостаточного количества исследуемого материала”.

Являются неприемлемыми заключения, в которых на основе отдельных установленных совпадений делается вывод об “однородности” сравниваемых объектов, однако какой именно род (класс, группа) объектов идентифицирован, не указывается.

Такие заключения могут быть приняты за выводы о родовом (видовом) тождестве, тогда как они устанавливают лишь сходство по отдельным свойствам.

Формулировка типа “Не исключена возможность того, что сравниваемые объекты принадлежат к одному и тому же виду, производственной партии, куску ткани и т.п.” также является неприемлемой. Такая формулировка не отражает специфичность установленных признаков и достигнутый в результате экспертизы уровень индивидуализации. Вместе с тем они дают простор для ошибочного истолкования действительного значения обнаруженных признаков, как индивидуализирующих вид, производственную партию или единичный объект.

Б. Не допускать возможности смешения группового и индивидуального тождества. Поскольку приведенная выше формулировка (“Сравниваемые записи выполнены красными карандашами одного и того же класса и производственного происхождения”) может быть отдельными следователями и судьями ошибочно воспринята как заключение об индивидуальном тождестве, необходимо предупредить эту возможность. Дополнение типа: “Установить, не выполнены ли сравниваемые записи одним и тем же карандашом, нельзя за отсутствием в штрихах сравниваемых записей признаков, индивидуализирую-

щих конкретный карандаш" указывает на отличие данного заключения от заключения об индивидуальном тождестве.

Проведенной по делу Талалиной судебно-биологической экспертизой было дано следующее заключение:

"1. Кровь из трупа Коржевского относится к группе "А" (II).

2. Кровь в соскобах с кровати и с ножек стула, на тряпках, изъятых из квартиры Талалиной, могла произойти от Коржевского или еще от какого-либо иного человека, с группой крови "А"(Н)[1].

Вывод о родовом тождестве требует специальных знаний в области классификационных свойств сравниваемых объектов и должен быть поэтому отнесен к компетенции эксперта.

Сравнительное исследование дроби, муки, зерна, ткани и т.п. родовых вещей, найденных на месте преступления и обнаруженных у обвиняемого, целесообразно осуществлять посредством экспертизы, а не опознания. Опознание родовых вешей можно признать целесообразным только при невозможности их научно-технического сравнительного исследования в силу отсутствия образцов. Так, может быть предъявлена для опознания потерпевшему похищенная у него ткань, зерно и т.д. Однако, если имеются образцы и может быть проведено сравнительное научно-техническое исследование, опознание проводить нецелесообразно.

Рассмотрим доказательственное значение заключения эксперта о родовом тождестве и определяющие это значение условия.

Заключение эксперта о родовом тождестве является одним из доказательств при установлении тождества единичного искомого объекта. Однако его значение зависит от ряда условий.

Заключение о родовом тождестве содержит положительную информацию о единичном искомом объекте тем большую, чем уже установленная группа (объем вещества). Ограничивая круг объектов, в числе которых находится единичный искомый объект, заключение о родовом тождестве является одним из средств его установления.

В литературе высказана точка зрения о том, что заключение экспертизы о родовом тождестве не имеет значения судебного доказательства и в ходе доказывания не должно включаться в цепь улик. В соответствии с этой позицией значение заключения о родовом тождестве сводится к тому, что оно "дает ответ на вопрос, не исключается или исключается" в данном случае тождество [104, стр. 98-99].

[1] По материалам прокуратуры г. Москвы.

Эта точка зрения не имеет ни логического, ни практического обоснования.

Вывод о родовом тождестве представляет результат последовательной индивидуализации объекта, значение которой тем выше, чем ближе она к установлению единичного объекта. По мнению же противников таких выводов, их значение будет одним и тем же (“тождество не исключается”) независимо от степени индивидуализации объекта. Такой взгляд не дает правильной ориентировки для оценки и использования результатов экспертного исследования по вопросу о тождестве.

Доказательственное значение заключения эксперта о групповом тождестве обусловливается следующими основными факторами:

1) объемом установленной группы объектов (общей встречаемостью объектов данной группы);

2) встречаемостью объектов данной группы в условиях места и времени расследуемого события;

3) встречаемостью объектов данной группы в ограниченном круге проверяемых объектов;

4) наличием фактических данных, ослабляющих либо усиливающих значение вывода.

Объем группы определяется экспертом, констатирующим в своем заключении принадлежность сравниваемых объектов к широкой или относительно узкой классификационной группе.

Следователь и суд могут судить об объеме установленной группы только по сравнению с объемами однородных классификационных групп.

Положим, имеется заключение эксперта о том, что кровь, обнаруженная на одежде обвиняемого, совпадает с кровью потерпевшего по выявленным при анализе антигенам A_2B и NS.

Это заключение может быть правильно оценено только в том случае, если следователь и суд учтут общее количество выявленных в практических исследованиях групповых антигенов крови и примерное распределение населения по групповым характеристикам крови. Последнее, как известно из судебной медицины, отнюдь не является равномерным.

Так, к группе 0 принадлежат 35% населения, к группе A_1 - 30, к группе A_2 - 5, к группе B - 20, к группе A_1B - 8, к группе A_2B - 2%. Что касается системы антигенов MNS_s, то она делится на девять групп, из которых наиболее часто встречается группа MNS_s (24%), а реже всего - группа NS (1%) [см. 334, стр. 221-223].

Как видно из приведенных данных, заключение в описанном случае устанавливает тождество наиболее редко встречающихся групп крови.

На основе приведенных статистических данных может быть сделан и примерный расчет вероятности встретить лицо с данным сочетанием свойств крови. Если встречаемость группы A_2B принять за 1/50 и встречаемость типа NS за 1/l00, а свойства крови AB_0 и MNS_s за взаимонезависимые, то по теореме о вероятности совмещения независимых событий такая вероятность будет равна 1/50x1/l00=1/5000. Таким образом, лицо с указанным сочетанием групповых свойств крови встречается в одном случае на 5000. Вывод о групповом тождестве, следовательно, обеспечивает в приведенном случае весьма высокую степень индивидуализации.

Аналогично может оцениваться встречаемость (объем установленной марки металла, например, свинца марки С-3, модели автомашины, например “Москвич-400”, артикуло-фасона и размера обуви, например сапоги резиновые формовые артикуло-фасона 150-ФУХ 44 размера, и т.д.

В связи с изложенным представляется целесообразным включить в заключение эксперта наряду с точной характеристикой классификационной группы данные, характеризующие ее объем, встречаемость объектов данной группы в числе объектов других однородных групп. К сожалению, в настоящее время эксперты сами располагают такими данными лишь в отдельных случаях. Получение, систематизация и обработка такого рода данных - задача идентификационной статистики - раздела идентификации, находящегося в начальной стадии научной разработки. Разработка проблем идентификационной статистики применительно к производству экспертизы материалов, веществ и изделий является одной из актуальных задач центральных учреждений судебной экспертизы[1].

Наряду с общей статистически средней встречаемостью объектов установленной группы, существенное значение для правильной оценки заключения о родовом тождестве имеет встречаемость этих объектов в условиях времени и места расследуемого события. Последняя может существенно отличаться от первой, и это нельзя не учитывать в процессе оценки вывода эксперта. Так, например, папиросы “Беломорканал” фабрики им.Урицкого относятся к широко распространенным и занимают значительное место на табачном рынке центральных областей России. Однако в районе совершения преступления этот сорт папирос может оцениваться как редкий, если, по данным

[1]В судебно-экспертных учреждениях Минюста РФ ведется разработка информационно-поисковых систем по волокнам, металлам, стеклу, лакокрасочным веществам, оружию, почерку. Итоги разработок программных комплексов и автоматизированных информационно-поисковых систем “Обувь”, “Контакт”, “Фазан“, “Марка”, “Газхром” были обсуждены на научно-практическом семинаре во ВНИИСЭ в 1988 г. (см.: Использование математических методов и ЭВМ в экспертной практике. М., 1989).

торговых органов, они на протяжении значительного времени в продажу не поступали.

Сведения о встречаемости исследуемых групп объектов в условиях данного времени и места могут быть получены самим следователем или судьей. В зависимости от характера исследуемых объектов источниками таких сведений могут быть государственная автомобильная инспекция (о марках автомобилей), управления и отделы милиции (об огнестрельном оружии), строительные тресты и управления (о стройматериалах), аптекоуправление (о лекарственных препаратах) и т.д.

Если круг проверяемых объектов ограничен, исследуется встречаемость установленной группы внутри данного круга проверяемых объектов. В одних условиях групповые характеристики могут оказаться здесь достаточными для установления методом исключения единичного искомого объекта, в других - заключения о тождестве теряет силу как доказательство для установления единичного объекта. Для иллюстрации сказанного вернемся к заключению о тождестве группы крови, обнаруженной на одежде обвиняемого, и крови подозреваемого. Достаточно надежная оценка этого заключения может быть дана только при учете групповой принадлежности крови всех исследуемых лиц.

Если кровь обвиняемого относится к одной группе, а кровь пострадавшего и обнаруженная на вещественных доказательствах, например на одежде обвиняемого, - к другой, вывод о групповом тождестве является важным доказательством связи обвиняемого с расследуемым событием. Во всяком случае здесь всегда можно исключить принадлежность обнаруженной крови либо обвиняемому, либо потерпевшему, что само по себе всегда имеет существенное значение для дела.

Если же кровь обвиняемого по группе совпадает с кровью потерпевшего, доказательственное значение заключения эксперта ограничено. Оно будет обусловлено тем, можно ли обычными методами доказывания исключить попадание на одежду обвиняемого его собственной крови или крови другого лица такой же группы.

Таким образом, оценка и использование заключения о групповом тождестве крови существенно различаются в зависимости от того, совпадает или различается группа крови обвиняемого, потерпевшего и других проверяемых лиц. Характерно в этом отношении дело об убийстве Сиверского, обнаруженного зарезанным во дворе дома № 20/6 по Лесной улице. На месте убийства была найдена шапка, оставленная преступником.

Подозреваемого по этому делу Борисова опознали приятели Сиверского и другие лица.

Второго подозреваемого по этому делу, Антипова, также опознал приятель Сиверского. Один из свидетелей видел Антипова на месте преступления. Значение опознаний по этому делу в значительной мере снижалось фактом большого и своеобразного сходства внешнего облика Антипова и Борисова. Это сходство могло быть причиной ошибочных опознаний. Решающее значение приобретали поэтому другие факты, указывающие на связь подозреваемых с расследуемым событием. В их числе особую роль сыграл установленный следствием факт покупки и утери Антиповым шапки, а также тождество группы пота Антипова группе пота, обнаруженного на шапке, изъятой с места убийства. Группа крови Борисова отличалась[1].

Аналогично оценивается заключение о групповом тождестве иных объектов: пятен клея, краски, частиц пищевых продуктов, пыли и грязи, частиц биологического происхождения и др., найденных на месте преступления и обнаруженных на обвиняемом. Оценка заключения эксперта и в этом случае также зависит от того, различаются или совпадают групповые свойства материалов и веществ, найденных на месте преступления. В последнем случае можно ли исключить путем доказывания попадание этих веществ на тело, одежду и другие предметы обвиняемого?

Гурченко занимался фальсификацией продукции ликероводочного завода. Разливая разбавленный спирт в бутылки, он сургучевал и опечатывал их поддельной печатью. Продукция сбывалась через ряд магазинов города. В процессе доказывания по этому делу существенное значение имело сравнительное исследование сургуча.

При сравнительном исследовании сургуча, изъятого у Гурченко, и соскобов сургуча с бутылок из магазинов установлено полное совпадение химического состава. При сравнении же сургуча, изъятого у Гурченко, с заводским сургучем установлено существенное различие [221, стр. 115].

Заключение о родовом тождестве используется в системе других доказательств по делу, в связи с чем его значение во многом определяется наличием и характером других фактических данных, установленных по делу. Одни из них усиливают значение вывода о групповом тождестве как доказательства связи единичного объекта с расследуемым событием, другие - ослабляют его.

В качестве примера таких фактических данных можно привести доказательства, указывающие на механизм образования исследуемых отображений и объяснения проверяемых лиц по этому поводу.

В деле об убийстве гр-ки Левченко на тужурке подозреваемого в убий-

[1] По материалам ВНИИ Прокуратуры РФ.

стве знакомого Левченко - шофера Брысина под верхней одеждой были обнаружены следы крови. Брысин объяснил их попаданием крови на тужурку во время переноски трупа в машину (Брысин присутствовал при осмотре и помогал в переноске трупа). Эти объяснения Брысина были опровергнуты исследованием механизма образования следов крови. Следы крови имели характер брызг, а не потеков, которые должны были бы образоваться при указанном Брысиным механизме соприкосновения с телом потерпевшей.

По делу об убийстве Захарова в качестве обвиняемого был привлечен Гуранин, пивший вместе с Салтановым водку на кухне Захарова непосредственно перед обнаружением трупа Захарова. И Гранин и Салтанов отрицали свою причастность к убийству.

На одежде Гранина была обнаружена кровь человека, происхождение которой он объяснить не мог. “Если на моей одежде имеется кровь, показал Гуранин, - то она принадлежит только животным, а не человеку. К трупу Захарова я не прикасался, и его кровь на мою одежду попасть никак не могла. Кровотечения у меня из носа, рта, ушей и рук не было, и я утверждаю, что кровь, обнаруженная на моей одежде, принадлежит только животным”. (Гранин занимался разделкой мясных туш на рынке.)

На пиджаке и левом сапоге Салтанова также были обнаружены следы крови человека, которые он объяснил повреждением пальца о пивную бутылку.

Имея в виду, что Гуранин (уже пожилой человек) отличается забывчивостью, следователь допросил сотрудницу рынка Муравьеву. Последняя показала, что незадолго до ареста Гранин до крови порезал себе руку острым осколком кости. Она перевязала ему палец белой материей и шерстяной ниткой, сказав при этом: “Неплохо бы, начальник, аптечку на рынке завести”. Гуранин с трудом, но припомнил это обстоятельство на очередном допросе.

При проверке показаний Салтанова о происхождении крови на его одежде была допрошена указанная Салтановым свидетельница Березина. Последняя припомнила случай повреждения Салтановым пальца в воскресенье, в городском саду, и показала, что Салтанов был в черном выходном костюме и ботинках. У Салтанова же в процессе расследования кровь была обнаружена на рабочем костюме и сапогах. Это обстоятельство Салтанов никак объяснить не мог. В дальнейшем была доказана виновность Салтанова в убийстве [28, стр. 16-30].

Таким образом, доказательственное значение заключения эксперта о родовом тождестве обусловливается не только совпадением или различием свойств сравниваемых объектов, но и другими имеющимися в деле доказательствами, в частности, данными о механизме образования сравниваемых

отображений.

Следует предостеречь от преждевременного исключения связи проверяемого объекта с преступлением при установлении различия сравниваемых объектов.

Так, например, в одном из руководств по судебно-медицинскому исследованию вещественных доказательств следующим образом оценивается случай, когда группы крови потерпевшего и обвиняемого различны. Кровь на вещественных доказательствах одинакова по групповой принадлежности с кровью обвиняемого. “Здесь, - пишет автор руководства, - экспертиза доказывает очень важное обстоятельство, а именно, что кровь на вещах обвиняемого не произошла от убитого и, следовательно, не имеет отношения к данному преступлению” (подч. нами. - В.К.) [см. 34, стр. 92].

Данный вывод не вытекает в рассуждении из посылок. Различие групп крови может служить основанием для исключения происхождения крови от данного потерпевшего. Такое различие, однако, не является основанием для исключения связи следов крови с расследуемым событием. Если в следах крови на потерпевшем установлена группа крови обвиняемого, доказательственное значение вывода обусловливается именно тем, что исключается принадлежность обнаруженной крови потерпевшему и, следовательно, устанавливается связь обвиняемого с преступлением. Аналогичное значение имеет указанный вывод, когда такие следы крови обнаружены на месте преступления, предметах обстановки, платках, бумаге и иных предметах, брошенных преступниками.

На связь обвиняемого с событием преступления могут указывать и следы крови, обнаруженные на самом обвиняемом (его теле, одежде, принадлежащих ему вещах). При этом решающее значение приобретает, естественно, исследование механизма образования следов крови. Наличие, характер и расположение следов крови могут указывать на борьбу обвиняемого с жертвой, характер преступления (разбой, изнасилование) и другие обстоятельства. В этих условиях тот факт, что обнаруженная кровь может принадлежать самому обвиняемому, не исключает, а подтверждает его связь с расследуемым событием.

3.5. Установление источника происхождения сравниваемых объектов

Последовательное сужение группы объектов (объема вещества), к которой относятся сравниваемые отображения, позволяет в ряде случаев выделить единичный объект, являющийся источником их происхождения.

Выделение вывода об источнике происхождения в качестве самостоятельной категории выводов является обоснованным только в том случае, если указывается на его отличие от вывода о родовом тождестве. Такое отличие состоит в том, что в отличие от вывода о родовом тождестве, содержащем информацию о более или менее широкой классификационной группе, вывод об источнике содержит информацию о единичном материальном объекте.

Некоторые авторы относят к источнику происхождения и единичные объекты, и их группы. Так, например, В.С.Митричев относит к источнику происхождения и единичные объекты (конкретная автомашина, разбитые стекла которой остались на месте происшествия, конкретное предприятие, выпускавшее сравниваемые образцы ткани, и т.д.), и классификационные группы объектов (автомобили марки ЗИС-110, оловянно-свинцовый припой марки ПОС-60, дробь охотничья твердая № 5 ГОСТ 7837-55 и т.д.) [см. 208, стр. 104-120].

С такой широкой трактовкой источника происхождения вряд ли можно согласиться.

Основанием для выделения выводов об источнике является специфика их оценки и использования в процессе доказывания. Последняя же определяется в первую очередь тем, приводит ли индивидуализация к выделению единичного материального объекта, связанного с расследуемым событием, или нет. Если идентифицируемый объект представляет класс исходной совокупности объектов, налицо обычный вывод о родовом тождестве, оценка и исследование которого рассмотрены выше. Если же в результате последовательного сужения устанавливается единичный материальный объект, связанный с расследуемым событием, налицо вывод, отражающий качественно отличную ступень индивидуализации. Особенности оценки и использования такого вывода на следствии и в суде нуждаются в самостоятельном рассмотрении, а сам вывод целесообразно выделить в качестве самостоятельной категории выводов. Следует при этом подчеркнуть, что как вывод о родовом тождестве, так и вывод об источнике происхождения могут отражать различные уровни, различные результаты одного и того же идентификационного исследования.

Так, при сравнительном исследовании осколков стекла, изъятых с места наезда и с задержанной автомашины, может быть последовательно установлена:

а) принадлежность сравниваемых стекол к фарному стеклу;

б) принадлежность их к фарным рассеивателям определенного типа;

в) принадлежность сравниваемых стекол к одной плавке стекла;

г) единичный пуансон, использованный для изготовления данного экземпляра рассеивателя;

д) единичный фарный рассеиватель.

При этом выводы “а”, “б”, “в” отражают результаты отождествления рода (вида) объектов (объемов вещества), а выводы “г” и “д” - результаты отождествления единичных объектов - источников происхождения сравниваемых вещественных доказательств. Различие выводов о родовом тождестве и источнике происхождения особенно отчетливо сказывается в ходе их оценки и использования на следствии и в суде.

В случаях родовой идентификации искомый объект всегда находится внутри установленной классификационной группы. Так, если устанавливается тождество вида, системы модели, марки, сорта и т.д. сравниваемых объектов, искомый объект отыскивается внутри установленных классификационных групп, например автомашин марки ГАЗ-51, пистолетов АПС, лиц с кровью группы A_1B, растений вида “хвощ болотный” и т.д.

Искомый объект устанавливается как индивид, член классификационной группы. Переход от идентифицированного объекта (рода, вида) к искомому в этих случаях всегда есть переход от общего к единичному. Иное направление получает доказывание при установлении источника происхождения сравниваемых объектов.

Установление искомого объекта в этих случаях не связано с переходом от общего к единичному, от группы или совокупности - к индивидам, ее составляющим. Поскольку источник происхождения определяется как единичный материальный объект, его дальнейшей индивидуализации не требуется, прослеживается лишь связь этого объекта с расследуемым событием. Таковы, например, случаи установления, конкретного предприятия-изготовителя, цеха, машины как источников изделий, выпущенных указанными производственными звеньями.

Соотношение выводов о групповом тождестве и единичном источнике происхождения сравниваемых вещественных доказательств можно проследить на примере следующего дела.

В связи с обнаружением трупа гр-ки Дуровой в ее доме расследовалась версия об убийстве ее бывшим зятем Лозенко, с которым она находилась в неприязненных отношениях.

На месте обнаружения трупа были найдены ярлык от галстука “Регат” и три окурка папирос “Дружба” киевской фабрики. При обыске у Лозенко нашли три пачки папирос “Дружба” киевской фабрики и новый галстук “Регат” без ярлыка. У Лозенко отобрали образцы окурков.

По делу проводился ряд идентификационных исследований.

Товароведческая экспертиза установила, что ярлык, найденный на месте происшествия, относится к галстуку такого же артикула, что и галстук, изъятый у Лозенко. Это был вывод о родовом тождестве искомого и проверяемого

галстуков. При предъявлении ярлыка продавцу магазина он показал, что цена на ярлыке написана лично им[1] и что галстук Лозенко купил в его магазине. Индивидуализация почерка в ярлыке, опознание галстука продавцом - все это указывало на происхождение сравниваемых объектов из одного и того же магазина. Вывод об источнике имел большое значение по сравнению с выводом о принадлежности сравниваемых галстуков к одному и тому же артикулу, поскольку охватывал значительно меньшее число объектов.

Биологическая экспертиза, проведенная по делу, установила совпадение группы слюны на окурках, изъятых с места преступления и полученных у Лозенко. Это был вывод о групповом тождестве. Его дополняло заключение о совпадении в способе курения, проявившееся в следах на окурках. Последнее индивидуализировало личность курильщика, указывало на возможность происхождения сравниваемых окурков от одного и того же лица.

Виновность Лозенко в убийстве Дуровой была доказана [469, стр. 124-129].

Выводы о единичном источнике в обоих описанных случаях исследования выступали как углубление, детализация выводов эксперта о родовом тождестве, ведущие к установлению единичного лица, связанного с расследуемым событием.

Правильная оценка и успешное использование экспертного заключения об источнике происхождения возможны лишь при условии четкого разграничения экспертных и следственных методов установления источника происхождения.

Задача эксперта состоит в том, чтобы путем исследования сравниваемых вещественных доказательств выявить в них такую неповторимую в других объектах данного рода совокупность идентификационных свойств, которая указывает на единичный материальный объект, связанный с расследуемым событием. Основываясь на своих специальных познаниях, методике и технике такого вида исследований, эксперт выявляет свойства источника и дает им идентификационную оценку. Так, эксперт может использовать общенаучные и технические классификации, специальные приемы классификации и дифференциации сравниваемых объектов, исследовать генезис сравниваемых объектов и их признаков, взаимосвязь признаков, применить статистические приемы оценки признаков и т.д.

Вывод об источнике эксперт может облечь в форму вывода:

1) об общем источнике происхождения;

[1] Этот факт должен был быть проверен посредством криминалистической экспертизы.

2) о конкретном источнике происхождения;

3) о физической возможности происхождения сравниваемых объектов из одного источника[1].

Вопрос об основаниях указанных выводов нуждается в специальном обсуждении.

Вывод об общем источнике происхождения рекомендуется делать эксперту в том случае, когда обнаруживается, что сравниваемые объекты относятся к одному и тому же единичному источнику, установить который экспертным путем не представляется возможным. Тем самым фиксируется достигнутый экспертизой глубокий уровень индивидуализации идентифицируемого объекта, но вместе с тем подчеркивается, что для его физического выделения требуется производство следственно-судебных действий.

Так, путем исследования дроби, изъятой с места происшествия и у обвиняемого, может быть установлено, что они составляют части одного и того же объема дроби, состав которого является специфичным в силу случайного сочетания входящих в него номеров заводской дроби, способов изготовления кустарной дроби, химического состава плавок металла и использованного для них сырья, посторонних примесей и других признаков. При этом, однако, экспертным путем не может быть установлено, что указанные признаки являются специфическими именно для того объема дроби, который обнаружен у обвиняемого (например, 300 граммов хранящейся в мешочке дроби). Вывод об общем источнике не исключает, что установленный комплекс признаков может повториться в других образцах. Так, навески дроби, приобретенные различными охотниками у одного и того же кустаря, изготовившего исходный объем дроби, могут иметь одни и те же специфические признаки, установленные при производстве экспертизы.

Аналогичное значение имеет вывод об общем источнике происхождения частичек покраски, обнаруженной на месте преступления, и покраски задержанной автомашины, подвергнутой недавнему ремонту в мастерской автосервиса; зерна, изъятого у обвиняемого, и зерна, хранящегося в кладовой потерпевшего, из которой совершена кража, и недавно полученного из оптового склада; металла, из которого изготовлены обнаруженные денежные знаки, и куска сплава, найденного у обвиняемого и полученного им от третьего лица. Общим для всех указанных ситуаций является то обстоятельство, что расследованием не установлен конкретный проверяемый источник, в силу чего на

[1] Приведенные формы выводов об источнике происхождения бьии предложены В. С. Митричевым [см. 202, стр. 118].

экспертизу не могут быть представлены индивидуализирующие его репрезентативные образцы для сравнительного исследования. Вместе с тем посредством экспертизы достигнут глубокий уровень индивидуализации. Поэтому вывод об общем источнике устанавливает происхождение сравниваемых объектов из одного и того же источника, но не устанавливает самого этого источника и не исключает возможность повторения установленного специфического комплекса его признаков в других объектах, происходящих из этого же источника.

7 февраля на Смоленском кладбище был найден чемодан с частями конечностей и внутренними органами человека. Части трупа были переложены бумагой, в том числе пятью неразрезанными типографскими листами книги “Общая геотектоника”, включающими страницы 17-32. На одном листе был указан номер заказа - 3644.

В связи с заявлением о безвестном отсутствии гражданки Шумилиной на ее квартире произвели тщательный осмотр и обыск Наряду со следами подозрительными на кровь, в квартире оказалось большое количество листов книги “Общая геотектоника” (заказ № 3644, страницы 17-32). Эта бумага лежала на столах, шкафу, ею была оклеена часть стены, из нее сделан абажур небольшой лампы.

Листы, которыми были переложены части трупа, и листы, найденные на квартире Шумилиной, занимаемой ее сыном - Костевым, подвергли криминалистической экспертизе. Последняя установила совпадение сравниваемых объектов по особенностям типографского набора, качеству бумажной массы и содержанию текста.

Установленные осмотром и экспертизой признаки совпадения указывали на общий источник происхождения сравниваемых вещественных доказательств.

Расследованием было установлено, что убийство Шумилиной совершено ее сыном Костевым на бытовой почве.

Вывод о конкретном источнике происхождения устанавливает единичный материальный объект, образцы которого представлены на экспертизу для сравнительного исследования. Возможность повторения установленного экспертом комплекса идентификационных признаков в другом объекте в этом случае исключается.

Так, путем исследования сравниваемых кусков ткани, бритвенных лезвий, пуговиц, карандашей, красок, ножей, предметов одежды, обуви и т.д. может быть установлено, что они изготовлены на конкретной фабрике, в конкретной артели, цеху или на ином предприятии; путем исследования таких изделий может быть установлена конкретная машина (или ее детали), на которой

производилось изготовление таких изделий; путем исследования денежных знаков, обнаруженных в различных местах, и клише, обнаруженного у обвиняемого, может быть установлено, что все денежные знаки изготовлены одним и тем же способом с данного клише, и т.д. Вывод о конкретном источнике указывает на единичный объект, связанный с расследуемым событием. При этом установленный экспертом комплекс идентификационных признаков неповторим в других объектах того же рода.

На месте обнаружения трупа 23 мая в Кастовском лесоучастке Мантуровского леспромхоза на месте лесного пожара обнаружили обгоревший труп женщины, оказавшейся бухгалтером Красиной. Недалеко от трупа валялись клочки закопченной газетной бумаги, использованной, очевидно, в качестве пыжа.

При обыске у подозреваемого в убийстве Потанова нашли свежевычищенное охотничье ружье и пять заряженных патронов, пыжи в которых оказались из газет.

Пыж, обнаруженный в 1,5 метрах от трупа, и пыж, изъятый из патрона Потанова, оказались, по заключению эксперта, частями первой и второй страниц газеты “Известия” № 146 от 21 июня и ранее составляли одно целое.

К этому же экземпляру газеты принадлежали пыжи, найденные на других участках места происшествия. Таким образом, был установлен конкретный источник происхождения исследуемых пыжей, связанный с действиями Потанова. Интересна позиция, занятая в связи с этим заключением обвиняемым. Не отрицая того, что на месте преступления обнаружены пыжи от его патронов, он заявил, что эти пыжи были подброшены на место происшествия следователем. При этом обвиняемый указал место, где им ранее производились выстрелы в щит и такие пыжи могли быть подобраны. С указанного места также были изъяты пыжи и дробь. Последнюю подвергли сравнительному исследованию с дробью, изъятой из трупа[1]. В результате было установлено ее совпадение по номеру и химическому составу.

Вывод о конкретном источнике происхождения сравниваемых пыжей, связанном с действиями Потанова, оказался при расследовании данного дела решающим изобличающим доказательством. Виновность Потанова в убийстве и последующем поджоге трупа с целью его уничтожения была доказана [469, стр. 87-100].

Вывод о конкретном источнике может быть сделан экспертом в безусловной форме только относительно неделимых идентифицируемых объек-

[1]В патронах, найденных при обыске в доме Потанова, оказалась не дробь, а пули.

тов: лиц, животных, предметов, агрегатов и т.п. Если в качестве идентифицируемого объекта выступает вещество или тело, не имеющие устойчивых пространственных границ (газы, жидкости, сыпучие тела), экспертное установление конкретного источника происхождения оказывается невозможным. Поскольку указанные тела обладают свойством делимости, присущий им комплекс свойств может быть воспроизведен в числе раз, соответствующем числу делений. “Было бы неправильно, - указывает по этому поводу Н.А.Селиванов, - отождествлению такой массы придавать значение индивидуальной идентификации, понимаемой в смысле установления тождества индивидуально-определенного предмета или живого существа. Нельзя не видеть принципиального различия между индивидуально-определенным предметом и массой вещества, характеризуемой “индивидуальным” комплексом внутренних признаков” [308, стр. 375]. Вопрос о том, подвергался ли делению установленный экспертным путем общий источник, и если да, то в какой мере и как территориально распределены члены деления, может быть решен только путем проведения следственных действий.

В случае выраженной специфичности установленной экспертом совокупности идентификационных свойств источника заключение о его индивидуальном тождестве может быть дано в условной форме (при условии, если следственным путем будет установлена неделимость источника в идентификации).

Представляет интерес вопрос о допустимости вывода о физической возможности происхождения сравниваемых объектов из одного и того же или конкретного источника. Такая форма вывода рекомендована В.С.Митричевым для случаев, когда установленный экспертом комплекс признаков недостаточен для утверждения о его принадлежности единичному объекту. В то же время данный комплекс является более специфичным, чем круг признаков, характеризующих любую узкую классификационную группу (вид, сорт, артикул, марку и т.д.).

Так, в практике работы лаборатории судебной экспертизы имел место случай сравнительного исследования песка, изъятого с места преступления и обнаруженного на одежде подозреваемого. При этом были установлены одинаковый состав песка и наличие характерных примесей, оказавшихся синькой.

Вывод о физической возможности необходимо отграничивать от вероятных выводов о тождестве. Выводы в форме суждений о возможности могут быть даны экспертом только тогда, когда им установлена физическая (техническая) возможность того или иного действия, события, явления при определенных условиях (самовозгорание промасленной ветоши, выстрел без нажатия на спусковой крючок, предотвращение наезда и т.п.).

В идентификационных исследованиях решаются вопросы о наличии

конкретного факта в прошлом, а не о его физической возможности. Например, следователя и суд интересует не то, могла ли одежда обвиняемого войти в контакт с участком местности, где совершено насилие (такая возможность имеется у любой одежды), а была ли она фактически в таком контакте. Поэтому в идентификационных исследованиях выводы о физической возможности принципиально недопустимы. Об этом справедливо отмечалось в криминалистической литературе [см. 228].

В зависимости от состава, свойств, входящих в установленную экспертом идентификационную совокупность в приведенных ситуациях должен быть сделан вывод о групповом тождестве или вероятный вывод о тождестве конкретного источника.

Рассмотрим возможности использования рассмотренных выводов в процессе доказывания.

Если установлен конкретный источник происхождения, основная задача доказывания состоит в изучении связи данного источника с расследуемым событием, его места и роли в обстоятельствах конкретного дела. При этом необходимо различать две категории случаев: а) когда источник связан с расследуемым событием непосредственно, например когда по частичкам грунта на одежде и обуви задержанного устанавливается место, где было совершено изнасилование, и б) когда с расследуемым событием связаны отображения, проявления, продукция установленного источника, например установлено предприятие, на котором изготовлены бритвенные лезвия, одно из которых обнаружено на месте преступления, а другое - у подозреваемого. В первом случае (“а”) вывод об источнике равноценен обычному выводу о единичном искомом объекте. Во втором - выводу о групповом тождестве, причем значение последнего определяется объемом установленной группы объектов.

При установлении общего источника происхождения задача следователя и суда осложняется. Она состоит в собирании и оценке данных, позволяющих выявить конкретный источник происхождения сравниваемых объектов и определить его объем. Так, в процессе расследования в одном случае может быть установлено, что установленный экспертизой специфический объем дроби изготовлен обвиняемым накануне расследуемого события и мог быть использован только для снаряжения патронов, которыми производилась стрельба на месте происшествия. В другом случае может оказаться, что установленный объем дроби образовался в местном магазине в результате смешения различных партий поступавшей туда задолго до расследуемого события дроби и что данную дробь приобрели многие охотники района.

Основным методом конкретизации источника происхождения в условиях доказывания является исследование условий распространения объектов,

составляющих данный общий источник, и механизма отражения идентификационных признаков. Как и при использовании других заключений о тождестве, значение вывода эксперта об источнике происхождения определяется специфичностью установленного им комплекса идентификационных признаков, возможностью повторения данного комплекса в других объектах данного рода и объемом объектов данного рода. Распределение объектов, относящихся к данному источнику, в условиях места и времени расследуемого события устанавливается путем проведения обычных следственных и судебных действий.

Так, если установлено, что сравниваемые карандаши изготовлены на Славянской фабрике и относятся к набору “Искусство”, путем наведения справок в органах торговли может быть выяснено распространение таких карандашей в данной местности: поступали ли в продажу, в какие торговые точки, в каком объеме реализованы и т.п.

В зависимости от полученных данных установленный комплекс идентификационных признаков может оцениваться в данных конкретных условиях как редкий, специфический или, напротив, часто встречающийся, неспецифический. Если установлено, что для изготовления сравниваемых объемов дроби “сечки” применялся один и тот же режущий инструмент, путем допросов, осмотров и экспертизы может быть установлен конкретный источник сравниваемой дроби и его объем. Таким источником может оказаться небольшая навеска дроби, изготовленная самим обвиняемым специально для совершения преступления, или сравнительно больший объем дроби, изготовленный другим лицом для ограниченного круга охотников. Аналогичным образом может исследоваться распределение относящихся к определенному источнику предметов одежды, тканей, зерна, краски, пищевых продуктов и других вещественных доказательств.

Наряду с распределением объектов данного источника, следственным путем может исследоваться происхождение отдельных идентификационных признаков, обнаруженных экспертом. При этом может быть выявлена причинная связь установленных признаков с действиями обвиняемого или установлен конкретный источник происхождения сравниваемых объектов. Так, наслоения постороннего металла на поверхности кустарно изготовленной дроби “катанки” могут оказаться следствием раскатки дроби на имеющихся в доме обвиняемого металлических предметах; примесь мела в крахмальном клейстере может оказаться результатом разведения клея в банке, где хранилась побелка, своеобразное расположение перегибов на сравниваемых листах бумаги - результатом использования тетради, из которой они вырваны, не по назначению и т.д.

Как видно из сказанного, вывод об общем источнике происхождения представляет по существу разновидность вывода о родовом (групповом) тождестве, на который должны быть распространены все относящиеся к этому классу выводов требования. Его специфика состоит в выделении наиболее узких групп идентифицируемых объектов и углублении индивидуализации за счет использования отдельных индивидуальных свойств единичного источника. Это и составляет специфику выводов о групповом тождестве. В заключении эксперта должны быть указаны объем установленных узких групп и встречаемость индивидуализирующих свойств.

На месте убийства Трофимчука был найден носовой платок, оброненный преступником. В результате обыска в доме подозреваемого были изъяты носовые платки, представленные на сравнительное исследование. Эксперты установили, что платки изготовлены из хлопчатобумажной ткани типа полотенечных и принадлежат к пестротканым платкам одного артикула. Одновременно в платках были обнаружены специфические дефекты ткачества - разрывы уточной нити, обусловленные неисправностью ткацкого бесчелночного станка. В совокупности с другими данными о технологии ткачества и крашения эти свойства обосновывали вывод об общем источнике происхождения исследуемых платков, равноценный выводу о групповом тождестве [442].

Рис. 2. Классификация выводов о тождестве.

Вместе с тем установление источника происхождения вещественных доказательств представляет такую задачу доказывания, где особенно тесно

должны сочетаться научно-технические, экспертные методы и методы доказывания, используемые следователем и судом. При этом сама экспертиза наглядно выступает как одно из средств доказывания, установления существенных обстоятельств дела.

Указывая на тесную связь и сочетание экспертных и следственных методов при установлении источника происхождения, необходимо вместе с тем четко разграничивать предмет и методы исследования, используемые экспертом, с одной стороны, следователем и судом - с другой. Смешение их функций и методов может отрицательно отразиться как на работе следователя, так и эксперта. Эксперт определяет источник происхождения как идентифицируемый объект на основе информации, полученной им научно-техническими методами из сравниваемых отображений - вещественных доказательств. При этом правильная оценка установленных свойств невозможна при отсутствии специальных данных об их происхождении и распределении. Данные о конкретной технологии производства сравниваемых изделий, специализации и кооперировании производства, поточных и автоматических линиях, условиях поставки сырья и полуфабрикатов, условиях хранения и транспортировки продукции и др. могут оказаться необходимыми при разрешении вопроса о конкретном источнике происхождения сравниваемых вещественных доказательств.

Так, путем исследования подошв фасона “ЗА” может быть установлен источник их происхождения. Таким источником, однако, будет не фабрика, где изготовлена данная обувь, а комбинаты, производящие подошвы. При этом следует учитывать, что на одну и ту же фабрику поступают подошвы разных комбинатов [см. 191, стр. 133-146].

Другой пример. Идентификация машины, на которой изготовлены сравниваемые папиросы (сигареты), может указывать на то, что они находились в одной пачке. Различие же машин еще не доказывает противного, так как в пачечно-укладывательный автомат поступают папиросы с 10 машин.

Установление источника происхождения как идентифицируемого объекта целиком относится к компетенции эксперта, поскольку такое установление требует специальных познаний.

На месте поджога была обнаружена обгоревшая вата с пучком соломы. У подозреваемого Селютина обнаружили старое важное одеяло, в котором имелись повреждения ткани. Из этих повреждений были изъяты образцы для сравнительного исследования. В результате комплексного исследования было выявлено совпадение по ряду специфических включений: кусочков ткани, ниток, растительных остатков. Эксперты сделали вывод о единичном источнике происхождения сравниваемых объектов [116, стр. 19].

Эксперт должен разрешить поставленный перед ним вопрос не на основании изучения обстоятельств конкретного уголовного дела, что является задачей следователя и суда, а на основе своих специальных познаний и информации, полученной им при исследовании вещественных доказательств. В противном случае заключение эксперта утрачивает характер судебного доказательства.

В свою очередь следователь и суд должны правильно оценить и использовать вывод эксперта. Задача следователя и суда состоит в исследовании источника происхождения сравниваемых объектов под углом зрения установления искомого объекта. Это означает, что следователь и суд, используя обычные методы доказывания, прослеживают связи установленного источника с другими предметами и лицами, проходящими по уголовному делу. Тем самым определяется роль и место источника в расследуемом событии.

Если конкретный источник экспертизой не установлен, а установлен лишь общий источник, следователь и суд используют находящиеся в их распоряжении средства доказывания для установления конкретного источника.

Следователь и суд устанавливают, подвергался ли общий источник делению, как распределены объекты, относящиеся к этому источнику на территории, охватываемой расследованием, каков механизм формирования и отражения идентификационных свойств, а также другие обстоятельства, влияющие на оценку вывода эксперта. При этом следует руководствоваться требованиями, предъявляемыми к формулированию и оценке выводов о родовом (групповом) тождестве.

IV. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИФИЦИРУЕМОГО ОБЪЕКТА

4.1. Принципы и формы индивидуализации. Ситуации доказывания

Основное содержание доказывания тождества состоит в выделении единичного объекта, связанного с расследуемым событием, из исходной неопределенно широкой совокупности объектов. Переход от неопределенно широкой совокупности объектов к их относительно узким группам и от них к единичному объекту представляет проблему индивидуализации.

Проблема индивидуализации актуальна для эксперта, осуществляющего идентификацию, а также для следователя и суда, оценивающих заключение эксперта и использующих его в доказывании. Анализ процесса индивидуализации предполагает в первую очередь рассмотрение стадий этого процесса, имеющих различную познавательную ценность и доказательственное значение. При этом выделение единичного объекта (конечная цель индивидуализации) должно рассматриваться как итог исследования, результат ряда промежуточных по уровню стадий индивидуализации.

Наибольший интерес представляет, естественно, выделение единичного объекта, позволяющее проследить его связь с расследуемым событием с точки зрения предмета доказывания. В то же время, нельзя отрицать роли промежуточных стадий индивидуализации, значение которых в доказывании тем выше, чем ближе они к выделению искомого объекта.

Методологической основой индивидуализации является связь случайного и необходимого, прослеживаемая материалистической диалектикой. В любом предмете, явлении могут быть выделены свойства необходимые и случайные. Первые обусловлены внутренними, существенными, определяющими связями данного предмета и явления, выражают закономерный результат его развития. Вторые вызваны всякого рода внешними, несущественными факторами. Необходимость действует и проявляет себя в определенной массе предметов и явлений, возникновение и развитие которых подчинено одной и той же закономерности (тип, род, вид, сорт, система и т.д.). Вместе с тем необходимые свойства являются определяющими для каждого единичного предмета и явления, входящего в данную совокупность объектов.

В отличие от необходимости случайность действует и проявляет себя в индивидуальном, единичном. Единичный предмет подвержен всякого рода несущественным отклонениям, мутациям, вариациям. Совокупность последних и формирует индивидуальное “лицо” всякого единичного предмета и явления, круг тех свойств и признаков, по которым данный единичный предмет (объект) можно выделить, отличить от всех других однородных и сходных с ним объектов.

Связь случайного и индивидуального отмечал в свое время Энгельс Ф. Ссылаясь на Дарвина, он писал о том, что существуют “бесконечные случайные различия индивидов внутри отдельных видов [190, стр. 535] и (в примере со стручком гороха) что, наряду с необходимыми, каждый предмет “имеет еще бесчисленные другие индивидуальные свойства, являющиеся случайными: оттенок цвета, толщину и твердость оболочки, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу” [там же, стр. 534].

Связь случайного и единичного указывает пути практической индивидуализации. Индивидуализировать единичный объект - значит, путем исследования закономерных причин и условий его формирования выделить определенную совокупность случайных свойств. Наибольший интерес представляет рассмотрение методов индивидуализации. Они могут быть подразделены на методы положительной и отрицательной (негативной) индивидуализации.

Первая группа методов связана с накоплением положительной информации, которая позволяет последовательно выделять все более узкие группы объектов и, наконец, устанавливать единичный объект.

Вторая группа методов обеспечивает накопление информации, указывающей на то, какие именно объекты не могут быть в данном случае идентифицируемыми. Сами по себе негативные методы недостаточны для окончательной индивидуализации. Они используются только в сочетании с другими методами.

Завершенная положительная индивидуализация единичного объекта предполагает исключение всякого другого объекта. Отрицательная индивидуализация несет значительно меньший объем информации. Вопрос о предметной индивидуальности идентифицируемого объекта остается при этом открытым. Тот факт, что след на месте происшествия оставлен не данным ботинком, еще не указывает на конкретный экземпляр ботинка. Установление, что пуля, извлеченная из трупа, стреляна не из пистолета системы Стечкина калибра 9 мм, не указывает, из пистолета какой именно системы стреляна данная пуля.

При положительной индивидуализации значение вывода тем выше, чем

уже установленная группа объектов, при отрицательной - значение тем выше, чем шире исключаемая группа объектов. Так, при сравнении пятна на одежде подозреваемого с кровью потерпевшего положительное отождествление будет иметь тем большее значение, чем более специфической по своим видовым, групповым, типовым и региональным свойствам будет отождествляемая кровь. При отрицательном разрешении вопроса значение вывода будет тем выше, чем шире исключаемая группа: группа крови, вид крови, наличие крови, наличие вещества органического происхождения.

Процесс положительной индивидуализации имеет две стороны. Первая состоит в увеличении о б ъ е м а, количества информации об идентифицируемом объекте, вторая связана с ее о ц е н к о й.

Чем больше объем информации об объекте, тем глубже уровень его индивидуализации. Поэтому основное назначение используемых при идентификации физических, химических, биологических и иных научно-технических методов состоит именно в выявлении новых идентификационных свойств исследуемых объектов. Каждое вновь открываемое идентификационное свойство позволяет или дифференцировать сравниваемые объекты, или углубить их индивидуализацию. Комплекс аналитических методов, направленных на детализацию признаков в отображении идентифицируемого объекта, суммирование информации, содержащейся в различных отображениях, - все это ведет к увеличению объема информации об объекте.

Выявление новых свойств объекта само по себе еще недостаточно для индивидуализации, их надо правильно оценить. В связи с этим разработан ряд оценочных методов, которые применяются судом, следователем, экспертом при установлении доказательственных фактов. К оценочным можно отнести, например, методы классификации и систематизации исследуемых объектов и признаков, методы исследования условий возникновения и механизма отражения идентификационных признаков, методы выявления взаимосвязи признаков, статистические и иные методы.

Широкое проникновение математических приемов в сферу идентификации заставляет рассмотреть вопрос о соотношении количественных и качественных методов индивидуализации. В среде криминалистов выявился двоякий подход к использованию математических методов. Одна группа исходит из отрицания или ограниченного значения количественных методов индивидуализации, другая, напротив, считает правомерным не только использование этих методов, но и создание строгой математической теории идентификации. Поскольку всякий объект идентификации представляет определенное единство качественной и количественной стороны, то в единстве должны применяться как качественные, так и количественные методы идентификации. Их

противопоставление также неправильно, как и односторонняя ориентация на какую-либо одну из этих групп методов. Значение количественных методов идентификации определяется тем, что они, в конечном счете, являются средствами познания наиболее существенного качества исследуемого объекта - его индивидуальности. Количественным путем могут быть выражены многие качественные признаки исследуемых объектов: цвет, состав, форма, кривизна и др. [250, стр. 111]. Количественным путем можно измерить ценность каждого отдельного идентификационного свойства, их совокупности, а также определить критерии их достаточности для вывода о тождестве.

Количественный подход нетрудно выявить и в обычных качественных приемах оценки признаков и объектов. Понятия “редкости” или “частоты” признака, “достаточности” или “недостаточности” их совокупности, лежащие в основе идентификации, даже при чисто качественном их определении всегда имеют в своей основе “несчитанные вероятности”, представляют опирающиеся на опыт и наблюдения эксперта статистические обобщения.

Необходимость количественных методов обнаруживается особенно остро, когда “отказывают” обычные качественные приемы. Классификация, например, обеспечивает переход от максимально широких до минимально узких классификационных единиц (видов, разновидностей, моделей, модификаций и т.п.) только в тех случаях, когда исходное множество объектов характеризуется значительным числом четко определимых классификационных признаков, по которым оно может быть разбито на ряд подмножеств, которые в свою очередь, также могут быть разбиты на подмножества и т.д. (ср., например, дактилоскопические классификации). Однако четкие классификационные признаки имеются в достаточном количестве далеко не у всех объектов идентификации. Значительные затруднения вызывают, например, классификация почерков и некоторых трасологических объектов. Иногда не поддается качественной оценке идентификационное значение особенностей. Так, при исследовании многих признаков почерка, особенностей микрорельефа поверхности, признаков внешности человека и др. часто невозможно проследить причинную цепь явлений, обусловивших появление данных особенностей и характеризующих их своеобразие или редкость. В этих случаях подсчет частоты встречаемости, выявление статистических закономерностей оказываются незаменимыми методами идентификации. Показательно, что статистические методы были применены впервые именно для оценки признаков почерка, где особенно сложно выявить каузальные отношения свойств. Отношения случайного и необходимого, родового и индивидуального исследуются в этих случаях на основе закона больших чисел. Последний является одним из выраже-

ний диалектической связи между случайностью и необходимостью. Он составляет принципиальную основу применения математико-статистических методов к изучению закономерностей массовых явлений [87, стр. 104].

Вместе с тем нельзя не отметить недостаточность чисто количественных методов идентификации и необходимость их сочетания с качественными. Такая необходимость выявляется уже при определении идентификационных свойств и признаков. Выделение существенных свойств, характеризующих ту или иную материальную структуру, невозможно без качественного подхода, изучения закономерностей формирования и развития этой структуры. Примером могут служить законы физиологии при анализе формирования и развития почерка, требования технологии изготовления и эксплуатации оружия, пишущих машин и др. объектов. Необходимость качественного подхода проявляется в процессе дифференциации сравниваемых объектов, которая представляет, в первую очередь, разграничение качеств. Следует, наконец, сказать, что переход от математической вероятности тождества, обеспечиваемой статистическими методами, к достоверному установлению тождества также предполагает обязательное применение качественных методов, ибо сам такой переход есть переход из одного качественного состояния знания в другое.

В заключение остановимся на роли эмпирических методов индивидуализации. В теории идентификации общепризнана роль опыта и наблюдений эксперта как критерия оценки идентификационных признаков. И при наличии разработанной системы научных методов индивидуализации эмпирический критерий, в обобщенном виде выражающий опыт эксперта, не может потерять своего значения. Так, например, опыт показывает, что одним из эффективных методов индивидуализации в трасологии является детализация признаков внешнего строения. Переход от общих к частным признакам позволяет выявить новые особенности размеров форм, направлений, угловых величин и ведет, таким образом, к увеличению объема идентификационных признаков [127, стр. 9]. В дактилоскопии рассматривается такая особенность папиллярного узора, как “вилы”, направленные вправо, и “вилы”, направленные влево. Обращение к деталям их строения позволяет выделить ряд новых особенностей: форму схождения папиллярных линий (угловатую, закругленную, величину угла вхождения), вид схождения (боковой, серединный), расположение боковой линии (выше, ниже, правее, левее) [76, стр. 49].

Детализация затрагивает и оценочную сторону индивидуализации. Наблюдения и интуитивные соображения подсказывают, что более мелкий рельеф является в то же время более редким, поскольку в его формировании участвует множество случайных факторов. Так, если макроскопические (общие и частные) формы и размеры изделия задаются техническими условиями

и находятся под постоянным контролем изготовителя, то микроструктура поверхности обусловлена множеством случайных факторов, не поддающихся контролю: неоднородностью обрабатываемого материала, состоянием инструмента, вибрацией станка, напряжением в электрической сети, ручной доводкой и т.п.

Обращая внимание на указанные стороны детализации, Б.И.Шевченко пишет: “Идя по пути от всей совокупности объектов к одному, индивидуально-определенному, мы видим самое важное в том, что этот процесс связан с обращением к все более и более мелкому рельефу” [368, стр. 46]. Наблюдения показывают, что однородность структуры, ее упорядоченность является проявлением закономерности и может служить основанием для обобщения, генерализации однородных структур. Напротив, неоднородность, неупорядоченность структуры является проявлением случайности и может служить основанием для дифференциации и индивидуализации. Так, однородная (например, гладкая) поверхность, однородный состав вещества (например, химически чистые вещества), однородный состав движений и т.д. не дают оснований для дифференциации и индивидуализации. Напротив, неровная поверхность, наличие различных включений и примесей в составе, различный состав движений дают основания для выделения ряда индивидуализирующих особенностей.

Однако следует при этом иметь в виду, что правильно чередующаяся неоднородность сама является проявлением закономерности. Так, чередование неоднородностей в строении оказывается закономерным кристаллическим строением, чередование неоднородностей движений при письме - закономерными циклами движений и т.д. Таким образом, исследование случайного, индивидуального может осуществляться только через познание необходимого, закономерного. Говоря об эмпирическом методе, нельзя не отметить, следовательно, его ограниченности и недостаточности. Опыт и наблюдения эксперта и следователя должны сочетаться с исследованием происхождения идентификационных свойств, механизма отражения и их взаимосвязи, применением статистических методов и других приемов научной обработки информации. Так, обращение к одной микроструктуре без должной оценки других признаков не может обеспечить индивидуализации объекта. В микроструктуре объектов так же, как и в макроструктуре, действуют свои закономерности, выражающиеся в особенностях образования молекул, кристаллов, формирования биологической клетки, ткани и т.д. Структура микрообъекта часто служит основанием лишь для классификации (определение вида минерала, вида волокна, вида полимерного материала и т.д.) и группового отождествления [204, 199, 257, 299]. Вместе с тем микроструктура может содержать и достаточный

для индивидуальной идентификации набор свойств. Таковы, например, свойства ДНК человека, уже используемые для установления спорного отцовства и индивидуальной идентификации личности [96, 348, 401, 424].

Конкретная методика индивидуализации, т.е. набор качественных и количественных методов и алгоритм их реализации в доказывании обусловлен наличной следственно-экспертной ситуацией, имеющейся системой фактических данных об искомом объекте, ограничивающей круг проверяемых объектов.

В связи с этим следует различать две типовые идентификационные ситуации, обуславливающие две соответствующие им методики индивидуализации и доказывания тождества.

Первая наиболее часто встречающаяся ситуация доказывания определяется неопределенно широким кругом проверяемых объектов и его качественным определением. Сюда относятся все те случаи, когда индивидуализация искомого объекта начинается с распознавания его природы (яд, кровь, огнестрельное оружие) и классификации (мышьяк, группа АВ, тип М, револьвер системы Смит-Вессон и т.д.).

В этих случаях для выделения единичного объекта из их исходной (генеральной) совокупности осуществляется путем накопления, идентификационных свойств идентифицируемого объекта. При этом мощность совокупности идентификационных свойств должна быть тем больше, чем больше объем исходной совокупности объектов. Иными словами, чем больше множество объектов, в котором должен быть выделен идентифицируемый объект, тем больше должно быть обнаружено идентификационных свойств для его выделения, индивидуализации.

Выделение единичного в рассматриваемой ситуации представляет наибольшие методические трудности, что, с одной стороны, требует накопления большего объема идентификационной информации, а с другой - специальных экспертных знаний, необходимых для оценки неповторимости комплекса выявленных идентификационных свойств.

Вторая относительно реже встречающаяся ситуация доказывания характеризуется наличием количественно определенной совокупности проверяемых объектов. В этой ситуации круг проверяемых объектов численно строго определен обстоятельствами уголовного дела (число охотников в ситуации несчастного случая на охоте, число автомобилей в закрытой зоне и т.п.). Такая ситуация складывается в условиях активного использования оперативно-следственных методов доказывания, в частности, метода ограничения. Специфика доказывания в этой ситуации заключается в том, что искомый объект может

быть установлен методом исключения, который в принципе доступен для любого субъекта доказывания. Однако при этом должны соблюдаться следующие правила доказывания: а) должен быть достоверно установлен (доказан) численно определенный круг проверяемых объектов и б) для исключения должны быть использованы безусловно исключающие идентификационные свойства, к числу которых относятся различия родовидовых свойств и устойчивые индивидуальные различия.

Первое из этих правил реализуется в процессе оперативной и следственной работы.

Второе - требует привлечения специальных познаний. Поэтому, правильное использование предлагаемой методики требует “стыковки”, корректного взаимодействия методов расследования и экспертных методов.

В целом рассматриваемая методика доказывания представляет структуру оптимального взаимодействия следственных и экспертных методов в доказывании тождества.

Рассмотрим специальные методы доказывания тождества в указанных ситуациях.

4.1. Доказывание при количественно-неопределенных совокупностях проверяемых объектов

4.2.1. Классификационные методы

Распространенными методами перехода от неопределенно широких к ограниченным узким группам объектов и от них к индивидам являются классификация и систематизация. Показательны в этом отношении биологические классификации. Современной биологии известно около 20 таксономических (систематических) категорий, позволяющих перейти от наиболее широких классификационных групп (типов) к виду: классы, порядки, отряды, семейства, роды и др.

Систематизация химических элементов осуществляется с помощью Периодической системы элементов Д.И.Менделеева.

Роль классификационных методов в современной науке столь велика, что предпринята попытка создания специальной теории классификации [57, стр. 19]. Помимо общеизвестных формально-логических требований хорошая классификация должна строится на основе естественных свойств классифицируемых объектов и быть удобной в обращении [274, стр. 92].

В классификационных системах, построенных по иерархическому принципу, классификационные связи между объектами вертикальных рядов соответствуют отношениям рода и вида (множества и подмножества). В горизонтальных рядах - отношениям тождества и различия.

Такой принцип построения классификаций делает их эффективным средством распознавания дифференцирования и индивидуализации исследуемых объектов.

В оперативно-следственной и судебной практике классификационные методы могут использоваться для распознавания и розыска искомых объектов (например, определение модели скрывшейся автомашины) или уголовно-правовой квалификации (определение яда или наркотика).

В процессе сравнительного идентификационного исследования классификация является средством индивидуализации. При этом значение полученных выводов тем выше, чем больше они приближают исследователя к единичному искомому объему.

Индивидуализация единичных материальных объектов (лиц, животных, предметов, участков местности и т.п.) в судебно-следственной практике предполагает использование соответствующих естественнонаучных и технических классификаций. Правда, при всем своем значении последние оказываются недостаточными для выделения и индивидуализации единичного материального объекта. Поэтому в криминалистике и специальных отраслях судебной экспертизы разрабатываются специальные классификации объектов и их идентификационных свойств. Так, при идентификации человека по фотокарточке или следам его рук и ног используются различные классификации антропологических, расовых и этнических типов, учение о пропорциях человеческого тела и др. Однако решающее значение при этом остается за специально разработанными в криминалистике классификациями, например, признаков внешности, папиллярных узоров и т.д.

Любые классификации, используемые с целью индивидуализации объектов, должны удовлетворять общим логическим требованиям. В логике под классификацией понимается “распределение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного рода и отличающим их от предметов других родов, при этом каждый класс занимает в получившейся системе определенное постоянное место и в свою очередь делится на подклассы” [138, стр. 149].

Признаки, используемые для определения класса, должны обеспечить в отношении любого предмета разрешение вопроса, относится ли он к данному классу или не относится. В процессе деления соблюдаются общелогические правила деления объема понятия.

В качестве основания деления классифицируемых объектов может использоваться наличие или отсутствие какого-либо существенного признака (дихотомическое деление). Например, в зависимости от присутствия в выделениях человеческого тела агглютиногенов все люди подразделяются в

медицине на “выделителей” и “невыделителей”. В криминалистике при классификации папиллярных узоров они делятся на завитковые и незавитковые, дельтовые и бездельтовые и т.д. Использование приведенного принципа деления имеет значение и при идентификации исследования, особенно на его начальной стадии, когда важна ориентировка в изучаемом материале. Определение наличия или отсутствия признака нередко не требует специальных познаний и лабораторных условий. Отсюда дихотомией можно пользоваться не только при экспертизе, но и при проведении следственного осмотра и других следственных действий.

Следует отметить, что принцип дихотомии облегчает также информационную трактовку классификационных признаков и кибернетическое моделирование криминалистических классификаций. Известно, что в качестве единицы количества информации (“бит”) используется энтропия (неопределенность) события, представляющего две равновероятные ситуации. Элементарную единицу количества информации как раз и представляет классификационный признак, позволяющий отнести объект к одной из двух групп (при условии их равновероятности). Этот принцип также соответствует двоичной системе счисления для кодирования информации, вводимой в электронные логические машины. Все числа при этой системе записываются с помощью только двух цифр - 1 и 0. Такая система удобна для обработки информации в электронных машинах, поскольку элементы кода отражают одно из двух возможных состояний (“да-нет”, “включено-выключено”).

В качестве основания классификации объектов идентификации можно также использовать какой-либо видоизменяющийся, варьирующий признак. В этом случае изучаемое множество предметов разделяется на классы, каждый из которых определяется наличием того или иного видоизменения признака. Примером классификации, использующей видоизменяющийся признак, является Периодическая система элементов Д.И.Менделеева, построенная по величине заряда атомного ядра. В криминалистике по этому принципу построены классификации огнестрельного оружия по калибру, дроби по номеру, обуви по размеру, металлов по маркам, ульнарных петель по числу папиллярных линий между центром и дельтой узора и др.

Деление по видоизменению признака будучи сложнее, чем дихотомическое, дает возможность для более детальной классификации объектов. Чтобы осуществить дихотомическую классификацию, достаточно обнаружить наличие либо отсутствие классификационного признака. Деление по видоизменению признака требует четкого разграничения различных модификаций одного и того же признака, например: числа папиллярных линий между центром и дельтой пальцевого узора, степени выступления нижней части лица, наклона

штрихов рукописи и т.д.

Четкое разграничение осуществляется путем определения родовидовых признаков. В качестве родовидовых обычно используются признаки, выражающие свойства, необходимо присущие определенной группе объектов. Родовидовые свойства живых организмов определяются их происхождением и жизненными функциями. Таковы, например, родовидовые свойства биологических типов, видов и т.д. Родовидовые свойства вещей определяются назначением, условиями изготовления и практического использования вещей. Таковы, например, свойства предметов массового стандартного производства, определяемые ГОСТами или техническими условиями[1].

В качестве родовидовых могут использоваться признаки, выражающие внешнее строение, химический состав или структуру объектов, а также их анатомические и психофизиологические свойства. По признакам внешнего строения (диаметр, профиль шин, рисунок протектора) различают марки автомобильных шин; по химическому составу (качественное и количественное содержание компонентов) - марки свинца, меди, стали и других металлов; по построению (наличие упрощений, вычурных элементов) различают виды почерков и т.д.

Признаки, указываемые в определении рода или вида, должны отличать объекты данного рода или вида от объектов любых других групп данной классификации. При этом, если используется варьирующий признак (размер объекта, количественное содержание примесей в составе вещества и т.п.), то пределы вариаций признака не должны перекрывать характеристики смежных классификационных групп. Если же это условие нарушено, то выделение классификационной группы оказывается невозможным. Так, путем исследования химического состава оказалось невозможным определить плавку и партию металла дроби, изготовленной на Киевском дроболитейном заводе, так как пределы колебаний процентного содержания примесей (висмута, меди, серебра и

[1] Законы РФ “О стандартизации” [см. 428] и “О сертификации продукции и услуг” [см. 429] ввели в стране новую техническую политику в области стандартизации и сертификации товаров. Законодатель отказался от строгого нормирования параметров выпускаемой продукции, сохранив его только по позициям, обеспечивающим безопасность. Последние обеспечиваются государственными стандартами (ГОСТами). Отраслевым стандартам, стандартам предприятий, обществ и техническим условиям придан рекомендательный статус необязательный для производителя.

Такая система нормативного регулирования неизбежно приведет к значительно большему разнообразию параметров выпускаемой продукции, что объективно увеличит возможности ее индивидуализации и установления источника производственного происхождения. В то же время будут размыты типовые характеристики, что вызовет трудности в классификации исследуемых объектов и их отнесению к определенному стандарту [см. также “Общероссийский классификатор продукции”, 432].

сурьмы) в отдельных плавках и партиях продукции оказались перекрывающими друг друга [205, стр. 341].

Итак, определяя классификационную группу, исходят из распределения качественных и количественных характеристик в объектах данной группы. Учитываются также равномерность распределения характеристик (их средние значения), пределы их отклонений от средних значений (дисперсия, допуски) и интервалы, отделяющие данную группу от смежных.

В свете изложенного представляется необходимым рассмотреть особенности и научные основы классификаций, применяемых в идентификации.

А. Специфика классификаций при идентификации определяется задачами установления минимальной группы объектов или объема вещества, позволяющих осуществить переход к единичному материальному объекту. Развитие классификационных методов в идентификации идет в направлении выделения все более и более узких классификационных групп.

Классификация дроби, картечи, пуль к охотничьему оружию в настоящее время не ограничивается их классификацией по внешним признакам, установлением химического состава снаряда и даже установлением марки свинца, из которого он изготовлен. Ставится задача установления источника происхождения исследуемого снаряда (заводизготовитель, плавка, партия продукции). Аналогичная задача ставится при исследовании синтетического волокна, тканей, обуви, папирос, сигарет, пуговиц, бритвенных лезвий, обоев, гвоздей, лаковой кожи и других объектов идентификации.

Максимальная индивидуализация групп объектов и отыскание путей перехода от групп к единичным материальным объектам представляют закономерность развития методов идентификации.

Ценность классификационного признака в идентификационном исследовании обусловлена задачами идентификации и отличается от понятия ценности признака в общенаучных и технических классификациях. В процессе индивидуализации понятие ценности сливается с понятием специфичности классификационного признака для наиболее узкой группы. При этом наиболее существенными и важными оказываются часто признаки, рассматриваемые в других классификациях как не имеющие значения. Так, по ГОСТу 5665-51 для изготовления круглой свинцовой проволоки должен использоваться свинец не ниже марки С3, но какая именно марка - не имеет значения при определении их соответствия ГОСТам. Иначе оценивается существенность признака при идентификационном исследовании. Здесь имеет значение не только выбор предусмотренных ГОСТом вариантов, но и любые, в том числе случайные отклонения от предусмотренной стандартом технологии, поскольку они характеризуют предприятие-изготовитель, партию изделий, машину, на которой

сделаны изделия, и т.п.

В зависимости от объема выделяемой исходной совокупности признаки, оцениваемые в одном случае как существенные, в другом случае становятся несущественными, и наоборот. Так, при сравнении дроби “сечки” с дробью “катанкой” существенными для отнесения дроби к одной классификационной группе будут только химические свойства. Различия же в способе их изготовления не могут рассматриваться как существенные и исключающие возможность их общего происхождения, если одно и то же лицо для снаряжения патронов могло использовать различную по способу изготовления дробь. Если же при сравнении совпадает способ изготовления (например, дробь “сечка” сравнивается с “сечкой”), то это успешно используется для индивидуализации. В ряде таких случаев удается установить, например, не только совпадение способа изготовления, но и конкретное орудие, которым изготовлены (отрублены, отрезаны и т.д.) сравниваемые объемы дроби.

Классификации с целью индивидуализации должны быть отграничены от классификаций, преследующих другие цели, в частности, цели исследования механизма образования отображений. Образцом классификаций последнего типа может служить предложенная Б.И.Шевченко классификация следов в трасологии [367, стр. 18].

Для того чтобы определить основания криминалистической классификации нужно четко представить себе цель данной классификации. Без этого классификация превращается в умозрительное построение, не имеющее четкой методологической и практической функции (см., например, классификацию следов в работе [347, стр. 91]).

Б. В основу идентификационных классификаций могут быть положены только идентификационные признаки и свойства.

При идентификации свойства объекта, отображенного в следе, могут изучаться только по следу (следу на месте происшествия, рукописи клеветнического письма, фотоснимку скрывшегося преступника и т.п.). Это предопределяет выбор основания классификации. Например, в “словесном портрете” особое внимание уделяется классификации признаков лица и головы; в дактилоскопии - признаков рельефа конечных фаланг пальцев; в судебной баллистике - признаков оружия, оставляющих следы на пулях и гильзах и т.д. Если признаки не передаются в отображениях, они не могут быть положены в основу идентификационных классификаций. Каковы возможности использования при идентификации различных научно-технических классификаций? Если в основу научно-технической классификации положены отображаемые в следах признаки, обеспечивающие выделение узких групп, они могут успешно

использоваться для идентификации. Таковы, например, классификации огнестрельного оружия на нарезное и гладкоствольное, обуви по размеру и фасону, типов шин по признакам внешнего строения, растений и животных по видовым и родовым свойствам, типов пишущих машин, различные антропологические классификации и т.д. Интерес представляют также классификации, обусловленные требованиями ГОСТов, технических условий и иных промышленных нормативов. Следует сказать, что требования этих нормативов в ряде случаев существенно нарушаются[1]. При идентификации важно иметь данные о фактическом распределении свойств исследуемых объектов в пределах группы, установленной тем или другим техническим нормативом.

В. При построении криминалистических идентификационных и регистрационных классификаций особое значение приобретает требование р а в н о м е р н о с т и распределения классифицируемых объектов.

Серьезным недостатком ряда регистрационных систем является неравномерное распределение объектов в классификационных подразделениях. Такая неравномерность наблюдается, в частности, в принятой в РФ системе дактилоскопической регистрации. Это затрудняет поиски нужных объектов в картотеке, заставляет разрабатывать субклассификации и приводит к ряду других неудобств.

Как показывают несложные рассуждения, использующие аппарат теории информации, наибольшая равномерность распределения достигается при использовании в качестве классификационных признаков с частотой 1/2, т.е. встречающихся в половине классифицируемых объектов. В этом случае по специальной формуле может быть определено и количество классификационных признаков, необходимых для выделения искомой группы объектов из исходного множества [398, стр. 111-112].

Г. Если научно-технические классификации отсутствуют или не обеспечивают доаточной индивидуализации объекта, обращаются к специальным классификациям, приспособленным к задачам идентификации. К ним относятся классификации идентифицируемых объектов и классификации идентификационных признаков.

В трасологии, например, детально классифицируются следообразующие объекты: папиллярные узоры, орудия взлома, транспортные средства, обувь и т.д.; в судебной баллистике - огнестрельное оружие, дробь, картечь, пули, патроны, порох и т.д.; в судебных химических исследованиях - бумага, ткани, волокна, красители, яды и др. вещества.

[1] Показательны и общеизвестные нарушения технологии производства карандашей, копировальной бумаги, замков, дроби, продовольственных товаров.

Следует отметить, что по значению и объему материала указанные классификации занимают в криминалистике, судебной медицине и др. отраслях, связанных с судебной идентификацией, столь значительное место, что их можно рассматривать в значительной части как науки классификационные.

Д. Особенностью идентификационных исследований является использование в целях индивидуализации объектов вспомогательных (дополнительных, сопутствующих) классификаций.

А) Использование вспомогательных классификаций

В качестве вспомогательных используются обычно классификации объектов, сопутствующих основному идентифицируемому объекту. Так, при классификации систем автомашин по следам протекторов в качестве вспомогательных может использоваться классификация марок автомобильных шин; при классификации систем огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах - классификация типов патронов; при классификации пишущих машин по текстам - классификация типов шрифтов и т.д. Функциональная зависимость основного и сопутствующего идентифицируемых объектов (например, возможность использования данной марки шин на ограниченном круге систем автомашин) используется как идентификационное свойство, существенно ограничивающее исходную совокупность.

Б) Использование классификаций объектов по различным основаниям

Научно-технические классификации обычно строятся по признакам одного и того же порядка. Такова, например, классификация физических тел по их твердости, кристаллическому строению и т.п. признакам; классификация живых организмов по анатомическому строению, физиологическим функциям, образу жизни и т.д. Специфика идентификационных классификаций состоит в том, что они используют всю совокупность свойств, отображаемых в следах, и могут осуществляться по совершенно различным основаниям. Так, при индивидуализации по следам ног используются признаки устройства подошв обуви (технологическая классификация), анатомические признаки ступни (морфологическая классификация), антропологические пропорции (антропометрическая классификация), признаки физиологии ходьбы (физиологическая классификация).

При идентификационном исследовании дробь может классифицироваться как по внешним признакам, так и по ее химическому составу. По внешним признакам может быть определен способ изготовления (самодельная или заводская дробь). Самодельную дробь можно подразделить на литую, сечку и катанку, а заводскую - субклассифицировать по номерам (диаметру). Анализ химического состава дроби, в свою очередь, может дать основание для ряда

классификаций: по целевому назначению сырья, использованного для изготовления дроби (например, свинцовая проволока, аккумуляторный свинец, шрифтолитейные сплавы и т.д.), по виду литья (паточное, башенное), по признакам завода-изготовителя и т.д.

Совокупность идентификационных свойств, выделенных по различным основаниям, обеспечивает отнесение объекта к наиболее узким классификационным группам. Использование всей совокупности свойств делает необходимым применение всей суммы известных науке и технике методов с целью их выявления и оценки. Именно это обстоятельство делает возможным привлечение в целях идентификации предметов и веществ иногда узко специализированных научных и технических методов. При этом предметом одного и того же исследования могут быть различные по своему характеру идентификационные свойства и применяются различные специальные методы и классификации, построенные на различных основаниях (см. например, криминалистическую классификацию волокон Пучковой Т.М. [260]).

Так, например, идентификация бумаги представляет комплексное биологическое (строение волокон бумажной массы), химическое (проклейка, наполнители, подцветка), физическое (физические свойства бумаги), технологическое (водяные знаки, линовка, текст, прессование), трасологическое (линии разрыва, разреза, смятия) исследование.

Комплексный характер имеет также исследование текстильных тканей, упаковочных и строительных материалов, пищевых веществ, боеприсов и других идентифицируемых объектов.

В) Создание натурных коллекций, банков данных и информационно-поисковых систем

Для систематизации процессов классификации издавна используются натурные коллекции растений, минералов, образцов промышленной продукции, огнестрельного оружия и др. объектов. Каждый экземпляр коллекции предметно представляет всю совокупность свойств определенного рода или вида объектов, является его эталоном. Однако, поскольку в каждом предмете родовидовые свойства слиты с индивидуальными, восприятие отдельного экземпляра коллекции не может заменить описания его родовидовых свойств, представляющего научное знание о существенных свойствах всех объектов данного рода или вида.

Вместе с тем натурная коллекция позволяет изучить свойства единичных объектов и представляет большую ценность для криминалистической

идентификации. Именно этим и объясняется распространение натурных коллекций в экспертно-криминалистических учреждениях[1].

Однако при всей своей ценности любые классификации, независимо от того, как они представлены - в форме текстов, таблиц, классификационного древа натурной коллекции и т.д., не дают представления об индивидуальных особенностях объектов внутри того или иного рода (вида), частоте их встречаемости. Для того чтобы получить такую информацию, необходимую для выделения единичного объекта, надо иметь представительную выборку объектов, относящихся к данному таксону. Это приводит к необходимости создания идентификационных банков данных (БД) и автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС), позволяющих получить информацию о роде, виде объекта и частоте встречаемости выделенного идентификационного свойства в исходной совокупности объектов. В настоящее время созданы и функционируют банки данных по волокну, металлам, автомобилям, огнестрельному оружию, боеприпасам [см. 382].

Совершенствование указанных информационных фондов представляет важную перспективу развития методов индивидуализации и доказывания тождества объектов судебной экспертизы.

4.2.2. Генетические методы

Эффективным методом индивидуализации любого объекта является изучение генезиса и отражения его идентификационных свойств. Среди методов индивидуализации могут быть выделены:

– конкретизация идентифицируемого объекта;

– исследование причин и условий формирования идентификационных свойств;

– исследование механизма отражения идентификационных свойств.

А. Конкретизация идентифицируемого объекта

Конкретизация в процессе идентификации выражается прежде всего в определении источника происхождения идентификационных признаков и объекта, индивидуализация которого является задачей исследования. В зависимости от источника происхождения, механизма отражения и объема идентификационных свойств идентифицируемый объект определяется по-разному. Так, при наличии целого растения (с корнем, стеблем, листьями, соцветием)

[1] Так, в криминалистическом институте МВД Чехии создана уникальная коллекция образцов легкого огнестрельного оружия, используемая в судебно-баллистических экспертизах. В системе Минюста РФ развивается комплексная целевая программа создания справочно-информационного фонда образцов промышленной продукции, построенная по отраслевому и региональному признаку.

его отнесение к определенному ботаническому виду не представляет затруднений. Если же имеется часть растения, возможности исследования определяются характером и объемом отображаемых признаков, от которых зависит установление широкой или более узкой ботанической группы. При отсутствии специфических признаков установить видовую принадлежность части растения невозможно. В таких случаях устанавливается лишь род, триба или семейство, т.е. более широкие группы растений. В других же случаях возникает возможность индивидуализировать особь, т.е. единичный материальный объект. Так, совокупность годичных слоев дерева является своеобразной записью индивидуальных свойств данного дерева и летописью переживаемых им угнетений. В силу этого соответствующий комплекс признаков может быть основанием для выделения единичного объекта.

В зависимости от того, как именно определен идентифицируемый объект, различное значение приобретают выявленные в процессе исследования идентификационные признаки, по-разному оценивается их специфичность. Признаки, указывающие на сорт или артикул изделий, оказываются неспецифическими для выделения предприятия-изготовителя и тем более недостаточными для индивидуализации партий таких изделий по признакам времени изготовления, бригады, машины и т.д. Та же зависимость действует и при исследованиях веществ. Признаки специфические, положим, для определения свинца, недостаточны для определения его марки и еще менее достаточны для определения изготовившего его завода, партии продукции и т.д. На необходимость конкретизации индивидуализируемого объекта при идентификации изделий и веществ правильно обращали внимание В.С.Митричев, Н.А.Селиванов, М.Я.Сегай и др. авторы [202, стр. 112-117; 306, стр. 88-92; 293, стр. 6-9].

В ряде случаев идентифицирующие объекты воспроизводят свойства не только непосредственно воздействовавших на них идентифицируемых объектов, но и тех, которые отобразились в идентифицируемых объектах.

С таким механизмом отражения свойств приходится сталкиваться при идентификации литых, штампованных, прессованных, тянутых и иным подобным образом изготовленных изделий. Так, в четком следе мужских штампованных галош артикуло-фасона 110-ММ могут быть выделены признаки, характеризующие конкретный экземпляр галош и конкретный пуансон. Конкретный экземпляр галош индивидуализируют потеки и случайно прилипшие кусочки сырой резины, размещение проставляемого вручную оттиска штампика бригады, замины, образуемые на сырой резине, и др. Конкретный пуансон индивидуализируют особенности рифленого рисунка и маркировочных обозначений, выполняемых на каждом пуансоне вручную.

Следует отметить, что наряду с указанными в следе могут быть выделены более общие признаки, характеризующие группу галош определенного артикула, галошу как разновидности резиновой обуви, резиновую обувь как вид обуви и др.

В зависимости от характера и объема признаков, выявленных в следе, идентифицируемый объект определяется или как единичный экземпляр, или как ограниченная партия галош, изготовленных с помощью данного пуансона. Индивидуализация осуществляется в обратном порядке, т.е. от признаков, характеризующих более широкие группы и заведомо отображенных в следе к признакам более специфическим и труднее обнаруживаемым.

Конкретизация идентифицируемого объекта позволяет правильно определить пределы индивидуализации и оценить значение обнаруженных идентификационных признаков. Конкретизацию идентифицируемого объекта нельзя представлять как одномоментный акт, предшествующий исследованию или завершающий его. Она присуща всему процессу индивидуализации. Итоговое определение идентифицируемого объекта в заключении эксперта характеризует глубину и, следовательно, качество проведенного исследования и должно быть положено в основу его оценки и использования как доказательства.

Б. Исследование причин и условий формирования идентификационных свойств

Исследование причин и условий формирования идентификационных свойств имеет строго очерченные задачи. Это обусловлено необходимостью определить, является ли данное идентификационное свойство случайным или закономерным и, в последнем случае, какой круг объектов (вид, род, тип) оно характеризует.

Познание индивидуального (случайного) основано на исследовании закономерного. Чтобы выявить случайные, а потому и индивидуализирующие данный предмет свойства, нужно отграничить их от свойств, обусловленных закономерностями данного явления.

В случаях исследования биологических объектов выявляются закономерности формирования свойств соответствующих родов, видов, подвидов. При исследовании изделий анализируется технология их производства. Это можно проиллюстрировать сравнительным исследованием кусочков фарного стекла (найденного на месте происшествия и обнаруженного у подозреваемого). Оно связано с трудностями в обнаружении и оценке идентификационных признаков при отсутствии характерной общей линии разлома. Обратившись к условиям производства фарных рассеивателей на стекольных заводах, можно обнаружить ряд индивидуализирующих признаков.

Машина для производства рассеивателей имеет несколько матриц, располагающихся по кругу. Порция стекла скатывается по лотку в матрицу. В результате спрессовывания стекла специальным пуансоном рельеф матрицы отображается на внешней поверхности рассеивателя.

В рельефе матрицы наблюдаются признаки, возникающие при изготовлении любой матрицы данного типа и характеризующих ее макрорельеф (размеры, форма и соотношение частей рельефного рисунка). Вместе с тем каждая матрица подвергается индивидуальной обработке: она шлифуется и полируется, в результате чего ее поверхность приобретает микрорельеф в виде концентрических валиков и бороздок. В формировании микрорельефа участвует большое число случайных факторов: ручная обработка, неоднородность материала матрицы, вибрация инструмента, изменение напряжения в электросети и т.д. В силу этих причин указанный микрорельеф индивидуализирует единичную матрицу.

В формировании особенностей внешнего строения рассеивателя, воспроизводящего рельеф матрицы, также участвует ряд случайных причин. Так, в результате перепада температур матрицы и стекла поверхность последнего быстро охлаждается, на ней образуются наплывы, имеющие вид уступов (дефект именуется “кованностью”).

Исследование условий производства фарных рассеивателей позволяет разграничить признаки, характеризующие тип фарного рассеивателя; партию фарных рассеивателей, изготовленных в данной матрице; единичный фарный рассеиватель. Таким образом, разграничение различных по происхождению признаков рельефа исследуемого объекта является существенным условием и средством его индивидуализации.

Этот же метод используется при индивидуализации и других объектов Исследование технологии производства огнестрельного оружия позволяет дифференцировать в его следах признаки, характеризующие систему и модель, или модификацию оружия и признаки случайного происхождения, характеризующие единичный экземпляр оружия. Изучение производства обуви позволяет дифференцировать в ее следах признаки типа, фасона, размера обуви, конкретного агрегата, сформировавшего подошву, единичный экземпляр готовой обуви. Ознакомление с технологией производства и ремонта автомобильных покрышек дает возможность выделить совокупность признаков, характеризующих серию автопокрышек, изготовленных на определенной пресс-форме, а также индивидуализирующих единичный экземпляр новой покрышки.

При оценке специфичности свойств изделий имеет значение учет требо-

ваний ГОСТа или технических условий и норм, установленных на выпуск соответствующей продукции. ГОСТы (государственные стандарты) устанавливаются на наиболее важные виды промышленной и сельскохозяйственной продукции. ГОСТы определяют типы, виды и марки продукции, ее основные параметры и технические характеристики, физико-механические свойства, химический состав, надежность, требования к материалам, сырью и полуфабрикатам, а также другие характеристики.

В отличие от ГОСТов, утвержденных Правительством РФ или Комитетом стандартов, технические условия и нормы утверждаются ведомствами или отдельными предприятиями и действуют только в пределах этих ведомств и предприятий.

Выявление свойств идентифицируемого изделия, соответствующих ГОСТу или техническому условию, свидетельствует о групповом характере этого свойства и степени его общности. Напротив, обнаружение свойств изделий, непредусмотренных установленными нормативами, является атипичным, индивидуализирует продукцию отдельных предприятий, определенный период их деятельности, продукцию отдельных смен, партий выпуска и производственных звеньев.

Аналогичное значение имеет исследование закономерностей формирования свойств биологических объектов. Так, при идентификации личности по признакам внешности большую роль имеет определение антропологического типа и расы. Всего различают около 30 рас. Под расами понимают исторически сложившиеся группы людей, объединенных общностью происхождения, выражающейся в общности наследственных признаков строения тела [217, стр. 29]. К числу таких признаков относятся цвет кожи, форма волос, степень выступания нижней части лица (ортогнатизм), скул, выступание и ширина носа, толщина губ и др.

Существование антропологических типов отмечается в литературе, требует разработки методов идентификации в пределах таких типов [365, стр. 5-6].

Выделение признаков антропологического типа как групповых признаков определенной степени общности существенно и при обычном качественном подходе к их оценке.

Исследование закономерностей формирования идентификационных свойств актуально и применительно к их частным комплексам. Так, на основе изучения формирования особенностей зубного аппарата у человека в следах его зубов могут быть выделены признаки, свойственные определенным возрастным и профессиональным группам, а также аномалии, патологические признаки, следы лечения, протезов и иные анатомические и функциональные

особенности, характеризующие единичного человека [187].

В почерковедении известен метод индивидуализации почерка в случаях исследования стилизованных рукописей, выполненных чертежными, печатными и прописными знаками путем исследования отклонений признаков почерка от соответствующего стандартного шрифта. Поскольку формирование навыка письма происходит в условиях подражания стандартному шрифту, различные отклонения от стандартного шрифта представляют действия случайных причин, индивидуализирующих навык

В приведенных выше случаях оценка специфичности свойства осуществлялась на основе исследования общих закономерностей формирования свойств исследуемых объектов. Выявив закономерности формирования свойств, определяют, соответствует ли данное свойство установленным групповым характеристикам или оно является атипичным, случайным и потому индивидуализирует единичный объект. Такой путь оценки, идущий от общих закономерностей к конкретным свойствам, может быть назван дедуктивным. Наряду с ним существует и другой подход, когда исследователь ставит своей исходной задачей установление непосредственной причины идентификационного свойства. Затем установленная причина оценивается с точки зрения ее случайности или закономерности. Так, обнаружив в составе исследуемых чернил частички древесины, эксперт приходит к выводу об использовании для приготовления чернил копировального (“химического”) карандаша; примеси казеина в декстриновом клее эксперт объясняет использованием пузырька из-под казеинового клея и т.д. Если обстоятельства такого рода нетипичны для исследуемых объектов, эксперт приходит к выводу о специфичности обнаруженных свойств. Рассматриваемое исследование, тесно связанное построением и проверкой экспертных версий, характерно для индуктивного метода.

Как и в любом научном исследовании, обоснованность выводов обеспечивается тесной взаимосвязью индуктивного и дедуктивного методов. Обычно такая связь выражается в том, что, установив непосредственную причину свойства, эксперт сопоставляет ее с общими закономерностями формирования свойств в исследуемой группе объектов. Такое сопоставление может существенно изменить исходные чисто эмпирические оценки. Так, кожные мозоли, проколы и разрезы кожи могут в ряде случаев рассматриваться не как индивидуальные, а как групповые свойства, присущие лицам определенных профессий (швея, портной, сапожный мастер). Ряд особенностей зубного аппарата является групповым для лиц определенного возраста и профессии. Даже черепно-лицевая травма, резко индивидуализирующая внешность человека, в условиях военного времени становится групповым свойством для многих лиц из числа военнослужащих (например, саперов).

В ряде экспертных исследований установление непосредственных причин идентификационных свойств и их сопоставление с общими закономерностями формирования объектов оказывается либо невозможным, либо затруднительным. Например, при исследовании почерка практически невозможно установить непосредственные причины большинства особенностей двигательного навыка (например, точек начала и окончания движений, места соединения и присоединения штрихов и др.). Объясняется это влиянием разнообразных факторов: условий обучения письму, особенностей зрительного, костно-мышечного и нервного аппарата, наследственной предрасположенности, окружения, непроизвольного подражания и др. Факторы, формирующие письменно-двигательный навык - это сложный “сплав” в значительной мере случайных компонентов, в числе которых выделить определяющие можно лишь в исключительных случаях. Аналогичная ситуация в изучении особенностей мелкого рельефа складывается и в трасологических исследованиях. Выявить непосредственную причину микроскопической неровности, положим, на лезвии ножа или другого инструмента, как правило, невозможно. В связи с этим индуктивно-дедуктивные методы исследования происхождения идентификационных свойств оказываются недостаточными. В этих случаях оценка специфичности идентификационных свойств требует применения статистических методов.

В. Исследование механизма отражения идентификационных свойств

Всякая вещь проявляет и, следовательно, индивидуализирует себя в своем отношении с другими вещами. Такая индивидуализация происходит и при образовании отображений, используемых в целях отождествления. Формирование следа, фотографического снимка, рукописи, промышленного изделия и других идентифицирующих объектов, как процесс, содержит элементы, индивидуализирующие отождествляемый объект. Они могут иметь вид закономерных условий процесса или случайных, привходящих факторов. В зависимости от этого могут быть индивидуализированы группа объектов или единичный объект.

Рассмотрим случаи выявления закономерных условий процесса отражения свойств, позволяющих индивидуализировать роды и виды объектов. При выстрелах из пистолетов системы Токарева образца 1930/1933 года (“ТТ”) на капсюле гильзы образуется след бойка ударника, имеющий форму язычка, обращенного острым концом вверх. Образование этого следа обусловлено отпусканием ствола с гильзой после выстрела вниз. Ударник же под действием боевой пружины курка удерживается при этом в переднем положении. След указанной формы остается также на гильзах, выстрелянных из пистолетов “Vis” и “Кольт-Радом” калибра 9 мм; “Браунинг” образца 1930 г. калибра 9

мм; “Кольт” калибра 7,63 и 9 мм. Рассмотренная особенность, следовательно, свойственна ряду систем пистолетов.

Аналогичная индивидуализация возможна и при исследовании механизма образования следов близкого выстрела. Например, при выстрелах из автомата “ППШ” вокруг входного отверстия образуются центральное пятно копоти, два боковых и одно верхнее пятно. При выстреле из автомата “ППС” образуются, кроме центрального, два боковых пятна. Малокалиберные спортивные винтовки “ТОЗ-8” и “ТОЗ-9” дают отложения копоти лучевой формы, соответственно числу нарезов ствола.

Свойства объекта проявляются по-разному. Изменение условий влечет изменение отражаемых признаков. Указанные изменения (вариации признаков) могут быть специфичными как по степени, так и по устойчивости. Так, изменение силы удара по клавише в одной пишущей машинке повлечет смещение отпечатка литеры вверх от линии строки. В другой машинке при таких же условиях этих изменений не произойдет или произойдет смещение отпечатка в другом направлении или иных пределах. Подвижка колеса на оси транспортного средства повлечет изменение расстояния между следами (ширины колеи), причем пределы этих отклонений могут быть более или менее специфичными.

В целях индивидуализации письменно-двигательного навыка. Л.Г.Эджубовым предложен метод усреднения письменных знаков. Степень и устойчивость отклонений устанавливаются по этому методу путем фотографического совмещения вариантов одной буквы (например, буквы “р”), выполненного заведомо одним лицом. Площадь разброса обводится по крайним точкам через кальку. Полученная таким образом усредненная буква отражает индивидуальные для данного лица устойчивые особенности навыка письма [385, стр. 210-218].

Весьма показательными являются и другие исследования вариационности признаков почерка - почерка в целом и “избирательной изменчивости, наступающей в почерке под влиянием “сбивающих” факторов” [229, стр. 191]. При этом правильно отмечается, что “структура устойчивости почерка каждого лица своеобразна, так как обусловлена присущей именно данному лицу организацией связей в несмысловой функциональной сфере [там же, стр. 196].

Рассматриваемое направление исследования выявляет новые и далеко не использованные резервы индивидуализации любых объектов идентификации. В отличие от традиционного подхода, при котором эксперт опирается на устойчивые признаки, здесь сама изменчивость, конкретные формы, проявления и пределы вариационности, изменчивости выступают в качестве индивидуализирующего фактора.

4.2.3. Исследование взаимосвязи идентификационных признаков и свойств

В зависимости от того, является ли идентификационный признак самостоятельным, независимым от других идентификационных признаков или этот признак является производным, зависимым, существенно различается его ценность как средства индивидуализации. Индивидуализация объекта тесно связана поэтому с исследованием наличия и характера взаимосвязи его идентификационных свойств.

Проблема связи подвергалась специальному исследованию в философской и юридической литературе [218, стр. 28; 391, стр. 12-30]. Под углом зрения индивидуализации в составе любого идентифицируемого объекта можно различать следующие три типа связи свойств: необходимую, случайную, корреляционную.

Необходимая связь обусловлена закономерными факторами. Таковы, например, связи важнейших характеристик объекта, обусловленных его назначением и условиями стандартизированного производства; видовых и родовых свойств биологических объектов. Необходимая количественная связь признаков может быть выражена математической формулой, а процесс ее исследования формализован. При оперировании сопутствующими признаками существенно, что любой из них может представлять их совокупность, так как связанные с ним признаки не несут дополнительной информации. Каждый из них может заменять при сравнительном исследовании любой из связанных с ним признаков, если они не получили отображения.

Необходимой связи как связи закономерной можно противопоставить случайную связь различных характеристик объекта. Такова, например, связь между цветом радужной оболочки глаза и шириной лба, особенностями микрорельефа рабочих поверхностей, инструмента, вызванными его использованием не по назначению, формой ушной раковины и отсутствием зуба в верхней челюсти. Такого рода связь не обусловлена необходимо ни происхождением и функционированием организма, ни производством и эксплуатацией изделий. В связи с этим указанные признаки могут рассматриваться (относительно друг друга) как самостоятельные и взаимонезависимые и использоваться как самостоятельные средства индивидуализации. Случайные (взаимонезависимые) признаки легко поддаются математической обработке. Если известна частота каждого из этих признаков, вероятность повторения их комплекса может быть определена математическим путем по теореме о вероятности совмещения независимых событий [64, стр. 31].

В чистом виде как необходимая, так и случайная формы связи встречаются в идентифицируемых объектах относительно редко. Основной тип связи

идентификационных свойств - корреляционный. Корреляция представляет такой вид связи между различными элементами объекта, в процессе формирования которой действует множество причин, одни из которых необходимы, другие - случайны. Возможный результат их взаимодействия определяется с некоторой долей вероятности.

Корреляционная связь существует, например, между особенностями состава, структуры и внешнего строения объекта, между общими и частными признаками объекта, между особенностями, вызванными действием однопорядковых причин, и т.д.

Для установления взаимозависимости идентификационных свойств наибольшее значение имеют:

- методы исследования их происхождения;
- методы структурные;
- статистические[1] методы.

Взаимозависимость идентификационных свойств нередко определяется условиями их формирования и отражения. Так, на формирование почерка существенное влияние оказывают прописи, используемые при обучении письму. Установленные ГОСТом прописи содержат много однотипных элементов, например, покровные элементы прописных букв, полуовалы строчных букв и др. Вырабатываемый на их основе навык может использоваться пишущим не только при выполнении одних и тех же письменных знаков, но и написании однотипных элементов разных букв и в целом различных по конфигурации букв. Так возникает устойчивая взаимозависимость признаков, являющихся проявлениями одного и того же двигательного навыка. Признаки почерка, являющиеся проявлением уже выявленного навыка, не несут дополнительной информации о почерке, не индивидуализируют его. Практика использования таких признаков при производстве экспертиз и оформлении актов в качестве самостоятельных средств индивидуализации почерка представляется необоснованной. Необходимость группировки такого рода признаков и оценки их как проявлений одного и того же навыка правильно отмечается в работах М.Я.Сегая, С.А.Ципенюк, Я.Ю.Игнатьевой и др. почерковедов.

В исследовании взаимозависимости признаков почерка большое значение имеет явление переноса навыка. Различные аспекты этого явления уже подвергнуты изучению отечественными почерковедами. Так, выявлена определенная зависимость навыков цифрового и буквенного письма, скорописи и

[1] Вероятностно-статистические методы в идентификации подробно рассматриваются в работах С. П. Папкова, А. П. Краснова, З. И. Кирсанова, П. Г. Орлова, В. А. Пошкявичуса, Н. С. Полевого, Н. А. Селиванова, Л. Г. Эджубова, А. А. Эйсмана и др. авторов [см., например 250; 240, стр. 139-148; 306, стр. 96-114].

стилизованного письма, выполнения подписи и текста, письма на различных языках. Навык, приспособленный для выполнения одних графических начертаний, например, букв, переносится на выполнение других, например, цифр. Исследование явления переноса навыка и обусловленной им взаимосвязи особенностей почерка существенны в двух отношениях.

Во-первых, такое исследование обосновывает взаимозаменяемость признаков почерка. Поскольку один и тот же навык может проявляться при выполнении различных знаков, принципиально возможна идентификация личности при сравнении буквенного письма с цифровым, скорописи и шрифтового письма, выполненного на различных языках, и т.д.

Во-вторых, обосновывается правильная оценка идентификационной значимости признаков почерка. Признаки, являющиеся проявлениями одного и того же навыка, не могут рассматриваться как самостоятельные средства индивидуализации. Вместе с тем степень и характер взаимозависимости особенностей навыка могут быть использованы как средства индивидуализации.

Так, объем и наименование букв шрифтового письма, в которых проявляются признаки скорописи, являются своеобразными у каждого пишущего стандартным шрифтом. Своеобразно проявляется также обратное влияние шрифтового письма на скоропись.

Каузальные методы исследования взаимосвязи дополняются структурными. Последние характеризуются выявлением соотношения и связи различных элементов, сторон идентифицируемого предмета. Показательным является использование антропометрической пропорции в целях идентификации личности. Данные антропометрических измерений давно привлекали внимание криминалистов. Еще Г.Граве, А.Бертильон, Э.Годфруа и Э.Локар предлагали использовать в своих руководствах зависимость длины ступни и туловища человека для определения его роста по следам ног. Широко используются данные антропометрии в работах советских криминалистов и судебных медиков, связанных с идентификацией личности. И.-В.И.Найнис с применением математической статистики исследовал соотношения плечевых и бедренных костей с длиной руки и ноги, шириной таза, ростом и др. признаками [216, стр. 163-177]. Г.В.Дашков разработал таблицы корреляции отображаемых в следах частей кисти, стопы, шага с длиной отдельных частей тела и роста человека [82, стр. 9-12].

При идентификации по признакам внешности прослеживается, например, связь между строением зубного аппарата и общим строением лица человека. Как отмечает А.И.Миронов [198, стр. 201-202], тип прикуса влияет на формирование нижней части лица человека и его общего профиля. При отсутствии передних зубов изменяется направление носогубных складок, внешние

углы рта опускаются, подбородок заостряется, лицо приобретает старческий вид.

В работах ряда почерковедов прослеживается зависимость между общим строением почерка и строением отдельных письменных знаков, а также влияние преобладающего вида письменных движений на частные признаки почерка.

Особо следует остановиться на анализе взаимосвязи групповых свойств объекта. Принято считать, что идентификационное значение таких свойств объекта, как его состав, структура, цвет, род, сорт, модель, система и т.п., ограничено. Такие свойства используются лишь для выделения более или менее широких групп объектов, но не единичных предметов [см. 367, стр. 11].

Указанная точка зрения, будучи справедливой в отношении простых и однородных объектов, требует, по нашему мнению, уточнения, когда объекты идентификации имеют сложную структуру. В качестве примера могут быть взяты состоящие из самостоятельных элементов либо неоднородные по составу объекты. Рука человека, автомашина, масса дроби состоят из элементов, каждый из которых может быть рассмотрен в качестве самостоятельного идентифицируемого объекта (отдельный палец, отдельная автомобильная шина, элементарный по составу свинец). Такие объекты могут классифицироваться в числе других однородных с ними элементарных объектов (ср. классификацию папиллярных узоров пальцев, типов автомобильных шин, простых веществ). В сложном идентифицируемом объекте групповые признаки составляющих элементов приобретают иное идентификационное значение. Последнее зависит от вида связи между элементами. Связь может быть необходимой, закономерной и случайной. Идентификационное значение приобретает не только определенный состав (номенклатура) свойств, но и то, в какой взаимосвязи находятся указанные свойства. Если связь между групповыми свойствами объекта случайна, то такое их сочетание приобретает значение ценного индивидуализирующего единичный объект признака[1]. Таково, например, сочетание типографских литер различного шрифта и кегля при изготовлении так называемых наборных клише подделывателями; комбинация различных марок шин на колесах автомашины, комбинация типов оковок, набоек и гвоздей при изготовлении и ремонте обуви и т.д. При идентификации материалов и веществ возможно обнаружение случайной комбинации компонентов, индивидуализирующей определенный объем вещества (случайные смеси жидких и

[1] На принципиальную возможность индивидуализации единичного объекта групповыми свойствами обращали внимание еще в 50 и 60-е гг. В. Я. Колдин [119, стр. 105-107]; В. С. Митричев [205, стр.16-20]; А. В. Кизнер [107, стр. 9], Т. Бордонос и Л. П. Булыга [32, стр.3].

сыпучих тел, случайные примеси в сплавах, красителях, пищевых продуктах и т.п.).

Характерны также случаи индивидуализации повреждающего орудия путем исследования физико-химических и биологических свойств сохранившихся на нем наложений. Ряд таких исследований выполнен А.П.Загрядской и Л.С.Федоровцевой[1]. Вот одно из них. На исследование поступил нож, которым за две недели до этого могло быть совершено убийство с последующей попыткой самоубийства. Были присланы также поврежденные предметы. При исследовании на клинке ножа выявлено большое число текстильных волокон. Анализировались происхождение волокон, их цвет, толщина, строение, естественная флуоресценция и поляризация света. Оказалось, что часть обнаруженных волокон совпала с волокнами одежды убитой (кофточка, юбка-сарафан, сорочка, бюстгальтер), другая - с волокнами одежды обвиняемого (пиджак, свитер, рубашка). Групповые признаки, имевшие случайную связь, в сочетании с морфологическими особенностями повреждений обеспечивали выделение единичного объекта - представленного на исследование ножа.

Показательно также использование случайных колебаний групповых характеристик промышленных изделий в пределах установленных допусков. Так, например, ширина полей нарезов в стволе пистолета “ТТ” может в соответствии с техническими условиями колебаться в пределах 0,20 мм. Учитывая, что ошибка измерения ширины полей по пулям равна 0,02 мм, поле допуска может быть разбито на 10 интервалов. В соответствии с этим Е.И.Сташенко произвел следующий расчет: четыре поля нареза в стволах пистолетов “ТТ” дают 4200 размерных комбинации. Отсюда любое соотношение ширины различных полей нарезов, измеренное с указанной точностью, имеет частоту встречаемости 1:4200 и оказывается свойством, обеспечивающим глубокую индивидуализацию объекта внутри установленной системы [330, стр. 122-125]. Определяя с достаточной точностью количественную характеристику любого группового свойства в пределах допусков, можно с учетом дисперсии (рассеяния) и закона распределения указанных количественных характеристик в массе однородных объектов определить частоту встречаемости данной количественной характеристики. Последняя, как показывают расчеты В.А.Пошкявичуса [250, стр. 116-117], не превышает частоты встречаемости редких (“индивидуальных”) свойств и обеспечивает глубокую индивидуализацию объекта.

4.3. Доказывание при ограниченных

[1] См., например, Загрядская А. П. Определение орудия травмы при судебно-медицинском исследовании колото-резаного ранения. М., 1968.

совокупностях проверяемых объектов.
Методы ограничения и исключения

Методы ограничения круга проверяемых объектов представляют приемы эффективного сужения круга проверяемых объектов путем его сопоставления с пространственно-временным и функциональным континуумом искомого объекта.

Бытие искомого объекта может мыслиться как совокупность непрерывных фаз его существования в замкнутом пространстве и времени (пространственно-временной континуум). Вместе с тем существование искомого объекта компактно ограничено функционально, т.е. совокупностью свойственных ему функций и степеней свободы. Поскольку искомый объект не может выйти за пределы своего пространственно-временного и функционального континуума, последние представляют самые общие и самые существенные для розыска и индивидуализации свойства искомого объекта. Путем “наложения” пространственно-временного и функционального континуума искомого на круг проверяемых объектов из их числа выделяют только те, континуумы которых совпадают, а остальные исключаются. Существенным при этом является то обстоятельство, что пространственно-временной и функциональный континуум представляет весьма ограниченные, компактные множества, в которых не может находиться большое число объектов одного и того же рода и вида.

Так, если точно установлено время и место наезда на пешехода автомашины ВАЗ-2106 зеленого цвета с неисправным двигателем, то трудно допустить, что в ограниченную указанными признаками совокупность войдет большое число проверяемых автомашин.

Поскольку изучение обстоятельств времени, места и способа действия относится к компетенции следователя, оперативного работника и суда, методы ограничения относятся к числу методов оперативно-следственной поисковой деятельности. Их использование требует исследования всех обстоятельств уголовного дела и анализа всей собранной криминалистической информации. В ходе судебного следствия должна быть использована вся система собранных по делу доказательств.

Следует подчеркнуть, что в основе ограничения круга проверяемых объектов должны быть не любые бесспорно установленные обстоятельства, а лишь различия, имеющие характер физической несовместимости. Например, алиби - нахождение в момент совершения преступления в другом месте; отсутствие навыка, при определении круга лиц, выполнивших анонимное письмо или управлявших автомашиной, отсутствие физической возможности при определении круга лиц, совершивших изнасилование и т.п.

Сопоставление проверяемого объекта с пространственно-временным и функциональным континуумом искомого осуществляется экспериментальным путем с использованием метода единственного различия. Для этого воспроизводятся все существенные условия и обстоятельства расследуемого события. Так, для проверки, могли подозреваемый на принадлежащем ему транспорте или пользуясь иным транспортом преодолеть расстояние между двумя пунктами за ограниченный промежуток времени; или подозреваемый, пользуясь указанным им набором технических средств, произвести изготовление денежного знака, и т.п. При этом используются подлинные, те же или максимально сходные субъекты, участки местности, технические средства, сопутствующие условия и обстоятельства.

С целью развернутого сравнительного анализа пространственно-временных континуумов эффективно используется предложенный немецкими криминалистами график “путь-время”, позволяющий проследить пространственные координаты одного или нескольких объектов в момент времени, интересующий следователя или оперативного работника [404].

Для анализа пространственно-временного континуума дорожнотранспортного происшествия разработана система “Автоэкс”. Путем аналогового моделирования времени и скорости движения транспортного средства, вычисляемых по следу торможения, выстраивается график, наглядно, представляющий пространственные координаты транспортных средств и пешеходов - участников дорожно-транспортного происшествия в любой момент происшествия с интервалом в 0,1 с [179].

Логическим основанием применения метода исключения является обнаружение несовместимых идентификационных свойств искомого и проверяемого объекта. Положительная идентификация возможна только тогда, когда свойства искомого и проверяемого объекта являются совместимыми, т.е. могут реально сосуществовать как свойства одного материального объекта. Если же в процессе сравнения обнаруживаются несовместимые свойства, т.е. свойства, реальное сосуществование которых в одном и том же материальном объекте является невозможным, налицо основание для исключения проверяемого объекта. В таких случаях процесс рассуждения протекает в форме разделительно-категорического силлогизма модуса [см. 140, стр. 314].

Искомый объект может быть или А, или Б.

Искомый объект не есть А.

Следовательно, искомый объект есть Б.

Неполнота перечисления объектов (не включены те из них, которые могут быть искомыми) в большой посылке, либо ложность малой посылки (неправильное исключение на основе несущественных различий) приводят к

ошибке в выводе.

Приведенные логические основания обусловливают важные проблемы теоретической разработки и практического применения метода исключения в процессе идентификации.

Одной из таких проблем является правильное (исчерпывающее) определение круга проверяемых объектов. Выше уже указывались средства разрешения этой проблемы. При определении исходной совокупности объектов применяются принципы и методы общенаучных и идентификационных классификаций. Ограничение круга проверяемых объектов осуществляется только на основе бесспорно установленных обстоятельств исключающего характера.

Другой не менее важной является проблема исключающих признаков, то есть определение оснований для разграничения, дифференцирования сравниваемых объектов. Она представляет центральную проблему дифференциации объектов в идентификации.

Определение исключающих признаков - это результат их оценки, основанной на исследовании изменяемости свойств сравниваемых объектов и условий их отображения. При этом следует подчеркнуть, что не всякое различие признаков сравниваемых объектов свидетельствует об их несовместимости. Различия признаков могут быть следствием изменения одного и того же объекта во времени или вариативности отображения его свойств в других объектах. В этом случае различия не являются исключающими и не препятствуют выводу о тождестве сравниваемых объектов.

В криминалистической литературе была сделана попытка распространить на сферу идентификационных исследований логико-математическое понятие различия и несовместимости. Известно, что понятие “различия” используется в математической логике и кибернетике. “Самым фундаментальным понятием кибернетики, по словам У.Р.Эшби, является понятие “различия” [396, стр. 23]. Понятие различия лежит в основе логико-математической символики, выражающей отношения между аргументами посредством логических связок, называемых операторами (отрицание, конъюнкция, дизъюнкция, импликация). Общность природы указанных операторов позволяет заменить все их разновидности единым универсальным оператором несовместимости [см. 61, 32]. Такое понятие несовместимости можно использовать, но следует предостеречь от формального использования понятий и средств математической логики и кибернетики в идентификации. Выражаемые операторами отношения логических высказываний нельзя смешивать с отношениями материальных объектов и их признаков, как нельзя смешивать применение понятий различия и несовместимости к реальным и идеальным (логико-математическим) объектам. Как было показано выше, не всякое различие признаков материальных

объектов свидетельствует об их несовместимости. В дальнейшем, говоря о различии и несовместимости, мы будем иметь в виду отношения материальных объектов и их признаков. Логико-математическое выражение этих отношений нуждается в самостоятельном обосновании.

Для исключения можно использовать:

1. Классификационные признаки и соответствующие им свойства сравниваемых объектов.
2. Существенные различия единичных объектов.

Оценка признака, используемого для выделения классификационной группы, зависит от закономерности его распределения в исследуемой группе объектов. Если эта закономерность известна, то его различие может использоваться как исключающее. Так, например, признак строения пальцевого узора может успешно использоваться для исключения. Дактилоскопией детально изучены различные по строению центра пальцевые узоры, их распределение по типам, видам и разновидностям, признаки, характеризующие каждую разновидность, различия разновидностей, переходные и “ложные” формы. Аналогичное значение имеют признаки размера и форм подошвы при идентификации обуви, калибра и числа нарезов в канале ствола при идентификации огнестрельного оружия, ширины колеи при идентификации транспортных средств и т.д. Закономерности распределения признаков описываются в соответствующих общенаучных и идентификационных классификациях.

Оценка различия классификационных признаков при сравнении объектов сложного строения требует известной осмотрительности. Различие может возникнуть при ремонте, чистке, перестановке и замене частей сложных объектов. В практике криминалистической экспертизы имели место случаи замены стволов, ударников, курков и иных частей огнестрельного оружия, перестановки колес и автомобильных шин, замены литер пишущей машинки и т.д. При этом заменяемые детали могли относиться к другим классификационным группам. Различие групповых свойств частей объектов сложного строения не всегда может рассматриваться как исключающий признак Оно приобретает это качество лишь в тех случаях, когда по обстоятельствам дела исключается возможность подобных изменений.

Примером закономерного распределения необходимых характеристик может служить передача по наследству типовых и видовых свойств крови. Так, закономерности исследования трех типовых свойств крови (MNS) сводятся к следующим:

1. Типовое свойство, отсутствующее у обоих родителей, не может появиться в крови ребенка.
2. Если оба родителя или один из них относятся по крови к типу М, у

них не может быть ребенка с типом крови N.

3. Если кровь обоих родителей или одного из них относится к типу N, то у них не может быть ребенка с типом крови М.

Исходя из этого, определенные различия типовых свойств крови отца могут рассматриваться как исключающие. Аналогичные закономерности действуют и при наследовании видовых свойств крови. Их знание позволяет установить исключающие видовые (групповые) свойства крови, независимые от ее типа. Практическое значение это имеет при рассмотрении дел о спорном отцовстве или материнстве, наследственных дел, дел о замене детей и др. [см. 346, стр. 320; 334, стр. 220-230].

Метод исключения по групповым свойствам крови успешно используется и при расследовании преступлений. На окраине города была изнасилована и убита школьница Колесникова. Ее кровь оказалась группы 0(1). В сперме на одежде потерпевшей и тампонах с содержанием влагалища обнаружили агглютиноген В, характеризующий группу В(III). Подозреваемый Нерпов, на одежде которого были найдены подозрительные на кровь пятна, имел группу крови 0(1). Другие подозреваемые имели группу крови 0(1) и А(II) или являлись слабыми выделителями, в связи с чем исключались из числа проверяемых. Через некоторое время за попытку изнасилования был задержан Пинуров. Он оказался выделителем и его группа крови и сперма отнесена к В(III). Дальнейшим расследованием было установлено, что убийство Колесниковой совершил Пинуров.

Закономерности распределения различных количественных характеристик (например, абсолютных и относительных размеров, процентного содержания железа в пробе, величин плотности, твердости, прозрачности и т.д.) исследуются методами математической статистики. Каждая количественная характеристика объектов исследуемой совокупности предварительно измеряется, а результаты измерений подвергаются статистической обработке.

Если рассматриваемые количественные характеристики (например, диаметры дробинок) колеблются вокруг некоторого среднего значения под влиянием большого числа случайных факторов и если наибольшее число характеристик близко к среднему значению, а наименьшее - отлично от среднего, то говорят о так называемом “нормальном законе” распределения (кривая распределения Гаусса). Закон нормального распределения применим к количественным характеристикам изделий массового производства, например, к содержанию элементов в дроби, изготовленной из одной и той же плавки свинца, к показателям преломления стекла одной и той же партии, к содержанию красителя и загустителя в одной и той же партии чернил, к величине помола в одной и той же партии муки и т.п.

Знание закона нормального распределения (среднего значения и величины отклонений) дает возможность судить о том, является ли установленное различие в характеристиках сравниваемых объектов исключающим или нет. Характер исключающего имеет различие, превышающее пределы возможных колебаний характеристики в объектах данной совокупности.

При определении надежности установленного различия должны быть приняты во внимание также возможные ошибки измерения[1]. Построение кривых распределения позволяет убедиться в том, что количественная характеристика является дифференцирующим признаком. Если кривые распределения характеристики у сравниваемых объектов совпадают, то их использование для дифференцирования исключается. Так, при статистическом определении содержания ряда макро- и микроэлементов в трех объектах судебно-медицинского исследования (сперма, моча, влагалищные отделения) выяснилось, что надежным дифференцирующим признаком является наличие Zn, специфического для спермы. Кривые же распределения для Fe, Си, Al, Si совпадают у всех трех объектов и потому не могут использоваться для дифференциации [146, стр. 36].

Из сказанного видно, что оценка идентификационного значения различия количественных характеристик сравниваемых объектов требует их предварительной статистической обработки. Заключение эксперта, пользующегося такими характеристиками и не опирающегося на данные их статистической обработки, оказывается недостаточно обоснованным.

Если условия формирования и закономерность распределения той или иной характеристики неизвестны, она не может быть классификационным признаком. Различие таких характеристик нельзя рассматривать как безусловное, исключающее.

При снаряжении патронов нередко пользуются смесью дроби различного происхождения и способа изготовления. Поэтому в одном патроне может оказаться различная дробь, а ее распределение по отдельным патронам - неоднородным, случайным. Распределение характеристик дроби, принадлежащей одному и тому же охотнику, в этом случае не может быть установлено, а их различие в сравниваемой дроби не может рассматриваться как исключающий признак. Так, например, различие картечи, извлеченной из трупа, и картечи,

[1] В научных экспериментальных исследованиях достоверным признается различие в размере утроенной средней ошибки разницы. Имея в виду характер вывода, делаемого на основе устанавливаемого различия (категорическое исключение тождества) и его значение для дела, ряд авторов считает необходимым в целях повышения надежности вывода использовать более строгий критерий в виде учетверенной ошибки разницы [см., напр., 109, стр. 210].

содержащейся в снаряженном патроне подозреваемого, по номеру и химическому составу не может рассматриваться как исключающее единый источник их происхождения. По наблюдениям М.Я.Шепелина, различие сравниваемой дроби по содержанию сурьмы, олова и мышьяка не является основанием даже для вывода о ее изготовлении из разных кусков свинца, так как такое различие может возникнуть в результате переплавки свинца [370, стр. 53].

Нельзя признать "нормальным" закон распределения характеристик в изделиях тех производств, где не обеспечивается тщательного перемешивания сырья. Так, например, два войлочных пыжа, вырубленных из одного и того же куска, могут оказаться существенно различными по составу шерсти, две мерки пшеницы, взятые из одного и того же бурта, различными по качеству, примесям и даже сорту, две охапки сена из одного стога - по составу травы и т.д. и т.п. В связи с этим в подобных случаях количественное сравнение с установлением доверительных интервалов является необоснованным. Оценка качественных различий в этих случаях определяется конкретными условиями формирования свойств исследуемого источника.

В качестве исключающих могут быть использованы не только классификационные признаки, но и иные существенные различия единичных объектов. Так, при розыске преступников широко используют приметы и броские особенности. Хорошо заметный шрам на лице, прихрамывающая походка, повреждение ушной раковины, искривление позвоночника и иные подобные особенности позволяют легко исключать (по отсутствию данного признака) проверяемых лиц. Устойчивыми особенностями единичных предметов можно пользоваться для исключения и при розыске автотранспортных средств, орудий взлома, обуви, животных и др. объектов.

В качестве исключающих могут использоваться только устойчивые различия сравниваемых объектов. В то же время изменения одного и того же тела в рамках тождества не могут рассматриваться как существенные различия и исключающие признаки. Данное обстоятельство следует учитывать при значительном разрыве во времени между образованием отображения искомого объекта и моментом исследования. Возрастные изменения живых лиц, износ орудий и инструментов, переделка вещей, умышленные изменения идентификационных признаков преступниками - все это может привести к значительному изменению всего комплекса сравниваемых признаков и обусловить в отдельных случаях невозможность положительной идентификации. Однако и исключающих различий в этих случаях не будет. Нельзя также рассматривать как исключающие различия признаки, вызванные условиями образования сравниваемых отображений. Таковы, например, различия статического и динамического следов одного и того же экземпляра обуви, фотографических

снимков одного лица, полученных в резко отличающихся условиях, рукописей, выполненных в обычных условиях и с маскировкой почерка и т.п.

Говоря о соотношении методов ограничения и исключения, следует отметить, что в методическом отношении первые в доказывании должны предшествовать вторым. Обусловлено это тем, что установление следственным путем исключающих обстоятельств обеспечивает такое ограничение круга проверяемых объектов, которого невозможно достигнуть путем исследования идентификационных признаков. Преждевременный отказ от оперативно-следственных возможностей в индивидуализации и обращение к лабораторным ее формам представляет существенную методическую ошибку. Характерным в этом отношении является дело об убийстве студентки мединститута Лелии Рожковой.

Труп Лелии был обнаружен в 6 часов утра 10 ноября на одной из алма-атинских улиц. При вскрытии из трупа извлечена оболочечная пуля калибра 6,35 мм, причинившая смертельные повреждения легких и сердца. Расследованием дела было установлено, что Лелия в ночь на 10 ноября находилась в ресторане № 1 и ушла оттуда около 3 часов ночи вместе со своим новым знакомым “Василием”. Личности “Василия” в начальный период расследования установить не удалось. Вместе с тем для ограничения круга проверяемых объектов органы уголовного розыска прибегли к лабораторным методам исследования: поручили сотрудникам НТО проверить все оружие калибра 6,35 мм, находившееся на учете в милиции. Количество проверяемого оружия исчислялось сотнями стволов; выраженность признаков на пуле, извлеченной из трупа, была незначительной. Поэтому лабораторные методы результатов не дали и дело было прекращено. Через некоторое время в оперативном порядке вновь обратились к ограничению круга проверяемых объектов. Из показаний свидетелей явствовало, что имевший оружие “Василий” 6, 7 и 8 ноября работал круглые сутки и только 9 получил свободный день. Эти данные позволили предположить, что он является работником охраны. Проверкой работников охраны алма-атинских предприятий был выявлен начальник охраны швейной фабрики № 2 Василий Андреевич Минковский, имевший на вооружении пистолет “ТК” калибра 6,35 мм. Оказалось, что вскоре после убийства Минковский внезапно уволился и выехал из Алма-Аты в неизвестном направлении. Уголовное дело возобновили. Соответствие времени убийства и выезда Минковского, а также совпадение калибра его пистолета и обнаруженной при вскрытии пули и имени (“Василий”) позволило предположить, что он причастен к убийству. Его разыскали и 14 декабря арестовали. Баллистической экспертизой было установлено, что пуля, извлеченная из трупа потерпевшей, стреляна из пистолета Минковского [469, стр. 70-81].

Эффективность метода исключения в полной мере выявляется только тогда, когда он должным образом подготовлен предшествующим ограничением круга проверяемых объектов. Способы ограничения круга проверяемых объектов могут быть самыми различными и определяются характером этих объектов и их роль в обстоятельствах дела. Так, путем допросов, осмотров, экспериментов, обысков, наведения справок и других действий может быть, например, установлено, что из пяти конкретных грузовых автомашин наезд мог быть совершен лишь одной; что в драке, закончившейся убийством, принимали участие только четыре, известных следствию, человека; что в распоряжении данной группы лиц имелось только три находящихся на учете пистолета, одним из которых совершено убийство; что в работающей на данном участке бригаде имелось только два топора и т.д. Установленные таким путем обстоятельства дела могут оказаться достаточными для исчерпывающего определения круга проверяемых объектов.

Если круг проверяемых объектов достоверно и строго ограничен, применение метода исключения может оказаться достаточным для установления единичного искомого объекта и разрешения задач доказывания. При этом установление искомого объекта также будет достоверным[1].

Особое значение для теории и практики идентификации имеет при этом то обстоятельство, что метод исключения обеспечивает достоверное установление единичного объекта на базе неполной совокупности, т.е. такой совокупности идентификационных свойств, которая недостаточна для выделения единичного объекта методами накопления идентификационных признаков. Это означает, что для достоверного установления искомого объекта в этих случаях может оказаться достаточной его групповая индивидуализация или вероятный вывод об индивидуальном тождестве.

Показательным в этом отношении является следующий случай. Жители хутора Бурацкого Суревинского района Цыганков, Попов Иван и Попов Василий 9 сентября отправились на охоту. Иван Попов шел впереди по лесопосадке, а сзади, на некотором расстоянии от него, по кукурузному полю, в том же направлении двигались двое других. Выходя с кукурузного поля, Цыганков и Попов Василий подняли стаю куропаток и одновременно выстрелили по

[1] Строго ограниченный круг проверяемых объектов подпадает под понятие полной группы событий, вероятность которой равна 1, p(A) + p(B) + p(C) = 1, где p(A) - вероятности того, что данный отдельный проверяемый объект (A, B, C) является искомым. При исключении проверяемого объекта вероятность его оказывается равной 0. Если p(A) = 0 и p(B) = 0, то на основе формулы о вероятности противоположного события p(C) = 1 [см. 64, стр. 20].

ним. Одним из этих выстрелов был ранен в правый глаз Попов Иван. При расследовании необходимо было установить, кем из охотников произведен указанный выстрел. Так как раненый отказался от извлечения дробинки хирургическим путем, в Волгоградском бюро судебно-медицинской экспертизы воспользовались методом масштабной рентгенографии и определили форму, диаметр и объем дробины. Объем отдельных дробин во всех патронах Попова Василия был в 4,5 раза меньше, чем объем исследуемой дробины. При сравнении формы, диаметра и объема исследуемой дробины с дробью Цыганкова было установлено совпадение. Круг проверяемых объектов в данном случае был строго ограничен, поэтому результаты групповой идентификации помогли установить конкретное лицо, ранившее Попова Ивана. Цыганков осужден за неосторожное причинение телесных повреждений [467].

Имея в виду, что методом исключения устанавливаются важные доказательственные факты, следует указать на логические условия, обеспечивающие правильность получаемых выводов. К таким условиям относятся: (а) достоверное и исчерпывающее определение круга проверяемых объектов и (б) исключение всех проверяемых объектов, кроме одного. Соблюдение сформулированных условий обязательно при достоверном установлении индивидуально-определенного объекта методом исключения[1].

Достоверное и исчерпывающее установление круга проверяемых объектов возможно только методами доказывания на основе изучения всех материалов дела. В связи с этим применение метода исключения в процессе экспертизы требует соблюдения ряда условий. Эксперт должен отправляться от исходной совокупности, определяемой свойствами сравниваемых объектов, научными обобщениями и статистическими данными. Так, при производстве экспертизы почерка исходная совокупность охватывает всех лиц, пишущих на определенном языке, при трасологических исследованиях - автомашины или орудия соответствующей марки или системы, при физико-химических исследованиях объекты, состоящие из определенных материалов и веществ, и т.д.

Выделение ограниченного круга проверяемых объектов на основе установления времени, места, способа совершения преступления и других обстоятельств относится к компетенции следователя и суда. Использование этих моментов для обоснования заключения эксперта недопустимо. Если, положим, круг проверяемых объектов ограничен следственным путем до двух, а один из них эксперт категорически исключает, то оснований для вывода о тождестве другого объекта у эксперта не появляется. Тождество должно быть доказано

[1] Аналогичны условия достоверного установления обстоятельств дела методом исключения версий (см. А Н. Васильев. Основы следственной тактики. Автореф. докт.дис., М., 1960, стр. 19).

экспертом на основе совокупности обнаруженных им идентификационных признаков.

Вместе с тем следователь и суд, ограничив круг проверяемых объектов, могут выделить из них искомый объект методом исключения и на основе совокупности идентификационных признаков, недостаточной для экспертного разрешения вопроса. Группа лиц следовала по проселочной дороге в грузовой автомашине. Неожиданно дорогу перебежал заяц. Гр-н Николаев и гр-н Кузин, сидящие в кузове, произвели выстрелы по зайцу из пистолетов "ТТ". Во время сильной встряски автомашины на ухабе, сидящая у кабины гр-ка Васина оказалась смертельно раненной.

Лабораторное исследование показало, что канал ствола в пистолете гр-на Кузина сильно изношенный. Пуля, извлеченная из раны гр-ки Васиной, была стреляной из сильно изношенного оружия: следы нарезов на ней не различались. Полученные результаты оказались достаточными для исключения пистолета гр-на Николаева. В то же время они позволили органам расследования, учитывая все обстоятельства дела, установить, что смертельное ранение нанесено из пистолета Кузина.

Наряду с приемами исключения интерес представляет кибернетический метод дифференциации объектов идентификации.

Сущность этого метода описана в литературе [175, стр. 22 и след.] и сводится к следующему. Вначале машина "обучается" образцам почерка тех лиц, которые являются предполагаемыми исполнителями спорного графического объекта (текста, подписи, буквы, цифры). С этой целью в машину в кодированном виде вводятся характеристики почерка сначала одного, а затем и другого лица. Вся совокупность образцов почерка лица А будет воспроизведена машиной определенной компактной областью - "почерковым пространством", которое и представляет кибернетическую модель почерка данного лица. Такое же почерковое пространство строится также для почерка второго лица - Б. После "обучения" машина может работать в режиме распознавания. С этой целью кодируется и вводится в машину спорный графический объект, подлежащий опознаванию. Машина относит его к одному из ранее построенных ею почерковых пространств А или Б, т.е. определяет принадлежность спорного графического объекта почерку конкретного лица.

Нетрудно убедиться, что в основу рассматриваемого алгоритма положен принцип исключения. Машина отождествляет то идентификационное поле, которое не может быть исключено.

В процессе доказывания рассматриваемый метод может быть применен лишь при соблюдении ряда логических и процессуальных условий.

Как показано выше, логическими условиями вывода о тождестве по методу исключения являются исчерпывающее определение круга проверяемых объектов и исключение всех проверяемых объектов, кроме одного. К компетенции эксперта, использующего алгоритм дифференциации объектов идентификации, относится лишь второе из двух указанных выше логических условий, обеспечивающих достоверность выводов, а именно: исключение всех проверяемых объектов, кроме одного. Первое условие относится исключительно к компетенции следователя, так как осуществляется на основе исследования обстоятельств дела. При этих условиях экспертное заключение теряет характер научного обоснованного вывода, базирующегося на специальных познаниях и экспертных методах.

Р.М.Ланцман приводит случай применения алгоритма дифференциации для исследования подписей от имени продавца П. на товарных чеках. Эти подписи могли быть выполнены либо продавцом П., либо товароведом К. После обучения машины почерку П. и К. в нее были введены 22 исследуемые подписи. “Машина, - пишет Р.М.Ланцман, - без особого труда в течение нескольких минут дифференцировала близкие по характеристикам движений образцы подписей гр-ки П. и гр-ки К., а затем, рассеяв сомнения эксперта, отнесла исполнение исследуемых подписей от имени П. гр-ке К. [там же, стр. 83]. Опираясь на эти данные, эксперт дал категорическое заключение об исполнителе исследуемых подписей. Между тем для такого заключения не было достаточных оснований. Спорные подписи могли быть выполнены не только П. или К., но и другими лицами, родственниками этих лиц и т.д. Судебно-следственная практика знает немало случаев, когда первоначально определенный круг возможных исполнителей оказывался неправильным, в него приходилось включать дополнительных лиц.

Приводим характерный случай такого рода.

Исследовались подписи в ведомостях от имени Завтура и Шамма. Помимо указанных лиц в выполнении подписей подозревался председатель сельпо Кизима и бухгалтер Ляшенко. Почерковедческая экспертиза установила, что подписи выполнены не Кизимой и Ляшенко, а другим лицом. При дополнительном исследовании было установлено, что подписи от имени Завтура и Шамма выполнены Колесниченко по просьбе Кизима, который и присвоил похищенные деньги. Если бы эксперт в приведенном случае опирался на кибернетический алгоритм дифференциации, то он при первоначальном исследовании, когда круг предполагаемых исполнителей не включал искомое лицо, пришел бы к ошибочному выводу.

Представляется, что упомянутый метод можно использовать в экспертной практике лишь при условии правильного формулирования заключения

эксперта, которое должно отражать результаты дифференцирования, произведенного с помощью ЭВМ. Вместе с тем в заключении следует указать, что достоверное выделение единичного объекта рассмотренным кибернетическим методом требует исчерпывающего определения (следственным путем) круга проверяемых объектов. Экспертное исключение одного или нескольких проверяемых объектов должно оцениваться в совокупности доказательств, строго очерчивающих круг проверяемых объектов.

4.4. Доказывание при дефиците идентификационной информации

4.4.1. Использование различных источников информации об искомом объекте

Наиболее значительное препятствие для индивидуализации искомого объекта заключается в недостатке информации, содержащейся в его единичном отображении. В теории и практике идентификации этот недостаток устраняется путем использования информации, полученной из различных источников.

Источниками информации об искомом объекте могут быть лишь его различные отображения. Поэтому увеличения информации можно достичь за счет возможного расширения круга изучаемых отображений искомого объекта.

Анализ судебно-следственной и экспертной практики показывает, что суммирование информации, получаемой об искомом объекте при использовании его различных отображений, возможно в основном в форме исследования:

– ряда отображений, одного и того же объекта простого строения (условно назовем “индивидуализацией по последовательным отображениям”);

– отображений различных элементов объекта сложного строения (условно назовем “индивидуализацией по параллельным отображениям”);

– отображений, возникающих на каждом из взаимодействующих объектов (условно назовем “индивидуализацией по встречным отображениям”).

Индивидуализация по последовательным отображениям. Этот способ является наиболее распространенной формой расширения информации об искомом объекте.

В материальной обстановке расследуемого события иногда обнаруживается не одно, а несколько отображений, которые, судя по условиям возникновения, происходят от одного и того же искомого объекта. Примерами подобных отображений могут служить след колеса автомобиля, последовательно и многократно воспроизводящий строение протектора шины, дорожка следов

человека или животного, содержащая повторяющиеся отпечатки каждой ноги, следы крови или иной жидкости, падающие с движущегося тела, последовательно проставленные на одинаковых документах оттиски печати и подписи должностного лица и т.п.

Установленная общность происхождения различных отображений открывает новые возможности индивидуализации. Информацию, заключенную в этих отображениях, можно объединить. В результате может стать возможной идентификация по неполным отображениям, каждое из которых в отдельности недостаточно для отождествления.

Индивидуализация по данным, содержащимся в различных отображениях искомого объекта, может производиться как в условиях оперативно-розыскной, следственной, так и экспертной работы.

Индивидуализация по параллельным отображениям. Нередко в качестве искомого выступает объект сложного строения, части которого относительно самостоятельно отражаются в следах. Так, автомашина в процессе наезда или столкновения может оставить не только следы протекторов шин на покрытии дороги, но и следы бампера, кузова, щитков и других своих частей на окружающих предметах. Существенное значение имеет вопрос о возможности суммирования информации, содержащейся в таких следах. При соблюдении ряда условий суммирование представляется принципиально возможным.

В ночь с 8 на 9 июня в доме № 13 по 2-й Черемушкинской улице был убит шофер такси Кириллов. На месте преступления нашли разорванный билет № 045... в парк им. Горького на состоявшееся народное гулянье “Здравствуй, лето”. В связи с обнаружением на билете следов пальцев рук была назначена экспертиза, на которую представили дактилоскопические карты подозреваемых лиц. При сравнительном исследовании были выявлены совпадения следов с отпечатками среднего (пять совпадений) и безымянного (четыре совпадения) пальцев левой руки Ходанова. Учитывая, что следы оставлены пальцами одной и той же руки, эксперт суммировал совпадения и дал категорическое положительное заключение.

Необходимым условием суммирования идентификационных признаков является установление происхождения всех исследуемых отображений от одного и того же искомого объекта. Если данное условие не выполнено, суммирование идентификационных признаков является необоснованным и может привести к ошибке.

Индивидуализация по встречным отображениям. При индивидуализации имеет значение совместное исследование “встречных” отображений, имеющих один и тот же механизм образования. Механизм образования встречных отображений характерен тем, что отображения возникают одновременно на

обоих взаимодействующих объектах, которые одновременно являются и идентифицируемыми и идентифицирующими. Примерами могут служить следы удара, при котором ударяемый объект оставляет отображение на ударяющем, и наоборот, а также наслоения и отслоения, разрывы, разрезы, изломы.

Неизвестным лицом из хулиганских побуждений в городском парке была испорчена гипсовая статуя. Сравнительным исследованием удалось установить, что следы орудия на статуе оставлены ломиком, изъятым у подозреваемого и что пятна серебристого цвета на исследуемом ломике имеют алюминиевый пигмент, аналогичный составу покрытия статуи.

При идентификации повреждающих орудий по их следам на теле и одежде человека немаловажное значение имеет исследование различных наслоений на самих орудиях. По наблюдениям А.П.Загрядской и Л.С.Федоровцевой, в большинстве из проведенных ими практических исследований на орудиях обнаруживались частички печени, легочной соединительной, мышечной ткани, кожи, а также волокна ткани одежды. Так, при исследовании ножа, которым, как предполагалось, были нанесены смертельные ранения гр-ке А. в голову и грудь, на нем были найдены клетки плевры, волосы, совпадающие с волосами потерпевшей и текстильные волокна трех видов, совпадающие с образцами волокон одежды потерпевшей (платья, сорочки). Данные, полученные путем исследования повреждений на теле и одежде, в совокупности с результатами проведенного исследования наложений позволили экспертам заключить, что повреждения нанесены данным ножом.

Встречные отображения обнаруживаются также при сопоставлении следов на месте преступления со следами с места преступления на преступнике. В лесозащитной полосе вблизи ст. Хемалда был обнаружен труп женщины, которая оказалась работницей Волгоградского кирпичного завода Костиневой. Осмотр места обнаружения трупа и его освидетельствование указывали на изнасилование и убийство. Пострадавшая находилась на седьмом месяце беременности. Подозрение в совершении преступления пало на Содова, с которым потерпевшая находилась в интимной связи. По делу проводились биологические экспертизы. Кровь, обнаруженная на брюках Содова, совпала по групповым характеристикам с кровью Костиневой. Кровь же Содова была другой группы, совпала с группой спермы, обнаруженной во влагалище убитой. Виновность Содова устанавливалась и другими доказательствами. Однако после предъявления обвинения Седов заявил, что убийство Костиневой совершил Онищук. Выяснилось, что спустя шесть дней после обнаружения трупа Онищук ушел из общежития, а через два дня его труп обнаружили висящим в петле в лесу. Расследованием было установлено самоубийство Онищука

и его непричастность к убийству Костиневой. Группа крови Онищука не совпала ни с группой крови Костиневой, ни с группой крови Содова [455, стр. 106-111].

4.4.2. Основания и методы суммирования идентификационной информации

В связи с использованием в процессе доказывания информации об искомом объекте, полученной из его различных отображений, возникает ряд вопросов теоретического, методического и процессуального порядка, на которых следует остановиться.

А. Исходным является, очевидно, вопрос об основаниях суммирования информации, полученной из разных идентифицирующих объектов. Суммирование информации, содержащейся в различных отображениях, можно считать обоснованным, если установлено, что информация имеет один и тот же материальный первоисточник. Под материальным источником информации в данном случае понимается единичный материальный объект или целостный материальный комплекс, как сложный идентифицируемый объект. При этом установление единого материального первоисточника информации должно предшествовать суммированию информации.

Так, суммирование идентификационных признаков в двух рядом расположенных следах пальцев правомерно, если предварительно установлено, что эти следы оставлены пальцами одной руки. При исследовании двух или нескольких следов обуви, транспорта, орудий и т.д., имеющих общий механизм следообразования, суммированию информации также должно предшествовать установление происхождения исследуемых следов от одного и того же объекта.

Если единый материальный источник информации, содержащийся в различных отображениях, не установлен, ее объединение является необоснованным и может привести к ошибочному выводу о тождестве.

Правильно отмечая возможность суммирования информации, содержащейся в различных отображениях, отдельные авторы не указывают на данное принципиальное положение. Так, для суммирования информации, полученной путем разделения экспертных исследований дроби, пыжей, гильз, прокладок и для идентификации “стреляного патрона в целом” [208, стр. 8], не указывается, однако, на необходимые условия объединения информации. Установление, что все указанные части составляли единое целое (патрон), является необходимым предварительным условием объединения содержащейся в них информации. Особенно важно это в случаях, когда на месте преступления произведен не один, а несколько выстрелов (выстрелы из двуствольного ружья), а тем

более, когда стрельба производилась несколькими лицами.

Аналогично положение и в других отраслях идентификации. Так, при исследовании подписей в различных ведомостях, актах и других документов часто оказывается, что в отдельности каждая из них содержит недостаточный материал для идентификации. Вместе с тем в совокупности эти подписи, если они выполнены одним лицом, дают достаточный материал для отождествления. Отмечая это, отдельные авторы рекомендуют условно принимать все исследуемые подписи за один текст и подвергать сравнительному исследованию с образцом почерка и подписей третьего лица. Однако если совокупность подписей принимается за один объект условно, то вывод об исполнении подписей определенным лицом также будет условным, основанном на указанном допущении[1]. Такого рода заключения могут иметь смысл при доказывании только тогда, когда факт выполнения данной совокупности подписей одним лицом установлен следственным путем, а не экспертом. Предпочтительнее, однако, установление исполнителя совокупности исследуемых подписей самим экспертом. Для этого подписи подвергаются специальному предварительному исследованию, результаты кото- рого фиксируют в заключении эксперта. Положительный вывод при этом является основанием для объединения идентификационных признаков, содержащихся в каждой отдельной подписи. Думается, что поскольку вывод о единстве происхождения исследуемых отображений является основанием объединения содержащейся в них информации, он сам должен быть доказан, научно обоснован. Нельзя признать правомерным ни условное обоснование этого вывода, ни его принятие без доказательств, без обоснования.

Необходимость доказывания обусловливает потребность в соответствующей методике. Обоснование таких методик в ряде случаев уже имело место. В качестве примера можно привести методику сравнения следов и вещественных доказательств, обнаруживаемых на местах преступлений. Подобная методика используется в работе монодактилоскопической и пятипальцевой картотек, а также в работе картотек пуль, гильз, следов орудий, почерков и т.п. Существенная особенность сравнительного исследования в этих случаях состоит в том, что сравнение проводится по отображениям искомого объекта при отсутствии проверяемого объекта. Для исследования объектов сложной структуры применяются методики идентификации целого по частям, например, в отношении пуль и гильз, осколков стекла, взаимопринадлежности частей огнестрельного оружия и других объектов.

---

[1] Вопрос о допустимости условных заключений, опирающихся на факты, установленные следственным путем, положительно решается в литературе [см. 228, 379].

Б. Необходимым условием суммирования идентификационных признаков является структурный анализ идентифицируемого объекта и его отображений. Проблема структурного информационного анализа идентифицируемого объекта поставлена практикой криминалистических исследований сложных многокомпонентных объектов. Впервые она была рассмотрена В.С.Митричевым в связи с анализом структуры многоступенчатого идентификационного исследования [200, стр. 125]. В процессе многоступенчатого исследования В.С.Митричевым выделены промежуточные и конечные, а позднее другими авторами - исходные и непосредственные объекты [120, стр. 76-77] идентификации.

Так, в случаях исследования почвенно-растительных наложений на одежде подозреваемого конечным объектом идентификации будет локализованный участок местности, на котором совершено преступление и связь с которым исследуется посредством идентификации. Промежуточными объектами будут минеральная, гумусовая и биологическая части почвы, посторонние включения. Примерами исходных объектов идентификации в этом случае будут конкретные виды минералов, рассеянные и редкие элементы, виды аминокислот, углеводородов, ферментов, диатомовых водорослей, элементы спорово-пыльцевого спектра и др.

Исходные объекты представляют элементарное, не подвергающееся дальнейшему анализу звено структуры идентифицируемого объекта. Промежуточные объекты характеризуют вышележащие звенья структуры идентифицируемого объекта. В зависимости от характера и сложности межкомпонентных связей могут быть выделены промежуточные объекты разных уровней (ступеней). Промежуточные объекты устанавливаются путем оценки информации, полученной из структурно-взаимосвязанного узла объектов низшего уровня. Конечный идентифицируемый объект характеризует общую структуру идентифицируемого объекта и устанавливается путем оценки всей собранной идентификационной информации.

Рассмотрим структуру сложного идентифицируемого объекта на практическом примере.

При расследовании ограбления магазина № 17 леспромхоза в поселке Березино, связанного с убийством зав. магазином, на месте преступления обнаружили кепку-восьмиклинку, оставленную преступником. Была поставлена задача установить владельца найденной кепки. У подозреваемого К. были изъяты брюки, пошитые из однородного материала и образцы волос для сравнения с волосом, найденным внутри кепки.

Структура сложного идентифицируемого объекта по этому делу выражена следующей упрощенной схемой (см. рис. 1).

В качестве примеров исходных объектов в схеме показаны 4_1 и 4_2. Конечным объектом является 1. В качестве промежуточных объектов показаны 2_1 и 3_5.

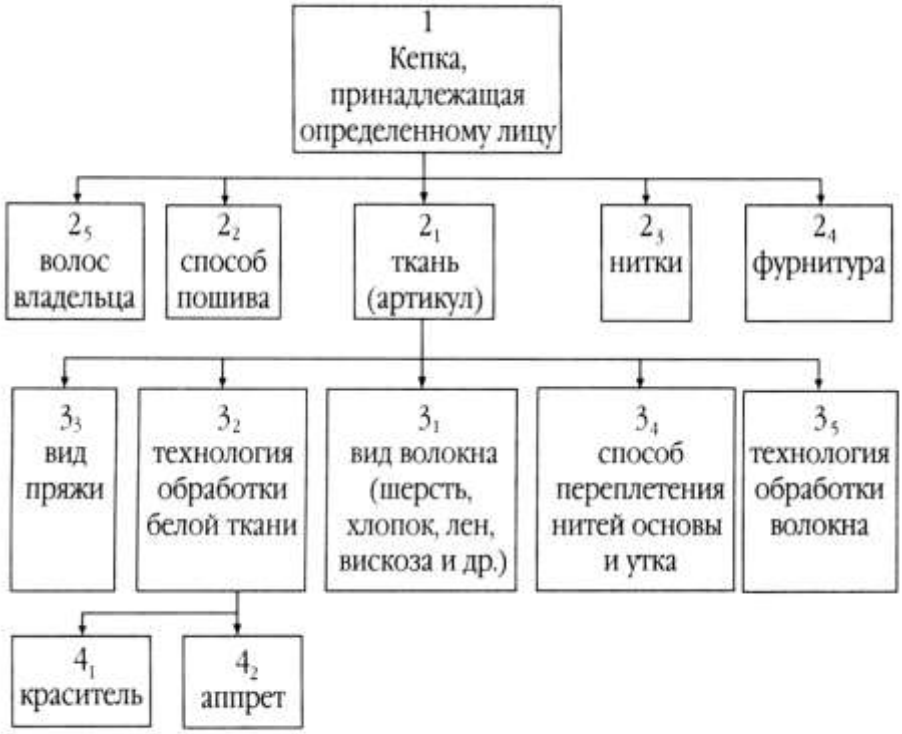

Рис. 1. Структура сложного идентифицируемого объекта

Представленная модель сложного идентифицируемого объекта должна быть дополнена понятием непосредственного объекта исследования[1]. Непосредственные объекты идентификации - это непосредственные источники идентификационной информации, полученной путем применения специальных технических или тактических приемов исследования. Необходимость данного понятия обусловлена тем, что идентификационная информация может быть получена как путем непосредственного изучения ее носителей - предметов и следов, так и путем изучения межструктурных связей идентифицируемого объекта, путем оценки исходной информации. Так, в приведенном случае объекты 1, 2_5, 2_3, 2_4, 3_4, 4_1, 4_2 являются непосредственными источниками идентификационной информации, в то время как другие объекты устанавливаются опосредствованно, путем оценки информации, полученной в результате серии непосредственных наблюдений и анализов: визуального, микроскопического, химического и т.д. В схеме эта категория объектов показана на примере объектов 2_1, 3_5, 3_2.

Сложный состав исследуемого объекта делает невозможным его всестороннее изучение каким-либо одним методом и даже одной группой методов,

[1] Некоторые существенные аспекты понятия непосредственного объекта исследования рассматривает Ю. К. Орлов [226, стр. 42-43].

что в принципе возможно применительно к объектам почерковедческой, трасологической, портретной, вокалографической и другой идентификации, исследующей однородное идентификационное поле. Возникает необходимость выделения непосредственных объектов и соответствующих им аналитических методов. Правильное определение непосредственных объектов идентификации обеспечивает оптимальное использование содержащейся в объектах идентификационной информации: полноту и детальность анализа. Круг непосредственных объектов должен соответствовать возможностям современных аналитических экспертных и следственных методик, а уровень этих объектов (род, вид, подвид и т.д.) - задача индивидуализации конечного объекта идентификации. При этом полнота анализов обеспечивает достаточный объем идентификационной информации, а их детальность - ее качество, выделительную способность.

Понятие непосредственных объектов исследования конкретизируется в технических схемах исследования, предусматривающих, как это отмечает В.А.Пучков, “комплекс необходимых и достаточных для решения идентификационных задач... научно-технических средств (методов)” [256, стр. 11].

В рассмотренном выше случае для установления принадлежности кепки подозреваемому в преступлении Козюкову были проведены такие следственные действия:

а. Опознание кепки сестрой Козюкова.

б. Опознание кепки портным, пошившим эту кепку.

в. Экспертиза ткани кепки и ткани брюк, изъятых у Козюкова и пошитых одновременно из однородной ткани.

г. Судебно-медицинская экспертиза, объяснившая различие размера кепки (55,5 см) и окружности головы Козюкова (57 см) развитием скелета последнего в возрасте 19-23 лет.

д. Следственный эксперимент, показавший возможность одевания и ношения кепки Козюковым.

е. Судебно-биологическая экспертиза, установившая групповое тождество волоса, обнаруженного в кепке, и волос Козюкова.

В результате проведения указанных следственных действий принадлежность оставленной на месте преступления кепки Козюкову была точно установлена.

Техническая схема анализа наиболее существенных идентификационных признаков идентифицируемого объекта представлена на стр. 305 (рис.2).

Рис. 2. Техническая схема опознания сложного идентифицируемого объекта.

Как видно из приведенной схемы, непосредственные объекты исследования могут находиться на различных структурных уровнях идентифицируемого объекта (1, 2, 3,4), характеризующих степень общности, получаемой в результате исследования этих объектов информации.

Вместе с тем получаемую при этом информацию не следует отождествлять с понятием объекта соответствующего уровня. Так, опознание кепки, произведенное сестрой К., осуществлено на уровне конечного объекта идентификации (установлена принадлежность кепки К-ву). Однако такое опознание, как видно из схемы, представляет лишь небольшую часть той информации, которая в данном случае использована для установления конечного идентифицируемого объекта.

Таким образом, выделение непосредственных, исходных, промежуточных и конечных объектов идентификации является наиболее эффективным методом научного анализа внутренней структуры сложных многокомпонентных объектов. При этом непосредственные объекты выступают как непосредственные источники идентификационной информации. Исходные и промежуточные - как элементы структуры, устанавливаемые путем оценки исходной и опосредствованным путем полученной идентификационной информации. Конечный же объект представляет целостную структуру как взаимосвязь всех рассмотренных элементов, устанавливаемую посредством оценки всей идентификационной информации.

Выделение непосредственных, исходных, промежуточных и конечных объектов идентификации и составление соответствующих структурных схем обеспечивают правильное планирование исследования и методически обосно-

ванное использование получаемой в результате анализов информации. Исследование непосредственных объектов, осуществляемое посредством их чувственного восприятия и приборного анализа, дает основную массу исходной идентификационной информации. Логический анализ полученной информации в системе криминалистических знаний о структуре исследуемого объекта позволяет прийти к выводам об основных узлах, элементах данной структуры (промежуточных идентифицируемых объектах). В свою очередь, информация об основных структурных элементах исследуемого объекта позволяет построить целостную достоверную информационную модель такого объекта и разрешить вопрос о его тождестве. Рассматриваемая последовательность идентификационного исследования обеспечивает получение наиболее обоснованных и достоверных выводов. Различные уровни идентификационных исследований создают определенные резервы идентификационной информации и запас надежности конечного вывода. Особенно наглядно выступает это положение в случаях, когда промежуточные объекты идентификации могут использоваться как самостоятельные конечные объекты идентификации.

Так, в случаях идентификации похищенной у потерпевшего и обнаруженной при обыске у обвиняемого одежды конечным идентифицируемым объектом будет комплект одежды, обуви и носильных вещей, бывших при потерпевшем в момент преступления. Этот объект как целостный материальный комплекс и должен быть предъявлен для опознания. В ряде случаев, однако, ограничиваются предъявлением для опознания отдельных предметов одежды: кепки, пиджака и т.д. Вместе с тем нередко возникает необходимость детального исследования структуры указанных промежуточных объектов: материала платья, подкладки, ниток, пуговиц, способа изготовления и т.д., которые выступают как непосредственные объекты идентификации.

Не всякий случай расследования позволяет произвести идентификацию на всех указанных уровнях из-за отсутствия соответствующих сравнительных материалов: предметов, образующих комплект, остатков ткани и других материалов, использованных для изготовления одежды, и др. Вместе с тем, однако, несомненно, что наиболее обоснованным и надежным будет вывод о тождестве, базирующийся на идентификационных исследованиях, выполненных на всех указанных уровнях. Практика следственной работы и идентификационных исследований идет именно по этому пути.

Структурный информационный анализ сложного идентифицируемого объекта позволяет решить ряд актуальных научно-практических задач идентификации.

1. На основе выделения непосредственных объектов осуществить разработку технических, а при производстве следственных действий тактических

схем криминалистических исследований, обеспечивающих получение наиболее полной аналитической идентификационной информации.

2. На основе выделения исходных, промежуточных и конечных объектов всесторонне использовать возможности естественно-научных и технических классификаций каждого структурного элемента идентифицируемого объекта на любом уровне. Так, при идентификации изделий используется не только классификация готовых изделий, но и промежуточных объектов, например: ткани, ниток, волокна, красителя, фурнитуры и др.

3. Детализация структуры объекта по вертикали и горизонтали обеспечивает максимальную индивидуализацию на основе использования “пересекающихся” классификаций и выделения атипичных свойств: примесей, наложений, отклонений в технологии изготовления и эксплуатации.

Так, техническая классификация текстильных волокон в качестве предельных выделяет такие подклассы, как шерстяные, хлопковые, полиамидные и т.д. Использование “пересекающихся” классификаций и особенностей позволяет выделить значительно более узкие группы, например, полиамидные волокна капрона, круглого сечения, матированные, красного цвета, окрашенные красителем Дисперсный розовый С, с оплавленными концами [см. 260].

4. На основе использования межкомпонентных связей элементов структуры выявляется новая идентификационная информация, устанавливаются промежуточные элементы структуры, их видовые и родовые свойства. Так, например, технология обработки изделия и его составных частей, марка, сорт, модель и другие интегральные свойства выясняются путем исследования нижележащих промежуточных объектов.

5. Целостная информационная модель идентифицируемого объекта позволяет систематизировать совокупную информацию, полученную путем исследования всех его структурных элементов и дать ей интегральную оценку. Эта задача приобретает особую актуальность в случаях комплексных экспертиз, когда на фазе экспертного синтеза необходимо оценить информацию, полученную разными экспертами с применением различных аналитических инструментальных методов. Она чрезвычайно важна также на фазе формирования доказательственных идентификационных систем при оценке доказательств следователем и судом.

Из сказанного видно, что структурный информационный анализ сложного идентифицируемого объекта как метод исследования и доказывания далеко выходит за рамки экспертного синтеза. Он эффективно обслуживает и стадию планирования экспертного исследования и служит целям организации взаимодействия следователя и экспертов и оценке судебных доказательств.

Важным условием суммирования информации, полученной из следов,

является структурный анализ отображений и механизма их образования.

В суммируемый комплекс должны включаться лишь признаки, отображающие самостоятельные структурные элементы и свойства идентифицируемого объекта. Если суммируются признаки, отображающие одни и те же свойства идентифицируемого объекта, то идентификационное значение их совокупности не возрастает. В связи с этим каждый признак должен быть отображением конкретной особенности идентифицируемого объекта. Так, при наличии нескольких следов одного и того же пальца, образованных в различных условиях, каждый из них наряду с отображением одних и тех же особенностей, например, центральной части папиллярного узора, может содержать отображение различных периферических участков того же узора. В процессе исследования следует предотвратить суммирование одних и тех же особенностей и максимально использовать возможности индивидуализации за счет выявления дополнительных особенностей. Достигается это путем строгой ориентации вновь обнаруживаемых признаков относительно хорошо различимых устойчивых особенностей узора (центра, дельты, характерной детали). Особенно большое значение приобретает такой анализ при исследовании отображений небольших участков папиллярных узоров и пор.

При исследовании рукописей особенности письменно-двигательного навыка изучаются путем последовательного анализа букв, их сочетаний, слов и рукописи в целом. Применение структурного анализа к рукописям позволяет избежать суммирования одних и тех же признаков навыка, проявляющихся в виде одинаковых элементов различных букв, букво- и словосочетаний и т.п.

Повторяющиеся отображения одного объекта нередко образуются в результате определенного цикла действий. Примерами таких циклов могут служить автоматная очередь, последовательно пробитые кассовые чеки, повторяющиеся элементы походки, обороты колеса транспортного средства, последовательно проставленные оттиски печати, подписи и т.п. Установление путем исследования материальной обстановки того факта, что в данном случае имел место именно цикл взаимосвязанных и повторяющихся действий существенно облегчает установление единства происхождения отображений.

При исследовании “параллельных” отображений основанием суммирования является происхождение исследуемых отображений от частей одного и того же объекта. Центр тяжести здесь переносится на изучение соотношения части и целого, выявление и оценку признаков, указывающих на связь элементов и целого. Отсутствие органической связи целого и частей в составных объектах требует обязательного установления того факта, что части сложного объекта не заменялись. Если, например, шина с искомой автомашины была переставлена на другой автомобиль той же марки, идентификация последнего

по суммированным идентификационным признакам данной и других шин могла бы привести к ошибке.

Структурный анализ источников информации во всех случаях должен сочетаться с исследованием взаимосвязи суммируемых идентификационных свойств и признаков.

4.5. Комплексные идентификационные исследования

4.5.1. Предпосылки и условия комплексных идентификационных исследований

Проблема комплексности экспертных исследований относится к числу наиболее актуальных и перспективных проблем судебной экспертизы и доказывания. Об этом свидетельствует резко возросшее число публикаций [см., например, 375; 371; 279; 226] и проведение специальной Всесоюзной конференции [см. 253], принявшей рекомендации [266], а также опубликование специальной инструкции об организации комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях. Разработка научно-теоретических и методических проблем комплексных судебно-экспертных исследований рассматривается как одно из основных перспективных направлений в концепции развития судебной экспертизы.

Концентрация внимания и творческих усилий ученых и практиков на проблеме комплексных исследований в судебной экспертизе вызвана двумя важнейшими причинами. Первая из них состоит в том, что разработка проблемы комплексности облегчает всестороннее использование возможностей судебной экспертизы в процессуальном доказывании в условиях резко обозначившейся специализации экспертного знания. Вторая причина состоит в том, что в результате комплексных исследований в объектах судебной экспертизы выявляются такие пласты и срезы доказательственной информации, совместное использование которых позволяет решать новые, ранее не разрешимые экспертные задачи. К числу таких задач относится, в частности, задача индивидуальной идентификации объектов по их субстанциональным свойствам.

В связи со сказанным следует отметить, что принцип комплексного использования доказательственной информации представляет также общую тенденцию развития института следственного действия [см. 369, стр. 22-45] и процесса доказывания по уголовным делам в целом. Так, сопоставление и совместное использование информации, полученной из вещественных и личных источников при производстве следственного эксперимента, опознания, проверки показаний на месте позволяют получить качественно новые результаты

в расследовании по сравнению, например, с традиционным осмотром и допросом.

Методология комплексных исследований в экспертно-криминалистической идентификации базируется на принципах системно-структурного, системно-деятельностного и комплексного подходов, получивших интенсивное развитие в современной науке [см., например, 32, 195, 397].

Основной смысл системно-структурного подхода в экспертно-криминалистической идентификации состоит в том, что он представляет современную методологическую основу анализа объектов судебной экспертизы. Традиционное понимание анализа состоит в переходе от общего к частному путем выделения соответствующих признаков анализируемого объекта. Системно-структурный подход существенно обогащает научные возможности анализа, выделяя в объекте новые свойства, связи и отношения.

1. Объект рассматривается как целостная система, обладающая новыми интегративными свойствами, которых нет у образующих его элементов. В соответствии с этим принципом в ряде предметных областей выделены новые интегративные свойства объектов экспертизы [см., например, 295 и др.].

2. В объекте выделяются элементы - свойства, характеризующие пределы анализа и “кванты” идентификационной информации об объекте исследования. Это облегчает информационный подход к анализу процесса идентификации, семантический анализ понятий идентификационных свойств и признаков [117, стр. 38-61], а также их вероятностно-статистическую оценку [см. гл. 2].

3. В объекте экспертного исследования выделяются устойчивые связи и взаимодействия элементов, которые характеризуют внутреннюю структуру и внешнюю функцию системы и четко отграничивают ее от выше- и нижестоящей системы. Это обеспечивает интегральную оценку целостности объекта, что составляет предпосылку индивидуальной идентификации сложных объектов. Так, выделение элементарных двигательных привычек в составе письменно-двигательного навыка, прослеживание их взаимосвязи и взаимодействия ведет к пониманию функции почерка как двигательной стороны письменной речи, выделяемой наряду с системами лингвистических, орфоэпических, мимических, голосовых и иных свойств речевого общения. При этом во внутренней структуре почерка могут быть выделены системы большей или меньшей общности, характеризующие его иерархическую организацию (интегральные, общие, частные).

4. Структура системных объектов исследуется в процессе становления, развития, уничтожения. Для разрешения задач криминалистической иденти-

фикации особенно актуальным является возможность формирования идентификационных комплексов в процессе расследуемого события и учет идентификационного периода существования объектов.

5. В случаях, когда в качестве объектов идентификации выступают системы деятельности (профессиональной, преступной, бытовой и т.д.), большую актуальность приобретает системно-деятельностный подход. В качестве специфических элементов структуры деятельностных систем выступают установка, мотив, цель, акцептор действия, результат, эффертный синтез, обратная афферентация, представляющие специфические особенности функциональной системы как объекта криминалистической идентификации.

Наряду с системно-структурным важнейшую предпосылку комплексных исследований составляет комплексный подход. Если первый обеспечивает системное видение объекта в качестве целостной системы, имеющей определенную иерархическую организацию и функцию, то второй - характеризует методологию интеллектуального или практического овладения, оперирования этим объектом. При этом реализация принципов комплексного подхода возможна и целесообразна лишь в тех случаях, когда в структуре объекта могут быть выделены подсистемы или информационные поля, исследование которых требует “межпредметной кооперации труда” как формы соединения разных видов деятельности при решении проблем в пограничных областях знания [194, стр. 70-84].

В криминалистике и судебной экспертизе комплексный подход характеризуется следующими существенными чертами:

1) единой задачей исследования, связанной с предметом доказывания по уголовному делу;

2) различными источниками информации о различных системах идентификационных свойств, необходимых для разрешения поставленной перед экспертизой задачи;

3) использованием методов исследования, относящихся к различным специальным познаниям;

4) участием в экспертизе специалистов разного профиля;

5) интегральной оценкой полученной в результате анализов информации на основе общей для задачи данного исследования теории и методологии[1].

В области экспертно-криминалистической идентификации использование идей системно-структурного и комплексного подходов позволяет разре-

1 Эти черты выделяются и при общеметодологическом анализе комплексного подхода [см. 341, стр.12-13; 309, стр. 73].

шить важнейшую практическую проблему - дефицита информации об искомом объекте, содержащейся в отдельном следе или информационном поле искомого объекта. Эта проблема решается путем выделения, комплексного исследования и интегральной оценки различных идентификационных полей искомого, отображенных в обстановке расследуемого события.

4.5.2. Структура комплексного идентификационного исследования

Структура элементарного акта экспертно-криминалистической идентификации, рассмотренная в гл. II, справедлива для случаев исследования однородного идентификационного поля с использованием методов, специально созданных для исследования данного объекта экспертизы. В качестве образца подобных исследований могут быть приведены “чистые” почерковедческие или дактилоскопические экспертизы. Однако, если искомый объект представляет сложную систему, которая вступает в многостороннее взаимодействие с другими объектами и обстановкой преступления, в качестве источников идентификационной информации могут выступать различные подсистемы свойств, находящиеся на разных уровнях организации искомого объекта и требующие для своего выявления и исследования различных экспертных технологий. В связи с этим структура комплексного идентификационного исследования и система взаимодействия эксперта со следователем и специалистом оказываются значительно более сложными.

Особенности такого исследования выражены в его узловых подзадачах и стадиях. Требуют рассмотрения следующие стадии комплексного идентификационного исследования.

I. Определение задач исследования.

II. Планирование исследований.

III. Раздельный анализ и сравнение идентифицируемых объектов.

IV. Экспертный синтез.

Рассмотрим указанные задачи и стадии более подробно.

I. *Определение задач исследования.* При производстве комплексных исследований *определение задач исследования* особенно актуально в силу их непосредственной связи с задачами доказывания и необходимостью всестороннего использования специальных познаний для выяснения обстоятельств судебного дела.

1) Для правильного определения возможностей криминалистической экспертизы по уголовному делу необходимо в первую очередь произвести экспертный анализ следственной ситуации, в условиях которой возникла необходимость в проведении экспертизы. С этой целью эксперты, опираясь на свои

специальные познания, изучают представленные им материалы следственного или судебного производства для выяснения механизма расследуемого события и выделения в структуре материальных взаимодействий искомого (или искомых) объекта. Особенно продуктивно такое исследование в случаях, когда в качестве объекта экспертизы представляется материальная обстановка расследуемого события, а также когда экспертам предоставляются данные, характеризующие следственную ситуацию (поведение лица, объекта, агрегата в определенной обстановке). Анализ завершается выделением взаимодействующих материальных комплексов как предполагаемых искомых объектов с одной стороны, и носителей идентификационной информации - с другой.

2) Наряду с ситуационным осуществляется анализ механизма следообразования с целью определения контактных поверхностей взаимодействующих объектов и следообразующих субстратов. Результаты этого исследования используются для планирования экспериментальной работы в ходе экспертизы.

3) Следующим этапом конкретизации задач экспертизы является системно-структурный анализ проверяемого объекта с целью выделения идентификационных полей, актуализация которых возможна в данной следственной ситуации при определенном механизме взаимодействия объектов.

На основе полученных данных планируется:

а) обнаружение латентных следов, в том числе микрослед ов и микрочастиц, на возможных следоносителях;

б) получение образцов для сравнительного исследования на основе экспертного эксперимента с проверяемым объектом.

4) Проведенные анализы позволяют осуществить информационное моделирование сложного идентифицируемого объекта. В структуре исследуемого материального комплекса выделяются исходные, непосредственные, промежуточные и конечный идентифицируемые объекты.

Следует подчеркнуть, что только указанный четырехступенчатый экспертный анализ позволит в полной мере выявить возможности идентификационных исследований по конкретному делу, правильно определить их цели и обеспечит квалифицированное планирование экспертного исследования.

II. *Организационно-управленческая стадия комплексного идентификационного исследования* приобретает особое значение в силу необходимости определения оптимальной последовательности аналитических исследований и их информационной взаимосвязи, а также координации практических исследовательских действий и операций с объектами экспертизы.

План (программа) комплексного исследования представляет организа-

ционную основу роботы коллектива экспертов и должен содержать обозначение исходных, промежуточных и конечной задача исследования, включать технологические схемы решения каждой из них, т.е. перечни анализов, последовательность их проведения и обработку полученных результатов с указанием конкретных исполнителей, включая лаборантов и операторов ЭВМ, а также определять справочно-информационную и лабораторно-техническую базу исследования [см. 120, стр. 75-81].

План (программа) криминалистического идентификационного исследования составляется ведущим экспертом и согласовывается со всеми участниками экспертизы, а также, по возможности, с органом, назначившим экспертизу.

III. *Раздельный анализ и сравнение идентифицируемых объектов*. В процессе анализа производится раздельное исследование каждого идентификационного поля с использованием современной инструментальной базы. В акте экспертизы указываются пределы детализации признаков и свойств исследуемых объектов, использованные при этом инструментальные аналитические методики, выявленные признаки, способы их обработки и оценки, включая математические методы и программно-вычислительные средства, а также полученные результаты, т.е. выявленные различающиеся и совпадающие свойства сравниваемых объектов на различных иерархических уровнях их организации.

IV. *Синтезирующая (оценочная) стадия* комплексного идентификационного исследования является наиболее ответственной и в то же время специфичной в условиях комплексного исследования. Дополнительные трудности синтеза в условиях комплексного исследования вызваны тем, что предметом оценки являются различные системы идентификационных свойств, выявленные различными исследователями с использованием различных аналитических методов и программ обработки исходных признаков.

Наиболее актуальными в этой стадии представляются проблемы субъектов оценки, оснований и условий оценки и форм идентификационного синтеза.

Субъектами оценки идентификационной информации являются: суд и следователь - на доказательственном уровне; эксперт - в рамках специализированной типовой экспертной идентификационной методики; комиссия экспертов или эксперт-интегратор - в рамках комплексной идентификационной экспертизы.

Выявленная экспертом идентификационная информация оценивается следователей и судом в системе доказательств по уголовному делу, образуя соответствующие искомому факту подсистемы доказательств. При этом усло-

вием ее оценки следователем и судом является экспертная оценка этой информации, данная экспертами в синтезирующей части составленного ими заключения.

Условием участия экспертов в оценке выявленной информации является наличие у них соответствующих специальных познаний. Эксперты-криминалисты получают подготовку в области теории и методики экспертно-криминалистической идентификации, специальных методов и частных экспертно-криминалистических методик. Поэтому они располагают специальными познаниями и научно-техническими возможностями для проведения синтезирующего исследования. В случаях, когда частные предметные и методные знания экспертов не совпадают, например у эксперта-трасолога и судебного медика, оценка осуществляется на основе общих принципов и методики экспертно-криминалистической идентификации, которая образует смежную область их специальных профессиональных знаний и опыта.

Известно, что общий принцип и алгоритм оценки идентификационных свойств и их совокупностей базируются на подсчетах частоты их встречаемости в исходной (генеральной) совокупности объектов данного рода и не зависят от способа выявления оцениваемой совокупности свойств. На этой основе созданы и используются математические модели оценки, в принципе индифферентные к способу и инструментальной методике выявления оцениваемой информации.

Процедура оценки осложняется в случаях, когда в комплексном исследовании участвуют эксперты-предметники (биологи, физики, химики) или методники (специалисты-аналитики), которые могут решить задачу на уровне распознавания или классификации, но не могут дать общей оценки всей совокупности выявленной информации с позиции индивидуального отождествления. Такая оценка оказывается возможной, если в составе комиссии имеется эксперт-интегратор, предметные знания которого в максимальной степени приближены к интегральной структуре идентифицируемого объекта, а методные знания обеспечивают получение профилирующей для данного исследования информации. В качестве такого интегратора может выступать эксперт-баллист при идентификации источника происхождения боеприпасов, эксперт-трасолог при идентификации целого по части при наличии общей линии разделения объекта, эксперт-почвовед при идентификации локального участка местности и т.п.

Рассмотрим основные формы экспертного синтеза.

Экспертный синтез в рамках типовой специализированной методики экспертно-криминалистической идентификации представляет традиционную

форму комплексного использования естественно-научных и технических знаний для решения задач криминалистической экспертизы. Эта форма характеризуется типовыми объектами, задачами, экспертными ситуациями и алгоритмами их разрешения, массовым характером исследований, стационарными формами экспертизы, продолжительным “стажем” самой экспертизы. В силу этого в учреждениях экспертизы складываются стабильные методики и формы взаимодействия специалистов различного профиля, участвующих в производстве экспертизы и экспертном синтезе. Так, при комплексном решении задачи судебно-почерковедческой экспертизы могут использоваться знания, а в случае необходимости привлекаться специалисты из области автороведения, судебно-технической экспертизы документов, лингвистики, физиологии, математики. При этом частные методики судебно-почерковедческой экспертизы конкретно определяют задачи и функции каждого из указанных специалистов и значение получаемых ими результатов для формирования общего вывода судебно-почерковедческой экспертизы.

Следует подчеркнуть, что методическое значение типовых специализированных методик экспертной идентификации заключается в том, что они являются результатом обобщения экспертной практики и научных исследований в соответствующей области. При этом наиболее эффективные формы взаимодействия, апробированные наукой и практикой, закрепляются в методических рекомендациях и блок-схемах исследований. В связи с этим формы криминалистической идентификации, сосредоточенные в типовых специализированных методиках, представляют наиболее надежный и стабильный методический фонд в системе экспертно-криминалистической идентификации. Вместе с тем очевидно, что объем и глубина комплексных исследований в структуре конкретной методики являются одним из важнейших показателей зрелости, разработанности, надежности и общего научного уровня данной методики.

Экспертный синтез в рамках комплексной экспертизы осуществляется в трех формах:

1) комплексного коллегиального синтеза;
2) предметного интегрального синтеза;
3) комплексного ситуационного синтеза.

Комплексный коллегиальный синтез осуществляется в случаях, когда все участники комплексной экспертизы владеют теорией и методологией решения данного типа комплексных задач, а используемые ими аналитические методы охватываются данной методологией оценки.

Так, при идентификации личности по костным останкам, следам волос и фотоснимкам используются методы судебно-медицинской и криминалистиче-

ской идентификации, охватываемые методологией криминалистической идентификации. В этих случаях эксперты могут принимать участие в совместных исследованиях, давать совместную оценку выявленным свойствам и подписывать общее заключение экспертизы.

Предметный интегральный синтез осуществляется в тех случаях, когда в экспертизе наряду со специалистами-предметниками участвуют специалисты-методники, помогающие предметнику получать необходимые аналитические "срезы" исследуемого сложного идентифицируемого объекта. Так, при решении вопроса о том, является ли данная женщина матерью ребенка, труп которого обнаружен, проводятся сравнительные исследования крови, папиллярных узоров, признаков внешности, структуры ДНК. Однако не каждый из специалистов-биологов, выполнивших такие исследования, сможет принять участие в интегральном синтезе. К рассматриваемой форме синтеза относится оценка результатов комплексных многоступенчатых исследований при установлении источника происхождения сравниваемых вещественных доказательств (следов выстрела и боеприпасов, изделий промышленного производства и др. [см. 204, стр. 41,73 и др.]).

В этих ситуациях интегральный синтез следует поручить криминалисту, который на основе своих специальных познаний сможет дать интегральную оценку идентификационной значимости всех выявленных совокупностей свойств сравниваемых объектов с позиции индивидуального отождествления.

Комплексный ситуационный синтез дается в тех случаях, когда материальный комплекс, являющийся идентифицируемым объектом, формируется в обстоятельствах расследуемого события, и для исследования целостности этого объекта, оценки интегративных свойств его функционирования в инфраструктуре необходимо исследование механизма расследуемого события с использованием специальных познаний. В этих случаях суммирование чисто идентификационной информации, совокупная оценка взаимодействующих идентификационных полей оказывается недостаточной. Необходимо исследование динамической структуры взаимодействия, механизмов следообразования в связи с механизмом расследуемого события. К числу случаев такого рода относятся установление ФКВ предметов одежды, повреждающих орудий, транспортных средств и др., установление комплекта вещей по признакам хранения или эксплуатации и т.п.

Поскольку исследование механизма следообразования в связи с механизмом расследуемого события относится к числу специальных познаний эксперта-криминалиста, комплексный ситуационный синтез целесообразно поручать эксперту-криминалисту. Профилирующими методами исследования и

оценки в этих случаях являются следственный и экспертный эксперимент, моделирование, реконструкция механизма исследуемого события, его узлов и участвующих в нем объектов.

Анализ логико-информационной структуры комплексных исследований позволяет перейти к рассмотрению их организационных и процессуальных форм.

4.5.3. Организационные и процессуальные формы комплексных идентификационных исследований

Обобщение практики позволяет выделить три основных процессуально-организационных формы комплексных исследований.

1. Типовая предметная методика комплексного идентификационного исследования, так называемая “моноэкспертиза”.
2. Комплекс идентификационных экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого факта.
3. Комплексная экспертиза.

В последнем случае в зависимости от формы экспертного синтеза выделяется коллегиальная экспертиза, интегративная экспертиза; ситуалогическая экспертиза.

1. В типовой предметной методике криминалистического идентификационного исследования эксперт-предметник (почерковед, баллист, почвовед и др.) осуществляет интегральную оценку всей информации, полученной о сложном идентифицируемом объекте с участием специалистов-методников. В получении промежуточных выводов и итоговой оценке могут принимать участие математики и другие специалисты, “охватывающие” узловую и интегральную структуру и функцию идентифицируемого объекта.

Следует указать на существенное отличие интегральной оценки информации в рамках типовой методики экспертизы от интегрального синтеза в рамках комплексной экспертизы. Первая реализуется в типовых следственно-экспертных ситуациях, и формы взаимодействия экспертов запрограммированы в соответствующей типовой методике. Вторая осуществляется в атипичных следственно-экспертных ситуациях. Формы взаимодействия специалистов и сама методика представляют здесь в значительной степени уникальное экспертное исследование с большим удельным весом эвристических экспертных методов.

Все специалисты, “поставляющие” информацию для промежуточного или конечного вывода или принимающие участие в их формалировании, являются в процессуальном смысле экспертами. Форма, доля и вид их участия в

производстве экспертизы (лабораторный анализ, иное аналитическое исследование, оператор ЭВМ и др.) предусматриваются типовой методикой и должны быть отражены в заключении экспертизы. Это влечет их личную ответственность за результаты экспертизы.

Нельзя признать правильной точку зрения о том, что специалисты-методники, принимающие участие в комплексном исследовании, не являются экспертами в процессуальном смысле. Их участие в интегральном синтезе может быть ограниченным, но это не снимает с них процессуальной ответственности за полноту и качество поставляемой ими информации и промежуточные выводы. Нельзя признать правильной и практику тех судебно-экспертных учреждений, в которых в итоговом заключении экспертизы не указываются персонально лица, выполнившие лабораторные анализы, спектрограммы, хроматограммы, исследовательские фотоснимки и т.д. Это делает невозможной процессуальную проверку заключения эксперта путем допроса этих лиц, анализа условий исследования, подлинности представленной ими информации, а следовательно, и правильности конечных выводов, что представляет существенное процессуальное нарушение. В условиях гласного и состязательного судопроизводства подобные заключения могут быть признаны недоброкачественными (недопустимыми) доказательствами.

Нуждаются в уточнении получившие в литературе распространение [см. 1, стр. 3 и др.] термины “моноэкспертиза” или “однородная экспертиза”. Эти термины представляются неудачными в силу их многозначности и недостаточной конкретности. С одной стороны, неясно, что именно обозначает “моно” - “однопредметную” структуру или однородность метода. С другой - правильно констатируется, что принцип комплексности является общим принципом судебно-экспертного исследования и реализуется независимо от того, одна или несколько систем свойств исследуются в данной конкретной экспертизе. Поэтому вместо указанных терминов лучше использовать термин “типовая предметная экспертная методика”, которая представляет ясно очерченную логическую и процессуально-организационную форму реализации принципа комплексности.

2. Комплекс экспертиз, назначаемых следователем и судом с целью установления искомого объекта (факта), представляет реализацию принципа комплексности на доказательственном уровне. В этом случае эксперты, проводящие отдельную экспертизу, смогут реализовать принцип комплексности только при исследовании отдельного (отдельных) идентификационных полей искомого объекта. Что же касается комплексной оценки всей идентификационной информации об искомом объекте, то она осуществляется следователем и судом путем оценки частной системы доказательств об искомом факте. Эта

система охватывает всю совокупность идентификационной информации, полученной как посредством экспертиз, так и в результате проведения иных следственных действий, а также фактические данные о связи искомого объекта с расследуемым событием.

Поскольку следователь и суд не располагают специальными познаниями, необходимыми для оценки идентификационной информации и достоверного установления индивидуального тождества по материальным следам искомого объекта, представляется необходимым для оценки информации, выявленной отдельными экспертами, если ни один из них не пришел к категорическому положительному выводу об индивидуальном тождестве, назначение комплексной экспертизы.

Расширение сферы комплексных экспертиз за счет области автономных экспертных исследований должно рассматриваться как перспективное направление внедрения научно-технических средств в дело раскрытия и расследования преступлений и отправления правосудия. Для этого вывода есть, по крайней мере, три основания.

А. Оценка идентификационной информации под углом зрения положительного доказательства индивидуального тождества во всех случаях требует специальных познаний.

Б. Комплексная оценка идентификационной информации на доказательственном уровне должна производиться после комплексной оценки ее на экспертном уровне.

В. Использование возможностей комплексной оценки идентификационной информации на всех уровнях: в системах идентификационных признаков и свойств и в системах судебных доказательств - обеспечивает надежность конечного вывода об индивидуальном тождестве.

От комплекса экспертиз, назначаемых и проводимых по постановлению следователя и суда, следует отличать комплекс исследований, осуществляемых в рамках комплексной экспертизы.

С опубликованием ведомственных нормативных материалов получили достаточно подробную регламентацию процедура назначения и производства комплексной экспертизы, процессуальные и организационные взаимоотношения в комиссии экспертов, функции ведущего эксперта, ведущего СЭУ, организация межлабораторных, внутриведомственных и межведомственных исследований, процессуальное оформление выводов экспертов в случаях, когда они приходят к одному или различным выводам.

Вместе с тем представляет интерес сравнительная оценка различных форм комплексных идентификационных исследований с точки зрения их сложности и необходимой экспертной квалификации для их выполнения и с

точки зрения уровня активности использования научно-технического потенциала экспертизы в решении задач расследования и доказывания по уголовному делу.

Эти критерии важны как с точки зрения выбора тех или иных форм комплексной экспертизы следователем и судом, так и с точки зрения затрат труда в экспертных учреждениях.

Для решения поставленной задачи расположим различные формы комплексных экспертных исследований в порядке возрастающей сложности синтеза идентификационной информации.

1. Типовая предметная методика экспертно-криминалистической идентификации.
2. Комплекс автономных экспертиз по уголовному делу с целью установления искомого объекта.
3. Комплексная коллегиальная экспертиза.
4. Комплексная интегративная экспертиза.
5. Комплексная ситуалогическая экспертиза.

Сравнительный анализ указанных форм позволяет констатировать, что (при прочих равных условиях) по мере возрастания сложности исследования при переходе к каждой последующей форме вместе с тем возрастает и уровень активности использования научных возможностей экспертизы для разрешения задач раскрытия и расследования преступлений.

Если при работе в рамках типовой предметной экспертной методики эксперты действуют по типовому алгоритму, апробированному наукой и практикой, и имеют мало возможностей выйти за его рамки, то при решении интегративных и ситуалогических задач они в максимальной степени свободны в определении программы и технологических схем исследований для разрешения поставленных перед ними вопросов и проявления экспертной инициативы. Центр тяжести исследования переносится при этом на эвристические приемы и методы, а сама их программа приближается к свободному поиску истины на основе специальных познаний.

В то же время каждая из указанных форм имеет свою специфику.

Типовая предметная методика аккумулирует накопленный наукой и экспертной практикой опыт экспертных исследований.

Комплекс автономных экспертиз является показателем активности следователя и суда в поисках информации об искомом объекте.

Комплексное коллегиальное исследование является оптимальной с точки зрения надежности формой комплексного использования специальных познаний.

Интеграционная форма позволяет найти, полно и всесторонне использовать разные, подчас удаленные друг от друга, аналитические методы для исследования внутренней структуры искомого объекта.

Ситуалогическая экспертиза наиболее эффективна в тех случаях, когда возникают трудности в процессуальном использовании идентификационной информации и необходима компетентная ее оценка специалистом с учетом инфраструктуры объекта, его места и роли в обстановке и обстоятельствах расследуемого события.

4.5.4. Комплексные исследования в доказывании по уголовному делу

Комплексные идентификационные исследования являются наиболее эффективной и незаменимой формой использования специальных познаний при исследовании вещественных доказательств по уголовному делу. Эта форма использования специальных знаний обеспечивает:

а) наибольшую глубину исследования;

б) всесторонность исследований на основе их комплексной организации;

в) оптимальные условия взаимодействия следователя, специалистов и экспертов и “стыковку” доказательственной информации, полученной в процессе следственных действий и экспертизы.

Рассмотрим основные направления формирования идентификационной подсистемы фактических данных в процессе доказывания.

Установление доказательственных фактов по уголовному делу осуществляется посредством нормирования соответствующих подсистем доказательств. Экспертные выводы о тождестве включаются в соответствующие подсистемы доказательств и используются для установления любых материальных компонентов механизма расследуемого события. К их числу относятся субъекты преступного действия, орудия и средства преступления, предметы преступного посягательства, потерпевшие, элементы обстановки преступления, а также различные иные источники доказательств. Заключение комплексного идентификационного исследования в системе других доказательств может использоваться для установления любых обстоятельств объективной и субъективной стороны расследуемого преступления.

Непосредственно комплексное идентификационное исследование направлено на установление искомого объекта, т.е. объекта, определенным образом связанного с расследуемым событием. Эта задача решается путем формирования частной системы доказательств, состоящей из двух подсистем:

а) идентификационной подсистемы, обеспечивающей индивидуализацию сложного идентифицируемого объекта посредством выделения, описания

и оценки его идентификационных свойств;

б) подсистемы связи, характеризующей роль, место и функции искомого объекта в структуре механизма расследуемого события: субъект, орудие, предмет преступления, элемент обстановки и т.д.

А. Формирование идентификационной подсистемы доказательств при использовании комплексных идентификационных исследований характеризуется определенной спецификой. Назначая экспертизу, формулируя вопросы, участвуя в проведении исследований, обеспечивая экспертов сравнительными материалами и необходимой информацией, следователь и суд должны знать возможности комплексных идентификационных исследований, уметь прогнозировать их результаты и квалифицированно их оценивать.

Для решения этих задач следователь и суд могут воспользоваться следующими методическими приемами:

а) прием анализа следственно-экспертной идентификационной ситуации. Он состоит в динамическом информационном моделировании расследуемого события и исследовании функции искомого объекта в этом событии. Этот прием может осуществляться в форме следственного эксперимента с привлечением специалистов или реконструкции элементов обстановки расследуемого события. В результате в структуре искомого и проверяемого объектов выделяется система информационных полей, каждое из которых может быть идентифицируемым объектом, а также системы специальных знаний, необходимых для их изучения, круг вопросов, подлежащих разрешению, профиль специалистов и экспертных учреждений;

б) прием системно-структурного анализа сложного искомого и проверяемого объектов. В случаях, когда искомый объект представляет сложную многокомпонентную систему, в его структуре с помощью специалистов необходимо выделить непосредственные исходные, промежуточные и конечный идентифицируемые объекты. Это позволит эффективно организовать, спланировать и провести комплексное идентификационное исследование, а затем и оценить его результаты;

в) прием исследования интегральной структуры и функции искомого объекта. Анализ различных сторон искомого объекта, выделение в его структуре отдельных элементов и подсистем должны сочетаться с синтезом этой информации. Он обеспечивает установление целостности искомого объекта, доказательство принадлежности всей выявленной информации одному объекту. Такой синтез обеспечивает выявление внутренних интегративных свойств искомого объекта и определение его функции в составе исследуемого события. Так, слюна, пот и кровь как выделения и отделения человеческого

организма имеют свои специфические состав и свойства. Вместе с тем им присущи интегративные белковые свойства, которые могут указывать на их принадлежность одному и тому же человеку и обеспечивают их использование в одной идентификационной подсистеме. С другой стороны, обнаружение частичек крови, волос и волокон одежды потерпевшего на капоте и бампере автомашины подозреваемого и дорожном покрытии места происшествия указывает на механизм происшествия и место в нем потерпевшего как целостного материального комплекса.

Б. Формирование доказательственной подсистемы связи. Индивидуализация единичного объекта, завершающаяся его выделением в обстоятельствах расследуемого дела, представляет важнейшую задачу идентификации, но не исчерпывает задач доказывания. Выделенный объект должен быть исследован с точки зрения его относимости к делу, т.е. прослежена его связь с механизмом расследуемого преступления, а также с другими объектами, составляющими структуру преступного события. Для разрешения этих задач следователю и суду рекомендуется воспользоваться следующими методическими приемами:

а) изучение механизма образования следов искомого объекта;

б) изучение причинной связи этого механизма с механизмом преступного события.

Криминалистикой достаточно изучен механизм образования следов человека, животных, транспорта, огнестрельного оружия, почерка, фотоизображения и др.

В любом следе могут быть выделены идентификационные признаки объекта, вызвавшего след, и информация об условиях, механизме процесса следообразования. Так, по следу орудия взлома могут быть определены не только тип, род и вид орудия, его индивидуальные особенности, но и направление движения, взаимное положение орудия и преграды, энергия действия, количество и последовательность действий, давность следообразования и др.

Важным методическим приемом является сопоставление механизма следообразования с механизмом расследуемого события или исследование механизма следообразования в системе этого события в качестве одного из его элементов. При этом может быть установлена причинная связь[1] изучаемых явлений или их внешняя пространственно-временная связь. Так, например, установление, что взлом двери, следы которого использованы для идентификации, есть необходимый элемент способа проникновения на место кражи; след руки

[1] О методах исследования причинности посредством криминалистической идентификации см. раздел 6.7.

обвиняемого, образованный веществом принадлежащей ему крови при вскрытии хранилища, указывает на причинную связь исследуемых явлений.

Следует подчеркнуть, что полученная в результате такого исследования информация имеет важное доказательственное значение и подлежит фиксации в предусмотренных законом формах, т.е. в протоколах, фотоснимках, посредством кино- и видеозаписи, планах мест происшествий, а в необходимых случаях и в заключениях экспертиз.

В. Тактика проведения комплексных идентификационных исследований. Взаимодействие следователя, специалиста и эксперта в процессе доказывания. Комплексные идентификационные исследования дают следователю и суду ряд новых возможностей в установлении доказательственных фактов и в то же время характеризуются рядом специфических особенностей организации деятельности следователя, специалиста и эксперта, согласованное взаимодействие которых необходимо для наиболее эффективного разрешения задач доказывания по уголовному делу.

Поскольку экспертиза по уголовному делу представляет процессуальное следственное или судебное действие, производство которого регламентировано нормами УПК, и бремя доказывания при этом несут следователь и суд, последние должны использовать оптимальную тактику взаимодействия всех участников данного процессуального действия в интересах установления искомых объектов и достижения истины по уголовному делу.

Организационно-тактические основы такого взаимодействия характеризуются следующими особенностями[1].

Активным участием экспертов в анализе механизма расследуемого события.

Согласно действующей концепции судебной экспертизы эксперт не является субъектом доказывания по уголовному делу. Закон не возлагает на него бремя установления доказательственных фактов, на основе которых уголовное дело разрешается по существу. Однако на эксперта возлагается бремя доказывания своих выводов на основе изучения обстоятельств расследуемого события с использованием специальных познаний. В этой сфере пределы компетенции экспертов могут быть ограничены лишь пределами их собственных специальных познаний и характером разрешаемых ими вопросов, которые должны касаться фактической стороны события, но не его правовой оценки.

В системе взаимодействия следователя (суда) и эксперта заложено внут-

[1] Здесь не рассматриваются общие вопросы тактики производства экспертизы по уголовному делу [см. по этому вопросу: 379, стр. 62-91; 157, стр. 361-371].

реннее противоречие, которое состоит в том, что исследовательская активность эксперта должна направляться следователем (судом), осуществляющим доказывание по уголовному делу. Однако, не располагая специальными познаниями, следователь и суд не могут самостоятельно определить, какие именно специальные познания и в каких направлениях должны быть использованы в данной конкретной ситуации. Для разрешения этого противоречия в процесс была введена фигура специалиста (ст. 164, 168, 178, 179, 202 УПК РФ), а эксперту предоставлено право на экспертную инициативу (ст. 204 УПК РФ).

Указанная процессуальная система весьма далека от совершенства, так как не решает вопроса о последующем использовании специалиста в качестве эксперта и не указывает форм взаимодействия следователя и эксперта, обеспечивающих его оптимальное использование для установления обстоятельств уголовного дела.

В связи с этим особое значение приобретают основанные на обобщении следственной и экспертной практики рекомендации по организации указанного взаимодействия.

1. Ознакомление эксперта со всеми обстоятельствами уголовного дела, которые существенны с точки зрения формирования свойств сложного многокомпонентного идентифицируемого объекта, к числу которых относятся условия возникновения, формирования, эксплуатации, хранения, ремонта, а также обстоятельства расследуемого события, если они повлияли на формирование идентифицируемого объекта. К числу таких обстоятельств относятся характеристики технологии промышленного или сельскохозяйственного производства (рецептура, структура производственного процесса, его динамика, отклонения от ГОСТа и существующих нормативов), процессов складирования, транспортировки, эксплуатации объектов, являющихся вещественными доказательствами, если возникает проблема установления источника их происхождения. В необходимых случаях эксперту должна быть предоставлена возможность непосредственного ознакомления с условиями соответствующих производств для выяснения их фактического состояния и отступления от стандартной технологии, которые могут иметь значение важных индивидуализирующих признаков.

2. Непосредственное участие эксперта в подготовке и назначении экспертизы. В этом случае тактика назначения экспертизы предполагает предварительные консультации с экспертом при формулировании вопросов, подборе образцов для сравнительного исследования, участие эксперта в следственных действиях, направленных на получение необходимой эксперту информации и сравнительных образцов.

3. Обмен информацией между следователем и экспертом при производстве экспертизы с целью конкретизации и фокусирования исследовательских действий, выделения необходимых идентификационных полей, формулирования вопросов и оценки результатов проведенного исследования.

4. Нормирование следователем и судом идентификационной подсистемы доказательств. Выделение единичного объекта из исходной совокупности является задачей доказывания, и экспертиза является лишь одним из средств такого доказывания. Следователь и суд должны использовать другие, помимо экспертизы, источники идентификационной информации, которые обеспечивают дополнительные резервы надежности конечного вывода и позволяют взаимно проверить все собранные источники идентификационной информации. Особенно важны эти рекомендации в случаях, когда экспертиза не обеспечивает предельной индивидуализации идентифицируемого объекта и заключение дается на уровне родового или видового тождества.

В такой ситуации следователь и суд могут использовать прием ограничения круга проверяемых объектов в обстоятельствах конкретного уголовного дела. Если этот круг будет строго численно определен, суд может установить искомый объект методом исключения, для чего достаточно различия родовидовых свойств сравниваемых объектов. В этой ситуации экспертами могут быть использованы и дифференционные кибернетические алгоритмы.

В случаях, когда идентифицируемый объект не имеет собственной устойчивой формы, чрезвычайно важно установить неделимость идентифицируемого объекта в идентификационный период. Если это обстоятельство будет доказано следователем и судом, большую доказательственную силу приобретает условное заключение экспертов об индивидуальном тождестве сравниваемых объектов, если, конечно, исходная масса вещества была индивидуализирована экспертными методами.

Аналогичная ситуация складывается в случаях, когда эксперт обнаруживает существенные различия сравниваемых объектов, но не может дать отрицательного вывода о тождестве при отсутствии данных об изменениях технологических, производственных или иных детерминирующих процессов и факторов, влияющих на формирование идентифицируемого объекта в идентификационный период. При наличии таких данных, например об отсутствии существенных изменений в технологии, может быть дано условное отрицательное заключение.

5. Таким образом, сочетание следственных и экспертных методов доказывания и исследования позволяет наиболее эффективно нормировать и использовать идентификационные подсистемы доказательств. Формирование следователем и судом доказательственных подсистем связи искомого объекта

с расследуемым событием.

Могут быть рекомендованы следующие приемы формирования такой подсистемы:

а) исследование места искомого объекта в обстановке расследуемого события путем сравнительного исследования механизма следообразования и механизма расследуемого события. Это исследование может быть проведено в форме осмотра места происшествия с участием специалиста и в форме экспертного исследования обстановки места преступления;

б) исследование связи проверяемого объекта с расследуемым событием. Это исследование проводится в форме обычных следственных действий: допросов подозреваемых, проверки их показаний на месте, производства следственного и экспертного эксперимента. В ходе указанных действий проверяются показания подозреваемых, с проверяемыми объектами проводятся опыты или непосредственно в обстановке расследуемого события, или максимально приближенных к ним условиях. Причастность задержанных лиц к расследуемому событию проверяется с помощью шкалы “путь-время”, а также посредством специальной тактической операции по проверке алиби, которая складывается из серии оперативно-следственных действий.

Совокупность данных, содержащихся в идентификационной подсистеме и подсистеме связи, позволяет решить как задачу установления единичного объекта, так и задачу установления его роли в обстоятельствах расследуемого события. Таким образом, устанавливаются искомый доказательственный факт и его место в общей системе доказательств по уголовному делу.

V. УСТАНОВЛЕНИЕ ИСКОМОГО ОБЪЕКТА КАК ЧАСТНАЯ МЕТОДИКА ДОКАЗЫВАНИЯ

Установление искомого объекта, т.е. объекта, связанного с расследуемым событием, представляет доказательственный или искомый факт элемент предмета доказывания. Это - преступник, потерпевший, орудие или предмет преступления, место преступления или иные элементы материальной структуры расследуемого события.

Установление таких объектов представляет важную задачу процессуального доказывания, а поскольку для ее решения используются типовые алгоритмы идентификации, такое доказывание может быть выделено в частную методику, характеризуемую системой задач, принципов и устойчивой структурой деятельности. Для установления искомого объекта и соответствующего доказательственного факта необходимо разрешить следующие задачи:

индивидуализировать единичный идентифицируемый объект, т.е. определить его в числе однородных, сходных объектов в обстоятельствах конкретного уголовного дела;

отождествить сравниваемые системы свойств искомого и проверяемого объекта, т.е. признать их тождественными, неповторимыми и не имеющими различий, препятствующих идентификации;

выявить и определить характер связи искомого объекта с расследуемым событием, т.е. выяснить место искомого объекта в структуре расследуемого события.

Первые две из указанных задач подробно рассмотрены в гл. II-IV, в связи с чем в настоящей главе исследуется проблема связи искомого с расследуемым событием, которая характеризует доказательственное значение идентификации, роль выявленных ею объектов в обстоятельствах расследуемого события.

Такому исследованию должны предшествовать анализ логической структуры умозаключений следователя и суда на основе установленного тождества, его логические следствия и процессуальное значение.

5.1. Факт тождества: логические следствия и доказательственное значение

Тождество есть мыслимое человеком отношение вещи к самой себе в ее различных состояниях или проявлениях.

В категории диалектического тождества и законе логического тождества отражается момент относительной устойчивости и качественной определенности предметов и явлений объективного мира, которые представляют объективную основу познания и правильного мышления. Благодаря относительной устойчивости и качественной определенности предметов и явлений мы можем отразить их в своем сознании, запечатлеть их существенные признаки, сопоставить различные моменты их развития, выявить закономерности их движения и правильно отразить их в наших суждениях и умозаключениях. Специфика познавательных процедур при расследовании преступлений состоит в том, что в них отношение тождества выступает не только в форме логического постулата “объект мысли тождественен самому себе”, но и в форме задачи практического расследования, непосредственно связанной с установлением доказательственных фактов.

Эта задача является типовой задачей расследования и может быть сформулирована так: являются ли тождественными неизвестный объект, отображенный в следах преступления, и известный объект, выявленный в процессе расследования.

Главным свойством первого является его объективная связь с преступлением, главным свойством второго - его установленность, индивидуальная определенность, конкретное местонахождение.

Указанные объекты могут быть тождественными или различными, и отношение тождества между ними выступает как вопрос практического доказывания, требующий специальной процедуры исследования - методики экспертной идентификации, следственного или судебного опознания и методики доказывания тождества.

Если в итоге реализации этих процедур вопрос о тождестве разрешается положительно, т.е. доказывается, что объект, отразивший себя в криминальной ситуации, и объект, выявленный в процессе расследования, представляют один и тот же индивидуально-определенный объект: лицо, предмет, материальный комплекс, устанавливается важный доказательственный факт - объективная связь конкретного индивидуально-определенного объекта с расследуемым событием преступления. Вывод о связи конкретного лица, предмета, участка местности и т.д. с событием преступления представляет умозаключающую деятельность, логическая структура которой недостаточно исследована в юридической литературе, несмотря на ее очевидную актуальность для доказательственной деятельности следователя, прокурора и суда.

Особенности логической структуры умозаключений, опирающихся на выводы о тождестве, лежат в основе самостоятельной методики доказывания с использованием идентификации. Поэтому анализ особенностей доказывания

с использованием выводов о тождестве должен начинаться с разбора особенностей логической структуры умозаключения.

Умозаключения на основе установления тождества впервые подробно рассмотрены в трудах выдающихся русских логиков М.И.Каринского и Л.В.Рутковского. Выводы на основе установленного тождества предметов выделяются указанными исследователями в особый тип выводов, отличный от дедуктивных и индуктивных умозаключений. М.И.Каринский характеризует их как “выводы от отдельных предметов к отдельным предметам”, Л.В.Рутковский - “умозаключениями традуктивного типа” [см. 98, 103].

Следует отметить, что в ряде известных работ по логике советских авторов традуктивные умозаключения самостоятельно не рассматриваются [см. 358]. Так, М.С.Строгович относил всю группу указанных умозаключений к разновидностям силлогизма [332, стр. 267-272], В.Ф.Асмус рассматривал их наряду с индуктивными умозаключениями [11, стр. 236-240]. Однако в последнее время традуктивные умозаключения вновь не без основания выделены в самостоятельный тип выводов, отличный от индукции и дедукции. “В традуктивных умозаключениях вывод идет от знания определенной степени общности к новому знанию, но той же степени общности” [140, стр. 542-543].Таким образом, идеи Л.В.Рутковского и его последователей, касающиеся исследования типов умозаключений, и в настоящее время полностью сохранили свое научное значение, а предложенная им система выводов “несомненно является наиболее глубокой и фундаментальной из всех классификаций не только в русской, но и в мировой истории логики” [см. 139, стр. 367].

Выделяя особый тип выводов на основании установления реального тождества объектов, М.И.Каринский характеризовал его следующим образом:

“Очень часто... может случиться, что предмет, рассматриваемый с иной точки зрения или обсуждаемый на основании неполных сведений о нем или по каким-либо другим причинам, может казаться нам особым предметом, - не тем, который уже играл роль субъекта во многих наших суждениях. В таком случае перенесение определения с предмета первого на последний, совершенное вследствие открывшейся возможности отождествить их, или признать, что только для нашего сознания они представлялись двумя особыми предметами, необходимо расширит наше знание о последнем, будет существенно новым знанием о нем” [98, стр. 63].

Последующее развитие науки убедительно подтвердило роль выводов на основе установления тождества в ряде отраслей знания. Показателен в этом отношении метод, использованный академиком Б.А.Рыбаковым при исследовании ремесел Древней Руси.

Устанавливая изделия, отлитые в одной и той же форме или выбитые

одним и тем же штампом, Б.А.Рыбаков определял районы сбыта продукции отдельных мастеров, исторически сложившиеся торговые и производственные связи, даты отдельных памятников, места их изготовления. Было выяснено происхождение многих замечательных памятников русской культуры, приписываемых отдельными историками иностранцам. Установленные факты позволили сделать ряд важных выводов об уровне развития ремесла в Древней Руси [283, стр. 29, 293 и др.].

Широко используется метод отождествления и при других исторических исследованиях. Одним из примеров является использованный М.М.Герасимовым метод портретной реконструкции лица по черепу, позволивший получить представление об облике ряда исторических лиц [60, стр. 140-177].

Одна из версий о творце всемирно известного “Витязя в тигровой шкуре” состояла в том, что им мог быть Шота Мечурчлетухуцеси, министр финансов при дворе царицы Тамар, упоминаемый в летописях двенадцатого столетия. Документально подтвердить эту гипотезу не удалось. Только после обнаружения фрески - портрета Шота Руставели в Крестовом монастыре Иерусалима, где скончался Шота Мечурчлетухуцеси, версия об идентичности указанных двух лиц получила свое подтверждение.

Обращаясь к судебному исследованию, нетрудно убедиться, что в этой области выводы на основе установления тождества имеют особенно широкое распространение и значение. Изучая событие преступления по его следам и отображениям в материальной обстановке и сознании людей, суд и следователь обнаруживают, что выявленные при расследовании лица и предметы действительно являются теми самыми, которые вызвали следы преступления.

“Что верно об одной вещи, верно и о другой, тождественной с нею”, - формулирует принцип выводов на основании тождества объектов Л.В.Рутковский.

Вывод о тождестве становится основанием для умозаключения о связи установленных лиц и предметов с расследуемым событием, что качественно изменяет их место и роль в уголовном процессе.

Во всяком умозаключении необходимо различать:

- исходное знание, выражающееся в посылках (посылке);
- обосновывающее знание, выражающееся в правиле умозаключения;
- выводное знание, выражающееся в выводе.

Структура умозаключения на основе тождества объектов описывается Л.В.Рутковским следующим образом: “Основное суждение высказывает известное определенное положение о каком-либо предмете, характеризованном в нашем сознании известным именем; суждение обосновывающее устанавли-

вает реальное тождество между этим предметом и им же, но характеризованным иным именем и потому представляющимся нам другим предметом; суждение же выводное определяет этот последний тем определением, которое приписывалось первому в суждении основном" [98, стр. 274].

Для анализа структуры умозаключения на основе тождества в процессе доказывания весьма продуктивны и ранее введенные нами понятия искомого и проверяемого объектов. Логический смысл отождествления состоит в том, что оно позволяет перенести связи искомого объекта, установленные по одному из его проявлений, на выявленный в процессе расследования проверяемый объект. Если искомый объект связан с расследуемым событием и если он тождественен проверяемому объекту, то этот последний также связан с расследуемым событием.

Примером может служить следующий вывод:

1-я посылка: взлом совершен орудием, следы которого имеются на сейфе.

2-я посылка: орудие, следы которого имеются на сейфе, тождественно ломику обвиняемого.

Вывод: взлом сейфа совершен ломиком обвиняемого.

Анализируя логическую структуру рассматриваемого вывода, нетрудно убедиться, что каждая из входящих в него посылок сама является результатом относительно самостоятельного исследования и умозаключения (или цепи умозаключений).

Рассмотрим более подробно логическое содержание и процессуальную природу всех элементов приведенного умозаключения.

В качестве исходного знания в рассматриваемом умозаключении фигурируют две посылки.

Вторая посылка - суждение о тождестве является результатом самостоятельного идентификационного исследования, содержание которого подробно рассмотрено в гл. II настоящей работы.

Первая посылка указывает на связь искомого объекта с расследуемым событием. Вывод о причинной, пространственно-временной или иной связи явлений с расследуемым событием также является результатом самостоятельного исследования.

Так, суждение о том, что взлом сейфа совершен каким-то пока не установленным орудием, следы которого обнаружены на сейфе, представляет индуктивный вывод о причине явления и сам базируется на ряде посылок. Этот вывод делается работником дознания или следователем, производящим осмотр места происшествия. Фактические же данные, на основании которых делается такой вывод, фиксируются в следственных протоколах.

Не углубляясь в рассмотрение структуры таких выводов и соответствующей методики исследования, ограничимся констатацией самостоятельного значения этих выводов. Если связь искомого объекта с расследуемым событием не будет установлена, и фактические данные, указывающие на эту связь, не будут процессуально закреплены в качестве доказательств, не будет исходного знания, необходимого для рассматриваемого умозаключения и само умозаключение окажется невозможным.

В процессуальном отношении обе посылки рассматриваемого умозаключения, его исходное знание, выступают как доказательственные факты. Обе они должны быть достоверно установлены, доказаны. Лишь после этого они могут использоваться в качестве посылок умозаключения. Если хотя бы один из указанных фактов достоверно не устанавливается, то все умозаключение теряет характер достоверности и может рассматриваться лишь как форма развития гипотезы. Например:

1-я посылка: взлом, вероятно, совершен орудием, следы которого найдены на сейфе.

2-я посылка: орудие, следы которого имеются на сейфе, тождественно ломику обвиняемого.

Вывод: взлом сейфа, вероятно, совершен ломиком обвиняемого. Однако не исключается возможность того, что взлом совершен другим орудием.

Вероятные посылки могут привести лишь к вероятному же выводу. Для того чтобы получить достоверное знание в выводе, надо иметь его в посылках.

Вывод умозаключения всегда дает новое знание по сравнению с тем знанием, которое содержится в посылках.

Новизна этого знания в рассматриваемом типе умозаключений состоит в том, что на основе тождества искомого и проверяемого объекта свойства и признаки первого могут рассматриваться как свойства и признаки последнего. Применительно к судебному исследованию, следует сказать, что осуществляемое посредством отождествления расширение знаний об объекте не есть просто количественное накопление информации о нем. Выявляемая путем отождествления связь проверяемого объекта с расследуемым событием представляет новое качество этого объекта. Предположение, версия о связи проверяемого объекта с расследуемым объектом становится фактом. Качественно изменяется положение проверяемого объекта в уголовном процессе. После отождествления такой объект может рассматриваться как элемент материальной обстановки расследуемого события, объективные связи которого с другими элементами характеризуют структуру расследуемого события. Установленные в процессе расследования существенные в правовом отношении объ-

ективные связи лиц, предметов, событий дают основание для принятия процессуально значимых решений.

Факт, установленный в результате умозаключения на основе тождества, ближе к главному факту, чем те факты, которые содержались в посылках такого умозаключения. Результаты доказывания с использованием идентификации поднимают судебное исследование на более высокий уровень, приближающий к установлению существенных в правовом отношении обстоятельств расследуемого события, к установлению объективной истины по делу.

Сказанное характеризует общее значение идентификации в доказывании, необходимость разработки особенностей методики доказывания с использованием идентификации.

Заключение идентификации как метода судебного исследования особенно наглядно выявляется при ознакомлении с тем, как она обеспечивает переход от исходных фактических данных к связям более высокого доказательственного уровня.

Для иллюстрации указанной роли идентификации в доказывании рассмотрим несколько практических ситуаций, показывающих, как в ходе доказывания с использованием идентификации осуществляется переход от сосуществования (временные и пространственные связи) к причинности, от причинности первого порядка к причинности второго порядка и т.д.

1. Переход от сосуществования к причинности.

На материальном складе одной из воинских частей была совершена кража обмундирования. В процессе осмотра места происшествия в одном из окон склада обнаружили изменение положения оконной рамы. Судя по следам от гвоздей на обвязке рамы, она вынималась из оконной коробки и затем вновь была поставлена на место, но уже “вверх ногами”. На стеклах рамы были найдены пригодные для идентификации следы рук. В числе подозреваемых фигурировал часовой - Кузьмин, охранявший территорию склада. Проведенной по делу дактилоскопической экспертизой было установлено, что следы рук, найденные на оконном стекле, оставлены Кузьминым. В процессе расследования Кузьмин категорически отрицал свою причастность к краже, ссылаясь на то, что обнаруженные следы могли быть им оставлены в ходе дежурства при осмотре территории, когда он подходил к окну склада. Указанные объяснения обвиняемого, однако, противоречили механизму формирования следов рук, по которым была произведена идентификация. Следы пальцев Кузьмина имелись как на внешней, так и на внутренней стороне оконных стекол и представляли результат захвата рамы обеими руками после того, как она была вынута из оконной коробки. Исследуемые следы не могли возникнуть при обсто-

ятельствах, указанных обвиняемым. В то же время очевидна была связь возникновения этих следов с установленным путем осмотра способом проникновения преступников в материальный склад. При наличии таких данных посредством дактилоскопической идентификации устанавливался не только признанный обвиняемым факт его пребывания у окна склада, но непосредственное участие его во взломе окна, через которое была совершена кража. В процессе дальнейшего расследования участие обвиняемого во взломе и краже обмундирования из склада было подтверждено другими доказательствами. Идентификация по этому делу позволила осуществить переход от установления пространственной связи обвиняемого с расследуемым событием (которая в данном деле не могла иметь существенного доказательственного значения) и причинной, т.е. к установлению действий обвиняемого, направленных на совершение преступления.

2. Переход от одного уровня причинных связей к другому, более высокому.

Идентификация объекта по материальным следам в обстановке расследуемого события дает возможность исследовать взаимодействие материальных объектов, установить объект, вызвавший отображение, и объект, это отображение воспринявший.

Установление материальных объектов, взаимодействующих при образовании отображения, представляет форму исследования физической причинности, ибо один из взаимодействующих объектов всегда входит в понятие физической причины тех изменений, которые образуют его отображение в другом. Установление материального объекта как причины вызванных им изменений в другом материальном объекте - таково содержание причинных связей, устанавливаемых посредством идентификации, например, выводы экспертов о том, что “след орудия на предмете оставлен данным инструментом, рукопись выполнена данным лицом, фотографический снимок изображает данное лицо и т.д. и т.п.”.

Однако установление физической причины отображения является при доказывании исходным фактическим уровнем, на котором специфика использования судебной идентификации состоит в том, что она позволяет осуществить переход от взаимодействия материальных тел к механизму расследуемого события. Поскольку взаимодействие материальных тел как причина отображения представляет лишь элемент, звено в системе взаимосвязей предметов, явлений и процессов, образующей расследуемое событие, рассматриваемый переход всегда есть в логическом плане переход от части к целому, от отдельного к общему. Вместе с тем такой переход есть также переход к исследованию взаимосвязи последствий преступления с действиями конкретного

физического лица.

Так, вывод о том, что следы взлома на сейфе, из которого похищены ценности, оставлены орудием, изъятым у обвиняемого, отражает не только материальное взаимодействие вещей, но является доказательством виновности определенного лица в совершении кражи со взломом; установление, что анонимное клеветническое письмо выполнено обвиняемым, свидетельствует не только о физической причинности, но отражает также связь основных элементов предусмотренного уголовным законом состава преступления.

Особую актуальность для теории и практики доказывания представляют методы, посредством которых может быть осуществлен переход от внешних связей к причинности, от причинности как формы взаимодействия материальных тел к причинности уголовно-релевантной, правовой.

Детальное рассмотрение этих методов будет предметом всего дальнейшего изложения, которому, однако, целесообразно предпослать их общую характеристику.

В числе методов юридического исследования, позволяющих использовать идентификацию как средство перехода от исходных фактических данных к более высокому доказательственному уровню, следует указать на три общие группы:

1. Исследование связи с расследуемым событием искомого и проверяемого объектов и сопоставление полученных данных.

Связь искомого объекта с расследуемым событием может исследоваться только по его отображению в материальной обстановке: следам пребывания или действия лиц в обстановке расследуемого события, следам животных, инструментов, технологических процессов и т.д.

Связь проверяемого объекта с расследуемым событием исследуется по самостоятельным материалам. Так, например, проверяется заявление задержанного об алиби, изучается его отношение к потерпевшему, его доступ к месту происшествия, возможность выполнения им определенных действий и т.д.

Положительная идентификация дает возможность сопоставить и объединить полученные данные, рассматривая их как характеристику одного и того же объекта. Такое объединение дает качественно новый эффект, углубляя представления о связи исследуемых объектов с расследуемым событием.

На складе ресторана была совершена кража продуктов. В ходе осмотра места происшествия на ряде предметов удалось обнаружить следы рук, не принадлежащие работникам склада и, очевидно, оставленные преступниками. Задержанные по подозрению в краже Лядов и Тимофеев не имели легального доступа в помещение склада и отрицали свое пребывание там. Путем дактило-

скопической экспертизы было установлено, что следы рук, найденные на предметах обстановки в складе, оставлены Тимофеевым.

Сопоставление и объединение данных о связи исследуемых объектов с преступлением позволило выявить причинную связь задержанного с расследуемым событием. Следует подчеркнуть при этом, что механизм образования следов Тимофеева, найденных на месте кражи, указывал лишь на его пребывание на складе. Вывод о причинной связи задержанного основывался на следующем умозаключении: поскольку Тимофеев не имел легального доступа в помещение склада и мог оказаться там только при совершении кражи, его пребывание на складе причинно связано с фактом кражи. В результате был осуществлен переход от пространственных связей к причинным и более высокому уровню доказывания.

2. Сопоставление исследуемого взаимодействия материальных объектов с обстоятельствами расследуемого события, способом совершения преступления.

В результате указанного сопоставления в ряде случаев выясняется, что взаимодействие материальных объектов входит как элемент в систему связей и взаимодействия расследуемого события. Как следствие этого частное может быть оценено как элемент общего, физическое взаимодействие объектов - как сторона существенной в правовом отношении причинной связи.

Гражданка Григорьева, проживавшая в отдельном доме, была найдена убитой в сенях своего дома. На полу горницы лежали овчинный тулуп, подушка и портянка. Эти вещи могли указывать на то, что в доме потерпевшей ночевал посторонний. На полу горницы были найдены кровяные отпечатки правой и левой босой ступни. По подозрению в убийстве с целью завладения имуществом был задержан Булынин. Эксперт-трасолог установил, что отпечатки босой ступни на месте убийства оставлены задержанным. Сопоставление условий образования следов с обстоятельствами расследуемого дела указывало на их очевидную причинную связь. Отпечатки ступни были оставлены веществом крови и могли образоваться только после того, как потерпевшей были нанесены смертельные повреждения. Вместе с тем, как было установлено расследованием, с момента совершения преступления и до момента его обнаружения в дом потерпевшей никто не заходил. Поэтому кровяные отпечатки ступни могли быть оставлены только преступником. Местонахождение оставленных отпечатков свидетельствовало о том, что они возникли при переноске трупа из горницы в сени и при последующем передвижении преступника по дому[1].

[1] Из практики НТО Хабаровского края.

Сопоставление условий образования следов с обстоятельствами расследуемого события позволяет, таким образом, в ряде случаев выявить причинную связь их и, следовательно, причинную связь установленного посредством идентификации лица или предмета с расследуемым событием. Метод указанного сопоставления может рассматриваться как метод получения новых результатов в доказывании, метод перехода к более высокому уровню доказывания.

3. Исследование связи установленного предмета или лица с другими лицами и предметами, находящимися в сфере доказывания.

В ряде случаев лица и предметы, установленные посредством идентификации, непосредственно причинно и даже в пространственно-временном отношении не связаны с расследуемым событием и их отображения случайно оказались на месте преступления. Немаловажную роль в этих случаях может сыграть исследование связи установленных лиц и предметов с другими лицами и предметами, установленными по делу, выяснение, при каких обстоятельствах отображение оказалось на месте происшествия.

В селе Люча Рушор Яблоновского района Станиславской области в ночь с 13 на 14 января было совершено разбойное нападение на дом Бойко Т.М., в результате которого последний был смертельно ранен. При осмотре места происшествия нашли два пыжа, представляющих собой комки бумаги с текстом на украинском языке. На одном пыже копировальным карандашом синего цвета было написано слово “Фицич” и цифра “24”, а на другом - цифра “8”. В результате кропотливых розысков следователь установил Фицич Марию Григорьевну, проживавшую в селе Средне-Березово. Последняя признала, что слово “Фицич” на клочке бумаги выполнена ею, а цифры “8” и “24” обозначают номера экзаменационных билетов. Муж допрошенной - Фицич П.А. показал, что около двух месяцев тому назад к ним приходил сосед - Улятицкий и просил старых газет или книжек для набивки патронов к охотничьему ружью. Фицич дал ему какие-то две книги, названия которых он не помнит.

При обыске на квартире Улятицкого на печи обнаружили вырванный из книги лист бумаги с обозначением страниц 157 и 158.

Сравнительным исследованием было установлено, что найденные на месте преступления пыжи и обнаруженная у Улятицкого бумага вырваны из книги “Новая история” 1948 года издания.

Установленная расследованием по описанному делу Фицич М.Г. оказалась непосредственно причинно не связанной с расследуемым преступлением. Однако выяснение ее отношений с другими лицами и предметами, выяснение обстоятельств, при которых пыжи попали на место преступления, привели к

установлению предметов и лиц, непосредственно причинно связанных с расследуемым преступлением.

5.2. Анализ связи искомого объекта с расследуемым событием

Доказательственное значение идентификации определяется, в конечном счете, связью искомого объекта с расследуемым событием, его местом и функцией в динамической структуре этого события.

Поэтому содержание процесса доказывания с использованием идентификации в значительной мере образует анализ динамической структуры расследуемого события, места и функции в нем искомого объекта, характера его связи с этим событием.

При этом имеют значение как связи с расследуемым самих искомых и проверяемых объектов, так и их отображений, например, следов преступления (идентифицирующих объектов), как характер связи (пространственно-временная, информационная, причинная), так и степень ее близости к главному факту.

Выяснение характера и сущности указанных связей лежит в основе методики доказывания по уголовному делу с использованием вывода о тождестве.

Отображение искомого объекта может быть образовано как в ходе расследуемого события, так и вне связи с ним.

Если отображение искомого объекта возникло в ходе расследуемого события, явилось следом этого события, оно содержит информацию о связи искомого объекта с расследуемым событием.

Так, например, следы рук и орудий, оставленные преступником при совершении кражи со взломом, содержат информацию о причинной связи взломщика и использованных им орудий с расследуемым преступлением.

Если отображение искомого объекта возникло вне связи с расследуемым преступлением, оно не содержит информации о связи искомого объекта с преступлением. Так, фотокарточка скрывшегося преступника, изготовленная до совершения преступления, хотя и может использоваться для идентификации, но не содержит данных о связи скрывшегося с преступлением; следы пальцев на предметах домашней обстановки, используемые для установления лица, пропавшего без вести, не содержат данных о причинах и обстоятельствах его исчезновения и т.п.

В связи с различием источников различаются и способы доказывания. В первом случае связь искомого объекта с расследуемым событием устанавливается путем исследования механизма образования отображения искомого объекта и его сопоставления со способом совершения преступления. Данный

метод является наиболее распространенным и широко используется в криминалистике, судебной медицине, автотехнических, пожарно-технических и иных судебных исследованиях.

Если отображение искомого объекта возникло “за рамками” расследуемого события, оно не содержит информации о связи с ним искомого объекта. В этих случаях связь искомого объекта с расследуемым событием устанавливается по другим источникам и иными методами. Основное значение здесь приобретает изучение связей проверяемого объекта с предметами и лицами, затронутыми расследуемым событием.

Связь искомого объекта с расследуемым событием во многом определяется родом отождествляемого объекта. Отождествляемыми объектами могут быть лица, животные, вещи, материальные комплексы. В случаях, когда объектом идентификации являются лица, оценка ее доказательственного значения сводится к исследованию связи идентифицированного лица с событием преступления.

В случаях же, когда объектом идентификации являются животные или вещи, помимо изучения связи идентифицированного объекта с событием преступления, необходимо исследовать связь этого объема с определенным лицом (привлеченным в качестве обвиняемого, потерпевшего и др.). Так, установление, что пуля, извлеченная из тела потерпевшего, выпущена из данного пистолета, доказывает связь последнего с событием преступления. Этого, однако, еще недостаточно. Требуется установить, кто является владельцем оружия, и кто пользовался им при совершении преступления.

Еще сложнее проследить связь с расследуемым событием конкретного лица, когда в результате идентификации устанавливается тождество источников происхождения сравниваемых вещественных доказательств.

В соответствии со сказанным все виды выводов о тождестве необходимо разбить на три большие группы, существенно различающиеся по их использованию в процессе доказывания:

- выводы о тождестве лиц;
- выводы о тождестве вещей;
- выводы о тождестве источников.

Доказательственное значение выводов, входящих в каждую из этих групп, в свою очередь, может быть различно и определяется характером связи искомого объекта с событием преступления.

5.2.1. Выводы о тождестве лиц

Характер связи искомого лица с событием преступления устанавлива-

ется путем исследования отображений этого лица, которые связаны с материальной обстановкой преступления. К их числу относятся рукописные тексты, подписи и обозначения, свидетельствующие об участии лица в составлении документов или о выполнении им каких-либо надписей, следы пальцев рук, ладоней, ногтей, следы босых ног, зубов и другие следы человека, найденные на месте преступления и свидетельствующие о передвижении человека, перемещении предметов, определенном воздействии на них и т.п.

Данные о связи идентифицированного лица с событием преступления, полученные путем исследования его отображений, могут быть различными.

В одних случаях эти данные свидетельствуют о причинной связи действий идентифицированного лица с событием преступления. Таковы, например, случаи идентификации лиц по текстам анонимных писем клеветнического содержания.

В других случаях этими данными устанавливается лишь пространственно-временная связь идентифицированного лица с событием преступления. Например, лица, идентифицированного по следам ног, обнаруженных на месте преступления.

В третьих случаях этими данными может быть установлена еще более отдаленная форма связи идентифицированного лица с событием преступления. Таковы, например, случаи идентификации лица по письму, оброненному адресатом на данном месте.

А. Установление тождества по следам действий, направленных на совершение или сокрытие преступления

Возникновение отображений в результате действия, направленных на совершение или сокрытие преступления, устанавливается следующими методами:

а) Исследование времени образования отображения искомого лица и исключение возможности возникновения этого отображения до или после совершения преступления.

Встречаются отображения, сам характер которых свидетельствует о том, что они могли возникнуть лишь при совершении преступления. Таковы, например, следы зубов и ногтей на теле потерпевшего при убийствах и половых преступлениях; следы пальцев и зубов на продуктах, бывших объектом хищения при кражах; приписки, изменяющие официально удостоверенный текст документа при подделке документов и т.д.

Чаще, однако, сам характер отображений еще не исключает возможности их образования до или после совершения преступления. В этих случаях необходимо детальное исследование отображения в связи с теми изменениями, которые внесены в материальную обстановку преступлением.

Если при этом устанавливается, что обычное положение или состояние предмета было изменено при совершении преступления, а образование отображения связано с этим изменением, делается вывод, что отображение не могло возникнуть до совершения преступления.

Ночью при обходе участка постовой милиционер обнаружил, что в палатке “Пиво-воды” открыта дверь. Об этом был поставлен в известность следователь. Убедившись, что в палатке никого нет, решили отложить осмотр до утра и произвести его в присутствии зав. палаткой. При осмотре оказалось, что стекло нижнего звена окна разбито и большая часть осколков находится внутри палатки. Два осколка стояли прислоненными к стене. На этих осколках были обнаружены следы рук. Тщательное изучение следов с помощью специалиста позволило выяснить чрезвычайно важное для дальнейшего расследования обстоятельство, а именно: до или после поломки стекла образовались на нем следы рук. Было установлено, что следы произошли в результате захватов осколков рукой, через разбитые края, т.е. уже после поломки стекла. Этот вывод оказался решающим для изобличения идентифицированной по следам пальцев зав. палаткой Тимохиной в инсценировке кражи.

Зависимость образования отображений от изменений, происшедших в обстановке при совершении преступления, может быть установлена и иными способами. Если, например, будет установлено, что следы образованы кирпично-известковой пылью, возможность их образования до разрушения частей каменной стены при взломе может быть исключена. Аналогичный вывод может быть сделан при обнаружении следов, оставленных веществом крови (при убийствах), краски, пищевых продуктов (при кражах) и т.п.

Возможность образования отображений после совершения преступления может быть исключена лишь на основе изучения изменений, происшедших в материальной обстановке преступления после его совершения. Эти изменения устанавливаются путем изучения действия потерпевших, лиц, обнаруживших преступление лиц, производивших осмотр.

Если осмотр места происшествия производился вскоре после совершения преступления, а вещественные доказательства были защищены от всякого рода воздействия, соответствующие выводы могут быть сделаны без особых затруднений. Если же с момента совершения преступления до момента осмотра проходит значительный период времени и вещественные доказательства подвергаются воздействию со стороны различных лиц (обнаруживших преступление, родственников потерпевших, представителей администрации и др.), исключить возможность возникновения отображения в результате действий этих лиц удается не всегда.

В описанном выше случае хищения из палатки “Пиво-воды” зав. палаткой Тимохина заявила, что следы на осколках стекла оставлены ею в процессе осмотра места происшествия. Заявление Тимохиной, однако, было категорически опровергнуто понятыми, показавшими, что в ходе осмотра Тимохина не прикасалась к этим осколкам.

б) Изучение механизма расследуемого события и механизма образования отображения.

В результате такого исследования должно быть установлено, что отображение возникло именно в результате действий, направленных на совершение или сокрытие преступления, и не могло образоваться ни при каких других условиях.

Механизм события устанавливается путем изучения всей совокупности изменений в материальной обстановке, возникших в результате совершения преступления. Так, изучение состояния преграды, подвергнутой взлому, количества, размеров, форм и расположения следов от орудий на этой преграде, следов обуви и рук около преграды и на ее частях дает основание сделать вывод о способе взлома (например, об отжиме двери с помощью ломика). Механизм образования отображения устанавливается путем изучения вида следа, его размеров, формы, расположения следа на предмете, назначения и порядка пользования предметом, наиболее удобного и возможных вариантов обращения с этим предметом и т.д.

Сопоставление механизма и способа совершения преступления с механизмом образования отображения должно выявить такую связь между ними, при какой образование отображения является звеном в цепи действий, направленных на совершение или сокрытие преступления. Так, путем изучения поверхностного потожирового следа, обнаруженного на двери, было установлено, что он оставлен ладонью и пальцами левой руки. Сопоставление размеров, формы, расположения этого следа на преграде с установленным в данном случае способом взлома (отжимом) дало основание для вывода, что след левой руки оставлен взломщиком в момент отжима, когда эта рука служила опорой корпусу, действующему на рычаг.

Практика знает много случаев успешного использования указанных методов. Из промтоварного магазина была совершена кража. Проникнув в магазин путем взлома замков черного хода, преступники при совершении кражи внесли ряд изменений в обстановку места происшествия. Боясь розыскной собаки, преступники, уходя, обильно полили весь пол и выход одеколоном, флаконы которого стояли на полках магазина. Увлекшись этим занятием, преступники почти на всех 15 флаконах, разбросанных по магазину, оставили хорошо видимые следы рук. В дальнейшем по ним был идентифицирован один из

участников кражи. Вывод о тождестве свидетельствует в подобных случаях о том, что идентифицированное лицо выполнило действия, объективно направленные на совершение или сокрытие преступления.

Действия, выполненные лицом, предполагают также определенное психическое отношение к ним со стороны этого лица. Установление этого отношения требует самостоятельного исследования.

Кириллов представил для получения пенсии справку от треста, где он работал. В справке значилось, что Кириллов работает в должности вахтера сторожевой охраны с месячным окладом в 1300 рублей. Проверкой было установлено, что трест указанной справки не выдавал. В связи с подозрением о подделке, справка была подвергнута специальному исследованию, в результате которого было установлено, что в первоначальном машинописном тексте документа, который подвергнут подчистке, была указана другая фамилия и должность главного инженера, а оклад - 2650 рублей. Почерковедческая экспертиза пришла к выводу о том, что рукописный текст справки, имеющийся на месте подчищенного машинописного текста, выполнен Кирилловым. В совокупности со всеми другими фактами, установленными по данному делу, факт выполнения рукописного текста в поддельной справке Кирилловым полностью изобличал его в подделке документа с корыстной целью.

В некоторых случаях связь установленного экспертизой факта с другими фактами свидетельствует о том, что идентифицированное лицо было техническим исполнителем соответствующих действий, но не имело умысла на совершение преступления. В следственной практике имели место случаи, когда, например, тексты анонимных клеветнических писем переписывались по просьбе их составителей другими лицами, подложные подписи в ведомостях на выдачу зарплаты выполнялись несовершеннолетними членами семьи подделывателя и т.д.

Вскрытая в процессе расследования связь между фактом, установленным экспертизой, и другими фактами может указывать на инсценировку преступления.

Б. Установление тождества по следам пребывания на месте преступления

Исследование времени и механизма образования следов часто не дает оснований для вывода об их причинной связи с преступлением. Такие следы можно назвать следами пребывания на месте преступления. К ним относятся следы человека, оставленные на месте и предметах обстановки места преступления. Таковы следы рук на стенах, дверях, окнах, мебели, осветительных устройствах, следы ног на опорных поверхностях и т.п. Заключение экспертизы устанавливает в этих случаях пребывание определенного лица на месте,

где было совершено преступление. Вопросы же об участии и роли этого лица в совершении преступления требуют самостоятельного исследования.

Для разрешения этих вопросов обычно бывает необходимо установить, имело ли идентифицированное лицо доступ к тому месту, где обнаружены его следы, и проверить его объяснения об обстоятельствах пребывания на этом месте. В ряде случаев устанавливается, что лицо не имело легального доступа к месту, где были обнаружены его следы, и могло оставить там следы только при совершении преступления.

На складе одного из ресторанов была совершена кража продуктов. На бутылках и осколках бутылок в складе обнаружили следы пальцев рук. Вскоре после осмотра с похищенными продуктами задержали Клюеву и Попову. Они признали себя виновными и заявили, что кража совершена ими вдвоем. Экспертизой было, однако, установлено, что следы рук, обнаруженные на месте кражи, Клюевой и Поповой не принадлежат. В связи с этим дополнительно были задержаны Павлов и Шухов, которых идентифицировали по следам на месте кражи. Отрицая свою вину, Шухов представил следователю официальную справку о том, что в ночь на 8 июня (время совершения кражи) находился на работе. В результате проверки представленной справки оказалось, что она была выдана Шухову ошибочно. Павлов и Шухов сознались в совершении кражи.

Вывод о пребывании лица на месте преступления может указывать на его причастность к преступлению, если это лицо, хотя и имеет доступ к месту преступления, но отрицает свое пребывание на нем.

В случаях, когда лицо имело доступ к месту, где было совершено преступление, и устанавливается, что следы могли быть оставлены им вне связи с преступлением, идентификация личности не может указывать на совершение преступления данным лицом.

Практика экспертизы знает также ряд случаев, когда в результате исследования устанавливается, что следы на месте преступления оставлены лицами, которые были на этом месте до или после совершения преступления: лицами, производившими осмотр места преступления, потерпевшими, материально-ответственными лицами и др.

Проверка связи с расследуемым преступлением идентифицированного лица требует соблюдения ряда тактических рекомендаций. Целесообразно, в частности, до предъявления этому лицу заключения эксперта (и до ознакомления его с постановлением о назначении экспертизы) получить и зафиксировать объяснения этого лица об обстоятельствах его пребывания на данном месте:

бывал ли он там вообще, в связи с чем, при каких условиях[1].

В. Установление тождества лица по иным следам, обнаруженным в процессе расследования преступления

В ходе расследования преступления нередко обнаруживаются следы и отображения на предметах, не относящихся к обстановке того места, где совершено преступление. Таковы, например, следы рук на предметах, брошенных на месте преступления, рукописные тексты и иные графические начертания (цифры, подписи) на предметах и документах, обнаруженных при обыске, и т.д. Исследование времени и механизма образования таких отображений не дает оснований для вывода о том, что они возникли при совершении или сокрытии преступления или что они образованы на месте преступления. В силу этого идентификация лица по таким отображениям не доказывает ни факта совершения или сокрытия преступления идентифицированным лицом, ни факта его пребывания на месте преступления.

Оценка доказательственного значения экспертизы в этих случаях требует всестороннего изучения связи идентифицированного лица с другими лицами, имеющими отношение к расследуемому событию. В результате такого изучения устанавливается роль в обстоятельствах совершенного преступления как самого идентифицированного лица, так и связанных с ним лиц. В практике имели место случаи, когда идентификация личности по записке, найденной на месте преступления, указывала на связь идентифицированного лица с преступниками и раскрывала характер этой связи; идентификация личности по рукописным текстам документов, обнаруженных при обыске, вскрывала преступные связи расхитителей, взяточников и т.д.

На берегу реки обнаружили труп мальчика с огнестрельным ранением в области головы. Недалеко от трупа нашли клочок бумаги с рукописным текстом, использованный преступником в качестве пыжа. Клочок бумаги являлся, видимо, частью какого-то письма. При домашнем обыске у заподозренного в убийстве сожителя матери убитого мальчика Никешина, помимо охотничьего ружья, принадлежностей к нему и других доказательств, нашли большое число писем, написанных Никешину знакомыми женщинами. Следователь решил проверить, не выполнен ли текст на клочке письма, найденном при осмотре, кем-либо из этих женщин. С этой целью назначили почерковедческую экспертизу. Одна из корреспонденток Никешина была идентифицирована по рукописному тексту на пыже. Заключение экспертизы явилось важным доказательством, изобличавшим Никешина в убийстве.

[1] На целесообразность использования указанного тактического приема правильно указывается А. Н. Васильевым [см. 44, стр. 34-35] и другими авторами.

Оценка доказательственного значения экспертизы требует в этих случаях также тщательного изучения обстоятельств, при которых отображение идентифицированного лица попало на место преступления или оказалось у определенного лица. В результате такого изучения может быть установлено, что идентифицированное лицо было на месте преступления и обронило там предмет со своими следами; может оказаться, что предмет был передан им другому лицу или прошел через целую цепь лиц.

Понятно, что оценка такого рода выводов вызывает значительные трудности и определяется обстоятельствами каждого конкретного случая. Чаще всего нужна проверка показаний обвиняемых и свидетелей об обстоятельствах, при которых отображение идентифицированного лица попало на место преступления.

5.2.2. Выводы о тождестве вещей

Идентификация вещей нередко оказывается совершенно необходимой для установления истины и правильного разрешения дела.

Верховный Суд в ряде постановлений правильно указывает на необходимость установления предметов и орудий, использованных при совершении преступления и могущих выявить связь того или иного лица с событием преступления.

По делу об убийстве Думбравы, отмечая недостаточность собранных против осужденного Зобова доказательств, Судебная коллегия Верховного Суда указала: “Ни органы предварительного расследования, ни суд не установили, из какого оружия произведены выстрелы в Думбраву, хотя к этому и имелись возможности: пуля, извлеченная из раны Думбравы, была передана работнику милиции, однако для исследования дела она не была использована. У Зобова никакого оружия не обнаружено и не доказано, что он когда-либо имел его.

Наконец, необходимо учесть еще одно очень важное для дела обстоятельство, вскрытое после рассмотрения судом дела.

Гр-ка Зозулина официально в письменном виде заявила в органы расследования о том, что убийство Думбравы совершил некий Чайкин из похищенного в милиции оружия, в чем Чайкин признался ей, будучи в нетрезвом состоянии. Из материалов дополнительной проверки видно, что из помещения милиции действительно в ночь убийства Думбравы были похищены два нагана и что в этом прямо подозревается Чайкин. Эти обстоятельства... серьезно колеблют обоснованность приговора народного суда в отношении Зобова [452, стр. 20-21]. На этом основании указанный приговор был отменен и дело передано на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Идентификация лица по фотоснимку, черепу
и скульптурной реконструкции

Фото 1. Без вести пропавшая гр. Шевченко.

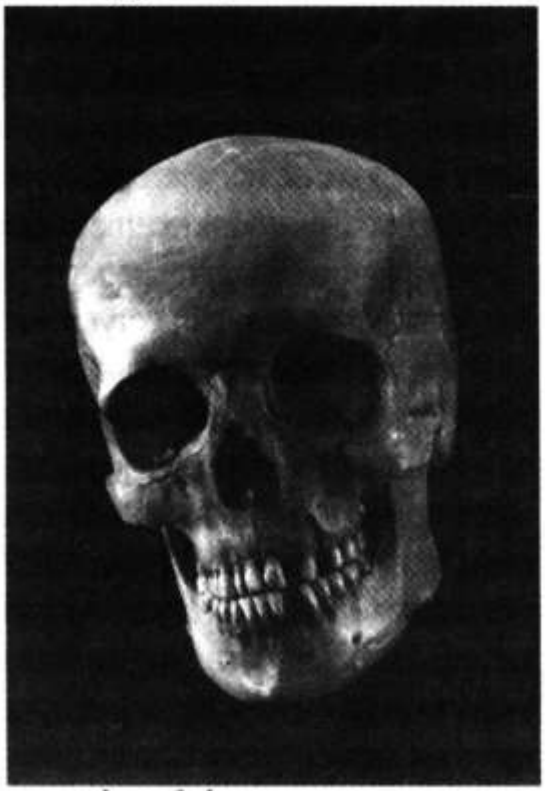

Фото 2. Фотоснимок черепа.

Фото 3. Скульптурная реконструкция.

Фото 4. Фотоналожение фотокарточки на черепе.

Доказательственное значение выводов о тождестве вещей может быть различным. Эти выводы могут указывать на использование определенных

предметов в качестве орудий преступления. Так, идентификация инструментов по следам, оставленным на преграде при совершении кражи со взломом, указывает на то, что этот инструмент использовался в качестве орудия взлома; идентификация пистолета по пуле, извлеченной из тела убитого, указывает на то, что данный пистолет использовался в качестве орудия убийства; идентификация фиктивного клише по оттиску на документе указывает на то, что это клише использовалось для составления подложного документа, и т.д.

По делу об убийстве Маклиной Верховный Суд РСФСР признал недостаточными собранные следствием доказательства виновности Шелепиной и, отменив приговор, обратил дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования. В своем определении Верховный Суд, в частности, предложил установить, каким орудием было совершено убийство и расчленение трупа Маклиной. Для разрешения этого вопроса была назначена криминалистическая экспертиза. В распоряжение экспертов представили топор, обнаруженный в квартире Шелепиной, а также плечевые и бедренные кости частей трупа, извлеченные из Невы. Исследованием было установлено, что следы разруба, имеющиеся на костях, оставлены топором, обнаруженным в квартире Шелепиной.

Вывод о тождестве может свидетельствовать о том, что идентифицированная вещь использовалась на месте преступления. Таковы многочисленные случаи идентификации обуви, транспорта, животных по следам на месте преступления. В практике имеют место случаи, когда следы предметов и инструментов не указывают на применение этих предметов для совершения или сокрытия преступления, ни на их использование на месте преступления. Идентификация оставивших эти следы предметов также может иметь существенное значение. Таковы случаи идентификации рубящих и режущих инструментов по следам на кустарной дроби, обнаруженной на месте преступления в случаях использования преступником огнестрельного оружия, случаи идентификации режущих инструментов по следам на предметах, оставленных преступниками, и т.д.

К рассматриваемым выводам с точки зрения их доказательственного значения тесно примыкают особые случаи идентификации целого по частям. Задача исследования здесь состоит в том, чтобы определить, не являлись ли обнаруженные в процессе расследования части предмета частями единого монолитного целого. Если одна из частей предмета связана с материальной обстановкой преступления, положительный вывод часто дает возможности установить такую связь в отношении других его частей. Материалами исследования в этих случаях являются следы, образовавшиеся при разделении объекта

на части в месте этого разделения (следы излома, разреза, разрыва и т.п.). Подобно другим выводам о тождестве вещей, идентификация целого по части может указывать на использование определенных предметов для совершения или сокрытия преступления. Таковы случаи идентификации орудий преступления по их частям, обнаруженным на месте преступления. В практике имели место случаи идентификации по частям лезвий ножа, пилки-полотна, ножниц, ключа и других инструментов, использованных в качестве орудий взлома, идентификации автомашин по осколкам стекол в случаях наездов, идентификации книги по бумажному пыжу, обнаруженному на месте убийства, и т.д.

Идентификация целого по части может указывать на использование определенных предметов на месте преступления. Таковы случаи идентификации предметов, находившихся до их расчленения на месте преступления (сломанных веток, частей разрушенных преград, продуктов питания и т.д.).

В некоторых случаях исследование части предмета, найденной на месте преступления, не дает оснований для вывода о том, что этот предмет использовался в качестве орудия преступления или был применен на месте преступления. Однако идентификация целого по части позволяет и в этих случаях выявить связь определенного предмета с материальной обстановкой преступления. Таковы случаи идентификации целого по частям предметов, оброненных или брошенных преступниками при совершении преступления (окурки, клочки бумаги, части мелких предметов: тростей, карандашей, гребней и т.д.).

Оценка доказательственного значения выводов о тождестве вещей может быть проведена методами, рассмотренными выше, применительно к выводам о тождестве лиц. При этом следует иметь в виду существенную особенность оценки доказательственного значения выводов о тождестве вещей. Доказательственное значение выводов о тождестве вещей определяется не только связью идентифицированной вещи с событием преступления, но и ее отношением к определенному лицу. Двусторонний характер связей вещи (с событием преступления, с одной, и использованием ее лицом - с другой стороны) делает ее посредствующим звеном в доказывании. Задача доказывания состоит при этом в том, чтобы через связь вещи с лицом (например, обвиняемым) установить связь этого лица с событием преступления.

Идентификация предметов и инструментов не может иметь доказательственного значения, если использование этих предметов определенными лицами не будет точно установлено. Эта точка зрения совершенно отчетливо выражена в ряде постановлений Верховного Суда.

Приговором народного суда Бабаян и Восканян признаны виновными в том, что, находясь в неприязненных отношениях с председателем колхоза

Саркисяном Е., в целях мести последнему вырубили лозы на колхозном винограднике.

В приговоре народного суда, как на одно из доказательств, приведена ссылка на заключение технической экспертизы о том, что представленные на исследование три ветки виноградных лоз, обнаруженных в местности Ожлу с. Гузе-Чартаре, срублены садовым ножом-секачом, изъятым у Восканяна. Верховный Суд отклонил это заключение как доказательство виновности Восканяна и Бабаяна на том основании, что "садовые ножи у них всегда лежат возле дома на дворе и их может взять каждый".

Правильная оценка доказательственного значения рассматриваемых выводов требует, таким образом, установления лиц, оставивших идентифицированной вещью следы, связанные с материальной обстановкой преступления.

Обычно для решения этого вопроса необходимо выяснить:

1. Кому принадлежит и в чьем пользовании находится идентифицированная вещь? Некоторые орудия и технические средства, выступающие в качестве объектов криминалистической идентификации, подлежат специальному учету. Таковы, например, огнестрельное оружие, транспортные средства и др. Владельцы таких объектов могут быть установлены путем наведения справок в органах, осуществляющих соответствующий учет. В ряде случаев владелец предмета может быть установлен путем исследования свойств самого этого предмета, его назначения (предмет обихода, принадлежность той или иной профессии), надписей, знаков и символов, имеющихся на предмете и т.д. Часто владелец предмета устанавливается путем допроса лиц, ранее этот предмет наблюдавших. Для установления принадлежности вещи определенному лицу нередко приходится проводить специальные исследования и многочисленные следственные действия.

Если владелец предмета установлен, тщательно проверяются его показания об обстоятельствах, при которых находящийся в его владении предмет мог оставить следы, связанные с материальной обстановкой преступления.

2. Проверка этих показаний требует, в свою очередь, выяснения порядка хранения и использования предмета. Здесь следует установить, где именно хранился идентифицированный предмет, при каких условиях осуществлялась его эксплуатация, какой круг лиц имел доступ к этому предмету. При изучении этих обстоятельств выясняется необходимость специальных знаний и навыков для использования идентифицированного предмета. В некоторых случаях это позволит исключить ряд лиц, которые такими знаниями и навыками не обладали. Часто уже на этой стадии исследования оказывается, что идентифицированным предметом при совершении преступления мог воспользоваться лишь сам владелец, так как доступ к этому предмету каких-либо

других лиц был полностью исключен.

3. В других случаях оказывается необходимым установить ряд дополнительных обстоятельств, например, в каком именно месте и при каких обстоятельствах был обнаружен идентифицированный предмет. В ряде случаев обстоятельства времени, места и иные условия обнаружения предмета указывают на лиц, которые могли пользоваться этим предметом при совершении преступления.

В ходе расследования дела по обвинению заведующего палаткой "Молоко" Борисова был произведен осмотр палатки с участием специалиста. В ходе осмотра обнаружены три бочки с маслом, которое, согласно спецификации завода, выпущено первым сортом, а имело маркировку "высший сорт". На этих бочках найдены также следы подчистки прежней маркировки. Над дверью за наличником обнаружили штамп "высший сорт", изготовленный на резине и прикрепленный гвоздями к деревянной колодке. Этот штамп идентифицирован по оттискам, имеющимся на бочках.

Время, место и другие обстоятельства обнаружения штампа указывали на то, что им мог пользоваться зав. палаткой Борисов или кто-либо из лиц по его указанию.

Принадлежность вещи определенному лицу не равнозначна использованию им этой вещи при совершении преступления. Последнее в ряде случаев требует самостоятельного доказывания.

В селе Костешты выстрелом через окно во время заседания был убит председатель колхоза Иошим. На месте убийства обнаружили стреляную пулю и гильзу от пистолета ТТ. Через пять месяцев на месте вооруженного ограбления сотрудника Костештской школы в числе других доказательств была найдена гильза от пистолета ТТ. По заключению эксперта, эта гильза была выстрелена из того же пистолета, что и гильза, найденная на месте убийства Иошима.

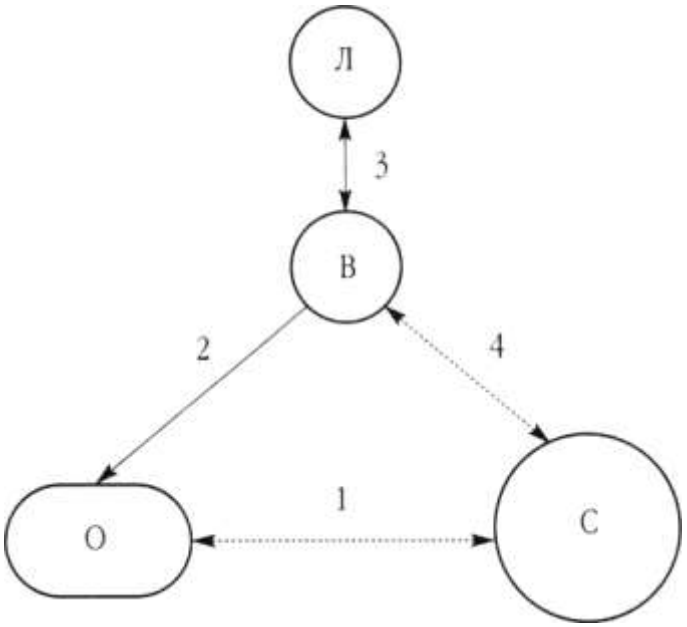
Спустя три года в связи с незаконным хранением оружия был привлечен к уголовной ответственности житель села Костешты Степан Дьякош. Эксперт дал заключение, что гильза, изъятая с места разбойного нападения на сотрудника школы, выстрелена из пистолета, принадлежащего Степану Дьякошу. Владелец пистолета, с использованием которого были совершены два опасных преступления, был, таким образом, установлен. Однако Степан Дьякош заявил, что в день убийства Иошима он уезжал в Старую Каховку продавать вино, а пистолет в это время хранил его брат Константин. Константин Дьякош подтвердил эти показания, добавив, что по просьбе своего односельчанина - Русса передал ему пистолет. По возвращении пистолета через несколько дней к нему оказались прикрепленными щечки из желтого металла. На следующий

день после того, как Русса взял пистолет, был убит председатель колхоза Иошим. При обыске в доме Русса нашли куски желтого металла, похожего на металл щечек пистолета. Один из найденных кусков металла, по заключению эксперта, составлял ранее целое с куском, прикрепленным к ручке пистолета. Русса вынужден был признаться в совершении убийства Иошима по мотивам мести за отстранение его от работы.

Однако в ходе разбойного нападения на сотрудника Костештской школы тот же пистолет использовался Константином Дьякошем. Последний в числе других лиц был опознан потерпевшим. Будучи изобличен, Константин Дьякош показал местонахождение еще одного пистолета системы “Вальтер" калибра 9 мм, использованного при совершении разбойного нападения родственником Дьякоша Шериакри. В указанном Дьякошем месте пистолет был обнаружен и идентифицирован по гильзам и магазину, найденным на месте разбойного нападения.

Так, через связь с вещами при расследовании данного дела была установлена связь с преступлениями ряда лиц и доказана их виновность.

Общая схема объективных связей, исследуемых в процессе доказывания с использование вывода о тождестве вещи, может быть представлена в следующем виде:

где символом “В” обозначена вещь, оставившая отображение в обстановке расследуемого события;

“О” - отображение данной вещи;

“Л” - лицо, применявшее данную вещь в обстоятельствах расследуемого события;

“С” - совокупность обстоятельств расследуемого события, установленная к моменту доказывания.

Как видно из сказанного, исходной и определяющей в доказывании является связь отображения вещи с расследуемым событием “О← →С” (1).

Задачей доказывания является выяснение отношения конкретного лица к идентифицированной вещи и опосредствованная указанным отношениям связь данного лица с расследуемым событием связи “Л←→В” (3) и “В← → С ” (4), образующие цепочку.

Результат идентификации, указывающий на происхождение отображения, показан связью “В← →О” (2).

5.2.3. Выводы о тождестве источников происхождения и идентифицированного по частям делимого целого

Доказательственное значение вывода о тождестве источника определяется в данном случае двумя группами обстоятельств:

– характером связи отображений идентифицированного объекта и самого объекта с расследуемым событием;

– характером связи фигурирующих в деле лиц с установленным объектом и его отображениями.

Рассмотрим общую схему объективных связей, исследуемых в процессе доказывания с использованием вывода о тождестве источника.

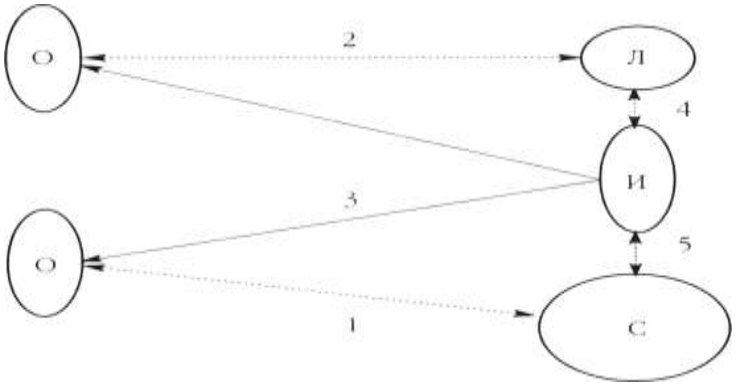
Здесь символом “И” обозначен идентифицированный объект (источник, целое);

“О” - отображения;

“Л” - лицо, связь которого с расследуемым событием является предметом доказывания;

“С” - совокупность обстоятельств расследуемого события, установленная к моменту доказывания.

“И”, “О”, “Л” и связи между ними выделены из “С”, поскольку наличие и характер связи их с расследуемым событием являются в данном случае предметом исследования.

Исходной и определяющей в доказывания является связь отображения

“О← →С” с расследуемым событием (1). В зависимости от характера связи отображения с расследуемым событием могут быть выделены три категории выводов о тождестве:

1) когда возникновение отображений причинно связано с расследуемым событием;

2) когда использование отображений причинно связано с расследуемым событием;

3) когда сами отображения пространственно связаны с расследуемым событием.

1). Исследование отображений источника, возникновение которых причинно связано с расследуемым событием

Рассматриваемая группа отображений возникает в результате преступной деятельности и представляет своеобразные продукты этой деятельности. Таковы фальшивые денежные знаки, кредитные и расчетные карты, банковские документы, товарные знаки, драгоценные металлы, изделия из них, драгоценные камни, наркотики, предметы контрабанды, бланки удостоверительных, финансовых и хозяйственных документов и др. (ст. 142, 172, 175, 180, 186, 187, 188, 191, 192, 286, 292, 293, 306, 228, 231,233, 238, 242, 256 УК РФ).

В качестве источников указанных отображений фигурируют клише, печатающие машины, материалы или иная другая совокупность орудий и средств, используемых для запрещенной законом деятельности.

Исходной в процессе доказывания является обычно, по приведенной выше схеме, связь “О←→С” (1) отображения с расследуемым событием. Таковы случаи обнаружения и изъятия из обращения поддельных денежных знаков, обнаружение порнографических открыток, кустарно изготовленных звуко- и видеозаписей, изделий из кожи, мехов, наркотиков, самогона и т.д. При обнаружении изделий незаконного промысла, находящихся в обращении - “О” (1), ставится задача выявления конкретного источника их происхождения (И) и лиц, принимавших участие в их изготовлении (Л). Эта задача может быть разрешена посредством идентификации при наличии образцов изделий, полученных из конкретного источника. Такими образцами могут служить изделия незаконного промысла, обнаруженные на месте их изготовления при обыске у подозреваемых по расследуемому делу - “О” (2). Сравнительным исследованием изделий, изъятых из обращения - “О” (1) и обнаруженных при обыске у подозреваемых - “О” (2), может быть установлено, что они происходят из одного и того же конкретного источника - “И”. Например, отпечатки с одного и того же клише на одной и той же бумаге, одинаковым красителем;

изготовлены из одинаковых материалов с применением специфических производственных приемов и т.д.

Установление источника происхождения сравниваемых изделий позволяет проследить связь находившихся в обращении продуктов преступной деятельности с действиями конкретных лиц. В процессе доказывания должен быть установлен не только конкретный источник, из которого происходят запрещенные к обращению изделия, но и причинная связь источника и изделий с действиями определенных лиц. В результате расследования должно быть доказано, что запрещенные законом изделия изготовлены и пущены в обращение определенными лицами. В доказывании указанных обстоятельств существенное значение имеет установление связи конкретных лиц с источником происхождения продуктов преступного промысла. Так, обнаружение на квартире или в ином помещении подозреваемого орудий, средств, материалов преступного промысла в готовом для “работы” виде, обнаружение заготовок, промежуточных продуктов “производства”, отходов “производства” и т.п. указывает на причинную связь действий подозреваемого с расследуемым событием. Анализ общей схемы доказывания с использованием вывода о конкретном источнике происхождения указывает на значение этого вывода в исследовании объективных связей по уголовному делу.

С одной стороны, данный вывод основывается на предварительном анализе и установлении связи исследуемых отображений с расследуемым событием - “О” (1) и конкретными лицами и источниками “О” (2). С другой стороны, вывод о происхождении сравниваемых отображений из одного и того же конкретного источника способствует выявлению цепочки причинной связи (“Л←→И←→С”), входящей в содержание предмета доказывания. Установление происхождения обнаруженных в различных местах продуктов преступной деятельности из одного источника, связанного с деятельностью конкретного лица, позволяет вменить в вину последнему каждый конкретный случай изготовления и сбыта фальшивых денежных знаков, незаконно изготовленных продуктов, изделий и т.д. и т.п.

В ряде торговых учреждений г. Павлодара и области при подсчете выручки обнаруживали поддельные десятирублевые купюры. Все они имели одну и ту же серию и номер ЗГ № 5644936. В результате принятых оперативных мер 9 мая в продовольственном магазине поселка Жолкудук был задержан гр. Аннанов, предъявивший купюру ЗГ № 5644936. На квартире у Анианова нашли пресс-станок, хромированные латунные клише с нанесенными на них элементами рисунка денежных знаков, серией и номером “ЗГ № 5644936”, белую бумагу, нарезанную по формату десятирублевых купюр, различные кра-

сители. Были обнаружены также 14 поддельных купюр, аналогичных выявленным ранее. Обнаруженные по делу вещественные доказательства подвергли комплексной экспертизе, в результате которой установили:

- однородность красителя, использованного для изготовления денежных купюр, обнаруженных в торговых учреждениях, изъятых у Анианова, и красителя, изъятого при обыске у Анианова;

- совпадение свойств бумаги всех сравниваемых купюр и бумаги, изъятой у Анианова.

Было установлено также, что все изъятые купюры отпечатаны клише, обнаруженным у Анианова, с использованием имеющегося у него оборудования. В результате проведенных исследований устанавливался конкретный источник происхождения всех изъятых купюр. Обстоятельства дела указывали также на связь с этим источником определенного лица. Расследованием было установлено, что все детали оборудования для изготовления поддельных купюр, а также само их печатание, производились собственноручно Аниановым. Таким образом, была выявлена причинная связь действий Анианова с преступными последствиями.

2).Исследование отображений источника, использование которых причинно связано с расследуемым событием

В рассматриваемой категории случаев юридически значимая причинная связь охватывает не возникновение, а только использование исследуемых отображений. Этим она отличается от рассмотренной выше категории случаев. Отображения источника выступают здесь как орудия, средства совершения преступления. Сам же источник и процесс их возникновения выходят за пределы юридически значимой причинной связи. Так, к предмету доказывания относится процесс использования пилки-полотна в качестве орудия взлома в ходе совершения кражи. Процесс штамповки этих пилок на фабрике юридического значения не имеет. К предмету доказывания относится использование навески дроби для совершения убийства из огнестрельного оружия. Процесс изготовления дроби на заводе юридического значения не имеет. Процессы изготовления указанных объектов могут быть предметом исследования при доказывании, но не в качестве искомых, юридически значимых, а в качестве доказательственных (“побочных”) фактов.

Исходной при доказывании является связь с расследуемым событием отображения, найденного в материальной обстановке расследуемого события, по схеме “О←→С” (1). При этом должно быть установлено использование отображения в качестве орудия, средства совершения преступления. Так, должны быть собраны данные, указывающие на то, что взлом совершен именно данной пилкой; что выстрел произведен навеской дроби и т.д.

Другим условием применения идентификации при доказывании, как и в иных случаях, является обнаружение отображения, связанного с действиями конкретного лица - “О←→Л” (2) и относящегося по предположению к одному и тому же источнику. Так, в инструментальном ящике на работе обвиняемого может быть обнаружена пилка-полотно, аналогичная найденной на месте взлома; при домашнем обыске подозреваемого может быть найдена дробь, похожая на дробь, извлеченную из трупа убитого, и т.п.

Значение и роль рассматриваемого вывода о тождестве источника существенно отличаются от роли выводов, рассмотренных выше. Поскольку источник сравниваемых отображений и процесс их возникновения не связаны непосредственно с преступными действиями, вывод о тождестве источника имеет косвенное значение для анализа главного факта, т.е. играет роль доказательственного факта.

Значение вывода о тождестве источников определяется в этих случаях объемом установленного источника, делимостью идентифицируемой массы и характером связи этих объектов с проходящими по делу лицами. Если устанавливаются неделимость целого и его связь с действиями конкретных лиц, вывод о тождестве может быть использован аналогично выводу о тождестве предметов и инструментов. Такого рода объектами могут быть, например, специфические по составу смеси сыпучих тел и веществ, обнаруженные у подозреваемых или связанных с ними лиц (например, банка, содержащая смесь различных по номеру, составу и способу изготовления видов дроби, ведерко со случайной смесью различных красок, мешочек со смесью зерна, пищевых отходов и мелких гвоздей и т.п.).

Оценка связи установленного объекта с действиями конкретных лиц - “И←→Л” (4) в этих случаях обычно требует установления:

– кому принадлежит и в чьем пользовании находится установленный объект (целое, масса вещества);

– порядка хранения и использования объекта;

– обстоятельства времени, мест и иные условия обнаружения объекта и его отображений.

16 мая чабан колхоза Анахметов не вернулся домой, а утром следующего дня его труп был обнаружен в степи. По заключению судебного медика, смерть наступила от огнестрельных ранений из дробового ружья. На месте убийства оказалось несколько бумажных пыжей с печатным текстом на казахском языке. Один из пыжей был из плотной бумаги зеленого цвета с числом “1980”.

При обыске юрты одного из подозреваемых по делу - Мухамбетова нашли заряженное одноствольное ружье. Пыж в патроне оказался из такой же

бумаги зеленого цвета, что и пыж, найденный на месте преступления. В той же юрте был обнаружен журнал “Жулдыз” № 7 за 1980 г. Изъятый с места преступления пыж полностью совпал по линии обрыва с частью обложки журнала. Вывод о том, что обнаруженные пыжи ранее составляли части обнаруженного журнала “Жулдыз” был подтвержден заключением эксперта. Кроме того, экспертиза установила совпадение дроби, изъятой из трупа и имеющейся в патронах Мухамбетова по форме, способу изготовления и наличию примесей. Будучи изобличен, Мухамбетов рассказал о ссоре, происшедшей между чабанами Анахметовым и Таншиновым, во время которой последний, пользуясь ружьем, взятым в юрте Мухамбетова, убил Анахметова. Эти показания были подтверждены дальнейшим расследованием.

Идентифицированным объектом была в данном случае масса дроби и материалов, использованных для снаряжения патронов Мухамбетовым. Идентификационному исследованию предшествовало установление ряда существенных обстоятельств. В ходе осмотра места обнаружения трупа и его судебно-медицинского исследования была установлена причинная связь дроби, изъятой из тела убитого, и пыжей, найденных на месте происшествия, с фактом убийства. С другой стороны, была установлена принадлежность ружья, патронов и журнала, обнаруженных при обыске, Мухамбетову. Идентификация объекта, а также установление его неделимости (кроме Мухамбетова, его дробью и бумагой для снаряжения патронов никто не пользовался) выявили связь с расследуемым преступлением Мухамбетова.

Детальное изучение этой связи показало, что она не является причинной. Ружьем и патронами Мухамбетова без его ведома воспользовался сосед Таншинов, который совершил убийство и был за него осужден. Мухамбетов был осужден за недоносительство.

Если неделимость объекта и его специфическая связь с действиями конкретного лица не могут быть установлены, вывод о тождестве приобретает качественно иное значение. Таков вывод о тождестве, если источником сравниваемых отображений является партия дроби, изготовленная на конкретном дроболитейном заводе, партия карандашей, изготовленных на конкретной фабрике, партия бритвенных лезвий или других изделий, распределенных в различные населенные пункты, через различные торговые точки и распространенные в значительной массе людей. Вывод о тождестве источника в этих случаях равноценен выводу о родовом (видовом) тождестве вещей. Его доказательственное значение определяется объемом группы отображений, относящихся к установленному источнику. Поскольку связь “Л←→И” (4) имеет родовой характер, вывод о тождестве источника в этих случаях недостаточен для

установления связи с расследуемым событием конкретного лица. Для разрешения этой задачи требуется исследование дополнительных источников.

3). Исследование отображений источника и делимого целого, пространственно связанных с расследуемым событием

В отличие от рассмотренных выше случаев исходная в доказывании связь отображения, по схеме связь "О←→С" (1) с расследуемым событием, имеет характер пространственной, а не причинной связи.

Таковы нередко обнаруживаемые на местах преступлений пуговицы, расчески, листки бумаги, билеты на зрелищные предприятия и иные предметы. Не являясь орудиями, средствами или объектами преступных действий, такого рода предметы оказываются случайно занесенными на место происшествия преступниками, потерпевшими или другими лицами. При обнаружении аналогичных предметов у указанных лиц, по схеме связь "О←→Л" (2), возможны идентификация и установление источника их происхождения.

Вывод о тождестве источника будет иметь различное значение в зависимости от объема, источника, делимости массы и характера их связи с действиями конкретных лиц. Если устанавливаются неделимость объекта и его специфическая связь с действиями конкретного лица, вывод о тождестве может рассматриваться как косвенное указание на пространственную связь данного лица с расследуемым событием. Так, установление, что обнаруженный на месте преступления листок бумаги происходит из тетради обвиняемого (судя по специфическим следам смятия) следует рассматривать как факт, косвенно указывающий на пространственную связь обвиняемого с расследуемым событием. Если неделимость объекта и его специфическая связь с конкретным лицом не могут быть установлены, вывод о тождестве источника следует расценивать как весьма отдаленную и малодоказательную форму связи.

5.3. Информационно-познавательная структура процесса установления искомого объекта. Поисково-идентификационная деятельность

Установление искомого объекта может анализироваться как с точки зрения познавательной (поисково-идентификационная деятельность), так и с точки зрения доказательственной (см. раздел 5.4). С точки зрения познавательной исходным в процессе установления искомого объекта является определение промежуточных задач, ведущих к решению конечной задачи, и соответствующих им методов и субъектов. Вычленение конкретных операций в общем процессе и обеспечение взаимосвязи, необходимой для достижения конечной цели, являются также непременным условием оптимизации поисково-

идентификационной деятельности, повышения ее эффективности и надежности.

Промежуточными задачами в процессе установления искомого объекта являются:

1) обнаружение следа искомого объекта;
2) установление исходной совокупности искомого объекта;
3) установление специального класса искомого объекта;
4) установление количественно определенной группы искомого объекта;
5) установление проверяемого объекта;
6) разрешение вопроса о тождестве;
7) установление единичного идентифицируемого объекта;
8) установление искомого объекта.

Перечисленные задачи представляют ряд, в котором каждая последующая задача вытекает из предшествующей и, как правило, не может быть разрешена без разрешения предыдущей.

Рассмотрим методы разрешения указанных промежуточных задач.

5.3.1. Обнаружение следа искомого объекта

Постановка идентификационно-поисковых задач возможна только при наличии следа искомого объекта как источника первоначальной идентификационной информации о единичном материальном объекте, связанном с расследуемым событием. Обнаружение такой информации относится к оперативно-следственному поиску и осуществляется путем применения ряда специфических методов [см. об этом 128].

5.3.2. Установление исходной совокупности искомого объекта

Начальная задача индивидуализации искомого объекта состоит в переходе от установления неопределенно широких совокупностей объектов к установлению их качественно определенных классов. Исходную совокупность искомого объекта можно определить как выделенный на основе исходной идентификационной информации, содержащейся в следах искомого объекта, минимальный класс объектов или объем вещества. Так, понятие “колесный транспорт” характеризует еще неопределенно широкую совокупность объектов, непригодную для организации розыскных действий. Выделение же в следах транспорта признаков, характеризующих конкретную систему автомашин, например “КАМАЗ-5320”, означает переход к качественно определенной классификационной группе. Аналогичны переходы от неопределенно широ-

кой совокупности “огнестрельное оружие” к классу “пистолет Макарова калибра 9 мм”; плохо растворимого в воде кристаллического вещества к разновидности сильных ядов - сулеме и т.п.

Установление исходной совокупности осуществляется на основе технических и естественнонаучных стационарных классификаций, созданных вне связи с производимым исследованием.

Характерными чертами самого исследования являются:

а) получение исходной информации из следа искомого объекта;

б) использование так называемых “научных образцов” - эталонов различных классификационных групп (например, образцов тканей, порохов, пищевых продуктов, биологических видов), а также описаний их свойств в картотеках, каталогах, справочниках и т.п.;

в) сравнение объектов по классификационным признакам, выделенным до начала исследования;

г) установление минимальной классификационной группы, заведомо содержащей искомый объект.

Определение наиболее узкой классификационной группы требует научно-технического исследования и привлечения специалистов. Следователь и суд могут, как правило, установить лишь относительно широкие классификационные группы.

5.3.3. Установление специального класса искомого объекта

На рассматриваемом этапе индивидуализация осуществляется двумя взаимосвязанными методами:

а) использованием нестационарных классификаций;

б) методом ограничения.

Нестационарные классификации. После того, как возможности стационарных классификаций исчерпаны, дальнейшая индивидуализация производится путем накопления признаков, используемых для формирования специальных классов. В отличие от стационарных или универсальных классов нестационарные или “специальные классы не только не входят в универсальные общепринятые классификации, но даже в пределах специальной отрасли знаний не имеют устойчивой номенклатуры” [см. 390, стр. 35]. Так, стационарный класс криминалистической классификации “ломик-фомка” может быть преобразован в специальный (нестационарный) класс с использованием следующих признаков: наибольшая длина пирамидальной части - 36 мм; наибольшая ширина уплощенной части - 23 мм; стационарный класс автомобилей ГАЗ-151 может быть преобразован в специальный класс с использованием признака “испорченный маслопровод” и т.д.

Для образования нестационарных классов могут быть использованы не все идентификационные свойства, а только те, которые хорошо выражены и достаточно устойчивы в идентификационный период. Показательны в этом отношении “особые приметы” внешности, имеющие особенно большое значение при розыске преступника. К их числу относятся устойчивые анатомические и функциональные аномалии: искривления позвоночника, укороченность, атрофия и контрактура конечностей, стойкие опухоли, мозоли, необычный цвет кожи, рубцы, бородавки, родимые пятна, следы оспы и т.д. Каждый из этих признаков может быть признаком специального класса, существенно ограничивающего исходную совокупность. Такое ограничение будет тем более значительным, чем большее число специфических, хорошо выраженных и устойчивых идентификационных свойств использовано для формирования нестационарной классификации.

Метод ограничения состоит в дальнейшем сужении классификационной группы, выделенной посредством стационарных и нестационарных классификаций, на основе установления объективной связи входящих в данную группу объектов с расследуемым событием. Преступление совершается в ограниченных рамках времени, пространства и определенным способом. При этом, как показывает опыт, объекты с близкими характеристиками, относящиеся к одной классификационной группе, встречаются в указанных рамках относительно редко, что позволяет путем “наложения” ситуации, определяемой следственным путем, на установленную классификационную группу выделить из ее состава ограниченную группу объектов.

Допустим, что стационарный класс искомой автомашины, на которой был совершен наезд на пешехода, по следам протекторов на месте происшествия определен как КАМАЗ-5510. Дополнительно путем допроса свидетелей было выяснено, что искомая автомашина имела специально оборудованный для перевозки мусора кузов оранжевого цвета.

Установленный указанными признаками класс автомашин еще весьма широк. Выделение проверяемых объектов из этого класса может осуществляться по признакам их объективной связи с расследуемым событием, в первую очередь пространственно-временной. Так, если окажется, что наезд совершен в интервале между семью и восемью часами утра на семнадцатом километре загородного шоссе автомашиной, следовавшей в направлении города, указанные обстоятельства позволят выделить относительно узкую группу объектов.

В данном случае термин “группа” соотносится с понятием специального класса. В.С.Митричев в ряде работ определяет понятие группы объектов “с учетом обстоятельств конкретного дела” “по принципу наличия у входящих в

нее объектов одного или многих признаков случайного происхождения" (например, принадлежность объекта к группе автомашин с поврежденным крылом или к группе листов железа со следами ржавчины на одном из краев) или признаков, возникающих "в связи с воздействием на них одних и тех же условий" [см., например, 203, стр. 9].

Обнаружение и оценку идентификационных признаков целесообразно осуществлять при участии в соответствующем следственном действии специалиста, задача которого состоит в выделении на основе изучения следов минимального по объему класса, содержащего искомый объект. Следователь, применяя метод ограничения, выделяет из состава указанного класса, исходя из обстоятельств уголовного дела, более узкую совокупность объектов.

5.3.4. Установление ограниченной количественно определенной группы проверяемых объектов

Установление ограниченной количественно определенной группы проверяемых объектов создает возможности для последовательного изучения всех проверяемых объектов и для использования метода исключения.

Особенности сравнительного исследования на этой стадии состоят в том, что оно производится с целью последовательного "отсева" основной массы входящих в проверяемую группу объектов; оставшиеся же объекты подвергаются всестороннему идентификационному анализу. В отличие от положительного результата отождествления, достигаемого выявлением комплекса совпадающих признаков, исключение объектов может быть произведено на основе обнаружения одного-двух несовместимых свойств сравниваемых объектов. Например, проверяемый пистолет может быть исключен по способу обработки чашечки затвора; сравниваемый свинцовый сплав - по твердости; красители сравниваемых рисовальных карандашей могут быть дифференцированы по свойству адсорбции йода; принадлежность черепа определенному лицу исключается на основе различия в расположении анатомических точек.

Как видно из приведенных примеров, исключающие признаки очень удобны для оперативной индивидуализации и максимального сужения круга проверяемых объектов.

Следует подчеркнуть, что основанием для количественного определения группы проверяемых объектов могут быть не любые обстоятельства дела, а лишь ситуация, которую можно условно назвать ситуацией индивидуального определения. Под этим термином мы понимаем такие обстоятельства, исходя из которых можно составить исчерпывающий перечень проверяемых объектов, выделенных по их индивидуальным признакам. В отличие от родового

определения на предшествующих стадиях проверяемый объект получает здесь индивидуальное определение.

Так, установление системы искомой автомашины (КАМАЗ-5510), особенностей ее конструкции (специально приспособленная для перевозки мусора), обстоятельств дела (наезд совершен между шестью и семью часами на семнадцатом километре пригородного шоссе машиной, следовавшей в сторону города) дает возможность выделять количественно ограниченную, но не определенную численно группу объектов. В дальнейшем, если на автобазах треста “Горочистка” ведется документальный учет ездок автомашин по маршрутам, можно выделить строго определенное число автомашин и шоферов, совершивших ездки по данному маршруту в установленный отрезок времени.

Если круг проверяемых объектов достоверно установлен и строго ограничен, применение метода исключения может оказаться достаточным для установления единичного искомого объекта и разрешения задач доказывания[1].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что применение этого метода требует сочетания следственно-судебных и экспертных методов доказывания.

При этом в частной системе доказательств должны присутствовать:

а) данные, исчерпывающим образом устанавливающие круг проверяемых объектов;

б) основания исключения (исключающие различия) всех проверяемых объектов, кроме одного;

в) совпадения идентификационных свойств искомого и неисключенного проверяемого объекта и их экспертная оценка;

г) данные, указывающие на связь искомого объекта с событием преступления.

При отсутствии хотя бы одной из указанных подсистем данных искомый объект не может считаться достоверно установленным.

5.3.5. Установление проверяемого объекта

Из сказанного ранее следует, что версия о связи единичного объекта с расследуемым событием может иметь два основания: идентификационное и ситуационное.

В первом случае имеют место совпадения идентификационных признаков (например, автомашина марки МАЗ-500 с кузовом оранжевого цвета, приспособленным для перевозки городских отходов, задерживается и проверяется, поскольку наезд на пешехода был совершен, как показали свидетели и

[1] Более подробно о методе ограничения и исключения см. раздел 3.5.

осмотр места происшествия, на автомашине такого типа и цвета). Во втором случае основанием для указанной версии служат анализ следственной ситуации и оценка проверяемого объекта как одного из возможных элементов механизма расследуемого события (если во время обгона легковая автомашина сбила мотоциклиста и скрылась с места происшествия, будут проверяться все легковые автомашины, проезжавшие в данное время на данном отрезке шоссе, а также соответствующие аварийной ситуации, а по истечении определенного времени - имеющие также следы ремонта, покраски, замены частей и т.п.).

Проверяемый объект - это модель искомого объекта, вначале информационно-логическая (версия), а затем и предметная, после того как обнаружен соответствующий единичный материальный объект. При построении и использовании такой модели признаки идентификационные дополняются функциональными (ситуационными), причем они должны находиться в строгом соответствии друг с другом.

Моделирование искомого объекта имеет существенное значение как в стадии подготовки идентификационного исследования, так и в ходе самого сравнительного исследования и оценки его результатов. Как уже отмечалось, ситуационный критерий позволяет в ряде случаев не только выделить отдельные проверяемые объекты, но и дать им строгое количественное определение.

Моделирование искомого объекта с учетом ситуации позволяет установить направление отражения свойств объектов, характер и состав идентификационного поля, т.е. предварительно определить идентифицируемый объект, а следовательно, и содержание работы по получению образцов для сравнительного исследования. Так, при розыске взломщика, исходя из способа взлома и особенностей поврежденных преград, выдвигают версию о составе следов и микрочастиц, которые могут быть обнаружены на его теле, одежде и носильных вещах. С учетом этого производят отбор образцов на месте взлома, а также при осмотре и освидетельствовании подозреваемых лиц.

Проверяемый объект должен быть выделен в обстановке расследуемого события как единичный материальный объект, имеющий конкретные пространственные границы и локализацию. В литературе правильно утверждается, что в случаях, когда объект “элемент вещной обстановки” не определен в конкретных границах или объеме материальной субстанции, индивидуальная идентификация оказывается невозможной и эксперт может сделать вывод только о родовом или групповом тождестве [см. 206, стр. 22-23]. То же относится к проверяемым объектам, “мыслимым в своем продолжении” (моток проволоки, рулон бумаги и т.п.).

Моделирование искомого объекта обеспечивает, как отмечалось выше, получение сопоставимых образцов для сравнительного исследования. Так

называемые экспериментальные образцы почерка, стреляных пуль, следов взлома, почвенных наложений - все это не что иное, как модели отображений искомого объекта с учетом условий и обстоятельств расследуемого события.

Одна из важных функций проверяемого объекта состоит в обеспечении поиска идентификационной информации при производстве экспертных исследований. Модель искомого объекта, рассматриваемая в динамической системе других элементов расследуемого события, играет роль своеобразного фильтра, отделяющего относящиеся к делу следы и признаки от обширной нейтральной информации.

Значение моделирования искомого объекта для обеспечения сфокусированного на существенных признаках внимания исследователя подчеркивалось выдающийся педагогами и психологами. К.Д.Ушинский считал, что “внимание обладает свойством последовательно переходить от предмета к другим сходным предметам и следам” [354]. П.Ф.Каптерев указывал на громадное значение для внимания наличия предваряющих представлений о предмете внимания. Н.Н.Ланге писал: “...Ясное воспоминание искомого помогает нам выделить его из общей совокупности” [174, стр. 1].

Моделирование искомого объекта помогает также разрешить немаловажный для следственной и судебной практики вопрос о характере сведений, касающихся обстоятельств расследуемого события, которые имеют значение для производства экспертизы и потому должны сообщаться экспертам следователем, назначающим экспертизу. Как видно из сказанного ранее, характер указанных сведений обусловлен информационным содержанием модели с учетом ее функционирования в обстоятельствах расследуемого события.

Кроме того, моделирование искомого объекта с учетом следственной ситуации[1] облегчает проверку и оценку результатов идентификации в системе собранных доказательств. Эффективным методом при этом является моделирование расследуемого события “с участием” искомого объекта. Оно обычно проводится в форме следственного эксперимента или проверки показаний на месте. Например, обвиняемый в убийстве может продемонстрировать, как он произвел выстрел из искомого ружья через занавеску в окне; при проверке показаний на месте обвиняемый может показать, где был зарыт труп убитого, личность которого установлена по черепу, и т.д.

Таким образом, установление проверяемого объекта как информационной и предметной модели искомого объекта является важным инструментом доказывания: модель искомого обеспечивает правильную ориентировку экс-

[1] О следственных ситуациях см., например [314].

перта в обстоятельствах и материалах уголовного дела, эффективное получение образцов для сравнительного исследования, поиск идентификационных признаков, проверку и оценку результатов идентификации в системе собранных по делу доказательств.

5.3.6. Разрешение вопроса о тождестве (идентификация)

При наличии следа искомого объекта и образцов может быть произведено сравнительное исследование с целью разрешения вопроса о тождестве, т.е. идентификация. Проблемам идентификации посвящена обширная литература, в которой в настоящее время получило отражение научное обоснование всех основных ее отраслей. Разработана также общая методика идентификационной криминалистической экспертизы.

Структура криминалистического идентификационного исследования включает в себя предварительное, раздельное, сравнительное исследование и оценку их результатов [см. 3].

На стадии раздельного исследования устанавливаются свойства сравниваемых объектов, на стадии сравнительного - выявляются различия и совпадения идентификационных свойств. На стадии оценки совокупность обнаруженных совпадений и различий рассматривается в качестве основания вывода (как положительного, так и отрицательного). Положительный вывод может иметь характер установления родового, группового или индивидуального тождества. В последнем случае он может быть как предположительным, так и категорическим (см. гл. II настоящей работы).

5.3.7. Установление единичного идентифицируемого объекта

Эта задача решается на основе всей суммы информации об идентифицируемом объекте, содержащейся в совокупности отражающих его источников,

в форме комплексной экспертизы или процессуального доказывания. (Система методов индивидуализации рассмотрена в гл. III.)

5.3.8. Установление искомого объекта

В заключение рассмотрим общую схему установления искомого объекта.

Каждая из промежуточных задач, ведущая к установлению искомого объекта, разрешается определенной группой методов, определенными субъектами. Первая (основная) группа методов (операции 2-7) используется для индивидуализации единичного объекта, вторая - для установления его связи с расследуемым событием (операция 8).

В зависимости от того, какой уровень индивидуализации является исходным[1], существенно меняется методика исследования. На начальных этапах наиболее широко используются методы классификационных исследований: отнесение идентифицируемого объекта ко все более узким классификационным группам с помощью стационарных и специально созданных классификаций объектов. Установление ограниченных классов и групп объектов очень важно при организации розыскных мероприятий, в то время как ограничение исходной совокупности имеет существенное значение для определения критериев оценки совокупности признаков, необходимой для установления тождества.

Достигнутый путем классификации уровень углубляется применением метода ограничения, с помощью которого из состава родовой вещи выделяется весьма узкая совокупность объектов.

Строгое количественное определение проверяемых объектов дает возможность установить искомый объект методом исключения и посредством дифференционных алгоритмов в машинных программах идентификации.

В практике необходимо разграничивать разрешение вопроса о тождестве в результате отдельного акта идентификации (в том числе и при отрицательном выводе), установление родового или группового тождества (операция 6) и установление единичного материального объекта на основе комплексного исследования и суммирования идентификационной информации, содержащейся в различных источниках (операция 7).

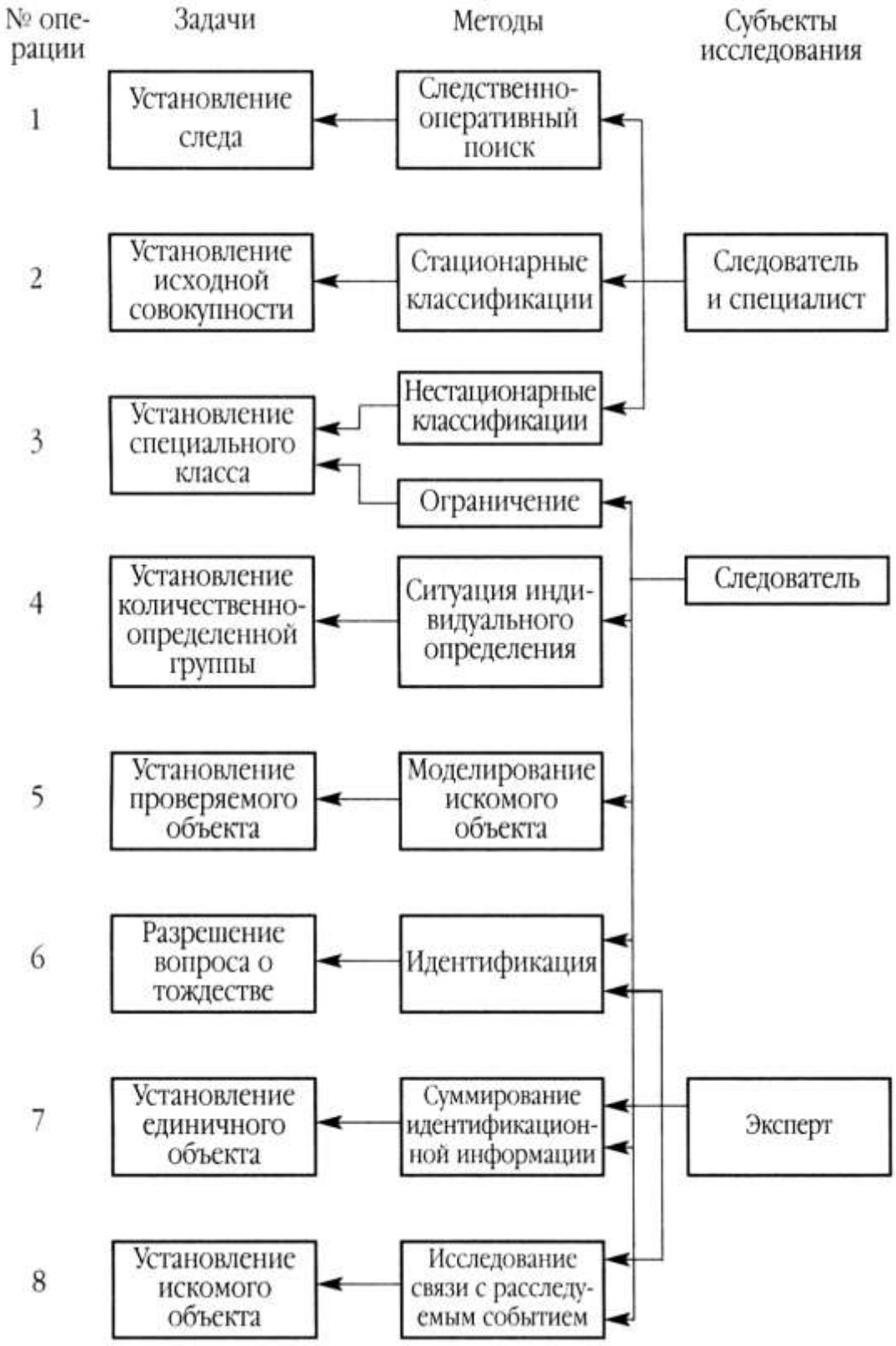
Правильный выбор адекватного задаче метода позволяет сопоставить

---

[1]В практике имеют место случаи, когда след искомого объекта содержит знаковую информацию о единичном объекте: отпечаток номерного знака автомашины, обозначение фамилии и других данных владельца документа и т.п. Здесь отпадает необходимость в последовательно осуществляемых стадиях индивидуализации, но не исключается необходимость сравнительного исследования конкретного проверяемого объекта по его материально фиксированным отображениям.

его с кругом субъектов и определить их компетенцию.

Общая схема поисково-идентификационной деятельности

Как уже отмечалось, классификационные исследования, требующие знания общенаучных и специальных классификаций, методики обнаружения и оценки признаков, применения специального оборудования и научно-технических средств, связаны с необходимостью привлечения в соответствующих

следственных действиях специалистов, применение же метода ограничения основано на анализе обстоятельств уголовного дела, механизма расследуемого события и потому может быть осуществлено лишь следователем и судом. К компетенции следователя и суда относится констатация ситуации индивидуального определения, построение версий об искомом объекте, исследование его связи с событием преступления. Все эти методы основаны на анализе механизма расследуемого события и частной системы фактических данных об искомом объекте.

Отдельные группы задач (разрешение вопроса о тождестве, суммирование идентификационной информации) могут решаться как экспертом (на основе идентификационных признаков), так и следователем, и судом (на основе идентификационной подсистемы доказательств).

5.4. Поисково-идентификационная деятельность и розыск

Логично предположить, что цели, задачи и структура розыскной деятельности в широком смысле, т.е. не ограниченной розыском скрывшегося обвиняемого и установленных расследованием объектов, полностью соответствуют структуре поисково-идентификационной деятельности, а термины “разыскиваемый объект” и “искомый объект”, представляющие системообразующие элементы той и другой деятельности, имеют тождественное содержание.

Это допущение влечет весьма важные в теоретическом и практическом отношении следствия.

1. Разработанные в рамках теории поисково-идентификационной деятельности положения и рекомендации должны найти применение в теории и практике розыскной деятельности. Так, принцип разграничения искомого и проверяемого объектов, являющийся основополагающим в системе поисково-идентификационной деятельности, представляет также важнейший принцип розыскной деятельности. Его последовательное применение в теории розыскной деятельности позволит устранить ряд существенных неточностей и пробелов. Характеризуя розыскную деятельность как функцию органов дознания и предварительного следствия, Р.С.Белкин пишет: “Ее содержание состоит в обнаружении замышляемых, готовящихся и совершенных преступлений, установлении и обнаружении виновных, объектов (лиц и предметов) - носителей доказательственной информации, предметов преступного посягательства и иных объектов, имеющих значение для обнаружения истины по делу. В общей форме ее отличие от расследования заключается в том, что целью розыскной деятельности является установление и обнаружение, а целью расследования - доказывание” [18, стр. 175] (подч. мною. В.К). Установление и обнаружение в

процессе розыска определенных лиц и предметов, если не осуществлены процедуры идентификации и доказывания их связи с преступлением не означает, что именно эти лица являются искомыми. Практика оперативно-розыскных и следственных органов убедительно показывает, что смешение случайно задержанных лиц или обнаруженных в процессе розыска предметов с искомыми является источником ошибок и нарушений законности. Вопрос о том, являются ли обнаруженные лица и предметы искомыми, требует специального исследования: идентификации и анализа связи обнаруженных лиц с расследуемым событием. Гарантией объективности такого исследования и научной достоверности его результатов является принцип разграничения искомого и проверяемого объектов. Однако указанное исследование и его принципы не рассматриваются в учении о розыске как существенные элементы его структуры. Между тем пока не будет установлено, а в ходе расследования и доказано тождество обнаруженных лиц и предметов с искомыми и их связь с расследуемым событием, обнаруженные лица и предметы остаются проверяемыми, а задачи розыска считать разрешенными нельзя. Представляется, что любая концепция розыскной деятельности, игнорирующая понятия искомого и проверяемого объектов и принцип их разграничения будет страдать неточностями и проблемами в определении своих основных понятий.

2. Назрел вопрос о создании общей теории розыскной деятельности. Разработка теоретических основ и практических рекомендаций розыскной деятельности осуществляется в настоящее время применительно к субъектам в двух аспектах: следственном и оперативно-розыскном.

При этом исследуются особенности розыскной деятельности, обусловленные характером источников розыскной информации, формами и методами ее получения. Основным содержанием общей теории розыска должен стать анализ логико-информационной структуры розыскной деятельности: ее задач, объектов, познавательных и научно-технических методов, информационного содержания и обеспечения. Синтезируя интегральные элементы криминалистического учения о розыске, теории оперативно-розыскной деятельности и теории поисково-идентификационной деятельности, общая теория розыска обеспечит их наиболее углубленную разработку. Представляется, что такая теория должна быть отнесена к предмету криминалистики, в которой уже созданы все необходимые предпосылки для ее успешного развития.

5.5. Поисково-идентификационная деятельность и доказывание

Факты, обнаруживаемые в процессе поисково-идентификационной деятельности, могут стать средством установления истины в уголовном деле

только в том случае, если они доказаны, т.е. достоверно установлены в предусмотренной законом процессуальной форме[1].

Важное теоретическое и практическое значение имеет формулирование принципов доказывания тождества, направляющих деятельность следователя, суда, специалиста и эксперта и обеспечивающих достоверность выводов, получаемых в судебном процессе.

Анализ принципов криминалистической идентификации[2] и структуры поисково-идентификационной деятельности создают предпосылки для формулирования следующих принципов доказывания тождества в судебном процессе.

Основополагающим принципом доказывания тождества является принцип объективности исследования, реализуемый путем логического деления объектов идентификации на искомые и проверяемые. Соответствуя строгому разделению в процессе доказывания фактов и предположений, деление объектов на искомые и проверяемые обеспечивает полноту раздельного и сравнительного исследования объектов, обнаружения необходимой для достоверного вывода совокупности идентификационных признаков. Деление объектов на искомые и проверяемые обеспечивает также анализ логической структуры поисково-идентификационной деятельности, объясняет природу вещественных доказательств и образцов, входит в логические основания выводов на основе реального тождества объектов в форме традуктивных умозаключений.

Второй принцип доказывания тождества может быть сформулирован как принцип отражения. Исследование отраженных свойств объектов идентификации в следах представляет обязательное условие доказывания тождества. Это накладывает особые требования на процесс доказывания тождества, которые выражаются в разделении объектов на идентифицируемые (отображаемые) и идентифицирующие (отображающие). Разграничение в объектах иссле-

---

[1] На связь криминалистической идентификации с доказыванием обращалось внимание многими исследователями [см. 339, стр. 411-417].

[2] Основоположник теории криминалистической идентификации С. М. Потапов понимал криминалистическую идентификацию как исследование, обеспечивающее установление любых фактов в уголовном деле и предполагающее разрешение как собственно идентификационных, так и доказательственных задач (см. С. М. Потапов. Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право, 1940, № 1). При этом существенно подчеркнуть, что С. М. Потапов не вычленял криминалистическую идентификацию в общей структуре доказывания и не исследовал ее место в этой структуре. Поскольку в настоящее время под идентификацией понимается сравнительное исследование с целью разрешения вопроса о тождестве, особенно актуальны принципы доказывания тождества, регулирующие деятельность широкого круга субъектов доказывания с целью установления искомого объекта.

дования собственных и отраженных признаков является предпосылкой их правильной оценки путем соотнесения со свойствами отраженных объектов.

Важным следствием учета принципа отражения в доказывании тождества является разграничение понятий идентификационного признака и свойства. Признак как объективное отражение свойства объекта представляет исходную непосредственно (чувственно) данную информацию об идентифицируемом объекте. От признаков необходимо отличать фактические данные о свойствах, представляющие логические аргументы в обосновании положительного или отрицательного выводов о тождестве. Разграничение признаков и свойств обеспечивает исследование механизмов и каналов передачи идентификационной информации, соответствует разграничению уровней непосредственного и опосредствованного исследования при идентификации. Смешение чувственных данных и логических аргументов, подмена свойств признаками приводят к необоснованным выводам.

В более общем плане принцип отражения характеризует информационную основу доказывания тождества: характер информационных каналов, а также значение получаемой путем их исследования доказательственной информации.

Третьим принципом доказывания тождества является принцип компетентности участников доказывания тождества.

Принцип компетентности обеспечивает достоверность получаемых результатов в сфере деятельности каждого из участников доказывания тождества путем строгого определения предмета и задач доказывания, процессуальных и фактических возможностей их разрешения. Наиболее важно разграничивать компетенцию следователя и эксперта.

При производстве экспертизы в качестве исходной идентификационной информации могут использоваться только признаки сравниваемых вещественных объектов. Что же касается следователя и суда, то они разрешают вопрос о тождестве на основе фактических данных, содержащихся в любых источниках судебных доказательств. Эксперт разрешает вопрос о тождестве в процессуальных рамках судебной экспертизы, а следователь с участием специалиста и эксперта - в рамках идентификационно-поисковой деятельности и доказывания по делу в целом.

Возможности эксперта и следователя в разрешении вопроса о тождестве обусловлены, с одной стороны, наличием или отсутствием специальных познаний и, с другой - фактическими основаниями доказывания. Так, если возможности следователя в непосредственном обнаружении и оценке идентификационных признаков ограничены отсутствием у него специальных познаний

и технических средств, то возможности эксперта ограничены кругом тех идентификационных признаков (полей), на которые распространяются его специальные познания: признаки почерка, внешнего строения, физических или химических свойств и т.д.

Заключение эксперта по вопросу о тождестве является доказательством по уголовному делу. Выводы же следователя и суда по вопросу о тождестве, базирующиеся на системе собранных доказательств, имеют характер доказательственного или искомого факта[1].

Принцип взаимодействия участников доказывания тождества необходимо дополняет принцип их компетентности. Каждый из участников доказывания тождества[2] осуществляет доказывание в рамках своей компетенции, используя соответствующую исходную информацию, технические возможности и получая выводы определенного логического уровня и доказательственного значения. Их взаимодействие основывается на:

– единой логической схеме доказывания тождества;

– общих закономерностях оценки идентификационной информации;

– направляющей роли следователя и суда в доказывании тождества.

Логическая схема доказывания тождества необходимо включает:

– установление исходной совокупности объектов, из числа которых осуществляется выделение искомого;

– установление совокупности совпадающих идентификационных свойств, выделяющих искомый объект из исходной совокупности;

– соотнесение этих совокупностей в дедуктивной системе индивидуализации и вывод о тождестве.

В основе оценки идентификационных свойств и их совокупностей лежит учет частоты их встречаемости: чем реже встречается то или иное свойство или совокупность свойств, тем выше их выделительная способность и идентификационная значимость. Выделенный путем индивидуализации и сравни-

---

[1] Будучи установленными, доказательственные факты сами являются аргументами-доказательствами в логическом процессе установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания. В связи с этим вряд ли можно согласиться с часто встречающимися утверждениями о том, что выводы о тождестве, к которым приходят следователь и суд, доказательственного значения не имеют [308, стр. 62]. Правильнее сказать, что эти выводы не имеют значения доказательств (исходных фактических данных в смысле ст. 69 УК РСФСР), но имеют важное доказательственное значение. Более того, именно выводы следователя и суда, ответственных за процесс доказывания на соответствующей стадии уголовного процесса, представляют конечный вывод о тождестве - доказательственный или искомый факт.

[2] В доказывании тождества могут принимать участие любые процессуальные субъекты доказывания. В интересах краткости мы ограничимся рассмотрением компетенции следователя и эксперта.

тельного исследования комплекс совпадений не должен повториться в исходной совокупности объектов. Поэтому, чем больше исходная совокупность объектов, тем мощнее должна быть совокупность идентификационных свойств, меньше частота ее встречаемости. Эта зависимость обусловливает закономерности оценки идентификационной информации и весь ход рассуждений при доказывании тождества, независимо от того, каким участником доказывания эта оценка осуществляется. Указанная закономерность лежит в основе оценки как в тех случаях, когда она осуществляется опытным путем, с использованием "несчитанных вероятностей", так и при использовании вероятностно-статистических методов и кибернетической техники.

Усложнение и специализация поисково-идентификационной деятельности с использованием современных достижений науки и техники вызвали к жизни сложные (многоступенчатые) и многосубъектные акты доказывания тождества и установления искомого объекта. Их сущность состоит в том, что установление доказательственных (искомых) фактов осуществляется рядом лиц по сквозной логической схеме. При этом каждый из участников доказывания обеспечивает установление соответствующего узла этой схемы. Совокупный же результат взаимодействия, направляемого следователем и судом, обеспечивает достоверное установление искомого объекта.

Важным для доказывания тождества в судебном процессе является принцип системности.

Разрешение вопроса о тождестве и установление искомого объекта достигаются не отдельным изолированным средством доказывания, а на основе систем идентификационных признаков и доказательств, собранных по делу в результате расследования.

Принцип системности позволяет разрешить наиболее сложные задачи доказывания тождества: преодолеть недостаток информации об искомом объекте, содержащейся в отдельном следе, получить данные, необходимые для проверки заключения эксперта, обеспечить надежность итогового вывода об искомом объекте.

Реализация указанного принципа доказывания обеспечивается рядом процессуально-криминалистических средств и методов, в числе которых важнейшими являются:

– суммирование информации, содержащейся в различных отображениях искомого объекта: следах той же руки, рукописях того же лица и т.п. Обязательным условием суммирования идентификационной информации как следователем, так и экспертом является доказывание того факта, что обнаруженные следы представляют отображения одного и того же искомого объекта; использование фактических данных, полученных следственным и экспертным

путем в идентификационной подсистеме доказательств. Поскольку процесс доказывания тождества не ограничивается рамками идентификационной экспертизы или отдельного следственного (судебного) действия, а имеет “сквозной” характер, т.е. осуществляется в ходе всего расследования[1] необходимая для этого информация накапливается и используется в рамках идентификационной подсистемы доказательств, а ее оценка также имеет системный характер. Поэтому недостаток информации в материальных следах преступления, обусловивший предположительный вывод эксперта или его вывод о родовом (групповом) тождестве, может быть восполнен информацией об искомом объекте, полученной следователем в ходе допросов, следственных экспериментов, дополнительных и повторных экспертиз и других следственных и судебных действий;

– использование информации, содержащейся в элементной структуре сложных объектов идентификации. Если интегральное отображение искомого объекта не содержит достаточного материала для идентификации, его можно получить путем анализа структуры сложного идентифицируемого объекта. Так, сохранившееся в сознании очевидца дорожно-транспортного происшествия представление о скрывшемся автомобиле часто бывает неполным и расплывчатым для его успешного розыска и идентификации. Вместе с тем на местах дорожно-транспортных происшествий обнаруживаются следы протекторов, отображения радиаторов, частички лакокрасочного покрытия, фарного рассеивателя и других частей автомобиля. Подобные следы механизмов, агрегатов и живых организмов несут обширную информацию об элементной, молекулярной, фазовой, биологической, физиологической, механической и иных структурах искомого объекта. Это открывает возможность применения современных высокочувствительных аналитических методов исследования, позволяющих получить своеобразный информационный “срез” определенной стороны идентифицируемого объекта, используя минимальные объемы вещества в следе.

Внедрение современных аналитических методов и системного подхода позволило значительно расширить круг объектов идентификации за счет объектов сложного строения: механизмов и агрегатов, объектов, не имеющих собственной устойчивой формы, материальных комплексов, сформированных за

[1] Идея “сквозного” доказывания тождества высказывалась также В. С. Митричевым, рассматривающим такое доказывание как идентификацию (см. В. С. Митричев. Вопросы теории судебной идентификации. Труды ЦНИИСЭ, вып. 2, 1970, стр. 102). Разделяя содержательную сторону концепции В. С. Митричева, мы должны уточнить ее терминологический аппарат: не “идентификация посредством доказывания”, а “доказывание посредством идентификации”. Иными словами, не доказывание является методом идентификации, а идентификация является методом доказывания.

счет взаимодействия различных объектов.

Наряду с разработкой соответствующих экспертных методик [см. 340; 298; 202; 206 и др.], прослежены и процессуальные особенности доказывания тождества указанных объектов [см. 91, 306]. Особенно существенно указать на методику многоуровневого идентификационного исследования. Его идея состоит в выделении в составе сложного объекта идентификации непосредственных, исходных, промежуточных и конечного объектов идентификации. При этом накопление идентификационной информации на нижележащих уровнях обеспечивает надежность конечного вывода следователя и суда о тождестве;

– установление связи искомого объекта с событием преступления. В структуре доказывания с целью установления искомого объекта существенно выделить два направления: индивидуализацию искомого объекта, т.е. накопление идентификационной информации о нем; установление его связи с расследуемым событием. Оба эти направления осуществляются параллельно с использованием одних и тех же источников информации. Так, следы автомашины, найденные на месте наезда, содержат как идентификационное поле, так и информацию о механизме их образования и связи с событием преступления. Вместе с тем указанные направления не сливаются: доказательство тождества объекта не означает доказанности его связи с преступлением. Установление последней требует специального исследования и доказывания. Полученные фактические данные образуют подсистему в системе фактических данных об искомом объекте с подсистемой, содержащей идентификационную информацию;

– формирование частных систем доказательств об искомом объекте, обеспечивающих установление искомого объекта как искомого факта по уголовному делу.

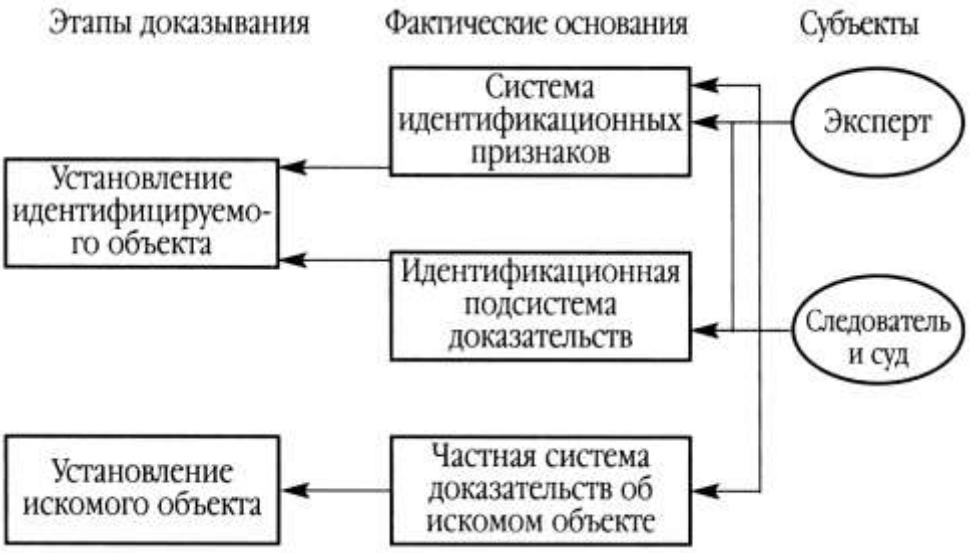
Рассмотрим структуру и уровни процесса доказывания с целью установления искомого объекта, а также систему фактических данных (доказательств), обосновывающих вывод об искомом факте.

5.6. Система фактических данных об искомом объекте в доказывании

5.6.1. Структура частной системы доказательств и уровни доказывания

Установление единичного объекта в результате одного или ряда актов идентификации исчерпывает задачи индивидуализации, но не раскрывает характера связи установленного объекта с расследуемым событием. Так, установление, что найденное на месте убийства частное письмо написано А., не определяет связи А. с расследуемым преступлением, так как его письмо могло

оказаться на месте преступления случайно, вне связи с убийством. Выяснение характера связи идентифицированного объекта с расследуемым событием и значения идентификации для установления истины по уголовному делу требует дополнительных фактических данных и специального исследования. Такое исследование образует самостоятельный этап доказывания. Соотношение этого этапа с предыдущим (установлением идентифицируемого объекта) показано на следующей схеме.

Как видно из схемы, установление идентифицируемого и установление искомого объектов представляют различные уровни доказывания, осуществляемые с использованием различных фактических оснований и различным кругом субъектов.

Идентифицируемый объект устанавливается на основе системы идентификационных признаков и идентификационной подсистемы доказательств экспертом, следователем и судом.

Под системой идентификационных признаков понимается информация об идентифицируемом объекте, полученная путем изучения материальных источников, т.е. предметов и их материальных отображений в результате отдельного акта идентификации.

Идентификационная подсистема доказательств может охватывать информацию, полученную в результате ряда актов идентификации, а также исследования механизма образования следов и способа совершения преступления. Помимо идентификационных признаков, она может включать информацию об идентифицируемом объекте в знаковой форме: письменных и устных сообщения; словах, цифрах, символах, кодах и т.п. Таким образом, идентификационная подсистема охватывает все источники информации, имеющие ста-

тус доказательств (показания, документы, вещественные доказательства, заключения эксперта).

Частная система доказательств включает идентификационную подсистему, а последняя - систему признаков, поскольку искомый объект должен быть индивидуализирован, но не сводиться к ней. Дополнительно она включает, и в этом ее специфика, информацию о связях выделенного объекта с расследуемым событием, содержащуюся в любых законных источниках доказательств.

Рассмотрим указанные системы фактических данных и доказательств, сообщающие им уровни доказывания на примере конкретного уголовного дела.

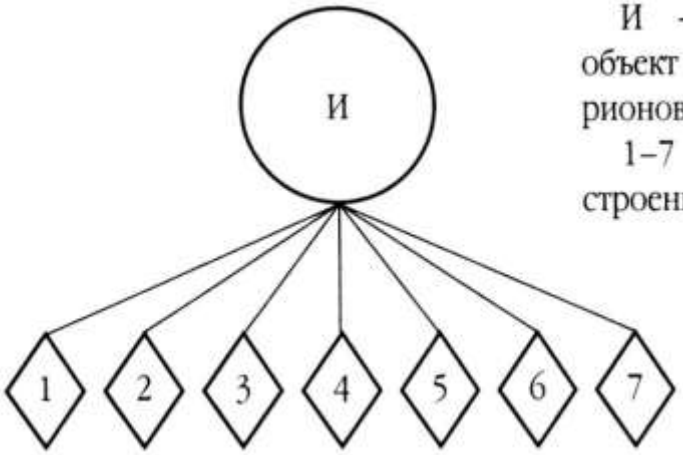
При совершении кражи денежной выручки из булочной преступники проникли в торговый зал магазина путем пролома потолка.

В ходе осмотра места происшествия обнаружили след ладони на стеклянной поверхности прейскурантной рамки, а также частички черной ткани в неровностях пролома на потолке. Из магазина была похищена денежная выручка в сумме 20 рублей металлическими деньгами и конфеты разных сортов.

При проверке подозреваемых было получено заключение дактилоскопической экспертизы о том, что след ладони на прейскурантной рамке оставлен Ларионовым. В результате его освидетельствования обнаружили царапины вертикального направления по левому боку, которые по заключению судебно-медицинского эксперта могли образоваться в ходе проникновения подозреваемого через пролом в потолке магазина. В карманах и складках одежды оказались твердые частички, совпадающие по своим свойствам с засыпкой потолка на месте кражи. Волокна ткани, изъятые из пролома, по цвету, природе волокна и способу его изготовления также, согласно заключению эксперта, совпали с указанными свойствами ткани пиджака Ларионова. При домашнем обыске последнего была найдена значительная сумма металлических денег и обертки конфет, совпадающие по сорту с похищенными из магазина.

Изобличенный указанными доказательствами, Ларионов сознался в совершении кражи и был осужден.

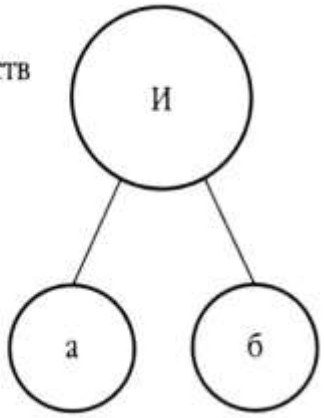
Фактические основания дактилоскопической экспертизы по данному делу, как и вообще любого идентификационного исследования, можно представить в следующей схеме:

И – идентифицируемый объект (ладонь левой руки Ларионова);

1–7 – признаки внешнего строения ладони.

Идентификационная подсистема доказательств выглядит следующим образом:

И – идентифицируемый объект (тело и одежда Ларионова);

а – заключение дактилоскопической экспертизы;

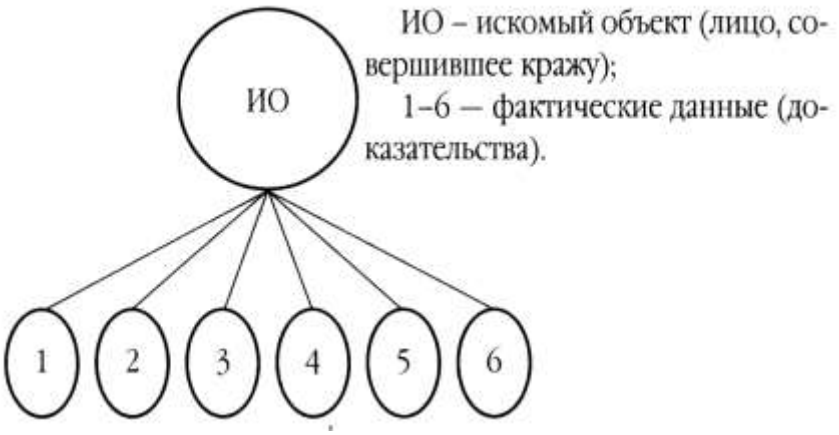
б – заключение экспертизы волокон одежды.

Из сопоставления приведенных схем видно, что конечные выводы дактилоскопической экспертизы и экспертизы волокон являются исходными фактическими данными в идентификационной подсистеме доказательств. Налицо, таким образом, различные уровни доказывания.

На уровне идентификационной подсистемы доказательств существенно возрастает объем идентификационной информации. В рамках идентификационной подсистемы доказательств правомерно суммирование идентификационной информации, содержащейся в различных следах, поскольку установлено их происхождение в результате действий одного лица. На этой основе могут быть успешно использованы вероятные заключения экспертов, выводы о родовом и групповом тождестве, выводы об источнике происхождения сравниваемых вещественных доказательств, результаты опознаний и др.

В связи с этим существенно возрастает объем идентификационной информации и повышается надежность итогового вывода о тождестве.

Частная система доказательств, обосновывающая установление искомого объекта, в данном случае лица, оставившего следы на месте кражи, может быть представлена схемой:

1 - обнаружение волокон одежды на месте преступления, свойства которых, по заключению эксперта, совпадают с волокнами одежды Ларионова (протокол осмотра, заключение эксперта);

2 - обнаружение царапин на теле Ларионова, могущих образоваться, по заключению эксперта, в ходе проникновения через пролом в потолке (акт судебно-медицинского освидетельствования);

3 - обнаружение на прейскурантной рамке следа ладони, оставленного, по заключению эксперта, Ларионовым (протокол осмотра, заключение эксперта);

4 - обнаружение на одежде Ларионова твердых частиц, совпадающих по своим свойствам, по заключению эксперта, с засыпкой потолка, взломанного при совершении кражи (акт освидетельствования, заключение эксперта);

5 - обнаружение при домашнем обыске Ларионова большого количества металлических денег (протокол обыска);

6 - обнаружение у Ларионова оберток конфет, совпадающих по сорту с похищенными из магазина (протокол обыска).

Частная система доказательств об искомом объекте включает всю идентификационную информацию, но по своему содержанию значительно шире ее. Новая и специфическая для данного уровня доказывания категория информации касается связи искомого объекта с событием преступления. В числе этих данных - информация о пребывании Ларионова на месте кражи (след ладони, частицы одежды Ларионова на месте происшествия), данные о совершении преступником определенных действий на месте происшествия (перемещение прейскурантной рамки), данные о причинной связи Ларионова с фактом кражи (проникновение через пролом в потолке, обнаружение у него большой суммы металлических денег и оберток конфет).

На уровне частной системы доказательств об искомом объекте полностью очерчивается доказательственное значение всех идентификационных ис-

следований, их роль в установлении обстоятельств, существенных для разрешения дела.

Переход от идентифицируемого объекта (или их системы) к искомому, составляющий содержание доказывания на уровне частной системы доказательств, существенно различается в зависимости от характера информационно-отражательной связи между идентифицируемым и идентифицирующим объектами.

Эта связь может иметь характер предметного отражения, связь части и целого, связь отображения материальных комплексов и источников происхождения.

1. Предметное отображение является результатом внешнего отражения, идентифицируемого объекта. Таковы оттиски, следы-наложения, рукописи, мысленные образы предметов.

Предметные отображения обеспечивают установление искомого объекта как в тех случаях, когда им является предмет, вызвавший отображение (лицо, оставившее след руки на месте преступления, орудие взлома, транспорт, оставивший след протектора, и т.п.), так и в тех случаях, когда искомым является объект - носитель отображения, например скрывшаяся с места происшествия автомашина со следом от сбитого ею мотоцикла, нож убийцы со следами-наложениями от поврежденных им тканей на клинке, одежда преступника, сохранившая отпечаток окрашенной поверхности, и т.п. Предметные, преимущественно контактные отображения являются наиболее распространенной в процессе доказывания формой связи идентифицируемого и идентифицирующего объектов.

2. Связь целого и части формируется в процессе внутреннего взаимодействия элементов целостного идентифицируемого объекта и приобретает значение в случаях разделения целостных объектов на части: разрыва, разреза, излома, распила, разборки, замены частей и т.п. Связь целого и части имеет доказательственное значение как в случаях идентификации целого по частям, так и в случаях идентификации части целого. Примерами идентификации целого по частям может быть идентификация лезвия ножа по части, оставшейся в поврежденном предмете, идентификация засыпки потолка по частицам вещества, обнаруженным при освидетельствовании подозреваемого в краже, идентификация документа по бумажным пыжам, найденным на месте преступления. Здесь в качестве идентифицируемого всегда выступает реконструируемое в процессе исследования целое: лицо, предмет, объем вещества и т.п.

Поскольку целое к моменту исследования уже перестало существовать в своем первоначальном составе в связи с отделением части, идентификация

связана с мысленной структурной реконструкцией (моделированием) целостного объекта. При установлении искомого целого на первый план выдвигается исследование его связи с событием преступления и места в структуре расследуемого события. Так, устанавливается, что идентифицированный нож послужил орудием убийства; из листов идентифицированной книги преступником изготовлялись пыжи для снаряжения патронов; загрязнения и посторонние частицы, обнаруженные на одежде преступника, происходят с места взлома при совершении кражи и т.п. Иными словами, признак структурной целостности, существенный при установлении идентифицируемого объекта, дополняется функциональным - связью данного целого с событием преступления.

При идентификации части целого идентифицируемый и искомый объекты физически не совпадают, и это может существенно осложнить доказывание.

Идентифицируемым объектом в этих случаях будет часть целого: боек ударника пистолета, канал ствола огнестрельного оружия, протектор или фарный рассеиватель автомашины, подошва обуви и т.д. Искомым же объектом будет, как и в предыдущем случае, функциональное целое, определенным образом связанное с событием преступления: огнестрельное оружие, послужившее для совершения убийства, автомашина, совершившая наезд, обувь преступника, совершившего кражу, и т.д. Переход от идентифицируемого к искомому требует в этих случаях исследования характера связи между частью и целым, возможности отделения, замены, перестановки частей в идентификационный период. И это исследование составляет самостоятельную задачу доказывания.

При исследовании сложных многокомпонентных объектов, к числу которых относятся многие целостные системы, материальные комплексы и источники происхождения, искомыми могут быть как исходные и промежуточные, так и конечные идентифицируемые (ср., например, идентификацию кусачек, использованных для изготовления дроби, идентификацию куска свинца, из которого изготовлялся дробовой заряд, и массы смесовой дроби по месту ее хранения). При этом связь с расследуемым событием относительно каждого из этих объектов прослеживается самостоятельно и может иметь существенно различное доказательственное значение.

Из сказанного видно, что содержанием доказывания в рассматриваемых ситуациях является переход от идентифицируемого объекта (или их системы), устанавливаемого в результате элементарного акта идентификации, к искомому объекту (факту), устанавливаемому на основе частной системы доказательств. Эта методология и стратегия обусловливают как технологию идентификации, так и процедуру доказательственных и познавательных процессов. В

связи с этим нельзя не обратить внимание на ошибочность и недопустимость смешения понятий идентифицируемого и искомого объектов, допускаемого в ряде работ. “Искомый объект понимается как идентифицируемый, который еще не установлен, разыскивается” [150, стр. 36]. “В случае идентификации он будет установлен как искомое лицо и при этом понятия искомый и идентифицируемый сольются воедино” [151, стр. 71]. Авторы этих высказываний не учитывают, что понятия, различающиеся по объему и содержанию, никогда не “сольются воедино”. А в содержание искомого дополнительно включается признак связи с событием преступления, устанавливаемой следователем и судом и выражаемой в частной системе доказательств. Смешение идентифицируемого и искомого объектов неизбежно ведет к смешению компетенции эксперта и следователя, технологии и процедуре экспертизы и доказывания.

В связи с изложенным нельзя согласиться с М.Я.Сегаем, настаивающим на “однозначном” понимании идентифицируемого и искомого объектов, а также “однозначном” понимании задач экспертной идентификации и судебно-следственного доказывания тождества [292, стр. 158]. Как видно из сказанного, именно разграничение задач, фактических оснований и компетенции субъектов на рассматриваемых уровнях доказывания представляет предпосылки методологически правильного исследования обстоятельств уголовного дела. Смешение этих уровней, фактических оснований и компетенции субъектов ничего общего не имеет с однозначным пониманием научных терминов.

5.6.2. Функции частной системы доказательств об искомом объекте

Система фактических данных об искомом объекте относительно всей совокупности доказательств по уголовному делу представляет частную систему, обеспечивающую достоверное установление искомого объекта. Исследование фактических данных в системе открывает новые возможности доказывания тождества. Рассмотрим наиболее существенные из них.

А. Обнаружение дополнительной информации. Систематизация является не только средством организации, формального упорядочения информации, но и средством исследования и получения новой доказательственной информации. Включение того или иного факта в систему связано с его всесторонней проверкой и уточнением его связи с другими установленными по делу доказательствами. При этом может обнаружиться такая связь фактов, которая ведет к выводу о существовании других фактов, позволяющих устанавливать новые обстоятельства. В то же время могут обнаружиться пробелы в фактических данных, а также определиться пути и способы их восполнения. Отмечен-

ное обстоятельство свидетельствует об эвристической роли системы доказательств, возможности ее использования как инструмента доказывания.

Указанная эвристическая функция со всей очевидностью обнаруживается при осмотре места преступления, когда исследование одних следов ведет к обнаружению других, а отсутствие определенных следов расценивается как негативное обстоятельство [192, стр. 14-22].

Б. Содержательная оценка идентификационной информации декодирования следов. “Дешифровка” признаков искомого объекта и построение версий о его роде, виде и других свойствах по отображению на месте преступления может оказаться невозможной, если отображение будет исследоваться в отрыве от всей системы следов искомого объекта.

8 декабря в 20 часов на проезжей части асфальтированной дороги Панфилов-Чолокай в Казахстане был обнаружен труп Матвеева. В верхней части наружной стороны правого рукава тужурки пострадавшего имелись четыре полосы наслоившейся грязи, напоминающие рисунок протектора автомобильных шин. Для разрешения вопроса о том, не оставлены ли эти следы шиной трактора или автомобиля, была назначена криминалистическая экспертиза. Эксперт НТГ не обнаружил данных для решения поставленного вопроса. В Алма-Атинском НИИСЭ применили комплексный метод исследования системы данных, связанных с образованием следов. Результаты трасологического исследования были сопоставлены с выводами судебно-медицинского исследования трупа. Это позволило исключить указанную версию о возникновении следов. Сопоставление этих следов с облицовкой тракторов и автомобилей отечественных марок, химическое исследование маслянистого вещества следов на тужурке и эксперименты с проверяемыми видами транспорта позволили экспертам прийти к выводу о том, что следы оставлены облицовкой трактора “Беларусь” [45, стр. 95-98]. Показательно, что изолированное исследование отображения в данном случае не давало основания не только для установления модели транспортного средства, но и для общего определения происхождения этих следов.

В. Оценка достоверности сведений об искомом объекте, содержащихся в отдельных источниках доказательств. При исследовании отдельного источника содержащиеся в нем сведения могут рассматриваться только с точки зрения их собственной последовательности, обоснованности и логической непротиворечивости. Однако такая “внутренняя” последовательность, обоснованность и непротиворечивость сведений, содержащихся в отдельном источнике, отнюдь не равноценна их истинности. Если же информация из отдельного источника рассматривается в системе доказательств, то она может оцениваться по существу, с точки зрения ее достоверности.

Сказанное относится и к такому источнику, как заключение эксперта. Опираясь на всю совокупность собранных по делу фактических данных об искомом объекте и анализ собранных по делу доказательств, суд и следователь могут оценить заключение эксперта по существу. При этом устраняется противоречие, выражающееся в том, что, не обладая соответствующими познаниями, суд и следователь оценивают выводы, основанные на специальных познаниях эксперта. Следователь и суд устанавливают искомый объект на иной, более широкой основе, чем эксперт. Если эксперт оперирует только идентификационными признаками, обнаруженными в представленных на экспертизу объектах, то следователь и суд могут почерпнуть информацию об искомом объекте из любого источника доказательств, а при необходимости и дополнить ее новыми источниками. Информация об искомом объекте содержится во всяком связанном с ним материальном объекте в следовой картине расследуемого события. Опираясь на это положение, суд и следователь путем изучения обстановки расследуемого события в целом могут выявить систему фактических данных, необходимую для проверки любого источника и достоверного установления искомого объекта.

В числе фактических данных об искомом объекте могут быть выделены система идентификационных признаков и система отождествляемых объектов[1].

Система идентификационных признаков - это совокупность фактических данных, выявляемых сравнительным исследованием источников и используемая в процессе доказывания для установления отождествляемого объекта.

Особенностями оценки системы идентификационных признаков, полученных при исследовании различных отображений следователем и судом, является:

суммирование идентификационных признаков при условии, что исследуемые отображения происходят от одного и того же отождествляемого объекта;

использование возможностей комплексной идентификационной экспертизы;

принцип избыточности идентификационной информации, обеспечивающий достоверное установление отождествляемого объекта.

Вопросы суммирования информации и использования комплексной экспертизы были рассмотрены выше.

---

[1] Выделение системы отождествляемых объектов выявляет, как будет показано ниже, новые возможности анализа частной системы доказательств об искомом объекте, к которой она относится как подсистема.

Принцип избыточности идентификационной информации при разрешении вопроса о тождестве следователем и судом требует разъяснений. Этот принцип реализуется при определении количественных критериев тождества в идентификационной экспертизе[1]. Из него следует исходить для обеспечения надежности выводов следователя и суда об искомом объекте. Учитывая несовершенство существующих методов оценки идентификационных признаков и необходимость специальных знаний для практического использования многих из них, следует признать, что оценка идентификационной совокупности следователем и судом является весьма приблизительной. Критерии для такой оценки они черпают из общей криминалистической подготовки, а также из заключения эксперта в случаях установления искомого объекта по материальным отображениям. Недостаток точности в оценке идентификационной совокупности следователь и суд могут и должны восполнить определенной избыточностью идентификационной информации. Этот путь повышает надежность получаемых выводов.

Если с расследуемым событием связана совокупность отождествляемых объектов, образующая целостный материальный комплекс, она может рассматриваться как самостоятельный искомый объект. Доказывание при этом сводится к выделению такой совокупности отождествляемых объектов, взаимодействие которых в механизме расследуемого события образует целостный материальный комплекс. Типы взаимодействия могут быть различными. В их числе “встречное” взаимодействие, а также взаимодействие: частей единого целого; объектов производственно-технологических комплексов; вещей, связанных общей принадлежностью; материальных элементов способа действия и т.д.

Структура идентификационной совокупности в этом случае представляется более сложной.

Элементами идентификационной совокупности являются в этом случае отождествляемые объекты, каждому из которых соответствует своя система идентификационных признаков. Формированию совокупности отождествляемых объектов предшествует серия первичных идентификационных исследований, при которых устанавливаются идентификационные совокупности признаков и соответствующие им отождествляемые объекты. Формирование идентификационной совокупности отождествляемых объектов представляет исследование более высокого уровня, опирающееся на результаты первичных

[1] Так, З. И. Кирсанов, С. П. Папков, И. А. Селиванов и другие авторы считают необходимым установленную расчетным путем значимость комплекса идентификационных признаков увеличить на 1-2 порядка в целях повышения надежности вывода [см. 109, стр. 216, 306].

исследований.

Особенность структуры рассматриваемой идентификационной совокупности состоит в том, что искомый объект в ней не совпадает ни с одним из отождествляемых объектов, составляющих эту совокупность. Искомый объект в этих случаях идентичен материальному комплексу, образованному в результате взаимодействия отождествляемых объектов. Чтобы установить искомый объект, следователь и суд должны вначале выявить элементы указанного комплекса (отождествляемые объекты), а затем исследовать их взаимодействие в обстоятельствах расследуемого события. Исследование взаимодействия отождествляемых объектов как целостного материального комплекса и составляет его специфику. Такое исследование позволяет определить:

основания суммирования идентификационной информации, содержащейся в различных источниках доказательств;

искомый объект как единый материальный комплекс, связанный с расследуемым событием.

Отмеченные обстоятельства и представляют задачи доказывания. В связи с этим целесообразно рассмотреть различные типы взаимодействия отождествляемых объектов.

1. Встречное взаимодействие отождествляемых объектов.

При этом виде взаимодействия пригодные для идентификации отображения образуются на каждом из взаимодействующих объектов.

Идентификацией по встречным отображениям устанавливаются не только отождествляемые объекты, но и их взаимодействие в условиях расследуемого события. Взаимодействуя, отождествляемые объекты образуют материальный комплекс, установление которого ведет к выяснению объективных связей и обстоятельств, относящихся к предмету доказывания.

В результате столкновения с грузовой автомашиной водитель мотоцикла, а также ехавший с ним в коляске пассажир получили тяжелые повреждения. При розыске обратили внимание на автомашину ЗИЛ-164 10-35 ИК, которая имела высокие борта из досок и фонарь синего цвета для освещения заднего номерного знака. (Эти признаки были указаны очевидцами происшествия.) При осмотре мотоцикла на его заднем крыле с левой стороны обнаружили вмятины и царапины. Согласно показаниям свидетелей, мотоцикл шел по правой стороне проезжей части улицы с малой из-за гололеда скоростью. Встречная грузовая автомашина двигалась со скоростью 35-40 километров в час и, не доезжая до мотоцикла, заехала на левую сторону, столкнувшись правым бортом с мотоциклом. При осмотре автомашины на ее правом колесе и на правой подножке следователь обнаружил частички краски, по цвету похожей на окраску мотоцикла. Края подножки автомашины имели пять выступающих

бугорков металла (следы сварки), на которых были найдены частицы краски.

Когда рядом с автомашиной в ходе следственного эксперимента поставили мотоцикл, оказалось, что царапины на его крыле по своему расположению точно соответствуют бугоркам наваренного металла, на которых была обнаружена краска. Посредством химической экспертизы установили, что частицы краски, изъятые с подножки автомашины, по своему составу однородны с окраской мотоцикла. Эксперт-трасолог дал заключение, что царапины на крыле мотоцикла причинены неровностями (бугорками металла) края подножки автомашины.

Объектами исследования была также шапка погибшего водителя мотоцикла и пучок ворсинок, изъятый с днища кузова автомашины. Оказалось, что ворсинки крепятся на кусочке кожи размером 0,57 х 1,96 мм. Этот кусочек кожи полностью совместился с дефектом меховой отделки лобной части шапки потерпевшего [458, стр. 74-76].

В результате проведенных исследований устанавливались три отождествляемых объекта (мотоцикл, автомашина, шапка потерпевшего) и характер их взаимодействия, образующие в условиях автопроисшествия единый материальный комплекс (искомый объект).

Установление такого комплекса:

а) давало основание для суммирования информации, содержащейся в различных источниках. Такое суммирование было необходимым, поскольку, например, заключение химической экспертизы устанавливало лишь однородность сравниваемых объектов, а не индивидуальное тождество;

б) указывало на причинную связь следов и признаков, имеющихся на взаимодействующих объектах, а также на роль последних в механизме происшествия.

Указанные обстоятельства определяли и доказательственное значение искомого материального комплекса[1].

2. Взаимодействие частей целого объекта.

Совершение преступлений нередко бывает связано с разделением целого объекта, обладающего устойчивыми пространственными границами, на части. Разделению могут подвергаться как монолитные объекты (явления разлома, разрыва, разреза, раскола и т.п.), так и сложные составные объекты (отделение составной части).

В результате отделения частей от целого на каждой из них возникает след, содержащий информацию о строении соответствующего участка разде-

[1] Более подробно об исследовании встречного взаимодействия см. в разделе 6.6.

ленного объекта (след разлома, разрыва и т.д.). Кроме того, каждая из отделенных частей содержит информацию о строении и составе целого объекта, к которому эта часть ранее принадлежала. Исследованием указанной информации можно установить принадлежность этих частей целому объекту.

Легко убедиться, что следы, возникающие на отдельных частях, являются по своему характеру аналогичными "встречным" и что механизм их образования подобен механизму образования встречных отображений. Особенно это заметно в случаях отделения части машины или иного составного объекта, взаимодействовавшего с другими частями (колесо, магазин пистолета, часть подошвы обуви, деталь электросварочного или иного аппарата и т.д.).

Поскольку механизм образования и характер рассматриваемых следов однородны "встречным" отображениям, исследование их следователем и судом может быть произведено по методике, аналогичной методике исследования встречных отображений.

Характерными чертами этой методики являются:

– изучение механизма образования исследуемых отображений (явления разлома, разрыва, разреза и т.п.) и его связь с механизмом расследуемого события;

– изучение роли сравниваемых объектов (частей) в механизме расследуемого события;

– построение и экспериментальная проверка версий о проверяемых участках взаимодействующих объектов;

– изучение роли искомого объекта (целого) в обстоятельствах расследуемого события.

Части, взаимная принадлежность которых устанавливается, являются относительно друг друга, как об этом сказано выше, и идентифицируемыми, и идентифицирующими объектами. Искомым же объектом в этих случаях являются не отдельные части, а связанное с расследуемым событием целое, которое они ранее составляли. Отсюда и название "идентификация (или установление) целого по части". Это утверждение обусловливается следующими соображениями. Установление целого позволяет проследить его существенные для расследования связи с другими объектами. Так, установив пистолет или нож, которыми было совершено убийство, прослеживают отношение к убийству владельцев этих предметов; установив автомашину, совершившую наезд, выясняют отношение к происшествию шофера и т.д. Роль искомого объекта в обстоятельствах расследуемого события и, таким образом, доказательственное значение идентификации определяются характером связи их с другими объектами: лицами и предметами, оказавшимися в сфере расследования. С другой

стороны, важно подчеркнуть, что такая связь может быть прослежена относительно легко только в отношении объектов определенного целевого назначения, играющих в механизме расследуемого события определенную самостоятельную роль. Что же касается частей или деталей таких объектов, то установление их непосредственной связи с другими объектами или очень затруднено или невозможно. Так, путем опознания нередко можно установить, кому принадлежит нож, изъятый при проведении обыска. Значительно труднее установить, кому принадлежит обломок ножа, использованного в качестве орудия взлома и найденного на месте преступления. По специальным учетам в ряде случаев нетрудно установить владельца пистолета, идентифицированного по пуле, извлеченной из трупа. Значительно сложнее установить принадлежность щечки от ручки пистолета, найденной на месте преступления, и т.д.

Как правило, место и роль идентифицированного объекта выясняются после того, как выяснены отличительные признаки, назначение, порядок использования объекта в целом. Хотя целое к моменту исследования не существует и не может быть “отыскано”, искомым объектом является именно целое. Оно восстанавливается, реконструируется в процессе исследования. Дальнейшему исследованию подвергаются именно связи реконструированного целого с другими объектами. В этом случае идентификации особенно наглядно видно, что идентификация является методом исследования имевших место в прошлом фактов.

Аналогично положение в случаях идентификации по взаимодействующим частям машин и механизмов. Искомой является связанная с расследуемым событием и разыскиваемая машина (механизм, агрегат и т.д.), части которой подвергались сравнительному исследованию.

Методики исследования взаимодействия частей целого и доказательственное значения устанавливаемого таким исследованием материального комплекса могут быть прослежены на примерах многих следственных дел.

3 мая на песчаной отмели реки Красный Фарс обнаружили труп неизвестного мужчины с обширными огнестрельными разрушениями левой височной и теменной частей черепа. В полости черепа нашли восемь свинцовых дробин кустарного производства с неровными поверхностями диаметром от 0,2 до 0,7 см. Некоторые из них имели форму палочек. Убитым оказался Маковский. Обыском в доме Мошкова, одного из подозреваемых по делу, обнаружили охотничье ружье, боеприпасы и узелок с кусочками свинца различного размера и формы. Некоторые из них имели форму палочек. Была назначена экспертиза, в результате которой установили однородность состава свинца, извлеченного из черепа убитого и изъятого при обыске. Вместе с тем выяснилось, что некоторые кусочки свинца, извлеченные из трупа, ранее составляли

одно целое со свинцовыми палочками, обнаруженными у Мошкова.

Как следовало оценить доказательственное значение проведенного исследования?

Кусочки свинца, извлеченные из черепа, были предметами, которыми непосредственно причинены смертельные повреждения Маковскому. Относимость же к делу свинца, изъятого в доме у Мошкова, так же, как ружья, боеприпасов и других предметов, да и самого Мошкова, вначале была неясной, так как она зависела от их связей с другими лицами. В результате идентификации устанавливалось, что свинец Мошкова и свинец, которым причинена смерть Маковскому, составляют единый материальный комплекс, непосредственно причинно связанный с убийством.

В результате исследования обстоятельств хранения и использования свинца в доме Мошкова было исключено его использование каким-либо другим лицом, кроме Мошкова. Таким образом, устанавливалась причинная связь с убийством самого Мошкова. Вина последнего была полностью доказана дальнейшим расследованием [454, стр. 82-93].

3. Взаимодействие отождествляемых объектов, обусловленное их общей принадлежностью и совместным использованием.

Материальные комплексы, играющие роль искомого объекта, в обстоятельствах расследуемого события могут быть выделены по признаку общей принадлежности составляющих их отождествляемых объектов или их совместному использованию.

Примерами такого рода материальных комплексов могут служить: комплект одежды, принадлежавший потерпевшему и похищенный у него; набор слесарных инструментов, использованных при совершении взлома преступником; домашняя библиотека, книги из которой оказались у подозреваемых лиц; комплект фотоаппаратов, радиоприемников, ружей или иных товаров, отгруженных в магазин, где была совершена кража, и т.п.

Как и в предыдущих случаях, каждый из объектов, входящих в комплекс, является самостоятельным отождествляемым объектом и устанавливается посредством особой системы идентификационных признаков.

Установление целостности элементов, образующих материальный комплекс, по признакам их принадлежности или совместного использования позволяет рассматривать его как самостоятельный искомый объект и суммировать информацию о нем, содержащуюся в различных источниках.

Методы установления и оперирования в доказывании материальными комплексами рассматриваемого типа целесообразно рассмотреть на примере

конкретного уголовного дела[1].

Основанием для его возбуждения послужило исчезновение несовершеннолетней Шуры Ершовой, возвращавшейся 24 августа от своих родственников из Елабуги домой. Было установлено, что она имела с собой небольшой чемоданчик коричневого цвета, в котором лежали три общих тетради, новая авторучка светло-голубого цвета, купленная в Елабуге, кофта, синяя юбка и пара черных хлопчатобумажных носков. В хозяйственной сумке "авоське" вишневого цвета находилось несколько килограммов помидоров, кусок свежего сырого мяса, весом около килограмма, банка с вареньем, две косы "литовки", обернутые в бумагу.

На Шуре были черные сатиновые трусы и нижняя сорочка из белого материала. Помидоры в "авоське" были завернуты в старое платье сестры с цветочками на белом фоне.

При домашнем обыске подозреваемого в изнасиловании шофера Закирова были обнаружены многие из разыскиваемых вещей.

Чемодан, авторучку, тетрадь и расческу предъявили в группе однородных предметов для опознания родителям и родственникам Ершовой, которые указали на них, как на вещи, находившиеся у Шуры в день ее исчезновения. Младшая сестра исчезнувшей - Роза узнала принадлежащий ей чемоданчик и описала его приметы, указала на чернильные пятна, имевшиеся внутри чемоданчика и предъявила оставшийся у нее ключ от чемоданчика. Криминалистическая экспертиза установила, что замок чемоданчика запирается именно таким ключом.

По делу была проведена также товароведческая экспертиза, которой представили носки, изъятые у Закирова, и пару носков, оставшихся у родственников Шуры Ершовой. Экспертиза установила однородность сравниваемых носков.

Закиров показал, что опознанные родственниками исчезнувшей вещи он купил в разное время в магазинах Мензелинского, Челнинского и Елабужского районов. Проверкой документов и допросом продавцов указанных магазинов было установлено, что подобные товары в магазины не поступали. В то же время из показаний жены Закирова следовало, что данные вещи появились у них в доме после исчезновения Шуры Ершовой.

Труп Шуры Ершовой с признаками изнасилования, убийства и посмертно отчлененной головой был обнаружен 29 августа на опушке леса возле Биклянской полезащитной полосы. Пятью днями раньше, в день изнасилования Шуры, один из свидетелей по делу, проходя недалеко от указанного места,

[1] См. "Следственная практика", вып. 73, стр. 28-40.

увидел на земле рассыпанные помидоры, пестрое дамское платье и сумку “авоську” вишневого цвета с мясом.

Описанные предметы, фигурировавшие по настоящему делу в качестве вещественных доказательств, выступали в качестве единого материального комплекса, признаком которого было использование составлявших его вещей потерпевшей в день ее исчезновения. В задачу доказывания входило не только обнаружение отдельных предметов, но и установление того, что они находились при потерпевшей в день ее исчезновения, т.е. их принадлежности к указанному материальному комплексу. Установление этого факта давало основание для суммирования информации, содержащейся в различных источниках. Хотя отдельные предметы были установлены только по родовым признакам (носки, тетрадь, ручка, помидоры и др.), их сочетание было настолько своеобразным, что не оставляло сомнения относительно достоверного установления указанного материального комплекса в целом. Достоверность достигалась в этом случае за счет суммирования информации, содержащейся в отдельных источниках-элементах указанного комплекса. Установление рассматриваемого комплекса указывало на существенную для дела взаимосвязь материальной обстановки места преступления (трупа и обстановки его обнаружения), условий жизни обвиняемого (предметов его домашнего обихода) и условий жизни исчезнувшей (предметов, бывших при ней). Выявление взаимосвязи указанных материальных объектов способствовало выяснению ряда важных обстоятельств дела. В числе этих обстоятельств - установление личности неопознанного трупа, обнаруженного в районе Биклянской полезащитной полосы, и факта изнасилования и убийства Шуры Ершовой. Поскольку голова трупа была отчленена и обезображена, его достоверное опознание было невозможным без использования идентификационных признаков бывших при Шуре вещей. Чрезвычайно важным было также установление причинной связи Закирова с расследуемым преступлением, на что указывали обнаруженные у него вещи потерпевшей.

Представляют интерес в рассматриваемом деле также выделение и исследование материального комплекса вещей по признаку использования их преступником в качестве орудий преступления.

При расследовании эпизода данного дела об изнасиловании Ленузы Хазиной, последняя показала, что преступник завез ее в Биклянскую лесную полосу на автомашине и здесь, угрожая кухонным ножом и кувалдой, изнасиловал. При расследовании эпизода об изнасиловании и убийстве Шуры Ершовой судебно-медицинской экспертизой было установлено, что смерть последней наступила от удара обухом топора по голове. После этого преступник отрубил и спрятал в лесу голову.

В результате домашнего обыска у Закирова были обнаружены и изъяты кухонные ножи, кувалда, пять топоров, молотки.

При расследовании эпизода об изнасиловании и убийстве Розы Саниной установлено сходство волоса, изъятого с молотка, найденного в автомашине Закирова, и волос Розы.

После эксгумации трупа Розы по следам разруба на костях удалось идентифицировать орудие, которым производилось отчленение (топор).

В результате расследования был установлен комплекс предметов, использованных преступником при совершении преступлений. К их числу относились автомашина, топор, кухонный нож, кувалда, молоток. Доказательственное значение указанного комплекса определялось, с одной стороны, его принадлежностью Закирову, а с другой - использованием составляющих его вещей в качестве орудий и средств совершения преступлений. В результате устанавливалась причинная связь Закирова с совершением расследуемых изнасилований и убийств.

Аналогичное значение может иметь взаимодействие объектов, составляющих единый производственный комплекс, объектов, характеризующих ограниченные участки местности или помещений, объектов, характеризующих способ действия отдельных лиц или групп, и т.д. Доказывание осуществляется здесь по той же схеме, что и в описанных выше случаях: установление каждого из отождествляемых объектов на основе самостоятельной системы идентификационных признаков, исследование взаимодействия отождествляемых объектов, суммирование информации для достоверного установления искомого материального комплекса.

5.7. Роль идентификации в установлении факта контактного взаимодействия объекта (ФКВ)

Выделение проблемы ФКВ и интерес к ней со стороны исследователей и практических работников, отчетливо обозначившийся за последние годы, объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, ФКВ преступника и жертвы представляет сердцевину главного факта в доказывании.

Во-вторых, установление ФКВ расширяет возможности экспертизы в установлении индивидуального тождества в тех следственно-экспертных ситуациях, когда из-за недостатка информации этот вопрос или не решался, или решался в форме установления сходства и родовидового тождества. Тем самым существенно возрастает роль судебной экспертизы в доказывании связи конкретных объектов с событием преступления.

Исторически в разработке проблемы ФКВ обозначились два подхода:

теоретический и экспериментально-практический. Теоретический подход к установлению ФКВ наметился в результате поиска путей преодоления дефицита идентификационной информации, содержащейся в единичном следе искомого объекта. Уже в работе [121] указывалось на возможность суммирования идентификационной информации, содержащейся в различных отображениях искомого объекта, а также "встречных" отображениях. Позднее тем же автором были рассмотрены и обоснованы возможности и условия суммирования информации, содержащейся в различных, в том числе "встречных", отображениях, что представляет важную теоретическую основу решения задачи о ФКВ [см. 118, стр. 125-186].

Теоретические предпосылки исследования ФКВ подробно рассмотрены в фундаментальной работе М.Я.Сегая [295, стр. 164, 178, 194]. Его концепция идентификации, основанная на совокупном использовании "встречных" и "обратных" отображений в процессе криминалистической идентификации, по существу представляет одну из первых теоретических моделей ФКВ.

Принципиальное значение для разработки проблемы ФКВ имела идея материального комплекса, сформированного в обстоятельствах расследуемого события как объекта криминалистической идентификации, развитая в работах В.Я.Колдина [120, стр. 65-69] и В.С.Митричева [204, стр. 34-35, 79-82].

Интересно отметить, что теоретическая разработка указанных вопросов стимулировалась развернувшейся в свое время дискуссией о возможностях идентификации по признакам состава и структуры, отрицавшихся некоторыми ведущими учеными (Белкин Р.С., Васильев А.Н., Винберг А.И.).

Первая попытка систематического изложения теоретических и методических основ экспертизы ФКВ была предпринята В.С.Митричевым и М.Н.Тараном в 1978 году. Наряду с рядом спорных моментов, авторы в указанной работе выдвинули ряд важных положений этого вида экспертизы. К ним относятся обязательность исследования признаков взаимодействия объектов, при отсутствии которых не может быть установлен и факт КВ [204, стр. 9, 25]; необходимость исследования всех источников информации в рамках комплексного исследования вещественных доказательств.

На базе указанных теоретических представлений получил развитие экспериментально-практический путь решения задачи о ФКВ в различных областях криминалистической экспертизы: трасологии, криминалистической идентификации личности, а также в смежных областях дорожно-транспортной и судебно-медицинской экспертизы. Разработке экспертно-практического направления способствовал ряд энергично внедряемых в практику исследований по использованию в расследовании микроследов и микрочастиц [83; 41].

Из числа частных отраслей криминалистической экспертизы особенно

интенсивное развитие получило указанное направление в работах по криминалистическому исследованию волокнистых материалов и одежды. На протяжении длительного периода времени, с 60-х годов и до настоящего времени, коллективом авторов (Л.Н.Козлова, В.А.Пучков, Н.В.Федянина, С.Н.Рехсон, Д.С.Талалене, В.П.Чернов, В.Н.Клочкова, П.П.Комаров, В.З.Поляков и др.) велись систематические исследования вначале единичных волокон, затем волокнистых материалов, а позднее комплектов обуви и одежды, в том числе из кожи, меха, искусственных и синтетических материалов. На основе этих исследований подготовлен ряд публикаций, создана основа необходимого для производства экспертиз банка данных о волокнах и в содружестве с математиками программно-вычислительный комплекс “Контакт” [см. 116; 163; 310; 257; 243; 359; 269]. Важным практическим итогом явилась разработка экспертных методик и подготовка методических рекомендаций и пособий по назначению и производству судебных экспертиз ФКВ [163]. Проблеме криминалистического исследования контактно-взаимодействовавших объектов был специально посвящен Всесоюзный научно-практический семинар [162].

Интересные результаты получены судебными медиками и биологами, осуществившими комплексное исследование повреждений на теле и одежде и наложений на повреждающих орудиях, позволившее в значительном числе случаев индивидуально отождествлять орудие травмы. Наиболее значительны в этом отношении работы А.П.Загрядской и Л.С.Федоровцевой.

Наряду со значительным прогрессом в решении экспериментально-практических задач экспертизы ФКВ, достигнутым за последние десятилетия, современное состояние теоретических исследований в этой области характеризуется рядом нерешенных проблем принципиального характера.

В первую очередь следует обратить внимание на отсутствие общепринятой концептуальной модели ФКВ, на базе которой должны развиваться все онтологические, гносеологические, методические и процессуально-доказательственные аспекты исследований в этой области. Отсутствие концептуальной модели сказывается прежде всего в отношении ученых к научной состоятельности и допустимости исследования ФКВ как самостоятельного экспертного исследования. Предложенные разными авторами модели исследования ФКВ принципиально противоречиво решают вопросы о месте и роли идентификации и исследования механизма взаимодействия в структуре решения этой задачи.

В.Ф.Берзин, З.А.Ковальчук и З.С.Меленевская рассматривают решение задачи о ФКВ как серию идентификационных исследований “прямых” отображений, не видя возможностей суммирования идентификационной информации на основе исследования механизма взаимодействия. Такая конструкция

приводит их к выводу о принципиальной недопустимости экспертных выводов о ФКВ, основанных на суммировании идентификационной информации [25, стр. 136-141]. По мнению указанных авторов, в экспертизе ФКВ утрачиваются отождествляемые объекты, отсутствуют основания суммирования информации, а выводы об индивидуальном тождестве необоснованно делаются экспертами на основе общих признаков. Таким образом, по их мнению, от вывода о ФКВ (применительно к формулировке экспертной задачи и вывода) следует отказаться [29, стр. 14, 22-25].

По мнению В.С.Митричева и М.Н.Тарана, “экспертизу по установлению факта контактного взаимодействия элементов вещной обстановки целесообразно проводить после исследования (подчеркнуто нами. В.К.) этих же элементов в целях идентификации и только тогда, когда при положительном решении вопроса о тождестве образование следов могло иметь место и без контактного взаимодействия соответствующего объекта с предметом-носителем, а также тогда, когда идентификационное исследование не завершено отождествлением одного или обоих взаимодействующих элементов вещной обстановки [209, стр. 17]. “Индивидуализирующие признаки взаимодействия” рассматриваются этими авторами как необходимое условие категорического вывода о ФКВ [там же, стр. 25].

Г.Л.Грановский принципиально разделяет задачи идентификации и диагностическую задачу установления ФКВ. При этом “если не будет на уровне индивидуальной идентификации установлено, что следы оставлены проверяемым объектом, то нельзя решить вопрос, находился ли этот объект в контактном взаимодействии со следовоспринимающим” [73, стр. 89]. Таким образом, в этой конструкции условием вывода о ФКВ является предварительная положительная индивидуальная идентификация взаимодействующих объектов.

Л.Д.Беляевой и В.Ф.Орловой представлена концепция установления ФКВ как комплексного исследования, предметом которого является целостный материальный комплекс взаимодействующих объектов. “При этом установление факта и индивидуализация контакта представляют собой единый процесс решения экспертной задачи” [22, стр. 12-13].

Принципиальная несовместимость этих концепций в целостной модели решения вопроса о ФКВ представляется очевидной.

Весьма спорным остается вопрос о месте и роли исследования механизма взаимодействия в решении задачи о ФКВ. Ряд авторов видит задачу исследования механизма взаимодействия в обнаружении индивидуализирующих признаков (В.С.Митричев, М.Н.Гаран, В.Ф.Орлова и др.). При этом их рекомендации сводятся в основном к выделению идентификационных свойств взаимодействующих объектов. Между тем задача исследования механизма

взаимодействия принципиально отличается от задачи идентификации. Она в случае исследования ФКВ состоит в установлении целостности динамической материальной системы взаимодействия. При этом, в отличие от задачи выявления независимых качественных и количественных свойств взаимодействующих объектов при индивидуализации, такое исследование предполагает обнаружение именно взаимозависимых следов, свойств и характеристик, обусловленных фактом и процессом их динамического взаимодействия. Поскольку отражение и развитие причинности выступают как сущность и форма следообразования, процесс взаимодействия связан с переносом материи, энергии и движения. Поэтому для решения задачи ФКВ должны исследоваться свойства объектов и последствия, характеризующие указанные параметры взаимодействия. К их числу относятся направление, кратность, интенсивность воздействий, источник - адресат энергетического воздействия, топография размещения следов на взаимодействующих поверхностях, взаимозависимость механизмов следообразования на корреспондирующих участках взаимодействующих объектов, конформность рельефа, отслоение-наслоение и т.д. Указанные признаки отражают интегративные свойства целостной системы взаимодействия, обусловливающие ее пространственно-временной континуум. Именно установление целостности системы взаимодействия представляет специфическую промежуточную задачу установления ФКВ. Ее значение состоит в том, что установление целостности представляет логическое основание для суммирования идентификационной информации, содержащейся в каждом отдельном взаимодействующем объекте.

Недостатки проработки теоретико-методологических основ исследования ФКВ обнаруживаются также в ряде других концептуальных положений.

1. Смешение онтологической модели КВ и гносеологической модели решения задачи о ФКВ.

В ряде теоретических работ и статей, а также при формулировании модели ФКВ нет четкого разграничения этих принципиально различных моделей.

Модель контактного взаимодействия, в которой взаимодействующие объекты выступают с заранее известным набором свойств, пригодна для организации эксперимента с целью выяснения закономерностей механизма следообразования и взаимодействия объектов, полноты и характера отражения идентификационных свойств и других условий взаимного отображения идентификационных признаков.

Эта модель, однако, не может использоваться в качестве модели решения вопроса о ФКВ. Иными словами, исследователь в этом случае не может

исходить из того, что им изучается целостный материальный комплекс реально взаимодействовавших объектов, сформировавшийся в обстоятельствах расследуемого события. Гносеологическая модель решения вопроса о ФКВ должна исходить из принципа разделения искомого и проверяемого объектов, общепризнанного в настоящее время в теории криминалистической идентификации. Исходя из этого принципа, факт реального контактного взаимодействия объектов, представленных на экспертизу, является только предположением (версией) следователя и подлежит экспертному исследованию и процессуальному доказыванию. Соответственно этому в ходе экспертизы этот факт может рассматриваться как одна из экспертных версий, а искомый объект (повреждающее орудие, скрывшийся транспорт, насильник и др.) должен строго отграничиваться от проверяемого объекта (ножа или топора, изъятых при обыске, задержанного подозреваемого, автомобиля и т.д.). Следует констатировать, что в большинстве концепций ФКВ, изложенных в литературе, проверяемые и искомые объекты не выделяются и не разграничиваются. Это не обеспечивает объективности исследования и методологической чистоты криминалистического и математического моделирования.

2. Смешение объекта экспертизы и предмета процессуального доказывания.

Факт контактного взаимодействия не может рассматриваться как объект экспертизы, поскольку является предметом процессуального доказывания. Смешение этих категорий связано со смешением задач, функций экспертизы и процессуального доказывания. Между тем используемая в литературе терминология, например, “экспертиза ФКВ” (вместо “экспертиза с целью решения вопроса о ФКВ”) или “криминалистическое исследование контактно-взаимодействовавших объектов” [162, 164 и др.] (вместо “криминалистическое исследование с целью определения контактно-взаимодействовавших объектов”) позволяет думать, что объектом экспертизы является именно факт контактного взаимодействия.

Более того, смешение объекта экспертизы и его предмета приводит отдельных авторов к некорректному моделированию решения вопроса о ФКВ.

Так, решение вопроса о ФКВ объектов волокнистой природы сводится к индивидуализации комплекса обнаруженных на представленных предметах (комплектах) одежды “взаимопереходящих” (?!) волокон, т.е. представленные объекты рассматриваются как источник идентификационной информации, на основе которой может быть разрешен вопрос о неповторимости данного контактного взаимодействия. Однако в методике рассматриваемого исследования ФКВ нет блока анализа именно механизма контактного взаимодействия, без которого суммирование вероятностей тождества, установленного раздельным

исследованием каждого предмета (комплекта) одежды, является неправомерным. Таким образом, в данной модели целостность исследуемого материального комплекса, которая должна быть доказана, т.е. является предметом экспертизы, принимается как физически данная, т.е. рассматривается как объект исследования.

Следует подчеркнуть, что при построении гносеологической модели решения вопроса о ФКВ определение источников информации (структура объекта) и предмета исследования (структура задач) является отправной позицией, без разграничения которой само построение модели является невозможным. Отметим, что рассмотрению предполагаемых контактно-взаимодействовавших объектов как целостного объекта экспертизы и необоснованному смешению объекта и предмета экспертизы ФКВ способствовали некоторые ошибочные теоретические положения. К их числу относится презумпция так называемых “встречных” и “обратных” идентификационных связей [см. 4]. “Встречные” и “обратные” идентификационные связи не могут презюмироваться в объектах экспертизы. Они должны устанавливаться и доказываться посредством экспертизы и других следственных действий. Будучи же доказанными, они выступают как факт тождества, а не “идентификационная связь”.

Таким образом, существующие независимо от сознания исследователя объективные связи не следует смешивать с процессом идентификации, познания тождества объектов на основе изучения потоков отображенных от них идентификационных признаков.

Во всяком случае констатация лежащего в прошлом факта контактного взаимодействия неизвестных объектов и констатация контактного взаимодействия известных объектов представляют в гносеологическом отношении два совершенно различных и не подлежащих смешению факта.

Заслуживает самостоятельного рассмотрения факт контактного взаимодействия как подлежащий доказыванию в уголовном деле (доказательственный факт) и роль судебной экспертизы в процессе его установления. Актуальность этого аспекта проблемы обусловлена тем, что ФКВ весьма часто является системообразующим элементом материальной структуры расследуемого события (убийства, телесные повреждения, автомобильные травмы, изнасилования и т.д.), т.е. основным элементом главного факта и соответственно основным элементом предмета доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). В связи с этим роль и значение экспертизы в установлении этого факта и корректное использование ее выводов в доказывании приобретают особое значение. Согласно закону, который прямо перечисляет субъектов доказывания по уголовному делу (ст. 86-89 УК РФ), эксперт не является таковым. И это ло-

гично, ибо заключение эксперта является источником доказательств по уголовному делу (ст. 74 УПК РФ), а это несовместимо со статусом субъекта доказывания. Сказанное, однако, не снимает с эксперта бремени доказывания своих утверждений и выводов, которые должны быть соответствующим образом обоснованы (ст. 204 и 207 УПК РФ).С точки зрения процедуры доказывания существенно разграничивать понятия: а) физического контакта, б) непосредственного физического контакта, в) криминального непосредственного физического контакта, поскольку не всякий контакт является непосредственным и не всякий непосредственный - криминальным. Последовательное установление указанных качеств исследуемого контакта является важной задачей доказывания. При этом роль судебной экспертизы и ее возможности на указанных стадиях доказывания весьма различны. В соответствии со сказанным, заключение эксперта может рассматриваться только как один из источников доказательств по уголовному делу, необходимых для установления и правовой оценки ФКВ, который, будучи доказательственным фактом, должен устанавливаться на основе частной системы доказательств следователем и судом. Подчеркнем, что в этом качестве оно выступает независимо от формы вывода (категорический-вероятный, вывод о родовом, групповом или индивидуальном тождестве). Частная система доказательств о ФКВ является единственной логической и процессуальной формой установления этого факта, как и любого другого доказательственного или искомого факта.

В связи с этим представляется необоснованным и противоречащим теории судебных доказательств представление об экспертизе как самостоятельном, автономном и достаточном средстве установления факта контактного взаимодействия по уголовному делу. Эти представления дезориентируют следственную и судебную практику. Между тем именно вывод о достаточности экспертизы для обеспечения достоверного установления ФКВ делается в ряде работ, в том числе последних методических рекомендациях инструктивного характера [см. 215, стр. 3, 50].

3. Отсутствие в концептуальной модели решения вопроса о ФКВ интегрального блока, обосновывающего совокупную оценку идентификационных свойств.

Как уже отмечалось, сама проблема ФКВ приобретает смысл только в тех случаях, когда единичный след искомого не содержит достаточно признаков для категорической положительной идентификации и дефицит информации может быть преодолен за счет “встречного” отображения. Однако совокупная оценка идентификационных признаков наталкивается на серьезные методологические трудности и возражения [см. 18, 22, 24, 23, 30, 25,]. Действительно, в процессе контактного взаимодействия формируется не одна пара

объектов идентификации, как это может показаться с первого взгляда, т.е.

А⇄Б

(Автор этой схемы М.Я.Сегай характеризует объекты А, Б как “взаимноидентифицируемые-идентифицирующие”), а две пары, а именно:

А→Б

б→а,

где в каждой отдельной паре идентифицируемых и идентифицирующих объектов реализуется самостоятельное идентификационное поле, например, трасологическое в первой паре и субстанциональное s во второй (ср. классический пример идентификации ломика по его следам на сейфе и идентификация покраски сейфа по частичкам краски на рабочей поверхности ломика). Однако поскольку задачи идентификации по различным идентификационным полям являются независимыми и решаются специалистами разных специальностей, совокупная оценка признаков возможна только при соблюдении ряда условий.

В первых теоретических работах по ФКВ основания для совокупной оценки идентификационной информации усматривались в исследовании механизма следообразования отображений - источников идентификационной информации [см. 209]. В дальнейшем были предприняты шаги по выяснению условий и оснований совокупной оценки идентификационной информации в различных следственно-экспертных ситуациях. При этом выделялись ситуации, когда совокупная оценка может быть дана экспертом при проведении обычной или комплексной экспертизы, и ситуации, когда такая оценка может быть дана следователем и в частной, и в общей системе собранных по делу доказательств [см. 118, стр. 129 и след.; 120, стр. 36 и др.].

Вместе с тем при разработке ряда частных методик проблема оснований суммирования идентификационной информации специально не рассматривается, а общая модель решения вопроса о ФКВ строится без учета необходимости обоснования правомерности совокупной оценки идентификационной информации. В качестве примера сошлемся на работу, специально посвященную анализу методологических и методических аспектов криминалистического исследования контактно-взаимодействовавших объектов волокнистой природы, выполненную ведущими специалистами в этой области В.А.Пучковым и Б.З.Поляковым. Уже при постановке задачи исследования авторы видят специфичность задачи о ФКВ в том, “что оба объекта известны” и каждый из следообразующих объектов не может быть отождествлен по следу-наслоению на воспринимающем объекте” [258, стр. 144], т.е. материальный взаимодействующий комплекс имеется в наличии и необходимо лишь доказать его специфичность, индивидуальность. Эта задача решается путем простого перемножения вероятностей тождества каждого следообразующего объекта [там же,

стр. 158].

Такая операция правомерна, если идентификационная информация относится к целостному объекту или установлено, что следы оставлены одним объектом. В данном же случае имеет место случайная пара объектов, и совместная оценка признаков, выявленных в каждом следообразующем объекте, неправомерна.

4. Неправомерность распространения частной модели решения вопроса о ФКВ на общий случай.

Из логики и теории познания общеизвестными являются недостаточность индукции для теоретического познания и опасность распространения моделей и конструкций, разработанных применительно к узкой области или частному кругу объектов на общий случай.

Именно такого рода трудности возникли при распространении модели решения вопроса о ФКВ объектов волокнистой природы на общий случай решения этой задачи, предпринятого специалистами по исследованию одежды. Авторы полагают, что разработанные ими модели имеют “методологическое значение для более углубленного понимания криминалистического исследования контактно-взаимодействующих объектов различных классов, что речь идет о математизации целой области научного знания в судебной экспертизе” (подч. нами. - В.К.) [см. 258, стр. 159].

Определяя случаи, когда установление ФКВ имеет самостоятельное значение, В.А.Пучков и В.З.Поляков указывают следующие:

а) “Когда в результате контактного взаимодействия возникают следы, состоящие из вещества следообразующего объекта” (не следовоспринимающего);

б) “когда следы... образованы частицами вещества и в их структуре не отображаются или слабо отображаются признаки внешнего строения следообразующего объекта” (стр. 144).

Все указанные ограничения, касающиеся вида и материала следов взаимодействия, относятся только к исследованию двух комплектов одежды и то без учета их взаимодействия с окружающей средой и орудиями преступления. Они никак не могут быть распространены на общий случай и использованы при построении общей модели решения вопроса о ФКВ, которая должна строиться с учетом любых следов, возникающих в результате взаимодействия объектов между собой и с окружающей средой. Об этом свидетельствуют и подготовленные под редакцией В.А.Пучкова методические рекомендации о назначении и организации судебных экспертиз для установления факта контактного (механического) взаимодействия различного рода объектов. В них,

помимо наслоений вещества, учитываются также телесные повреждения, деформации и другие следы, отображающие внешнее строение [215, стр. 7, 9]. В методическом пособии "Комплексная методика идентификации и установления ФКВ орудий преступления" правильно указывается, что идентификация и установление ФКВ орудия с телом и одеждой требуют комплексного трасолого-материаловедческого исследования [137, стр. 4]. Представляется, что при всей полезности теоретических разработок и методических рекомендаций по разрешению вопроса о ФКВ объектов волокнистой природы они не имеют того уровня генерализации знания, при котором его можно распространить на общий случай.

Принципы формирования общей модели решения вопроса о ФКВ в процессе экспертизы и доказывания по уголовным делам.

I. Разграничение онтологической модели КВ и модели решения вопроса о ФКВ.

II. Модель контактного взаимодействия должна состоять из трех блоков:

а) механизма взаимодействия поверхностей как непосредственной причины образования следов;

б) механизма взаимодействия объектов, в том числе за пределами контактных поверхностей, как условий и обстоятельств, предшествующих контакту и последовавших за ним;

в) механизма расследуемого события как инфраструктуры исследуемого контакта.

Этим трем последовательно "вложенным" друг в друга структурам будут соответствовать в гносеологической модели различные интеграционные уровни решения вопроса о ФКВ.

III. Общая модель решения вопроса о ФКВ, как она видится в первом приближении, должна состоять из следующих элементов, стадий и уровней.

1. Первая подзадача исследования, решаемая обычно на уровне подготовки экспертного или предварительного исследования, осуществляемого следователем с участием специалиста (или эксперта), состоит в исследовании общей структуры взаимодействия. В нем могут быть выделены:

1) исследование механизма расследуемого события;

2) выделение предположительно взаимодействовавших объектов;

3) исследование их взаимодействия и выделение предположительно контактировавших поверхностей;

4) исследование механизма следообразования;

5) выделение односторонне направленных отражений и соответствую-

щих им идентификационных полей. (Тут важно отметить, что эта часть исследования механизма взаимодействия должна предшествовать собственно идентификационному исследованию.)

2. Вторая подзадача состоит в раздельном осуществлении элементарных актов идентификации на основе выделения соответствующих пар идентифицируемых-идентифицирующих объектов по схеме: “А→Б”; “б→а”; “А→О”; “о→а”; где “А→Б” - модель прямого воздействия А на Б; “б→а” - встречное воздействие б на а; “А→О” - отражение А в обстановке события; “о→а” - встречное отражение обстановки на объекте.

3. Третья подзадача состоит в исследовании целостности динамической структуры взаимодействия как основания суммирования идентификационной информации.

Это исследование осуществляется на трех уровнях.

1) Уровень исследования механизма взаимодействия поверхностей, где прослеживается:

А. Адекватность механизма следообразования на контактирующих поверхностях, которая должна соответствовать уровню строгого изоморфизма. Примерами могут служить явление конформности взаимодействующих поверхностей при образовании объемных следов; однозначные преобразования “рельеф-точки” в трассу в динамических следах и топологические преобразования при образовании поверхностных следов; однозначное соответствие механизма следообразования на контактных поверхностях по направлению, интенсивности и числу воздействия. Так, следу-наслоению соответствует след-отслоение на корреспондирующей поверхности, следу-царапине - отслоившиеся частицы вещества и др.

Б. Адекватность состава отображенных свойств на контактных поверхностях. Так, если на одежде потерпевшей обнаруживаются волосы и выделения, не соответствующие по групповой принадлежности крови предполагаемого насильника, а наложения на его одежде не соответствуют волокнам одежды потерпевшей, говорить об их взаимодействии нет оснований.

2) Уровень исследования динамической структуры взаимодействия объектов исследуется за пределами контактной поверхности единичного следа. “Траектория” взаимодействия здесь расширяется за счет использования совокупности следов, оставленных при различных механизмах взаимодействия. При наезде автомашины ВАЗ-21 на велосипедиста после удара бампером автомашины в щиток заднего колеса велосипед и его владелец опрокинулись на лобовое стекло и крышу автомобиля и были отброшены на встречную полосу движения дороги. Механизм указанного взаимодействия устанавливался по множественным корреспондирующим следам на велосипеде, теле и

одежде потерпевшего и на автомобиле.

3) Уровень исследования целостной динамической структуры взаимодействия исследуется на уровне взаимодействия контактирующих объектов с обстановкой расследуемого события по схеме:

“А→О” (отражение объекта А в обстановке).

“о→а” (отражение обстановки в объекте а).

“Б→О” (отражение объекта Б в обстановке).

“о→б” (отражение обстановки в объекте б).

При этом исследуется как адекватность отражения, так и состав отображенных свойств.

4) Высший уровень исследования целостной динамической структуры взаимодействия представляет его исследование в составе механизма расследуемого события: а) в качестве необходимого элемента расследуемого события (например, элемента главного факта);

б) в качестве звена в целостной системе причинных связей по уголовному делу. На основе этих критериев устанавливается адекватность структуры контактного взаимодействия механизму расследуемого события (инфраструктуре взаимодействия).

Указанная задача может решаться как в форме ситуалогической экспертизы, так и в форме иных процессуальных действий с участием эксперта и специалиста.

Исследование механизма взаимодействия на всех указанных уровнях должно дать основание для интегрального вывода о том, что механизм взаимодействия наличных объектов представляет (не представляет) целостную динамическую систему - общую причину всех исследуемых отображений. Указанный вывод является логическим основанием суммирования выявленной идентификационной информации.

4. Четвертая подзадача состоит в интегральной оценке всей идентификационной информации и данных исследования механизма взаимодействия. Если целостность структуры взаимодействующих объектов устанавливается в процессе экспертного исследования, интегральная оценка может быть дана экспертом.

Это не устраняет необходимости доказывания ФКВ в частной и общей системе доказательств по уголовному делу.

Если же целостность структуры взаимодействия не исследовалась или не могла быть установлена экспертом, вывод о ФКВ в рамках экспертизы неправомерен. Частные идентификационные выводы экспертов оцениваются следователем и судом на общих основаниях оценки идентификационных выводов.

VI. ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

6.1. Структура процессуального доказывания и криминалистическая идентификация

Факт тождества инвариантен к правовым последствиям, вытекающим из этого факта. Этим объясняется “универсальность” криминалистической идентификации, технологии которой могут использоваться в гражданском и арбитражном процессе. Учитывая эту универсальность мы рассматриваем процедуру судебного исследования и доказывания на примере раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Вместе с тем при использовании идентификации в гражданском и арбитражном процессах, а также в оперативно-розыскной деятельности, должны учитываться особенности предмета и процедуры доказывания [см. об этом 290].

Для анализа роли идентификации в уголовно-процессуальном доказывании необходимо определить его основные структурные элементы[1].

Определенный законом (ст. 73 УПК РФ) предмет доказывания имеет характер правовой нормы, определяющей круг обстоятельств, несущих правовую информацию и подлежащих обязательному установлению при расследовании и судебном рассмотрении любого уголовного дела.

Конкретизация предмета доказывания в процессе расследования отдельного преступления осуществляется применительно к элементам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей особенной части Уголовного кодекса.

Определение и конкретизация предмета доказывания, корректирующие его задачи и цели, связаны с процессом применения соответствующих уголовно-процессуальных и материально-правовых норм к обстоятельствам конкретного дела, сопровождающим процесс доказывания от возбуждения дела до его разрешения по существу.

[1] Обзор точек зрения и дискуссий по основным понятиям структуры уголовно-процессуального доказывания см. в коллективной монографии [339].

Главный факт - это фактический состав единичного события, содержащий информацию, необходимую для разрешения дела по существу.

Соотношение предмета доказывания и главного факта есть соотношение абстрактного и конкретного, нормы права и единичного события, к которому эта норма применяется.

При определении состава главного факта действует принцип индивидуализации расследуемого события, находящийся в полном соответствии с принципом конкретности устанавливаемой в процессе уголовного судопроизводства истины.

Юридическое значение главного факта состоит в том, что он содержит информацию о всех необходимых для правильного разрешения уголовного дела обстоятельствах. Данное свойство главного факта структурно отграничивает его от доказательств и доказательственных фактов.

Все элементы главного факта одинаково необходимы для правильного разрешения дела, и в этом смысле они все имеют одинаковое правовое значение.

Главный факт в единстве всех своих элементов устанавливается в результате доказывания. Отдельные обстоятельства расследуемого события, имеющие правовое значение и устанавливаемые в процессе доказывания (искомые факты) следует отличать от главного факта, с одной стороны, и от доказательственных фактов - с другой.

6.1.1. Уровни уголовно процессуального доказывания

Структурный анализ доказывания предполагает выделение определенных познавательных стадий, характеризующих его развитие, движение, переход от низших к высшим уровням. “Познание, - пишет по этому поводу М.М.Розенталь, - как и реальный мир, который оно исследует, имеет свои “уровни” и “этажи”, и невозможно подняться на высшие, не пройдя низшие” [272, стр. 52].

Уровень доказывания обусловливается, с одной стороны, задачей исследования и, с другой - фактическими данными, используемыми для разрешения данной конкретной задачи.

В соответствии с современными представлениями к числу основных должны быть отнесены следующие уровни уголовно-процессуального доказывания:

1) собирание доказательств;
2) установление доказательственных фактов;
3) установление главного факта.

На первом уровне должны быть обнаружены и декодированы (“прочтены”) источники информации о доказательственных фактах. Реализуется он посредством поисковых - следственных действий на основе версий о механизме расследуемого события. После обнаружения материальных носителей информации осуществляется их исследование путем осмотра и экспертизы, допроса, опознания или иных процессуальных действий. В ходе исследования в источниках посредством анализа и синтеза выделяются “кванты” и потоки информации о доказательственных фактах. В материальных источниках это признаки измененных в результате преступления свойств вещей, а в личных источниках это знаки сообщений о доказательственных фактах. Доказывание на этом уровне связано с обнаружением, выделением каждого источника как отдельного материального объекта в обстановке расследуемого события, его обязательной индивидуализацией и анализом их материальных признаков и знаков, несущих доказательственную информацию, а также отделением ее от нейтральной информации и “шумов”. В силу сказанного этот уровень доказывания может быть назван поисково-аналитическим.

На втором уровне доказывания должны быть установлены обстоятельства, связанные с расследуемым событием, - доказательственные (промежуточные) факты.

Информация, содержащаяся в показаниях свидетелей, обвиняемых, заключениях экспертов и вещественных доказательствах, может быть односторонней, неточной, искаженной, а то и ложной по существу. Отсюда - проблема достоверности собранных сведений. Первоначально эта проблема решается относительно “промежуточных” - доказательственных и искомых фактов. Так, по делу о краже доказательственными фактами будут пребывание обвиняемого на месте кражи, обнаружение у него похищенных вещей, орудий, использованных для взлома, и др. Если такого рода факты будут достоверно установлены, на их основе может быть сделан логический вывод о виновности лица в совершении преступления. Поэтому каждый из указанных фактов представляет важный опорный пункт последующего доказывания и сам должен быть предварительно бесспорно доказан, достоверно установлен.

Доказывание на этом уровне имеет информационно-коммуникативный характер, поскольку связано с проверкой правильности передачи информации по определенному информационному каналу. Так, проверка показаний свидетелей требует изучения процессов восприятия и воспроизведения сообщаемых ими сведений; проверка документа - порядка его составления и удостоверения; “прочтение” следов требует изучения механизма их образования и т.д. При этом достоверное установление факта возможно лишь на основе определенной

системы доказательств, содержащих об этом факте информацию. Такие системы могут быть названы частными в отличие от общей системы доказательств по делу. Так, факт пребывания обвиняемого на месте кражи устанавливается заключением дактилоскопической экспертизы по следу пальца на месте кражи, выводами почвоведческой экспертизы, установившей одинаковое происхождение частичек грунта и растительных остатков в углублениях обуви обвиняемого и на месте происшествия, показаниями самого обвиняемого и другими доказательствами. Информация, содержащаяся в каждом из указанных доказательств, имеет одно происхождение, поскольку возникает в результате одного и того же явления - пребывания обвиняемого на месте преступления. Такое явление отражается в различных материальных объектах, представляющих обстановку расследуемого события, которые в силу этого становятся источниками сведений об одном и том же доказательственном факте. Это делает такие источники взаимопроверяемыми и дополняемыми, т.е. образующими систему фактических данных - доказательств.

Заключительный уровень уголовно-процессуального доказывания связан с установлением главного факта на основе системы достоверно установленных доказательственных фактов.

Доказывание на этом уровне имеет логический характер. Следователь и суд исходят из точно установленных фактов как логических аргументов, прослеживают их связи с другими фактами и строят на этой основе выводы о предмете доказывания. “Логическое доказывание, - пишет Д.П.Горский, - это “процесс мысли, заключающийся в обосновании истинности какого-либо положения при помощи других положений, истинность которых уже установлена (доказана)” [70, стр. 218].

В юридической литературе широко распространены утверждения о том, что истинность каждого доказательства и каждого доказательственного факта устанавливается единовременно с установлением истины по уголовному делу в общей системе доказательств.

Так, А.А.Эйсман считает, что в общую систему доказательств может включаться взаимоисключающая информация типа:

“Фирсов был на месте происшествия”.

“Фирсов на месте происшествия не был”.

“Все доказательства, - утверждает А.А.Эйсман, - как обвинительные, так и оправдательные, должны до конца оставаться в системе... “Вес” каждого из них должен “лечь на весы” при окончательном подведении итогов” [392, стр. 179].

Та же мысль высказана Г.М.Миньковским и И.Б.Михайловской “... в

производстве по делу, до момента вынесения итогового решения мы оперируем не доказательственными фактами как таковыми, а сведениями о них" [339, стр. 283].

Ошибка в конечных выводах может быть как следствием ошибочного основания, так и результатом неправильного логического следования от оснований к выводу. Поэтому в процессе судебного доказывания оценка истинности оснований должна быть отделена от оценки истинности вывода. При этом каждая из этих оценок должна рассматриваться как самостоятельная фаза исследования. Если же тезис будет обосновываться аргументом, а аргумент - тезисом, что неизбежно при "одновременном" их установлении, - получим порочный круг в доказывании, что и получается у А.И.Трусова, который утверждает: "Достоверность многих посылок, которые здесь нами принимаются за исходные, устанавливается не в начале данного процесса, а в его конце, т.е. по существу одновременно (подч. нами. - В.К.) с установлением достоверности самого доказываемого обвинительного тезиса" [345, стр. 31].

Из сказанного видно, что приведенные высказывания противоречат основам логического доказывания, требующим для доказывания тезиса предварительного установления истинности аргументов. Они противоречат также основам теории косвенных доказательств, в соответствии с которыми для обоснования выводов о событии преступления и виновности обвиняемого могут быть использованы не любые доказательства (тем более противоречащие друг другу), а только те, с помощью которых достоверно установлены доказательственные факты. Эта позиция отчетливо выражена также в ряде руководящих указаний Верховного Суда СССР[1].

Помимо логического проблема уровней имеет и технологический аспект.

Разграничение уровней доказывания - это разграничение методик доказывания. Поэтому проблема уровня - не чисто логический спор, а проблема способа, технологии практического познания. Или информационный путь, связанный с исследованием информационного канала и основанный на анализе отражательных процессов в источнике, или логическое обоснование вывода, основанное на исследовании связей между достоверно установленными фактами и построении умозаключения по правилам логического следования. (См. прилагаемую схему.) В отрыве от уровней доказывания невозможно уяснить функцию и сущность различных познавательных и информационных

[1] См., например, Постановление Пленума ВС СССР от 22 марта 1963 г. по делу М., Определение СК ВС РСФСР от февраля I960 г. по делу К. и др.

средств, используемых в доказывании. Функция того или иного средства познания в доказывании определяется двумя факторами:

1. Используется оно в качестве источника фактических данных или аргумента в логическом доказывании;

2. Устанавливаются ли этими данными нейтральные или имеющие правовое значение факты.

Только с учетом этих обстоятельств может быть понята познавательная и инструментальная роль в доказывании таких понятий, как “источники”, “фактические данные”, “доказательства”, “доказательственные” и “искомые факты”. Сущность этих терминов состоит в том, что каждый из них характеризует технологию и результат определенного уровня процессуального доказывания. Вне этой структуры указанные понятия теряют свое познавательное и процессуальное значение.

6.1.2. Разрешение вопроса о тождестве и установление искомого объекта как различные уровни доказывания

Применительно к использованию идентификации могут быть выделены следующие задачи и соответствующие им уровни доказывания:

1) разрешение вопроса о тождестве на основе системы идентификационных признаков сравниваемых объектов;

2) установление искомого материального объекта, связанного с расследуемым событием, на основе собранных по делу доказательств;

3) выяснение посредством идентификации обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение (главного факта).

Особенно существенно разграничивать первый и второй уровни доказывания. Соотношение этих уровней раскрывает соотношение идентификационного исследования, оперирующего идентификационными признаками, и оперирования доказательствами с целью установления доказываемых (доказательственных) фактов.

Эти задачи и уровни часто смешиваются. Показательна в этом отношении ранее рассмотренная нами (см. гл. I) концепция идентификации как доказывания тождества.

Наиболее отчетливо она выражена в работах Т.А.Седовой. Акт идентификации рассматривается ею не как процесс научно-практического исследования, а как “элементарный акт процессуального доказывания” [299, стр. 338]. При этом “высшим уровнем криминалистической идентификации” автор считает “те ее результаты, которые устанавливают однозначную связь конкретного лица с событием преступления” [300, стр. 39 и др.[. Так, в качестве акта идентификации рассматривается установление лица, нанесшего смертельное

ранение потерпевшему путем выстрела из пистолета, посредством серии следственных и экспертных действий. Эксперт при этом рассматривается как субъект доказывания по уголовному делу, который вместе со следователем и судом устанавливает доказательственные и искомые факты.

При такой трактовке идентификации и экспертизы последняя теряет качество самостоятельного процессуального института, обеспечивающего объективность доказывания именно в силу своей процессуальной независимости от процесса доказывания, осуществляемого следователем.

Неправильно определяются при этом задачи экспертизы, которую из средства исследования источников доказательств превращают в средство установления доказательственных и искомых фактов.

Ошибочно определяются и исходные фактические данные. В качестве последних эксперт должен использовать не доказательства, собранные по делу, ибо в этом случае он неизбежно выйдет за пределы своей компетенции, а выявленные на основе специальных экспертных познаний идентификационные признаки.

Задача установления единичного материального объекта и его связи с преступлением существенно отличается от задачи разрешения вопроса о тождестве идентифицируемых объектов. Разрешение вопроса о тождестве - задача отдельного относительно самостоятельного идентификационного исследования. Установление искомого объекта - задача процесса доказывания по уголовному делу, опирающегося на систему доказательств, каждое из которых может быть получено в результате самостоятельного исследования. Отдельное идентификационное исследование не может привести к достоверно доказанному установлению искомого объекта. В результате такого исследования вопрос о тождестве может быть разрешен, как известно, отрицательно, предположительно, в родовом отношении. Единичный искомый объект при этом не устанавливается, хотя возможности отдельного идентификационного исследования, акта идентификации оказываются полностью исчерпанными. Однако и категорическое положительное разрешение вопроса о тождестве экспертом не равноценно доказанному установлению искомого объекта. Категорическое положительное заключение эксперта должно быть проверено и оценено следователем и судом на основе совокупности собранных по делу доказательств. Только в результате такой проверки и оценки, когда заключение эксперта будет проверено и подкреплено другими доказательствами, искомый объект может считаться достоверно доказанным. Таким образом, установление искомого объекта как доказательственного или искомого факта во всех случаях опирается на частную систему доказательств, обосновывающую такой вывод следователя и суда.

Различается и исходный фактический уровень решения указанных задач. При разрешении вопроса о тождестве по материальным следам исходной является выявленная с применением научно-технических методов система идентификационных признаков сравниваемых объектов. Существо идентификационного исследования, как известно, сводится к выявлению, сравнению и оценке идентификационных признаков сравниваемых объектов.

При установлении искомого объекта исходной является система доказательств, обнаруженная посредством процессуальных действий. В эту систему могут входить показания свидетелей, заключения экспертов, данные следственного осмотра, освидетельствования, эксперимента, опознания и других следственных действий.

6.2. Компетенция участников доказывания

Установление искомого объекта как цель доказывания является задачей следователя[1]. Оно осуществляется следователем в форме предусмотренных законом процессуальных действий. При этом технические приемы применяются в органическом единстве с тактическими. Например, при осмотре места происшествия следы преступника обнаруживают с помощью как тактических, так и технических приемов: применению технических средств предшествует определение круга предметов, к которым, исходя из общей обстановки, мог прикасаться преступник. Предварительное определение исходной совокупности на основе технического изучения следа дополняется тактическими приемами определения круга проверяемых объектов. Технические приемы сравнения сочетаются с тактическими методами исследования связей искомого объекта. Отдельные технические задачи, возникающие в процессе доказывания, могут разрешить только сведущие лица - специалисты и эксперты.

Следователь вправе приглашать специалиста к участию в осмотре, освидетельствовании, следственном эксперименте и других процессуальных действиях, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств (ст. 86-88, 176-181 и др. УПК РФ).

Специалист на основе своих знаний оказывает помощь следователю в решении технических задач. Однако, принимая непосредственное участие в процессуальном действии, специалист имеет возможность решать поставленные перед ним технические задачи с учетом общей направленности этого действия и расследования в целом. Отмеченное обстоятельство создает благоприятные условия для деятельности специалиста и для успешного сочетания технических и тактических приемов расследования. Помощь специалиста может

[1] Имеются в виду также другие субъекты уголовно-процессуального доказывания.

потребоваться на любом этапе судебного исследования. Особенно необходима она при обнаружении следов искомого объекта и при определении исходной совокупности. Определение исходной совокупности должно осуществляться с помощью специалиста, обладающего необходимыми знаниями. Поскольку применительно к установлению искомого объекта определение исходной совокупности имеет лишь ориентирующее значение, заключения эксперта в этих случаях не требуется. Окончательное ограничение круга проверяемых объектов создает возможность их проверки путем сравнения с отображением искомого объекта. Соответствующие исследования обычно проводятся в процессуальной форме судебной экспертизы. Закон не связывает инициативу эксперта. Однако он не вправе производить самостоятельные процессуальные действия с целью получения дополнительных материалов. Поэтому большое значение приобретает тесный контакт следователя и эксперта в процессе проведения экспертизы. Роль следователя в назначении экспертизы, подборе материалов, постановке вопросов и руководстве экспертом бесспорна. В этой части деятельности следователь определяет содержание и направленность работы экспертов. Следователь оценивает также доказательственное значение экспертного исследования. Решение поставленных перед экспертизой технических вопросов следователь использует для уточнения предмета доказывания и установления искомого объекта. Следует подчеркнуть, что в процессе доказывания субъектом, разрешающим тактические и технические задачи установления искомого объекта в форме процессуального действия, является именно следователь. Специалист и эксперт являются субъектами лишь отдельных технических исследований, входящих в процесс доказывания и выполняемых по поручению следователя.

В целом работа следователя (в соответствующих случаях работника органа дознания, прокурора, адвоката или судьи), специалиста и эксперта, применяющих тактические и технические приемы и средства в различных процессуальных формах, направлена к обнаружению искомого объекта, т.е. установлению важного доказательственного факта.

Существенно разграничивать компетенцию следователя и эксперта в процессе идентификации.

Вопрос о компетенции следователя в сфере идентификации - это вопрос о том, может ли следователь самостоятельно, без помощи эксперта разрешить вопрос о тождестве. Если может, то в каких случаях и при каких условиях. Каково также значение вывода следователя по данному вопросу? Компетенция следователя в решении вопроса о тождестве имеет существенное практическое значение. При решении этого вопроса следует исходить из необходимости максимально широкого использования научно-технических средств и

методов в работе самого следователя, что обеспечивает оперативность и эффективность предварительного следствия. Вместе с тем попытки следователя решить вопросы, требующие специальных познаний, ведут к процессуальным нарушениям и фактическим ошибкам. Необоснованное назначение экспертизы приводит к потере оперативности и затягиванию сроков расследования. Неназначение экспертизы, когда она необходима, - это пробел в исследовании обстоятельств дела.

Экспертизу для отождествления по следам следует назначать в тех случаях, когда для этого необходимы специальные познания. При этом необходимо различать возможности отрицательного и положительного разрешения вопроса о тождестве.

Из логики известно, что отрицать обычно легче, чем утверждать. Для того чтобы исключить тождество сравниваемых объектов, достаточно обнаружить хотя бы одно несовместимое свойство.

Чтобы утверждать тождество, необходимо выявить комплекс совпадений и обосновать их достаточность для положительного вывода.

Выводу об объекте, оставившем след, обычно предшествует исключение большего или меньшего числа объектов, которые не могли оставить данный след. Сказанным объясняется широкое использование метода исключения проверяемых объектов в следственной и экспертной практике. Обнаружение и оценка исключающих различий иногда не требует специальных познаний. Поэтому отрицательно вопрос о тождестве нередко может быть решен уже в процессе осмотра соответствующих объектов самим следователем.

Наиболее часты случаи отрицательного разрешения следователем вопроса о тождестве при подготовке сравнительных материалов для экспертизы. Так, изъяв с места происшествия следы обуви, следователь не направляет на экспертизу обувь всех лиц, которые могли быть на месте происшествия. Он производит предварительный отбор и исключает ту обувь, которой явно не могли быть оставлены следы. Аналогично поступает следователь при обнаружении следов взлома, транспортных средств, оттисков печатей и штампов и т.д. Исключая значительное число объектов, следователь по существу отрицательно и окончательно разрешает вопрос о тождестве относительно этих объектов.

При осмотре комнаты районного учреждения, где был совершен поджог, следователь обнаружил след обуви без каблуков. До начала осмотра в комнату входили работники райкома, райисполкома и милиции. Следователь произвел сравнение обуви этих лиц со следом. Оказалось, что большинство из них было обуто в сапоги или ботинки. В обуви же без каблуков были райпрокурор и

уборщица. Осмотрев их обувь, следователь установил, что она не соответствует следу по ширине и рельефному рисунку подметки. Таким образом, удалось исключить возможность оставления следа кем-либо из лиц, бывших в комнате после обнаружения пожара.

Исключающими должны считаться только такие различия, которые не могут быть результатом изменений отображенного в следе объекта. Так, возрастные изменения человека, отображенные на сравниваемых фотоснимках, выполненных со значительным разрывом во времени, различия в окраске сравниваемых тканей, вызванные их перекраской, не могут рассматриваться как исключающие. Констатация исключающего различия, а следовательно, и исключение тождества не требуют специальных познаний, когда такое различие имеет характер очевидного факта. Для характеристики очевидного факта в данном случае следует привлечь понятия “адресата” и “способа” доказывания.

Адресатом доказывания, как об этом пишет А.А.Эйсман, является не только суд, разрешающий дело по существу, но и государство, общество, от имени которых выносится приговор [390, стр. 90]. Установленные следователем различия должны быть очевидными, бесспорными не только для выявившего их следователя и суда, но и любого лица, которого касается расследуемое дело.

Очевидность различий характеризуется также способом их познания. Различия можно считать очевидными, если они вытекают из непосредственного восприятия и не требуют иного обоснования. Если различия вызывают какие-либо сомнения или требуют объяснения, лежащего вне сферы непосредственного восприятия и общеизвестных фактов, признать их очевидными нельзя.

Сложность выявления исключающих различий состоит в том, что они устанавливаются не путем сравнения объектов, а посредством сравнения их следов. Различие же следов не всегда свидетельствует о том, что они оставлены разными объектами. Так, явно различающиеся фотографические изображения могут принадлежать одному и тому же лицу, различающиеся подписи - выполнены одним лицом, явно различающиеся следы - оставлены одним и тем же орудием и т.д. При существенном несовпадении условий образования следов их различия весьма значительны. Констатация “очевидности” таких различий может привести к ошибочному исключению сравниваемого объекта.

Таким образом, при отрицательном разрешении вопроса о тождестве следователь может исходить только из бесспорных для всех участников доказывания различий.

Примерами очевидных исключающих различий могут быть различия общеизвестных классификационных признаков. Таково, например, различие

типа автомашин, сравниваемых по следам (грузовая-легковая), различие сравниваемых клише печатей по размеру и форме, различие качества и плотности сравниваемых листков бумаги, различие толщины сравниваемых веревок, различие способа плетения сравниваемых тканей и т.д. Если классификационные признаки сравниваемых объектов не являются общеизвестными, например, при сравнении неизвестных жидкостей, порошков и т.д., их различия нельзя рассматривать как очевидные.

Очевидными могут быть также различия устойчивых индивидуальных особенностей объектов. Примерами могут служить различия в "броских особенностях" и "особых приметах" человека (отсутствие или повреждение части тела, наличие протезов и т.д.), если они не могли появиться в идентификационный период.

Иначе характеризуются возможности следователя в положительном доказывании тождества. Непосредственного восприятия для констатации тождества недостаточно. Сравниваемые отображения могут совпадать по многим признакам, но это может быть результатом сходства, а не тождества оставивших их объектов. По мнению А.И.Винберга и А.А.Эйсмана, факт тождества в некоторых случаях не требует доказательства, а представляет "очевидный общепонятный вывод (например, явное совпадение линии разрыва и частей текста клочков разорванного документа)..." "Необходимость в доказывании тождества возникает тогда, когда оно не очевидно..." [53, стр. 112, 109] [1]. С этим утверждением нельзя согласиться по принципиальным основаниям. В уголовном процессе факт тождества никогда не может выступать в качестве непосредственно воспринимаемого очевидного факта, который не нуждался бы в доказывании. Это вытекает из логической природы тождества, не наблюдаемого непосредственно и устанавливаемого по различным проявлениям объекта путем специальной познавательной процедуры - идентификации. Приводимый авторами случай идентификации целого по частям не представляет в этом отношении исключения. Устанавливаемое идентификацией целое не может быть непосредственно воспринимаемым очевидным фактом уже в силу того, что оно к моменту исследования не существует. Реально существуют лишь предположительно относящиеся друг к другу части. Следовательно, вывод о тождестве (целого) представляет опосредствованное умозаключение. Опосредствованное же установление существенных по любому уголовному делу фактов и есть доказывание.

[1] Точка зрения указанных авторов была поддержана Г. Л. Грановским [76, стр. 101-107], И. Гончаренко и другими авторами - [68, стр. 8].

Следует подчеркнуть, что положительное установление любых доказательственных фактов в судебном процессе осуществляется не путем их непосредственного восприятия, а путем доказывания.

Доказывание тождества осуществляется в ряде случаев на уровне главного факта, т.е. влечет выводы о виновности (невиновности) в совершении преступления конкретного лица. Признание "очевидности" тождества, принятие его без доказательств означало бы в этих случаях признание виновности привлеченных к делу лиц без доказательств. Ясно, что такой путь является неприемлемым и факт тождества, так же как виновность конкретного лица в совершении преступления, во всех случаях должны быть доказаны.

"Очевидность" тождества, обнаруживаемая судом и следствием при сравнении следов, может быть кажущейся. Впечатление "полного тождества" часто возникает при наблюдении отображений очень сходных или однородных предметов. Фотографические снимки близнецов, сходные рукописи, оттиски печатей и штампов с одинаковым содержанием, машинописные тексты, напечатанные на пишущих машинках той же системы, следы новой резиновой обуви и т.п. объекты нередко поражают своим "полным сходством". Нужен специальный анализ, чтобы в таких отображениях выявить присущие идентифицируемому объекту индивидуальные особенности.

Так, например, последовательные следы разреза, выполненные бумагорезательной машиной, настолько сходны, что их практически невозможно различить. Даже такой "нестандартный" способ разделения объектов как разрыв при близких условиях разделения дает очень сходные трудноразличимые следы. При этом в принципе, что подтверждают эксперименты, возможны случаи, когда части различных объектов дают не менее "очевидное" совмещение, чем части одного и того же объекта.

Кажущаяся "очевидность" тождества не является доказательством тождества, точно так же как кажущееся различие следов не доказывает раздельного существования оставивших их объектов. Тождество объекта по его материальным следам должно быть научно доказано. Такое доказательство предполагает отсутствие несовместимых различий сравниваемых объектов и неповторимость комплекса совпадающих особенностей сравниваемых объектов. Подобные исследования невозможны без специальных знаний и лиц, владеющих соответствующим логическим и научно-техническим аппаратом. Иными словами, установление тождества по материальным следам, когда факт тождества имеет доказательственное значение, должно происходить в процессуальной форме экспертизы.

В связи с изложенным вносим предложение дополнить ст. 196 УПК РФ, *предусматривающую случаи обязательного назначения экспертизы, пунктом*

пятым в следующей редакции: "Для установления тождества объекта по его материальным следам (в том числе рукописям, фотоснимкам и т.п. отображениям)". Введение такой нормы усилит гарантии установления истины по уголовным делам и будет способствовать более широкому внедрению научно-технических достижений в процесс уголовного судопроизводства. Эта норма сделает недопустимым доказывание средствами, не обеспечивающими достоверного установления искомого объекта.

Вопрос о доказательственном значении выводов следователя и суда о тождестве на основе сравнения идентификационных признаков требует особого рассмотрения. Из вышеизложенного следует, что выводы специалиста и следователя о тождестве, так же, как и выводы суда, не являются доказательствами. Из этого, однако, не следует, что результаты выполненных им осмотров и предварительных исследований не имеют доказательственного значения. Доказательствами могут быть выявленные при осмотре следов и проверяемых объектов идентификационные признаки, если они должным образом процессуально зафиксированы. Вместе с тем предварительные выводы следователя о тождестве могут быть использованы при расследовании в следующих направлениях:

1) для построения следственных версий. По одному делу при осмотре следователь обнаружил след подошвы обуви. В следе отобразились рельефные буквы "Р" и "н", между которыми располагались неясные отпечатки других букв, а также узоры, напоминающие рисунок автопокрышки. При обыске у подозреваемого Лычака обнаружили чувяки с подошвами из автопокрышек. Рельеф подошвы левого чувяка полностью совпал с особенностями рисунка в обнаруженном следе. На основе этого следователь разработал версию о причастности Лычака к совершенному преступлению. В ходе дальнейшего расследования данная версия полностью подтвердилась [459, стр. 13-18];

2) для исключения следственных версий. По делу об убийстве студентки Пирожковой возник ряд версий о лицах, которые могли совершить преступление и у которых было обнаружено огнестрельное оружие. При сравнении этого оружия с пулей, извлеченной из тела потерпевшей, следователю удалось исключить некоторые экземпляры огнестрельного оружия (по калибру и числу нарезов в канале ствола). Это позволило отбросить версии о причастности владельцев этого оружия к убийству. В дальнейшем был установлен преступник, оружие которого удалось идентифицировать по пуле, извлеченной из тела убитой;

3) для разрешения вопроса о необходимости приобщения к делу вещественных доказательств. Если в результате следственного осмотра и предва-

рительного сравнения выявляется относимость следов, предметов, частиц вещества к совершенному преступлению, то они должны быть приобщены к делу в качестве вещественных доказательств;

4) для разрешения вопроса о необходимости назначения экспертизы. Если при осмотре и сравнении тождество исключается, необходимость в назначении экспертизы, как правило, отпадает. Если же следователь склоняется к положительному выводу, то достоверное разрешение вопроса о тождестве требует проведения экспертизы.

Нельзя признать правильной подмену экспертного исследования производством других следственных действий, в том числе опознаний. Так, по делу о хищении из магазина ткани продавцу были предъявлены обнаруженные в ходе расследований этикетки. Продавец опознал на этикетке надписи “Паплин” и “14-50 к” и заявил, что они написаны им собственноручно. По другому делу у подозреваемого на квартире изъяли некоторое количество ржаной муки. Заведующий складом, где была совершена кража, опознал по качеству и размолу эту муку как похищенную из вверенного ему склада. В приведенных случаях показания свидетелей являются недостаточными доказательствами, а вывод о тождестве требует специального исследования, а не опознания.

Разграничивая компетенцию следователя и эксперта в процессе доказывания, нельзя забывать о взаимосвязи исследований, осуществляемых указанными лицами. При различии компетенции и технических возможностей следователя и эксперта их познавательная деятельность направлена на разрешение одной и той же задачи установление материального объекта по его следам. Подготовка сравнительных материалов для экспертизы, постановка вопросов эксперту, деловой контакт следователя с экспертом, назначение дополнительной и повторной экспертизы, участие эксперта в судебном заседании - все эти процессуальные формы призваны обеспечить единство следственной, экспертной и судебной деятельности по установлению доказательственных фактов.

Если эксперт пришел к предположительному выводу о тождестве или установил однородность сравниваемых объектов, следователь принимает меры к получению дополнительных доказательств с целью более точного выделения единичного объекта. Тем самым следователь принимает непосредственное участие в исследовании с целью разрешения вопроса о тождестве. Более того, он организует и направляет это исследование, а также оценивает его результаты. Процесс установления искомого объекта нельзя, таким образом, представлять как сферу чисто экспертной деятельности. Вместе с тем экспертная деятельность не оторвана от задач доказывания по уголовному делу. Эксперт является активным участником доказывания. Он не только дает ответ

на поставленные перед ним вопросы, но и изыскивает другие пути применения своих специальных знаний. “Если при производстве судебной экспертизы, гласит ст. 204 УПК РФ, - эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении”.

Непосредственной задачей эксперта является разрешение вопроса о тождестве путем исследования представленных ему объектов. Однако, при отрицательном разрешении эксперт должен указать в своем заключении существенные для расследования свойства искомого объекта. Установив однородность, он должен выделить минимальные по объему группы объектов, среди которых может находиться искомый объект. Из сказанного следует, что установление единичного искомого объекта производится не только следователем, но и экспертом. Последний является, таким образом, не только исполнителем технического исследования, но и участником доказывания, осуществляемого на основе специальных знаний в установленной законом процессуальной форме.

Взаимосвязь технических и юридических элементов доказывания в советском уголовном процессе обеспечивается также введением фигуры специалиста. Принимая участие в процессуальных действиях, специалист оказывает техническую помощь следователю и суду в обнаружении, сравнении и оценке идентификационных признаков. Тем самым специалист устраняет разрыв между научно-техническими возможностями эксперта, следователя и суда. В результате обеспечивается еще более тесное единство технических и юридических элементов доказывания.

Определяя компетенцию следователя и эксперта, в некоторых случаях выделяют “следственную” и “экспертную” идентификацию. Разграничивая оперативно-следственную и экспертную идентификацию личности[1], В.П.Колмаков [133, стр. 101] относит к первой:

а) установление тождества по документальным данным (описанию, биографическим данным, личным документам) путем допроса свидетелей, знающих идентификационные свойства;

б) установление тождества по данным уголовной регистрации и учетным данным следственных и судебных органов;

в) установление тождества по чертам внешности путем опознания;

г) установление тождества по фотоснимкам путем опознания.

К экспертной он относит идентификацию личности: а) по письму; б) по

[1] К указанной классификации форм криминалистической идентификации присоединились Белкин Р. С., Винберг А. И., Снетков В. А. [318, стр. 27-29] и другие авторы.

следам тела; г) по фотоснимкам; д) по частям и частицам организма.

Приведенная классификация смешивает различные основания деления. Помимо субъекта, в приведенных формах присутствуют и такие важнейшие основания, как форма выражения идентификационной информации (ср., например, документальные данные и следы, материальные отображения и чувственные образы), процессуальные и непропессуальные формы идентификации. При этом одна и та же из числа приведенных форм может осуществляться различными субъектами, что противоречит избранному основанию классификации. Так, по данным уголовной регистрации отождествление может быть выполнено и оперативным работником, например по способу преступления, работником регистрационного бюро, например по дактилоскопической формуле, и экспертом-криминалистом - по регистрационной карте и следу на месте преступления. По следам тела отрицательную идентификацию может выполнить следователь, а положительную - эксперт.

Таким образом, рассматриваемая классификация форм криминалистической идентификации на оперативно-следственную и экспертную не отвечает обязательным логическим требованиям, предъявляемым к научным классификациям.

Кроме того, такая классификация может создать неверное представление о том, что существуют самостоятельные, независимые друг от друга способы разрешения вопроса о тождестве, опирающиеся на самостоятельные следственные и экспертные методики сравнительного исследования вещественных доказательств. Однако таких специальных способов и методик не существует. Выше было показано, что следователь и суд сам, без привлечения специалистов и экспертов, не компетентен положительно установить тождество объекта по его материальным следам. Для этого необходимы специальные экспертные познания. Для построения версий и предварительных выводов в этих случаях они пользуются общей методикой криминалистической идентификации, входящей в объем их профессиональных познаний. В связи с этим представляется более правильным говорить не об отдельных самостоятельных формах идентификации, а о профессиональных возможностях, компетенции отдельных участников процесса доказывания в решении задач идентификации.

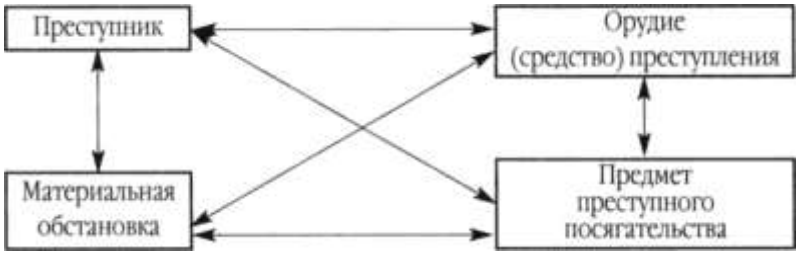
Этот вывод представляется еще более очевидным при переходе от вопроса разграничения компетенции субъектов идентификации к проблеме их взаимодействия в процессе доказывания. Процесс установления искомого объекта является единым комплексным исследованием, в котором реализуются не отдельные самостоятельные “формы идентификации”, а осуществляется орга-

низованная по единой программе иерархически построенная деятельность взаимосвязанных участников этого процесса, решающих отдельные подзадачи исследования на его различных уровнях. При этом ведущее значение остается за следователем и судом. Эксперты и специалисты привлекаются лишь на определенных стадиях доказывания для разрешения частных задач. На базе разграничения компетенции участников процесса доказывания рассмотрим систему их взаимодействия при решении задач доказывания в различных следственно-экспертных ситуациях.

6.3. Взаимодействие следователя и эксперта в идентификационных ситуациях расследования

Состояние использования достижений науки и техники в области раскрытия и расследования преступлений обнаруживает значительный разрыв между уровнем научных и лабораторных методик исследования вещественных доказательств в институтах судебной экспертизы и уровнем применения научно-технических средств в низовом звене следственных и оперативных органов, получающих исходную доказательственную информацию. Статистические данные показывают, что вследствие упущений и ошибок в оперативно-следственной работе на месте происшествия и при производстве других следственных действий многие потенциальные возможности раскрытия и расследования преступлений оказываются неиспользованными, а по назначенным экспертизам не удается получить должных результатов.

Одним из наиболее эффективных путей преодоления указанного разрыва является взаимодействие следственных и экспертных методов решения задач, возникающих в идентификационных ситуациях.

Под идентификационной ситуацией понимается такая проблемная ситуация в ходе предварительного или судебного следствия, когда для установления существенных обстоятельств дела необходимо проведение идентификационных исследований. Правильное разрешение идентификационных ситуаций требует совместной работы следователя, специалиста и эксперта, причем конечный результат - достоверное установление искомых объектов и фактов - зависит как от следователя, определяющего задачи, направления и информационную базу исследования, так и от эксперта, реализующего современные

аналитические методики идентификации.

Задачи анализа идентификационных ситуаций состоят в том, чтобы на основе исследования механизмов взаимодействия и отражения объектов при совершении преступления, а также современных методов обнаружения, анализа и сравнительного исследования следов выявить и полностью использовать возможности использования судебной экспертизы и криминалистики для установления существенных обстоятельств дела.

Поскольку в структуре идентификационных ситуаций системообразующим элементом является искомый объект, исходным в анализе ситуации должен быть механизм расследуемого события, приводящий к образованию следов искомого объекта - источников идентификационной информации. Взаимодействие любых материальных объектов в структуре расследуемого события может привести к образованию следов. Однако для расследования особо важное значение имеют взаимодействия, в ходе которых происходит развитие причинной связи: субъект преступления - последствия преступления. Именно исследование этой причинной связи ведет к раскрытию преступления. Система указанных взаимодействий наиболее отчетливо выражена в так называемом “кресте следов” [см. 242, стр. 521].

В зависимости от способа и механизма совершенного преступления в качестве орудий (средств), предметов посягательства и предметов обстановки могут выступать самые различные материальные объекты: яды, оружие, транспорт, ценности, изделия, живые лица, животные, растения, участки местности и т.д., и все они могут оказаться искомыми объектами. Понятие искомого объекта и характеризующая его совокупность свойств полностью определяются обстоятельствами конкретного уголовного дела и функцией этого объекта как целостной системы в механизме преступного события.

Поскольку анализ механизма расследуемого события и обстоятельств уголовного дела представляет следственную задачу, определение искомого объекта относится к компетенции следователя, так же как и собирание всей необходимой для такого определения доказательственной информации. Однако поскольку выделение идентификационной информации требует исследования механизмов следообразования с применением специальных познаний, т.е. определения идентифицируемых и идентифицирующих объектов, чисто следственный анализ механизма расследуемого события оказывается недостаточным, и идентификационная ситуация приобретает характер следственно-экспертной ситуации.

Типы идентификационных ситуаций существенно различаются в зависимости от объема и характера информации об искомом объекте.

Соответственно выделяются случаи, когда:

1) следы искомого объекта не обнаружены, но по обстоятельствам дела должны быть в обстановке расследуемого события;

2) следы искомого объекта обнаружены, но отсутствуют проверяемые объекты, т.е. объекты, которые могли оставить эти следы;

3) обнаружены проверяемые объекты, но отсутствуют следы искомого объекта;

4) имеются следы искомого объекта и проверяемый (проверяемые) объект.

Первый тип идентификационной ситуации требует обнаружения следов искомого объекта, которые по обстоятельствам дела должны быть в обстановке расследуемого события, но по тем или иным причинам (латентности микроследы, маскирующие условия) не обнаружены.

Общая методика обнаружения следов искомого объекта включает в себя:

а) построение версий о механизме расследуемого события и системе образующих его взаимодействий материальных объектов, каждый из которых может стать искомым объектом;

б) построение мысленной модели механизма взаимодействия и выделение контактных поверхностей взаимодействующих объектов;

в) использование физических и химических методов и технических средств обнаружения невидимых следов и микрочастиц.

При обнаружении следов искомого объекта первая ситуация переходит во вторую.

Второй тип идентификационной ситуации характеризуется наличием следов искомого объекта и задачей обнаружения проверяемого объекта.

Общая методика обнаружения проверяемого объекта при наличии следов искомого объекта включает в себя:

а) определение исходной совокупности проверяемых объектов на основе использования стационарных классификаций соответствующих объектов (антропологических, ботанических, зоологических, технологических и др.);

б) ограничение исходной совокупности по обстоятельствам времени, места, способа и механизма преступления;

в) моделирование искомого объекта, составление его розыскного “портрета”;

г) оперативно-следственный поиск искомого объекта;

д) использование метода исключения, “отсева” проверяемых объектов, различающихся по родовым и видовым свойствам.

При обнаружении проверяемого объекта по следам искомого получаем

четвертый тип идентификационной ситуации. Если проверяемый объект обнаружен прежде, чем найдены следы искомого, например при задержании подозреваемого в совершении убийства, имеем смешанный тип идентификационной ситуации, требующий обнаружения следов искомого объекта. При этом необходимо использовать информацию, полученную путем исследования проверяемого объекта, его физические свойства, показания, полученные от задержанного.

Четвертый тип идентификационной ситуации характеризуется обнаружением следов искомого и наличием проверяемого объекта, т.е. наличием условий, необходимых для производства сравнительного идентификационного исследования.

Тактическое решение данной ситуации требует ответа на следующие вопросы:

1. Необходимо ли назначение экспертизы, или вопрос о тождестве может быть разрешен путем осмотра, опознания, следственного эксперимента или иного следственного действия? При этом следует иметь в виду, что положительный вывод о тождестве на основе сравнительного исследования материальных следов преступления во всех случаях требует специальных познаний.

2. Каков класс, род и вид назначаемой судебной экспертизы, общая характеристика ее методики, инструментальной и информационной базы? Требуется ли комплексная экспертиза, если в материальной обстановке преступления получили отображения различные стороны (идентификационные поля) искомого объекта?

3. Какому экспертному учреждению и эксперту (экспертам) следует поручить производство экспертизы?

4. Какие сравнительные материалы необходимо представить экспертам?

Первый и третий шаги приведенного алгоритма требуют дополнительных разъяснений.

Определение искомого объекта - сначала в форме следственной версии, затем - предметной модели (проверяемого объекта и полученных от него образцов) и, в заключение, в форме реального материального элемента структуры расследуемого события - представляет главную задачу и определяет стратегию следственных и экспертных действий в идентификационных ситуациях. Поэтому первый шаг алгоритма имеет решающее значение, во многом определяет эффективность всей криминалистической деятельности.

Наиболее типичная ошибка в практике следственной работы заключа-

ется в том, что реальные материальные объекты, входящие в механизм расследуемого события, систему его взаимодействия, опускаются из вида, следы этих объектов не разыскиваются, не обнаруживаются и не используются. Совместно с этой ошибкой наблюдается вторая типичная ошибка, состоящая в том, что не выделяются все стороны взаимодействия и соответствующие им идентификационные поля, что существенно ограничивает возможности идентификации и в целом - раскрытия и расследования преступлений.

Так, при исследовании орудий и средств преступления делается упор на их идентификацию по следам в обстановке места преступления, но при этом нередко забывают о возможности и необходимости идентификации преступника по его следам на орудиях и средствах преступления. Например, при обнаружении пистолета ставится задача его идентификации по стреляной пуле и гильзе, а задача идентификации преступника или хранилища - по следам на пистолете, микрочастицам в канале ствола ставится значительно реже; при обнаружении автомашины, скрывшейся с места преступления, ставится задача идентификации по следам протектора, частицам стекла и лакокрасочного покрытия на месте преступления, а задача идентификации преступника по его следам на рулевом управлении, других частях и поверхностях салона автомашины ставятся не всегда, хотя доказательственное значение идентификации личности преступника очевидно.

При исследовании машинописных текстов, как правило, ограничиваются идентификацией пишущих машин. Что касается возможностей идентификации лица, напечатавшего текст, и автора текста, когда они не совпадают, то эти возможности почти не используются, хотя криминалистика располагает соответствующими методиками.

При исследовании рукописных текстов не в полной мере используются возможности идентификации автора, красителя, бумаги и иных материалов письма.

При исследовании материалов, веществ и изделий не в полной мере используются возможности установления их природного (ареал, участок местности) и производственного происхождения (идентификация источника происхождения).

При исследовании фотоизображений редко используется возможность идентификации фотоаппарата, негатива, изображенных на снимках предметов, а также в отдельных случаях фотографа.

Таким образом, знание структуры идентификационной ситуации и методики разрешения возникающих в этих ситуациях задач, правильная организация взаимодействия следователя, специалиста и эксперта обеспечивает оптимальные условия всестороннего использования современных аналитических

методов судебной экспертизы и повышения научного уровня раскрытия и расследования преступления.

Рассмотрим пример следственно-экспертного анализа идентификационной ситуации по материалам конкретного уголовного дела.

Сотрудница конторы Усинского леспромхоза обратилась в милицию с заявлением об изнасиловании ее неизвестным преступником.

По ее словам, вернувшись к себе домой после киносеанса, она еще не успела снять пальто, как в комнату стремительно вошел мужчина среднего роста, одетый в фуфайку серого цвета, с закрытым шарфом лицом. Он зажал ей рот шарфом и повалил на постель. Оказывая сопротивление, потерпевшая пыталась кричать, но преступник навалился туловищем на лицо, а затем заткнул ей рот шарфом. Продолжая борьбу, она свалилась с преступником на пол, по которому они несколько раз прокатились, между стенкой и кроватью. Затем потерпевшая потеряла сознание, а придя в себя, оказалась раздетой на кровати со следами насилия.

По признакам внешности, описанным потерпевшей, был задержан рабочий лесопилки Николай М., категорически отрицавший свою вину.

Тщательный анализ идентификационной ситуации, механизма преступления и механизмов следообразования, обеспечивший определение искомых объектов и объектов-следоносителей, позволил правильно собрать сравнительные материалы, определить роды и виды экспертиз, подлежащие разрешению экспертами вопросы, подготовить и провести серию экспертных исследований.

Обнаружение и сравнительное исследование микрочастиц на одежде потерпевшей и задержанного позволили собрать систему признаков, устанавливающих факт контактного взаимодействия этих лиц в условиях и обстановке расследуемого события.

На пальто потерпевшей, пошитом из стандартной шерстяной ткани (овечья шерсть) были обнаружены волокна козьей шерсти, однородной материалу фуфайки подозреваемого, и мелкие частицы ели и лиственницы. Указанные частицы ели и лиственницы, найденные также на фуфайке задержанного, соответствовали породам дерева, обрабатываемым на лесопилке, где работал подозреваемый.

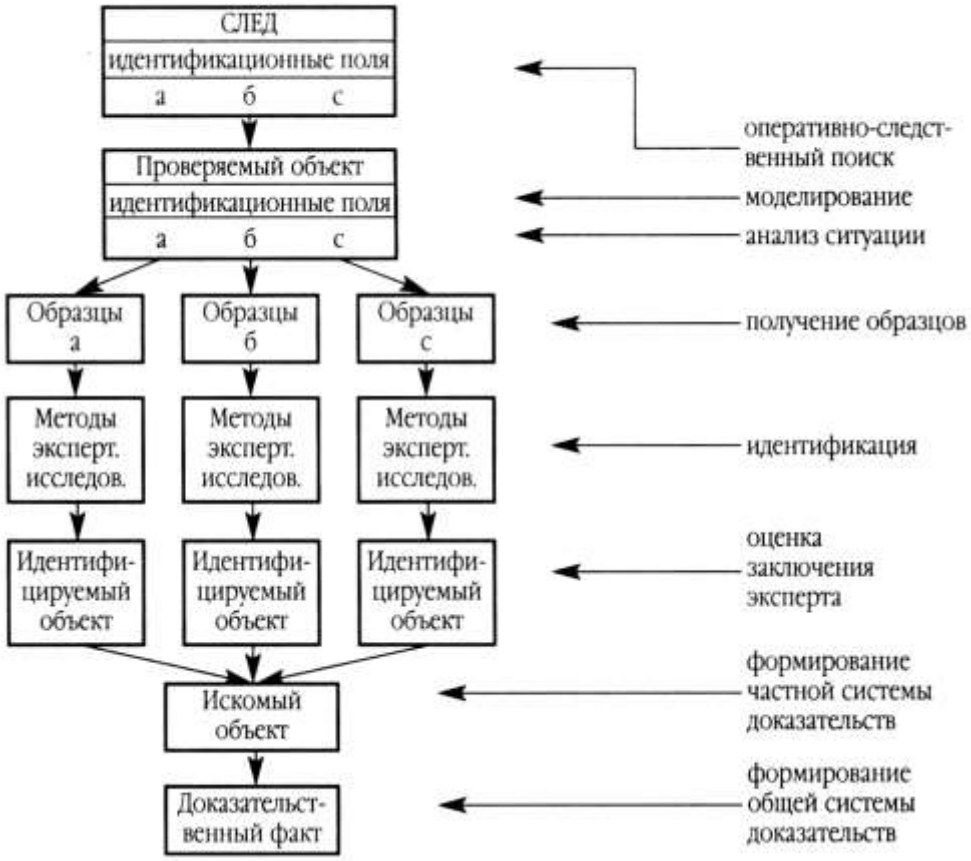
Важные доказательства были получены путем анализов наслоений на одежде задержанного. В числе других наслоений на фуфайке задержанного были обнаружены микрочастицы французской крем-пудры, которой пользовалась потерпевшая, а также восемь волосков черно-бурой лисы, происходящих от значительно изношенного воротника пальто потерпевшей. Степень износа определялась состоянием волокна и луковицы волос, которые полностью

совпали с образцами.

Кроме того, на одежде подозреваемого и потерпевшей были обнаружены частицы пуха от постельной подушки и извести, однородной окраске стен комнаты, где было совершено насилие.

Топография расположения всех исследованных микрочастиц и микроследов на одежде потерпевшей и подозреваемого полностью соответствовали механизму взаимодействия при совершении преступления в обстановке, в которой оно развертывалось.

Схема анализа и решения идентификационной ситуации

Таким образом, квалифицированный следственный и экспертный анализ идентификационной ситуации эффективно способствует всестороннему и глубокому использованию научно-технических средств и современных возможностей судебной экспертизы в целях установления истины по уголовному делу.

Приводим общий **алгоритм решения идентификационной ситуации** (структура задач и методов их решения).

Шаги алгоритма	Задачи и субъекты	Методы
1	Моделирование искомых объектов (следователь, специалист)	Версия о механизме преступления. Анализ структуры взаимодействующих объектов
2	Обнаружение следов искомого объекта (следователь, специалист)	Методы выявления невидимого. Обнаружение микрочастиц и микроследов
3	Выделение идентификационных полей (следователь, специалист)	Анализ механизма следообразования
4	Получение образцов для сравнительного исследования (следователь, специалист, эксперт)	Предметное моделирование механизмов следообразования и свойств искомого объекта
5	Определение класса аналитических методов исследования, родов и видов экспертиз, экспертных учреждений (следователь, специалист, эксперт)	Определение физической природы и структуры субстрата следа. Выбор физических эффектов детекции, методов декодирования и распознавания. Определение необходимой инструментальной и информационной базы
6	Определение идентифицируемых объектов (эксперт)	Сравнительное идентификационное исследование
7	Определение искомого объекта (следователь)	Формирование частной системы доказательств
8	Оценка установленного доказательственного факта (следователь)	Формирование общей системы доказательств по уголовному делу

6.4. Исследование источников доказательственной информации

Криминалистическая идентификация является, как известно, одним из действенных средств получения фактических данных о существенных обстоятельствах расследуемого события. Вместе с тем несомненный интерес представляет использование криминалистической идентификации в целях исследования источников доказательственной информации. При этом с точки зрения методики доказывания существенно различать два основных случая:

1) когда источник информации неизвестен и должен быть установлен с помощью идентификации, например, нередкие в следственной и судебной практике случаи исследования анонимных писем, записок, оставленных преступниками на местах преступлений, выполненных ими надписей и т.п.

2) Когда источник информации известен, но его подлинность должна быть проверена посредством идентификации.

Актуальность исследования источников в указанных ситуациях объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, в процессе доказывания должен быть установлен первоисточник информации. Сведения, первоисточник которых неизвестен, не могут быть доказательством в судебном процессе.

Во-вторых, сведения, которые получены путем непосредственного исследования источников, должны быть проверены на подлинность, т.е. соответствие их содержания первоисточнику.

Установление первоисточника уголовно-релевантных сведений осуществляется оперативно-следственными методами, в числе которых значительную роль играет идентификация. Она применяется, когда круг возможных источников информации предварительно очерчен другими оперативными и следственными методами. Установление посредством судебной идентификации первоисточника имеющейся информации имеет существенное доказательственное значение.

Во-первых, информация об обстоятельствах дела в результате идентификации источника становится в процессуальном отношений судебным доказательством.

Во-вторых, установление первоисточника информации позволяет получить дополнительные данные для проверки ее достоверности. Так, допрос исполнителя документа может успешно использоваться для установления правильности содержащихся в документе сведений. Содержание исследуемого документа может быть сопоставлено с другими документами и высказываниями исполнителя.

Случаи, когда источник информации известен, но его подлинность нуждается в проверке посредством идентификации, относительно более часты в судебной следственной практике.

В уголовных делах довольно часто фигурируют в качестве доказательств письма обвиняемых или адресованные обвиняемым, содержащие важные сведения по расследуемому делу, записки заключенных, переданные их родственникам или соучастникам, и т.п. документы. Установление исполнителей этих документов посредством идентификации, как правило, необходимо для их использования в качестве судебных доказательств.

Смежную группу документов составляют удостоверения, справки, акты, расписки, накладные и иные служебные документы, вызывающие сомнение в их подлинности. Идентификация исполнителей таких документов, печатей, штампов, бланков, пишущих машин и других орудий и средств письма является эффективным средством проверки их подлинности.

При расследовании отдельных уголовных дел встречаются также случаи фальсификации преступниками сведений с использованием для этой цели писем от имени потерпевших, их фотографических снимков, имитации действий от имени потерпевших, например отправления от их имени посылок, переводов и т.п.

Если путем идентификации устанавливается фиктивность источника,

содержащаяся в нем информация должна быть расценена как недоброкачественная и непригодная для установления соответствующего доказательственного факта. Вместе с тем сам факт фальсификации доказательств обычно отражает действия преступника, причинно связанные с расследуемым преступлением и потому входящие в состав главного или связанного с ним доказательственного факта.

Убив свою сожительницу Савину с целью завладения ее домом и имуществом, Распопов длительное время присылал письма, фотоснимки и денежные переводы родственникам потерпевшей от имени Савиной. Преступник стремился тем самым создать видимость того, что Савина выехала на новое место жительства.

Идентификационными исследованиями было установлено, что рукописные тексты ряда почтовых отправлений выполнены Распоповым, а фотографические снимки представляют репродукцию найденных у него фотоснимков [457, стр. 31-37].

При расследовании дела об исчезновении Зелуцкой муж последней предъявил письмо от ее имени, написанное ему якобы на Кавказе. Судя по содержанию письма, Зелуцкая по-новому построила жизнь и предоставила свободу своему бывшему мужу. Сравнительным криминалистическим исследованием указанного письма с образцами почерка Зелуцкой было установлено, что письмо от ее имени выполнено не ею. В дальнейшем было доказано убийство Зелуцкой ее мужем [466, стр. 257].

Проблема подлинности удостоверительных знаков в документах (оттиски печатей и штампов, специальные бланки, подписи) и роль идентификации в ее разрешении подробно рассматриваются в специальном разделе криминалистики, посвященном исследованию документов.

Говоря о подлинности источника информации, мы имеем в виду не только документы - источники знаковой информации. Доказательственную информацию несут также материальные свойства предметов вещественных доказательств[1]. Эта информация также может или соответствовать, или не соответствовать действительности. Случаи фальсификации материальных признаков - явление далеко не редкое в следственной практике.

9 ноября было совершено убийство сторожа конторы Раймаслопрома Лаксина и попытка взлома денежного ящика.

На месте преступления нашли многочисленные лужи, потеки и мазки крови, образовавшиеся в результате борьбы потерпевшего с преступником, а

[1] Доказательственная информация в отдельных случаях понимается слишком узко, только как “сведения о фактах, содержащиеся в показаниях лиц и документах” [см. 5, стр. 78].

также рукоятку от большой отвертки. По заключению судебно-медицинского эксперта, в качестве орудия убийства использовался инструмент типа отвертки. В связи с обнаружением следов крови на теле и одежде по данному делу задержали рабочего маслозавода Куриянова. Последний объяснил следы крови повреждением собственной руки.

От места преступления к центральной улице села и далее по обочине проселочной дороги до дома моториста маслозавода Филинова по снегу шла цепочка кровяных следов в виде небольших капель, расположенных одна от другой в интервале 2-3 метра. На калитке, ведущей во двор Филинова, имелся мазок крови. Из числа инструментов в машинном отделении завода, которыми пользовался Филинов, исчезла большая отвертка.

Вещественные улики, таким образом, указывали на причастность к расследуемому преступлению Филинова.

Однако приведенные по делу идентификационные исследования заставили дать иную оценку обнаруженным следам. Оказалось, что следы крови, имевшиеся на одежде и теле Курганова, принадлежат к той же группе, что и кровь убитого Лаксина. Групповая же принадлежность крови в следах, ведущих к дому Филинова, та же, что и крови Курганова. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что эти следы намеренно оставлены Кургановым с целью навести расследование на ложный путь. Для этого он использовал кровотечение из раненой руки. С этой же целью он незаметно для Филинова взял из его инструментов отвертку, а после совершения преступления выбросил инструмент во дворе дома Филинова.

Идентификационные исследования позволили выяснить действительный способ совершения преступления и вскрыть попытку создания ложных улик [457, стр. 93-98].

Установление посредством идентификации подлинных орудий, использованных при совершении преступления, нередко существенно меняет общую картину способа его совершения.

При осмотре места кражи из кассы столовой № 3 Якутторга на подоконнике окна кассы, через которое преступники могли проникнуть в кассу, обнаружили вдавленные следы какого-то инструмента, использованного преступником. В ходе дальнейшего осмотра кассы был найден металлический стержень с заостренным концом, используемым кассиром вместо ключа. Сравнительным исследованием данного предмета и обнаруженных следов “взлома” установлено, что последние оставлены именно этим инструментом. После ознакомления с результатами исследования кассир сознался в инсценировке кражи [231, стр. 123].

Информация, используемая в качестве судебных доказательств, должна

быть доброкачественной как по форме, так и по содержанию. Доброкачественность информации в указанном смысле выражают понятием подлинности. Так, говорят о подлинности рукописных текстов, фотографических снимков, документов. Документ считается подлинным, если он составлен надлежащим лицом в установленной форме и содержит соответствующие действительности сведения.

Значение идентификации состоит в первую очередь в исследовании формы доказательств, проверке правильности информационного канала, по которому поступает доказательственная информация.

Для характеристики информационного канала существенными являются два признака:

1) взаимное соответствие объектов, участвующих в передаче информации (изоморфизм объекта и отображения);

2) соответствие объектов, участвующих в передаче информации материальной обстановке расследуемого события.

Установление путем идентификации несоответствия объекта “своему” отображению дает основание для вывода о том, что исследуемые объекты не образуют целостного информационного канала, а информация, содержащаяся в отображении, не может оцениваться как переданная надлежащим способом. Таковы случаи установления, что тексты и подписи выполнены не теми лицами, от которых они значатся; оттиски печатей и штампов проставлены ненадлежащими клише; фотоснимки в документах изображают не тех лиц, на имя которых выданы документы; пуля, извлеченная из трупа “самоубийцы”, выстрелена не из пистолета потерпевшего и т.п.

Факт несоответствия объекта “своему” отображению влечет отрицательную оценку содержащейся в нем информации. Однако соответствие (изоморфизм) взаимодействующих объектов не предрешает положительной оценки информации.

Так, формальная правильность реквизитов документа (подписей, печати, бланка и т.д.) еще не означает правильности содержащихся в нем сведений по существу. Оценка достоверности доказательственной информации требует ее рассмотрения в системе собранных по делу фактических данных.

Существенное значение имеет исследование связи установленного в результате положительной идентификации искомого объекта с обстоятельствами расследуемого события. В ряде случаев при этом обнаруживается его несоответствие этим обстоятельствам. Искомый объект, установленный в результате идентификации, оказывается не тем объектом, который в данной ситуации мог оставить исследуемые отображения. Так, следы рук и ног преступников на месте кражи оказываются оставленными самими “потерпевшими”;

следы крови на месте “разбойного нападения” оказываются оставленными кровью домашней птицы; взлом хранилищ потерпевших совершен инструментами, к которым имели доступ только “потерпевшие”; анонимное письмо с угрозами в адрес должностного лица оказывается написанным самим должностным лицом и т.п. Такого рода несоответствие также свидетельствует о недоброкачественности содержащейся в отображении информации. Такая информация, естественно, не может быть признана соответствующей действительности, достоверной информацией.

Заслуживает самостоятельного рассмотрения вопрос о доказательственном значении самого факта несоответствия объекта “своему” отображению или несоответствия искомого объекта обстоятельствам расследуемого события.

Значение этого факта отнюдь не ограничивается отрицательной оценкой содержащейся в отображении информации.

Если в процессе расследования обнаруживается факт, противоречащий собранным доказательствам, “не укладывающийся” в логическую систему, объясняющую расследуемое событие, то это может означать только одно из двух: или неправильно установлен противоречащий факт, или связь фактов, образующих логическую систему, является кажущейся, внешней, фактически же они образуют не органическую, целостную систему, а случайный набор, “кучу улик”.

Противоречащие следственной ситуации факты, или, как их принято называть в практике, “негативные обстоятельства”, играют роль пробного камня всей собранной по делу системы фактических данных. Тщательное исследование таких обстоятельств влечет или удовлетворительное их объяснение логическими аргументами системы, в результате чего они перестают быть противоречащими и “ассимилируются” системой, или, если такое объяснение оказывается невозможным, распадение всей системы фактических данных и образование новой системы, основанием которой является данное негативное обстоятельство.

Логическая “неожиданность” негативного обстоятельства, открываемый этим обстоятельством новый аспект исследования, иное освещение уже установленных фактов, необходимость разработки и фактической проверки новой версии - все это характеризует не только большое количество, но и системообразующее качество доказательственной информации, содержащейся в негативном обстоятельстве.

В связи с этим выявление и тщательное исследование негативных обстоятельств должно, как нам представляется, стать рабочим методом проверки и оценки доказательств. В криминалистической литературе на необходимость

обнаружения и исследования негативных обстоятельств указывается обычно в разделе о тактике осмотра места происшествия.

Между тем выявление и исследование таких обстоятельств имеет более общее значение и должно, как нам представляется, рассматриваться как метод построения непротиворечивых доказательственных систем.

Итак, криминалистическая идентификация играет немаловажную роль в проверке и оценке судебных доказательств.

Устанавливая взаимное соответствие или несоответствие объектов, участвующих в передаче информации, следователь и суд посредством идентификации осуществляют проверку информационного канала, анализ формы судебных доказательств. Обнаружение искомого объекта в результате положительной идентификации позволяет исследовать его связь с обстоятельствами расследуемого события. Установление несоответствия искомого объекта этим обстоятельствам также влечет отрицательную оценку содержащейся в отображении информации. Последнее может быть связано с переосмыслением, перестройкой всей системы собранных по делу доказательств.

Рассмотренное направление использования идентификации в доказывании существенно дополняет идентификационные исследования, непосредственно направленные на анализ объективных связей расследуемого события.

В тире одного из вузов Львова во время учебных стрельб получила смертельное ранение в голову Иванникова. Иванникова стреляла из малокалиберного пистолета Марголина с 25-метрового рубежа у левой стенки тира. Одновременно с нею с 50-метрового рубежа по крайним правым мишеням из малокалиберной винтовки стрелял другой участник соревнований - Доценин. Необходимо было установить, из какого оружия была смертельно ранена Иванникова: из своего пистолета или винтовки Доценина.

Решение этого вопроса путем исследования причинной цепи явлений, приведших к смерти Иванниковой, оказалось связанным со значительными трудностями. Идентификация оружия по выстреленной пуле в силу ее деформации оказалась невозможной. Вместе с тем по обстоятельствам дела причастность Доценина к ранению потерпевшей не исключалась. Ценные результаты были получены путем осмотра пистолета, из которого производила стрельбу потерпевшая. При отсутствии следов и помарок крови на наружных поверхностях пистолета в канале его ствола были обнаружены два пятнышка крови. Группа крови в них совпала с группой крови потерпевшей. По заключению эксперта следы крови в канал ствола пистолета могли попасть только при выстреле в упор. Данные обстоятельства указывали на то, что ранение Иванниковой причинено из того пистолета, который использовался ею для стрельбы. Однако полную ясность в обстоятельстве дела внесли исследование и оценка

информации, содержащейся в записках, которые были обнаружены в чемоданчике Иванниковой. В них она объясняла мотивы самоубийства и прощалась с близкими. По заключению эксперта-почерковеда записки были написаны самой Иванниковой. Следует обратить внимание на ошибку следователя, забывшего про вещи потерпевшей, доставленные вместе с нею в больницу и попавшие в руки следователя только спустя 10 дней после происшествия. Идентификация автора записок сразу значительно облегчила бы все расследование [466, стр. 67-70].

6.5. Исследование объективной стороны преступления

Объект преступления и объективные обстоятельства его совершения: время, место, способ и др. - являются существенными элементами предмета доказывания при расследовании любого преступления (ст. 73 УПК РФ). Без установления указанных обстоятельств событие преступления не может считаться установленным, а приговор суда обоснованным. В процессуальном отношении установление указанных обстоятельств во всех случаях необходимо для индивидуализации главного факта.

Преступное действие в большинстве случаев выражено вовне как физическое воздействие одного объекта на другой. В связи с этим установление путем идентификации взаимодействующих объектов, характера и условий их взаимодействия имеет непосредственное значение для выяснения объекта и ряда элементов объективной стороны состава преступления. К их числу относятся предмет преступления; орудия и средства преступления; место преступления; время преступления; причинная связь преступного действия и наступивших вредных последствий.

6.5.1. Установление предмета, орудий и средств преступления

Соотношение объекта и предмета преступления и его правовое значение подробно исследуются наукой уголовного права. Сейчас существенно подчеркнуть, что установление предмета преступления имеет немаловажное значение не только для исследования объекта преступления и его общественно-политической оценки, но и для выяснения других обстоятельств преступления (место, время, способ действия, мотивы и др.).

Общая ориентировка в обстоятельствах расследуемого события начинается обычно с установления предмета преступления и характера направленного на него преступного действия.

Первоначально предмет преступления определяется по совокупности следов преступления, материальных изменений, внесенных в обстановку расследуемым событием.

Предмет преступления является, как правило, носителем различных следов преступления и преступника. Следы могут располагаться как непосредственно на предмете преступления, так и на связанных с ним вещах: вскрытых запорах, взломанных преградах и хранилищах, предметах, положение или состояние которых изменено при совершении преступления, лицах, оказавших преступнику сопротивление, и т.д. В материальной обстановке расследуемого события предмет преступления является как бы фокусом, средоточием разнообразных следов. Одни из них направлены к предмету, другие ведут от него.

Роль идентификации в исследовании предмета преступления состоит в том, что с ее помощью выясняется происхождение, определяется принадлежность, уточняется место предмета преступления в обстоятельствах расследуемого события.

В материальной обстановке преступления нередко обнаруживается не предмет преступления, а связанная с ним вещь. Такова, например, одежда потерпевшего, взломанный и брошенный преступником несгораемый ящик, упаковка, этикетки и ярлыки от похищенных преступниками товаров и т.п. В процессе расследования такого рода вещи успешно могут использоваться для розыска и идентификации предмета преступления.

Без установления тождества предмета преступления с конкретным физическим лицом или вещью его существенные признаки остаются неустановленными. В связи с этим и сам предмет преступления как элемент главного факта не может считаться установленным. Показательно в этом отношении установление личности неопознанных трупов и принадлежности похищенного имущества.

Дело об убийстве не может считаться расследованным, а истина установленной, если личность потерпевшего остается невыясненной. В мировой юридической литературе описывается значительное число судебных ошибок, проистекающих из неправильного определения личности потерпевшего [350; 447, стр. 1014-1015; 469, стр. 107-115].

Большую роль в установлении личности потерпевшего играют научно-технические методы идентификации, основанные на сравнительном исследовании его физических признаков.

Наиболее часто для сопоставления с признаками неопознанного трупа при идентификации используются следующие сравнительные материалы.

А. Данные дактилоскопической регистрации преступников.

Б. Данные о лицах, пропавших без вести.

В. Фотографические снимки, следы, документы и другие источники данных о лицах, которые могут быть по данному делу потерпевшими.

В связи с расследованием дела об исчезновении Мирониной исследовались обнаруженные в различных местах города части расчлененного трупа. Из-за сильных повреждений мягких тканей лица (щеки, губы, нос, подбородок и уши были вырезаны) опознать части трупа по фотоснимкам не представилось возможным. Тогда сравнили отпечатки пальцев рук трупа со следами рук на предметах мебели, столовой посуде и других вещах в квартире Мирониной. Идентификационными исследованиями было установлено, что обнаруженные части трупа принадлежат именно ей.

При совершении хищений и разбойных нападений преступное посягательство направлено на имущество: деньги, ценности, домашние вещи, промышленные товары и т.д.

Для установления предмета преступления вещи, обнаруженные у подозреваемых или в результате их розыска в другом месте, должны быть идентифицированы как те самые вещи, которые изъяты в результате преступления у потерпевших. Без идентификации в большинстве случаев оказывается невозможным проверить объяснения обвиняемых о происхождении обнаруженных у них предметов и доказать, что они являются предметами преступления.

Для сопоставления с признаками обнаруженных вещей при идентификации могут быть использованы следующие сравнительные материалы.

А. Сохранившиеся у потерпевших фотографические снимки с изображением похищенных вещей.

Б. Однородные вещи и материалы, сохранившиеся у потерпевшего или близких ему лиц.

В. Признаки почерка потерпевшего или связанных с ним лиц (в практике имели место случаи установления лиц, выполнивших надписи на товарных ярлыках, прикрепленных к вещам в магазинах, складах, скупочных пунктах и т.д.).

Посредством идентификации предмет преступления может быть установлен только в тех случаях, когда в результате преступного действия на предмете преступления, связанном с ним или взаимодействующим с ним объекте сохранились материальные следы, отображающие признаки воздействующего объекта: следы рук, зубов или иные следы человека, следы орудий, инструментов, транспортных средств, частички материалов, веществ и т.д. Если при физическом взаимодействии такие следы не образовались или не сохранились, установление предмета преступления методами научно-технической идентификации оказывается невозможным.

Это не исключает, однако, возможности опознания предмета преступления.

Под предлогом продажи автомашины житель Нижневартовска Зайченко

выехал вместе с покупателями братьями Самуолисами в Первоуральск. По дороге в лесу он выстрелами из охотничьего ружья убил сначала одного, а затем и второго брата, изъял у них приготовленные для оплаты машины деньги и сверх того еще 2 тыс. рублей, а трупы и ружье спрятал в водоемах.

Полученными деньгами Зайченко расплатился с супругами М., у которых он был долгое время в долгу.

Для изобличения преступника решающее значение имело установление тождества суммы денег и состава купюр, полученных братьями Самуолисами по аккредитивам, и денег, переданных Зайченко супругам М., в уплату долга (5 тыс. рублей - пятидесятирублевыми купюрами). Интересно, что преступник и его автомашина были установлены после долгих и безрезультатных розыскных действий по обозначению номера “37-73 ТЮЯ” на крохотном клочке бумаги, найденном в вещах пропавших без вести братьев в камере хранения Дома крестьянина [см. 353].

Сказанное в равной мере относится и к идентификации орудий и средств преступления[1].

Если предмет преступления представляет одну сторону исследуемого путем идентификации взаимодействия, то орудия и средства преступления представляют его другую сторону.

Орудия и средства преступления выступают обычно как идентифицируемые объекты, устанавливаемые по следам на предмете преступления или связанных с ним вещах. Таковы орудия взлома, орудия убийства и телесных повреждений, орудия подделки документов, технические средства, используемые при запрещенном промысле, и т.п. Предметы преступления и связанные с ними объекты в этих случаях являются носителями следов орудий и средств преступления, идентифицирующими объектами.

В практике, однако, встречаются случаи, когда орудия и средства преступления устанавливаются по следам на них от предмета преступления. Иначе говоря, в качестве идентифицируемых выступают не орудия, а предметы преступления.

Легковой автомашиной была сбита проходившая по обочине дороги женщина. Автомашина, совершившая наезд, была разыскана и идентифицирована по отпечатку металлической гребенки потерпевшей на капоте машины.

В другом случае при наезде на велосипедиста автомашина, совершившая

---

[1] Под орудиями и средствами преступления понимаются вещи, используемые преступником для воздействия на объект (предмет) преступления.

Разграничивая понятия орудий и средств преступления, ряд авторов указывает, что применение орудий связано с активным изменением предметов внешнего мира. Применение же средств имеет подсобное вспомогательное значение [см. 4, стр. 32-33; стр. 252-253].

наезд, была установлена по следам от задней вилки поврежденного велосипеда на крыле автомашины.

В значительном числе случаев взаимодействие орудия и предмета преступления приводят к образованию так называемых “встречных” следов.

Установление “встречных” следов открывает существенную в идентификационном основании возможность суммирования информации. Такое суммирование производится на основе установления происхождения “встречных” следов от одного и того же следового контакта, взаимодействия. Последнее требует самостоятельного исследования и обоснования (см. выше 5.6.2).

Определение физически взаимодействующих объектов методами идентификации или иными методами необходимо, но недостаточно для установления предмета и орудий преступления. Факт взаимодействия еще не определяет функции взаимодействующего объекта (предмет - орудие).

Один и тот же материальный объект может быть в зависимости от обстоятельств и предметом и орудием преступления. Таковы транспортные средства, огнестрельное и холодное оружие, различные инструменты, документы.

Указанные зависимости обосновывают следующую наиболее целесообразную последовательность в исследовании предмета и орудий преступления.

1. Исследование предмета преступления, связанных с ним вещей и следов на них общими оперативно-следственными методами с целью ориентировки в обстоятельствах расследуемого события (предварительный осмотр, опрос очевидцев, собирание оперативной информации).

2. Построение версий о характере и способе преступного действия и использованных при этом орудиях.

Так, при обнаружении колото-резаных ран в зависимости от размера, формы, расположения ран, характера их краев разыскивается холодное оружие типа ножа, кинжала, штыка и т.д.; при обнаружении огнестрельных повреждений в зависимости от типа использованного снаряда, порохового заряда и характера следов выстрела разыскиваются охотничьи ружья, спортивные винтовки, пистолеты, обрезы и т.п.

Неправильная версия об орудии и средствах преступления связана с неправильным определением способа преступления, что может придать всему расследованию ошибочное направление.

Тесная взаимосвязь в определении способа и средств преступления отмечалась рядом авторов [168, стр. 75].

Выбор орудий преступником есть по существу лишь конкретизация, детализация способа совершения преступления, в связи с чем и устанавливаться эти обстоятельства должны в тесной взаимосвязи.

3. Обнаружение и исследование проверяемых объектов с точки зрения

их целевого назначения и физических свойств; сопоставление полученных данных со способом действия преступника и следами преступления.

При этом могут быть получены данные либо подтверждающие версию о происхождении обнаруженных следов, либо исключающие ее.

4. Идентификация предполагаемых орудий преступления по их следам на предмете преступления (или, наоборот, предмета преступления по его следам на орудии преступления).

Существенное значение в доказывании имеет то обстоятельство, что логически определение предмета преступления всегда должно предшествовать определению путем идентификации средств преступления.

Определение предмета преступления связано с общей ориентировкой в расследуемом событии. Определяя общее содержание и направление преступного действия, следователь и суд должны установить и конкретный материальный предмет, на который было направлено преступное действие.

Определение орудий и средств преступления должно отправляться от предмета преступления.

Если предмет преступления следственным путем не определен, т.е. не определены содержание и направление преступного действия, нет оснований и для суждения о его способе и орудиях. Так, например, идентификация автомашины по ее следам в грунте, если неизвестен предмет преступления, не может привести к установлению орудий и средств преступления. Ибо такая автомашина может оказаться как предметом преступления, так и средством его совершения, а в некоторых ситуациях и тем и другим. То же самое можно сказать и относительно идентификации любых других предметов. Иное значение получит идентификация вещи, когда может быть прослежена связь ее с предметом преступления, если, положим, будет установлено, что угнанная автомашина использовалась преступниками для перевозки похищенных вещей.

Рассмотренная взаимосвязь и последовательность установления предмета и орудий преступления имеют, как нам представляется, общее значение для криминалистического исследования.

6.5.2. Роль идентификации в установлении места и времени совершения преступления

Роль идентификации в анализе пространственно-временных связей может оцениваться на основе общего определения идентификации.

Идентификация есть отождествление объекта в его различных проявлениях или состояниях. Поскольку различные проявления и состояния объекта неизбежно связаны с различными моментами времени и участками пространства, отождествление объекта указывает на связь между такими моментами и

участками, т.е. характеризует определенный пространственно-временной континуум.

Сказанное позволяет рассматривать идентификацию как метод исследования пространственно-временных связей расследуемого события.

При исследовании обстоятельств места совершения преступления идентификация (акт или серия актов идентификации) способствует установлению:

а) места совершения конкретного преступления;

б) действий, связанных с преступлением и имеющих значительную пространственную протяженность;

в) связи места обнаружения следов преступления и места его совершения, если они не совпадают;

г) территории, охватываемой преступной деятельностью при совершении длящихся преступлений и неоднократном совершении преступления.

Идентификация объекта, состояние которого соотносится с определенными моментами или отрезками времени, позволяет выяснить существенные для расследования обстоятельства времени расследуемого события.

Результаты идентификации могут использоваться как для общей характеристики способа расследуемого преступления, так и для выяснения отдельных условий и обстоятельств его совершенствования. К их числу относятся:

а) направление воздействия;

б) кратность (число) воздействий;

в) сила и скорость воздействий;

г) взаимное положение субъекта, орудия и предмета посягательства;

д) последовательность воздействий.

6.5.3. Исследование механизмов взаимодействия объектов

Непосредственно путем идентификации устанавливается лишь факт взаимодействия материальных тел. Какое значение может иметь этот факт при установлении предмета доказывания?

Преступное действие в большинстве случаев связано со взаимодействием материальных тел.

“Воздействие на различные предметы внешнего мира, - отмечает В.Н.Кудрявцев, - технические средства, естественные силы и процессы приобретают все большее социальное и юридическое значение... Это относится как к умышленным преступлениям (например, хищение, убийство, должностной подлог, повреждение чужого имущества), так и к совершенным по неосторожности (нарушение правил техники безопасности, нарушение правил вождения автомашины, правил полетов, неосторожное обращение с оружием и т.п.)” [168, стр. 67-68].

Если большинство преступлений связано с физическим взаимодействием материальных тел, а идентификация может рассматриваться как один из методов исследования такого взаимодействия, становится понятным значение и широкое распространение этого метода при расследовании уголовных дел.

В ходе такого исследования осуществляется анализ связи установленных объектов с другими предметами и лицами, фигурирующими в сфере расследования, выяснение их роли в обстоятельствах расследуемого события. На основе такого анализа установленному путем идентификации взаимодействию объектов должна быть дана правовая оценка.

“Одно и то же действие, - отмечает С.Л.Рубинштейн, - может... в разных условиях, в различных системах человеческих отношений означать совсем разные поступки, так же как разные по своему эффекту действия - один и тот же поступок” [280, стр. 252].

“Выстрел из пистолета, - иллюстрирует эту мысль В.Н.Кудрявцев, может быть подвигом в условиях вражеского плена, обыкновенным упражнением по стрельбе в мирных условиях, правомерным актом необходимой обороны при самозащите от бандитского нападения, хулиганским действием при бесцельной стрельбе в условиях города и умышленным убийством при других обстоятельствах. Различное социальное содержание внешне одних и тех же действий приводит здесь, как видно, к различным, подчас противоположным, моральным и правовым оценкам” [168, стр. 69].

В связи с этим использование рассматриваемого направления идентификации в доказывании главного факта предполагает:

1) установление материальных объектов, взаимодействие которых определенным образом связано с расследуемым событием;

2) прослеживание связи установленных объектов с другими установленными по делу лицами, объектами и обстоятельствами;

3) правовую оценку установленных объектов, их взаимодействия и связей.

Роль идентификации в исследовании главного факта неодинакова при расследовании различных категорий преступлений. Особенно значительна она в случаях, когда физическое взаимодействие материальных тел образует существенный элемент главного факта (убийства, кражи, телесные повреждения, разбойные нападения, подделка документов и т.п.). Взаимодействие материальных тел может быть причинно связано с главным фактом или иным образом способствовать его выяснению. Таковы, например, случаи выполнения письма угрожающего содержания по делу об убийстве, пребывания на месте

кражи, использования автомашины, огнестрельного оружия или других предметов, связанных с расследуемым преступлением, и т.д.

В случаях, когда физическое взаимодействие материальных тел не является предметом доказывания (преступления, совершенные в форме так называемого “чистого бездействия”) [237, стр. 178], рассматриваемое направление идентификации теряет свою актуальность. Однако и при расследовании таких преступлений идентификация может широко использоваться для анализа каналов информации о существенных обстоятельствах дела.

Неравноценна роль идентификации и в исследовании отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Особенно значительна роль идентификации в исследовании объектов и обстоятельств, непосредственно связанных с физическим взаимодействием материальных тел. Установление предмета преступления, орудий преступления, лиц, оставивших следы и применивших те или иные орудия, характера взаимодействия материальных тел - все эти вопросы, как правило, связаны с производством криминалистической идентификации. Менее значительна роль идентификации в исследовании таких обстоятельств объективной стороны, как время, место, способ и обстановка совершения преступления.

Субъективная сторона преступления (характер умысла или неосторожности), цели и мотивы преступления исследуются с применением идентификации лишь опосредствованно. Такое исследование возможно лишь постольку, поскольку обстоятельства объективной стороны преступления отражают волевую и интеллектуальную сферу поведения человека.

6.6. Установление преступника и субъективной стороны преступления

Посредством идентификации может быть установлено физическое лицо, действия которого причинно связаны с наступившими в результате преступления вредными последствиями.

Исследование вменяемости, возраста и других существенных в правовом отношении свойств физического лица осуществляется иными методами доказывания.

Рассматривая роль идентификации в установлении субъекта преступления, следует выделить три направления ее применения в доказывании с указанной целью:

1) установление преступника путем его идентификации по следам преступления;

2) установление преступника путем идентификации принадлежащих ему или использованных им вещей;

3) установление преступника по совокупности данных, полученных путем исследования методами идентификации других элементов главного факта (предмета преступления, времени, места, способа и т.д.).

6.6.1. Идентификация преступника по его следам

Непосредственная задача доказывания в этих случаях состоит в установлении причинной связи действий оставившего следы лица с событием преступления.

Если эта связь в данной следственной ситуации очевидна и возникновение отображений в результате действий, направленных на совершение или сокрытие преступления, не вызывает сомнения, установление тождества ведет к установлению преступника.

Заключение эксперта является в этих случаях прямым доказательством виновности идентифицированного лица.

Показательными являются случаи установления исполнителей клеветнических писем и разного рода записок, выполненных преступниками на месте совершения преступления.

В ночь на 24 сентября из магазина Щелкановского сельпо Юхновского района Калужской области была совершена крупная кража промтоваров и денежной выручки. Совершив кражу, вор оставил в денежном ящике, где хранились деньги, записку.

В записке вор, обращаясь, очевидно, к заведующему магазином Василию Щербакову, которого односельчане обычно звали по имени, писал: “Вася, не ищите. Я сделал чисто”.

Содержание записки и обстоятельства ее обнаружения не оставляли сомнения в том, что ее написал преступник.

В дальнейшем по делу была проведена почерковедческая экспертиза, установившая, что текст записки выполнен жителем села Щелканова Гарелиным В. Последний был изобличен в краже.

Если преступник по делу установлен, но скрылся от следствия и суда и разыскивается, экспертное установление тождества личности разыскиваемого и задержанного подозреваемого также является прямым доказательством виновности последнего.

В большинстве случаев, однако, связь отображений, по которым выполнена идентификация, с событием преступления не является очевидной и нуждается в специальном доказывании.

Доказывание такой связи представляет в этих случаях необходимое условие установления преступника посредством идентификации. Для доказа-

тельства такой связи требуется установить, что отображения, по которым проведена идентификация, возникли в результате действий преступника, направленных на совершение или сокрытие преступления и что возникновение исследуемых отображений вне связи с преступлением исключено. Большое значение имеют при этом исследование времени образования отображений и сопоставление его со временем совершения преступления, исследование механизма формирования отображений и сопоставление его со способом совершения преступления.

6.6.2. Исследование системы: субъект-вещь-событие преступления

Доказывание в этом случае характеризуется двумя основными особенностями:

а) первая особенность доказывания состоит в необходимости установления причинной связи обнаруженных вещей с событием преступления, их использование в процессе совершения или сокрытия преступления;

б) вторая особенность доказывания состоит в необходимости установления использования указанных вещей при совершении преступления определенными лицами.

Должны быть, таким образом, исследованы и определены двусторонние отношения вещи: (а) с событием преступления и (б) с конкретным лицом. Только в результате такого исследования идентификация вещи может быть звеном в цепи фактов, ведущих к установлению лица, совершившего преступление.

Лица, принадлежность идентифицированных вещей которым установлена в процессе расследования, нередко ссылаются на то, что принадлежащие им вещи использовались при совершении преступления другими лицами (угон автомашины, позаимствование ружья, топора и т.п.). Такого рода заявления имеют существенное значение, так как прерывают вторую сторону исследуемой связи. Поэтому такие заявления должны быть тщательно исследованы.

По делу об убийстве шоферов Коршукова и Шеколдина привлеченный по делу Нуров изобличался заключением баллистической экспертизы. Эксперт пришел к выводу, что пуля, изъятая из тела Коршукова, выстрелена из пистолета, обнаруженного при обыске у Нурова.

Однако последний заявил, что он дважды давал имеющийся у него пистолет своему знакомому - вору-рецидивисту Репчатову, с которым познакомился после демобилизации и часто встречался в дальнейшем.

Репчатов якобы после “использования” возвратил пистолет Нурову. Проверить указанные обстоятельства в ходе расследования не представилось

возможным. В связи с этим участие Нурова в убийстве и использование при этом огнестрельного оружия должны были быть установлены другими доказательствами. Такие доказательства были найдены при обыске у Нурова. В комнате под обоями, которыми оклеен потолок, под балкой крепления было обнаружено удостоверение шофера Коршукова. На кухне между балкой крепления потолка и потолком нашли удостоверение шофера Щеколдина. Под полом на глубине полуметра в земле нашли передний и задний номерные знаки закрепленной за Щеколдиным грузовой машины МД 42-92. Кроме того, был обнаружен патрон к пистолету ТТ и крупная сумма денег.

Изобличенный указанными доказательствами брат Нурова сознался в преступлении и рассказал об участии в нем Нурова, который убивал шоферов имевшимся у него пистолетом.

В связи с изложенным в процессе расследования должна быть установлена не только принадлежность обнаруженного предмета определенному лицу, но и использование данного предмета конкретным лицом или исключена возможность его использования другим лицом.

Установление принадлежности идентифицированной вещи конкретному лицу и ее использование конкретным лицом представляют самостоятельное исследование. В ходе такого исследования могут быть успешно использованы методы идентификации.

При задержании работниками милиции Пашкова, подозреваемого в совершении кражи, он оказал сопротивление и пытался скрыться. Пашкова задержали и при личном обыске обнаружили магазин к пистолету. Несколько позднее один из свидетелей по делу на месте задержания Пашкова нашел пистолет “Вальтер” модели 8 калибра 6,35 мм. Обнаруженный пистолет был идентифицирован по следам трения на магазине, изъятом у Пашкова.

Заключение эксперта по этому делу использовалось как доказательство хранения обнаруженного пистолета Пашковым и попытки сокрытия этого факта при задержании его работниками милиции.

Установление лица, совершившего преступление, как видно из сказанного, требует исследования его связей с различными вещами.

Связь “лицо-вещь” может иметь различную удаленность от предмета доказывания и, следовательно, различное доказательственное значение. Последнее зависит также от связи вещи с событием преступления. Учитывая обе стороны указанной связи (лицо-вещь, вещь-событие преступления), можно выделить следующие категории связей “лицо-вещь”:

а) принадлежность вещи данному лицу. Например, установлено, что пистолет, найденный на месте преступления, является собственностью Соловьева;

б) использование вещи данным лицом. Например, установление, что пистолет, найденный на месте преступления в день преступления, носил в кармане пальто Григорьев;

в) пребывание данного лица на месте преступления. Например, установлено, что следы ног на месте убийства оставлены Григорьевым;

г) использование вещи на месте преступления данным лицом. Например, установлено, что Григорьев стрелял из пистолета на месте преступления;

д) применение орудия преступления данным лицом (преступное причинение). Например, установлено, что Григорьев стрелял из пистолета, которым причинено смертельное ранение потерпевшему;

е) непосредственное воздействие лица на предмет преступления (непосредственное преступное причинение). Например, установлено, что повреждение на теле потерпевшего нанесено руками или зубами Григорьева.

В процессе доказывания необходимо разграничить указанные категории связей. Их смешение может привести к ошибке в установлении главного факта.

Так, установление принадлежности вещи (ее владельца) не равноценно установлению лица, которое использовало данную вещь, ибо вещь могла быть использована не владельцем, а другим лицом. С другой стороны, использование вещи на месте преступления, например, велосипеда, ножа, топора, так же как и пребывание на месте преступления, не равноценно установлению орудия преступления и преступника. Пребывание на месте преступления и использование при этом определенных вещей могли быть и не связаны причинно с преступлением.

По делу об убийстве Филинова имелись показания очевидцев и других свидетелей. Из этих показаний и заключения эксперта явствовало, что смерть Филинова наступила от ножевого ранения в шею, полученного в ходе драки на перроне вокзала. Один из участников драки, Ардонов, по показаниям свидетелей, размахивавший ножом во время драки, был задержан. У Ардонова был обнаружен большой складной нож со следами крови. Ардонов признал, что участвовал в драке и применял при этом нож. Не исключал он и того, что им нанесено и смертельное ранение Филинову. Казалось бы, что все существенные обстоятельства дела установлены.

Однако неожиданно было выявлено существенное негативное обстоятельство. Оказалось, что повреждение на воротнике рубашки потерпевшего, соответствующее смертельному ранению шеи, значительно меньше по своим размерам ширины лезвия ножа Ардонова. Разница составляла 6 мм. Такое различие не могло быть следствием эластичности ткани и исключало нанесение ранения ножом Ардонова. Как выяснилось в ходе дальнейшего расследования,

Ардонов действительно пользовался ножом во время драки и даже нанес им очень сильный удар в голову одному из противников, от которого последний упал. Удар, однако, был не смертельным, а упавший оказался не Филиновым. Оказалось, что Ардонов не раскрывал ножа и наносил удары его ручкой. Смертельный удар Филинову был нанесен другим участником драки Максимовым. У последнего был перочинный нож с узким лезвием. Это действительное орудие убийства было в результате тщательного осмотра местности найдено. По заключению эксперта, оно полностью соответствовало нанесенным повреждениям.

Таким образом, и факт пребывания обвиняемого на месте преступления, и факт использования в процессе расследуемого события орудий, которыми могут быть причинены преступные последствия, оказываются недостаточными для установления причинной связи действий обвиняемого и наступивших преступных последствий.

Физическое лицо, причинившее преступные последствия, может быть установлено:

1) путем исследования преступных действий данного лица, непосредственно направленных на предмет преступления;

2) путем изучения причинной цепи: лицо - орудие преступления предмет преступления, в которой действия лица приводят к наступлению преступного результата.

Разграничивая рассматриваемые категории связей, следует иметь в виду, что по мере углубления исследования в объектах могут выявляться новые стороны связи, изменяющие ее характеристику. Так, исследование принадлежности вещи приводит к установлению лица, использовавшего данную вещь, выяснение обстоятельств использования вещи может привести к установлению орудий преступления и преступника.

Может оказаться, однако, что исследуемая вещь как в вышеописанном случае, не является орудием преступления и не составляет звена причинной связи, соединяющего субъект и предмет преступления.

Следует вместе с тем иметь в виду, что по мере углубления исследования изменяются не объективные связи действительности, а лишь глубина и точность нашего познания этих связей и их правовая оценка.

Определяя роль идентификации в исследовании сложной связи: “лицо - вещь - событие преступления”, следует подчеркнуть возможность ее использования в анализе как первого (лицо - вещь), так и второго звена (вещь - событие преступления) указанной связи. Физическое взаимодействие объектов, лежащее в основе исследуемой связи, позволяет по следам этого взаимодействия осуществить идентификацию взаимодействующих объектов и проследить их

место в обстоятельствах исследуемого события.

6.6.3. Опосредованное установление преступника методами идентификации

В данном случае идентификация используется для установления преступника через установление других элементов главного факта. В силу довольно тесной корреляции элементов главного факта любой его элемент содержит информацию о других элементах, в частности и особенности о субъекте преступления. Поэтому установление с помощью идентификации времени, места, предмета, мотива, способа преступления может быть использовано для выявления лиц, совершивших преступление. Поскольку установление преступника осуществляется в этих случаях обычными методами доказывания, ограничимся их общей характеристикой.

Обстоятельства времени и места преступления используются для ограничения круга лиц, могущих совершить преступление. При этом чем точнее, детальнее эти обстоятельства установлены, тем больше возможности сужения круга лиц, которые могли совершить преступление. Не случайно поэтому исследование времени и места нахождения подозреваемого в момент совершения преступления (наличие алиби) является обычно исходным при определении его причастности к расследуемому преступлению.

Ряд элементов главного факта содержит указания на групповые и даже индивидуальные особенности преступника. К их числу относится предмет, мотив, способ совершения преступления. Так, в случаях кражи действующих электрических счетчиков, телевизионных кабелей, автомашин объект преступления указывает на определенные профессиональные навыки, необходимые для совершения преступления; уничтожение имущества частных лиц и служебных документов нередко указывает на лиц, непосредственно заинтересованных в указанных последствиях.

Еще более содержательную характеристику преступника дает способ совершения преступления. Физические качества преступника, его психические данные, предрассудки и суеверия, профессиональные навыки, национальные обычаи и всевозможные индивидуальные особенности личности нередко раскрываются в способе действия при совершении преступления.

Мотив и цель преступления также могут представлять индивидуальную характеристику личности преступника. Так, ревность, месть, получение страховой суммы, завладение имуществом после смерти родственника и т.п. мотивы нередко с достаточной определенностью указывают на лиц, заинтересованных в наступлении преступных последствий и совершивших преступление.

6.6.4. Возможности идентификации в установлении субъективной стороны преступления

Непосредственная задача идентификации как одного из специальных методов познания при расследовании уголовных дел ограничена исследованием материальной обстановки расследуемого события; объектов, сохранивших следы и вызвавших их материальных тел: лиц, животных, предметов. Такое решение вопроса об объектах и непосредственных задачах идентификации не снимает, однако, задачи анализа роли идентификации в исследовании элементов субъективной стороны преступления.

Поскольку субъективное всегда находит выражение в объективном, а результат есть воплощенный в действительность замысел, установление методами идентификации объективной стороны преступления позволяет судить о субъективной стороне деятельности преступника. Поэтому в исследовании субъективной стороны исходным является исследование элементов объективной стороны деятельности: определение предмета преступления, места и времени, способа и орудий преступления.

При расследовании приведенного выше дела об убийстве шоферов Коршунова и Шеколдина обыском у обвиняемого Нурова было обнаружено удостоверение убитого шофера Коршунова Г.И. Фамилия убитого в удостоверении была исправлена на “Коршукович”. При исследовании фотокарточки в удостоверении оказалось, что изображенное на ней лицо не имеет сходства с Коршуновым. В то же время сравнением лица, изображенного на этой фотокарточке, с братом обвиняемого - Алаховым было установлено их тождество. После убийства шоферов для перегонки похищенных и предназначенных к продаже автомашин Алахов воспользовался удостоверением убитого шофера. Не имея водительских прав, Алахов оторвал с удостоверения Коршунова фотокарточку и наклеил на него свою фотокарточку, изменив одновременно фамилию владельца.

Установление указанных элементов объективной стороны деятельности преступников во многом способствовало выяснению целей и мотивов их преступной деятельности.

Существенное значение для установления субъекта и субъективной стороны преступления имело идентификационное исследование при расследовании обстоятельств смерти Ани Козловой, обнаруженной в обстановке, указывающей на самоубийство. При расследовании обстоятельств, предшествующих смерти Ани, выяснилось, что на протяжении длительного времени она находилась в крайне угнетенном состоянии. Были данные о том, что причиной такого состояния могло быть ее сожительство с отчимом. О своем тяжелом состоянии и нежелании жить дальше Аня писала в своем последнем письме на

имя родного отца.

Интересные результаты дало криминалистическое исследование данного письма. Как показало исследование почтового штемпеля, письмо было опущено уже после смерти Ани. Наряду с этим было установлено, что, хотя текст письма действительно выполнен Аней Козловой, дата и подпись в нем выполнены не Аней Козловой, а ее отчимом. Установленные экспертизой обстоятельства заставили произвести переоценку всех исходных данных по этому делу. В результате дальнейшего расследования было установлено убийство Ани Козловой отчимом с целью сокрытия преступной связи с ней и последующая инсценировка самоубийства.

6.7. Доказывание причинной связи

6.7.1. Идентификация и причинность

Анализ структуры объективного причинно-следственного отношения и отношения объектов идентификации показывает, что в известных звеньях эти структуры обнаруживают полную аналогию. Так, для отношения “причина (I) - следствие (2)” и отношения “идентифицируемый (I) - идентифицирующий (2) объекты” свойственны одни и те же признаки, а именно:

а) генетическая связь, состоящая в том, что первое порождает второе;

б) последовательность во времени, когда первое всегда предшествует второму;

в) передача материи и движения от первого ко второму;

г) взаимооднозначное соответствие (изоморфизм) структур;

д) необратимость отношения.

Все отмеченные признаки подробно рассмотрены в специальной литературе применительно к структуре причинно-следственного отношения [170, стр. 5-130]. Если рассматривать отношение идентифицируемого и идентифицирующего объектов как возникших в процессе отражения свойств (отображаемое - отображение) [119, стр. 9-10], можно утверждать, что все указанные признаки наличествуют и в этом отношении. Совпадение структур рассматриваемых, отношений показывает, что проблемы тождества и причинности являются взаимопроникающими. Из этого следует также, что идентификация может рассматриваться как универсальный метод анализа причинной связи.

Рассмотрим возможности криминалистической идентификации в анализе следующих важнейших элементов причинной связи.

А. Материальных объектов, между которыми существует причинная связь.

Б. Направления причинной связи.

В. Последовательных звеньев причинной цепи.

6.7.2. Установление объектов и направления развития причинной связи

Причинная связь не существует вне материальных объектов, воздействующих друг на друга, вызывающих материальные изменения и являющихся их носителями. Материальные объекты представляют субстанциональную основу причинной связи и исходный пункт ее дальнейшего исследования по уголовному делу.

В результате идентификации устанавливается объект, вызвавший отображение в другом объекте (идентифицируемый), и объект, это отображение воспринимающий (идентифицирующий). Положительный результат идентификации означает установление факта воздействия одного объекта на другой, что равнозначно установлению причинно-следственного отношения между ними. Положительный результат идентификации означает, таким образом, установление причинно связанных материальных объектов, субстанциональной основы исследуемого причинно-следственного отношения.

Немаловажное значение в анализе причинной связи по уголовному делу имеет, далее, выяснение направления ее развития. Без этого невозможно разрешить основной вопрос правового анализа причинности: о происхождении преступных последствий в результате действий конкретного лица. Установление в результате отождествления идентифицируемого и идентифицирующего объектов способствует решению этой задачи.

Отображение, возникающее в идентифицирующем объекте, есть след, изменение его структуры под воздействием объекта идентифицируемого. Установление объектов идентификации означает поэтому и установление направления воздействия, всегда происходящего от объекта идентифицируемого к идентифицирующему: от пишущего к рукописи, от орудия к следу, от автомашины к частичкам ее покраски на поврежденных предметах и т.д.

Воспринимающий воздействие объект, в свою очередь, не остается в процессе развития причинной связи пассивным. Он сам активно влияет на воздействующий объект, производя в нем более или менее значительные изменения. Изменения воздействующего объекта под влиянием воспринимающего являются вторичными, а по направлению обратными (встречными). При взломе преграды, например, на ней образуются объемные следы орудия взлома (следы прямого причинения). Вместе с тем на самом орудии взлома возникают повреждения (вмятины, зазубрины, царапины) и закрепляются частицы от взломанной преграды (следы обратного причинения).

При обратном воздействии объекты как бы “меняются местами”: воспринимающий становится воздействующим, и наоборот. Однако это не означает, что причина и действие в исходном отношении также меняются местами. Вследствие необратимости причинной связи встречное воздействие приводит к формированию нового причинно-следственного отношения и новой пары объектов идентификации. Если в исходном отношении причиной изменений и идентифицируемым объектом является, положим, орудие взлома, то во встречном - те части преграды, которые оставили следы на орудии взлома.

Разграничение прямого и обратного причинения имеет существенное значение в уголовно-правовом анализе причинной связи. Роль материального объекта (лица или предмета) в обстоятельствах преступления во многом определяется его принадлежностью к источнику прямого, либо обратного причинения. Так, отношения “субъект преступления - жертва”, “орудие преступления - предмет преступления” во многом определяются направлением прямого и обратного воздействия. Отсюда - важность разграничения, например, повреждений, нанесенных преступником при нападении, и повреждений, причиненных его жертвой при самообороне, следов повреждающего орудия от следов поврежденных предметов на нем и т.д.

Следует подчеркнуть, что вопрос о роли и месте объекта в обстоятельствах расследуемого преступления не может решиться только на основе данных о направлении причинной связи, установленных посредством идентификации. Наряду с идентификационным исследованием, для разрешения указанного вопроса должна использоваться вся совокупность сведений о механизме исследуемого взаимодействия, например, о массе, скорости, направлении движения, характере взаимодействующих поверхностей, условиях взаимодействия и других обстоятельствах расследуемого события.

В ноябре на площади Белорусского вокзала был совершен наезд автомашины на женщину со смертельным исходом. Труп потерпевшей оказался между двумя автомашинами “Волга”, ехавшими параллельно одна несколько позади другой. Автомашина с опознавательными знаками такси, бывшая справа спереди, не имела заметных повреждений. Следующая за ней слева автомашина, принадлежавшая частному владельцу, имела небольшую вмятину на облицовке радиатора. Водитель такси утверждал, что потерпевшая сбита его соседом слева. Последний отрицал это. При выяснении виновного решающее значение имело изучение следов прямого и обратного воздействия на одежде потерпевшей и автомашинах. На рукаве плаща потерпевшей оказался отпечаток, оставленный, по заключению эксперта-трасолога, рельефным рисунком эмблемы машины такси. “Волга”, принадлежащая частному владельцу, имела заметно отличающийся рисунок эмблемы. Вместе с тем при

тщательном осмотре автомашины такси на левом ее крыле обнаружили полосы темного цвета, структура которых, по заключению эксперта, полностью соответствовала микроструктуре ткани хлорвинилового плаща потерпевшей. Вмятина на облицовке радиатора другой автомашины могла быть причинена, как показало тщательное изучение механизма происшествия, не телом потерпевшей с большой поверхностью, а только небольшими твердыми предметами, находившимися в хозяйственной сумке потерпевшей.

Результаты идентификационных исследований по этому делу в совокупности с данными о механизме расследуемого автопроисшествия позволили бесспорно установить машину, совершившую наезд, а следовательно, направление и последовательность развития причинной связи, приведшей к преступным последствиям.

Направление причинной связи, устанавливаемое посредством идентификации, может характеризовать как основную линию причинности, так и ее побочные и встречные ветви. Как в первом, так и в последних случаях прослеживание соответствующих звеньев причинной цепи обеспечивает ее детальное исследование, установление непрерывности причинной связи и получение замкнутой системы улик.

6.7.3. Установление развития причинной связи по уголовному делу

Наряду с анализом элементарного звена причинной связи криминалистическая идентификация может использоваться также и для исследования причинной связи по уголовному делу в целом.

Причинная связь лиц, предметов и явлений, характеризующая динамику преступного деяния, не может быть установлена при расследовании сразу и в полном объеме. Вначале, как правило, исследуются последствия преступления, устанавливаются отдельные звенья причинности, взаимосвязь которых и их принадлежность к единой цепи причинности остаются до известного момента проблематичными. Значение криминалистической идентификации состоит в ее способности устанавливать взаимопринадлежность отдельных звеньев причинности, восстанавливать целостную цепь причинно-следственной связи по уголовному делу.

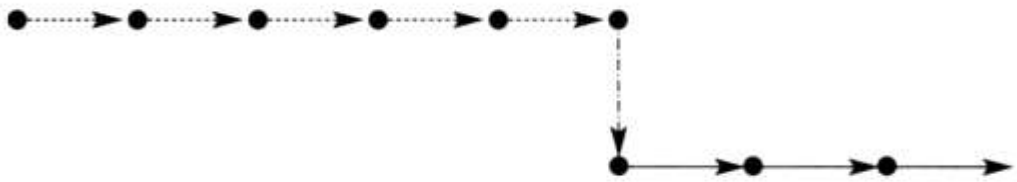
Могут быть выделены две линии причинного следования. Первая линия отправляется от изучения последствий, следов преступного деяния в материальной обстановке расследуемого события. Так, изучая следы взлома и следы пребывания преступника на месте кражи, удается проследить способ его проникновения на место, направление, последовательность и содержание его дей-

ствия, применение им орудий и технических средств, пути ухода и другие обстоятельства совершенного преступления.

Вторая линия отправляется от изучения действий конкретного лица, связь которого с совершенным преступлением является предметом расследования. Приискание и приспособление подозреваемым орудий и технических средств, содержание и последовательность действий этого лица в период, соответствующий времени совершения преступления, все это звенья, характеризующие вторую линию причинного следования.

Одна из центральных задач исследования причинной связи по уголовному делу состоит в установлении, составляют ли рассматриваемые линии причинности единую причинно-следственную цепь или относятся к различным, случайно пересекающимся причинным рядам. Эффективным средством разрешения этой задачи может явиться криминалистическая идентификация. Установление посредством идентификации, что следы действий, причинно связанные с событием преступления, вызваны определенным лицом или использованными этим лицом предметами и техническими средствами, позволяет соединить обе указанные линии причинного следования и рассматривать их как единую причинно-следственную связь.

Обозначив одну линию причинного следования пунктиром, вторую - сплошными стрелками, а их соединение посредством идентификации - двойной линией, получим следующую схему восстановленной целостной цепи причинности:

Эффект соединения отрезков причинной цепи посредством идентификации может быть рассмотрен на любом примере.

Так, обнаружение пули при вскрытии трупа убитого и обнаружение пистолета при обыске обвиняемого не предрешают наличия причинной связи между этими явлениями. До тех пор пока не будет доказано, что пуля, которой причинена смерть, выстрелена из пистолета обвиняемого, указанные факты не могут рассматриваться как звенья одной и той же причинной цепи. Обнаружение следов взлома на месте преступления и инструментов при обыске подозреваемого не предрешает наличия причинной связи между ними. Необходимо доказать, что следы взлома причинены инструментами подозреваемого.

Устанавливаемый идентификацией материальный контакт как бы “замыкает” исследуемые по делу линии причинной связи.

Ноябрьским утром на Харьковском заводе подъемно-транспортного оборудования во время разгрузки железнодорожной платформы упавшей балкой-рамой раздавило бригадира Болотько. По словам производившего разгрузку машиниста железнодорожного крана Куценко, падение балок-рам произошло в тот момент, когда он начал разворачивать стрелу крана. Последняя, как он говорил, не дошла до балок. Эти показания противоречили заявлениям свидетелей о том, что в момент падения балок стрела крана находилась непосредственно над платформой на небольшой высоте. Посредством технической экспертизы было установлено, что падение балок-рам с неподвижной платформы без воздействия внешней силы произойти не могло. В установлении непосредственной причины падения балок-рам с платформы решающую роль сыграли идентификационные исследования.

В ходе осмотра балки-рамы, которой был придавлен Болотько, была обнаружена деформация левого заднего кронштейна. На стреле же крана оказались вмятины со следами вещества такого же цвета, что и краска, которой окрашены балки-рамы. В ходе следственного эксперимента с участием специалиста-криминалиста было установлено, что стрела крана при развороте ее в сторону железнодорожной платформы, будучи поднята не на достаточную высоту, задевает левый задний кронштейн верхней балки-рамы тем самым местом, где на стреле имеются следы краски и вмятина.

Посредством трасологической экспертизы было установлено, что деформация кронштейна балки вызвана стрелой крана в результате их столкновения. Этот вывод подтверждался результатом химического исследования, установившего однородность состава и свойства вещества в соскобах со стрелы крана и краски, которой окрашена балка-рама.

Причинная связь с расследуемым событием балки-рамы, которой была причинена смерть Болотько, устанавливалась осмотром места происшествия и судебно-медицинским исследованием. Результаты идентификации, устанавливающие причину падения балок в результате их столкновения со стрелой крана, “замыкали” причинную связь неосторожных действий Куценко с наступлением смерти Болотько.

Особенно наглядна роль криминалистической идентификации как метода причинного следования по уголовному делу, когда причинная цепь посредством идентификации “замыкается” не в каком-либо одном, а в ряде последовательных звеньев. Эти звенья являются, как правило, наиболее критическими с точки зрения взаимосвязи собранных по делу улик. Так, в ряде уголовных дел посредством идентификации прослеживалась причинная связь следующих материальных тел:

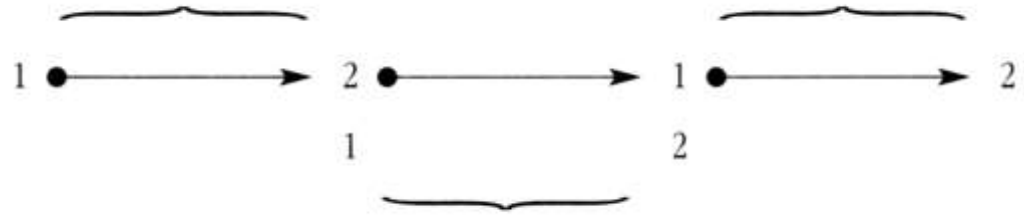
1. Труп - пистолет - стрелявший (путем идентификации оружия по

пуле, извлеченной из трупа, и путем идентификации стрелявшего по следам рук на оружии).

2. Место преступления - брошенная автомашина - водитель (путем идентификации автомашины по ее следам на месте происшествия и путем идентификации водителя по его следам на автомашине).

3. Место поджога - средства поджога - поджигатель (например, путем сравнительного исследования горючей жидкости и идентификации поджигателя по следам рук на бутылке с такой жидкостью).

Если идентифицируемые объекты в этих случаях обозначить цифрой “1”, а идентифицирующие - цифрой “2”, последовательность причинного следования методом идентификации может быть обозначена следующей схемой:

Как видно из приведенных примеров и схемы, последовательное прослеживание причинной связи в ряде звеньев методом идентификации возможно в тех случаях, когда в составе причинной цепи имеется объект, выступающий одновременно в различных отношениях и как источник, и как носитель следов (и как идентифицируемый, и как идентифицирующий объект).

6.7.4. Доказывание причинной связи в составе главного факта

Доказательственное значение устанавливаемых идентификацией звеньев причинной связи может быть различным. Они могут иметь юридическое значение, будучи элементами главного факта. Такова, например, установленная по следам рук на теле убитого связь насильника и жертвы. Они могут быть нейтральными в правовом отношении и составлять содержание доказательственного факта. Такова, например, идентификация топора по следам разруба ветки, обнаруженной на месте преступления. Доказательственное значение устанавливаемых идентификацией элементов причинности обусловлено их отношением к предмету доказывания, их отстоянием от предмета доказывания.

Особое значение при расследовании “материальных” преступлений имеет причинная связь субъекта, орудий, предмета и места преступления.

Физическое взаимодействие указанных элементов образует материальное ядро расследуемого события, а их установленная расследованием взаимосвязь - реальный базис доказывания, основу исследования и установления всех других, в том числе существенных в правовом отношении обстоятельств расследуемого события. Объект преступления, время, место и способ преступления, характер и размер ущерба, нанесенного преступлением, цели и мотивы преступной деятельности - все эти обстоятельства устанавливаются на основе указанной материальной связи: физического взаимодействия тел, приведшего к преступному результату. Сказанное определяет роль криминалистической идентификации в установлении главного факта по уголовному делу.

Наиболее существенным элементом расследуемого события является причинная связь материальных последствий преступления и совершившего его лица. В случаях, когда при совершении преступления на предмете преступления или связанных с ним вещах сохранились следы преступника, или когда на преступнике обнаруживаются следы его контакта с предметом преступления, жертвой или обстановкой места преступления, такая связь может быть установлена непосредственно путем отождествления по следам. Показательны случаи идентификации преступников по следам рук, зубов, ногтей на теле жертвы или поврежденных предметах, случаи идентификации потерпевших по повреждениям на теле или одежде преступников и т.д. С помощью криминалистической идентификации в указанных случаях устанавливается непосредственная причинная связь обвиняемого и материальных последствий преступления. Результаты идентификации отражают здесь ядро главного факта и являются, как правило, прямым доказательством виновности обвиняемого.

При освидетельствовании заподозренного в убийстве супругов Горелик Дудорова на его руках обнаружили следы ссадин, царапин и след укуса на мизинце левой руки. Дудоров показал, что его укусила Журавлева. Последняя подтвердила эти показания. Данные судебно-медицинского исследования, однако, опровергли эту версию. При наличии здоровых и крепких зубов на обеих челюстях Журавлевой ее укус причинил бы глубокие повреждения пальца с двух противоположных сторон. Между тем мизинец Дудорова был поврежден только с тыльной стороны. При осмотре зубов убитого Горелика оказалось, что зубы на нижней челюсти у него отсутствуют. Эксперты дали категорическое заключение о том, что следы укуса на мизинце правой руки Дудорова причинены правым верхним резцом Горелика. Ценные результаты дало также экспертное исследование пятен на блузке и джемпере Журавлевой, которые якобы были испачканы кровью Дудорова. Оказалось, что кровь на платье Журавлевой и кровь убитой жены Горелика относятся к одной и той же третьей группе. Кровь же Дудорова относится к первой группе. Дудоров и Журавлева

были изобличены в убийстве и понесли наказание.

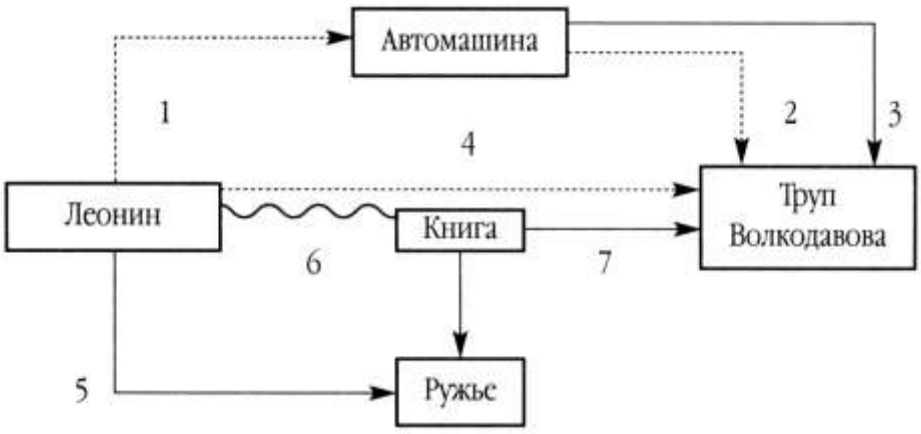
В случаях, когда при совершении преступления применяются орудия и технические средства, причинная связь субъекта с последствиями опосредствуются указанными орудиями и техническими средствами.

При расследовании дела об убийстве шофера колхоза Волкодавова труп последнего был обнаружен в овраге. Смерть наступила от огнестрельного повреждения в спину. Машину убитого с обильными следами крови на сидениях нашли на проселочной дороге. В четырехстах метрах от нее в водосточной трубе под асфальтовым шоссе оказалось двуствольное охотничье ружье со стреляной гильзой и снаряженным патроном в патроннике. Ружье, как удалось установить расследованием, оказалось принадлежащим односельчанину потерпевшего - Леонину.

Серией идентификационных исследований устанавливалась причинная связь всех основных материальных элементов расследуемого события.

Наиболее важным оказалось заключение криминалистической экспертизы о том, что пыж, находящийся в патроне найденного ружья, и пыж, изъятый из тела убитого, сделаны из книги, обнаруженной в доме Леонина. Был установлен и факт использования найденного ружья Леониным. Отпечатки пальцев на ложе этого оружия, по заключению эксперта, оказались принадлежавшими Леонину. Кровь, найденная на одежде Леонина, совпала по группе с кровью убитого и кровью на сидениях его автомашины. Прут орешника, брошенный в автомашине, происходил, по заключению эксперта, от ветки орешника с места обнаружения трупа.

Систему причинных связей, прослеживаемых по этому делу с помощью идентификации, можно представить в следующей схеме:

1, 2, 4 – биологические исследования крови;
3 – трасологическое исследование веток орешника;
5 – дактилоскопическая экспертиза;
6, 7 – исследование пыжей.

Пунктирными линиями в схеме показаны связи, прослеживаемые посредством групповой, а сплошной линией - посредством индивидуальной идентификация. Волнистой линией показана связь, установленная неидентификационными методами. Стрелки показывают направление одностороннего отражения.

Оценивая значение идентификации в анализе причинных связей по уголовному делу, следует учитывать форму вывода о тождестве. Вероятные выводы о тождестве и выводы о групповом тождестве могут использоваться при установлении причинной связи лишь в системе других доказательств.

На примере рассмотренного выше дела видно, как выводы о групповом тождестве в совокупности с другими идентификационными и неидентификационными исследованиями достоверно устанавливают причинную связь субъекта с преступными последствиями.

Ознакомившись с собранными по данному делу доказательствами, обвиняемый Леонин признал себя виновным в убийстве и был осужден.

Посредством криминалистической идентификации может быть прослежена причинная связь материальных элементов не только одного и того же, но и различных преступлений. Установление посредством идентификации факта использования при совершении различных преступлений одних и тех же орудий и средств или факта совершения их одним и тем же лицом или преступной группой имеет весьма большое правовое, процессуальное и криминалистическое значение. Информация, собранная при расследовании одного дела, используется для раскрытия и расследования других преступлений, а объединение дел в одно производство позволяет расследовать их всесторонне и в полном объеме.

VII. ЛИТЕРАТУРА

7.1. Общенаучная и специальная литература на русском языке

1. Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции. Вып. 4, М., 1975.
2. *Аленин А.Л.* Криминалистические учеты. Омск, 1997.
3. *Ананьев В.Т.* Пространственное различение. Л., 1965.
4. *Андреев* В., *Светлов А., Розовский Б.* Орудия и средства совершения преступления // Социалистическая законность, 1963, № 7.
5. *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964.
6. *Арсеньев В.Д.* Вопросы экспертной идентификации в судебном доказывании // Труды ВНИИСЭ. Вып. 8, 1974.
7. *Арсеньев В.Д.* К вопросу о внутреннем убеждении судебного эксперта // Труды ВНИИСЭ. Вып. 5, М., 1973.
8. *Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Т.* Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
9. *Архипов Г.Ф.* Исследование почерка с использованием системы “Экспертиза” и некоторые проблемы теории криминалистической идентификации // Вопросы борьбы с преступностью и судебной экспертизы. Вып. 11, Вильнюс, 1989.
10. *Архипов Г.Ф., Кучеров И.Д.* Новые подходы к использованию опыта верификации тождества с помощью системы “Экспертиза”. Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы. М., 1984.
11. *Асмус В.Ф.* Логика. М., 1947.
12. *Аубакиров А.Ф.* Теория и практика моделирования в криминалистической экспертизе. Дис. д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1985.
13. *Афанасьев В.Т.* Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964.
14. *Афифи А., Эйзен С.* Статистический анализ. Подход с использованием ЭВМ. М, 1982.
15. *Аюб* Ф., *Беляева Е.Б.* и др. Современное состояние идентификации

личности по стоматологическому статусу // Суд. мед. экспертиза, № 4, 1996.

16. *Бартон В.И.* Сравнение как средство познания. Минск, 1978.

17. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики в 3 томах. М., 1997.

18. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. Том 2, М., 1978.

19. *Белкин Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.

20. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. М., 1969.

21. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М, 1973.

22. *Беляева Л.Д., Орлова В.Ф.* Криминалистическая экспертиза факта контактного взаимодействия элементов вещной обстановки места происшествия. Криминалистическое исследование контактного взаимодействия объектов. М., 1982.

23. *Берзин В.Ф.* К вопросу о комплексной оценке признаков при установлении тождества в судебной экспертизе. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 5, Киев, 1968.

24. *Берзин В.Ф.* Логический анализ криминалистических идентификационных задач. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 9, Киев, 1972.

25. *Берзин В.Ф, Ковальчук З.А., Меленевская З.С.* К вопросу о процедуре решения идентификационной задачи комплексной экспертизы вещественных доказательств. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 29. Киев, 1984.

26. *Берзин В.Ф., Ковальчук З.А., Меленевская З.С.* К вопросу о разграничении комплексных и некомплексных идентификационных экспертиз. Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

27. *Берзин В.Ф, Ковальчук З.А, Меленевская З.С.* К вопросу об оптимизации экспертной задачи // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 38. Киев, 1989.

28. *Берзин В.Ф., Ковальчук З.А., Меленевская З.С.* О нереальных идентификационных задачах в теории и практике криминалистической экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 36. Киев, 1988.

29. *Берзин В.Ф, Ковальчук З.А., Меленевская З.С.* О сущности вопроса об установлении контакта (контактного взаимодействия) объектов // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 33. Киев, 1989.

30. *Берзин В.Ф., Ковальчук З.А, Меленевская З.С.* Об идентификационной задаче комплексной экспертизы вещественных доказательств. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 27. Киев, 1983.

31. *Блауберг И.В., Юдин Э.Р.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.

32. *Бордонос Г., Булыга Л.Л.* Методика сравнительного исследования текстильных тканей. Киев, 1963.

33. *Бородин С.В., Палиашвили А.Я.* Оценка научной обоснованности выводов экспертизы // Проблемы судебной экспертизы. Сб. № 1, М., 1961.

34. *Бронникова М.А.* Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств. М., 1947.

35. *Буринский Е.Ф.* Судебная экспертиза документов. СПб., 1903.

36. *Бурмистров И.Л., Гегечкори Л.А, Пчелинцев А.М., Шамина В.А.* Применение программного комплекса “Контраст” при сравнительном исследовании // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 17. М., 1987.

37. *Быховский И.Е.* Производство следственных действий. Л., 1984.

38. *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий. Дис. д-ра юрид. наук. М., 1975.

39. *Ваганов П.А., Лукницкий В.А.* Нейтроны и криминалистика. Л., 1981.

40. *Вандер М.* Схемы криминалистических алгоритмов. СПб., 1998.

41. *Вандер М.Б.* Работа с микрочастицами при производстве следственных действий. Л., 1981.

42. *Вандер М.Б., Майоров Г.В.* Подготовка, назначение и оценка результатов криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. СПб., 1996.

43. *Вандер М.Б., Маланьина Н.И.* Судебная микрология. Саратов, 1988.

44. *Васильев А.Н.* Тактика допроса обвиняемого по делам о хищениях социалистической собственности // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 5. М., 1953.

45. *Васютин А.Л. Кисляков Ю.Д.* Установление вида транспортного средства по комплексу следов, оставленных на одежде потерпевшего // Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1965.

46. *Вентцель Е.С.* Теория вероятностей. М., 1958.

47. *Вехов В.Б.* Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники. Волгоград, 1998.

48. *Виденин В.Л.* Некоторые вопросы классификации, группировки установления групповой принадлежности в теории и практике советской криминалистики // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 21. М., 1974.

49. *Видонов Л.Г.* Криминалистическая характеристика убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. Горький, 1978.

50. *Викарук А.Я.* Основные направления применения математических

методов и ЭВМ в некоторых родах судебной экспертизы. Проблемы автоматизации, создания информационно-поисковых систем и применения математических методов в судебной экспертизе. М., 1987.

51. *Винберг А.И.* Черное досье экспертов-фальсификаторов. М., 1990.

52. *Винберг А.И., Малаховская Н.Т.* Судебная экспертология. Волгоград, 1979.

53. *Винберг А.И., Эйсман А.А.* Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств // Советское государство и право. 1966, № 2.

54. *Винберг Л.А.* Сравнение как метод в криминалистической идентификационной экспертизе. М., 1972.

55. *Виноградов И.В., Кочаров Г.Л. Селиванов Н.А.* Экспертизы на предварительном следствии. М., 1959.

56. *Волчецкая Т.С.* Криминалистическая ситуалогия. М., 1997.

57. *Воронин Ю.А.* Введение в теорию классификаций. Новосибирск, 1982.

58. *Галяшина Е.Я., Фомичева М.И.* Идентификация личности по фонограммам на основе автоматизированного рабочего места эксперта-фоноскописта. М., ЭКЦ МВД России, 1995.

59. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов. Л., 1974.

60. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М., 1949.

61. *Гилберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М., 1967.

62. *Гинзбург А.Я.* Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. М., 1996.

63. *Гнеденко Б.В.* Курс теории вероятностей. М., 1961.

64. *Гнеденко Б.В., Хинчин А.Я.* Элементарное введение в теорию вероятностей. М, 1964.

65. *Гончаренко В.И.* Научно-технические средства в следственной практике. Киев, 1984.

66. *Горбачев И.В.* Информационное обеспечение при индивидуальной идентификации огнестрельного оружия // Экспертная техника. М., РФЦСЭ, 1995, вып. 118.

67. *Гордон Б.Е.* Определение групповой принадлежности материалов (веществ) и математическая статистика. Материалы научной конференции, посвященной установлению групповой принадлежности в практике судебной экспертизы. Киев, 1963.

68. *Гордон Б.Е.* Судебная аналитическая химия, ее задачи и перспективы развития. Материалы всесоюзной научной конференции. Ч. III. М., 1973.

69. *Гордон Б.Е., Мелюшко Т.Е.* Количественный структурно-групповой

анализ малых количеств нефтепродуктов по спектрам поглощения в ультрафиолетовой и инфракрасной областях при судебной экспертизе. М., 1979.

70. *Горский Д.Л.* Логика. М., 1963.

71. *Горский Д.Л.* Познание и проблема отождествления нетождественного. Творческая природа научного познания. М., 1984.

72. *Грамович Г.Л.* Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений. Минск, 1987.

73. *Грановский Г.Л.* Взаимодействие через тождество и тождество через взаимодействие. Вопросы теории и методики экспертизы в целях установления факта контактного взаимодействия элементов вещной обстановки. М., 1978.

74. *Грановский Г.Л.* Новый метод вероятностно-статистической оценки пригодности следов для идентификации // Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях разрешения задач судебной экспертизы. М., 1984.

75. *Грановский Г.Л.* О математической теории идентификации. Правовая кибернетика. М., 1976.

76. *Грановский Г.Л.* Основы трасологии. М., 1974.

77. *Грановский Г.Л.* Понятие и основные положения общей теории решения криминалистических задач. Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М., 1987.

78. *Грановский Г.Л.* Статистические методы оценки признаков при определении групповой принадлежности. Материалы научной конференции, посвященной установлению групповой принадлежности вещественных доказательств в практике судебной экспертизы. Киев, 1963.

79. *Гродзинский М.М.* Улики в советском уголовном процессе. Труды ВИЮН. Вып. 7. М, 1944.

80. *Гузевич В.А., Лозинский Г.Ф.* Комплексное изъятие следов при осмотре мест происшествий связанных с хищениями из металлических хранилищ. М., 1998.

81. *Гущин В.Ф.* Идентификация гладкоствольных ружей по следам на снарядах. Киев, 1973.

82. *Дашков Г.В.* Криминалистическое значение следов для установления личности преступника. Автореф. канд. дис. М., 1967.

83. *Дворкин А.Л.* Осмотр, предварительное исследование и экспертиза вещественных доказательств - микрочастиц. М., 1980.

84. *Дмитриев Е.Л.* Использование современных габтоскопических систем и техники цифровой фотографии при проведении идентификации по при-

знакам внешнего облика // Вопросы криминалистики и экспертно-криминалистические проблемы. ЭКЦ МВД России, 1997.

85. *Драпкин Л.Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

86. *Дубягин Ю.Л., Ким К.В.* Основания и формы комплексного применения криминалистических и специальных методов при установлении личности искомого лица // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. Свердловск, 1987.

87. *Дунин-Барковский И.В., Смирнов Н.В.* Теория вероятностей и математическая статистика в технике. М., 1955.

88. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М.-Л., 1948.

89. *Ермак В.А., Жигалев Н.Ю., Краснобаев А.Ю.* Исследование возможности идентификации орудия взлома по их динамическим следам с использованием ЭВМ // Экспертная практика. М., ЭКЦ МВД России, 1995, вып. 38.

90. *Жбанков В.А.* Криминалистические средства и методы раскрытия неочевидных преступлений. М., 1987.

91. *Жбанков В.А.* Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. М., 1969.

92. *Жбанков В.А., Меглицкий Г.Л.* Криминалистические средства и методы установления лиц, совершивших преступления. М., 1993.

93. *Журавель А.А., Трошко Н.В., Эджубов Л.Г.* Использование алгоритма обобщенного портрета для опознавания образов в судебном почерковедении. Правовая кибернетика. М., 1970.

94. *Звягин В.Л.* и др. Портретная идентификация личности по трупу и прижизненной фотографии // Суд. мед. экспертиза, №1, 1996.

95. *Зиновьев А.А.* Логическая физика. М., 1972.

96. *Иванов П.Л., Гуртовая С.В, Плаксин В.О., Вербовая Л.В., Рысков А.П., Болдеску Н.Г.* Геномная дактилоскопия с использованием в качестве зонда бактериофага М13. Судебно-медицинская экспертиза. 1989, т. 32.

97. *Иванов П.Л.* Использование индивидуализирующих систем на основе полиморфизма длины амплифицированных фрагментов (ПДАФ) ДНК в судебно-медицинской экспертизе идентификации личности и установления родства // Метод. указания. М., 1999.

98. Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956.

99. Информационное письмо о практике назначения и проведения экспертизы наложения микрочастиц. Прокуратура РСФСР. М., 1973.

100. Использование современных технико-криминалистических средств и специальных познаний в борьбе с преступностью. Саратов, 1998.

101. *Каганов А.Ш.* О математических моделях экспертной идентификации и диагностики // Экспертная техника. М., РФЦСЭ, 1995, вып. 125.

102. *Каптерев П.Ф.* О внимании. Педагогический сборник. Спб., 1889.

103. *Каринский М.И.* Классификация выводов. Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956.

104. *Карпович Г.Б.* Классификация вещественных доказательств // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. VIII. М., 1966.

105. *Касимова С.Ш.* Экспертиза с целью установления места и времени изготовления промышленных изделий // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 14. М., 1961.

106. *Кентлер Р.А.* Основные вопросы идентификации и новые возможности ее применения в криминалистике. Автореф. канд. дис. Л., 1963.

107. *Кизнер А.В.* Процессуальные и естественно-научные основы рентгенографических исследований вещественных доказательств в криминалистике. Автореф. канд. дис. М., 1963.

108. *Кирсанов З.И.* Использование теории вероятностей и математической статистики в идентификации. Применение теории вероятностей и математической статистики в судебной экспертизе. М., 1964.

109. *Кирсанов З.И.* Криминалистическая идентификационная операция. Роль судебной экспертизы в социалистическом правовом государстве. Минск, 1989.

110. *Кирсанов З.И.* Математические методы исследования в криминалистике // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

111. *Кирсанов З.И.* Понятие и сущность криминалистического распознавания // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул, 1983.

112. *Кирсанов З.И.* Проблемы методологии советской криминалистики. Методология судебной экспертизы. М, 1986.

113. *Кирсанов З.Л., Орлов П.Т.* Оценка идентификационного значения признаков внешности при отождествлении личности по фотоснимкам. М., 1962.

114. *Козинер Э.Б., Митричев В.С.* Обобщение экспертной практики по криминалистическому исследованию почв // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 6. М., 1973.

115. *Козинер Э.Б., Соколова Л.А.* Значение предварительного исследования почвенных наслоений на объектах-носителях // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 5. 1974.

116. *Козлова Л.Я.* Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Автореферат канд. дис. М., 1976.

117. *Колдин В.Я.* Гносеологическая природа и функции понятий идентификационных свойств и признаков // Вопросы теории судебной экспертизы и совершенствование деятельности судебно-экспертных учреждений. М., 1988.

118. *Колдин В.Я.* Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969.

119. *Колдин В.Я.* Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. М., 1957.

120. *Колдин В.Я.* Идентификация при расследовании преступлений. М., 1978.

121. *Колдин В.Я.* Некоторые вопросы индивидуализации идентифицируемых объектов в процессе судебной экспертизы // Проблемы судебной экспертизы. Сборник № 1. М., 1961.

122. *Колдин В.Я.* Поиск, идентификация, доказывание // Советское государство и право, № 12. 1981.

123. *Колдин В.Я.* Роль вероятного заключения эксперта // Советская юстиция, № 15-16. 1962.

124. *Колдин В.Я.* Судебная идентификация как доказывание тождества // Вопросы криминалистики. Вып. 6-7, М., 1962.

125. *Колдин В.Я.* Уровни уголовно-процессуального доказывания // Советское государство и право, № 11, 1974.

126. *Колдин В.Я.*, *Селиванов Н.А.* Криминалистическая идентификация // Криминалистика социалистических стран / Под ред. Колдина В.Я. М., 1986.

127. Количественный структурно-групповой анализ малых количеств нефтепродуктов по спектрам поглощения в ультрафиолетовой и инфракрасной областях при судебной экспертизе. М., 1979.

128. *Колмаков В.Л.* Идентификационные действия следователя. М., 1977.

129. *Колмаков В.Л.* К вопросу о судебной сфрагистике // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 3, 1948.

130. *Колмаков В.Л.* Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 3. Киев, 1966.

131. *Колмаков В.Л.* О криминалистическом понятии идентификационного периода // Проблемы социалистической законности на современном этапе советского государства. Харьков, 1968.

132. *Колмаков В.Л.* Рефераты докладов объединенной научной конференции. Харьков, 1959.

133. *Колмаков В.Л.* Сущность и задачи идентификации личности в советской криминалистике // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 6, 1955.

134. *Колосова В.М.* О системе спектрографического исследования объектов судебной экспертизы с целью идентификации // Экспертная техника. Вып. 1-2, М., 1963.

135. *Комаринец Б.М.* Криминалистическая идентификация огнестрельного оружия по стреляным гильзам. Канд. дис. М., 1946.

136. *Комиссаров А.Ю., Подлесный А.В.* Идентификация пользователя ЭВМ и автора программного продукта. М., ЭКЦ МВД России, 1996.

137. Комплексная методика идентификации и установления факта контактного взаимодействия орудий преступления / Под ред. *Грановский Г.Л., Беляева Л.Д.* М., 1987.

138. *Кондаков Н.Л.* Введение в логику. М., 1967.

139. *Кондаков Н.Л.* Выдающиеся произведения русской логической науки XIX века. Избранные труды логиков XIX века. М., 1956.

140. *Кондаков Н.Л.* Логический словарь. М., 1971.

141. *Коновалова В.Е.* Идентификационная сущность опознания. Проблемы совершенствования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Алма-Ата, 1974.

142. *Корноухов В.Е.* Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. Красноярск, 1982.

143. *Корноухов В.Е.* Теория и практика комплексных криминалистических исследований свойств человека на основе использования специальных знаний. Автореф. докт.д.ис. М., 1986.

144. *Корноухов В.Е.* Расследование как процесс и его закономерности // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1982.

145. *Корухов Ю.Е.* Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. М., 1998.

146. *Корухов Ю.Г.* Теоретические, методологические и практические аспекты комплексных экспертиз и комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

147. *Корухов Ю.Г.* Экспертиза следов при автодорожных происшествиях в случаях аварий и наездов. М., 1960.

148. Криминалистика и научно-судебная экспертиза. Вып. 3, Киев, 1985.

149. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 3, Киев, 1966.

150. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 34, Киев, 1987.

151. Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 39,1989.

152. Криминалистика социалистических стран / Под ред. *Колдина В.Я.* М., 1986.

153. Криминалистика / Отв. ред. *Яблоков Н.Л.* М., 1999.

154. Криминалистика / Под ред. *Белкина Р.С. и Зуйкова Г.Г.* М., 1968.

155. Криминалистика / Под ред. *Белкина Р.С. и Зуйкова Г.Г.,* том I, М., 1969.

156. Криминалистика / Под ред. *Васильева А.Н.* М., 1971.

157. Криминалистика / Под ред. *Васильева А.Н.* М., 1980.

158. Криминалистика / Под ред. *Голунского С А.* М., 1959.

159. Криминалистика / Под ред. *Митричева С.П., Селиванова Н.А, Шаламова М.П.,* М., 1973.

160. Криминалистика / Под ред. *Яблокова Н.Л., Колдина В.Я.* М., 1990.

161. Криминалистическая экспертиза: исследование документов. Саратов, 1999.

162. Криминалистические исследования контактного взаимодействия объектов // Материалы Всесоюзного научно-практического семинара. М., 1982.

163. Криминалистическое исследование волокнистых материалов и изделий из них. Методическое пособие. Вып. 1-6, М., 1981-1986.

164. Криминалистическое исследование контактно-взаимодействовавших объектов / Под ред. *Беляевой Л.Д. и Пучкова В.А.* М., 1981.

165. *Кринский В.П., Орлова В.Ф.* Возможности использования теории вероятностей для оценки различий частных признаков почерка. Проблемы правовой кибернетики. М., 1965.

166. *Крылов И.Ф.* Были и легенды криминалистики. Л., 1987.

167. *Крылов И.Ф, Бастрыкин А.П.* Розыск, дознание, следствие. Л., 1984.

168. *Кудрявцев В.Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960.

169. *Кудрявцев В.Н.* Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963.

170. *Кузнецов И.В.* Принцип причинности и его роль в познании природы // Проблемы причинности в современной физики. М., 1960.

171. *Кучеров И.Д.* Новые модели дифференционных исследований на базе гибридного интеллекта. Проблемы информационного и математического обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы. М., 1984.

172. *Кучеров И.Д.* Соотношение тождества и различия. Минск, 1968.

173. *Кучеров И.Д.* Теоретические положения методики сравнительного исследования при дифференцировании // Вопросы судебной экспертизы. Тбилиси, 1962.

174. *Ланге Н.К.* Психологические исследования. Одесса, 1893.

175. *Ланцман Р.М.* Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М., 1968.

176. *Ланцман Р.М.* Кибернетическое моделирование при исследовании почерка // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

177. *Ленин В.П.* Полн. собр. соч. Т. 18.

178. Ленинская теория отражения и современная наука (отражение, познание, логика). София, 1973.

179. *Литинский С.А.* Методические вопросы моделирования в судебной автотехнической экспертизе // Основы правовой кибернетики. Сборник научных трудов ВНИИСЭ. Вып. 18, М., 1976.

180. Логика научного исследования. М., 1965.

181. *Локар Э.* Руководство по криминалистике. М., 1941.

182. *Лубин А.Ф.* Взаимодействие участников поисково-идентификационной деятельности. Канд. дис. и автореферат. М., 1981.

183. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. М., 1973.

184. *Лузгин И.М.* Моделирование в расследовании преступлений // Труды ВШ МООП СССР. Вып. 15, 1967.

185. *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания. М., 1969.

186. *Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы // Философские вопросы высшей нервной деятельности в психологии. Л., 1963.

187. *Майлис Н.П.* Криминалистическая экспертиза следов зубов человека. Автореф. канд. дис. М., 1979.

188. *Майлис Н.П.* Судебно-трасологическая экспертиза. М., 2000.

189. *Малютин Ю.М., Экало А.В.* Применение ЭВМ для решения задач идентификации объектов. Л., 1988.

190. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 20.

191. Материалы научной конференции, посвященной установлению групповой принадлежности вещественных доказательств в практике судебной экспертизы. Киев, 1963.

192. *Медведев С.И.* Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. Волгоград, 1973.

193. Медико-криминалистическая идентификация / Под ред. *Тамилина В.В.* М., 2000.

194. Методологические основы научного познания / Под ред. *Попова П.В.* М., 1972.

195. Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983.

196. Методология криминалистики / Под ред. *Пантелеева И.Ф.* М., 1982.

197. *Миньковский Г.М., Михайловская И.В.* Допустимость и относимость доказательств. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966.

198. *Миронов А.И.* Возможности розыска преступника по зубам. Сборник научных трудов. Вып. 1, Вильнюс, 1963.

199. *Митртев В.С.* Актуальные вопросы криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. III. М, 1972.

200. *Митртев В.С.* Вопросы теории судебной идентификации / Труды ЦНИИСЭ. Вып.2. М., 1970.

201. *Митричев В.С.* Идентификация целого по частям (основные положения монографии). М., 1975.

202. *Митричев В.С.* К вопросу установления источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы // Криминалистика на службе следствия. Вып. 15. М., 1961.

203. *Митричев В.С.* Криминалистическая идентификация целого по частям. Теория и практика идентификации целого по частям. Вып. 24. М., 1976.

204. *Митричев В.С.* Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. Саратов, 1980.

205. *Митричев В.С.* Криминалистическое исследование некоторых видов вещественных доказательств методами эмиссионного спектрального анализа. Автореф. канд. дис. М., 1960.

206. *Митричев В.С.* Научные основы и общие положения криминалистических идентификационных исследований физическими и химическими методами. Автореф. докт.д.ис. М., 1971.

207. *Митричев В.С.* Общие положения методики идентификационной экспертизы с использование аналитических методов // Труды ВНИИСЭ. Вып. 4. М., 1972.

208. *Митричев В.С.* Принципы оценки идентификационной значимости признаков источника происхождения боеприпасов к охотничьим гладкоствольным ружьям. Физико-химические методы исследования вещественных доказательств. М., 1966.

209. *Митричев В.С, Таран М.Л.* Основные положения экспертизы в целях установления факта контактного взаимодействия элементов вещной обстановки // Вопросы теории и методики экспертизы в целях установления факта контактного взаимодействия элементов вещной обстановки. М., 1978.

210. *Мишин Ю.В.* Возможности автоматизации процесса, сравнения при производстве судебно-баллистических экспертиз // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 15. М., 1988.

211. *Моисеева Т.Ф.* Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека. М., 2000.

212. *Морозов Б.И.* Трасологическая и судебно-баллистическая экспертиза

// Сб. науч. трудов. Саратов, 1997.

213. *Москатова А.К.* Некоторые результаты исследования информационных процессов эвристическими методами // МГУ. Психологические исследования. Вып. 5. М., 1975.

214. *Моторный И.Д.* Основы криминалистической взрывотехники. М., 1999.

215. Назначение и организация производства судебной экспертизы для установления факта контактного (механического) взаимодействия различного рода объектов / Под ред. *Пучкова В.А.* М., 1985.

216. *Найнис И.В.* Применение корреляционного анализа в судебно-остеологической экспертизе // Кибернетика и судебная экспертиза. Вып. 2. Вильнюс, 1966.

217. *Неструх М.Ф.* Человеческие расы. М., 1965.

218. *Новинский И.М.* Понятие связи в марксистской философии. М., 1961.

219. *Новоселов М.М.* Об абстракции неразличимости, индивидуации и постоянства. Творческая природа научного познания. М., 1984.

220. *Новоселова Н.А.* Криминалистическая идентификационная экспертиза. Минск, 1966.

221. О некоторых возможностях использования естественных наук в работе милиции. М., 1960.

222. Общесоюзный классификатор промышленной и сельскохозяйственной продукции (ВКГОКП). М., 1977.

223. Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы. М., 1987.

224. Общие положения методики криминалистических идентификационных исследований материалов документов / Труды ВНИИСЭ. Вып. 9. М., 1974.

225. *Орлов Ю.К.* Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995.

226. *Орлов Ю.К.* Объект экспертного исследования / Труды ВНИИСЭ. Вып. 8. М., 1974.

227. *Орлов Ю.К.* Спорные вопросы теории идентификации (логико-гносеологические аспекты). Проблемы теории судебной экспертизы. ВНИИСЭ, Сб. научных трудов. М., 1980. № 44.

228. *Орлов Ю.К.* Формы выводов в заключении эксперта. М., 1981.

229. *Орлова В.Ф.* Теория судебно-почерковедческой идентификации // Труды ВНИИСЭ. Вып.6. М, 1973.

230. *Орлова В.Ф., Смирнов А.В.* Принципы алгоритмизации процесса решения задач экспертизы. Проблемы информационного и математического

обеспечения экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы. М., 1984.

231. Осмотр места преступления. М., 1947.

232. Осмотр места происшествия / Под ред. *Васильева А.Н.* М., 1960.

233. Осмотр места происшествия / Под. ред. *Статкуса. В.Ф.* М., 1995.

234. *Пантелеев И.Ф.* Теоретические проблемы советской криминалистики. М., 1960.

235. *Пашкова В.М.* Определение пола и возраста по черепу. Ставрополь, 1958.

236. *Перепечина И.О., Гришечкин С.А.* Вероятностные расчеты в ДНК-дактилоскопии. Методические рекомендации. М., МВД РФ, 1996.

237. *Пионтковский А.Л.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

238. *Плескачевский В.М.* Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. М., 1999.

239. *Плотников М.М.* Генезис основных логических форм. Л., 1967.

240. *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика. Теория и практика математизации и автоматизации информационных процессов и систем в криминалистике. М., 1989.

241. *Полевой Н.С., Хасин В.Т.* О характере заключения эксперта-криминалиста при применении графических идентификационных алгоритмов и его математическом обосновании. Правовая кибернетика. М., 1970.

242. *Поль К.-Д.* Естественно-научная криминалистика / Пер. с нем. под ред. и со вступительной статьей *В.Я. Колдина.* М., 1986.

243. *Поляков В.З.* Математическое решение задачи установления факта контактного взаимодействия с использованием файла описания текстильных волокон // Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий. М., 1986.

244. *Поляков В.З.* О математических аспектах решения задачи установления факта контактного взаимодействия объектов волокнистой природы. Проблемы автоматизации, создания информационно-поисковых систем и применение математических методов в судебной экспертизе. М., 1987.

245. *Попов В.Я.* Розыскная деятельность при расследовании преступлений. Автореф. докт.д.ис. М., 1964.

246. *Постевка К.Д.* Криминалистическое исследование резин и резиновых изделий. Автореф. канд. дис. М., 1986.

247. *Потапов С.М.* Введение в криминалистику. М., 1946.

248. *Потапов С.М.* Принципы криминалистической идентификации // Советское государство и право. № 1. 1940.

249. *Поташник С.Я., Пименов И.Ф.* Исследование устойчивости в следах разрезов и разрывов на металле. Отчет по экспериментальной теме. Рукоп. фонд ВНИИСЭ. М., 1968.

250. *Пошкявичус В.А.* Основания и некоторые возможности применения математических методов в криминалистических исследованиях // Сб. научных работ. Вып. I. Вильнюс, 1963.

251. *Притузова В.А.* Заключение эксперта, как доказательство в уголовном процессе. М., 1959.

252. *Прищепа В.М., Сегай М.Я.* Процессуальные и криминалистические основания идентификационных действий следователя // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 6. Киев, 1969.

253. Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1985.

254. Программированные и ситуалогические методики трассологических исследований // Сб. науч. трудов ВНИИСЭ. Вып. 37. М., 1979.

255. *Прокоп О., Геллер В.* Группы крови человека. М., 1991.

256. *Пучков В.А.* Идентификационные и технические схемы исследования материалов и веществ в судебной экспертизе. Материалы Всесоюзной научной конференции. Ч. III, М., 1972.

257. *Пучков В.А.* Информационное обеспечение судебно-экспертных исследований объектов волокнистой природы. Проблемы информационного и математического обеспечения судебно-экспертных исследований в целях решения задач судебной экспертизы. М., 1984.

258. *Пучков В.А., Поляков В.З.* Некоторые методологические и методические аспекты криминалистического исследования контактно-взаимодействовавших объектов волокнистой природы. Методология судебной экспертизы. М., 1986.

259. *Пучков. В.А., Козлова Л.Я.* Актуальные вопросы судебно-технического исследования волокнистых материалов и изделий из них // Труды ВНИИСЭ. Вып. 7. М., 1973.

260. *Пучкова Т.М.* Основы классификации материалов, веществ и изделий из них для целей судебных экспертиз. Физические и химические методы исследования материалов веществ и изделий // Сб. научн. трудов. Вып. 40. М., 1979.

261. *Ракицкий П.Ф.* Основы вариационной статистики для биологов. Минск, 1961.

262. Распознавание образов / Под ред. *Колерса М.А. и Идена М.* / Пер. с англ. М., 1970.

263. *Ратинов А.Р.* Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

264. *Ратинов А.Р.* Психологические основы расследования преступлений. Автореф. докт.д.ис. М., 1967.

265. *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1950.

266. Рекомендации Всесоюзной научно-практической конференции "Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований". М., 1985.

267. Реферативный обзор основных результатов научных исследований, завершенных в 1997 г. / Сост. *Зинин А.М.* и др., М., ЭКЦ МВД России, 1998.

268. *Реховский А.Ф.* Теоретические основы учения о криминалистических версиях. Владивосток, 1996.

269. Решение экспертной задачи о факте контактного взаимодействия предметов (комплектов) одежды с помощью автоматизированного решающего программного комплекса "Контакт". М., 1987.

270. *Розанов М.И.* Дендрохронологический метод идентификации древесины. Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1965.

271. *Розанов М.П.* Теоретические основы идентификации целого по частям. Автореф. канд. дис. М., 1970.

272. *Розенталь М.М.* Ленин и диалектика. М., 1963.

273. *Розова С.С.* К вопросу о соотношении группировки и классификации. Проблемы исследования систем и структур. М., 1965.

274. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

275. *Романов Н.С.* Вопросы теории идентификации в транспортной трасологии // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 22. Киев, 1981.

276. *Романов Н.С. Киреев В.А.* К вопросу о критике общеметодических положений идентификационного исследования в экспертизе ФКВ // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, КНИИСЭ, 1995., вып. 47.

277. *Романовский В.М.* Применение математической статистики в опытном деле. М., 1947.

278. *Российская Е.Р.* Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.

279. *Ростов М.Л.* О комплексных экспертных исследованиях и их организационно-процессуальных формах. Организационно-правовые проблемы судебной экспертизы. М., 1982.

280. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М., 1957.

281. Руководство для следователей / Под ред. *Селиванова Н.А. и Снеткова В.А.* М., 1998.

282. *Рутковский Л.В.* Основные типы умозаключений. Избранные труды русских логиков XIX века. М., 1956.

283. *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

284. *Рыбников Г.И.* К вопросу о конструктивных изменениях в пистолетах образца 1930 / 1933 гг. системы Токарева (ТТ) // Экспертная техника. Вып. 6, 7. М., 1965.

285. *Савкин А.Б.* и др. Обнаружение, изъятие, исследование и использование микрообъектов в доказывании по уголовным делам. М., 1998.

286. *Садовский В.Н.* К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы // Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1962.

287. *Садомсков Е.В.* Некоторые вопросы диагностики объектов растительного происхождения в судебной биологии // Проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Алма-Ата, 1965.

288. *Салтевский М.В.* Теоретические вопросы установления групповой принадлежности в судебной экспертизе. Автореф. докт.д.ис. Харьков, 1969.

289. *Самарина Т.М.* Экспертно-трасологическое исследование обстановки и вещественных доказательств на месте происшествия. Автореф. канд. дис. М., 1985.

290. *Сахнова Т.В.* Судебная экспертиза. М., 1999.

291. *Свидерский В.М.* Элементы и структура как категории диалектики // Диалектика и логика научного познания. М., 1966.

292. *Сегай М.Я.* Актуальные проблемы психологии экспертной деятельности // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 9. Киев, 1972.

293. *Сегай М.Я.* Актуальные проблемы установления групповой принадлежности материалов (веществ) в теории и практике судебной экспертизы. Материалы научной конференции, посвященной установлению групповой принадлежности вещественных доказательств в практике судебной экспертизы. Киев, 1963.

294. *Сегай М.Я.* Криминалистическая идентификация и особенности ее применения в отдельных видах советской криминалистической экспертизы. Автореф. канд. дис. Киев, 1959.

295. *Сегай М.Я.* Методология судебной идентификации. Киев, 1970.

296. *Сегай М.Я.* О формировании выводов эксперта при разрешении вопроса о тождестве // Сб. научных работ. Вып. 1. Вильнюс, 1963.

297. *Сегай М.Я., Стринжа В.К.* Судебная экспертиза материальных следов-отображений. Киев, 1997.

298. *Седова Т.А.* Проблемы методологии и практики нетрадиционной криминалистической идентификации, Л., 1986.

299. *Седова Т.А.* Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и состава. Докт.д.ис. Л., 1987.

300. *Седова Т.А.* Теория и практика доказывания при идентификации объектов на основе структуры и состава. Автореф. дис. д.ю.н. Л., 1987.

301. *Сейдж Э., Мелсон Дж.* Идентификация систем управления / Пер. с англ. М., 1974.

302. *Селиванов Н.А.* Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 14. М., 1971.

303. *Селиванов Н.А.* Криминалистическая идентификация. В кн. “Советская криминалистика. Теоретичекие проблемы”. М., 1978.

304. *Селиванов Н.А.* Криминалистическая идентификация // Социалистическая законность. 1971, № 3.

305. *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. М., 1982.

306. *Селиванов Н.А.* Установление групповой принадлежности объектов в судебной экспертизе // Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 15. М, 1961.

307. *Селиванов Н.А., Эйсман А.А., Грабовский В.Д., Каминский М.К.* Идентификация и дифференциация в структуре деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Горький, 1960.

308. *Селиванов Н.А., Эйсман А.А., Грабовский В.Д.*, *Каминский М.К.* Теория криминалистической идентификации, дифференциации и дидиктические вопросы специальной подготовки сотрудников аппаратов. БХСС. Горький, 1980.

309. *Семенов Е.В.* Комплексный подход как форма кооперации научного труда. Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983.

310. *Сергаева Г.А.* Криминалистическое исследование шерстяных волокон и изделий из них. Автореф. канд. дис. М., 1982.

311. Системные исследования. М., 1970.

312. *Скоморова А.Г.* Механоскопическая экспертиза производственно-технологических следов. М., 1996.

313. *Скорченко П.Т.* Криминалистика. Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 1999.

314. Следственная ситуация / Под ред. Клочкова В.В. М., 1985.

315. *Снетков В.А.* Криминалистическая диагностика. Спорные вопросы. М., ЭКЦ МВД России, 1998.

316. *Снетков В.А.* Криминалистическая диагностика в деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России по применению экспертно-криминалистических методов и средств. М., ЭКЦ МВД, 1998.

317. *Снетков В.А.* Криминалистическая идентификация и криминалистическая диагностика. Доклад на IX Международном симпозиуме криминалистов социалистических стран. Берлин, 1973.

318. *Снетков В.А.* Портретная криминалистическая идентификация // Криминалистика на службе следствия. Вильнюс, 1967.

319. *Снетков В.А., Виниченко И.Ф.* и др. Криминалистическое описание человека. М., 1984.

320. *Снетков В.А., Зинин В.М., Житников В.С., Овсянникова М.П.* Криминалистическое описание внешности человека. М., 1998.

321. *Собко Г.М.* О математической формализации основных понятий криминалистической идентификации. Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции. Вып. 4. М., 1975.

322. Советская криминалистика на службе следствия. Вып. 15. М., 1961.

323. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. М., 1978.

324. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.

325. Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М, 1987.

326. Современные возможности судебных экспертиз / Науч. ред. *Корухов Ю.Г.,* М., РФЦСЭ, 2000.

327. *Соколовский З.М.* Понятие образцов для сравнительного исследования // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 2. Киев, 1962.

328. Социалистическая законность. 1964, № 1.

329. Статистическая дактилоскопия / Под ред. *Эджубова Л.Г.,* М., 1999.

330. *Сташенко Е.Я.* К вопросу о расчете идентификационной ценности ширины следов полей нарезов на выстреленных пулях // Статистические методы в криминологии и криминалистике. М., 1966.

331. *Стринжа В.К., Сегай М.Я.* Экспертная технологии: функция обеспечения комплексности. Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

332. *Строгович М.С.* Логика. М., 1949.

333. Судебная экспертиза за рубежом. Рефер. информация. 1988, Вып. 3, 4. 1989, Вып. 1, 2.

334. Судебно-медицинская экспертиза. М., 1985.

335. Судебно-почерковедческая экспертиза. М., 1971.

336. *Сулимов К.Т.* Кинетическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам / Автореф. канд. дис. М., 1995.

337. *Сырков.* Понятие орудия преступления. Сборник научно-практических работ судебных медиков и криминалистов. Петрозаводск, 1966.

338. Теоретические и практические проблемы программирования процесса расследования преступлений. Свердловск, 1989.

339. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.

340. Теория и практика идентификации целого по частям // Сб. научных трудов ВНИИСЭ. Вып. 24. М., 1976.

341. Теория и практика организации комплексных исследований / Под ред. *Иванова О.И.,* Л., 1986.

342. *Терзиев Н.В.* Идентификация в криминалистике // Советское государство и право. 1948, № 12.

343. *Терзиев Н.В.* Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. М., 1961.

344. *Тихонов Е.Л.* Понятие установления групповой принадлежности в криминалистике. Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. Барнаул, 1983.

345. *Трусов А.И.* Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

346. *Туманов А.К.* Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств. М., 1961.

347. *Турции Д.А.* Теоретические основы учения о следах в криминалистике. Владивосток, 1983.

348. Телевизионные спектральные системы для криминалистики. НИИ промышленного телевидения “Растр”. Великий Новгород, 2001 г.

349. *Уемов А.И.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963.

350. *Уилъз У.* Опыт теории косвенных улик. М., 1964.

351. Указатель переводов, поступивших в РФЦСЭ в 1991-1995 гг. М., РФЦСЭ, 1996.

352. *Украинцев Б.С.* Информация и отражение // Вопросы философии. 1963. №2.

353. *Урванцев А.* Пропал человек. Правда. 11 ноября 1989.

354. *Ушинский К.Д.* Собрание соч. Т. 8. М., 1952.

355. *Федоров Т.В., Дергай Т.В.* Одорология и ее использование в раскрытии и расследовании преступлений. Минск, 1996.

356. *Филипчук О.В.* Использование графических возможностей компьютерной техники при идентификации личности по черепу и прижизненному фотопортрету методом АГИ. Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1997.

357. Философский энциклопедический словарь. М., 1980.

358. Формальная логика / Под ред. *Чупахина И.Я., Бродского И.Я*, Л., 1977.

359. Формирование для АИПС “Контакт” файла волокон, позволяющего определять их частоты встречаемости. М., 1985.

360. *Хазиев Ш.Я.* Технико-криминалистические методы установления признаков неизвестного преступника по его следам. М., 1986.

361. *Хлынцов М.Я.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов, 1982.

362. *Цветков С.И.* Информационно-аналитическая работа, версии и планирование при расследовании деятельности преступных структур. М., 1994.

363. *Центров Е.Е.* Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988.

364. *Чижаев Н.Я.* Криминалистическое исследование строительных материалов. Автореф. канд. дис. М., 1986.

365. *Шаова Т.Е.* Проблемы теории и практики криминалистической портретной экспертизы лиц монголоидной расы. Автореф. канд. дис. М., 1989.

366. *Шевченко Б.Я.* Криминалистическая экспертиза следов при расследования краж, совершенных с применением технических средств. Канд. дис. М., 1946.

367. *Шевченко Б.Я.* Научные основы современной трасологии. М., 1947.

368. *Шевченко Б.Я.* Свойства поверхностей трасологических объектов (рукописный фонд кафедры криминалистики МГУ). М., 1965.

369. *Шейфер С.А.* Следственные действия. М., 1981.

370. *Шепелин М.Я.* О некоторых особенностях идентификации дроби кустарного изготовления по результатам спектрального анализа // Вопросы судебной экспертизы. Тбилиси, 1962.

371. *Шиканов В.Я.* Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. Иркутск, 1976.

372. *Шиканов В.М.* О допустимости и доказательственном значении вероятных заключений экспертов // Советское государство и право. 1963. № 10.

373. *Шляхов А.Р.* Задачи судебной экспертизы. Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1960.

374. *Шляхов А.Р.* Интеграционные задачи судебной экспертизы и возможные пути их решения // Научные сообщения. Вып. 24. М., 1978.

375. *Шляхов А.Р.* Комплексные исследования в судебной экспертизе // Социалистическая законность. 1985. № 9.

376. *Шляхов А.Р.* Организация и производство криминалистической экспертизы в СССР / Теория и практика криминалистической экспертизы. Вып. 9, 10. М., 1962.

377. *Шляхов А.Р.* Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР. Автореферат докт.д.ис. Л., 1971.

378. *Шляхов А.Р.* Структура экспертного исследования и гносеологическая характеристика вывода эксперта-криминалиста // Труды ВНИИСЭ. Вып. 4. М., 1972.

379. *Шляхов А.Р.* Судебная экспертиза. Организация и проведение. М., 1979.

380. *Шляхов А.Р.* Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. М., 1985.

381. *Шляхов А.Р.* Теория идентификации, ее сущность и значение в криминалистической экспертизе // Труды ВНИИСЭ. Вып. 6. М., 1973.

382. *Шляхов А.Р, Воронков Ю.М.* Современное состояние и основные направления развития научных исследований в области применения математических методов и ЭВМ для решения задач судебной экспертизы. Проблемы автоматизации, создания информационно-поисковых систем и применения математических методов в судебной экспертизе. М., 1987.

383. *Шурих Ф.-Р.* Основные этапы развития теории идентификации в криминалистике ГДР // Вестник МГУ. Серия право. 1981. № 3.

384. *Эджубов Л.Г.* Статистическая дактилоскопия. М., 1999.

385. *Эджубов Л.Г.* Использование графического усреднения письменных знаков при исследовании почерка // Вопросы судебной экспертизы. Баку, 1967.

386. *Эджубов Л.Г.* Кибернетика и некоторые вопросы судебного почерковедения // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

387. *Эджубов Л.Г.* Некоторые проблемы применения математических методов и электронно-вычислительной техники в судебной экспертизе. Основы правовой кибернетики // Сб. трудов ВНИИСЭ. М., 1976. № 18.

388. *Эджубов Л.Г.* Проблемы аксиоматизации теории идентификации и типологии судебно-экспертных задач // Методы исследования в криминалистике и судебной экспертизе. М., 1974.

389. *Эйюсофф П.* Основы идентификации систем управления / Пер. с англ. М., 1975.

390. *Эйсман А.А.* Заключение эксперта. М., 1967.

391. *Эйсман А.А.* О формах связи косвенных доказательств // Вопросы криминалистики. М., 1964.

392. *Эйсман. А.А.* Структурный анализ и моделирование судебных доказательств // Правовая кибернетика. М., 1970.

393. Экспертно-криминалистическая идентификация / Науч. ред. *Колдин В.Я.,* М., РФЦСЭ, 1996, вып. 1-2.

394. *Эльбур Р.Э.* Использование аппарата проективной геометрии в процессе идентификации личности по фотоснимкам // Вопросы кибернетики и право. М., 1967.

395. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. Т. 20.

396. *Эшби У.Р.* Введение в кибернетику. М., 1969.

397. *Юдин Э.Р.* Системный подход и принцип деятельности // Методологические проблемы современной науки. М., 1978.

398. *Яглам Я.М., Яглом И.М.* Вероятность и информация. М., 1957.

7.2. Литература на иностранных языках

399. Aktualni otazky soucasneho vyvoje kriminalistickych metod. Praha, 1983.

400. *Cill P., Jeffereys A., Worlt D.* Forensic Application of DNA "Fingerprints". - Nature. London, 1985, v. 318, p. 577-579.

401. *Dodd B.E.* DNA Fingerprinting in Malters of Family and Crime. Nature. London, 1985, v. 318.

402. Erster Angriff. Band I und 2. - Berlin, 1973, 1982.

403. *Evett I.W., William R.L.* Review of the Sixtee Points Fingerprint Standart in England Wales.Fingerprint. 1995, v. 21. № 82.

404. *Forker A.* Gebrauchsanweisung zur Wer-Zeit-Skale (DDR. Reg. Nr. IY 643 / 66.).

405. Handbuch fur Kriminalisteten. - Berlin, 1987.

406. Handbuch Hafigkeitskriminalitat. - Berlin, 1986.

407. *Hermann.* Grundfragen der Beweisfuhrung im Ermittlungsferfahren. Berlin, 1984, 4. Auflage.

408. Hinwiese zur Suche, Sicherung und Auswertung den Spuren und Vergleichsmaterial. Sowie zu moglichen Untirsuchungsfragen. - Berlin, 1986.

409. *Koristka Ch.* Aktuelle theoretische und praktische Fragen der kriminalistischen Identifizierungstheorie. Berlin, 1972.

410. *Koristka Ch.* Zu einigen aktuallen Problemen der Theorie der kriminalistischen Identifizierung. Forum der kriminalistik, 1968, № 4.

411. Materiale Beweismittel unter besonderer Bemcksichtigung Kriminalistischer Spuren. Teil I-II, Berlin, 1987. 2. Arflage (Autorenkollektiv).

412. *Pjecsak J.* Politische, rechtliche und technische Aspekte der Identifizierunhstheorie und - praxis. Forum der Kriminalistik, 1973, № 5.

413. *Protivinsky M.* Abstraktni objekty kriminalisticke identifikace.

414. *Rogaev E., Shlensky A., Syrokvasheva E., Koravaitseva G., Sacharov R., Stegnova T.* Human genotiposcoping: Humanspecific, sex and paternitig testing of biomaterials by tandem repetifire DNA-elements in forensic scince. Budapest, 1989.

415. *Rohe K.D.* Handbuoh der Naturwissenschaftlichen Kriminalistik. Heidelberg, 1981.

416. *Schicht H.* Zum Gegenstand der kriminalistischen Identifizierung. Forum der Kriminalistik., Sonderheft 3, 1971.

417. *Schurich F.-R.* Die kriminalististische identifizierung bei der Untersuchung von Straftaten. Diss., Berlin, 1984.

418. Sozialistische Kriminalistik. Band 2. Naturwissenschaftliche technische Kriminalistik. Berlin, 1979.

419. Sozialistische Kriminalistik. Band 3 / 1, Band 3 / 2. Kriminaltaktik. Berlin, 1986, 1984.

420. *Stelzer E.* Allgemeine kriminalistische Theorie und Metodologle. Sozialistische Kriminalistik.B.I. Berlin, 1977.

421. *Stelzer E.* Sozialestische Kriminalistik. Band I. Theorie und Metodologe. - Berlin, 1978.

422. *Stoney D.A., Tomton J.J.* A Critical Analisis of Qwantitative Fingaprint Individuality. Models. J. of Forensic Sciences. 1986. V. 31, № 4.

423. *Straus*, Ackermann. Die kriminalistische Untersuchungsplanung. Berlin, 1986.

424. *YefferlysA, Wilson V, Thein S.* Individual Specifec “Fragments” of Human DNA. Nature. London., 1985, v. 316.

7.3. Нормативные акты

425. Арбитражный процессуальный кодекс РФ.

426. ГК РФ.

427. ГПК РСФСР.

428. Закон Российской Федерации “О стандартизации” от 10 июня 1993 г.

429. Закон Российской Федерации “О сертификации продукции и услуг” от 10 июня 1993 г.

430. Инструкция о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР. М., 1978.

431. Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР. МЮ СССР, Прокуратура СССР, МВД СССР, Министерство здравоохранения СССР. М., 1986.

432. Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93. Утвержден Постановлением Росстандарта РФ № 301 от 30 декабря 1993 г.

433. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. “О судебной экспертизе по уголовным делам” СПб. Постановлений Пленумов ВС СССР (1924-1986). М., 1987.

434. Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР. 1924-1970.

М., 1970.

435. УК РФ.

436. Указание МВД РФ от 30 апреля 1996 г. “Об установлении личности граждан по неопознанным трупам”.

437. УПК РСФСР; УПК РФ.

438. Федеральный Закон “О государственной дактилоскопической регистрации в РФ”. Российская газета. М., 1998, 11 августа.

439. Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности” № 133-ФЗ от 12 августа 1995 г.

440. Федеральный закон “О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ” № 73-ФЗ от 02 июня 2001 г.

7.4. Архивы, следственная, судебная и экспертная практика

441. Архив Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз за 1965-1989 гг.

442. Архив Казанской НИИЛСЭ.

443. Архив Казахского НИИСЭ.

444. Архив криминологии и судебной медицины. Вып. III, том I, Харьков, 1927.

445. Архив Московской НИИЛСЭ.

446. Архив народного суда 1 участка Ленинского района г. Шахты.

447. Архив народного суда 4 участка Ворошиловского района г. Воронежа.

448. Архив народного суда Белоярского района Свердловской области.

449. Архив народного суда Дятьковского района Брянской области.

450. Архив народного суда Кеншсепского района Ленинградской области.

451. Архив ЭКУ ГУВД Мосгорисполкома.

452. Инструкция об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР. МЮ СССР, Прокуратура СССР, МВД СССР, Министерство здравоохранения СССР. М., 1986.

453. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1970. М., 1970.

454. Следственная практика. Вып. 17.

455. Следственная практика. Вып. 1.

456. Следственная практика. Вып. 13.

457. Следственная практика. Вып. 139.

458. Следственная практика. Вып. 17.

459. Следственная практика. Вып. 22.

460. Следственная практика. Вып. 36.
461. Следственная практика. Вып. 41.
462. Следственная практика. Вып. 44.
463. Следственная практика. Вып. 56.
464. Следственная практика. Вып. 57.
465. Следственная практика. Вып. 58.
466. Следственная практика. Вып. 6.
467. Следственная практика. Вып. 62.
468. Следственная практика. Вып. 69.
469. Следственная практика. Вып. 73.
470. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1950, № 4.
471. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1951, № 10.
472. Судебная практика Верховного Суда СССР, 1952, № 4.
473. Архив Российского Федерального центра судебных экспертиз при МЮ РФ за 1990-2001 гг.

VIII. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ СУДЕБНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

8.1. Основные понятия[1]

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ - сравнительное исследование отображенных в следах и сравнительных материалах объектов, с целью разрешения вопроса об их тождестве для последующего установления единичного материального объекта и его связи с расследуемым событием [247, стр. 15; 119].

ПОИСКОВО-ИДЕНТИФИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - осуществляемая сцелью раскрытия и расследования преступления деятельность надлежаще уполномоченных лиц, направленная на установление неизвестных материальных объектов и выяснение их связи с расследуемым событием посредством их идентификации по следам [122].

ДОКАЗЫВАНИЕ ТОЖДЕСТВА - используемая в судебном процессе форма установления материальных объектов, связанных с расследуемым событием, на основе идентификационной подсистемы и частной системы доказательств об искомом объекте [120].

ОБЪЕКТЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ - материальные объекты и их отображения исследуемые с целью разрешения вопроса о тождестве [119].

ОБЪЕКТЫ ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫЕ - объекты сравнительного исследования, отобразившиеся в других объектах и представляющие необходимую и достаточную для разрешения вопроса о тождестве совокупность идентификационных свойств [248; 1191-

ОБЪЕКТЫ ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ - вышележащие элементы структуры сложного идентифицируемого объекта, устанавливаемые путем оценки информации, полученной из структурно взаимосвязанных элементов низшего уровня [206].

ОБЪЕКТ КОНЕЧНЫЙ - общая (интегральная) структура сложного идентифицируемого объекта [206].

ОБЪЕКТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ - источники идентификационной информации, получаемой в результате непосредственного исследования с применением технических и тактических средств, приемов и методик [120].

ОБЪЕКТЫ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ - объекты сравнительного исследования, с целью разрешения вопроса о тождестве, отобразившие свойства других объектов и являющиеся носителями информации о них [248; 119].

[1] Ссылки в скобках даны на первоисточники (см. список литературы).

ОБЪЕКТ ИСКОМЫЙ - единичный материальный объект, определенным образом связанный с расследуемым событием, устанавливаемый в результате поисково-идентификационной деятельности и доказывания по его отображениямв обстановке исследуемого события [119].

ОБЪЕКТ ПРОВЕРЯЕМЫЙ - установленный в ходе поисково-идентификационной деятельности единичный материальный объект, предполагаемый искомым и используемый для сравнительного исследования [119].

ОТНОШЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ - отношения между объектами, складывающиеся в результате объективного отражения идентификационных свойств, а также его моделирования в процессе криминалистической идентификации [119, 393, 413].

ОТНОШЕНИЕ ТОЖДЕСТВА - отношение искомого и проверяемого объектовпри положительном разрешении вопроса о тождестве [119].

РАЗЛИЧИЕ - отношение искомого и проверяемого объектов при отрицательном разрешении вопроса о тождестве [119].

ИЗОМОРФИЗМ - отношение идентифицируемого объекта и его отображения (идентифицирующего объекта) [393].

СХОДСТВО - отношение проверяемых объектов [119].

ОБЩАЯ РОДОВАЯ, ГРУППОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ (родовое, групповое тождество) - относимость сравниваемых объектов к одному и тому же подразделению стационарной классификации или специальному классу объектов [343; 306; 390].

ОБЩИЙ ИСТОЧНИК ПРОИСХОЖДЕНИЯ - генетическая общность сравниваемых объектов по условиям и среде возникновения, произрастания, обитания, месту и технологическим условиям изготовления, хранения, транспортировки и эксплуатации [202].

ОТНОШЕНИЯ ЦЕЛОГО И ЧАСТЕЙ - отношения идентифицируемого и идентифицирующих объектов в случаях разделения первого на части [203].

НЕОБХОДИМЫЕ СВОЙСТВА ИДЕНТИФИЦИРУЕМЫХ ОБЪЕКТОВ:

индивидуальность - качественная и количественная определенность системы свойств единичного материального объекта, обусловливающая его отличиеот других однородных, сходных объектов [248];

относительная устойчивость - сохранение индивидуальности объекта в идентификационный период [248];

отображаемость - способность объекта в фиксированном виде запечатлевать в идентифицирующих объектах необходимую для идентификации систему свойств.

СОВОКУПНОСТИ ПРОВЕРЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ:

исходная - минимальное по объему подразделение стационарной классификации или систем классификаций, к которым относится искомый объект [98];

специальный класс - количественно-неопределенная совокупность проверяемых объектов, ограниченная системой идентификационных свойств, выявленных в обстоятельствах конкретного дела [390];

количественно-определенная совокупность - достоверно установленное в конкретных обстоятельствах события число проверяемых объектов [120].

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПЕРИОД: а) общий - временной интервал, напротяжении которого для объектов данного рода сохраняется возможность идентификации [131]; б) ситуационный [126] - временной интервал, ограниченный моментом отображения свойств идентифицируемого объекта в обстоятельствах расследуемого события и временем данного идентификационного исследования [131].

СВОЙСТВА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ - отображенные в следе искомого объекта и образцах используемые для разрешения вопроса о тождестве свойства идентифицируемых объектов [135; стр. 26-27].

ИДЕНТИФИКАЦИОННОЕ ПОЛЕ - отображаемая в следах и используемая для отождествления подсистема качественно-однородных свойств искомого объекта [390, стр. 38].

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ - родовые и индивидуальные признаки идентифицируемого объекта, которые могут отобразиться на идентифицирующем и поэтому привлекаются для идентификации [343]:

общие (интегративные) признаки - признаки, характеризующие объект в целом, отражающие систему его внутренних и внешних взаимосвязей, проявляющихся в его частях [305; стр. 39; 323, стр. 31; 204, стр. 49];

частные (локальные) признаки - признаки, характеризующие свойства отдельных частей, сторон объекта;

родовые (видовые) - классификационные признаки, характеризующие определенную совокупность объектов, например таксон, и ее место в стационарной классификации [118, стр. 54-63];

групповые - признаки, характеризующие специальный класс объектов, выделенный по условиям их бытия в обстоятельствах конкретного дела [390;стр. 35; 204, стр. 39-40];

индивидуальные - признаки случайного происхождения, определенная совокупность которых позволяет выделить объект из числа сходных и однородных объектов;

качественные - признаки объекта, описываемые с использованием терминов [204, стр. 50];

количественные - результаты измерений выраженности различных свойств объекта [204, стр. 50].

СТАДИИ ПРОЦЕССА ИДЕНТИФИКАЦИИ - этапы идентификационного исследования, обеспечивающие последовательное разрешение системы промежуточных задач идентификации [119]:

предварительное исследование - этап идентификации, обеспечивающий организационно-техническую подготовку, информационное обеспечение и планирование работы по исследованию [135];

раздельное исследование - этап идентификации, обеспечивающий установление идентификационных свойств идентифицируемых объектов [135];

сравнительное исследование - этап идентификации, обеспечивающий выявление совпадающих и различающихся свойств сравниваемых объектов [135];

оценка результатов сравнительного исследования - этап идентификации, обеспечивающий объяснение обнаруженных совпадений и различий и обоснование вывода о тождестве [135].

МЕТОДИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ - система методов, приемов и технических средств, обеспечивающая последовательное разрешение промежуточных и конечной задачи идентификационного исследования [366].

АНАЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ - методы раздельного исследования свойств сравниваемых идентифицируемых объектов [247, стр. 51;176].

МЕТОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ - методы сравнительного исследования идентификационных признаков исвойств объектов идентификации [135; 366; 118].

Технические приемы сравнения идентификационных признаков:

- сопоставление;
- совмещение;
- наложение;
- сравнение отображений;
- непосредственное сравнение;
- описательные методы, графические, расчетные [135; 336; 118].

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ - методы объяснения совокупности обнаруженных совпадений и различий свойств идентифицируемых объектов и их достаточности для обоснования положительного или отрицательного вывода:

опытные - основанные на совокупности наблюдений эксперта запроисхождением, условиями отображения и частотой встречаемости идентификационных свойств;

генетические - основанные на исследовании закономерных и случайных связей идентификационных свойств и условий их формирования;

вероятностно-статистические - основанные на определении частоты встречаемости и устойчивости совокупности идентификационных свойств методами теории вероятностей и математической статистики [108; 240].

МЕТОДЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ТОЖДЕСТВА - методы индивидуализации, отождествления и верификации искомого объекта как доказательственного факта в судебном процессе на основе информации о свойствах и отношениях объектов идентификации [124]:

классификационные - индивидуализация искомого объекта с использованием методов систематики и классифицирования [118];

система подкрепления аргументов - методы обоснования выводов о тождестве, основанные на накоплении позитивной или негативной идентификационной информации, а также установлении обстоятельств, косвенно опровергающих факт тождества [390];

ограничения - индивидуализация искомого объекта путем сужения круга проверяемых объектов с использованием информации об обстоятельствах расследуемого события [124];

исключения - сужение круга проверяемых объектов путем исключения из них числа единичного объекта [124];

суммирование - накопление информации об искомом объекте, содержащейся в различных источниках [118];

формирование доказательственных подсистем - систематизация идентификационной информации и информации об искомом объекте [120].

ФОРМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ - типовые ситуации сравнительного идентификационного исследования, обусловленные субъектами и процессуальными условиями идентификации, характером идентификационного поля, способом отражения и формой выражения информации [343]

по процессуальным условиям:

– непроцессуальная - осуществляемая в процессе оперативно-розыскной, административно-правовой и научно-исследовательской деятельности [295, стр. 65];

– процессуальная - осуществляемая в форме судебных и следственных действий [305, стр. 27; 295, стр. 65];

по субъекту идентификации:

экспертная [119], следственная [128], судебная [295], учетно-регистрационная.

ВИДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ - типовые методические ситуации сравни-

тельного идентификационного исследования, обусловленные формой выражения информации, типом идентифицирующего объекта, природой идентификационного поля, механизмом отражения информации

по форме выражения информации в идентифицирующем объекте:

– сигнальная - идентификационная информация выражена в признаках [157];

– знаковая - идентификационная информация выражена в признаках [157].

по типу идентифицирующего объекта:

– по материально-фиксированным отображениям [119];

– по чувственно-конкретным отображениям, по описаниям [248];

по характеру идентификационного поля: морфологическая (сигналитическая), функционально-динамическая, субстанциональная [295; 204];

по механизму отражения идентификационной информации в идентифицирующих объектах:

– идентификация целостных структур - осуществляется по их внешнему отображению на других объектах в результате их взаимодействия [157];

– идентификация разделенного целого - осуществляется на основе признаков, характеризующих собственную структуру и состав идентифицируемого объекта [288];

– идентификация источника происхождения - осуществляется на основе генетической информации, характеризующей место и условия возникновения, обитания, изготовления, хранения, эксплуатации, транспортировки и т.п. выделенных по этим признакам групп объектов [202].

АЛГОРИТМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ - определенная последовательность формализованных предписаний по решению промежуточных и конечной задач идентификации применительно к типовым ситуациям идентификации:

идентификационные - обеспечивающие индивидуализацию объекта в исходной совокупности с определенной степенью вероятности [386, стр. 233];

дифференционные - обеспечивающие разрешение вопроса о том, относится ли исследуемый объект к ограниченному материалами дела кругу проверяемых объектов или исключается из их числа [175];

ВЫВОД О ТОЖДЕСТВЕ - умозаключение субъекта идентификации о тождестве или различии идентифицируемых объектов:

– положительный - констатирует тождество идентифицируемых объектов [378; 343; 118];

– отрицательный - констатирует их различие;

– категорический - констатирует факт тождества (различия) в форме категорического суждения;

– предположительный (вероятный) - констатирует факт тождества в форме предположительного суждения;

– условный - ставит истинность суждения о тождестве в зависимость от факта, подлежащего доказыванию по уголовному делу.

8.2. Специальные термины[1]

Алгоритм решения идентификационной ситуации [453]

Анализ (методы) [119]

Анализ (последовательность) [124]

Анализ (пределы) [124]

Банки данных (БД), натурные коллекции, автоматизированные информационно-поисковые системы (АИПС) [266-267]

Вероятность совокупности свойств [178]

Взаимодействие объектов (встречное) [403]

Взаимодействие объектов, обусловленное их принадлежностью и совместным использованием [407]

Взаимодействие следователя и эксперта [445]

Взаимодействие частей целого объекта [404]

Взаимосвязь идентификационных признаков [276]

Виды идентификации [33]

Визуальные методы [139]

Вывод эксперта (категорический отрицательный) [188]

Вывод эксперта (предположительный) [193]

Вывод эксперта о конкретном источнике происхождения сравниваемых объектов [240,243]

Вывод эксперта о родовом, видовом, групповом тождестве [211]

Вывод эксперта об источнике происхождения сравниваемых объектов [235]

Вывод эксперта об общем источнике происхождения вещественных доказательств [239, 244]

Выводы о тождестве вещей [355]

Выводы о тождестве источника происхождения и делимого целого [362]

Выводы о тождестве лиц [347]

Выводы о тождестве лиц по иным следам [352]

Выводы о тождестве лиц по следам пребывания [351]

[1] Ссылки в скобках даны на страницы книги.

Выводы о тождестве лиц по следам преступления [342-344]
Выводы о тождестве целого по частям [357]
Графические построения [145]
Групповая идентификация [37]
Детализация признаков [254]
Дифференциация [74,188]
Дифференционный алгоритм [33]
Доказательственная подсистема связи [326]
Доказывание и поисково-идентификационная деятельность [384]
Доказывание при дефиците идентификационной информации [296]
Доказывание при количественно-неопределенных совокупностях объектов [257]
Доказывание при ограниченных совокупностях проверяемых объектов [282]
Задача и структура идентификации [94]
Заключение о тождестве (виды) [188]
Знаковая идентификация [34-35]
Идентификационная значимость свойств [164,187]
Идентификационная подсистема доказательств [392]
Идентификационного типа алгоритм [33]
Идентификационное поле [55,115]
Идентификационные ситуации [256]
Идентификационные признаки [25]
Идентификация (следственная и экспертная) [443]
Идентификация и причинность [339,340,480]
Идентификация источника [37]
Идентификация раздельного целого [36]
Идентификация целого [362-369, 396]
Идентификация целостных структур [36]
Идентифицируемый объект [29,61]
Идентифицирующий объект [29, 52-58]
Индивидуализация идентифицируемого объекта [249]
Индивидуализация проверяемого объекта [128-132]
Инструментальные преобразования сигнала [148]
Интегральный синтез [167]
Информационно-коммуникативное доказывание [429]
Информационный сигнал [117,122]
Искомый объект [17]

Использование различных источников информации об искомом объекте[296]
Источники доказательственной информации (исследование) [453]
Исходная совокупность проверяемых объектов (установление) [371]
Исходное множество объектов (генеральная совокупность) [184]
Классификации (вспомогательные) [265]
Классификации по различным основаниям [265]
Классификационные методы [257,19]
Количественно-определенная группа проверяемых объектов [374]
Количественные и качественные методы индивидуализации [252]
Компетенция субъектов идентификации [39]
Компетенция участников доказывания [434]
Комплекс экспертиз [321]
Комплексная интегративная экспертиза [323]
Комплексная коллегиальная экспертиза [323]
Комплексная ситуалогическая экспертиза [324]
Комплексное идентификационное исследование (тактика проведения) [327]
Комплексное исследование (типовая предметная методика) [320]
Комплексные идентификационные исследования [309]
Комплексные идентификационные исследования (структура) [313]
Комплексный коллегиальный синтез [318]
Комплексный ситуационный синтез [319]
Комплексный экспертный синтез (формы) [317]
Концепция идентификации как метода процессуального доказывания тождества [44]
Концепция идентификации как метода разрешения вопроса о тождестве [48]
Концепция идентификации как универсального метода криминалистического исследования [42]
Коэффициент взаимозависимости свойств [180]
Критерий надежности вывода [183]
Логическое доказывание [430]
Место и время события (установление) [468]
Метод исключения [283, 375]
Метод ограничения [282, 373]
Методы (генетические) [268]
Методы конкретизации идентифицируемого объекта [268]
Механизм отражения (исследование) [125-128]

Механизм отражения идентификационных свойств (исследование) [274]
Множественность идентифицируемых объектов [55]
Моделирование искомого объекта [109, 125, 376]
Моделирование проверяемого объекта [128]
Наложение (способ) [141]
Направление развития причинной связи (установление) [481, 484]
Негативные обстоятельства [459]
Непосредственная задача идентификации [22]
Обнаружение источников информации об искомом объекте [18]
Обнаружение следа искомого объекта [371]
Образцы проверяемого объекта [112, 17, 30]
Общая концепция идентификации [41]
Объективная сторона события (исследование) [461]
Объекты идентификации (конечные) [302]
Объекты идентификации (непосредственные) [302]
Объекты идентификации (промежуточные) [302]
Ознакомление эксперта с материалами дела [104]
Ознакомление эксперта с объектами идентификации [108]
Определение количественно-определенной совокупности проверяемых объектов [22]
Определение родовой, видовой принадлежности [21]
Организационные и процессуальные формы комплексных исследований [320]
Орудия и средства преступления (установление) [462]
Оценка различий [161-164]
Оценка результатов сравнительного исследования [31, 97, 158]
Оценка совпадений [32]
Подлинность источника [456]
Поисково-идентификационная деятельность (структура) [370, 381]
Положительная и отрицательная индивидуализация [250]
Предварительное исследование [100]
Предмет преступления (установление) [462]
Предметный интегральный синтез [318]
Принцип взаимодействия [387]
Принцип компетентности [386]
Принцип объективности [385]
Принцип отражения [385]
Принцип разграничения объектов относительно устойчивых и изменяемых [25]

Принцип разграничения сходства и тождества [25]
Принцип разделения идентифицируемых и идентифицирующих объектов [29]
Принцип системности [388]
Принцип целостности [168]
Принципы взаимодействия субъектов идентификации [40]
Принципы доказывания тождества [385]
Причинная связь (доказывание) [480]
Причинная связь в составе главного факта (доказывание) [480-483]
Причины и условия формирования идентификационных свойств [270]
Проверяемый объект [17, 69]
Проверяемый объект (установление) [376]
Процессуальные формы идентификации [38]
Раздельное исследование [114-133, 30, 95]
Распознавание [21]
Родовая, видовая идентификация [37]
Розыск и поисково-идентификационная деятельность [382]
Сигнальная идентификация [34]
Система идентификационных признаков [392, 401]
Система фактических данных об искомом объекте [408, 391]
Система: субъект-вещь-событие (исследование) [473]
Ситуация индивидуального определения [374]
Следственно-экспертная ситуация (анализ, решение) [103]
Следственно-экспертная ситуация (структура) [101]
Следственно-экспертные ситуации [447]
Случайность и необходимость [249]
Сопоставление (способ) [140]
Специальные классификации [372]
Специальный класс проверяемых объектов [372]
Сравнительное исследование [31, 133]
Стадии идентификации [30]
Стадийность и цикличность идентификации [98]
Статистическая выборка [177]
Статистические методы оценки [175]
Статистические методы оценки (условия применения) [182]
Структура процессуального доказывания [426]
Структурный анализ идентифицируемого объекта [301]
Структурный анализ отображений и механизма их образования [308]

Субъект действия (опосредованное установление методами идентификации) [477]
Субъект и субъективная сторона действия (установление) [471]
Субъективная сторона действия (установление) [479]
Субъекты идентификации [38]
Субъекты комплексной оценки идентификационной информации [316]
Субъекты поисково-идентификационной деятельности (компетенция) [386, 404]
Судебная идентификация [9]
Суммирование идентификационной информации (основания) [299]
Суммирование информации [299]
Технологическая схема анализа сложного идентифицируемого объекта [304]
Технологическая схема решения экспертной задачи [315]
Тождество (логические следствия и доказательственное значение) [333]
Требования к экспертным заключениям о родовом тождестве [226]
Уровни идентификации [99]
Уровни процессуального доказывания [427]
Установление единичного идентифицируемого объекта [379]
Установление искомого объекта [23]
Установление исходной совокупности [18,20]
Факт контактного взаимодействия (доказательственный факт) [417]
Факт контактного взаимодействия (концептуальная модель) [411, 413]
Факт контактного взаимодействия (модель решения) [422]
Целостный материальный комплекс как искомый объект [402]
Экспертные версии [109]
Элементарный акт отождествления [93]
Эмпирические методы индивидуализации [254]

ОБ АВТОРЕ

Профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ КОЛДИН является общепризнанным отечественным лидером в разработке теории и методики криминалистической идентификации, играющей системообразующую роль в научной криминалистике. Ему принадлежат приоритеты в разработке основных понятий указанной теории, структуры процесса идентификации на уровне общей и специальных методик, а также алгоритма взаимодействия субъектов поисково-идентификационной деятельности.

В. Я. Колдин родился в 1925 году. Специальное образование получил на экспертном отделении ВШ МВД СССР, во Всесоюзном заочном юридическом институте и аспирантуре Московского юридического института. Практическая и научная деятельность В.Я.Колдина осуществлялась в МВД Каз.ССР в должности начальника НТО, на кафедре криминалистики МЮИ в должности преподавателя и заведующего кафедрой (1948-1954), лектора в составе группы советских криминалистов в КНР и Албании (1954-1957), а с 1957 года по настоящее время на кафедре криминалистики МГУ им. М.В.Ломоносова. Кандидат наук с 1951 г., доктор юридических наук - с 1971 г. В.Я.Колдин - автор более 130 научных работ, в т.ч. 7 монографий, 5 учебников (в соавторстве), ряда научно-практических и учебно-методических пособий. Ученое звание профессора присвоено в 1975 г., почетное звание "Заслуженный юрист РФ" в 1995 г. Подготовил 10 кандидатов и 4 докторов наук, а также ряд зарубежных специалистов. Награжден медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г." и другими.

Вся научная, методическая и учебная работа профессора Колдина осуществляется на основе постоянной и непосредственной связи с практической деятельностью государственных органов. С момента основания он активно участвовал в деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз, в настоящее время является главным экспертом Российского федерального центра судебных экспертиз, членом ряда ученых и специализированных советов. На протяжении 1995-2000 гг. участвовал в рабочих

группах комиссий по подготовке проектов законодательных актов.